

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

XVIII
ВЕК

СБОРНИК

26

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII
ВЕК

СБОРНИК

26

Старое и новое
в русском литературном
сознании XVIII века

Санкт-Петербург
«Наука»
2011

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В76

Ответственный редактор
Н. Д. КОЧЕТКОВА

Ответственный секретарь
А. О. ДЁМИН

Рецензенты:
П. Е. БУХАРКИН, Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

*Исследования осуществлялись при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-04-00109а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-16051д*

ОТ РЕДАКТОРА

В 2008 г. Сектор по изучению русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) преобразован в Отдел. Наш коллектив по-прежнему небольшой, и для его успешной работы, как и раньше, очень важно постоянное сотрудничество с широким кругом специалистов, как отечественных, так и зарубежных. Результатом этого успешного сотрудничества стал очередной сборник академической серии «XVIII век». Среди авторов статей кроме сотрудников Отдела — ученые из других научных учреждений Петербурга, Москвы, Челябинска, из ближнего и дальнего зарубежья: Германии, Италии, США, Украины, Франции.

В соответствии с давней традицией тематика статей разнообразна. Предметом изучения стали разные роды и жанры русской литературы XVIII столетия, творчество наиболее значительных писателей (В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина) и второстепенных, менее известных литераторов (П. Буслаева, П. Г. Гагарина, А. П. Хвостовой и др.). Значительное внимание уделено международным контактам: восприятию в России европейской литературы, переводческой деятельности русских литераторов, участию иностранцев в культурной жизни нашей страны, обращению немецкого драматурга к пьесам, созданным русскими авторами. И развернутые исследования, и сравнительно небольшие работы, посвященные конкретным вопросам, основаны, как правило, на новых материалах, существенно дополняющих и корректирующих устоявшиеся представления. Объединение этих статей в одном сборнике позволяет во многом уточнить общую картину развития русской словесной культуры в век Просвещения.

Традиционный для нашей серии раздел «Публикации» содержит неизвестные ранее тексты произведений: трагедию Н. П. Николева «Светослав», перевод пьесы П. Корнеля «Гораций», выполненный Я. Б. Княжнинным, а также письма А. В. Олсуфьева и А. П. Хвостовой.

В разделе «Библиография» публикуются «Материалы для библиографии сочинений А. Д. Кантемира и литературы о нем» и список научных трудов сотрудницы Отдела Е. Д. Кукушкиной.

СТАТЬИ

П. Е. БУХАРКИН

ПОЭМА П. БУСЛАЕВА «УМОЗРИТЕЛСТВО ДУШЕВНОЕ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ДВИЖЕНИИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Петра Буслаева, точнее, его единственное произведение (или во всяком случае единственное известное нам его произведение) — поэму «Умозрителство душевное», нельзя назвать забытым фактом словесности петровского времени. Не говоря о давних упоминаниях, в настоящее время о Буслаеве и его сочинении писали такие выдающиеся филологи, как В. Н. Топоров и А. М. Панченко;¹ следует назвать и статью Е. Сошкина «„Умозрителство душевное...“ Петра Буслаева в системе поэтики барокко».² В этих достаточно разных и по внешнему объему, и по масштабу внутреннего содержания работах «Умозрителство душевное» рассматривалось преимущественно в контексте барочной литературы, что вполне понятно, — поэма представляет собою один из выразительнейших феноменов восточнославянского, и уж во всяком случае русского, барокко. Вместе с тем «Умозрителство душевное» представляет несомненный интерес в аспекте более, так сказать, узком и одновременно более историчном — как любопытный пример литературного движения первой трети XVIII в.; именно в этом ракурсе поэма и рассматривается ниже. Это среди прочего предполагает обращение не только к тексту буслаевского сочинения, но также и к самому его автору — ведь эволюция словесной культуры того времени направлялась описанной А. М. Панченко сменой писательского типа,³ а это с неизбежностью предполагает учет личностного фактора в истории литературы.

¹ *Топоров В. Н.* Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concetismus: Petr Buslaevs «Umozritel'stvo Duševnoe» // *Slavishe Barockliteratur*. П. München, 1983. S. 57—86; *Панченко А. М.* Буслав Петр // *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1. С. 136.

² *Сошкин Е.* «Умозрителство душевно...» Петра Буслаева в системе поэтики барокко // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 56—69.

³ *Панченко А. М.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 112—128.

Собственно говоря, о культурном облике Буслаева судить довольно трудно; мы знаем о нем очень немногое: не известны ни его отчество, ни годы рождения и смерти, крайне скудны дошедшие до нас его биографические данные.⁴ Он был сыном священника, учился в 1720-х гг. в Славяно-греко-латинской академии, был рукоположен, служил в Успенском соборе в Кремле. По словам В. К. Тредиаковского, потеряв жену, сложил с себя сан: «...по смерти своей жены, оставил сей чин (диакона. — П. Б.) и жил до смерти простолюдином».⁵ Какое-то время Буслаев находился в Петербурге, очевидно служил в Академии наук. Где и когда он умер, неясно; время его кончины можно определить лишь приблизительно — второй половиной 1730-х—1740-ми гг. Впрочем, отсутствие сведений о жизни Буслаева в своем роде очень значимо: исчезновение биографии из памяти нации не только не означает ее отсутствия вообще, но даже и не свидетельствует о культурной незначимости такой биографии: это — ее своеобразная нулевая форма. На фоне людей с яркими судьбами, жизнеописания которых с разной степенью подробности, но все-таки сохранились в их конкретике и детализированности в литературном предании «осмнадцатого столетия», умолчание о Буслаеве выглядит особенно знаменательным и красноречивым. По своей анонимности Буслаев скорее напоминает средневекового книжника, нежели человека Петровской эпохи с ее предельной индивидуализированностью и подчеркиванием личного начала. Тем более выразительным становится след, оставленный им как писателем.

Забывтый как человек, как поэт Буслаев совершенно не был забыт — напротив, его поэма «Умозрительство душевное» была очень высоко оценена уже его современниками, например В. К. Тредиаковским. В статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», приведя вначале некоторые сведения о Буслаеве (кстати, это едва ли не наиболее подробное «описание» его жизни; тем более показательно, что оно занимает всего один абзац), он далее пишет о процитированном фрагменте из «Умозрительства душевного»: «...что выше сего выговорить возможно? Но что и сладостнее, и вымышленнее? Еслиб в сих стихах падение было стоп, возвышающихся и понижающихся по определенным расстояниям; то что сих Буслаевых стихов могло б быть и глаже, и плавнее?»⁶ Эти комплиментарные суждения повторяет и Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях», и Н. М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов». Последний специально подчеркивает свою солидарность с Тредиаковским: «Хотя вкус и свидетель-

⁴ См.: *Панченко А. М.* Бусласв Петр. С. 136.

⁵ *Тредиаковский В. К.* О древнем, среднем и новом стихотворении российском // *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 438.

⁶ Там же. С. 440---441.

ство творца „Гилемахиды“ не очень надежны, однако ж на сей раз подпишем его судейское определение, с некоторым исключением, и скажем, что в стихотворении Буслаева подлинно есть *и вымысел, и гладкость*». ⁷ С сочувствием упомянут Буслаев П. А. Плетневым уже в начале XIX в. (1819 г.), попал он и в «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча (1822 г.). Подобная лестная для автора, особенно старинного силлабического поэта, репутация основывается на исключительных литературных достоинствах буслаевского сочинения.

* * *

Полное название поэмы Петра Буслаева следующее: «Умозрительство душевное, описанное стихами, о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой, изданное в Москве 1734, генваря в 20 день чрез усерднейшего слугу ея Петра Буслаева. Печатано в Санкт-Петербурге в типографии Академии Наук 1734 года, марта в день...». Вместе с поэмой была напечатана и эпитафия М. Я. Строгановой, являющаяся своего рода ее продолжением уже в ином текстовом пространстве; данная эпитафия усиливает присущую произведению гетерогенность, делая его текстом сложной структуры. Сама поэма, о которой и пойдет речь, состоит из двух симметричных частей по двести стихов в каждой. В соответствии с традицией славянского силлабического стихотворства «единицей текста Петр Буслаев считает двустипхи (по его терминологии — это «стих»; в более ранний период в этом значении употреблялось слово «вирша»)).⁸ Соответственно в обеих частях по сто таких «стихов», пронумерованных автором. Кроме того, в поэме присутствует и прозаический комментарий,⁹ обнаруживающий определенную структурную соотношенность с эпитафией и определяющий уже отмеченную текстовую гетерогенность «Умозрительства душевного...» Комментарий весьма разнороден, он включает в себя и простое прозаическое переложение стихотворного текста, и указания на некоторые конкретные факты, например на место погребения М. Я. Строгановой, и литературные пояснения. Последние прежде всего представляют собой объяснение аллегорических эмблем, достаточно часто встречающихся в поэме; но не только — в ряде случаев Буслаев называет используемые им риторические приемы

⁷ Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 107.

⁸ Панченко А. М. Примечания // Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 392.

⁹ Современные исследования показали семиотический статус числовых показателей поэмы; на это обращал внимание В. Н. Топоров. См. также: Сошкин Е. «Умозрительство душевное...» Петра Буслаева в системе поэтики барокко. С. 57–58.

(в частности, тропы); указывает он и на литературные источники своего текста.

Так, стихи

Скрежетали зубами, визжали нелепо,
О стены и о землю разшибались слено.
Кто на кого ни взглянет, слез унять не может;
Всякого также печаль терзает и гложет.¹⁰

и следующие за ними сопровождаются таким пояснением: «Все сие описание острейшия лютости сей болезни сердечной и печали, в которое время все делает без рассуждения слабость человеческая и здравые правления ума посмеиваются. Многие подобные сему суть описания поетов Виргилия, Овидия, Гомера (в тексте Голгера) и прочих».¹¹ Подобного рода примечания обнаруживают в Буслаеве начитанность в европейских авторах. Начитанность эта была, скорее всего, весьма серьезной. Так, по мнению В. Н. Топорова, Буслаев ориентировался, в частности, и на «Потерянный Рай» Дж. Мильтона; он мог узнать о поэме английского поэта от А. Г. Строганова, первого русского переводчика Мильтона, сына М. Я. Строгановой.¹²

О европейском литературном кругозоре автора свидетельствует и сам дух «Умозрительства душевного». Нельзя не согласиться с А. М. Панченко, что поэма отмечена явной ориентацией на «поэзию католического барокко (это выразилось и в религиозной экзальтации, и в использовании в композиции христианской числовой символики — девять разделов каждой части соответствуют «деяти блаженствам», т. е. девяти заповедям Нагорной проповеди)».¹³ Связь буслаевской поэмы с европейской поэтической традицией, с середины XVII в. постепенно укореняющейся в России в украинской огласовке, действительно очевидна. Уже тема смерти, «танатоса», сразу же указывает на близость поэмы барочному мирозерцанию с характерной для него идеей *memento mori*; причем тема эта разрабатывается Буслаевым во многом «на эстетических принципах барокко».¹⁴ «Умозрительство душевное» легко поставить в опреде-

¹⁰ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 291.

¹¹ Там же. С. 393.

¹² Перевод А. Г. Строганова был опубликован в 1745 г., но работа над ним шла долгое время. В. Н. Топоров полагает, что Строганов, знавший и ценивший Буслава, мог беседовать с ним о Мильтоне (см.: Toporov V. N. Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concettismus... S. 57—86). Надо заметить, что Милтон вызывал интерес у многих литературных людей середины XVIII в. См.: *Левин Л. Д.* Милтон // Русско-европейские литературные связи. XVIII век. СПб., 2008. С. 151—152.

¹³ *Панченко А. М.* Буслаев Петр. С. 136.

¹⁴ *Сазонова Л. Н.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 701. Подробно см. об этом: *Toporov V. N.* Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concettismus... S. 57—86.

ленный литературный ряд, открывающийся, вероятно, разделом «Смерть» из «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого и включающий в себя стихотворные произведения соответствующей направленности Сильвестра Медведева («Епитафион»), Кариона Истомина (эпитафия царице Наталии Кирилловне), Стефана Яворского («Emblemmata et Symbola...»), посвященные памяти Варлаама Ясинского), Феофана Прокоповича («Новопреставльшемуся иеродиакону Адаму эпитафион» — существующий в латинском оригинале и авторском русском переводе и являющийся интереснейшим примером семинарски-смеховой реализации темы смерти). Здесь же надо назвать замечательную поэму Андрея (Яна) Белобочкокого «Пентатеугум...» и «Элегию о смерти Петра Великого» В. К. Тредиаковского.¹⁵ Естественное, перечень этот можно еще долго продолжать. Данная поэтическая традиция неразрывно переплетается с ораторской прозой, с многочисленными «Словами на погребение...», а также с «мистеральной» линией развития школьной драматургии, в которой изображение «потустороннего», «высшего» мира занимало большое место, свидетельством чему могут служить первые пьесы московских школьных театров, подобные «Ужасной измене сластолюбивого жития» и «Страшному изображению второго пришествия»; или же театральные творения Дмитрия Ростовского («Успенская драма (Комедия на успения Богородицы)», «Рождественская драма (Комедия на Рождество Христово)»)).¹⁶

Пожалуй, из этого контекста «Умозрителству душевному» наиболее близки «Пентатеугум» Я. Белобочкокого и «Элегия о смерти Петра Великого» В. К. Тредиаковского: первый — своей мистической насыщенностью, на текстовом уровне проявляющейся в дерзновенной (хотя и привычной для барочного сознания) попытке прямого описания трансцендентного мира, в том числе — и райского блаженства («Песнь 4. Вечна блаженных слава»);¹⁷ вторая — крайней

¹⁵ Пользуюсь случаем в очередной раз выразить благодарность Н. Ю. Алексеевой, с которой мы обсуждали проблемы, возникающие при рассмотрении «Умозрителства душевного...».

¹⁶ То обстоятельство, что в школьных пьесах речь обычно идет не о блаженстве праведников, но о наказании грешников и адские силы чаще появляются на сцене, нежели силы небесные, не отменяет интересующего нас сходства с поэмой Буслая, а важен сам принцип.

¹⁷ «Пентатеугум» — центральное стихотворное произведение Андрея Христофоровича (Яна) Белобочкокого (сер. XVII—нач. XVIII в.) — поляка по происхождению, странствовавшего и учившегося в Западной Европе (Германия, Франция, Италия и Испания), в 1681 г. оказавшегося в Москве. В 1682 г. Белобочкий принял Православие, хотя в течение последующей жизни неоднократно обвинялся в католических симпатиях. Он был автором риторических и философских трактатов, из которых самым значительным был «Великая и правдивая наука Раймунда Люллия» (1698—1699 гг.). «Пентатеугум» полностью называется «Пентатеугум, или Пять книг кратких творения Андрея Белобочкокого, о четырех вещах последних, о суете и жизни человека. Первая

напряженностью эмоционального тона. Сближает их и литературная техника, в частности — предельный аллегоризм и эмблематичность, степень интенсивности которых в процессе смыслопорождения раскрывает буслаевский автокомментарий. Он обнаруживает иносказательные смыслы чуть ли не в большинстве возникающих в поэме картин — на первый взгляд вполне конкретных. Например, немудрено, казалось бы, поэтическое описание

Баронесса Мариа вся болела телом,
Здрава ж душа одета в платье была белом,
Бутто бы по победе к торжеству готова.¹⁸

поясняется следующим образом: «В тяжелой тела болезни через белое платье души покаяние и дозлетворение Христова страстьми и пресвятейшим причастием тела и крови его, прежде же крещением восприятая слава разумеется».¹⁹ Особенно интересна в подобном комментарии его недвусмысленность и определенность. Белое платье, в которое одета душа умирающей баронессы, является не простым иносказанием, переводящим лирический сюжет в трансцендентный план и в самом общем виде указывающим на благотворность телесных страданий, речь идет не о духовном совершенствовании смиренной христианки вообще: Нет, конкретный образ, взятый из земного существования, ведет к конкретному же образу горней жизни: получается, что до конца непостижимое и все время углубляющееся, а потому по самой своей сути принципиально полисемантическое принимает однозначный вид. Происходит как бы материализация спиритуальных сторон бытия — явление для барокко достаточно характерное.

То же видим и во многих других буслаевских автоинтерпретациях. Второй раздел второй части поэмы открывается появлением «зело красных лиц»:

Во одеждах пресветлых, как чисты девицы.
Многи вещи носяще с собою избранны,
Добры дела Марии реклися названны.
Первая казалася в летах совершенна,
Воинским убранством вся была украшена.

книга о смерти. Другая книга о страшном суде божием. Третья книга о гегене и муках адских. Четвертая книга о вечной славе блаженных. Пятая книга о суете мира, нареченная „Сон жизни человеческия“». Поэма, как явствует из ее заглавия, состоит из пяти частей; всего в ней 664 стиха. В ней (как и в творчестве Белобочкого в целом) можно видеть один из самых выразительных примеров первого этапа европеизации русской культуры. О Белобочком см.: *Горфункель А. Х. Белобочкий Ян // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII век. СПб., 1992. Ч. 1. С. 128—131.*

¹⁸ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. С. 288.

¹⁹ Там же. С. 392.

Одежды ей блистали паче нежелъ златы,
Рамена были крепки, к тому же крилаты.
От молниина блеска крила выспрь паряще,
Очи пламенеючи на господа зряще.
В руках блещущий меч остро обоюдны,
Тверда та есть всра.²⁰

В объяснении этого фрагмента Буслаев не удовлетворяется указанием на олицетворение: вера предстает в виде жены, блистающей чистотою. Он и здесь стремится ограничить смысловое движение и придать ему четкость и однонаправленность. Это и приводит к появлению жестких определений, прикрепляющих образ к одному смыслу. Строки

Рамена были крепки, к тому же крилаты.
От молниина блеска крила выспрь паряще...

означают не что иное, как только и именно «исповедание о Христе, во дву естествах сущем, к нему же скоро прилетети от сего света должны если иметь желание». Словосочетание же «очи пламенеючи» — «...светлое веры толкование».²¹ И так далее.

В подобной стратегии смыслопорождения можно видеть одну из частных модификаций столь характерного для барочной поэтики принципа отражения. «Умозрительство душевное» позволяет увидеть важную особенность этого принципа — его двунаправленный характер. Дело не ограничивалось лишь тем, что образы этой посясторонней жизни обнаруживали способность давать представления о жизни высшей, сверхреальной. Они в свою очередь начинали влиять на художественную презентацию этой последней, придавая ее явлениям, изображенным через посредство материальных вещей, только что отмеченный, по-земному конкретный и узкий смысл. В результате художественный мир буслаевской поэмы становился эмблематичным, что особенно заметно во второй ее части. Из девяти ее разделов пять представляют собою эмблематическое изображение добродетелей усопшей Марии Яковлевны Строгановой, душа которой возносится на небо (вторая часть «Умозрительства душевного» так и называется — «О возшествии души ея в небо с следующими добродетелями»). Эмблематичность же неотъемлема от барокко.²²

²⁰ Там же. С. 294—295.

²¹ Там же. С. 394.

²² Эмблеме и ее месту в барочной культуре посвящена обширнейшая научная литература. Ее некоторые итоги (применительно к третьей четверти XX в.) были подведены в статье: Морозов А. А., Софронова Л. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 13—38. Несколько в иной плоскости данный вопрос рассматривался А. В. Михайловым. См.: Михайлов А. В. 1) Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997.

Принадлежность «Умозрительства душевного» барочной традиции кроме всего прочего демонстрирует воздействие элитарной, европеизированной литературной культуры на словесность низовую, национально-традиционалистскую, так или иначе связанную со старомосковской словесной традицией. Некоторыми чертами культурного своего облика, прежде всего человеческой малозаметностью, почти личностной анонимностью, Буслаев кажется относящимся к демократической литературе. Но из-под его пера выходит не повесть, не сочинение вроде посошковской «Книги о скудости и богатстве» — как казалось бы можно было ожидать — а изощренная в литературном отношении поэма, особенно близкая наиболее европеизированным произведениям стихотворства рубежа XVII—XVIII вв., подобным например «Пентатеугуму...» Я. Белобоцкого, возможно, одному из наиболее удачных опытов «перенесения на русскую почву европейского барокко». ²³ Вместе с тем сочинение Буслаева не порывает и связей с древнерусской книжностью, даже древнерусским искусством вообще, причем данные связи возникают во многом благодаря как раз барочным особенностям поэмы, прежде всего той материализации спиритуальных уровней бытия, о которой уже шла речь. Появляющиеся в ней иносказательные образы, благодаря подчеркнuto конкретному, нередко даже частному смыслу своих иносказаний, приобретают предельно выразительный, чуть ли не чувственный вид. Мариины добродетели, тем более святые (Мария Магдалина, апостол Петр), Богоматерь и Христос предстают перед автором и его читателями с такой отчетливостью, что менее всего напоминают аллегорические фигуры. Душевное умозрительство раскрывает в поэме высший мир в его реальности, и барочный принцип отражения начинает перетекать в средневековый мистический реализм. ²⁴ В. Н. Топоров полагал, что небо или вознесение души не могут быть представлены так же чувственно и телесно, как умирание тела в первой части поэмы. По его мнению, они увидены «зраком души», а не «телесным зрением». ²⁵ С этим нельзя полностью согласиться; и метафизиче-

С. 112—175; 2) Поэтика барокко // Михайлов А. В. Избранное: Завершение риторической эпохи. СПб., 2007. С. 68—187. Из более старых работ надо указать на исследования Д. И. Чижевского в области славянских литератур эпохи барокко, в которых барочной эмблематике уделялось немало внимания.

²³ Горфункель А. Х. Белобоцкий Ян. С. 130. Недаром исследователи (А. М. Панченко, Е. Сошкин, В. Н. Топоров, Д. Чижевский) ставят поэму прежде всего в парадигму восточнославянской барочной поэзии.

²⁴ Нельзя согласиться с Е. Сошкиным, видящим в аллегоризме едва ли не главный смыслообразующий принцип «Умозрительства душевного», — не аллегоризм, но символизм играет в поэме первенствующую роль

²⁵ См.: Топоров В. N. Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concettismus... S. 81—82.

ские уровни бытия в поэме трактуются во многом в рамках именно «телесного зрения». Об этом свидетельствуют немало впечатляющих как раз чувственной выразительностью картин: явление умирающей героине Христа (2 раздел первой части) и следующие за этим поступки «ангела смертоносна», обращение к уже отошедшей от земной жизни Марии Божией Матери (1 раздел второй части) или, например, поведение Марии Магдалины и апостола Петра, встречающих душу праведницы в Царствии Небесном (7 и 8 разделы второй части):

Устретала ж персона с неба еще ина,
Можно знать, что Мария была Магдалина.
Многоцветное миро в руках та держала,
Облобызав Марию, до сердца прижала.
Рекла к тезоименной душе восходящей:
«Вниди, душе святая, в свет незаходящий».
<...>
Красен был вратник, лицом в морщинах, с бородою,
Навислы были брови, с главою седою.
Ажно он был апостол Петр, Христу теплейший,
Держал в руках своих ключь, паче звезд светлейший.²⁶

Все здесь показано с наглядностью отнюдь не меньшей, чем описание физического умирания героини в первой части.

Трудно согласиться с И. З. Серманом, полагающим, что «Буслаев словно бы хочет оторвать читателя от действительности, от основного значения слов, от предметного мира действительных отношений и связей для того, чтобы заставить его (читателя) прозреть, увидеть за обманчивой внешней оболочкой истинную, духовную сущность мира».²⁷ Мир поэмы как раз весьма и весьма предметен; автор показывает читателю духовную сущность мироздания, но это предметности не препятствует, так как духовная сущность и явлена в нем именно как абсолютно реальная; ее можно увидеть и потрогать. Тут обнаруживается близость «Умозрителства душевного» древнерусскому искусству;²⁸ многие фрагменты поэмы очень близки произведениям средневековых книжников. В качестве одной из ближайших параллелей можно назвать «Слово Епифания Кипрского в великую субботу о снятии тела Христова с креста и о положении во гробе», широко распространенное в славянской письменности с XI столетия, отмеченное столь точными деталями изображения за-

²⁶ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. С. 298.

²⁷ Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 24—25. По существу похожую позицию в данном вопросе занимал и В. Н. Топоров, во всяком случае относительно 2-й части поэмы. См.: Топоров В. N. Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concettismus... S. 81—82.

²⁸ Хочу выразить особую благодарность М. В. Рождественской за консультации по этому вопросу и оказанную мне помощь.

гробного мира, которые невольно воспринимаются как культурные соответствия визионерским картинам «Умозрительства душевного...». Имея же в виду собственно восточнославянскую словесность, следует указать на эпидектические слова Кирилла Туровского, в первую очередь на «Слово о женах-мироносицах и о Иосифе Аримафейском» и «Слово на Вознесение». Так, предельно сдержанные в своей таинственной краткости Евангельские сюжеты Вознесения (Мк. XVI, 19; Лк. XXIV, 50—51) подвергнуты в последнем «Слове», по определению И. П. Еремина, сюжетной амплификации: они обрастают подробностями, «напоминающими частично иконописные изображения». «... На горе, в ожидании Вознесения Христа, — описывает центральную часть «Слова» И. П. Еремин, — несметные толпы праведников — библейские праотцы, патриархи, пророки, апостолы, святые, мученики. Среди них Христос (ср. фреску «Вознесение» храма Спаса-Нередицы). На небе радостное смятение. Серафимы, херувимы, архангелы ждут Христа; одни воздвигают ему престол, другие собирают в стаи облака на „взятие“ его. Готовятся к встрече и небесные светила; они украшают собой Небесные просторы. Христос благословляет всех предстоящих ему на Елеонской горе. На землю спускается светлое облако, Христос становится на него и, поддерживаемый крыльями ветров, начинает возноситься, неся с собой в дар Отцу души праведников. Ангелы сопровождают Христа, они спешат к вратам рая, просят стражей, охраняющих врата, отворить их, ибо Христос уже приближается. Но стражи отказываются: они не откроют ворот, пока не услышат гласа Господня. Ангелы настаивают, но стражи неумолимы. Тогда раздается глас Христа: он просит открыть ворота. Узнав Христа, стражи небесные падают ниц, врата раскрываются. Христос проходит в рай, где встречает его Дух Святой».²⁹ Не только вся атмосфера повествования о переходе из земного мира в мир Небесный крайне близка поэме Буслаева, но и сами принципы изображения, так сказать постижения непостижимого до конца, сами общие параметры мимесиса в обоих произведениях совпадают. Автор начала XVIII в. мыслит и пишет вполне в духе великого киевского проповедника XII столетия. Сближает их и ориентация (возможно, невольная) на иконопись. Иконописность присуща и буслаевской поэме, и она также во многом напоминает икону.

* * *

И своими барочными чертами, все же определяющими ее литературный облик, и глубинной связью с мистическим реализмом

²⁹ *Еремин И. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 137.

Средневековья³⁰ «Умозрительство душевное...» выглядит в литературной жизни 1730-х гг. явлением скорее архаическим: в то время, как показывают, например, опыты В. Н. Татищева, начиналось формирование нового художественного мышления, в конечном счете связанного с утверждением просветительской картины мира. Этим устремлениям Петр Буслаев был абсолютно чужд. Но вместе с тем его творчество — не только своеобразный литературный анахронизм, некий культурно-исторический раритет; нет, пусть отдельными своими сторонами, но оно направлено и к будущему. Этот, казалось бы, обращенный в прошлое и даже для своих современников в чем-то старомодный писатель (достаточно сравнить его с В. К. Третьяковским) в известных отношениях свою эпоху опережал, отражая тем самым (хотя совсем иначе, нежели В. Н. Татищев) поступательное движение культуры. Два момента представляют здесь особый интерес.

Во-первых, поражает выдержанность языковой фактуры поэмы. В ней почти не встретишь тех стилистических диссонансов, которыми отмечены почти все крупные литературные произведения Петровской эпохи. Конечно, и в «Умозрительстве душевном...» появляются варваризмы, столь характерные для того времени:

Трость, копие и гвозди, — страстей инструменты,
От чего трепетали света элементы.

<...>

Фундамент под лестницу в небо утвердила

<...>

Время ей по победе триумф одержати

<...>

Феатр в небе Марии устроен великой.³¹

Однако резких языковых перебоев при этом не возникает; напротив, слова вступают друг с другом в тесную, почти гармоническую связь, определяемую могучим смысловым потоком, выражением которого они служат и который в свою очередь их объединяет. Связь эта ощутима и в тех случаях, когда соединенные между собою слова все же расходятся по своей стилистической окраске:

Опустили ю в землю не весьма глубоко,
Жену, как ребро, к мужню положили боку.
По должности персть перстью сверху затворили,

³⁰ Связь эта, естественно, не ограничивается указанными выше параллелями. Несомненно, в частности, многочисленные переклички «Умозрительства душевного» с апокрифической литературой, с ее детализированными описаниями потустороннего мира или же, совсем с другой стороны, с мистико-богословскими творениями восточнохристианских авторов, в первую очередь с ареопагической традицией.

³¹ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. С. 289, 295, 296.

Жену со мужем купно камнем накрыли.
О жизни ж ея надпись предкам водруженна:
Персона и со гербом в камни утверженна.³²

«Персона» (в значении портрета) и «герб» — слова в начале XVIII в. еще стилистически маркированные, но в данном случае они не выбиваются из общего тона; отнюдь, они употреблены там совершенно к месту.

Уместность — вот вполне подходящее определение принципов словоупотребления, определяющих стилистику «Умозрительства душевного». Языковая амплитуда поэмы весьма широка; наряду с доминирующей церковнославянской литературно-книжной традицией присутствуют в ней и слова совсем иных лексико-семантических групп: «все ахнули от сердца», «ревуща, челюсти, как в муках, разверзали», «скрежетали зубами, визжали нелепо», «белки очей раскрывши» и т. п. Но благодаря своей уместности каждое слово (или словосочетание) мирно уживается со своим окружением; все они служат одной цели — в чувственном, материальном виде, через самое себя — через собственную словесную материю — выразить впечатления душевного умозрительства. Это и позволяет говорить об известной системности художественной речи, обнаруживаемой в «Умозрительстве душевном», т. е. о том, что в поэме зарождается или по крайней мере начинает зарождаться стиль в том значении, какое вкладывал в данное понятие Л. В. Пумпянский, определявший его следующим образом: «Стиль есть черта, отделяющая искусство от реальности, ободок недоступности вокруг сцены искусства; иными словами, стиль есть дереализация». Вдохновенный филолог связывал явление русского поэтического стиля с «Хотинской одой» М. В. Ломоносова («Ода блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года»), но, возможно, первое его проявление следует датировать годом появления буслаевской поэмы. Во всяком случае и в ней «почти все словосочетания суть явления стиля, т. е. сочетание, сохраняя сполна богатство мысли сочетававшихся слов, приобретает еще новое богатство, принадлежавшее сочетанию самому и до него в словах самих не бывшее».³³

Во-вторых, не меньшим совершенством отмечен и стих «Умозрительства душевного». Поэма написана тринадцатисложным силлабическим стихом с цезурой, делящей стих на две почти равные части (7+6). Рифмовка парная, абсолютное большинство рифм женские, что обычно для русской силлабики. Впрочем, стиховой рисунок на-

³² Там же. С. 293.

³³ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 55. Вряд ли прав Е. Сошкин, полагающий принцип контраста основным и в стиле буслаевской поэмы.

чисто лишен монотонности, он весьма разнообразен, что достигается за счет достаточно многочисленных нарушений заданного силлабического ритма. Нежесткость ритмической структуры ощущается с самого начала; собственно говоря, она тоже задана — вместе с той ритмической инерцией, которую она столь разнообразит. Уже второй стих первой части представляет собой отступление от избранного метра; в нем всего одиннадцать слогов:

Как солнцс свой круг тогда обтекало³⁴

Встречаются в поэме и двенадцатисложные стихи:

Однако ж славы сис не отъймало³⁵

<...>

Но ангел, подшед, в уста опасно влиял³⁶

Есть сдвиги и в другую сторону, когда появляются четырнадцатисложники:

Тогда показался красен человеков паче³⁷

<...>

Таж скоро адским воплем безпамятно вскричали.³⁸

В некоторых случаях усечение (или приращение) стиха не меняет его интонационного типа, обусловленного цезурой, продолжающей располагаться после седьмого слога, причем метрическая цезура совпадает с семантико-синтаксическим членением; в других же случаях — эта метрическая цезура уже не соответствует смысловой — так в уже приведенном примере («Но ангел, подшед, в уста опасно влиял») последняя приходится после пятого слога, а в четырнадцатисложном стихе («Тогда показался красен человеков паче») ее место оказывается, вероятнее всего, после шестого слога. Несовпадение двух типов пауз — стиховой и семантико-синтаксической — встречается и в доминирующих в поэме тринадцатисложниках:

«Тысяща седмсот тритцать третий, днем то было»³⁹ — смысловая пауза после девятого слога;

³⁴ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. С. 288.

³⁵ Там же. С. 289.

³⁶ Там же. С. 290.

³⁷ Там же. С. 288.

³⁸ Там же. С. 291. В. Н. Топоров насчитывает в поэме четыре 11-тисложника, пятнадцать 12-тисложников, пятнадцать 14-тисложников и один 15-тисложник, т. е. всего 35 случаев нарушения размера, не так уж и мало на 400 стихов.

³⁹ Там же. С. 288.

«Тверда та есть вера. Меч — глагол Божий чудны»⁴⁰ — смысловая пауза после пятого слога.

В некоторых случаях возникает и неопределенность: смысловая пауза может и совпадать с метрической цезурой, а может быть поставлена и в другую позицию:

Разсуждение чистой совести сказалось.⁴¹

Здесь ее место — и после пятого слога (что предпочтительнее со смысловой точки зрения), и после седьмого (в таком случае она не противоречит интонационному рисунку метра). Впрочем, подобная неопределенность лишь способствует внутренней гибкости силлабического стиха.

Обратившись к другим особенностям стиховой речи Буслаева, надо указать и на вариации в области рифмы. Констатируя полное преобладание женских рифм, необходимо, однако, сделать некоторые уточнения. Прежде всего, монотонности, которой часто отмечена силлабическая рифмовка, здесь нет и в помине. По подсчетам В. Н. Топорова, в «Умозрителстве душевном» достаточно мало для русской силлабики глагольных рифм — не более 1/3; напротив, номинальные рифмы встречаются в изобилии, появляются и многочисленные причастно-деепричастные клаузулы. Велико количество рифм полных.⁴² Некоторые же рифмы просто поражают своей выразительностью и поэтической изощренностью:

Устретала ж персона с неба еще ина,
Можно знать, что Мария была Магдалина...⁴³

Здесь также бросается в глаза отчетливая аллитерация второго стиха. Звуковые созвучия нередко глубоко захватывают рифмуемые слова:

Сладчайший дала свой глас, *о себе являя,*
Купно ж Марии душу Христу *представляя*...⁴⁴
(курсив мой. — П. Б.)

Появляется в «Умозрителстве душевном» даже и составная рифма:

Украсила милости цветами Мария,
Веди ея с собою, на пути ж том зри я!⁴⁵

⁴⁰ Там же. С. 295.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: *Топоров В. Н. Eine Seite aus der Geschichte des russischen barocken Concettismus*... S. 75—78.

⁴³ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. С. 298.

⁴⁴ Там же. С. 297.

⁴⁵ Там же. С. 296.

Отдельного упоминания заслуживают редчайшие случаи мужской рифмовки:

Но ангел, подшед, в уста опасно влиял
С смертоносным питием небесный сей фиал.⁴⁶

Многой же народ стенет, слезит и вопнет.
Кто ни зрит гроб несомы, горки слезы лнет...⁴⁷

Особенно важно, что мужские рифмы, резко выделяющиеся на фоне неизменно женской рифмовки, располагаются в семантически отмеченных местах текста, в своего рода поворотных моментах развития его лирико-мистического сюжета: первый случай мужской рифмовки совпадает с физическим умиранием героини, он как бы пополам разделяет первую часть поэмы; второй же, завершая седьмую главку первой части, тоже располагается в сильной позиции. Не слабостью стиховой техники или недостатком мастерства объясняются выпадения из женской рифмовки, но, напротив, полной поэтической свободой, позволяющей выделить ударные фрагменты смысловой структуры текста; и при помощи стиховых средств, — это явление для русских силлабиков крайне редкое, свидетельствующее среди прочего о стиховом совершенстве поэмы.

Это же можно сказать и об отмеченных выше ритмических сбоях. Они разнообразят ритмику поэмы, придают ей многообразие и вариативность, не нарушая, однако, общего ритмического потока; в действительности, как сбой их расценивать можно лишь условно: сокращение (или, наоборот, приращение) количества слогов во многом нейтрализуется другими интонационными ресурсами, например равным числом ударений в двух соседних стихах, одни из которых в слоговом отношении короче (длиннее) обычного тринадцатисложного размера:

По рождестве Христове сие дело стало,
Как солнце свой круг тогда обтекало.⁴⁸

Первая строка данного двустишия, которым начинается поэма, состоит из тринадцати слогов, вторая — из одиннадцати, но в обеих по четыре ударения. Это и смягчает в предельной степени ритмические различия между ними, позволяя сохранить на протяжении всего «Умозрительства душевного», при немалом его стиховом объеме (400 стихов), известную ритмическую ровность.⁴⁹ К ритмике по-

⁴⁶ Там же. С. 290.

⁴⁷ Там же. С. 292.

⁴⁸ Там же. С. 288.

⁴⁹ Стоит обратить внимание на то, что стих Буслаева в большей мере ритмически упорядочен, чем, например, стих В. К. Тредиаковского после его перехода к силлаботонике. Вообще, русский силлабический стих изучен в аспекте

эмы, так же как, впрочем, к ее стиху в целом, полностью применима оценка русского силлабического стиха, данная М. Л. Гаспаровым: «...силлабика никоим образом не была случайной заемной модой <...>. Это был стих <...> хорошо разработанный и гибкий»;⁵⁰ к этому добавим — заключающий в себе мощный эстетический потенциал и способный порождать столь совершенные поэтические творения, как «Умозрительство душевное».

своего ритмического разнообразия явно недостаточно, дальнейшие литературоведческие разведки в данном направлении принадлежат, как думается, к одним из перспективнейших проблем изучения литературной культуры второй половины XVII—начала XVIII в.

⁵⁰ *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. С. 31.

А. Н. АНДРЕЕВ, Ю. С. АНДРЕЕВА

ЗАПАДНОХРИСТИАНСКОЕ «ЗЛОВЕРИЕ» ВО ВЗГЛЯДАХ И. Т. ПОСОШКОВА

Об Иване Тихоновиче Посошкове (1652—1726), крупнейшем публицисте Петровской эпохи, написано немало специальных исторических трудов. Тем не менее далеко не все грани мировоззрения этого уникального деятеля отечественной культуры раскрыты. Еще в дореволюционной историографии в изучении творческого наследия Посошкова преобладала тенденция к анализу социально-экономических воззрений мыслителя в ущерб религиозным.¹ Исключение составила объемная книга А. А. Царевского, посвященная рассмотрению религиозных оснований житейской философии Посошкова и его взглядов на иноверие.² В советское время сочинения Посошкова также анализировались преимущественно как «памятники политической и экономической мысли представителя нарождавшейся буржуазии».³ Исследователей в большей степени интересовали в трудах Посошкова проблемы развития промышленности и торговли, проекты государственно-административных реформ, решение Посошковым крестьянского вопроса, воплощение идей меркантилизма в его творчестве.⁴ Данная тенденция вполне объяснима: Посошков, живший в переломную эпоху, в своем мировоззрении сочетал новые «буржуазные» взгляды на социально-экономическую

¹ См.: Брикнер А. I. Иван Посошков. СПб., 1876. Ч. 1; Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого // Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1897. Ч. 42.

² Царевский А. А. Посошков и его сочинения. Обзор сочинений Посошкова (изданных и неизданных) со стороны их религиозного характера и историко-литературного значения. М., 1883.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. Под ред. Б. Б. Кафенгауза и Н. И. Павленко. М., 1954. С. 638.

⁴ Кафенгауз Б. Б. И Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1950. С. 81—129; Платонов Д. Н. Иван Посошков. М., 1989. С. 38—120.

действительность со старыми древнерусскими этическими понятиями. Как раз в области религиозных представлений инерционность взглядов Посошкова наиболее очевидна. Со страниц некоторых своих произведений он предстает хранителем «старозаветных» традиций и поборником религиозного фанатизма. Известный русский педагог и психолог П. Ф. Каптерев не случайно охарактеризовал Посошкова как «старого моисеевского иудея, сурового до жестокости, строгого приверженца обряда и формы».⁵ С этих позиций фигура Посошкова-мыслителя не представляла значительного интереса для исследователей. Поэтому ученые, анализируя прогрессивные (с точки зрения буржуазной модернизации) политические и социально-экономические идеи Посошкова, оставляли в стороне его религиозные воззрения. Данная тенденция сохраняется и в современной историографии.⁶

В результате мы хорошо представляем себе Посошкова как экономиста и социального мыслителя, но при этом имеем довольно слабое представление о Посошкове как религиозном писателе и моралисте, отразившем сложности модернизационного процесса в России. Восемнадцатый век стал эпохой интенсивного влияния инославных вероисповеданий на русское общество, временем усиления социально-экономических и культурных контактов с европейцами, но вместе с тем и временем протеста против чуждых православию духовных ценностей. В этой связи для историков принципиальное значение имеет отражение проблемы инославного влияния на теоретическом уровне общественного сознания, один из срезов которого являют собой сочинения Посошкова. Их анализ на предмет отношения Посошкова к западному христианству, таким образом, позволяет выявить наиболее устойчивые концепты в восприятии иноверия, зародившиеся в условиях европеизации в той социальной среде, представителем которой являлся прожектер. Тем более что взгляды Посошкова на социальную действительность, религиозную жизнь и нравственное состояние россиян разделялись значительной частью образованных горожан, не принадлежавших к привилегированным сословиям (об этом свидетельствуют пометы владельцев рукописных книг Посошкова, сделанные в XVIII в.,⁷ а также специ-

⁵ Цит. по: История воспитания и образования в России XVIII века / Сост. Д. И. Латышина. М., 1992. Ч. 2. С. 68.

⁶ См.: *Рогачевская М. А.* Первый русский экономист Иван Тихонович Посошков // ЭКО. 2000. № 4. С. 116—137; *Дятлов С. А., Худякова И. В.* И. Т. Посошков // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2004. № 3. С. 145—148; *Ирошников М. П.* Из истории зарождения раннебуржуазной идеологии в России начала XVIII в.: И. Т. Посошков. «Книга о скудости и богатстве» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. СПб., 2005. № 4. С. 117—135.

⁷ *Попов А.* Предисловие // Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. Сочинение Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреем Поповым. М., 1873. С. V.

альные исторические исследования городского социокультурного пространства в XVIII веке).⁸

Образ ненавистного иноземца присутствует практически во всех сочинениях Посошкова, однако наиболее последовательная и развернутая критика иноверия (главным образом, лютеранства) была осуществлена в двух крупных его произведениях — «Зерцале очевидном» (1708) и «Завещании отеческом к сыну» (1719). «Зерцало очевидное» представляет собой полемическое сочинение, направленное против старообрядцев и протестантов; оно состоит из двух частей, имеющих собственную логику и предмет рассуждения. Первая часть («Зерцало на раскольников обличение») посвящена рассмотрению старообрядческих «заблуждений» и только вторая часть («О иконоборной ереси и о возновляющих ю») сосредоточена на обличении лютеранского «зловерия». «Зерцало» было тщательно проанализировано еще в конце XIX в. А. А. Царевским, который установил некоторые черты восприятия протестантизма Посошковым и главные принципы осуществленной им критики лютеранства.⁹ Согласно А. А. Царевскому, оценивая характер лютеранского вероисповедания, Посошков часто ведет речь об умственном помрачении лютеран, дает понять, что М. Лютер — греховодник и сластолюбец, сознательно «полегчивший» себе в вере, а его последователи — душевнобольные, но вдобавок нравственно распушенные люди, подобные язычникам (мордве или скифам).¹⁰ Посошков рассматривает лютеранство как шаг к атеизму и полному безумию («потому, еже кто аще в люторство склонится, то тот уже и в безбожие внидет и отеистом будет») и предостерегает россиян от «люторских и римских лжесловий», советует «бегати иноземцев».¹¹

В дальнейшем многие представления Посошкова об иноверцах с еще большей силой красноречия были раскрыты в «Завещании отеческом к сыну» — сочинении, которое советская историческая наука незаслуженно старалась обойти стороной. В связи с этим анализ взглядов Посошкова на инославные вероисповедания, изложенных в «Завещании отеческом», а также в других сочинениях, с использованием современных методов исторического познания представляется актуальной задачей. Для ее решения, на наш взгляд, целесообразно использовать как традиционный (классический) подход к анализу текста, так и метод контент-анализа, дающий возможность верифицировать выводы А. А. Царевского, в большинстве случаев уточнить их, а иногда и установить еще не выявленные принципы воззрений Посошкова на протестантизм и католичество.

⁸ Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 157.

⁹ См.: Царевский А. А. Посошков и его сочинения. С. 161—189.

¹⁰ Там же. С. 165—169.

¹¹ Там же. С. 180.

Методологической основой данного исследования стали работы отечественных ученых, успешно применявших метод контент-анализа в практике статистических обследований нарративных источников.¹² Суть метода состоит в искусственной формализации текста (сведению текста к повторяющимся смысловым единицам-категориям) и последующем учете относительной взаимосвязанности выделенных категорий.

Формализация текста книги И. Т. Посошкова «Завещание отеческое к сыну»¹³ имеет ряд сложностей. Во-первых, «Завещание» представляет собой публицистическое произведение с неразработанным терминологическим аппаратом (что было свойственно даже специальным научным трактатам первой половины XVIII столетия). Во-вторых, контент-анализ такой наиболее употребительной единицы объема текста, как абзац, не может быть признан продуктивным, поскольку сочинение И. Т. Посошкова содержит длинные абзацы, имеющие свою внутреннюю смысловую динамику и структуру, которые в свою очередь можно разделить еще на ряд абзацев, исходя из современных норм русского языка. В этом случае предпринималось деление абзаца на более мелкие структурные элементы и только затем производился их анализ.

В «Завещании отеческом к сыну» нам удалось выявить ряд устойчивых категорий (смысловых единиц), отражающих восприятие автором инославных вероисповеданий (в первую очередь лютеранства). Избранный порог встречаемости категорий составил 10 случаев, что позволило отсеять редко встречаемые смысловые единицы. Таким образом, были установлены девять категорий, парная встречаемость которых представлена в табл. 1. Применительно к данной работе учитывалась взаимосвязь категорий относительно друг друга. Данные взаимосвязи, выраженные в процентах, представлены на рис. 1.

Наиболее устойчивые связи выделенных категорий позволяют охарактеризовать видение Посошковым проблемы российско-лютеранских взаимоотношений. Так, в 100% случаев, когда речь шла о ложном мнении, впадении в заблуждение или безумие (что практически одно и то же для Посошкова), имелись в виду лютеране и лютеранство. И наоборот, в 52% случаев упоминания лютеран имелось в виду их заблуждение и «безумие». Для характеристики

¹² См.: Гутнов Д. А. Опыт применения контент-анализа в историографическом исследовании (на примере книги П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры») // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях: Сб. науч. статей / Под ред. академика И. Д. Ковальченко. М., 1989. С. 173—185; Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ: Учебное пособие. М., 1987. С. 15—19.

¹³ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. Сочинение Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреем Поповым. М., 1873.

Парная встречаемость выделенных смысловых единиц
в сочинении И. Т. Посошкова «Завещание отеческое к сыну»

	Категории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Абсолютное число упоминаний
1.	Впадение в грех (служение греху)	30	1	2	23	28	6	4	0	1	81
2.	Сохранение православия (правоверия)	1	2	28	24	3	4	0	0	3	32
3.	Избегание иноземных религиозных учений	2	28	0	18	2	3	0	0	0	29
4.	Лютеране (лютеранство)	23	24	18	1	0	6	29	41	4	79
5.	М. Лютер	28	3	2	0	0	2	23	15	1	49
6.	Соблюдение светских обычаев	6	4	3	6	2	0	1	1	0	10
7.	Ересь (отпадение от правоверия, «зловерие»)	4	0	0	29	23	1	0	2	7	46
8.	Ложное мнение (несоответствие истине, заблуждение, безумие)	0	0	0	41	15	1	2	0	3	41
9.	Раскольники и раскол	1	3	0	4	1	0	7	3	0	10

«безумия» последователей Евангелической церкви Посошков использовал такие выражения, как «юродство», «люторские ложные словеса», «люторское безумное (или гнилое) рассуждение», «безумные и богопротивные люторы» и др.¹⁴ Научные открытия на Западе Посошков прямо объявлял еретическими измышлениями («А проклятый Каперник, Богу суперник, тот творительный глагол Божий спорит»¹⁵), саму же природу «безумных заблуждений» лютеран связывал с их «высокоумием»: «И тыи же лютеране в такое уже бе-

¹⁴ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 2—5, 32, 37—39, 41, 45, 48, 61, 97, 152, 154, 157 и др.

¹⁵ Там же. С. 156.

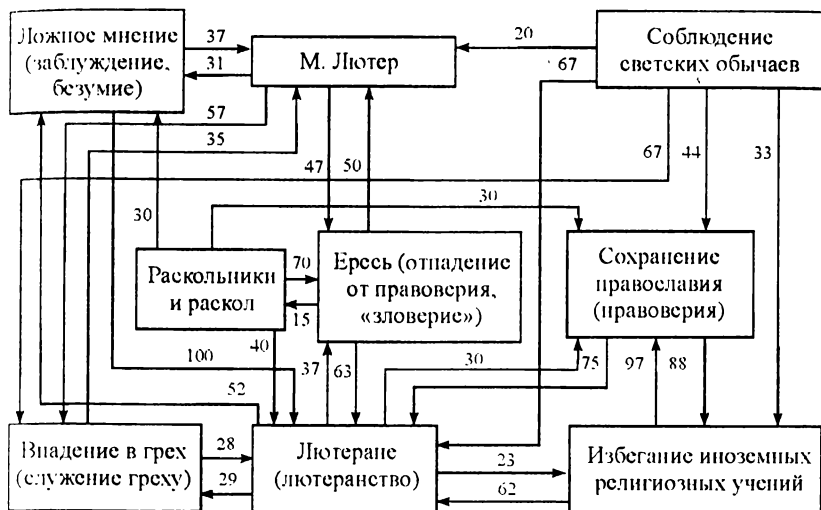

Рис. 1. Взаимосвязи категорий в сочинении И. Т. Посошкова «Завещание отеческое к сыну».

зумие от высокоумия своего видоша, еже и самого Бога ничтожити начинают, и глаголют несть Бога».¹⁶

В то же время Посошков не был лишен сострадания к лютеранам — «слепцам», не могущим, по его мнению, воззреть на свое учение «отверстыми очами». Отдавая дань уважения немецкой нации, Посошков выражает удивление: «Чудное, (ТАК) и пречудное дело, как в таковое безумие народ такой великой немецкой и белорусской впал, еже явного Божия приказания не слушают».¹⁷ Еще в «Зерцале очевидном» порицания лютеран часто сменялись у Посошкова сочувственным возгласом: «О, бедные, бедные лютеране!»¹⁸ Думается, именно сочувствием к «заблудшим» представителям Евангелическо-лютеранской церкви объясняется тот факт, что лютеране в большей степени у Посошкова ассоциируются с ложным мнением и безумием, нежели с ересью (52% парной встречаемости категорий «Лютеране — Ложное мнение» от абсолютного числа упоминаний о лютеранах против 37% парной встречаемости категорий «Лютеране — Ересь»). Традиционный анализ текста, в отличие от контент-анализа, не позволяет обнаружить таких ассоциативных различий, поскольку Посошков неоднократно объявлял последователей М. Лютера еретиками, называя лютеранство «кривой и злоч-

¹⁶ Там же. С. 157.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Царевский А. А. Посошков и его сочинения. С. 178.

стивой верой», «лютерским зловерием»,¹⁹ полагая, что лютеране «бо возбеснели»,²⁰ постоянно в своих книгах «блядословят»,²¹ «понеже они вне суть истинного христианства». ²² Также достойно примечания то обстоятельство, что Посошков признает лютеранские кирки за церкви: «...понеже кирки их, аше и еретического зловерия суть, обаче под именем Божиим, а уже где имя Божие назначилось, то уже стало быть свято, и за имя Божие уже надлежит почитати и кирку, а с корчемницами не подобает их ровняти». ²³ В то же время духовные власти в России официально объявляли иноверческие храмы всего лишь «мольбищами». ²⁴ Таким образом, несмотря на отсутствие религиозной толерантности, Посошков не был противником межконфессионального диалога, правда не на паритетных началах, но с целью возвращения западных христиан в лоно Апостольской (т. е., по мысли Посошкова, Православной) церкви.

Если к лютеранам Посошков мог проявлять сочувствие и уважение, то к основателю Евангелическо-лютеранской церкви публицист испытывал буквально ненависть. Для автора «Завещания отеческого» М. Лютер в большей степени еретик, чем безумец или заблудший; именно на нем лежит вина в служении греху всех его последователей, и именно он, по представлениям Посошкова, является виновником «еретических отступлений от правоверия» своих учеников (см. взаимосвязи категорий «М. Лютер», «Ложное мнение», «Впадение в грех», «Ересь» на рис. 1). Лютер для Посошкова в первую очередь греховодник, «умственное помрачение» которого произошло не по обольщению, но стало результатом порабощения грехом: «Мартин Лютор что ни делал, того он и сам не ведал: понеже он от презельная ярости к блуду вне ума своего был...»²⁵ Ненавистью к Лютеру пропитаны определения, данные Посошковым учителю лютеран: для Посошкова он «самый всесветный дурак», «всескверный», «законопреступник», «расстрига», «самый известный блудник», «волк адский», «всескверный блудник», «блудолоубивый», «новоизникший лжеапостол», «скверный человек», «пес», «блудолоубец», «изменник Христов», «проклятый изверг», «беззаконник», «сквернолюбец», «бесов блудных послушник», «блудная похоти рачитель», «антихристов посланник», «прелестник», «лютый губитель душ христианских», «пьяной блудник», «подобен самому

¹⁹ *Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 2—6, 31—32, 44.*

²⁰ Там же. С. 111.

²¹ Там же. С. 98, 156.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же. С. 151.

²⁴ См., например, синодальный указ «О представлении сведений о костелах, кирках и других мольбищах» (Государственный архив Нижегородской области (ГАНО). Ф. 570. Оп. 553. Д. 409 (1749 г.). Л. 1); *Андреев А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007. С. 66.*

²⁵ *Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 43.*

дьяволу», «от блудного лакомства в кале обвалялся», «антихристов предтеча» и т. д.²⁶ В «Завещании отеческом», как и в «Зерцале очевидном», Посошков в первую очередь пытается разочаровать лютеран в их учителя и одновременно предостеречь православных от протестантского влияния, дает «биографию» Лютера с намерением выставить его в самом неприглядном свете.²⁷

В «Завещании отеческом» Посошков однозначно связывает проблему сохранения православия в России с ограничением религиозного общения между православными и иноверцами, с избеганием их учений, особенно лютеранства, хотя неопределенно ведет речь и о других конфессиях. Неоднократно автор предостерегает своего сына (а вместе с ним и своих соотечественников) не верить «люторскому ложному словеси», «держаться всеми своими силами святыя восточныя церкви», не приклоняться к «западной или к люторской церкви», жить «христиански, не яко иноверцы или немцы люторского зловерия».²⁸ По всей видимости, публицист вел речь не столько об опасности распространения догматического лютеранства среди россиян, сколько об угрозе проникновения рационалистического и секулярного духа, присущего протестантизму. Так, соблюдение светских обычаев Посошков напрямую связывает с лютеранами и лютеранством (в 67% случаев), впадением в грех (также в 67% случаев), необходимостью сохранения православия и избеганием инославных вероисповеданий (44% и 33% соответственно). Посошков обвиняет протестантов в занятиях «танцами веселостными», проведении времени «в скакании и танцовании», пристрастии к светским раутам и карточной игре, в «богомерзком» ношении париков, обычае являться в церковь в головных уборах, со шпагами и «дреколием».²⁹ Публицист дает понять, что многие принципы светской жизни, пришедшие к нам с Запада, противоречат истинному духу христианства и потому более опасны, чем прямой иноверческий прозелитизм: «Есть бо нецыи и из нашего правого христианства научившися от них (лютеран. — Ред.), во время Божественныя литургии во церкви стоят в парухах и в явлении Пресвятого Тела Христова не снемлют их с глав своих».³⁰ Пренебрежение древнерусскими нормами

²⁶ Там же. С. 4—5, 31, 33, 35, 37, 41, 45—48, 149, 152—154, 162, 164.

²⁷ См.: Царевский А. А. Посошков и его сочинения. С. 162.

²⁸ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 3—7, 31, 35 и др. В более раннем сочинении на ту же тему — завещании сыну, посланному в «Уропские края» для обучения (1708—1709) — Посошков вовсе не полемизирует с иноверцами, лишь ненавязчиво и мягко напоминая сыну о необходимости «блюсти православную веру». См.: Посошков И. Т. Отеческое завещательное поучение посланному для обучения в дальния страны юному сыну // Сочинения Ивана Посошкова. М., 1842. С. 300.

²⁹ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 5, 35, 37, 98, 106, 149; ср.: Посошков И. Т. Зерцало очевиднос. Казань, 1900. Вып. 2. С. 269.

³⁰ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 150.

благочестия объявляется Посошковым чем-то вроде поветрия, распространившегося среди соотечественников: «... большая бо часть склонилась в погибельный путь, в древнем же благочестии уже малая часть остается, ибо в Великом Новгороде едва и сотая часть обращается ли древнего благочестия держащихся».³¹ Современными историками установлено, что общественные развлечения первой половины XVIII в. в России заимствовались из стран с традиционной протестантской идеологией.³² В связи с этим автор грозно предостерегает россиян: «Аще кто похощет здесь по-люторски повеселиться, то на том свете възрыдает».³³

Анализ текста «Завещания отеческого» подтверждает уже высказанный в историографии тезис о том, что полемика с протестантами становилась у Посошкова приемом критики новых российских нравов.³⁴ Посошков полагал, что протестанты не столько учат россиян своей вере, сколько развращают собственным примером веру православную (иными словами, осуществляют определенное духовно-нравственное и культурное влияние). Насколько верно при всем своем фанатизме автор «Завещания» оценивал характер российско-протестантских взаимоотношений, свидетельствуют работы крупных историков. Бесспорно, усиление контактов с иноверцами обуславливало широкие возможности протестантской пропаганды в России, однако в специальных исследованиях подчеркивается, что протестантство часто служило лишь толчком к русскому религиозному вольнодумству, только внешне схожему с протестантизмом, но вытекающему из глубин русской религиозной жизни и связанному с особенностями народной христианской культуры.³⁵ В связи с этим интересные результаты дает анализ взаимосвязей категорий «Лютеране — Раскол» и «Раскол — Сохранение православия» (см. рис. 1). Посошков в 40% случаев старообрядцев и русских сектантов ассоциирует с протестантами (лютеранами): «А ныне многое множество и из российского народа людей погибает, також-де бо, мнящее быти себя мудрых, объюродеша: ибо от высокомнения своего от правья древние веры отпадоша, и от мнимого своего правоверия, в разные и многоразличные пути пойдоша, овья во лжехристовщину, овья же во лжемоисеевщину, инии же во олазвную поповщину, а инии во

³¹ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве // Сочинения Ивана Посошкова. Изданы на иждивении Московского Общества Истории и Древностей Российских Михаилом Погодиным. М., 1842. С. 9.

³² *Алакиш А. Э.* Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск, 2006. С. 387.

³³ *Посошков И. Т.* Завещание отеческое к сыну. С. 37.

³⁴ *Платонов Д. Н.* Иван Посошков. М., 1989. С. 18.

³⁵ *Тихонравов Н. С.* Московские вольнодумцы начала XVIII века и Стефан Яворский // *Тихонравов Н. С.* Сочинения. М., 1898. Т. 2. С. 287; *Смилянская Е. Б.* Суеврия и народное религиозное вольнодумство в России XVIII в.: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. С. 433.

всконечную беспоповщину, и во иные многоразличные веры названия разыдошася, и тако развратишася».³⁶ Поэтому в отличие от «Зерцала очевидного», в котором иноверие и раскол составляют, по мнению А. А. Царевского, два противоположных полюса рассуждений Посошкова, «между которыми он лавирует»,³⁷ в «Завещании отеческом» раскол и иноверие не противопоставлены, а тесно соединены в смысловом отношении. С точки зрения публициста, наличие раскола и протестантства в России в абсолютно равной степени требовало попечения о сохранении чистоты православия (см. рис. 1).

Сравнительно редко в своих произведениях Посошков выступал против римских католиков и последователей кальвинизма, всю силу обличений обрушивая почти исключительно на лютеран. В «Завещании отеческом» католики и их вероучение упоминаются всего четырежды, столько же раз упоминаются и кальвинисты во главе с их учителем. Данное обстоятельство невозможно объяснить только тем, что иногда в жару полемики Посошков отождествляет всякое иноверие с лютеранством и тем самым одновременно ведет борьбу с другими неправославными конфессиями.³⁸ Писатель хорошо разбирался в догматических разногласиях различных церквей, прекрасно знал церковную историю, а потому недифференцированный подход к иноверию не может расцениваться как качественный признак религиозного мировоззрения Посошкова.

В восприятии Посошкова римские католики и кальвинисты, как и адепты лютеранства, живут в постоянном грехе, склоняются к «сведкому мудрованию» и мыслятся в качестве еретиков, «обьюродивших» и от правоверия отпавших.³⁹ От их влияния также необходимо было ограждать православный мир: «А не худо бы и на иные еретические веры, — писал он, — на римлянскую, на унеятскую, на армянскую и на древние ереси, яко на арианскую, на несториеву, на аполлинариеву, на евтихееву, на севинову и на прочие, кии уже и истребишася, напечатать изъявления, дабы наши пастыри вся та лукаваго диавола стрелы разумели и возразить их чем знали».⁴⁰ Однако при этом Посошков не упоминает о разногласиях православия с Римско-католической церковью — в «Зерцале очевидном» обвиняет исключительно лютеран в служении на опресноках,⁴¹ а в «Завещании отеческом» в подробной инструкции сыну о том, как надо читать Символ веры и о чем думать, произнося каждый

³⁶ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 3.

³⁷ Царевский А. А. Посошков и его сочинения. С. 143.

³⁸ Там же. С. 156.

³⁹ См.: Посошков И. Т. 1) Завещание отеческое к сыну. С. 2—3, 5; 2) Книга о скудости и богатстве. С. 10, 13, 15; 3) Аще кто восхощет (отрывок) // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Под ред. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 276.

⁴⁰ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. С. 16.

⁴¹ Царевский А. А. Посошков и его сочинения. С. 44, 157.

член Символа, отсутствует рассуждение о филиокве. Восьмой член Символа («И в Духа Святаго, Господа Животворящаго...») автор не разбирает, т. е. осознанно или неосознанно проходит мимо «римских ересей».⁴²

Избирательный подход писателя к иноверцам следует объяснять особенностями его понимания генеза протестантских и вообще неправославных учений: римские католики для Посошкова в меньшей степени еретики по сравнению с лютеранами, а кальвинисты, наоборот, в большей степени подвержены «еретическому мудрованию»: «Яган Кальвин — второй адский воин, диаволу услужливейший Лютера», так как он «своею противностью всех превзошел и, не ограничиваясь иконами, даже крест святыи из церкви изверже».⁴³ Однако численность реформатских общин в Петербурге в XVIII в. (Посошков с 1717 г., т. е. к концу работы над «Завещанием отеческим», являлся дворовладельцем Петербургского острова⁴⁴) была намного меньшей, чем численность лютеран.⁴⁵ То же самое можно сказать и о России в целом.⁴⁶ Таким образом, лютеранство находится в центре внимания Посошкова по двум причинам: во-первых, из-за численного преобладания лютеран в России, а во-вторых, вследствие их первенствующего положения в хронологии и логике возникновения протестантских деноминаций (Лютер — как основоположник Реформации, а лютеранская доктрина — как учение, с которого начинается конфессиональный раскол Нового времени на Западе).

Римско-католическое вероучение по своим принципам и церковной практике мыслилось Посошковым гораздо более близким к православию. Католицизм представлял собой консервативную силу, выступавшую против секуляризации культуры, т. е. против того, что составляло, по мнению Посошкова, самый вредоносный компонент протестантизма. Логика Посошкова можно проследить по его высказываниям относительно М. Лютера и Ж. Кальвина: «И от тоя древния веры прежде римляне возгордевся восточную церковию отпадоша; Мартин же Лютер и от тоя римския веры отступил и сочинил себе новейшую веру, древния восточныя и новыя западныя легчайшею, а Яган Калвин уже и от люторские веры отложился и издал свои законы»;⁴⁷ Лютер и «западной церкви учинился противником, и учинился он сугубый еретик, перелитрованный в еретичестве своем, переее был в римском отпадении, а потом высочайшую

⁴² *Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 86—90.*

⁴³ Цит. по: *Царевский А. А. Посошков и его сочинения. С. 164.*

⁴⁴ *Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. С. 101, 107.*

⁴⁵ *Алашкин А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. С. 174—175.*

⁴⁶ *Филатов С. Б. Российский протестантизм: успех в равнодушном к вере обществе // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 20.*

⁴⁷ *Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 5.*

себе ересь обрел, бысть еретик еретикович»;⁴⁸ Лютер «бо вначале с римляны от восточныя церкви отпал, а потом и та западного костела вера явилась ему тяжелоносна».⁴⁹ Сходная логика была отмечена и в «Зерцале очевидном»: «В представлении Посошкова католичество является отпадением менее важным и менее грешным, сравнительно с лютеранством; оно и исторически ближе связывается с древним апостольским православием, да и по существу своему остается более „тяжелоносно“, сравнительно с „легкостною“ верою лютеранскою».⁵⁰

Относительная терпимость Посошкова к римскому католичеству на фоне глубокого негативизма к протестантству стала результатом усвоения публицистом ряда представлений рязанского преосвященного Стефана Яворского, большим почитателем которого Посошков являлся. Митрополит Стефан в своем знаменитом антипротестантском сочинении «Камень веры» и других произведениях выступал выразителем консервативной антисекуляризационной идеологии, сторонником идей и принципов малороссийского богословия, тяготевшего к контroversно-томистической традиции.⁵¹ В «Камне веры» присутствуют косвенные доказательства терпимости автора к католичеству — например, при анализе различных «еретических» учений Яворский перечислял большое количество протестантских школ и направлений, но умалчивал о католичестве, давая понять, что католичество не считает первостепенной ересью.⁵² Неоднократно Стефан Яворский, а вслед за ним и Посошков, умалчивали о различиях между Римской и Русской церквами, всецело поглощенные критикой лютеранских и «кальвиноиудейских» «претыканий».⁵³

«Камень веры» и «Завещание отеческое к сыну» близки между собой не только по общему антипротестантскому и антисекуляризационному духу, но и в плане системы аргументации антитезисов протестантству. Бесспорно, Посошков со своими трудами, по меткому замечанию А. А. Царевского, находился несравненно ниже высокого уровня научно-богословской борьбы, происходившей между сторонниками модернизации Русской православной церкви, вооруженными протестантскими идеями, и консерваторами, сочувствовавшими католичеству. Ни «Зерцало очевидное», ни «Завещание отеческое» не являются богословскими трудами, они вторичны по отношению к тому же «Камню веры» и, кроме того, ориентированы на российского обывателя. Из этого следуют такие особенности

⁴⁸ Там же. С. 45—46.

⁴⁹ Там же. С. 162.

⁵⁰ Царевский А. А. Посошков и его сочинения. С. 156.

⁵¹ См. подробнее: Андреев А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007. С. 241—267.

⁵² Яворский С. Выписки из книги Камня веры о иконах святых высокопреосвященнейшего Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского. Исков, 1884. С. 107—129.

⁵³ См.: Андреев А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. С. 241—267.

второй части «Зеркала очевидного», как непоследовательность в изложении, многочисленные повторения, простонародные речевые обороты, сосредоточенность преимущественно на обрядовых отличиях лютеран от православных (в сравнении со строго систематизированным богословским «Камнем веры»).⁵⁴ Данные характеристики применимы, на наш взгляд, и к «Завещанию отеческому». Описывая лишь некоторые самые принципиальные догматические расхождения (о посте, иконопочитании, поклонах, Пресвятой Богородице), Посошков-публицист оставлял в стороне эkkлезиологические вопросы (о монашестве, священстве, таинствах, чинах церковных). Тем не менее невозможно согласиться с выводом А. А. Царевского о том, что влияние Яворского на Посошкова было «слишком ничтожно, ограничивалось только формальной стороной, общим распорядком мыслей и не простиралось вовсе на содержание».⁵⁵ Содержательная сторона «Завещания отеческого» как раз демонстрирует детерминированный идеями и высказываниями Яворского характер религиозных воззрений Посошкова.

Отстаивая правоту и истинность православия, Посошков указывает на тот факт, что уже два века лютеранство существует, «а Бог их ни малым чудом не прославит»; «ни от живого, ни от мертвого чуда никакова не явилось».⁵⁶ Стефан Яворский вопрошает по этому же поводу: «Ваших же апостолов Лютера и Кальвина кака суть чудеса? Где суть чудеса апостольских лиц лютерских, кальвинских, новокрещенских и прочих, от Лютера произошедших?»⁵⁷ У Яворского находим то же доказательство «от древности», что и у Посошкова: «Истинная Церковь Христова и Апостольская есть старая, ветхая и древняя. Но ваша церковь есть новая, недавно возникшая, и лютерская убо, прешедшим от Христа пятьнадесяти-м лет, в лето Христово 1517, начат являтися; кальвинская же еще послезде».⁵⁸ Практически совпадают рассуждения Яворского и Посошкова о преступлении Лютера против католических монашеских обетов (с оправданием правил жизни римских монастырей),⁵⁹ о том, что должно быть стыдно лютеранам, по словам апостола Павла, «взираючи на скончание жития своего предводителя» и подражать его вере.⁶⁰ Вслед за Яворским Посошков осуждает гелиоцентрическую систему Коперника, с негодованием критикует протестантские взгляды на Богородицу, которую «прокляты люторане с своими

⁵⁴ Царевский А. А. Посошков и его сочинения. С. 188.

⁵⁵ Там же. С. 189.

⁵⁶ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 111.

⁵⁷ Яворский С. Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах: Творения пресвященного Стефана Яворского. М., 1999. С. 191.

⁵⁸ Там же. С. 176.

⁵⁹ Там же. С. 191—193.

⁶⁰ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 154; Яворский С. Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. С. 169.

скверными женами равняют»⁶¹ (ср. у Яворского: «Не прочим ли женам глаголете быти равную Богоматерь Христову?»⁶²). Рассуждения Посошкова о «яростных» «блудных» совокуплениях лютеран с женами и о проблеме «честного брака»⁶³ близки к размышлениям Яворского на тему брака и монашества: «Но волчая ярость есть, егда под тем покрывалом всякое ласкательство плоти творят, броды похоти отъемлют».⁶⁴

О жизнеспособности сформированных Яворским (и использованных в дальнейшем Посошковым) архетипов восприятия протестантизма свидетельствуют надписи, сделанные в XVIII в. неизвестным лицом на заглавном листе «Камня» Яворского: «Камень есть ссей в утверждение истины <...> бо камнем аки мечем Стефан противников уязвил и взял над ними победу и триумф»; «Лютор — лютовор»; «Калвин — кал свин»; «Уловляют духи в их вражеские сети, кто упал — тот пропал»; «Честь и слава Стефану, а стыд Лютору и Калвину», и т. д.⁶⁵ Рассуждения Посошкова часто лежат в том же русле «ругательной» полемики. В «Камне веры» и «Завещании отеческом» обнаруживаются схожие выражения в адрес протестантов, сравниваемых с язычниками («яко безкнижная мордва», «не знающие Бога язычницы») и «бессловесными тварями», которые «глаголящися мудрыми быти, объюродесте».⁶⁶ Но самое главное Посошков и Яворский солидарны в общем представлении о природе протестантизма, полагая, что лютеране и кальвинисты в потакании греху «избраща себе путь широкой»,⁶⁷ «отмещут тесный путь»,⁶⁸ вопреки словам Евангелия, согласно которым в Царство Небесное ведет путь узкий и прискорбный. При всем том полемические сочинения Посошкова глубоко оригинальны, поскольку автор творчески интерпретировал положения Яворского в стремлении продемонстрировать широким слоям русского населения различия между древнерусским православным благочестием и западнохристианским «зловением».

Послания Посошкова к Стефану Яворскому, а также другие его сочинения свидетельствуют о значительном авторитете автора «Камня веры» для «первого буржуазного мыслителя»: по мнению

⁶¹ *Посошков И. Т.* Завещание отеческое к сыну. С. 85.

⁶² *Яворский С.* Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. С. 159.

⁶³ *Посошков И. Т.* Завещание отеческое к сыну. С. 30–33.

⁶⁴ *Яворский С.* Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. С. 133 и далее.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁶⁶ См.: *Посошков И. Т.* Завещание отеческое к сыну. С. 35, 39, 47, 60, 97, 167, 168; *Яворский С.* Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. С. 170, 198.

⁶⁷ *Посошков И. Т.* Завещание отеческое к сыну. С. 3, 48.

⁶⁸ *Яворский С.* Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. С. 132–133; см. схожие рассуждения: Там же. С. 169, 188, 192.

Посошкова, каждый кандидат в священнослужители («желающий пресвитерства») должен был выучить наизусть «тот многоценный камень». ⁶⁹ По всей видимости, богословский авторитет преосвященного Стефана повлиял на характер отношения Посошкова к традициям полонизированного украинского духовного образования, в которых воспитывался сам Яворский. Так, наставляя сына, Посошков вел речь о необходимости учить польский язык, «понеже и на полском языке много таковых книг есть, кои у нас на славенском языке не обретаются, а и к науке полской язык иных языков поемнее, и аще и латинскому поучишися». ⁷⁰ Также Посошков был склонен признавать полезным педагогический опыт Католической церкви, активно внедряемый в систему духовного образования России в XVIII в. архиереями-малороссами. В перечислении тех отраслей знаний, которые должен постичь его сын (следует «к тому же украшаться книжным учением грамматическим и риторским, и философским разумом» ⁷¹), Посошков фактически следовал за структурой иезуитских коллегий, где первый класс младшего отделения являлся классом грамматики древних языков, пятый класс был классом риторики, а старшее отделение коллегии открывалось классом философии.

Одну из интересных категорий, выделенных в «Завещании отеческом», но не прошедших порог встречаемости, представляет категория «Наказание за ересь путем сожжения» (встречается 5 раз). Не требуя преследований лютеран за их вероисповедание как совершенно невозможной практики, Посошков тем не менее высказывался за необходимость сожжения подобных Лютеру «прелестников» и выражал сожаление, что Лютер не был сожжен вместе с его книгами ⁷² (ср. у Яворского: «Не глаголю словес, но виселиц мало в наказание сицеваго лютерова беззакония» ⁷³). Своему сыну, которому он прочил деятельность на судебном поприще, Посошков советовал проявлять максимум жестокости для богохульников и «еретиков», пытаться их в застенках и казнить: «А буде кои люди явятся богохулцы, иже тела Христова и крове его не приемлют скверня е, и нарицают ту пресвятую святыню мерзостью, то тем не надлежит сроку давать ни на сутки, но из застенка вывед не медля, того же часа, и на виселицу или на главоусечение или на сожжение». ⁷⁴ Из контекста ясно, что в данном случае речь шла о «раскольниках», а не о протестантах, от влияния которых Посошков предлагал ограждать православных исключи-

⁶⁹ Посошков И. Т. 1) Книга о скудости и богатстве. С. 15; 2) Доношение Ивана Посошкова митрополиту Стефану Яворскому // Сочинения Ивана Посошкова. С. 307--317.

⁷⁰ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 8.

⁷¹ Там же. С. 57.

⁷² Там же. С. 48.

⁷³ Яворский С. Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. С. 192.

⁷⁴ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. С. 234.

тельно просветительскими мерами.⁷⁵ Здесь в очередной раз проявляется особое отношение Посошкова к иноверцам с Запада — уважение к их культурному опыту, смешанное с сожалением и негодованием по поводу их «заблуждений», но вместе с тем и осознание того факта, что фанатичным преследованием иноверцев проблемы конфессионального и культурного влияния протестантизма не решить.

Утверждение о том, что Посошков в своих взглядах на западное христианство являлся реакционером и «выразителем общественного мнения всей допетровской России»,⁷⁶ верно лишь отчасти. Воззрения Посошкова вполне объяснимы новыми историческими условиями, в которых пребывала Россия в первой четверти XVIII в. Русское общество было поставлено перед необходимостью использования в гражданской и политической жизни, духовной и художественной культуре иностранного опыта, основанного на протестантских и католических ценностях, однако при этом должно было сохранять (и долгое время сохраняло) традиционные принципы религиозной жизни. По этой причине антагонистическое отношение к иноверию и иноверцам сохранялось, но оно дополнялось признанием их достижений, что в российском общественном сознании практически исключало возможность конфессионального давления на неправославных христиан и тем более их преследования. Религиозный фанатизм Посошкова также был относительным и распространялся главным образом на старообрядцев и отступающих от официального православия.

В первой четверти XVIII в. секуляризация культуры как одна из целей петровских преобразований вступала в противоречие с клерикализмом и политикой укрепления православия в качестве государственной идеологии российского абсолютизма. Католичество, как более консервативное и ортодоксальное по сравнению с протестантством учение, в каких-то случаях могло вызывать даже меньше нападок в русском обществе, чем протестантизм. По этой причине Посошков оказывался сравнительно более терпимым к католичеству. Однако усиленно критикуя М. Лютера и некоторые его установления, Посошков мог проявлять лояльность и быть сочувственно настроенным собственно к «обольщенным» лютеранам. Таким образом, лишь с определенными оговорками можно признать, что Посошков в своих взглядах на западное христианство занимал позиции «воинствующего православного», считавшего «необходимыми и правомерными насильственные методы установления православных порядков».⁷⁷

⁷⁵ См.: *Посошков И. Т.* 1) Доношение Ивана Посошкова митрополиту Стефану Яворскому. С. 308—309; 2) Аще кто восхоцет (отрывок) // *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. С. 276.

⁷⁶ *Царевский А. А.* Посошков и его сочинения. С. 144.

⁷⁷ *Платонов Д. Н.* Иван Посошков. С. 17.

М. ФЕРРАЦЦИ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ТУРНЕ СЕМЕЙСТВА САККО (1733—1734)

Как известно, в царствование Анны Иоанновны итальянская комедия дель арте пользовалась в России особой популярностью. По велению императрицы к российскому двору в 30-е гг. XVIII в. были приглашены три разные труппы комедиантов. Первая, взятая «взаймы» у польского короля Августа II, выступала в Москве в связи с торжествами по поводу коронации Анны Иоанновны в 1731 г., ее директором был Томмазо Ристори. Вторая, набранная непосредственно в Италии представителями русского двора, играла в Санкт-Петербурге с конца весны 1733 по осень 1734 г.; третья гастролировала также в Петербурге с 1735 по 1738 г. В ее состав входили такие известные актеры, как Дзанетта Казанова, мать Джакомо, и Карло Бертинацци — знаменитый «Карлино», который уже после возвращения из России почти сорок лет гремел на сцене Итальянского театра в Париже.

К сожалению, не все еще представляется до конца ясным в общей картине трех турне итальянских комедиантов. Например, от пьес, поставленных первой труппой, до нас дошли только названия — почти все во французском переводе. Учитывая специфику комедии масок или так называемых «improvvisate» — сценариев, похожих между собой, но в то же время всегда отличных от предполагаемых оригиналов, которые комедианты наполняли своей импровизацией, практически невозможно установить, каким был в действительности текст, использованный труппой Томмазо Ристори, на итальянском языке. Но самые сложные вопросы вплоть до недавнего времени вставали при изучении деятельности второй труппы. Хотя, по крайней мере в общих чертах, ее репертуар был нам известен,¹ тем не менее не было точных сведений ни о ее составе, ни о длительности пребывания в Петербурге, ни, наконец, о дате

¹ Об этом см. далее.

и причинах ее роспуска.² В ходе исследований по истории комедии дель арте в России³ обнаружение и анализ некоторых исторических документов позволили нам пролить свет на ряд прежде неясных проблем. В предисловии к XV тому своих «Сочинений» в издании Паскуали, описывая состояние труппы венецианского театра Сан-Самуэле в 1736—1737 гг., Карло Гольдони замечает: «...но гораздо более усилилась эта компания в следующем году с приездом в Италию и в тот же театр семьи Сакки, вернувшейся из России».⁴ Факт, приведенный Гольдони, находит свое подтверждение в некоторых документах, обнаруженных в русских архивах и опубликованных Л. М. Стариковой. Во-первых, это счет, подписанный Джузеппе Аволио, в котором приводятся расходы на театральные спектакли, поставленные при дворе в период с мая 1734 по февраль 1736 г. (здесь неоднократно упоминаются имена Антонио, Адрианы и Нины Сакки, или Сакко); во-вторых, это документы о регистрации паспортов, выданных на имя разных членов семьи Сакки в декабре того же 1734 г.⁵ Именно эти документы и позволили нам уточнить хронологические сведения, приведенные у Гольдони и установить с достаточной точностью дату завершения русского турне Антонио Сакко и его родни.

Но все-таки кто такие Сакки? Почему уже само определение их как главных участников второй итальянской труппы, приглашенной Анной Иоанновной, представляет собой историко-культурное явление, достойное внимания? Дело в том что в XVIII в. Сакки составля-

² См., например, работы по истории русского театра В. Н. Всеволодского-Гернгросса, в частности его исследование «Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче» (Ежегодник имп. театров. 1913. Вып. III. С. 1—34; Вып. IV. С. 40—62; Вып. VI. С. 35—76 и отд.: СПб., 1914) и содержательное исследование: *Mooser R. A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII-me siècle*. Т. I—III. Genève, 1948—1951. Т. I. P. 99 - -117.

³ См.: *Ferrazzi M. Commedie e comici dell'arte italiani alla corte russa (1731—1738)*. Roma; Bulzoni, 2000. Русский перевод: Комедия дель арте и его исполнители при дворе Анны Иоанновны: 1731—1738 / Пер. А. О. Дёмина. М., 2008.

⁴ *Goldoni C. Opere complete, edite dal Municipio di Venezia nel II centenario della nascita*. Т. I—XL+Indici. Venezia, 1907—1971 (далее: *Opere*). Т. I. P. 124.

⁵ Счет Аволио, итальянского актера, приехавшего в Санкт-Петербург из Германии в 1734 г. вместе с женой, сопрано Кристиной-Марией Кроуманн (Грауманн) и в Санкт-Петербурге назначенного организатором-администратором дворцовых трупп, хранится в РГАДА и опубликован Л. М. Стариковой. См.: *Старикова Л. М. Новые документы о деятельности итальянской труппы в России в 30-е годы XVIII в. и русском любительском театре этого времени // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник АН СССР за 1988 год*. М., 1989. С. 80—92. (См. также: *Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника. 1730—1740*. Вып. 1 / Сост. Л. М. Старикова. М., 1995. С. 272—295). Что касается документов, относящихся к выдаче паспортов семье Сакко, то они хранятся в АВПРИ и опубликованы в кн.: *Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны*. С. 259—260.

ли театральный ансамбль первостепенного значения. Их любимой «сценой» была Венеция, в то время один из наиболее оживленных театральных центров; но благодаря частым турне ансамбль знали во всей Европе. Самым блестящим представителем труппы несомненно являлся Антонио-Джованни, или просто Антонио, который играл роль Арлекина и единодушно признавался обладателем редчайшего комического дара. Гольдони, который, как известно, испытывал сильную неприязнь к комедии дель арте в том испорченном виде, который она приняла в его время, в своих «Mémoires» утверждает: «Наш век произвел почти одновременно трех великих комедиантов: Гаррика в Англии, Превиля во Франции и Сакки в Италии». ⁶ В другом месте «Воспоминаний», говоря о своей пьесе «Тридцать две напасти Арлекину», представленной в сезон 1738/39 г., драматург замечает:

«Именно Сакки должен был исполнять ее в Венеции; я был уверен, что он не может не иметь успеха. Этот актер, известный на итальянской сцене под именем Труффальдина, к природному изяществу своей игры присоединял непрерывное изучение комедийного искусства и разных европейских театральных традиций. Антонио Сакки имел воображение живое и блестящее. В то время как другие исполнители роли Арлекина только повторяли самих себя, Сакки вносил свежую струю в комедию, благодаря своим новым шуткам и неожиданным репликам. Именно на Сакки люди ходили толпами. Его комические приемы, его шутки были взяты не из простонародного языка или языка комедиантов; в своих выступлениях он использовал сочинения комедиографов, поэтов, ораторов, философов. В его экспромтах можно было распознать мысли Сенеки, Цицерона, Монтеня, но он умел преподнести максимы этих великих умов в такой форме, что они становились понятными даже самым простым людям. И то самое высказывание серьезного автора, которое удивляло нас своей глубиной, заставляло смеяться, исходя из уст этого превосходного актера. Я говорю о Сакки как о человеке ушедшем, ибо в силу его преклонного возраста Италии остается лишь сожалеть о его утрате без надежды на замену».⁷

Сотрудничество с Гольдони было длительным и плодотворным. Среди прочего, как признавал сам драматург,⁸ была знаменитая пьеса «Арлекин — слуга двух господ», написанная в 1745 г. и представленная в 1746 г.; она родилась по подсказке именно Антонио Сакки, ставшего ее блестящим, по общему мнению, исполнителем.⁹

⁶ Mémoires. Т. III. Гл. IV // Opere. Т. XXXVII. P. 24.

⁷ Ibid. Т. XXXVI. P. 210.

⁸ См. его предисловие к пьесе.

⁹ Небезынтересно то, что пьеса «Арлекин — слуга двух господ» в 1947 г. была поставлена известным режиссером Джорджо Стрелером на сцене Малого театра города Милана. С этим спектаклем театр гастролировал (и гастролирует) по всему миру, вызывая общий восторг. Зрители особенно любят вы-

Помимо Гольдони мастерство Антонио Сакки получало высокую оценку и у других представителей зарубежной и итальянской культуры. Так, П. Бозизио утверждает, что его талант признавали и Гёте, и Лессинг,¹⁰ а что касается итальянской интеллигенции, достаточно вспомнить братьев Гаспаро и Карло Гоцци, в особенности Карло, который написал для Антонио свои знаменитые «Театральные сказки», начиная с «Любви к трем апельсинам»;¹¹ или же Франческо Саверио Бартоли — комедианта, которому мы обязаны ценным собранием жизнеописаний актеров XVIII в. Бартоли, проработавший в свое время шесть лет с Сакки, в заключение своего биографического очерка, посвященного Антонио, пишет:

«Если мы хотим по справедливости восхвалить его особый дар и его выдающийся талант, то должны объявить его человеком, достойным неизгладимой памяти, и в его лице видеть пример исключительного актера, чье имя навсегда останется в истории театра прославленным и незабываемым».¹²

Но, как доказывают уже упомянутые документы, Антонио не был единственным представителем семейства Сакки, приглашенным в Россию. При дворе Анны Иоанновны вместе с ним выступала вся его семья: отец, Газтано, по всей вероятности директор труппы, который удостоился чести выступать при дворе в Вене, где в 1708 г. родился Антонио; мать, Либера, неизменная соратница мужа по сцене; сестра, Адриана (Андриана), которой была поручена роль Смеральдины-служанки и которую Гольдони вспоминает вместе с братом как актрису, обладающую «тончайшим знанием ремесла»;¹³ жена, Антония Франки, игравшая роль Беатрисы, т. е. «возлюбленной» или же «серьезной дамы».

ступления Арлекина Ферруччо Солери, акробатизм и шутовство которого во многом обязаны исполнительской технике Арлескина Сакки.

¹⁰ *Gozzi C. Fiabe teatrali. Testo introduttivo e commento a cura di P. Bosisio.* Roma, 1984. P. 143. Зам. 24.

¹¹ Как известно, в 1914 г. заглавие первой «Театральной сказки» Карло Гоцци выбрано В. Е. Мейерхольдом и его сотрудниками для журнала, который должен был разъяснять и пропагандировать новые театральные теории, выработанные великим режиссером в его Студии. В Венеции десять «Сказок», написанные и поставленные Карло Гоцци между 1761 и 1765 гг., явились, можно сказать, по темическим ответом на «реалистический» театр Карло Гольдони, который Гоцци считал примитивным и плебейским. Очищенные от любой связи с бытом и попыток психологического углубления, «Сказки» предлагают фантастический театр, в котором использование масок способствует обнажению сценической иллюзии и, как писал В. М. Жирмунский, созданию «комедии чистой радости» (см.: *Жирмунский В. Комедия чистой радости: («Кот в сапогах» Людвиг Тика. 1797) // Любовь к трем апельсинам.* 1916. Кн. I. С. 85—91).

¹² *Bartoli F. S. Notizie storiche de' Comici italiani che fiorirono intorno all'anno MDL. fino a' giorni presenti.* Т. I—II. Padova, 1792. Т. II. P. 149.

¹³ *Opere.* Т. I. P. 124.

Что касается репертуара Сакки, к счастью (как уже отмечалось, от пьес, сыгранных первой труппой, остались лишь названия), до нас дошли в русских и/или немецких переводах целых 28 сценариев (русские переводы принадлежат В. К. Третьякову).¹⁴ Это бесценное наследие, которое позволяет нам не только проследить за становлением русской театральной речи, но и прояснить многие особенности, касающиеся художественной ориентации труппы, ее манеры сценического исполнения и технического воплощения замысла.

По этому поводу отметим прежде всего, что в большинстве случаев содержание петербургских сценариев незначительно отличается от устоявшейся формы, которую приняли «improvise» в XVII—XVIII вв.: публике предлагается история двух влюбленных, которым, несмотря на препятствия, чинимые так называемыми «стариками» — Панталоном и Доктором, благодаря хитрости слуг — Бригеллы и Арлекина, а часто и Смеральдины, в конце

¹⁴ 1. Честная куртизанка; 2. В ненависть пришедшая Смеральдина; 3. Смеральдина-Кикимора; 4. Перелазы через забор; 5. Газета, или Ведомости; 6. Арлекин и Смеральдина — любовники разгневавшиеся; 7. Рождение Арлекиново; 8. Переодевки Арлекиновы; 9. Четыре Арлекина; 10. Арлекин-статуа; 11. Великий Василиск из Бернагасса; 12. Бригелл, оружие и бутор; 13. Француз в Венеции; 14. Метаморфозы, или Преображения Арлекиновы; 15. Der Streit der Betrugerey zwischen Brighella und Arlequin [Ссора из-за обмана меж Бригеллоу и Арлекином]; 16. Скороход ни к чему не годной; 17. Обман благополучный; 18. Портомоя-дворянка; 19. Напасти счастливыя Арлекину; 20. Забавы на воде и на поле; 21. Клятвопреступление; 22. Марки Гасконец величайвый; 23. Чародейства Петра Дабана и Смеральдины, царицы духов; 24. Напасти Панталоновы и Арлекин притворный курьер, потом так же и барбиер по моде; 25. Доктор о двух лицах; 26. Ответ Аполлонов сбывшийся, или безвинная продана и выкуплена; 27. Любовники, друг другу противящиеся с Арлекином притворным пашею; 28. Das bezauberte Arcadien.

Напомним здесь, что переводы итальянских сценариев, о которых впервые сообщил В. В. Сиповский (см. его исследование «Итальянский театр в С. Петербурге при Анне Иоанновне» (Русская старина. 1900. № 6, июнь. С. 593—611)) и которые были опубликованы В. Н. Перетцем в 1917 г. (Италийские комедии и интермедии, представленные при дворе Анны Иоанновны в 1733—1735 гг. Тексты), во время правления Анны Иоанновны были напечатаны Академической типографией в 200 экземплярах (100 на русском и 100 на немецком языке — двух языках, на которых тогда говорили при дворе). К 26 сценариям, относящимся к 1733—1734 гг., опубликованным В. Н. Перетцем, мы добавили еще два текста (см. выше № 15 и 28). Первый, сохранившийся только на немецком языке в петербургской Библиотеке Академии наук, был нами причислен к итальянским сценариям на основе даты издания (1733), типографского оформления, аналогичного оформлению других переводов (маленькая книжечка, форматом в двенадцатую долю листа), издательства (типография Академии наук) и, разумеется, содержания; второй, также на немецком языке, был найден швейцарским исследователем Р.-А. Моозером в ранее неизвестном собрании сценариев, поставленных при дворе Анны Иоанновны с 1733 по 1735 г. и хранящемся в библиотеке Геттингенского университета (см.: *Mooser. R.-A. Annales de la musique...* Т. I. P. 112). Позже другой экземпляр данного сценария был обнаружен и в петербургской Библиотеке Академии наук.

концов удастся увенчать успехом свои желания.¹⁵ В соответствии с традицией повторяемость текстов является следствием той роли, которая отводилась игре актеров, в частности так называемых «Zanni» (слуг). Особенно показательным в этом отношении то, что имя Арлекина появляется в названии десяти пьес и что его персонаж неизменно присутствует во всех сценариях. Причем интерес большинства из них сосредоточивается почти исключительно на его забавных шутках, выражаемых жестами и словами, на его обманах и, особенно в «волшебных» пьесах, на его головокружительных превращениях. Так как и в этом случае по традиции петербургские сценарии не останавливаются на исполнительских особенностях,¹⁶ нелегко установить, каковы были актерские приемы Антонио. Тем не менее, зная его деятельность как до, так и после русского турне, представляется весьма вероятным, что его вдохновляли как знаменитый Доменик Бьянколелли (Dominique), выступавший во Франции во второй половине XVII в., с его умением перевоплощаться, так и акробатическое искусство не менее знаменитого Томмазо Визентини (Thomassin), который в то время, когда Сакки играл в России, выступал в Париже на сцене Итальянского театра.¹⁷

¹⁵ Действующие лица некоторых пьес, не встречающиеся в других сценариях, — это часто не что иное, как разновидность уже знакомых нам персонажей или же прием, направленный на обогащение сюжетной линии и более детальное описание жизненных реалий. Например, Сабатино из «Портомой дворянки» — это явный аналог Доктора, а в «Клятвопреступлении», где появляется персонаж Табарина, можно распознать робкие намеки на социальные проблемы: Диана и Смеральдина представляются как «чеченихи смѣшныя», а Табарин, «человѣкъ богатой», вызывает в памяти мольеровского «bourgeois gentilhomme»: несмотря на слово, данное Панталону, он «не хочет взять его дочь <...> хочет он себя облагородствовать женися на благородной дѣвицѣ», и за это готов заплатить до двадцати тысяч рублей. С другой стороны, Силвий, «баронь де Тарантола», использует все средства для того, чтобы Табарин женился на его сестре Смеральдине, «чтобъ можно было содержать тѣмъ славу своего благородства» (д. III и II).

¹⁶ Они ограничиваются лаконичными стандартными выражениями типа: «...и послѣ нѣкоторыхъ игрушекъ своиственныхъ театру...»; «...сталъ онъ чинить многія потѣхи приличныя театру»; «Изъ того послѣдуютъ многія игрушки приличныя театру»; «Арлекинъ съ игрушкою смѣшною...», и т. д. Ясно, что речь здесь идет о сюжетных паузах, не ограниченных по времени, в рамках которых Антонио Сакки давал полную свободу своему творческому воображению.

¹⁷ Доменико Бьянколелли (1636, Болонья — 1688, Париж) сыграл решающую роль в популяризации во Франции маски Арлекина, которой он придал не присущие ей ранее индивидуальные черты. Бьянколелли оставил нам в письменном виде подробное описание ролей Арлекина 71 сценария — своего рода учебник театрального мастерства, на котором выучилось не одно поколение Арлекинов.

Томмазо Визентини (1682, Виченца — 1739, Париж) был одним из лучших Арлекинов первых десятилетий XVIII в. В ходе своих выступлений он совершал такие рискованные акробатические трюки, что сама публика, которая очень его любила, неоднократно просила его быть осторожной.

В любом случае нет сомнения, что Сакки, вынужденный, как и его именитые предшественники и современники, выступать перед публикой, которая в большинстве своем не понимала итальянского языка, должен был рассчитывать прежде всего на свои способности мима и акробата.

Что касается характера персонажа, в общем, за небольшим исключением,¹⁸ Арлекин, в исполнении Антонио Сакки был традиционен. В отличие от Бригеллы, коварного интригана, он прост и бесхитростен, его слова и движения забавны и неуклюжи: одним словом, в соответствии с рекомендациями А. Перруччи, этот Дзанни глупый, несуразный и настолько «бессмысленный во всем, что делает, что не может различить где право, а где лево».¹⁹ Мучимый ненормальным голодом, он жадно ест даже блох и мух, а уж за тарелку излюбленных макарон готов на самые настоящие чудеса ловкости и сноровки. На уморительно смешные проделки его толкает также желание угодить своему хозяину, обычно молодому влюбленному. Для того чтобы поспособствовать его любовным планам, в «Честной куртизанне» он переодевается в доктора; в «Арлекине и Смеральдине, любовниках разгневавшихся» — в немецкого барона; в «Переодевках Арлекиновых» — в Панталона и Капитана Ковиелло; в «Арлекине-статуе» — в солдата, трубочиста, астролога и мальчика; в «Метаморфозах, или Преображениях Арлекиновых» — в пузатую бабу, и т. д. Особенно смешной была, по-видимому, «игрушка» с иностранными языками (*lazzo del parlar foresto*), когда Арлекин Сакки пускался по-шутовски «гуторить» по-иноземному, т. е. начинал разговаривать на иностранных языках. В уже упомянутой «Честной куртизанне», переодевшись Доктором, который, как известно, начинал свои речи латинскими словами, он изрекает сентенцию «*qui non habet aurum aut argentum non intrabit qui dentrum*» (т. е., как объясняет переводчик: «У кого нѣтъ золота и серебра, тотъ невоидеть сюда никогда», д. II). В уже упомянутых «Переодевках Арлекиновых», нарядившись Панталоном, он выполняет предписания Бригеллы, который его убеждает, что «для языка венеціанскаго» (языка Панталона) достаточно будет прилагать «слогъ ао, іо и уо, къ нѣкоторымъ реченіямъ» (д. I). В той же самой пьесе, уверяя Панталона, что перешел служить от Дианы к неким господам, отъезжающим в длительное путешествие в Европу, для того чтобы отвести подозрения старика, внушает ему, что хорошо знает разные иностранные языки и «подражаетъ рыку бычачьему для чешкаго языка; поросячьему хрюканью для французскаго; а для гішпанскаго ко всякому слову прибавливая ось, а всіо вкидавая сло-

¹⁸ Ср., например, пьесу «Великий Василиск из Бернагасса», где Арлекин выступает в роли купца.

¹⁹ *Perrucci A. Dell'arte rappresentativa premeditata e all'improvviso. Firenze, 1961. P. 215 (1-е изд.: Napoli, 1699).*

во: Вонъ, которое было знакъ Бригеллу, и Дианнѣ, ежелибъ старикъ пришоль» (д. I).

Но для того чтобы развеселить свою публику, Сакки умел делать еще и не такое. Его Арлекин, как в свое время Арлекин в исполнении Бьянколелли, демонстрирует потрясающие способности принимать любые формы, превращаясь не только в разных персонажей, но и в фантастических животных и необычные предметы: свиней и обезьян, скелеты и стеклянные шары, статуи и настенные часы и даже, как ни трудно в это поверить, — в обои.

Женским образом, сопоставимым по важности с Арлекином, является Смеральдина, которую играла, как уже писалось, Адриана Сакки, сестра Антонио. Смеральдина присутствует почти во всех сценариях,²⁰ выступая в них то как главная героиня («В ненависть пришедшая Смералдина» и «Смералдина-Кикимора»), то как одно из главных действующих лиц («Арлекин и Смералдина, любовники разгневавшиеся» и «Чародейства Петра Дабана и Смералдины, царицы духов»). И если обычно она не выходит из рамок традиционного ампула резвой и остроумной служанки, предмета воздыханий Арлекина, во многих случаях она предстает и в других ролях: племянница Панталона, трактирщица, прачка, несчастная жена Сильвио, мнимая римская дама, мнимая турецкая султанша и т. д. Особенно в волшебных пьесах, в частности в «Чародействах Петра Дабана» и «Смералдине Кикиморе», она, как и Арлекин в других пьесах, участвует в самых разнообразных превращениях. В этом смысле характерен эпизод из III действия «Смералдины Кикиморы», в котором описывается, как она «выходитъ, приходя и возвращаяся много разъ въ образѣ разныхъ слугъ и служанокъ вольнодомскихъ, а всегда жалуясь на невѣрность Силвиину и сожальѣя о нещастіи Смералдиніномъ. Она пристрояетъ всѣ эти разные характеры языками тѣмъ странамъ свойственными, изъ которыхъ она притворяетъ себя быть, и все то чинить поючи, танцуючи и дѣлаючи многія игрушки приличныя театру...»

Как видно из данной цитаты, Адриана Сакки сочетала незаурядные способности к перевоплощению со столь же незаурядной легкостью речи. Не случайно она выступает как неизменная участница тех двух диалогов, которые имеются в петербургских сценариях. В первом из них, во II действии пьесы «Переодевки Арлекиновы», она тайно подслушивает «жениха» Арлекина, который диктует Бригелле письмо для своей матери. Уверенная в том, что речь идет о послании к любовнице, Смеральдина выкрикивает оскорбительные слова, которые Бригелла вставляет в текст, диктуемый Арлекином, что производит очень смешной эффект. Во втором диалоге, «Разговор между Смералдиною-Кикиморою и Панталоном», который, хотя

²⁰ За исключением пьес «Честная куртизанна» и «Das bezauberte Arcadien», где, однако, Адриана могла играть другую роль.

и находится в приложении к «Смералдине-Кикиморе», однако выступает как своего рода самостоятельный сюжет, Адриана-Смеральдина вместе с Панталоном, которому явно отводится второстепенная роль, не только отличается своим остроумием и красноречием, но и использует психологический прием воздействия на зрителей, выдавая себя не за иностранку, а за настоящую москвичку, завершая свою тираду русским танцем. Речь идет о мелочах, но это важные мелочи, которые убеждают нас в том, что в труппе престиж Адрианы был не ниже престижа Антонио; более того, весь репертуар труппы был составлен с расчетом на блестящие таланты обоих молодых Сакки, брата и сестры. Стоит добавить, что при русском дворе исполнялись и музыкальные интермедии, где, чередуя разговорные и вокальные пассажи, актеры (обычно только два, так называемые «буффо» и «буффа») разыгрывали простенькие любовные истории или бытовые анекдоты, содержащие характерные мотивы комедии дель арте и часто сопровождающиеся танцами.²¹ Согласно Аволио,²² Антонио Сакки принимал в них участие в качестве хореографа (петит-мейстера). Напомним в этой связи, что молодой артист дебютировал во Флоренции именно как танцовщик.²³

Конечно, игре обоих Сакки немало способствовало использование декораций и механизмов довольно высокого технического уровня, что на русский двор, еще не привыкший к развитой театральной традиции, не могло не производить большого впечатления. Действительно, если верно, что в своей основе сценография пьес, поставленных труппой Сакки, достаточно проста,²⁴ верно также и то, что нередко в нее вводятся совершенно необычайные для того времени сценические эффекты. Там, где сюжет это позволял, уди-

²¹ По данным, собранным В. Н. Перетцем, в 1733—1734 гг. при дворе были представлены 8 интермедий: «Подряточник Оперы в острова Канарийские» (либретто Метастазियो); «Старик скупой»; «Игрок в карты»; «Посадской дворянин» (музыка А. Гассе); «Муж ревнивой»; «Больным быть думающий»; «Притворная немка» (музыка А. Гассе); «Влюбившийся в себя самого, или Нарцисс». По всей вероятности, к ним надо еще добавить интермедию «Пурсоньяк и Гриллетта» (без даты), позже обнаруженную Р.-А. Моозером в Библиотеке Академии наук в Петербурге.

²² Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. С. 273.

²³ См. краткий биографический очерк в конце данной статьи.

²⁴ Как и в большинстве «improvvisе», фабулы сценариев, поставленных Сакки, развертываются в итальянских городах. Единственным исключением является пьеса «Das bezauberte Arcadien», действие которой происходит на острове. Действие 8 пьес происходит в Венеции; 5 — в Милане (Медиолане); 4 — в Болонье. Других — по вышеприведенному списку из 28 пьес — в Генуе, Вероне, Парме, Гаеце, Ферраре, Флоренции, Павии, Палермо, Ливорно, Таранто. События развиваются как на улице, так и в помещениях: на площади, на которую выходят окна домов Панталона и Доктора, а иногда и в переполненном трактире или же в номерах различных персонажей, в особенности «влюбленных», где молодые тайно встречаются и изливают в томных монологах свои любовные переживания.

вительные результаты достигались благодаря выделению деталей пейзажного фона, как например в «Клятвопреступлении», где Табарин восхищается величием венецианских дворцов и плывет в гондоле до Риальто, «где собираются все купцы» (д. I), или в «Забавах на воде и на поле», где представлен морской пейзаж с плывущими лодками и кораблекрушением (д. II), или, наконец, в «Ответе Аполлоновом сбывшемся», где город Таранто показан под осадой турок (д. II). Большим театральным эффектом несомненно отличались и действия, происходившие ночью. Темнота на сцене давала актерам возможность не только вводить поразительные световые эффекты, но и забавлять зрителей потешной путаницей среди персонажей и особенно ловкими акробатическими трюками.

Не вызывает сомнения, что самые захватывающие сценографические новшества встречались в волшебных пьесах, в которых машинист и «апаратор» труппы — Карло Джибелли и Стефано Буффелли (Буфелли) — щедро проявляли свою изобретательность и мастерство.²⁵ В «Смералдине Кикиморе», например, производило

²⁵ По Моозеру (*R.-A. Mooser. Annales de la musique... T. I. S. 121 и 156*), Джибелли, который вместе с Дж. Боном считается основоположником русского театрально-декорационного искусства (*Давыдова М. В. Очерки истории русского театрально-декорационного искусства XVIII—начала XX в. М., 1974. С. 9—12*), приехал в Россию в 1735 г. и, следовательно, не мог работать вместе с труппой Сакки. По А. А. Дмитренко (см. его исследование: *История строительства оперного деревянного дома в Петергофе в середине XVIII века // Старинные театры России XVIII—первая четверть XIX в. М., 1993. С. 18*), он «начал работать по оформлению спектаклей „итальянской комедии“ <...> приблизительно с середины 1740-х годов». Однако в счете Джузеппе Аволио, опубликованном Л. М. Стариковой, его имя упоминается уже в мае 1734 г. в связи с подготовкой постановки пьесы «Рождение Арлекина». Что касается Буффелли, то факт его пребывания в Санкт-Петербурге в 1733—1734 гг. подтверждается поданным им заявлением на получение разрешения вернуться на родину. Здесь он, в частности, пишет, что приехал в Россию в 1732 г. (см.: *Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. С. 304*).

Отметим здесь, что, в отличие от сценариев на итальянском языке, которые обычно наряду с изложением содержания пьесы и перечнем действующих лиц представляют и краткий список «*gobbe*», т. е. необходимых для инсценировки спектакля материалов, переводы Тредиаковского никаких сведений по этому поводу не дают. То, что инсценировки были рассчитаны на такой ограниченный круг зрителей, каким был двор, по всей вероятности, привел переводчика к мысли, что не стоило уведомлять публику об использованных материалах; комедианты, с другой стороны, хорошо знали то, что им было нужно для спектакля. Во всяком случае детали инсценировки нам известны благодаря цитированному счету Джузеппе Аволио, в котором итальянец тщательно перечислил все материалы, использованные для каждой постановки: канифоль и скипидар, крахмал и охлопье, гвозди и картузная бумага, зеркала и горшки, шапки и клистиры, веревки и проволоки для задников и сцен; шелка и кружева, кринолины и фижмы, шляпы и штаны, чулки и перчатки, плащи и сапоги для актрис и актеров. Этот живописный обзор позволяет представить напряженную работу, проведенную не только для исполнения на сцене каждой пьесы,

большое впечатление появление мифологических богов (в начале пьесы Плутон неожиданно предстает перед испуганной Смеральдиной восседающим на троне с судьями Миносом и Радамантом по бокам). Столь же впечатляющими были смены декораций на глазах у изумленных зрителей (ср. сцены II и III действия, где жилище Дианы превращается в лес, а затем в зал суда). В «Чародействах Петра Дабана и Смеральдины, царицы духов», где вся интрига держится на невероятных колдовских чарах Пьетро и Смеральдины, первый потопляет в море корабль, а вторая превращает Диану и Кораллину в деревья, изрыгающие огонь, и во II действии показана кузница Вулкана, где Циклопы заняты изготовлением особой стрелы, с помощью которой Купидон сможет помочь Смеральдине завоевать любовь Арлекина.

Разумеется, помимо сценографических изобретений Джибелли и Буффелли Антонио и Адриана Сакки в своих выступлениях опирались также на сценическую поддержку артистов, игравших вместе с ними.²⁶ Среди них хотелось бы особенно отметить Пьетро Пертичи и Пьетро Мира. Первый — комедиант и певец — упоминается как у Гольдони, так и у Джакомо Казановы;²⁷ второй — блестящий неаполитанский скрипач, в России завоевал такой большой успех в качестве комедианта, что в скором времени Анна Иоанновна назначила его придворным шутом (знаменитый «Педрилло»). Следует еще назвать Фердинандо Коломбо, упомянутого во всех биографических указателях как опытного Арлекина, и Антонио Фьоретти, снискав-

но и для ее подготовки. Работа, впрочем, щедро вознаграждалась ценными подарками, которые по окончании спектакля Анна Иоанновна лично распределяла между комедиантами.

²⁶ Как и в случае с Антонио Сакки и его семьей, имена нижеупомянутых актеров извлечены из счета Джузеппе Аволио и из цитировавшейся документации, относящейся к выдаче паспортов, необходимых для возвращения комедиантов в Италию. Вторая итальянская труппа, в которую помимо комедиантов входили и опытные певцы Пьетро Пертичи — о нем см. дальше, флорентинка Алессандра Стабили и музыканты (Пьетро Мира, братья Луиджи и Антонио Мадонис), была довольно многочисленна. О большом числе ее членов можно судить по списку приготовленных для прибытия труппы кроватей (19 односпальных и 8 двухспальных: соответствующий документ был опубликован в кн.: Театральная жизнь в России в эпоху Анны Иоанновны. С. 255). По сведениям шведской газеты «Stockolms Post-tidningar» (1733, N 14), согласно депеше, пришедшей из Венеции 10 марта, на предшествующей неделе капельмейстер Доменико Драйре уехал в Санкт-Петербург вместе с 32 артистами, выписанными от имени русской царицы (цит. по: *Mooser R.-A. Annales de la musique...* Т. I. P. 99, 100). Задача привести из Италии новую группу артистов была поручена Доменико Драйеру (Дрезру), опытному гобоисту, и его брату Джованни, известному кастрату, которые, хоть и получили ангажемент от русского двора во время их пребывания в Германии, однако были итальянского происхождения и хорошо знали итальянский язык.

²⁷ См.: *Opere*. Т. III. P. 194. Т. IX. P. 298; *Casanova J. Mémoires*. Т. I—III. Paris, 1958—1960. Т. II. P. 699.

шего немалую популярность в роли Панталона. Как подтверждено архивными источниками,²⁸ другим комедиантом, игравшим при русском дворе в 1733 г., был Франческо Эрмано, бывший членом первой труппы и в 1735 г. зарегистрированный и среди комедиантов третьего итальянского коллектива. Наконец, в документе от 1735 г.²⁹ значится, что с начала года в России были также Иеронимо Феррари и Доменико Дзанарди, которые впоследствии вошли в состав третьей труппы. Учитывая, что этот последний коллектив приехал в Санкт-Петербург поздней весной 1735 г., можно предположить, что два комедианта выступали и со второй итальянской труппой. Особенно интересным представляется имя Доменико Дзанарди, о котором Бартоли вспоминает как об одном из лучших Бригелл XVIII в.³⁰ Вполне возможно, что он исполнил эту роль и в России, наряду с Арлекином, представляемым Антонио Сакки. Стоит подчеркнуть, что в комедии дель арте роль Бригеллы была очень важной: из двух Дзанни именно он ведет игру, он выкидывает те уморительные шутки и измышляет те изощренные обманы, в которых заключается комизм разных пьес. Не случайно в списке действующих лиц некоторых сценариев он наделен определениями следующего типа: «коварник», «ходатай свадеб», «хитрой проныра», «изыскатель хитростей». Помимо того, Бригелла-Дзанарди был не только актером, но и автором сценариев. Его перу принадлежит пьеса «Бригелл, оружие и бутор», сюжет которой строится на том, что считалось коньком актера: захватывающей сцене импровизированного пиршества посреди дороги, во время которого Бригелла выступал с удивительными фокусами и превращениями.³¹

Наконец, нельзя обойти молчанием художественный вклад Антонио Франки, жены Антонио; и Газтано Сакки, отца Антонио и Адрианы. Как уже уточнялось, первая, по всей вероятности, играла роль «возлюбленной»; но если отождествление Антонио Франки Сакки с Ниной Сакки, упомянутой в счете Аволио, соответствует действительности (ни один член семьи официально не носил имя Нина), то согласно этому счету жена Антонио часто выступала и в интермедиях в качестве танцовщицы.³² Что касается Газтано Сакки, игравшего, по-видимому, роль Доктора, его личность заслуживает здесь небольшого отступления. Швейцарский исследователь Р.-А. Моозер, который в ходе своих исследований по развитию музыкального искусства в России нашел его имя в «Сборнике имп. Русского исторического Общества» от 4 июля 1734 г., не распола-

²⁸ См.: Театральная жизнь в России в эпоху Анны Иоанновны. С. 220.

²⁹ Там же. С. 261.

³⁰ См.: *Bartoli F. S. Notizie storiche de' Comici Italiani...* Т. II. P. 276.

³¹ Наличие этой пьесы среди сценариев, поставленных Сакки, представляет еще один аргумент в пользу участия Дзанарди в деятельности второй труппы.

³² См.: Театральная жизнь в России в эпоху Анны Иоанновны. С. 276.

гая данными о составе второй труппы, посчитал, что «загадочный персонаж», о смерти которого там сообщалось, был режиссером или театральным архитектором.³³ На самом деле, как мы видели, Гаэтано был директором всей труппы или по крайней мере одним из ее наиболее влиятельных членов. Это позволяет предположить, что именно по причине его смерти к концу года его родственники и некоторые другие актеры второй итальянской труппы решили испросить разрешения вернуться на родину. Факт смерти Гаэтано, хотя и при некотором хронологическом расхождении, подтверждается сведениями из итальянских источников, а именно биографическим указателем Франческо Саверио Бартоли, согласно которому Гаэтано был «в Московии на службе у великой Царицы, где положил конец своим дням в 1735 году».³⁴ Трудно сказать, умер ли Гаэтано естественной смертью или же он, как это можно было бы понять из намеков Бартоли, покончил жизнь самоубийством. Ясно лишь то, что тело его покоится в русской земле, что можно рассматривать как символическое заключение культурного диалога, который было бы несправедливо считать лишь случайным эпизодом. Спектакли Сакки, вероятно, смотрел и Александр Петрович Сумароков, тогда еще учащийся Сухопутного Кадетского корпуса — школы, в которой, несмотря на ее, по сути, военную структуру, преподавались также предметы общекультурного характера: литература, театр, музыка и танцы. Наличие тесной связи между Сухопутным корпусом и театральной жизнью двора подтверждается не только тем, что летом 1734 г. школа поставляла актеров для постановок отечественной комедии,³⁵ но и тем, что молодые кадеты были исполнителями первых русских трагедий и комедий, написанных тем же Сумароковым в конце 40-х—начале 50-х гг. В любом случае даже если юный Сумароков в 1733—1734 гг. и не присутствовал лично на спектаклях труппы Гаэтано Сакки, то наверняка знал о них. Об этом свидетельствуют его комедии 1750—1751 гг. — первые оригинальные русские комедии,³⁶ где легко распознаются отзвуки комедии *дель арте* с ее спецификой. Но это еще не все: благодаря Сумарокову и его пьесам (включая те, которые были написаны после произведений 50-х гг.) «*improvvisе*» вдохновляли значительную часть русского театрального искусства XVIII столетия. Середина века изобилует переводами (прежде всего с французского) и переделками характерных сюжетов итальянской комедии. Все эти произведения в сочетании с национальной традицией внесли немаловажный вклад в создание

³³ *Booster R.-A. Annales de la musique...* Т. I. P. 100, прим. 4.

³⁴ *Bartoli F. S. Notizie storiche de' Comici Italiani...* Т. II. P. 149.

³⁵ Более полно об этом см.: *Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге: В 2 т. СПб., 1870—1873. Т. II. С. 34.*

³⁶ «Тресотиниус», «Третьейный суд» (позднее «Чудовищи») и «Ссора у мужа с женой» (позднее «Пустая ссора»).

гой основы, на которой впоследствии выросла так называемая «бытовая сатирическая комедия», наиболее яркими примерами которой являются фонвизинские «Бригадир» и «Недоросль».

Но наша тема не заканчивается даже именем Фонвизина. Традиции комедии дель арте выходят за рамки XVIII в. — многие персонажи, ситуации и структурные особенности гоголевского театра восходят к итальянской «improvvisa». Кроме того, общеизвестно влияние, которое комедия дель арте и ее приемы, хотя и посредством немецкого романтизма и французского символизма, оказали на новую театральную технику многих режиссеров начала XX в., таких как Е. В. Вахтангов, А. Я. Таиров и, в особенности, Вс. Э. Мейерхольд. Останавливаться на их увлечении театром масок и выразительными средствами, с ним связанными, представляется здесь излишним.³⁷ Ограничимся напоминанием о том, что в 1914 г. в «Студии» Мейерхольда Владимир Соловьев, театальный критик и режиссер, организовал цикл лекций о комедии дель арте и, побуждая своих учеников ею вплотную заняться, помимо прочих текстов советовал также обратиться к пьесам, поставленным нашими комиками в 30-е гг. XVIII в.;³⁸ в тот же период журнал «Любовь к трем апельсинам» предложил своим читателям три древних итальянских сценария («Игра в приму»; «Братья-соперники»; «Несчастия Пульчинеллы») и две интермедии 1733—1734 гг. («Подряточник Оперы в острова Канарийские» и «Влюбившийся в самого себя, или Нарсисс»); уже после революции, в начале 1920-х гг., Соловьев поставил пантомиму «Проделки Смеральдины» по мотивам одного из сценариев, предложенных Сакки («Марки Гасконец величавый»). Значительным успехом пользовались и научные исследования по этой теме: в 1913 г. В. Н. Всеволодский-Гернгросс опубликовал свой труд «Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче»; между 1914 и 1917 гг. в Петрограде появились книга Константина Миклашевского «La commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов XVI—XVII—XVIII столетий»³⁹ и под редакцией В. Н. Перетца вышли русские переводы сценариев и интермедий, представленных при дворе Анны Иоанновны. Итак, русская культура начала XX в. — культура богатая, как немногие

³⁷ По этому поводу см. прим. 11.

³⁸ Теоретическая часть лекций была опубликована в журнале «Любовь к трем апельсинам» в том же 1914 г.

³⁹ Книга является разработкой цикла конференций, организованных Миклашевским в 1914 г. для того, чтобы подготовить серию спектаклей, посвященных комедии дель арте. Спектакли, не состоявшиеся вследствие начала Первой мировой войны, предполагалось поставить в петербургском «Старинном театре», где в то время Миклашевский работал вместе с создателем и организатором театра Николаем Николаевичем Евреиновым. Об этом см.: *Старк Е.* Старинный театр. Пб., 1922 (II изд.). С. 66; *Евреинов Н. Н.* История русского театра. New York, 1954. С. 392.

другие, счастливыми художественными экспериментами после долгого перерыва воскресила итальянскую комедию, в распространение которой в России Антонио Сакки и его семья вложили в свое время существенный вклад.

Закончим сообщением кратких биографических данных об Адриане и Антонио Сакки:

Адриана (Адриана) Сакки (Сакко) (? , 1706—Венеция, 1776). Согласно Лунджи Рази, после выступления в роли «серьезной дамы» под именем Беатриче «перешла <...> к роли служанки под именем Смеральдины, заменив госпожу Пассалаква и снискав большую популярность благодаря остроте ума, грациозности жеста и живости театральных шуток».⁴⁰ Как отмечалось, в роли Смеральдины получила высокую оценку и Гольдони. В 1739 г., после возвращения из России, вышла замуж за Родриго Ломбарди, отличного Доктора из отцовской труппы и от него родила несколько детей, тоже ставших комедиантами. Овдовев в 1749 г., вторично вышла замуж за Афанасия Дзанони, знаменитого Бригеллу, с которым нажила еще троих детей, также сделавшихся известными актерами. В течение всей жизни играла почти всегда в труппах, возглавлявшихся сначала отцом, потом братом. Особым успехом пользовалась, играя вместе с Антонио, в «Театральных сказках» Карло Гоцци.

Антонио-Джованни Сакки (Сакко) (Вена, 1708—Генуя, 1788). Сын Гаэтано и племянник Дженнаро, знаменитого неаполитанского Ковьелло, родился в Вене во время гастролей отца при дворе Габсбургов. Дебютировал во Флоренции в качестве танцовщика и комедианта. Потом переехал в Венецию, где добился всенародной известности в роли Труффальдина (Арлекина). Часто гастролировал в разных итальянских и зарубежных городах: помимо семейного турне в Петербург остались воспоминания о поездке в Португалию (1753), откуда вернулся по причине ужасного землетрясения 1755¹ г., и в Австрию. С 1761 по 1765 г. выступал в «Театральных сказках» Карло Гоцци. Рабочий договор с венецианским драматургом продолжался и после 1765 г., когда Гоцци обратился к репертуару испанского «siglo de oro» (XVII в.), состоявшему из пьес сильного театрального эффекта. Хотя и был открыт к новой театральной технике, никогда не переставал играть свою любимую комедию дель арте. В преклонном возрасте еще пользовался широкой популярностью: в одном старинном венецианском документе рассказывается, что во время своего пребывания в Венеции в 1782 г. цесаревич Павел Петрович и его жена, привлеченные славой Антонио, предпочли его

⁴⁰ *Rasi L.* I comici italiani. Biografia, bibliografia, iconografia. T. I—II. Firenze, 1897—1905. T. II. P. 659.

спектакль балу венецианской знати.⁴¹ Был также автором нескольких сценариев (в том числе удачного «Труффальдино — мельник неповинный») и часто сотрудничал со своими «подрядчиками» — как упоминалось, знаменитая пьеса Гольдони «Арлекин — слуга двух господ» зародилась с его подсказки. Рази рассказывает, что в конце концов труппа Антонио распустилась по причине старческого слабоумия комедианта и «еще более из-за его нелепых любовных историй в восемьдесят с лишним лет, против которых, видя опасность для наследства, дерзко восставала дочь-комедиантка».⁴² Актер умер в 1788 г. на борту корабля во время путешествия из Генуи в Марсель. Венецианская газета уведомила своих читателей, что его тело, подчиняясь «общей судьбе путешествующих морем», было брошено в море.⁴³

⁴¹ См. *Descrizione degli spettacoli e feste date in Venezia con occasione delle venute di LL. AA. II. Granduca e Granduchessa di Moscovia sotto il nome di Conti del Nord nel mese di gennaio 1782. Venezia, 1782.* Выражаем свою благодарность проф. С. О. Андросову, любезно указавшему нам на этот факт.

⁴² *Rasi L. I comici italiani.* Т. II. P. 465—466.

⁴³ «*Gazzetta Urbana Veneta*» от 19 ноября 1788 г.

Е. И. КИСЛОВА

ИЗДАНИЕ ПРИДВОРНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ В 1740-е ГОДЫ*

Данная статья посвящена некоторым аспектам бытования придворных проповедей — произведений церковного красноречия, которые играли заметную роль в культуре XVIII в. Под проповедью мы в данном случае понимаем любые «слова» («проделки», «казанья»), которые произносились по воскресным и праздничным дням в церкви, независимо от их светской или богословской тематики.

Тексты этого жанра редко попадают в поле зрения исследователей. Наряду с другими изданиями «слова» относительно полно перечислены и описаны в существующих каталогах кирилловской печати XVIII в.,¹ однако отдельно как жанр они практически не описывались.² 1740-е гг. — первые годы правления Елизаветы Петров-

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-1256.2011.6).

¹ Срезневский В. И., Бем А. Л. Издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны. 1741—1761. Петроград. 1914; Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. М.; Л., 1958; Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. / Сост. А. С. Зернова, Т. Н. Каменева. М., 1968; Список разыскиваемых изданий, не вошедших в «Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века»: 1701—1800 / Сост. Т. Н. Каменева, Т. И. Кондакова. М., 1971; Каталог русских книг кирилловской печати петербургских типографий XVIII века (1725—1800) / Сост. Т. А. Быкова. Л., 1971; Каталог изданий кириллической печати Московской типографии XVIII века: В 2-х вып. / Сост. Т. А. Афанасьева. Л., 1986, 1987; Гусев А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.

² Отдельные аспекты затронуты в кн.: Луттов С. П. 1) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; 2) Книга в России в послепетровское время: 1725—1740. Л., 1976. Также см.: Афанасьева Т. А. Публицистические и панегирические издания кирилловской печати XVIII века // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. науч. трудов. Л., 1984. С. 166—175 (обзор панегирического книгопечатания всего XVIII в.).

ны — единодушно признаются временем наивысшего расцвета проповеднического искусства, однако сам этот период в большинстве работ охарактеризован только в общих чертах; обычно упоминается о смене тематики проповеди и любви императрицы к «церковному красноречию».³ Историки русской литературы и русского языка обычно не рассматривают литературу «церковную», сосредоточиваясь на развивающейся светской литературе. В работах по истории гомилетики авторы почти всегда переходят от произведений Феофана Прокоповича и Гавриила Бужинского к проповедям Гедсона Кривоногова, Гавриила Петрова и Платона Левшина, реже — ограничиваются упоминанием 2—3 наиболее известных авторов.⁴

Задача настоящей работы — на основе документов из архива Синодальной типографии (РГАДА. Ф. 1184), а также документов и дел Синода рассмотреть, как эти тексты производились, издавались и продавались. Эти факты позволят лучше понять ту роль, которую играли проповеди в 1740-е гг. не только в церковной, но и в светской культуре, так как проповеди этого периода теснейшим образом были связаны с придворной культурой, являлись составной ее частью и нередко отражали те же тенденции, что и светская литература.

В первую очередь мы рассмотрим следующие аспекты бытования проповедей в период их наибольшего расцвета — т. е. в первое десятилетие правления Елизаветы Петровны: законодательные акты, регламентирующие проповедническую деятельность и публикацию проповедей; издание проповедей; продажа проповедей.

Общеизвестно, что Петр I хорошо понимал важность проповеди в культуре новой России: «Для Петра было очень важно не только закрепить реформы путем многочисленных указов и распоряжений, но и оправдать их, объяснить их необходимость в проповедях. Именно это обстоятельство с самого начала чрезвычайно стимулировало развитие проповеди».⁵ На активизацию проповедничества были направлены не только положения «Духовного регламента», но и отдельные статьи в указах о монашестве.⁶ В идеале, нарисо-

³ См., например: *Терновский Ф.* Религиозный характер русских государей XVIII в. // Труды Киевской духовной академии. 1874. Октябрь. С. 1—26; *Смолич И. К.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 8. Ч. 2.

⁴ См., например: *Заведеев П.* История русского проповедничества от XVII века до настоящего времени. Тула, 1879; *Зубов В. П.* Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001; *Аверкий (Таушев).* Руководство по гомилетике. М., 2001; *Ветелев А., Козлов М.* Учебный курс по истории проповедничества Русской Православной Церкви для 4 класса. Загорск, 1990.

⁵ *Смолич И. К.* История Русской Церкви. С. 18.

⁶ Духовный регламент // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. VI. № 3718; О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении Семинарии и госпиталей / Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VII. 1723—1727. С. 226—233.

ванном законодательством, именно еженедельное поучение должно было стать основной «работой» монашества. Но в первой половине XVIII в. проповедничество вне двора — при монастырях и семинариях в уездных городах — только начинало зарождаться. Активно развивалось главным образом придворное проповедничество.⁷ Уже тогда отдельные проповеди Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского и других проповедников публиковались, однако такое издание имело прецедентный характер: проповеди издавались по личному повелению императора. При Анне Иоанновне печатались единичные тексты (отдельные проповеди Феофана Прокоповича, проповедь епископа Вологодского Амвросия Юшкевича на бракосочетание Анны Леопольдовны и принца Антона Брауншвейг-Люнебургского «на российском и латинском языках»), хотя издавались указы, направленные на стимуляцию проповедничества (например, «О предиковании в Московских церквах в торжественные и приличные дни» 1730 г.⁸).

Массовое произнесение и печатание «предик» началось в эпоху Елизаветы Петровны. 5 мая 1742 г. императрица требует обязательного чтения проповедей «во всякие праздничные и воскресные дни» (указ объявлен в Синоде Амвросием Юшкевичем 7 мая и датирован в делах 14 мая). Однако еще до него в присутствии императрицы проповедовали Амвросий Юшкевич (18 декабря 1741 г.), Маркелл Родышевский (26 декабря 1741 г. и 28 марта 1742 г.), Стефан Калиновский (1 января 1742 г.), Димитрий Сеченов (25 марта 1742 г.), Кирилл Флоринский (11 апреля 1742 г.) и Порфирий Крайский (16 апреля 1742 г.). В Успенском соборе Москвы 18 декабря 1741 г., в день рождения императрицы, произносил проповедь Кирилл Флоринский, последняя также была опубликована. Наличие официального придворного проповедника Стефана Савицкого, назначенного 10 января 1742 г., заставляет предположить, что произносились также и другие проповеди, но издания были только эти.

В том же указе от 5 мая содержится первый примерный список проповедников, составленный Синодом: «...в придворной Ея Императорскаго Величества церкви в будущий воскресный день, то есть сего месяца 16 дня, проповедь слова Божия учинить обретающемуся в Москве Киевобратского училищного монастыря архимандриту и ректору Сильвестру Кулябке, и о том ему объявить, а впредь оное исполнять в воскресные дни по очереди, а именно по 16 числе нижеследующим архимандритам: Илариону Савинскому [Григоровичу], Белоградскаго Николаевского монастыря Афанасию Антоновичу [Тапольскому], Антонию Новоспаскому [Илляшевичу], Герману

⁷ Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 748—752.

⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 1730. СПб., 1901. Т. X. С. 800—801.

Андрониковскому [Барутовичу], Платону Малиновскому, игумену Иерониму Волчанскому, Троицкого Сергиева монастыря наместнику иеромонаху Антонию [Нарожницкому], иереям: Лейб-кампании Иоанну [Кословичу], Лейб-гвардии конной Михаилу [Красильникову], большого Успенского собора Иоанну Змилевскому, Стефану Левицкому, Архангельского собора Антипе Мартинианову, Успенскому, что в Кожевниках, Остафью Могилянскому, Никиты Христова мученика за Язуою Ивану Иванову да церкви Иоанна Воиственника диакону Николаю Ефремову, и о том им для надлежащего исполнения в Святейшем Синоде объявить с подписками.⁹

Можно предположить, что Сильвестр Кулябка заранее готовил проповедь к означенному дню и указ только зафиксировал положение дел. В противном случае не может не вызвать восхищения его оперативность: он действительно подготовил проповедь к 16 мая («В неделю самаряныни»), хотя обычно авторам требовалось для подготовки «предики» от нескольких недель до нескольких месяцев работы, требовавшей освобождения от других «трудов». Например, 3 апреля 1744 г. для приготовления проповедей «уволены от трудов исправления Библии» епископ Платон Сарский и архиепископ Амвросий Юшкевич. Первому предстояло говорить «предику» 25 апреля, в день коронации императрицы; второму — 15 июля, в день вечного мира с Швецией.¹⁰ В РГАДА сохранилась также подписка Хутынского архимандрита Дамаскина, который свидетельствовал, что к произнесению проповеди 1 января 1750 г. он готовился с ноября 1749 г., «и никто другой в том ему помощником и сочинителем не был и не видал даже до того времени, как он в присутствии Ея Императорского Величества оную проповедал».¹¹

Важным представляется особое указание на личное авторство Дамаскина и отсутствие у него помощников: очевидно, требование авторской ответственности было связано только с придворной проповедью. При семинариях случаи «покупок» проповедей или оплата помощи в их подготовке были обычным делом.¹²

Чтение проповеди при дворе в присутствии императрицы требовало еще большего напряжения. Неудивительно, что список проповедников, предложенных Синодом, отличается от списка тех, кто действительно говорил «предики». По различным причинам проповеди не читали архимандрит Новоспасского монастыря Антоний Илляшевич («был занят по Типографии»), наместник Троицкого Сергиева монастыря иеромонах Антоний Нарожницкий (находился

⁹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. 25 ноября 1741—1743 гг. СПб., 1899. Т. I. С. 121.

¹⁰ Там же. Т. II. 1744—1745. СПб., 1907. С. 57—58.

¹¹ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 152. Л. 1.

¹² Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 745, сноска.

в монастыре, а не в Москве), архимандрит Андрониева монастыря Герман Барутович (уволен от проповеди «для монастырских нужд»), архимандрит Виленского Свято-Духова монастыря Иероним Волчанский (уволен «некоего ради благословнаго случая»), диаконы Иван Иванов («не докончил школьнаго учения и был только один год в реторике») и Николай Ефремов («5 лет одержим главною болезнию»).¹³

В делах Синода сохранились списки (к сожалению, не всегда полные) назначенных к проповеди иереев с отметками о произнесении и издании проповеди или произошедшей замене.¹⁴ Наиболее полный список проповедей за 1742 г., составленный нами по материалам документов Св. Синода, а также описей и архивных дел РГАДА («Дело о печатании предик» за 1742 г.,¹⁵ «Реестр церковных и гражданских книг, напечатанных со времени основания типографии»¹⁶), насчитывает 36 текстов, принадлежащих 26 авторам. К ним нужно добавить тексты, изданные гражданским шрифтом в типографии Академии наук в Санкт-Петербурге (6 текстов 4 авторов), а также 4 проповеди Арсения Могиланского, изданные гражданским шрифтом в Москве в типографии при Сенате. Две проповеди Димитрия Сеченова и одна из проповедей Маркелла Родышевского были изданы одновременно в Москве и Санкт-Петербурге. Таким образом, в 1742 г. было издано 43 проповеди 28 авторов. Не были напечатаны произнесенные проповеди Арсения Могиланского (7 июня и 22 августа), лейб-гвардии конной иерея Михаила (3 октября), Стефана Савицкого (7 ноября и 5 декабря), Платона Левицкого (30 ноября), Иоанна Комаровского (12 декабря), епископа Тверского Митрофана (18 декабря), Маркелла Хрисанфова (26 декабря).¹⁷

Таким образом, точно известно о 51 проповеди, произнесенной в 1742 г. при дворе. Особенно в летние месяцы требование указа проповедовать «во все праздничные и воскресные дни» выдерживалось. Например, в июле проповедовали: 4-го — Стефан Савицкий, 8-го — Димитрий Сеченов, 11-го — Евстафий Могиланский, 15-го — Кирилл Флоринский, 18-го — Иоанн Комаровский, 25-го — Михаил Красильников. Возможно, бывали ситуации, когда проповедь читалась на богослужениях два дня подряд; например, 16 октября — Арсений Мацеевич, 17 октября — Иоанн Змилевский (обе проповеди напечатаны), 7 ноября — Стефан Савицкий (не напечатана), 8 ноября — Амвросий Юшкевич (напечатана).

¹³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 1742. СПб., 1915. Т. XXII. С. 175—177.

¹⁴ Там же. С. 175—189.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4.

¹⁶ Там же. Оп. 4. Д. 217.

¹⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. 1742. Т. XXII. С. 176—177. Проповедь Арсения Могиланского от 8 декабря 1742 г. числится в делах Синода как изданная, однако никакой информации о ней обнаружить не удалось.

Объяснением такой частоты проповедей и связанных с ними богослужений, на которых присутствовала императрица, возможно, являются не только коронационные торжества в Москве. В первые годы правления Елизаветы, формируя образ православной монархини, очень часто посещает богослужения, этому уделяется большое внимание двора. Например, записи в придворных журналах за 1741—1742 гг. содержат упоминания о регулярных посещениях императрицей богослужений и в некоторых случаях даже фиксируют имя проповедника,¹⁸ тогда как в 1748 г. отмечены только два крестных хода, на одном из которых Елизавета не присутствовала.¹⁹ Это свидетельствует о снижении интереса императрицы к проповедям, об уменьшении роли Церкви в формировании образа монархини. Этому факту соответствует и значительное уменьшение количества изданных Синодальной типографией «предик», а также, очевидно, и числа произнесенных проповедей к 1750-м гг.: 1742 г. — 36 текстов, 1743 г. — 20, 1744 г. — 16, 1745 г. — 7, 1746 г. — 6, 1747 г. — 4, 1748 г. — 1, 1749 г. — 11, 1750 г. — 4, 1751 г. — 3, 1752 г. — 1 текст. К концу 1740-х гг. публиковались в основном проповеди, произнесенные на важнейшие государственные праздники, в первую очередь — 25 ноября, на день восшествия на престол Елизаветы Петровны. Аналогичным выглядит процесс и в Санкт-Петербургской типографии: 1742 г. — 6 текстов, 1743 г. — 7, 1744 г. — 3, 1745 г. — 1, 1750 г. — 1, 1759 г. — 1, 1760 г. — 1 «проповедь и слово», в остальные годы — ни одного.²⁰

Частота проповедей в начале 1740-х гг. неизбежно приводила к необходимости включать в процесс всех возможных кандидатов. Среди «предикаторов» были как высокообразованные люди, известные риторы, например ректор Московской духовной академии Кирилл Флоринский, так и дьяконы, учителя семинарий, священники московских церквей. Существовала ли обязательная проверка проповеди до произнесения? Однозначного ответа на этот вопрос документы не дают. Очевидно, это каждый раз решалось в зависимости от статуса и известности конкретного автора.

От любой проверки были освобождены члены Св. Синода; причем даже в указе о чтении проповедей наизусть и о необходимости подтверждения того, что текст «к назначенным дням имеется в конечной твердости», подчеркнута: «кроме святейшаго синода членам».²¹

¹⁸ Придворный журнал 1741—1742 гг. СПб., 1883. С. 32, 39.

¹⁹ Придворные журналы 1743—1748 гг. СПб., 1913. С. 81.

²⁰ Исключение — издание «Собрания разных поучительных слов...» Гедсона Криновского, вышедшего в типографии при Академии наук в 1755—1759 гг.

²¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. П. С. 345.

В некоторых случаях о такой проверке рядовых проповедников известно точно. Так, на 22 августа 1742 г. был назначен к проповеди «священник церкви Николая чудотворца, что на ямах, Стефан Боявинский»: готовую проповедь он должен был «сказать в церкви 12 апостол, что в синодальном доме, для апробации, при членах Св. Синода, а в небытность их — при академическом ректоре».²² Опасения Синода не были беспочвенными, и проповедь либо не была подготовлена, либо не прошла «апробацию»; вместо Стефана Боявинского в этот день читал проповедь Арсений Могилянский.

Вторым отмеченным случаем проверки была ситуация, связанная с проповедью на 27 июня 1744 г. На этот день назначен был «кто-либо из Московской Славяно-греко-латинской академии — или ректор, или префект, или кто из учителей по разсуждению ректорскому». Вероятно, в результате каких-то интриг императрице за несколько дней стало известно о неких погрешностях в подготовленном к проповеди тексте: «25 июня 1744 г. синод. член, архимандрит Троицкий Арсений предлагал, что 23 июня Ея Величество повелела Св. Синоду объявить: ежели проповедь на 27 июня готова, то оную в Св. Синоде освидетельствовать, не явится ль во оной против веры лютеров и кальвинов и союзу мирному противных речений, и если таковыя окажутся, то оную отменить. Тогда же проповедь свидетельствована в собрании и в ней противныя речения означились, чего ради и разсуждено оную оставить».²³

Однако в других случаях проверка перед произнесением не упоминается, и можно думать, что применялась она далеко не ко всем проповедникам, а только к тем, кто по каким-то причинам вызывал сомнения Синода.

Многие указы, связанные с проповедями, имели прецедентный характер. Например, 30 ноября 1745 г. императрице не понравилась проповедь на праздник Андрея Первозванного, произнесенная «учителем Александро-Невской семинарии иеромонахом Кременецким»,²⁴ что вызвало ограничение для произнесения проповедей по должности. 20 декабря был дан указ: «...дабы впредь в знатнейшие и торжественные праздники, в кои предикам быть прилично, при высочайшем Ея Императорскаго Величества присутствии произносили б оныя сами синодальные члены».²⁵ К числу таких праздников были отнесены Новый год — 1 января, день коронации — 25 апреля, день вступления на престол — 25 нояб-

²² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 1742. Т. XXII. С. 176.

²³ Там же. С. 184.

²⁴ Очевидно, речь шла о префекте семинарии Гаврииле Кременецком; с 1748 г. — архимандрит Новоспасского монастыря и член Св. Синода, впоследствии — митрополит Киевский.

²⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. II. С. 458.

ря, «кавалерский праздник» Андрея Первозванного — 30 ноября, день рождения императрицы — 18 декабря. Проповедь могла быть и в другие дни, но определенные указом 5 дней требовали обязательного ее произнесения.

Занятость членов Св. Синода и сложность подготовки проповеди приводили к нередкому нарушению этого распоряжения. 1 января 1747 г. проповедовал Вениамин Пуцек-Григорович, в это время — архимандрит Спасо-Преображенского монастыря в Казани;²⁶ членом Св. Синода он станет только в 1753 г. Его проповедь была издана «на общих основаниях». Однако 1 января 1750 г. проповедовал Хутынский архимандрит Дамаскин Аскаронский (впоследствии архимандрит Ипатьевского монастыря, затем епископ Костромской). Его проповедь, очевидно, вызвала у императрицы сомнения в его авторстве (см. подписку, приведенную выше). 25 марта 1752 г. императрице стало известно, что на Страстную пятницу запланирована проповедь все того же Дамаскина. Последовало распоряжение духовнику Феодору Дубянскому объявить Синоду следующее: «Ея Императорское Величество определенному от Св. Синода в будущую на сей Страстной седмице пятницу в придворной Ея Императорского Величества церкви проповедь говорить Хутыня монастыря архимандриту Дамаскину не соизволяет, а для чего в таковые и в прочие приличные дни в придворной Ея Императорского Величества церкви не сами, по должности своей, синодальные члены проповеди говорят, но архимандритов, а иногда иеромонахов определяют, то Ея Императорскому Величеству весьма неугодно, и дабы впредь в надлежащие дни в придворной Ея Императорского Величества церкви проповеди слова Божия говорили сами Синодальные члены, а протчих бы определять собою не дерзали...»²⁷

С 1742 г. при дворе существовала также должность придворного проповедника. Она появилась 10 января 1742 г., когда на нее был назначен Стефан Савицкий (дьякон Петропавловского собора), до этого времени занимавший должность катехизатора в академической гимназии²⁸ и остававшийся придворным проповедником до 1748 г.

Можно предположить, что проповедовать ему приходилось часто. В 1742 г. он произносил проповеди минимум 4 раза²⁹ (4 июля, 10 октября, 7 ноября и 5 декабря), однако издана была только первая.

²⁶ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. М., 2007. С. 294.

²⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 1746—1752. СПб., 1912. Т. III. С. 467—468.

²⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. 5. С. 78.

²⁹ Чаще проповедовал только учитель грамматики Спасского училищного монастыря Арсений Могилянский — 5 раз (21 мая, 7 июня, 22 августа, 26 сентября, 8 декабря).

31 января 1743 г. Синод ходатайствует перед императрицей о назначении ему помощника, аргументируя эту необходимость нехваткой в Санкт-Петербурге ученых духовных персон, способных читать проповеди.³⁰ «Верноподданнейший доклад» о назначении помощника Савицкому был подан, а до получения решения предписано было проповедовать «Петропавловского собора соборянам». Вторым придворным проповедником указом от 11 марта 1743 г. был назначен священник московской Успенской в Кожевниках церкви Евстафий Могилянский.³¹

Однако даже два проповедника с трудом справлялись с почти еженедельными проповедями. Составленную речь необходимо было заучить наизусть, что Савицкий, например, не всегда успевал сделать и потому читал по бумаге.³² Проповеди Савицкого крайне мало издавались, хотя современники оценивали его проповеднический дар высоко: нам известны всего 3 текста («Слово в неделю четвертую по сошествии Св. Духа». М., 1742; «Слово в неделю 18 по сошествии Св. Духа». СПб., 1742; «Слово в неделю по просвещении». СПб., 1743). Проповедей Евстафия Могилянского за 1742—1744 гг. напечатано 6.

Очевидно, что издание придворных проповедей охватывало только меньшую часть произносившихся проповедей. Например, проповеди Арсения Мацевича, сохранившиеся в позднейших списках, составляют 12 томов, которые содержат, по подсчетам Евгения (Болховитинова), 217 поучений;³³ также известно о существовании двух рукописных сборников проповедей Димитрия Сеченова.³⁴ К концу 1740-х гг. проповедь входит в моду, распространяется не придворное проповедничество, в 1770-е гг. обогнавшее по числу изданных текстов придворную проповедь. Однако рукописи неизданных проповедей сохранились плохо, поэтому в первую очередь опубликованные проповеди позволяют нам составить представление об этом интереснейшем жанре духовной литературы.

Как уже было сказано, наиболее яркой чертой, выделяющей первое десятилетие царствования Елизаветы Петровны в истории

³⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 294.

³¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующаго Синода. 1742. Т. XXII. С. 179.

³² В связи с таким инцидентом 29 апреля 1745 г. был издан отдельный указ об обязательном чтении проповедей наизусть, см.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. II. С. 345.

³³ *Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-латинской церкви. М., 1995. С. 47.

³⁴ *Филарет (Гумилевский)*. Обзор русской духовной литературы 1720—1858 гг. (умерших писателей). Чернигов, 1863. С. 79.

духовной литературы, является активная публикация проповедей. Именно Елизавета Петровна сделала издание произнесенной проповеди нормой новой придворной, а затем и российской культуры.

25 марта 1742 г. архимандрит Димитрий Сеченов произнес в присутствии императрицы слово на Благовещение. 31 марта 1742 г. последовал указ, касавшийся не только печати конкретной проповеди, но и регламентировавший общее издание «предик», произнесенных в присутствии императрицы: «...у реченного архимандрита Димитрия означенную проповедь за его подписанием взяв (и оставя с нея в Канцелярии Святейшаго Синода копию), отослать в Московскую Типографию, в которой оных без продолжения напечатать ползавода (600 экз. — *Е. К.*) и для всенароднаго известия пустить в продажу, а напред того оных по прежнему обыкновению пятьдесят взнестъ в Святейший Синод, причем и о цене оных, по какой именно за включением тех пятидесяти на прочия, по истинной цене станут, и в продажу произведены быть должны, показать, а впредь где кем в присутствии Ея Императорского Величества проповедуемое будет, оные за свидетельством проповедавших, объявлять в Святейшем Синоде немедленно».³⁵

Следует отметить, что указ об обязательном издании проповедей, произнесенных в присутствии императрицы, вышел за полтора месяца до указа об обязательном произнесении в присутствии императрицы проповедей во все воскресные и праздничные дни. Были изданы также проповеди, произнесенные до этого указа: «Слово на день Рождества 26 декабря 1741 г.» Маркелла Родышевского и «Слово на новый год, 1 января 1742 г.» Стефана Калиновского (обе — СПб., 1742 г.), однако неизвестно, были ли они изданы независимо от указа или уже после его появления.

Почему же потребовалось обязательное издание? Очевидно, роль духовной литературы как важнейшего инструмента формирования общественного мнения была хорошо понята Елизаветой. Изданные придворные проповеди стали типом текстов, который мог донести до основной массы населения, чуждой светской культуры, необходимые положения и представления. Проповеди оказывались необходимы для формирования образа новой императрицы. Собственно, Елизавета проявила себя здесь как достойная дочь своего отца: именно так подходил к «предикам» и Петр. И несмотря на то что тематика проповедей при Елизавете как будто отходит от проблем политических, проповедники формируют в текстах образ новой монархини, разъясняют действия императрицы, создают и поддерживают мифологию нового царствования.

³⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 84.

Именно проповеди в середине XVIII в. заполняют нишу духовной литературы: они, в отличие от чуждых основной массе населения од и светских панегириков, входят в традиционную культуру. Они освящены авторитетом Церкви, поэтому гораздо легче могут донести нужное толкование указов, объяснить истинный смысл того или иного действия монархини, будь то победа над Швецией или выбор невесты для наследника. Издание проповедей изначально ориентировано «для всенародного известия»:³⁶ это формулируется и в указах о печатании. Важность издания подчеркивается его срочностью: проповеди печатаются «денно и ночью, дабы в очередном деле в печатании книжном не учинилось остановки»,³⁷ особо же подчеркивается небольшая стоимость текстов — 5 коп. «в тетрадах»³⁸ и 6 коп. — в переплете: «...вышеозначенные предики в тетрах продаю в народ производить надлежит по явленной цене каждую по пяти копеек, понеже оная предика напечатана на бумаге первого сорта целых на четырех листах, и по таковой цене продаю в народ может произойти в непродолжительном времени, ибо по оной малой цене всяк может купить охотно».³⁹

Из каждого тиража 50 экземпляров откладывалось «в поднос»: 25 — «трудящимся проповедникам для подносу Ея Императорскому Величеству и прочим персонам», остальные 25 — в Синод «синодальным членам, обер-прокурору, обер-секретарю, экзекутору и секретарям, да типографскому суперинтенданту, секретарю и справщикам».⁴⁰ Обычно часть из них оформлялась в переплет «в золотой бумаге и по обрезу золотом», остальные — в переплет «в красной бумаге». Себестоимость проповедей была низкой: они печатались на бумаге первого, чаще второго сорта, и даже после того как стоимость переплета «подносных» экземпляров входила в цену проповедей, идущих в продажу, их себестоимость составляла 4.5 коп.⁴¹

Параллельно с изданием придворных проповедей законодательство обращает внимание на просвещение «простого народа», которым должны заниматься в том числе проповедники. 30 июля 1742 г. издается указ «О сочинении различных книг в руководство священнослужителям при поучениях»,⁴² 19 ноября 1742 г. — указ «О подтверждении духовенству чтением предик, толкованием катехизиса и букваря, а наипаче образом собственного благочестного

³⁶ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Л. 26.

³⁷ Там же. Л. 29.

³⁸ С 1743 г. — 6 коп.

³⁹ Там же. Л. 35 об.

⁴⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 138.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Л. 43, 44.

⁴² Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 168 --169.

жития удерживать своих пасомых от лености, пьянства, татъбы и других пороков»,⁴³ 4 июля 1744 г. — «О понуждении получившего образования духовенства к усердному проповедничеству»,⁴⁴ 19 ноября 1750 г. — «О неуклонном исполнении священнослужителями Московских соборов, Успенского, Благовещенского и Архангельского, с академическим образованием, очередного в соборах проповедования слова Божия и преподавания Катехизиса»⁴⁵ и т. д. Минимальной обязанностью священников было преподавание катехизиса; однако в идеале они обязаны были говорить полноценные проповеди — и издание придворных «предик» давало им надежные образцы. По той же модели будут действовать Гавриил Петров и Платон Левшин, чье «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни» предложило рядовым священникам набор текстов для произнесения и одобренный властью образец для создания собственных «слов».⁴⁶

Важно отметить, что в 1740-е гг. отдельные проповеди издавались и гражданской печатью в типографии Академии наук. Наиболее значимые (например, «Слово на бракосочетание Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны» Симона Тодорского) были опубликованы и в Синодальной типографии в Москве, и в Академической — в Санкт-Петербурге. Подобное издание вводило проповедь и в светский, и в традиционный тип культуры, делало ее универсальной.

Формальной причиной «гражданских» изданий в 1740-е гг. была, очевидно, попытка ускорить сам процесс: 23 марта 1743 г. Синод определил отсылать предики для публикации в типографию при Академии наук, так как при самом Синоде не было отдельной типографии, а пересылка в Москву занимала время. Типография Академии наук издавала проповеди в гражданской орфографии и меньшими тиражами; причем первая порция из 50 проповедей от каждого издания, положенных Синоду «безденежно», была прислана из типографии без переплета «за недостатком в Академии наук денег».⁴⁷ После указа в типографию Академии наук были отосланы 3 проповеди Арсения Могилянского и 2 — Стефана Савицкого. Однако практика «академических» изданий в 1740-е гг. приживалась плохо: за 1743—1745 гг. издано всего 12 текстов, тогда как в Синодальной типографии — 31.

Каким же образом осуществлялось издание проповедей? Согласно первому указу от 31 марта 1742 г., непосредственно после произ-

⁴³ Там же. С. 253.

⁴⁴ Там же. Т. II. С. 161.

⁴⁵ Там же. Т. III. С. 294—296.

⁴⁶ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 397.

⁴⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. 1742. Т. XXII. С. 181.

несения проповедник обязан был представить в Св. Синод собственноручно написанный текст, который затем должен был отправиться в Синодальную типографию — но только после его рассмотрения и одобрения Синодом. Такая модель вызывала проволочки: «...от некоторых проповедников в присутствии Ее Императорского Величества сказываемые предики уже чрез немало продолжительное время и поныне в Святейший Синод еще не поданы, а от которых и поданы, лежат без надлежащего для издания оных в печать Святейшего Синода определения».⁴⁸ Процедура была упрощена указом от 4 ноября 1743 г.: члены Св. Синода получали право отсылать проповеди непосредственно в типографию для публикации; проповеди других проповедников должны были рассматриваться Синодом по-прежнему.

На авторов, медлящих представить текст, должен был воздействовать синодальный экзекутор. Промедление по вине автора могло быть весьма значительным: например, проповедь Стефана Калиновского, члена Св. Синода, произнесенная 25 ноября 1742 г., была прислана в Синодальную типографию только 2 февраля 1744 г. и вышла 13 апреля 1744 г.

Чаще всего рассмотрение в Синоде касалось только рекомендации «исправить в орфографии», т. е. перед публикацией скорописный текст трансформировался в стандартную церковнославянскую орфографию.

Попытки более серьезных изменений уже произнесенных текстов были редкими и, очевидно, требовали определенной процедуры. Так, при издании проповеди члена Св. Синода Симона Тодорского на день восшествия на престол 25 ноября 1747 г. отдельные орфографические и грамматические изменения, предложенные справщиками, обсуждались на заседании Синодальной конторы в Москве и затем были посланы для одобрения самому автору в Санкт-Петербург.⁴⁹ Все изменения касались орфографии: употребления фиты, омеги и жицы, написаний суффиксов сравнительной степени, окончаний прилагательных, отдельных падежных форм существительных. Последовательно устранялись фонетические и морфологические украинизмы и черты живого произношения автора. Только после одобрения автора был издан корректурный экземпляр, содержащий единичные поправки.

Подобная орфографическая правка производилась и при издании в типографии Академии наук, что особенно хорошо заметно при

⁴⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 454.

⁴⁹ См.: *Кислова Е. И.* Редакторская работа над проповедью в Синодальной типографии в середине XVIII в. // Мат-лы XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2008. С. 137—140.

сравнении текстов, изданных в двух орфографиях, с сохранившейся рукописью.⁵⁰ В некоторых случаях в качестве редактора выступала лично императрица; например, она велела переправить заглавные буквы на обложке уже изданных речи и проповеди Арсения Могиланского.⁵¹

Автор мог и не согласиться с предложенными Синодом изменениями. Так, 1 апреля 1743 г. учитель Александро-Невского монастыря иеромонах Амвросий Каминский произнес в присутствии императрицы проповедь, которая вызвала сомнения у Синода, однако проповедник «просил выписать из проповеди сумнительныя места, по которой де выписке он и учинит о всем изъяснение, ибо де ему оных переправлять не можно, потому что де им та проповедь публично читана при Высочайшем Ея Императорского Величества присутствии».⁵² По нашим данным, проповедь напечатана не была.

Редчайшим случаем было изъятие уже изданной проповеди из продажи: во время пребывания императрицы в Киеве архимандрит Киево-Печерской лавры Тимофей Щербацкий говорил речь и проповедь, которые были присланы в типографию Академии наук через его покровителя князя М. Воронцова. Они были изданы в конце 1744 г., однако уже 18 февраля 1745 г. последовал указ об их изъятии из печати, так как текст требовал множества исправлений.⁵³ Предполагалось подготовить новое издание, однако сделано это не было.

Как осуществлялось само издание в Синодальной типографии?

Проповеди поступали в Синодальную типографию неравномерными порциями, иногда действительно сразу после произнесения, иногда со значительной задержкой. Важно, что при публикации обычно указывалась не только дата произнесения, но и дата выхода проповеди из печати: разрыв составляет от 1 до 2—3 месяцев в 1742 г., в более позднее время может доходить до 1—2 лет.

Судя по «Делу о печатании предик» за 1742 г.,⁵⁴ проповеди представлялись к публикации («объявлялись») секретарем типогра-

⁵⁰ См.: *Кислова Е. И.* О «гражданской» и «церковнославянской» публикации одного текста середины XVIII века // *Славянские языки и культуры в современном мире: Междунар. науч. симпозиум (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24—26 марта 2009 г.): Труды и материалы.* М., 2009. С. 158—159.

⁵¹ *Материалы для истории Императорской Академии наук. 1746—1747.* СПб., 1895. Т. 8. С. 80.

⁵² *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. 1742.* Т. XXII. С. 181.

⁵³ *Материалы для истории императорской академии наук. 1746—1747.* СПб., 1895. Т. 8. С. 180, 197, 274, 275.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Документы, связанные с изданием проповедей, были выделены в отдельные дела и сохранились. В настоящее время нам известны 3 подобных дела: РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4 — за 1742 г.; Ф. 1184. Оп. 2. Д. 30 — за 1743 г.; Ф. 1184. Оп. 2. Д. 47 — за 1744 г., датировано 1745 г. Дела за последующие годы либо не сохранились, либо не были заведены как

фии Андреем Чупреяновым, который получал их либо лично от обер-секретаря Св. Синода Якова Леванидова, либо по почте. Во время пребывания двора в Москве достаточно было устного объявления; когда двор переехал в Санкт-Петербург, потребовались сопроводительные документы. Подобный отдельный документ сохранился за 1744 г. — «Указ о печатании проповедей Стефана Калиновского».⁵⁵ В типографии накапливались порции от 2 до 6 текстов. Так, 24 августа, 30 августа, 7 сентября и 9 ноября Андрей Чупреянов «объявил предики», произнесенные 25 июля Михаилом Красильниковым, 18 июля Иоанном Комаровским, 8 августа Стефаном Левицким и 16 октября Арсением Мацеевичем.⁵⁶ Последний текст ждала около 2 месяцев, вероятно чтобы не разбивать «завод»: каждая проповедь имела тираж в 600 экз., т. е. в ползавода. Уже 18 ноября все тексты были готовы;⁵⁷ таким образом, разрыв между датой произнесения и датой выхода из печати в случае с первым текстом составил почти 4 месяца, а в случае с последним текстом — 1 месяц.

Тираж проповедей не был жестко регламентирован, предполагалось напечатать столько, «сколько в продажу произойти уповательно».⁵⁸ Для 1742—1744 гг. обычный тираж проповеди составлял 600 экз., т. е. ползавода. С 1744 г. тиражи падают из-за перенасыщения книжного рынка и составляют 300 экз. Однако некоторые проповеди публиковались и полными заводами — по 1200 экз. Такие тиражи могут представляться небольшими, однако необходимо учитывать количество текстов: по данным «Реестра церковных и гражданских книг, напечатанных со времени основания [Синодальной] типографии»⁵⁹ за 1742 г., было издано 24 000 экз. различных проповедей (тираж еще трех не указан). Далее тиражи падают: 1743 г. — 8400 (тираж пяти текстов не указан), 1744 г. — 4200 (тираж пяти не указан), 1745 г. — 3300, 1746 г. — 3600, 1747 г. — 1200, 1748 г. — 300, 1749 г. — 2100 (тираж четырех не указан), 1750 г. — 1200, 1751 г. — 900, 1752 г. — 300. Таким образом, только достоверно известные тиражи проповедей, изданных Синодальной типографией, составили за 1741—1752 гг. 49 500 экз. Если принять для семнадцати изданий без указанного тиража минимальный из зафиксированных для проповедей тираж в 300 экз., то к ним нужно будет добавить еще минимум 5100.

отдельные единицы, так как по сравнению с 1742 г. объем работ по «предикам» резко уменьшился.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1243.

⁵⁶ Там же. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 138.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 4. Д. 217.

Закономерным становится вопрос, находила ли проповедь свой рынок сбыта? Многие издания XVIII в. так и не продавались, пополняя списки «гнилых, ветхих и в продажу не идущих книг». Однако спрос на духовную литературу был стабильным: «Такие мелкие издания, как проповеди, покупались в значительно большем количестве, чем книги. Например, из числа 186 изданий, купленных в мае 1739 г., 168 составляли проповеди».⁶⁰ А ведь это период правления Анны Иоанновны, когда проповеди почти не произносятся и тем более почти не издаются.

По сохранившимся архивным документам оценить объем продаж проповедей можно только фрагментарно. В частности, такие данные предоставляют «Книга записная продажным типографским книгам и листам» 1743 г.,⁶¹ «Книга записная продажным... церковным и гражданским книгам и листам» 1747 г.,⁶² «Реестр оставшихся книг после продажи в казенной лавке» 1743 г.,⁶³ «Книга приема книгам и листам расходчика Андрея Иванова от бывшего расходчика Андрея Шестакова» 1743 г.,⁶⁴ «Росписной список отданный от расходчика Федора Федорова расходчику Василию Павлову» 1762 г.⁶⁵ Записные продажные книги позволяют оценить динамику продаж и спрос на проповеди; реестры оставшихся книг и книги приема позволяют оценить объем нераспроданных текстов.

При анализе записной книги 1743 г. обращает на себя внимание неравномерность продаж: в день могло продаваться от 0 до 600 экз. «предик». Если полностью доверять приведенным данным, то можно предположить, что продажи от 1 до 15 проповедей в день отражают покупки в розницу; партии от 100 экз. и выше могли приобретаться купцами для перепродажи. Составитель записной книги 1743 г. почти всегда отмечает авторов «казаний». Так, например, 15 января было куплено 200 проповедей на 8 июля 1742 г. Дмитрия Сеченова («Казание Сеченого второе в тетратех двести по пяти копеек каждое на 10 рублей»⁶⁶), 18 января — сразу 600 таких же проповедей, 21 января — еще 100 его же проповедей на 25 марта 1742 г., 28 января — 800 его же проповедей на 25 марта 1742 г. За январь общая выручка составила 2244 руб. 55 коп., из них проповеди Дмитрия Сеченова принесли 55 руб. (или 2.5% всей выручки). Неудивительно, что обе проповеди Дмитрия Сеченова — «Слово на Благовещение» и «Слово на день явления иконы Казанской Богоматери» — требовали переиздания почти сразу, в 1743 г., причем аргументом для

⁶⁰ Луннов С. П. Книга в России в послепетровское время: 1725—1740. Л., 1976. С. 118.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 645.

⁶² Там же. Д. 740.

⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 34.

⁶⁴ Там же. Оп. 1. Д. 680.

⁶⁵ Там же. Оп. 4. Д. 192.

⁶⁶ Там же. Д. 645. Л. 9 об.

решения о переиздании выступал спрос покупателей: «напечатать с прежних оригиналов с каждой по 1му заводу то есть по 1200 предик, понеже напечатанные в прошлом 1742м году в продаже все, а ныне оных предик купцы требуют непрестанно...».⁶⁷ «Слово на день явления иконы Казанской Богоматери» было также переиздано в третий раз — в 1746 г. Нужно отметить, что параллельно распродавались эти же тексты, изданные в 1742 г. в типографии Академии наук гражданским шрифтом.

И хотя таким спросом пользовались единичные произведения, общий спрос был относительно устойчивым. Например, 11 марта 1743 г. были проданы следующие проповеди: Сильвестра Кулябки на 16 мая — 6 экз. по 6 коп., 24 — по 5 коп.; Иоасафа Хотунцевского на 27 мая — 9 экз. по 6 коп., Стефана Савицкого на 4 июля — 13 экз. по 6 коп., Афанасия Тапольского на 30 мая — 19 экз. по 6 коп., Платона Малиновского на 20 июня — 6 экз. по 6 коп. и 80 по 5 коп., Маркелла Родышевского — 1 экз. по 6 коп. и 72 по 5 коп., всего на сумму 12 руб. 4 коп. На следующий день, 12 марта, продано проповедей Арсения Мацеевича на 29 июня 9 экз. по 5 коп., Стефана Савицкого 13 экз. по 6 коп., проповедей Платона Петрункевича на 6 августа 14 экз. по 6 коп. и 55 по 5 коп., Кирилла Флоринского на 15 июля 10 экз. по 6 коп. и 70 по 5 коп., Арсения Мацеевича на 5 сентября 20 экз. по 6 коп., всего на 10 руб. 17 коп. За два дня был продан 421 экземпляр проповедей.

Кто мог приобретать проповеди? Купцы для перепродаж на ярмарках — сам факт покупки 100 или 200 экземпляров определенной «престижки» свидетельствует о том, что этот тип текста представлял коммерческий интерес. Рядовые читатели, интересовавшиеся духовной литературой: на некоторых сохранившихся проповедях есть владельческие записи. Учителя провинциальных семинарий, где уже развивалось проповедничество; провинциальные священники, использовавшие «образцовые» проповеди как материал для собственных.⁶⁸

Спрос не оставался постоянным: в апреле 1743 г. не продано ни одного текста из исследуемого комплекса. В июне продавались проповеди Михаила Красильникова (71), Стефана Левицкого (32), Арсения Мацеевича (47), Антипы Мартинианова (35), Иоаникия Скабовского (38), Дмитрия Сеченова (75). Небольшим, но устойчивым спросом пользовались проповеди предшествующих царств, например «Слово на погребение государыни императрицы Екатерины Алексиевны» Феофана Прокоповича (2 экз. — 8 июня, 1 — 9 июня,

⁶⁷ Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 4 об.—5.

⁶⁸ А. Ю. Самарин предположил возможность использования «административного ресурса» самих авторов для организации закупок своих проповедей епархиями и семинариями; это представляется нам возможным, однако требует дальнейших исследований.

2 — 11 июня, 3 — 13 июня, 4 — 14 июня, 1 — 15 июня, 2 — 16 июня, 3 — 17 июня и т. д.)

Всего с января по конец июня 1743 г. было продано 3416 экземпляров проповедей, изданных в 1742 г., не считая продажи изданий сходной тематики и более ранних проповедей.

В 1747 г. спрос на проповеди несколько снижается. Точно так же продолжают продаваться и единичные экземпляры «предик», и партии в 100—400 экземпляров. Но, к сожалению, в книге 1747 г. не отмечены авторы продающихся проповедей, поэтому можно составить представление только о количестве проданных экземпляров. Например, в июне 1747 г. были проданы: 1 июня 6 «казаний разных», 3-го — 9, 4-го — 11, 6-го — 7, 9-го — 5, 10-го — 8, 11-го — 400, 13-го — 3, 15-го — 6, 16-го — 6, 18-го — 10, 20-го — 4, 22-го — 3 (наряду с 1 экз. «Приветствия императорскому величеству в прибытие от чужестранных краев»), 25-го — 8, 26-го — 3, 30-го — 15. Выручка за проповеди составила 30 руб. 24 коп. — это 2.4% всей выручки за месяц. Параллельно в типографской лавке лавочником Федором Федоровым было продано «казаний разных» 200 экз. на 12 руб. (1.6% всей выручки лавки за июнь).

Всего с февраля по декабрь 1747 г. типографской конторой и типографской лавкой было продано 2590 экземпляров проповедей, изданных в предшествующие годы. Это меньше, чем за 6 месяцев 1743 г., что свидетельствует об уменьшении интереса к этому типу текстов и о насыщении рынка сбыта.

Важную информацию содержит «Книга росписаная приема московской типографии разного звания церковным и гражданским в переплете и в тетратех книгам и листам по ценам новоопределенных расходчика канцеляриста Андрея Иванова от бывшего расходчика кацеляриста Андрея Шестакова 1743 года июля с 1го числа».⁶⁹ При передаче дел в казенной лавке произошла опись нераспроданных книг, и в частности — проповедей, изданных в 1742 г.⁷⁰ Сравнение этих данных с тиражами (за вычетом 50 «подносных») позволяет определить число распроданных в 1742 г. проповедей: 8 695 экземпляров. В то же время можно выяснить (хотя и условно, так как проповеди находились в продаже в разное время), чьи тексты пользовались наибольшей популярностью. Кроме уже упоминавшихся проповедей Димитрия Сеченова это «Слово в день Петра и Павла» Арсения Мацевича 29 июня (распродано 474 экз. из 600), «Слово в день Вознесения Господня» Иоасафа Хотунцевского на 27 мая (804 экз. из 1200), «Слово в неделю четвертую по сошествии Св. Духа» Стефана Савицкого на 4 июля (367 экз. из 600), «Слово при присутствии императрицы» Маркелла Родышевского на 22 июня (356 экз. из 600), «Слово в неделю двадцать вторую по сошествии Св. Духа»

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 680.

⁷⁰ Там же. Л. 48 об.—64.

Амвросия Юшкевича на 8 ноября (699 экз. из 1200), «Слово в день тезоименитства» Арсения Мацеевича на 5 сентября (335 экз. из 600) и др. Меньше всего было продано проповедей, произнесенных в октябре—ноябре и только вышедших из печати: «Слово в неделю 25 по сошествии Св. Духа» Иосафа Горленка на 28 ноября — 32 экз. из 600; «Слово в неделю 24 по Всех Святых» Евстафия Могилянского на 21 ноября — 65 экз. из 600; «Слово в неделю 20 по Всех Святых» Стефана Левицкого на 24 октября — 80 экз. из 600 и т. д. Всего же на начало 1743 г. в типографии хранится 11 437 экземпляров нераспроданных проповедей — в переплете и в тетрадах.

В 1749 г. вновь проходит опись книг Синодальной типографии, ее результаты отражены в «Книге описной Московской Типографской конторы имеющимся в оной типографии приему бытности камисара Никифора Рагозина остаточным за расходом разного звания церковным и гражданским в переплете и в тетратех книг и листов принятых от бывшего камисара Данилы Евреева генваря с 1го числа 1749 года».⁷¹ У лавочника Федора Федорова в это время в продаже находилось 100 экземпляров «предик разных», у лавочника Федора Санина — ни одной; в «казенных кладовых полатах» же хранилось «казаниев разных в бумажном переплете» 11 578 на сумму 694 руб. 69 коп.⁷² Однако при оценке этого числа необходимо учитывать 2 факта: во-первых, общий тираж проповедей с 1742 по 1749 г. составил минимум 47 100 экземпляров; таким образом, нераспроданными оставались меньше четверти проповедей. Общая стоимость «исправных» церковных книг и листов, не проданных к моменту описи и находившихся у лавочников и на складе, составила 70 261 руб.;⁷³ таким образом, стоимость нераспроданных проповедей составила всего 0.9%.

Следующая опись относится уже к 1762 г.: «Росписной список, отданный от бывшего у приходу и расходу книжной казны в 1761ом году расходчика Федора Федорова определенному в 1762м году расходчику Василию Павлову церковным и гражданским и подносным книгам и листам».⁷⁴ Важно отметить, что у лавочников (Василия Павлова и Ивана Иванова) отдельных «казаниев» царствования Елизаветы Петровны уже не хранится: только «Гедеоновы проповеди», изданные в 1755—1759 гг., а также издания сходной тематики первой половины XVIII в. «Предики» хранятся в «казенных кладовых полатах церковных книг»⁷⁵ и в продажу, видимо, больше не поступают: «проповедей разных» указано 10 012 экземпляров на 600 руб. 72 коп. Отметим, что их число уменьшилось сравнительно

⁷¹ Там же. Д. 664.

⁷² Там же. Л. 20 об.

⁷³ Там же. Л. 61.

⁷⁴ Там же. Оп. 4. Д. 192.

⁷⁵ Там же. Л. 13.

с 1749 г. на 1566 экземпляров: видимо, проповеди все-таки продолжали покупать.

Всего «церковных и гражданских книг в десть в полдесть в четверть в восьмуху», а также «листов грьдорованных кунштов» в трех типографских лавках и на складах хранилось на сумму 51 787 руб. 4.75 коп. (не считая книг и листов без цены), т. е. проповеди составляют всего 1.1%. Дальнейшая их судьба нам не известна: очевидно, рано или поздно они могли пойти на обертки.

Отдельные проповеди, изданные в 1740-х гг. в типографии Академии наук, в 1787 г. изымались в лавках Москвы из продажи по указу Екатерины II, запрещающему продавать в светских лавках и при светских типографиях книги, изданные не при Синоде и без одобрения Синода и Комиссии народных училищ.⁷⁶ Таким образом, не были распроданы за 45 лет «Слово в день коронации» Петра Гребневского 1742 г. — 230 экз., «Слово на день Рождества» Маркелла Родышевского 1742 г. — 235 экз., «Слово на Новый год» Стефана Калиновского 1742 г. — 30 экз.

Необходимо отметить, что в провинции «предики» Елизаветинской и даже более ранних эпох были актуальны и в конце XVIII в. — например, в среде священников, как материал для создания собственных проповедей. В частности, в РГАДА хранятся сборники-конволюты последней четверти XVIII в., которые включают в себя не только переписанные от руки проповеди Петровской, Аннинской и Елизаветинской эпох, но и вставленные печатные тексты.

Таким образом, активное произнесение и издание проповедей в церковнославянской орфографии, преимущественно в Синодальной типографии Москвы, было ярким процессом Елизаветинской эпохи, особенно в 1740-х гг. При Петре и Екатерине I проповеди печатаются преимущественно в церковнославянской орфографии в типографиях Александро-Невского монастыря, в Синодальной типографии Санкт-Петербурга и Москвы; при Анне Иоанновне — в гражданской орфографии в типографии при Академии наук в Санкт-Петербурге. С середины 1760-х гг. почти все проповеди публикуются в гражданской орфографии в типографиях Московского университета, Академической типографии Санкт-Петербурга, а в 1770—1790-х гг. — также в частных типографиях Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода и других городов.

К концу 1760-х гг. печатная проповедь перестает носить исключительно государственный характер; с одной стороны, «слова» сближаются с приветственными речами (нередко объединяясь с ними в одном издании — посвященном какому-либо памяtnому событию), граница между проповедью и приветственной или поздравитель-

⁷⁶ Полное собрание законов Российской империи. 1783—1788. СПб., 1830. Т. 22. С. 875—876, 882—883.

ной речью серьезно размывается. С другой стороны, поводы для произнесения и издания проповеди становятся более частными. Если при Петре, Анне Иоанновне и Елизавете Петровне проповедь связана исключительно с действиями правителя и государства, то при Екатерине и ее наследниках возможны издания проповедей «на погребение супруги действительного статского советника Никиты Артемоновича Муравьева, Сарры Петровны»,⁷⁷ «при выпуске из Императорского Шляхетного сухопутного кадетского корпуса»⁷⁸ или «при отбытии из Воронежской на Коломенскую епископию».⁷⁹

На протяжении всего XVIII в. проповеди произносились, публиковались и пользовались постоянным спросом. В первой половине века они одновременно заполняли нишу духовной литературы и служили идеальным проводником государственных идей. Несмотря на то что книгопечатание превышало этот спрос, как часто бывало в XVIII в., все-таки бóльшая часть текстов распродавалась. Представленный материал позволяет хотя бы приблизительно оценить бытование придворных проповедей в культуре Елизаветинского периода.

⁷⁷ Слово при погребении супруги действительного статского советника Никиты Артемоновича Муравьева, Сарры Петровны. Говореннос Большаго Успенскаго собора ключарем иереем Петром Алексиевым декабря 14 дня, 1768 года. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1768].

⁷⁸ Слово при выпуске из Императорскаго Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса г[оспод] кадетов пятаго приема. Говоренное в корпусной церкви архимандритом Анастасием [Братановским — Романенко] июля 28 дня 1793 года. СПб.: При оном же Корпусе, [1793].

⁷⁹ Слово к воронежской пастве, Которое преосвященный Мефодий [Смирнов], епископ бывший Воронежский, что ныне Коломенский и Тульский, проповедал в Воронежском Благовещенском соборе при отбытии своем из Воронежской на Коломенскую епископию мая 1799. М.: Губ. тип., у А. Решетникова, 1799.

С. И. НИКОЛАЕВ

РАННЯЯ ИКОНОГРАФИЯ ЛОМОНОСОВА В СВЕТЕ ИКОНОЛОГИИ

Иконография М. В. Ломоносова полно представлена и подробно прокомментирована в книге М. Е. Глинки «М. В. Ломоносов. (Опыт иконографии)».¹ В данной статье речь пойдет о гравированном портрете, помещенном в 1-м томе «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе» Ломоносова, вышедшем летом 1758 г. (на титульном листе — 1757 г.). Первоначально портрет для этого издания был изготовлен в Париже в 1757 г. Э. Фессаром, но затем по замечаниям Ломоносова (их текст не сохранился) исправлен бывшим академическим гравером Х. Вортманом. После исправления «погрешностей» общая композиция и поворот головы не переменились, изменения коснулись пейзажа за окном, положения правой ноги, черт лица и парика.² Именно этому изображению, одобренному самим автором, суждено было стать каноническим для последующих портретов Ломоносова.

Поза Ломоносова очень необычна для русского портрета XVIII в.: поэт вполоборота сидит за столом, перед ним лист бумаги с отчетливо читаемым названием «Ода Ея Имп. Велич-ву», но он смотрит в противоположную от листа сторону, продолжая при этом писать — перо прижато к бумаге.

Прежде чем перейти к истолкованию смысла портрета Ломоносова, рассмотрим некоторые типы портретов русских писателей XVIII в.³ При этом нас будет занимать не столько искусствоведческий анализ, сколько историко-литературная проблематика и тот материал, который можно извлечь из иконографии.

¹ См.: Глинка М. Е. М. В. Ломоносов. (Опыт иконографии). М.; Л., 1961.

² См.: Там же. С. 9—10, ил. 2, 3.

³ Благодарю заведующую Литературным музеем Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Л. Г. Агамалян, сотрудниц музея Е. Ю. Герасимову и Е. В. Кочневу за консультации и А. А. Костина за помощь в подборе иллюстративного материала.

В собрании Литературного музея Пушкинского Дома представлены, в частности, живописные портреты А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, Д. И. Хвостова, М. М. Хераскова, В. П. Петрова, М. Н. Муравьева, Н. А. Львова, Я. Б. Княжнина, И. А. Крылова, А. Д. Кантемира, А. Н. Радищева. Можно сказать, что это парадные портреты, причем не всегда портреты именно писателей, иногда это портреты крупных чиновных лиц или дипломатов; по этой причине нет смысла приводить портреты Феофана (Прокоповича) или кн. Е. Р. Дашковой. Первый из них — это, безусловно, портрет архиерея, на втором, очевидно, изображен президент Академии наук.

Сохранился целый ряд портретов русских писателей XVIII в., на которых они изображены с книгами или рукописями, например В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира, А. Т. Болотова, Григория Сковороды, И. П. Елагина, Г. Р. Державина, И. Ф. Богдановича. Если писатель изображен во время письма, то обычно он смотрит либо на лист бумаги, либо на предполагаемого зрителя. Например, Тредиаковский на портрете указывает рукой на полки с книгами, на корешке одной из них видны буквы «Тел», видимо «Телемак», т. е. «Тилемахида»; перед ним лежат исписанный лист и атрибуты литератора: книги и лира (1775 г., портрет гравирован А. Я. Колпашниковым и помещен в первом издании трагедии «Деидамия»). Один из первых подобных портретов — это портрет Стефана (Яворского), гравированный Алексеем Зубовым в 1729 г., на котором архиерей пишет книгу, — перо прижато к бумаге, но смотрит он при этом на предполагаемого зрителя.⁴

С точки зрения интересующей нас позы, примечательны два портрета. И. А. Крылов на портрете начала XIX в. изображен с пером и книгами над листом бумаги; он задумчиво смотрит вверх и не пишет, при этом его поза вполне естественна. Наконец, очень любопытен портрет В. Г. Рубана кисти А. Ф. Клипекова (1786 г.) из собрания Пушкинского Дома: в шкафу стоят книги, в руках перо,

⁴ См.: Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. 2-е изд., испр. СПб.; М., 2003. Кн. 2: Н—Я. С. 342.

но он не пишет, на столе лежит лавровая веточка. Перед ним лист бумаги, на котором отчетливо читается: «Надпись на камень Гром» и начальные стихи знаменитой надписи 15-летней давности. Этот портрет удивительным образом наиболее близок к прижизненным портретам Ломоносова, и поэтому тем более заметны отличия: голова повернута на три четверти, однако взгляд направлен на зрителя, отсюда крайняя неестественность позы. Перо в руках, но оно не касается бумаги.⁵

Обзор портретов русских писателей XVIII в. по материалам Литературного музея Пушкинского Дома, словарям Д. А. Ровинского и другим печатным источникам позволяет полагать, что поза, в которой изображен Ломоносов на прижизненных портретах, более нигде в русском изобразительном искусстве XVIII в. не встречается. Так изображали только Ломоносова, причем с его одобрения — исправление Вортманом «погрешностей» гравюры Фессара не коснулось самой позы. Прежде чем перейти к истолкованию смысла портрета, отмечу, что эта поза довольно редко встречается и на портретах западноевропейских писателей.⁶ Они также изображались и с книгой, и с пером и листом бумаги в руках, но в других позах. Редкое исключение — хранящийся в Лувре миниатюрный портрет французского поэта и драматурга Антуана Венсана Арно (1766—1834) работы французского художника Франсуа Дюмона (1751—1831).⁷ Композиция во многом совпадает с портретом Ломоносова: Арно тоже пишет, но смотрит в противоположную от листа бумаги сторону; единственное отличие — Арно изображен стоящим. Любопытно, что русские писатели XVIII в. не изображались погруженными в сам процесс письма, как например изображался в XVII—XIX вв. Максим Грек⁸ или много позднее Лев Толстой. Возможно, это связано с тем, что у нас есть портреты только поэтов и драматургов XVIII в.

Переходя от иконографии к иконологии, я бы хотел напомнить об остроумной и убедительной в своих выводах статье Л. Росси «„Как описал себя пиит“»: Об изображении физической фигуры поэта в рус-

⁵ Существуют только черно-белые воспроизведения этого портрета, причем не очень хорошего качества, см.: *Гинзбург Л.* Неизданные стихотворения Рубана // XVIII век. Сб. ст. и мат-лов. М.; Л., 1935. (На вклейке между с. 416 и 417); *Рубан В. Г.* Описание императорского столичного города Москвы. М., 1989. С. 87.

⁶ Например, ни одного такого изображения нет в обширном собрании портретов XVI—первой половины XIX в., см.: *Katalog der Graphischen Porträts in der Herzog-August-Bibliothek Wolfenbüttel: 1500—1850. Reihe A. / Bearb. von Peter Mortzfeld.* München, 1986—2006. Vol. 1—50.

⁷ См. воспроизведение в кн.: *Jean-Richard P.* Musée du Louvre, Département des Arts graphiques. Inventaire des miniatures sur ivoire conservées au cabinet des dessins musée du Louvre et musée d'Orsay. Paris, 1994. P. 130.

⁸ См.: *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. (Вклейка между с. 160 и 161); *Белоброва О. А.* Очерки русской художественной культуры XVI—XX веков. М., 2005. Ил. 13, 17—19.

ской лирике конца XVIII—начала XIX в.»,⁹ в которой автор по литературным и изобразительным материалам анализирует позу лирического героя (и поэта), олицетворяющую меланхолическое душевное состояние. Л. Росси пишет, что для понимания значения «поз» «недостаточно отыскивать возможные непосредственные прототипы в области словесных или изобразительных искусств, но следует рассматривать их в общекультурной перспективе, учитывая возможность передачи смысловых комплексов без непосредственного влияния текста на текст, проявления сверхличностной памяти культуры».¹⁰ Полностью соглашаясь с этим положением, хочу подчеркнуть, что дальнейшие рассуждения связаны не столько с поиском источников позы Ломоносова, сколько с прояснением смысла портрета.

Говоря об иконологии, я имею в виду не только научную дисциплину в понимании ее основоположников Аби Варбурга и Эрвина Панофского, но и знаменитую книгу Чезаре Рипы (ок. 1550—1625 или 1555—1622). «Иконология» Ч. Рипы впервые вышла в 1593 г., издание с гравюрами вышло в 1603 г., а всего в XVII в. появилось еще 7 изданий в Италии и 8 изданий в Европе на английском, голландском, французском и немецком языках. Э. Панофский назвал ее «*summa* иконографии, которая черпала равно из античных, средневековых и современных источников и была по праву названа „ключом к аллегориям семнадцатого—восемнадцатого веков“ <...> которую использовали такие знаменитые художники и поэты, как Бернини, Пуссен, Вермеер и Мильтон».¹¹

В России «Иконология» стала известна не позднее 70-х гг. XVII в., ее использовал в своих трудах уже Николай Спафарий,¹² позднее она была в библиотеке А. Виниуса, Я. Брюса, Петра I.¹³ Нет сомнений, что она была известна и в середине XVIII в.

В этой энциклопедии визуализации абстрактных идей отыскивается и занимающая нас фигура пишущего человека, но смотрящего при этом в противоположном от листа бумаги направлении.¹⁴

⁹ См.: Росси Л. «Как описал себя поэт»: Об изображении физической фигуры поэта в русской лирике конца XVIII—начала XIX в. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 297—307.

¹⁰ Там же. С. 298.

¹¹ Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства: Статьи по истории искусства. СПб., 1999. С. 187. См. также: *Tatarkiewicz W. Estetyka powożytna*. Wrocław, 1967. (Historia estetyki. Т. 3). S. 262—271.

¹² Белоброва О. А. 1) К изучению «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 313—315; 2) Аллегории наук в лицевых списках «Книги избранной вкратце...» Николая Спафария // Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI—XX веков. С. 179—189. Ср.: Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 223—226.

¹³ Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л., 1978. С. 146.

¹⁴ *Ripa C. Ikonologia*. Padova, 1625. P. 264.

Ч. Рипа дает следующее пояснение под гравюрой: «Резвый и полнокровный юноша с крылышками у висков, в лавровом венце, препоясанный плющом, пишущий что-то, но с лицом, обращенным к небу. Крылышки означают резвость и быстроту поэтической мысли, которая не погружена в себя, но устремляется ввысь, вознося с собою благородную людскую славу, которая сохраняется неувядаемой и прекрасной в веках, как вечнозелеными пребывают ветви лавра и плюща. Юноша резв и румян, потому что поэтическое безумие есть переизбыток жизненных и духовных сил, каковые наделяют душу способностями и знаниями столь чудесными, что невозможно представить, чтобы они были одним только природным даром, по сему и почитаются они дарами особыми и редкостными — как ниспосланная Небесами особая благодать. Еще Платон говорил,

что мыслью Поэтов движет божественный Восторг, и он формирует в идеях образы вещей сверхъестественных, а поэты записывают их на бумаге, а потом прочитывают, как только поймут их и опознают; по сему и называются Поэты у язычников, по древнему обычаю, святыми, порождением Неба, сынами Юпитера, толмачами Муз и жрецами Аполлона. И еще здесь показано, что для писания должно возбудить этот Восторг многими упражнениями и что одной только природы недостаточно, если на помощь ей не приходит искусство. Об этом говорит и Гораций».¹⁵ Далее Рипа приводит стих из «Науки поэзии» «*Cur ego, si nequeo ignoroque, poeta salutor?*» В переводе М. Дмитриева он звучит так: «Если в поэме я не могу наблюсти все оттенки, все ее краски, за что же меня называть и поэтом?»¹⁶ Тредиакровский перевел этот стих несколько иначе: «Ежели я не умею и не могу по различию вещей различать стиль, то почему меня должно называть пнитом?»¹⁷

Сходство иконографических типов на прижизненном портрете Ломоносова и на гравюре из книги Рипы не вызывает сомнений, а наименование изображенного понятия — «*Furore poetico*» — дает ключ к пониманию прижизненного портрета Ломоносова.

Упомянутую в «Иконологии» концепцию «поэтической одержимости» Платон изложил в диалоге «Федр»: «Третий вид одержимости и иступления — от Муз, он охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет излить вакхический восторг в песнопениях и в иных родах поэзии и, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков. Кто же без ниспосланного Музами иступления подходит к порогу творчества в уверенности, что благодаря одной сноровке станет изрядным поэтом, тот немощен, и все созданное человеком здравомыслящим затмится творениями иступленных».¹⁸ О том же Платон говорит и в «Ионе»: «Так и Муза сама делает вдохновенными одних, а от этих тянется цепь других восторженных. Все хорошие эпические поэты не благодаря уменью слагают свои прекрасные поэмы, а только когда становятся вдохновенными и одержимыми».¹⁹ Флорентийские неоплатоники развили эту концепцию. Так, Марсилино Фичино в «Комментарии на „Пир“ Платона» писал: «Божественное безумие есть озарение разумной души, посредством которого бог душу, ниспадшую с высших областей к низшим, увлекает от низших к высшим».²⁰ Столетие

¹⁵ Я сердечно благодарен Л. Г. Степановой (1941—2009) за этот перевод с итальянского языка.

¹⁶ *Гораций. Собрание сочинений.* СПб., 1993. С. 345.

¹⁷ *Тредиакровский В. К. Сочинения.* СПб., 1849. Т. 1. С. 91.

¹⁸ *Платон. Избранные диалоги.* М., 1965. С. 208.

¹⁹ Там же. С. 262. Ср.: *Григорьева Н. И. Вдохновение и творчество в поэтике платоновских диалогов // Античная поэтика.* М., 1991. С. 135—157.

²⁰ *Эстетика Ренессанса.* М., 1981. Т. 1. С. 230.

спустя эти же темы подробнейшим образом обсуждал и Франческо Патрици в «Поэтике».²¹ Дальнейшее углубление в европейскую историю концепции «поэтического безумия» уведет нас в сторону; к сожалению, сейчас нет возможности обсудить и психолого-физиологические аспекты «поэтического безумия» — имею в виду трактовку Аристотелем «меланхолии», исключительно важной концепции и даже темы в русской поэзии конца XVIII—начала XIX в., от Карамзина до Жуковского. Очевидно, что у нас есть все основания полагать, что на прижизненных портретах Ломоносова запечатлен высший миг творчества — поэт находится в состоянии «поэтического восторга (безумия)», о чем сказал и сам Ломоносов в «Хотинской оде»:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой.

И румянец на щеках Ломоносова, известный по портрету Л. С. Миропольского, — это тот румянец, о котором писал Рипа, это знак внутреннего возбуждения. На гравюре Вортмана перед Ломоносовым на столе лежат транспортир, циркуль, треугольник, листы бумаги, стоят чернильница, микроскоп, далее виден глобус, т. е. инструменты, необходимые для научной работы, которой Ломоносов и занимался в тот момент, когда на него снизошло внезапное вдохновение. Таким образом, и поэт, и художник XVIII в. были согласны в том, что вдохновение ниспосылается внезапно, предугадать его невозможно.

Furor poeticus на русский язык переводилось и переводится по-разному, прием вариант «поэтическое безумие» просто для удобства изложения. В русской терминологии XVIII в. это понятие обозначали и как «восторг» (Феофан Прокопович), и как «энтузиазм» (В. К. Тредиаковский).²² Только в последние годы *furor poeticus* становится предметом пристального изучения историками русской литературы.²³

Нельзя сказать, что в России концепция «поэтического безумия» была в XVIII в. сразу встречена сочувственно. Так, Феофан Проко-

²¹ Там же. Т. 2. С. 124—141.

²² В экземпляре «Иконологии» (Амстердам, 1644), принадлежавшем А. Виниусу, подписи под гравюрами переведены на русский язык; надпись к занимающему нас изображению выглядит так: «*Furore poetico* — Стихотворение, пиитика»; отметим, что рядом помещена другая гравюра с подписью: «*Furore* — Беснование», см.: Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса: Каталог / Сост. Е. А. Савельева. СПб., 2008. С. 164.

²³ См.: Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730—1762 гг. Tartu, 1997. С. 46—54; Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 113—128. — Далее в статье моя интерпретация *Furor poeticus* в русской литературе во многом совпадает с концепцией Н. Ю. Алексеевой.

пович относился к ней весьма скептически. «Этот пресловутый, как говорят, небесный порыв, который одни прозвали восторженностью (*furorem*), а другие энтузиазмом (*enthusiasmum*), без помощи наставников окажется, если верить Горацию, бесполезным».²⁴ Еще резче Феофан высказался в 1720 г. в «Слове похвальном о флоте российском»: «...суетловие есть, естли не безумие неких стихотворцев, котории так плаванія воднаго ненавидят, что и первых того изобретателей проклинают. Обычно господа онии вымыслы своя нарицают неким восхищением, или восторгом, — да часто им в восторгах своих недоброе видится».²⁵

А вот для Третьяковского концепция «поэтического безумия» была вполне приемлема, и он, как кажется, писал о нем более других. Ему принадлежит и первое и чуть ли не единственное подробное описание поэтического восторга, изложенное им в письме к Шумахеру 1 июня 1733 г. (письмо на франц. яз.):

«В одну минуту я взбираюсь на Парнас, где на беду я не нашел ни своенравных муз, ни сущего говоруна Аполлона, к которым я хотел обратиться помочь мне наमारакать помянутые стихи. <...> И вот, сначала послышался голос очень тихий и прелестный, совершенно растрогавший мое сердце, и звуки гармонической лиры, на которой играли с изумительной грацией. Чудесное движение меня охватило так могущественно, что я пришел в восторг. Тогда, несмотря на иступление, которое чувствовал в себе под влиянием этой гармонической и небесной мелодии, мне не хотелось выдти из такого состояния, так как в нем я испытывал невообразимую негу и ни с чем несравненное удовольствие. Чем более пели, тем сильнее мои чувства предавались восторгу. <...> Потеряв способность чувствовать все прелести мира, я только был чутким и привязанным к тихим звукам. Они были произносимы так явственно, что я не проронил из них ни одного слова».²⁶ Несмотря на несколько искусственный и чрезмерно лестный по отношению к Шумахеру характер описания, очевидно, что концепция поэтического экстаза Третьяковскому близка.

В «Рассуждении о оде вообще» (1734) Третьяковский опять говорит об энтузиазме как о безусловно высшем достоинстве поэтического творчества и, что примечательно, как раз по случаю чтения латинской оды Феофана Прокоповича 1727 г. В 1750 г. Третьяковский дал такое синонимическое определение: «пиитический жар, называемый энтузиазмом».²⁷ Для обозначения состояния «поэтического

²⁴ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 345.

²⁵ Там же. С. 106.

²⁶ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 41.

²⁷ Третьяковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю, 1750 // Сборник материалов для

жара» Тредиаковский использует в оде 1734 г. оксюморон «трезвое пианство».²⁸ Примечательно, что Тредиаковский и Ломоносов в первом стихе своих первых од упоминают «поэтический экстаз»: «трезвое пианство» и «восторг» соответственно.

Еще одно определение «поэтического восторга» дал Г. Р. Державин в «Рассуждении о лирической поэзии», в котором слышится и личный опыт автора: «Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества. Поэт, в полном упоении чувств своих разгораясь свышним оным пламенем или, простее сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. Не разгораясь, не чувствуя себя восхищенным, и приниаться он за лиру не должен. Вдохновение раждается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспаляется помыслами, усугубляется ободрением, поддерживается окружными видами, согласными со страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением или изливанием мыслей о той страсти, или ее предметах, которые воспеваются. В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений. От того-то в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, то особую краску и приятность в себе имеющее. Но вдохновение может быть не всегда высокое, а чаще между порывным и громким посредственное, заемлемое от воспеваемого предмета, обстоятельств или собственного состава и расположения поэта; а потому и может быть у всякого свое и по временам отличное вдохновение по настроению лиры или по наитию гения. Исчислять все его виды было бы весьма пространно».²⁹ Очевидно, что Державину ближе определение вдохновения, восходящее к идеям платонизма и неоплатонизма, которые художественное творчество, возбужденное божественным вмешательством, ставили выше ремесленного следования правилам поэтики и риторики.

История категории *furo r poeticus* в русской литературе пока не написана и полностью еще не исследована. Но, кажется, не будет преувеличением сказать, что она генетически связана с пиндарической одой и отходит на второй план вместе с этой одой, но, разумеется, полностью вовсе не исчезает из эстетики и из самого творче-

истории императорской Академии наук в XVIII в. / Издал А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 438.

²⁸ См. о нем: *Живов В. М.* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых» // *История культуры и поэтика*. М., 1994. С. 69—70.

²⁹ *Державин Г. Р.* Избранная проза. М., 1984. С. 280—281. Ср.: *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1872. Т. 7. С. 523.

ства. Вторая половина XVIII в., как кажется, не знает развернутых описаний поэтического экстаза. Портреты, кстати, являются красноречивым тому подтверждением. Это коснулось и Ломоносова. На смену каноническому изображению приходят более традиционные: на портрете конца века Ломоносов еще сохраняет позу, но рука уже оторвана от бумаги, при этом рукопись у нижнего края портрета обращена к зрителю и можно легко прочесть название поэмы: «Петр I». Здесь изображено состояние задумчивости и созерцания, уже актуальных для новой литературной эпохи, но вовсе не «восторга» или «пиитического жара». А в начале XIX в. Ломоносов на портрете уже не отличается от своих собратьев по перу.³⁰

Разбираемый иконографический тип встречается еще в одной области западноевропейской, а также русской иконографии, причем появился он задолго до «Иконографии» Ч. Рипы, а именно, в изображениях евангелистов.³¹ Например, изображение евангелиста Марка (781—783 гг., дворцовая школа Карла Великого) удивительно совпадает с позой Ломоносова.³² Но в этом совпадении нет ничего удивительного. Как показали исследования искусствоведов, типы изображений богодухновенных евангелистов как в византийской, так и в западноевропейской иконографии восходят к античным изображениям поэтов и философов.³³ В русской иконографии евангелистов подобный тип встречается уже в Остромировом евангелии (1056—1057 гг.). Разумеется, русскому читателю этот иконографический тип был более известен по изображениям евангелистов, а не по трудам итальянского полигистора. Однако это обстоятельство не дает, на мой взгляд, оснований для предположений о сакрализации и тем более о кощунственном восприятии портрета Ломоносова в контексте иконографии евангелистов. Нет никаких оснований считать, что подобные мысли могли прийти в голову Фессару, Вортману или Ломоносову, а затем и Миропольскому. К середине XVIII в. светская и сакральная живопись уже не имели тесных точек соприкосновения. Тем не менее сходство иконографических типов на изображениях евангелистов и Ломоносова заслуживало упоминания, поскольку в конечном счете оба типа восходят к одной античной традиции изображения *homo scribens*.

³⁰ См.: Глинка М. Е. М. В. Ломоносов. (Опы : иконографии).

³¹ См.: Квливидзе Н. В. Евангелисты. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 700—703.

³² См.: Мажуга В. И. Изображение писцов в искусстве раннего средневековья (конец VIII—XI в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. Рис. 3 на вклейке (между с. 272 и 273).

³³ См.: Friend A. M. The Portraits of Evangelists in the Greek and Latin Manuscripts // Art Studies, medieval, renaissance and modern. Cambridge (Mass.), 1927. Vol. 5. P. 115—147; 1929. Vol. 7. P. 3—29; Квливидзе Н. В. Евангелисты. Иконография. С. 702; Мажуга В. И. Изображение писцов в искусстве раннего средневековья. С. 276—277.

Таким образом, прижизненная иконография Ломоносова — это еще и замечательный памятник отечественной литературной эстетики. То обстоятельство, что эти портреты при безусловной известности (живописные повторы и многочисленные гравюры) не породили подражаний, лишний раз подчеркивает осознававшееся всеми особое место Ломоносова в русской поэзии. К ранним портретам Ломоносова вполне можно отнести слова Державина о Львове: «Казалось, сами музы рукой его водили».³⁴

³⁴ *Львов Н. А.* Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 364.

П. И. ХОТЕЕВ

О ЗНАКОМСТВЕ РУССКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА С НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

В первой половине XVIII столетия в русской образованной среде сложилась необычная языковая ситуация. При Петре I и его ближайших преемниках в условиях заметной активизации отношений с германскими государствами преподавание немецкого языка в России приняло такие масштабы, что в результате обучения сотни, если не тысячи представителей разных слоев общества были в состоянии говорить, писать и читать по-немецки так же свободно, как и по-русски.¹ Что касается читающей публики, то значительная ее часть, таким образом, оказалась подготовленной к восприятию оригинальных немецких текстов. Нередким явлением стало приобретение книг на немецком языке, печатавшихся в Германии и поступавших в Россию, что подтверждается данными, которые содержатся в дошедших до нас каталогах и описях частных книжных собраний той поры. Опираясь на эти документальные материалы, мы приведем наиболее характерные факты, свидетельствующие о знакомстве русских читателей с некоторыми образцами немецкой художественной литературы. Такого рода сведения, любопытные сами по себе, приобретают особое значение при исследовании различных аспектов русско-немецких литературных связей.

В обширном книжном собрании Петра I художественной литературы было немного.² Уделяя главное внимание чисто практическим проблемам, к литературе, как и к музыке царь-реформатор не проявлял особого интереса. Трудно себе представить Петра, сидящего

¹ Хотеев П. И. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века. СПб., 2008. С. 62—108. См. также: Кох К. Преподавание немецкого языка как иностранного в России XVIII в. // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 35—46.

² Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978.

где-нибудь у камина с романом в руках. И тем не менее вся его преобразовательная деятельность существенно способствовала созданию условий, в которых многие его подданные, и в первую очередь люди из его окружения, члены его семьи, почувствовали вкус к изящной словесности.

Долгое время было принято считать, что сын Петра царевич Алексей приобретал преимущественно религиозную литературу.³ Однако, судя по каталогу библиотеки Алексея Петровича,⁴ среди немецких изданий в собрании царевича преобладали книги светского содержания. Алексей прекрасно владел немецким языком, кстати сказать, значительно лучше, чем его отец. Известно, что несколько часов в день Алексей отводил на чтение и читал он не только богословские трактаты и жития святых. В его библиотеке было по меньшей мере двадцать томов немецкой художественной литературы, в том числе несколько популярных в Германии сборников развлекательной прозы. Так, например, в Карлсбаде царевич купил книжку «*Lyrum Larum Lyrissimum. Das ist eine heylsame Quintessenz... aus 550 kurtzweiligen Geschichten, Schwäncken und dergleichen Materie*» ([S. I.], 1708—1710, 2 Bde, 12°), в которой, как видно из подзаголовка, помещены многочисленные «забавные истории, шванки и тому подобная материя». Алексей читал веселые рассказы Августа Бозе, печатавшегося под псевдонимом Таландер («*Schertz- und ernsthaftte historische Erquicks Stunden, aus denen besten so wohl alten als neuen Scribenten*», Leipzig, 1702, 8°), сборник сказок («*Die Tausend und eine Nacht*», Leipzig, 6 Theile, 1711, 8°) с предисловием того же Таландера. Царевич обзавелся книжечкой в восьмую долю листа «*Wunder-Beschreibung der schönen Melusine*» (1712, 8°), баснями Эзопа в переводе Захариаса Германа, напечатанными под заглавием «*Lust- und Lehr-reiche Sitten-Schule*» (Ulm, 1705, 8°). Вместе с тем наряду с широко распространенной в Германии незатейливой литературой для легкого чтения у Алексея Петровича имелась целая подборка произведений трех известных в свое время немецких сатириков, писавших на злободневные темы: Иоганн Михаэль Мошерош представлен в библиотеке царевича романом «*Wunderliche und wahrhaftige Gesichte Philanders von Sittewald*» (Strassburg, Franckfurt, 1665, 1677, 2 Theile, 8°) и книгой «*Philanders von Sittewald Joco-Seria. Oder 1 hundert lehr- und sinnenreiche, wie auch lächerliche Begebenheiten*» ([o. O.], 1710, 12°); Христиан Вейзе — романами «*Die drey klügsten Leute in der gantzen Welt*» (Leipzig, 1707) и «*Die drey ärgsten Ertz-Narren in der gantzen Welt*» (Augsburg, 1710, 12°); Франц Калленбах — книгами «*Wurmland, nach Lands-Art, Regiment, Religion, Sitten und Lebens-Wandel, gleichsam auf einer Schaubühn vorgestellt*» (o. O., o. J., 8°)

³ Луттов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 180—184.

⁴ РО БАН. F № 355. Л. 1—6.

и «Quasi vero. Der hinckende Bott hat sich wohl. Sivae novellae politico-morales» ([Nürnberg], 1714, 8°).

С детских лет была приучена к чтению принцесса Анна Леопольдовна, ставшая в 1740 г. правительницей России. Необходимую литературу она не только покупала в книжной лавке, но и брала из Библиотеки Академии наук в Петербурге.⁵ Один из ее приближенных, Иоганн Эрнст фон Миних, вспоминал, что Анна Леопольдовна «до чтения книг была великая охотница», много читала на немецком и французском языках и «отменный вкус имела к драматическому стихотворству», причем в книгах ей особенно нравились те эпизоды, где описывалась какая-нибудь «несчастливая и пленная принцесса, говорящая с благородною гордостью».⁶ Переживания таких героинь были близки и понятны юной, склонной к созерцательности Анне Леопольдовне: она сама родилась принцессой. Весной 1732 г. в тринадцатилетнем возрасте она получила на прочтение из академической библиотеки наполненный восточной экзотикой придворно-героический роман Христиана Вильгельма Гагдорна «Aeuquan, oder der Große Mogol, das ist, Chinesische und Indische Stahts- Kriegs- und Liebes-Geschichte». Позднее Анна Леопольдовна читала роман Г. А. фон Циглера «Asiatische Banise» (Leipzig, 1728, 2 Theile, 8°), стихи Христиана Гофмана фон Гофмансвальдау, немецкие переводы «Метаморфоз» Овидия и пасторального романа Филипа Сиднея «Arcadia der Gräffin von Pembrock» (Franckfurt, 1643, 8°).⁷ Зачитываясь романами, Анна Леопольдовна, по-видимому, заинтересовалась историей этого литературного жанра: известно, что 10 января 1735 г. она взяла из Библиотеки Академии наук трактат французского теоретика литературы Пьера Даниэля Юэ (1630—1721) «L'Origine des Romans».⁸

⁵ Книги, доставлявшиеся из Германии, можно было приобрести в петербургской Академической книжной лавке. В ее каталоге, напечатанном в 1731 г. (Verzeichniß allerhand lateinischer, frantzösischer, italiänischer, holländischer und teutscher auserlesenen neuen Bücher, welche im Buchladen bey der Akademie der Wissenschaften zu bekommen sind. St. Petersburg, 1731. IV. Stück), немецкая художественная литература была представлена 44 изданиями. Сочинения немецких поэтов и писателей поступали в библиотеки общественного пользования. В печатном каталоге Библиотеки Академии наук в Петербурге (Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars I—IV. Petropoli, 1742) в разделе поэзии числится 60 изданий на немецком языке. В библиотеке Московского Архива Коллегии иностранных дел имелся роман-робинзоида И. Г. Шнабеля «Wunderliche Fata einiger See-Fahrer» (Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. CCCXXVIII. № 53).

⁶ Миних Э. Записки // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е—1760-е годы). Л., 1991. С. 178.

⁷ СПбФАРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 407. Л. 3; № 408. Л. 1, 5; Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. 5. С. 19; Луннов С. П. Книга в России в послепетровское время: 1725—1740. Л., 1976. С. 205, 206.

⁸ СПбФАРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 408. Л. 5.

Постоянную тягу к чтению испытывал внук Петра I великий князь Петр Федорович. В его библиотеке, в разделе немецкой прозы, мы видим придворно-исторические романы: «Arminius und Thusnelda» (Leipzig, 3 Bde, 4°) Д. К. фон Лознштейна, «Asiatische Banise» Г. А. фон Циглера, «Octavia Römische Geschichte» (Nürnberg, 1677, 1678, 2 Bde) Антона Ульриха Брауншвейгского.⁹ У Петра Федоровича были также сборники стихов известных немецких поэтов XVII—первой половины XVIII в. (Опица, Гофмансвальдау, Бессера, Каница, Брокеса), комплекты и отдельные выпуски некоторых немецких журналов, в том числе еженедельников «Die Vernünftigen Tadlerinnen» (Leipzig, 1748, 2 Bde) и «Der Patriot» (Hamburg, 1737, 3 Bde, 8°), издававшихся соответственно Готшедом и Брокесом. Великий князь счел нужным приобрести сборник «Der Deutschen Gesellschaft in Leipzig eigene Schriften und Übersetzungen in gebundener und ungebundener Schreibart» (Leipzig, 1735, 2 Bde). Из переводов на немецкий язык необходимо назвать поэму Александра Попа «Versuch an dem Menschen in vier Sitten-Briefen» и роман Сервантеса «Des berühmten Ritters Don Quixote von Mancha lustige und sinnreiche Geschichte».¹⁰

Тех познаний в немецком языке, которыми обладал Александр Данилович Меншиков, хватало, по-видимому, скорее для общения с иностранными солдатами и офицерами, нежели для знакомства с немецкой изящной словесностью. Но вот его дети, получившие неплохое образование, могли читать немецкую литературу, которая имелаась в доме светлейшего князя. В небрежно составленной описи незначительной части его библиотеки числится несколько немецких книг, которые должны быть отнесены к разряду развлекательной прозы. Это сборники, содержащие «всякие забавы», «веселие» и «разговоры о разных делах». В той же описи значатся «вирши Овидиевы» в немецком переводе.¹¹

Из художественной литературы, время от времени попадавшей в домашнюю библиотеку подканцлера Петра Павловича Шафирова, достоин упоминания роман Августа Бозе «Der durchlauchtigsten Alcestis und ihres tapffern Printzen Arsaces Liebes und Helden Gedichte» (Leipzig, 1696, 8°). Эта книга объемом в 1104 страницы представляет собой характерный образец немецкого галантного романа. У Шафирова были сборники забавных и нравоучительных рассказов: «Der lustigen Schau-Bühne vielerhand Curiositäten Zweyter Theil» (8°,

⁹ Опись состоящей при Ораниенбаумском дворце библиотеки / [Подготовка и публикация Д. А. Зайцевой] // Забытый император: Мат-лы науч. конф. 11 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 148. № 50—52; С. 159. № 489, 490; С. 167. № 1174, 1175 (Ораниенбаумские чтения. Вып. 3).

¹⁰ Там же. С. 155. № 10, 11, 18, 19; С. 157. № 343, 344, 352—354; С. 158. № 401, 437, 444; С. 159. № 466—474; С. 167. № 1148, 1149, 1156—1162; С. 193. № 26.

¹¹ *Саверкина И. В., Сомов В. А.* Реестр книг А. Д. Меншикова // Книга в России в эпоху Просвещения: Сб. науч. тр. Л., 1988. С. 152—160. № 97, 101, 105, 113, 116, 133, 171.

автор — Эразм Франциски), «Schau-Platz der Betrieger» (Hamburg, Franckfurth, 1687, 8°).¹²

В описи библиотеки кабинет-министра Артемия Петровича Волынского наряду с немецкими «разговорами веселыми» и «речами о разных вещах» находим книгу «о трех мудрецах, на немецком» (вероятнее всего, это роман Х. Вейзе «Die drey klügsten Leute in der gantzen Welt», который, как мы видели, был у царевича Алексея), три комедии на немецком языке, одна из которых написана Андреасом Грифиусом (во всех случаях заглавия пьес в описи не указаны).¹³ Можно предположить, что Волынский в какой-то степени интересовался поэзией: у него имелись три немецких «поэтических» книжки (их названия в описи не раскрыты), «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» ТрEDIAKовского, а также «поэтика, на латинском».¹⁴

В Германии стали пополняться библиотеки русских студентов Михаила Ломоносова и Дмитрия Виноградова, будущего изобретателя отечественного фарфора. В Марбурге, осваивая немецкий язык, они стали много читать. Оба обзавелись свежим немецким переводом романа Пьера Карле де Мариво «Der durch seine freymüthige Aufrichtigkeit glücklich gewordene Bauer» (Leipzig, 1736, 8°). Ломоносов купил немецкий перевод романа Джонатана Свифта «Des Capitains Lemuel Gulliver Reisen» (Berlin, 1731, 8°), один из первых выпусков продолжающегося издания «Die redende Thiere über menschliche Fehler und Laster, bey ruhigen Stunden lustig und nützlich zu lesen» (Franckfurt, 1738, 8°).¹⁵ В марбургских книжных приобретениях Виноградова и Ломоносова со всей очевидностью проявился их интерес к немецкой поэзии. Виноградов стал владельцем антологии «Herrn von Hoffmannswaldau und anderer Deutschen außerlesener und bißher ungedruckter Gedichte erster [—sechster] Theil» и упоминавшегося уже сборника лейпцигского Немецкого общества «Der Deutschen Gesellschaft in Leiptzig eigene Schriften und Übersetzungen» (Leiptzig, 1734, 1735, 2 Theile, 1 Bd). Ломоносов приобрел небольшую книжку Беньямина Нейкирха «Galante Briefe und Gedichte» (Hamburg, 1730, 8°), сборник стихов И. Х. Гюнтепа «Sammlung von Johann Christian Günthers aus Schlesien bis anhero edirten deutschen und lateinischen

¹² Трофимова Н. С., Хотеев П. И. Каталог библиотеки П. П. Шафирова // Книга в России в эпоху Просвещения: Сб. науч. тр. Л., 1988. С. 164, 167, 168. № 18, 302, 334.

¹³ Луппов С. П. Библиотека Артемия Волынского // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 124—128. № 72, 161, 164, 188, 189, 195.

¹⁴ Там же. № 190—192, 196, 221.

¹⁵ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961. С. 407—411, прил. 1; Морозов А. А. М. В. Ломоносов: Путь к зрелости. 1711—1741. М.; Л., 1962. С. 462, примеч. 136.

Gedichten» (Bresslau und Leipzig, 1735, 8°), руководство по стихосложению Иоганна Гюбнера «*Neu-vermehrtes poetisches Hand-Buch*» (Halle, 1734, 8°).¹⁶ Нет сомнения в том, что Виноградов и Ломоносов отдавали свои книги друг другу на прочтение, зачастую обменивались ими. Иными словами, перечисленные выше издания были известны и тому и другому.

Исследуя архивные материалы, связанные с пребыванием Дмитрия Ивановича Виноградова в Германии и его последующей деятельностью в Петербурге, Е. Я. Данько не обнаружила в них каких-либо свидетельств его склонности к сочинительству или к «систематическому изучению литературы» и в то же время отметила, что Виноградов «с должным вниманием» отнесся к ранним стихотворческим опытам Ломоносова.¹⁷ Е. Я. Данько не знала, что еще до отъезда в Германию Виноградов, как и Ломоносов, приобрел «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Тредиаковского,¹⁸ а позднее у него появились иностранные руководства по теории литературы — «*Margarita poetica*» (автор — Альбрехт фон Эйб), «*Poetices methodice conformatae libri duo*» (автор — ландграф Гессен-Кассельский Мориц Ученый), «*Gradus ad Parnassum*» (*Coloniae Agrippinae*, 1684, 8°).¹⁹ Вернувшись в Россию, Виноградов продолжал следить за творчеством Ломоносова и вообще не утратил интереса к художественной литературе. Его библиотека пополнилась образцами античной словесности, публикациями русских авторов (Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Поповского), комплектом журнала «Ежемесячные сочинения» за 1755—1757 гг.²⁰ Немецкая литература была представлена здесь книгами двух писателей-острословов — Фридриха Таубмана и Иоганна Ульриха Мегерле, печатавшегося под именем Абрагама Санта Клара. Книга «*Taubmaniana oder des sinnreichen Poetens, Friederich Taubmanns nachdenckliches Leben, scharffsinnige Sprüche, kluge Hof- und schertzhaffte Studenten-Reden, wie auch dessen denckwürdige Gedichte*» (Franckfurt und Leipzig, 1703, 12°) — это сборник шуток, остроумных изречений и стихов. Книга Мегерле называется «*Gack, Gack, Gack, Gack, à Ga einer Wunderseltzamen Hennen*» (München, 1688). Кроме того, у Виногра-

¹⁶ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. С. 300, 308, 326. Знакомство Ломоносова с этими изданиями учтено литературоведами. См., например: Берков П. Н. Немецкая литература в России в XVIII веке // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур: Статьи. Л., 1981. С. 279.

¹⁷ Данько Е. Я. Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 249 (примеч. 2), 250.

¹⁸ Хотеев П. И. Библиотека создателя русского фарфора Д. И. Виноградова // Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX в.: Сб. науч. тр. Л., 1983. С. 74—76.

¹⁹ Там же. С. 80, 81. № 69, 74, 90.

²⁰ Там же. С. 80—83. № 65, 72, 73, 75, 76, 126, 131—134, 137, 139, 140, 151—154, 170, 171, 174, 178—184.

дова имелась книга Лаврентия Вольфганга Войта «*Emblematischer Parnassus: Worauf die Musen, ihre Blumen-Lese, zu allerhand Freuden und Trauer-Kränzten halten*» (Augsburg, Theil 1, 3, 4°). Виноградов читал по-немецки трагедию Корнеля «*Polyeuctes ein Märtyrer*» (Strassburg). Одним из первых в России Виноградов ознакомился с творчеством Генри Филдинга, прочитав немецкий перевод его романа — «*Begebenheiten des Josephs Andrews und seines Freundes Abraham Adams*» (Danzig, 1745, 8°).²¹

Нередко немецкие издания приобретал Василий Никитич Татишев. В частности, из-за границы он привез книгу «*Etwas für Alle*» (Würtzburg, 1699, 8°). Здесь на гравюрах, выполненных Кристофом Вейгелем, изображены люди различных профессий: печатник, переплетчик, плотник, каменщик, учитель, врач и т. д., а под гравюрами помещены нравоучительные стихотворения, написанные Абрагамом а Санта Клара. В библиотеке Татищева были два тома стихов «*Herrn von Hoffmannswaldau und anderer Deutschen auserlesener und bißher ungedruckter Gedichte erster [anderer, dritter] Theil, nebenst einer Vorrede von der deutschen Poesie*» (Leipzig, 1697, 1707, 2 Bde, 8°), комплект сатирического журнала Филиппа Бальтазара Зинопльда фон Шюца «*Der Europäische Niemand*» ([о. О.], 1717—1721, 2 Bde, 8°), немецкие переводы басен Эзопа, сочинений Овидия, Вергилия, Саади, комедий Мольера, романов Фенелона («*Staats-Roman, welcher unter der denckwürdigen Lebens-Beschreibung Telemachi... vorstellt wie die Königl. und Fürstl. Printzen zur Staats-Kunst u. Sitten-Lehre anzuführen*», Breßlau, 1722, 8°), Ф. Сиднея («*Arcadia der Gräffin von Pembrock*», Leyden, 1642, 8°), Э. М. Рамзея («*Reisender Cyrus*»).²² Вызывает интерес наличие в библиотеке Татищева поэтики Иоганна Фридриха Ротмана, изданной под названием «*Lustiger Poete, worinnen die vornehmsten Reguln der Poesie... zusammen getragen*» ([S. l.], 1711, 8°).²³

У нас есть отрывочные сведения о библиотеке другого русского ученого — Федора Ивановича Соймонова. У него, как и у Виноградова, имелась книга Л. В. Войта «*Emblematischer Parnassus*» (Augsburg, 4°), схожая по содержанию и оформлению с книгой «Символы и эмблемата», напечатанной по распоряжению Петра I в Амстердаме в 1705 г. и переизданной в Петербурге в 1719 г. У Соймонова был также иллюстрированный гравюрами немецкий перевод «Энеиды» Вергилия.²⁴

²¹ Там же. С. 81, 82. № 78, 81, 92, 93, 111, 113.

²² Астраханский В. С. Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 24, 27, 28, 32—36. № 122, 246, 256, 278, 285, 427, 446, 472, 491, 517, 530, 570.

²³ Там же. С. 35. № 529.

²⁴ Луппов С. П. Федор Иванович Соймонов и его библиотека // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX вв.: Сб. науч. тр. Л., 1979. С. 26, 27. № 13, 29.

Как видим, в упомянутых выше частных книжных собраниях встречаются издания литературных произведений, авторы которых работали в различных жанрах и направлениях. В России читали прециозные придворно-исторические и галантно-героические романы Даниэля Каспера фон Лознштейна (1635—1683), Генриха Ансельма фон Циглера (1653—1696), герцога Брауншвейгского Антона Ульриха (1633—1714).²⁵ Галантно-назидательные романы писал Август Бозе (1661—1730, псевдоним Таландер). Иоганн Михаэль Мошерош (1601—1669), Христиан Вейзе (1642—1708), Абрагам а Санта Клара (1644—1709), Франц Калленбах (1663—1743) в своих сочинениях реалистически отображали нравы, царившие в современной им Германии. Один из идейных лидеров раннего немецкого Просвещения Иоганн Кристоф Готшед (1700—1766) был известен в русских читательских кругах по его журналам-еженедельникам и по публикациям лейпцигского Немецкого общества.

Пока нет данных о знакомстве русских читателей XVIII в. с произведениями крупнейшего немецкого писателя предыдущего столетия Ганса Якоба Кристоффеля фон Гриммельсгаузена (1621—1676).²⁶ Сейчас мы можем сообщить лишь о том, что составленный им «Вечный календарь» («*Simplicissimi Ewig-währender Calender*») в 1733 г. взял на прочтение из Библиотеки Академии наук немец, состоявший на русской службе, профессор Георг Вольфганг Крафт.²⁷ В этой книге наряду со сведениями календарного и астрологического характера помещены и литературные материалы: диковинные истории, анекдоты, шванки и т. п.

В личных библиотеках стали появляться сочинения немецких стихотворцев. Выше мы упомянули Мартина Опица (1597—1639) и Андреаса Грифиуса (1616—1664). Они принадлежали к так называемой первой силезской школе поэтов. Представителями второй силезской школы были Христиан Гофман фон Гофмансвальдау (1616—1679), Даниэль Каспер фон Лознштейн (1635—1683). К более позднему времени, когда в Германии шел процесс перехода от барокко к раннему Просвещению, относится творчество Рудольфа фон Каница (1654—1699), Иоганна Христиана Гюнтера (1695—1723), Иоганна фон Бессера (1654—1729), Бенъямина Нейкирха (1665—1729), Бартольда Генриха Брокеса (1680—1747). Почти все они входят в первую шеренгу немецких поэтов XVII—XVIII столетий. Их деятельность отличалась жанровым разнообразием: они писали оды, элегии, поэмы, сонеты, сатиры, эпиграммы. Важно подчеркнуть, что в немецкой поэзии со времен Опица полностью утвердилась

²⁵ Об этих авторах см.: *Cholevius L.* Die bedeutendsten deutschen Romane des siebzehnten Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Literatur. Leipzig, 1866. S. 152—408.

²⁶ Ср.: Морозов А. А. «Симплициссимус» и его автор. Л., 1984. С. 182.

²⁷ СПбФА РАН. Ф. 158. Оп. 1. № 408. Л. 48.

силлабо-тоническая система стихосложения, которая именно в рассматриваемый нами период стала осваиваться и в России.

О поэзии Пауля Флеминга (1609—1640) русские читатели имели представление, вероятнее всего, еще до того, как на его творчество обратил внимание Сумароков, занимавшийся переводом его сонетов.²⁸ Не надо упускать из виду, что несколько стихотворений Флеминга опубликовал в своих знаменитых записках о путешествии в Московию и Персию Адам Олеарий.²⁹ А эта книга была хорошо известна в России. Ее знали Петр I, цесаревна Анна Петровна, А. П. Волынский, В. Н. Татищев, И. К. Кирилов и др.³⁰ В 1731 г. и позднее книгу Олеария, которая, кстати сказать, является не только важным историческим источником, но и замечательным образцом немецкой прозы XVII в., можно было свободно купить за 7 руб. 50 коп. в петербургской Академической книжной лавке.

Внимание читателей привлекали дидактические сочинения, литература для развлекательного чтения, символы и эмблемы. В России знали апофегматы, составленные не только поляком Беняшем Будным, но и его младшими современниками немцами Юлиусом Цинкгрефом (1591—1635) и Иоганном Леонардом Вейднером (1588—1655).³¹

В страну поступала немецкая литературная периодика, в том числе нравоучительные еженедельники: лейпцигские «Разумные порицательницы», гамбургский «Патриот» и другие такого рода издания, во множестве возникшие на раннем этапе Просвещения в Германии. На страницах этих журналов помимо прочего обсуждались проблемы художественного творчества, образования и воспитания молодежи, положения женщины в обществе.

Русские читали журнал «Die Europäische Fama», где печаталась информация преимущественно политического характера. Пользовалось спросом лейпцигское периодическое издание историко-публицистического направления «Gespräche in dem Reiche derer Todten»; некоторые выпуски переводились на русский язык (сохранились рукописные переводы), однако чаще читатели обращались к немецким оригиналам.

²⁸ Левитт М. Сумароков — читатель петербургской Библиотеки Академии наук // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 49, 55, 56.

²⁹ Дубинин С. И. Самарские сонеты Пауля Флеминга и истоки русско-немецких литературных связей // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 26—36; Володарский В. М. Пауль Флеминг — первый немецкий автор сонетов о Московии // Россия и Германия. М., 2007. Вып. 4. С. 9—21.

³⁰ Библиотека Петра I: Указатель-справочник. № 1355; СПбФАРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 406. Л. 1 об.; № 407. Л. 3; Луттов С. П. Библиотека Артемия Волынского. С. 124. № 45, 46; Астраханский В. С. Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. С. 24. № 119; Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 707.

³¹ Библиотека Петра I: Указатель-справочник. № 1631.

Нельзя не отметить, что по немецким переводам, изданным в Германии, русские читатели имели возможность в той или иной мере ознакомиться с литературами других европейских стран — с сочинениями Сервантеса, Корнеля, Мольера, Фенелона, Мариво, Сиднея, Свифта, Филдинга и др.

Говоря о конкретных читателях, к которым попадала художественная литература на немецком языке, мы назвали царевича Алексея Петровича, правительницу Анну Леопольдовну, великого князя Петра Федоровича. Со всеми их достоинствами и недостатками это были люди новой эпохи. Представители правящего дома, конечно же, делились впечатлениями от прочитанного с людьми из своего окружения, так или иначе оказывали влияние на приближенных. Интерес к немецким изданиям наблюдался среди государственных деятелей, чиновников разного уровня, ученых, профессиональных переводчиков. По-немецки читали многие воспитанники гимназии при Академии наук и Шляхетного кадетского корпуса, где немецкий язык был обязательным предметом. В кадетском корпусе, в частности, учились Алексей Петрович Мельгунов и Адам Васильевич Олсуфьев, впоследствии славившиеся знатоками немецкой словесности. Такие люди, как они, приверженцы нового образа мыслей, близкие к литературным кругам, сознательно или сами того не замечая в известной степени определяли общие пути развития отечественной культуры.

Те или иные явления литературной жизни в России в рассматриваемое время исследователи вполне обоснованно связывают с присутствием в Петербурге немецких поэтов Г. Ф. В. Юнкера и Я. Штелина,³² с появлением в читательской среде русских переводов немецких текстов различного происхождения и содержания.³³ Мы в свою очередь, изложив наблюдения, которые носят историко-библиографический характер, стремились показать, что не менее существенным фактором, влиявшим на культурную обстановку в стране, являлось знакомство русских читателей с выходившими в Германии печатными изданиями стихотворных и прозаических сочинений на немецком языке. И, по-видимому, этот фактор не может быть оставлен без внимания при дальнейшем изучении особенностей литературного процесса в России в XVIII столетии.

³² Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 3—44 (XVIII век. Сб. 14); Алексеева Н. Ю. Петербургский немецкий поэт Г. В. Ф. Юнкер // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 8—27.

³³ Берков П. Н. Немецкая литература в России в XVIII веке. С. 256—297.

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

РЕПУТАЦИЯ СУМАРОКОВА-ПОЭТА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА¹

Одно из общих мест литературы о А. П. Сумарокове связано с представлением о крутой перемене его славы. Шумное прижизненное признание сменилось в начале XIX в. забвением. Законченность этого сюжета мешала подойти к нему критически. Нельзя сказать, что восприятие Сумарокова в начале XIX в. обойдено научным вниманием,² но основной вопрос, связанный с переменой его славы, пока не ставился. Если слава Сумарокова действительно претерпела крутой перелом, его творчество предстает пробным камнем тех перемен, которые произошли в литературе за четверть века после его смерти. Сумароков был первым низложенным автором XVIII в., критические отзывы о нем отличались наибольшей резкостью, а его неприятие — особенной безнадежностью.

Для того чтобы утверждать резкую перемену посмертной славы Сумарокова, необходимо было бы исследовать его прижизненную славу. Сведений о ней у нас мало. Не углубляясь здесь в этот вопрос, заметим только, что, судя даже по некрологу, хвалебному и доброжелательному, она не была безусловной.³ Уже в нем содержатся критические замечания обо всех его творениях, за исключением

¹ Эта статья написана не без влияния давних споров на эту тему с В. П. Степановым. В ходе работы над ней стало понятным, что наши расхождения в понимании этой проблемы — следствие диалектических противоречий, и взгляд Степанова нашел отражение в статье наряду с моим. Я не делаю ссылок, думаю, что некоторые читатели узнают его и без них. Не перекладывая ответственности за эту статью на Владимира Петровича, пользуюсь случаем выразить ему мою глубокую благодарность.

² См.: *Стенник Ю. В.* Сумароков в критике 1810-х годов (А. Ф. Мерзляков) // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 401—411; *Мстиславская Е. П.* Путь к Сумарокову. (Краткий очерк истории изучения биографии и творчества А. П. Сумарокова) // Александр Петрович Сумароков. Жизнь и творчество. М., 2002. С. 161—164.

³ Санкт-Петербургский вестник. 1778. Январь. С. 39—49.

басен. Защищать тень Сумарокова от этой «неслыханной язвы ругательства» взялся чудаковатый Н. Е. Струйский. И хотя на смерть Сумарокова откликнулось не в пример больше авторов, чем на смерть М. В. Ломоносова, все они, за исключением В. И. Майкова и И. К. Голенинского, были малозаметными поэтами. Эпитафии Н. П. Николаева, Ф. Г. Карина, С. П. Румянцева, Струйского и А. Дружерукова свидетельствуют о том, что у небольших литераторов Сумароков пользовался горячей любовью. Однако значительные тогда поэты (М. М. Херасков, В. П. Петров, И. Ф. Богданович) и молодые будущие знаменитости (Г. Р. Державин, М. Н. Муравьев, И. И. Хемницер, Н. А. Львов и др.) на смерть Сумарокова не откликнулись. Той же разногласицей в оценке творчества Сумарокова отмечена и пора его расцвета. В начале 1750-х гг. его хвалил молодой И. П. Елагин и бранили В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов.⁴ Но и тогда и после его песни с восторгом распевались, стихи читались, над трагедиями плакали. По-видимому, Сумароков принадлежит к тому типу писателей, чье творчество в кругу знатоков поэзии вызывает споры и чья слава держится, главным образом, за счет искренних, но неискрушенных ее ценителей. При этом в литературной табели о рангах в последнюю четверть века он занимал довольно высокое место, следуя за Ломоносовым.

Сам Сумароков, чрезвычайно дорожа своей известностью, мало заботился о посмертной славе. Лишь в самый последний период своего творчества, когда он заторопился издать свои сочинения в виде отдельных книжек, он впервые заговорил о своих будущих читателях. «Потомки и его (Ломоносова. — *Н. А.*), и мои стихи увидят и судить нас будут или паче письма (творения. — *Н. А.*) наши...», — писал он в брошюре «Некоторые строфы двух авторов» (1774),⁵ в которой для сопоставления поместил шесть пар строф из од Ломоносова и своих. Сделанная оговорка «паче письма наши» подчеркнула разность бессмертия души и поэзии, объединенного позднее Державиным в «двойкий образ», для Сумарокова невысказанный. Он один из тех поэтов, для которых мысль о поэтическом бессмертии тяжела и неприятна. В отличие от Ломоносова он никогда не обращался в своих стихах к потомкам и, уж конечно, не создал «Памятника». Далее в том же предисловии говорится: «...предупреждаю потомков, которые и г. Ломоносова, и меня не скоро увидят, а особливо ради того, что и язык наш, и поэзия наша исчезают, а зараза пиитичества весь российский Парнас невежественно охватила, а я истребления оному более предвидети не могу, жалея, что прекрас-

⁴ Не следует их критические отзывы сводить лишь к личным счетам. Тредиаковский, например, высоко ценил поэзию Ломоносова, что не мешало ему язвить в его адрес.

⁵ *Сумароков А. П.* Некоторые строфы двух авторов. СПб., 1774. С. [3]. См. также: *Сумароков А.* Полн. собр. всех сочинений. М., 1782. Т. 9. С. 248.

ный наш язык гибнет».⁶ Гибель языка и поэзии — предмет постоянного размышления Сумарокова в поздние годы, об этом он говорит и в статье «О стопосложении» (после 1771 г.). Оставшись в 1770-е гг. старейшим поэтом, он одиноко взирал на новую поэзию и драму, как на чуждую и непонятную ему стихию, совсем не думая, что они развиваются в его русле. Но также не думал он, что поэзия 1770-х гг. продолжает ломоносовскую традицию. Потому-то потомки, по его мысли, «не скоро увидят» Ломоносова и его, Сумарокова, что растущий в языке и «пиитичестве» хаос не позволит им разглядеть и оценить подлинные достоинства их языка и поэзии. Ближайшее будущее («не скоро увидят») — значит потом, когда-нибудь, может быть, и увидят) своей и ломоносовской поэзии Сумароков связывает в первую очередь с судьбой русского языка. И не ошибается.

Быстрое изменение русского языка, очищение его и упорядочивание, привело к тому, что сочинения Сумарокова прямо на глазах стали устаревать. Когда это началось, сказать трудно, возможно что еще при его жизни. Уже Российская Академия в работе над словарем, начатой ею в 1783 г., почти пренебрегла его сочинениями, используя для демонстрации норм употребления слов в современном русском языке примеры из сочинений Ломоносова.⁷ Сохранившиеся документы свидетельствуют, что подборка примеров началось не ранее 1785 г. и не было следствием обдуманного решения.⁸ Отсутствие примеров из Сумарокова вызвало возражение М. М. Щербатова,⁹ но, кажется, только его одного. Своим «Словарем» Российская Академия решила вопрос о русской классике. Им стал Ломоносов.

В появившихся с новым веком критических отзывах о Сумарокове, немногочисленных и скупых, более всего удивляет их полемическая заостренность, как будто свержение Сумарокова требовало особенных усилий. Полемике же о Сумарокове по существу не было. Защищал его один лишь А. С. Шишков; характерно, что защищал литератор далеко не первого ряда. Выдающиеся поэты молчали. Их отношение к Сумарокову, сложившееся еще при его жизни, было сдержанным. Так, М. М. Херасков в своей поэтологической эпистоле «Поэт» (1805) называет его в одном ряду с Ломоносовым и Державиным, однако заслуга его, в глазах Хераскова, исчерпыва-

⁶ Там же. С. 249.

⁷ По подсчетам М. И. Сухомлинова 884 примера было взято из Ломоносова и 30 — из Сумарокова (*Сухомлинов М. И. История Российской академии*. СПб., 1887. Вып. 8. С. 28).

⁸ СПбФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 1. Л. 72.

⁹ Его письмо И. И. Лепехину, написанное в августе—сентябре 1788 г., опубликовано Сухомлиновым (*Сухомлинов М. И. История Российской академии*. СПб., 1885. Вып. 7. С. 142). В ответ на него 23 сентября 1788 г. приискание примеров из Сумарокова было поручено И. Ф. Богдановичу (СПбФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 1. Л. 159).

ется ролью законодателя поэзии.¹⁰ Г. Р. Державин в «Рассуждении о лирической поэзии» (1811) упоминает его имя лишь дважды. Среди многочисленных примеров из од Ломоносова, реже — из своих собственных, он лишь однажды приводит сумароковскую строфу (из оды «На погребение императрицы Елизаветы Петровны», 1761).¹¹ Напрасно митрополит Евгений (Болховитинов) доказывал значение Сумарокова в развитии лирических жанров в специально сделанной для Державина справке,¹² — она не отразилась в трактате. Но и сам он, вступившийся за Сумарокова при чтении «Рассуждения о лирической поэзии» и воздавший ему честь в своем «Словаре русских светских писателей»,¹³ в частной переписке отзывался о нем без особенного сочувствия. В 1807 г., призывая Д. И. Хвостова поправлять свои басни, он напоминает ему о Сумарокове: «Не нужно много писать, чтобы много заслужить славы. Пиндар, Гораций, Федр, все в маленьком кармане поместятся <...>. А Сумарокова ныне уже не могут и из книжных лавок выжить, несмотря на то что современники величали его и Расином, и Ла Фонтеном и пр. и пр. Вот разница современной славы от потомственной».¹⁴ В других письмах он говорит о недостаточном знании Сумароковым языка¹⁵ и о его «огрубелости».¹⁶ Многолетний корреспондент митрополита Евгения Хвостов также был сдержан в оценке Сумарокова.¹⁷

Замечание митрополита, что «Сумарокова ныне уже не могут и из книжных лавок выжить», свидетельствует о том, что популярность его резко упала. Примером изменения его репутации в первое десятилетие нового века могут служить отзывы И. И. Рижского. В 1796 г. в «Опыте риторики» он говорит о Сумарокове как об «одном из тех знаменитых стихотворцев, которых искусное перо споспешествовало славе российской учености»,¹⁸ но уже в 1811 г. в «Науке поэзии» не называет его имени в ряду первых поэтов, редкие о нем отзывы в книге звучат скорее скептически. Слава Сумарокова пала без особенного шума.

Единственными критическими выступлениями против него в 1800-е гг. были две статьи начинающего литератора А. Н. Гру-

¹⁰ *Херасков М.* Поэт. М., 1805. С. 3.

¹¹ *Державин Г. Р.* Рассуждение о лирической поэзии, или об оде // Державин. Сочинения с объяснительными прим. Я. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 533.

¹² *Евгений (Болховитинов).* О славнорусских лириках // Там же. С. 617—618.

¹³ *Евгений (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. СПб., 1845. Т. 2. С. 186—188.

¹⁴ Письма митрополита Евгения гр. Д. И. Хвостову // Чтения 18 дек. 1867 г. в память митр. Киевского Евгения. СПб., 1868. С. 140.

¹⁵ Там же. С. 195.

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ *Хвостов Д. И.* О пользе критики // Хвостов Д. И. Полн. собр. соч. СПб., 1821. Ч. 2. С. 86.

¹⁸ *Рижский И.* Опыт риторики. СПб., 1796. С. 210.

зинцова. В первой из них под знаменательным названием «Экзамен „Хореву“» (1802) он подвергнул резкой критике одну из самых признанных трагедий Сумарокова. Особенное внимание уделено в ней ее языку: «...непростительно было ему писать их (стихи. — *Н. А.*) с такою неисправностью в то время, когда г. Ломоносов гремел чистейшею поэзией; и я скажу смело, что он один в свое время боролся с препятствиями языка, и если бы не было Ломоносова, то я не знаю, что был бы наш язык и поныне...»¹⁹ Неисправности языка Сумарокова приводят Грузинцова к мысли, что «с его стихами в потомстве жить не можно».²⁰

Год спустя Грузинцов выступил с новой статьей, на этот раз с противоположным прежнему названием «Похвала г. Сумарокову». В ее начале и вправду содержится похвала «гению» Сумарокова, «хорошему литератору», ограничивающаяся по существу утверждением, что «в то время, когда россияне не умели свободно изъясняться на природном их языке, г. Сумароков писал прекрасные стихи».²¹ Почему Грузинцов, еще недавно резко осудивший Сумарокова, взялся за апологию? Теперь он как будто хочет поправиться: «Ежели он грешил против того языка, коего был вторым образователем, ежели мы находим в его трагедиях ошибки, должно оные приписывать времени».²² Но благодушного тона автору статьи выдержать не удалось, и заканчивается «Похвала» в тональности «Экзамена „Хореву“»: «Читавши оды Ломоносова, оскорбительно для слуха читать сии стихи, которые говорит наперсница Оснельды Кию: *Хотя нас брани бог тебе и покорил...*»²³ Содержащееся в конце статьи противоречие ее названию и началу, очевидно, отражает внутреннюю борьбу Грузинцова, он явно хотел похвалить Сумарокова, затем и взялся писать, но одно воспоминание о «Хореве» помешало осуществить замысел.

В «Похвале г. Сумарокову» есть переключка с вышедшей уже после «Экзамена „Хореву“» третьей тетрадью «Пантеона российских

¹⁹ Грузинцов А. Экзамен «Хореву» // *Новости русской литературы*. 1802. Ч. IV. С. 146.

²⁰ Там же. С. 147.

²¹ Грузинцов А. Похвала господину Сумарокову // *Новости русской литературы*. 1803. Ч. VII. С. 329.

²² Там же. С. 330.

²³ Там же. Грузинцов цитирует здесь строки из монолога Атрады в трагедии «Хорев»:

Хотя нас брани бог тебе и покорил
И, счастье наше взяв, им Кня одарил,
И если ты его понудишь прогневиться,
Так может и тебе подобное явиться.

(V явл.)

На этом месте трагедии он останавливается и в статье «Экзамен „Хореву“» (С. 145).

авторов» Н. М. Карамзина.²⁴ О Ломоносове там говорится: «Ломоносов был первым образователем нашего языка; первый открыл в нем изящность, силу и гармонию».²⁵ «Первый образователь» вовсе не предполагает второго. Однако согласно Грузинцову это место прочитывается иначе: если был первый образователь, то был и второй. По месту в статье Грузинцова определения Сумарокова как «второго образователя языка» понятно, что оно не смелое и не оригинальное и явно повторяет расхожее в определенном кругу мнение. Выражение «образователь языка» было, по-видимому, новым,²⁶ однако оно могло сделаться в период выхода «Пантеона» на какое-то время устойчивым. Сама свобода его употребления Грузинцовым обнаруживает, что вопрос об «образователях языка» в ту пору обсуждался. Нескольким позднее тот же оборот использует и митрополит Евгений (Болховитинов): «...надо бы признаться, что и Сумароков наряду с ним (Ломоносовым. — Н. А.) должен почитаться в числе образователей русского слога».²⁷ В замечании митрополита различим полемический выпад, обращенный, возможно, против карамзинского определения исключительной заслуги перед языком Ломоносова. Однако и оценка Грузинцова роли Сумарокова в образовании языка могла отражать несогласие его и его окружения с отсутствием в «Пантеоне» статьи о Сумарокове. Возможно, это и подвигло начинающего литератора, чьи трагедии в скором времени станут мишенью критики карамзинистов и предметом защиты архаистов,²⁸ выступить в его защиту. Критические статьи Грузинцова драгоценны безыскусностью. В своих мнениях о языке Сумарокова, а также в опущенном здесь рассуждении о его драматическом искусстве Грузинцов предстает как живой, непосредственный, не лишенный чуткости, но не искушенный читатель. По всей видимости, именно такой контингент читателей-литераторов и переживал наиболее остро вдруг открывшиеся им слабости Сумарокова. Если бы переоценка творчества Сумарокова ограничивалась этим кругом, это бы не было еще проблемой. Вполне естественно, что поэт, любимый широким читателем, развенчивается тем же читателем через поколение.

²⁴ Третья тетрадь «Пантеона» вышла в начале октября 1802 г. (Московские ведомости. 1802. 11 окт. № 82. С. 1171).

²⁵ Карамзин Н. М. Пантеон российских авторов // Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. / Сост. и коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 2. С. 111.

²⁶ «Словарь Академии Российской» еще так толкует слово *образовательный*: «Служащий знаком, прознаменованьем чему. Некоторые обряды в ветхом завете суть образовательны», а *образовательно*: «Прознаменовательно. Все почти таинства нового завета содержатся образовательно в ветхом» (Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. IV. Стб. 593).

²⁷ Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей. Т. 2. С. 186.

²⁸ Ильин-Толмич А. А. Грузинцов А. Н. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г—К. С. 51.

Может быть, разочарование в Сумарокове новичков в литературе удерживало от его дискредитации серьезных литераторов. Так, Я. А. Галинковский в том же 1803 г. в очередном томе своего «Корифея, или Ключа литературы», посвященного драме, отводя несколько слов русской трагедии, в отличие от Грузинцова, не противопоставляет Сумарокова Ломоносову, а признает, что «стихотворство их носит отпечаток великого дарования».²⁹ Хотя в целом он и считает, что их трагедии «высоковынные чада Мельпомены, неудовлетворительные и неспособные для феатра»,³⁰ и что Сумароков-трагик «мало мог устоять противу времени и вкуса».³¹ Близкий Анд. И. Тургеневу и членам Дружеского литературного общества, Галинковский занимал в отношении писателей прошлого самостоятельную позицию, во многом отличную от карамзинской,³² но, как и у А. Ф. Мерзлякова, у него не было основательных критериев в оценке русской литературы прошлого.

Сдержанно и достойно отзывались о Сумарокове и бывшие члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Так, И. М. Борн, полновесно освещая его творчество на страницах своего «Краткого руководства к российской словесности», говорит только о слабости его од.³³ А. Х. Востоков в исследовании русского стихосложения постоянно ссылается на смелые опыты в нем Сумарокова.³⁴

Вместе с тем мнение о Сумарокове таких простодушных литераторов, как Грузинцов, совпадало с мнением о нем Карамзина, а позднее и «арзамасцев». Их скептицизм можно было бы объяснить принадлежностью к категории искушенных литераторов, чьи отзывы о Сумарокове никогда не были высокими, и снять проблему. Однако уже «арзамасцы» относятся к Сумарокову неожиданно горячо, чем существенно отличаются от равнодушного к нему большинства искушенных «беседистов».

Главным выступлением Карамзина в эти годы против Сумарокова стало отсутствие в «Пантеоне российских авторов» статьи о нем и всякого упоминания его имени. Вся заслуга третьего периода развития языка отдавалась исключительно Ломоносову. Ответом на высказанную Карамзиным в «Пантеоне» концепцию языка и литературы было известное «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) А. С. Шишкова. Возможно, поводом для довольно подробного разговора в нем о Сумарокове и стала недооценка его в

²⁹ Корифей, или Ключ литературы. СПб., 1803. Кн. 2. С. 47.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 51.

³² О Галинковском-критике см.: Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский // XVIII век. М.; Л., 1955. Сб. 4. С. 240—243.

³³ Борн И. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 152.

³⁴ Востоков А. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817 (1-я ред.: Санкт-Петербургский вестник. 1812. № 4—6).

«Пантеоне». Как и весь трактат, суждения о Сумарокове полемичны. Шишков не был искусным критиком, разборы сочинений он заменял длинными выписками и декларациями, любил он также включать в свои работы диалоги с оппонентами. Благодаря этому на страницах «Рассуждения о старом и новом слоге...» сохранилась прямая речь «нынешних писателей» (так называл Шишков писателей карамзинского направления), несколько, видимо, полемически заостренная: «„Семира“ его изрядна, также „Вышеслав“, „Хорев“, „Синав и Трувор“, „Гамлет“ и проч<ие>, но теперь уж выходят из моды и колорис их отделки тускнеет, так-то мало он мог устоять противу времени и вкуса!»³⁵ Все громче раздававшееся мнение о несостоятельности трагедий Сумарокова тем знаменательнее, что оно произносится накануне выхода первой трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», вызвавшей в следующем 1804 г. шумный успех. Останавливаясь на языке Сумарокова, Шишков говорит: «Если бы Сумароков познанием языка своего обогатил себя столь же, как Ломоносов, он бы, может быть, при остроте ума своего в сатирических сочинениях не уступил бы Буалу, в трагических — Расину, как в притчах своих не уступает де Лафонтену...»³⁶ В примечаниях к этому месту дается пояснение: «Притчи и эклоги всего более украшаются простотою слога и выражений; но прочие сочинения требуют возвышенных мыслей. Сумароков родился быть стихотворцем, но природное дарование его не подкреплено было прилежным упражнением в языке своем и глубоким знанием оног...»³⁷ Из этого можно заключить, что опыты Сумарокова в других жанрах, прежде всего лирическом, Шишков не считал удачными. Действительно, не раз выступая защитником Сумарокова, Шишков никогда не отзывался с похвалой об его одах, песнях, элегиях и всех других жанрах, кроме трагедий и басен, об эклогах он говорит только здесь. Отказывая Сумарокову в «возвышенных мыслях» (замечательно, что для Шижкова это синоним высокого слога), он заключает: «Если не находим мы в нем примерной чистоты, великолепия и богатства языка, то по крайней мере во многих местах чувствуем сладость оног...»³⁸ Оценка Шишковым слога Сумарокова противоречива: он не мог усмотреть «сладость» языка в притчах и эклогах, написанных, по его мнению, «простым слогом». Вероятно, это общее впечатление от разных отдельных мест поэзии Сумарокова.

В 1808 г. Шишков выступил в защиту басен Сумарокова. «Лафонтень между своими единоплеменниками и между нами бессмертен. Сумароков час от часу становится неизвестнее <...>. Скажут: сие от того, что достоинства их весьма различны. Сказать можно, мы это

³⁵ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 150.

³⁶ Там же. С. 147—148.

³⁷ Там же. С. 148.

³⁸ Там же. С. 160.

от многих умниц слышим, но не видим доказательств», — начнет он «Сравнение Сумарокова с Лафонтенем...»³⁹ Из слов Шишкова становится понятным, что за прошедшие со времени написания «Рассуждения о старом и новом слоге...» пять лет критика Сумарокова, начавшаяся с трагедий, распространилась и на его басни. Будучи уверенным, что Сумароков «не уступает Лафонтену» (об этом он говорил и в «Рассуждении о старом и новом слоге...»), Шишков доказывает свое мнение параллельными выписками из пяти басен Сумарокова и Лафонтена. Впоследствии, уже в 1820-е гг., при подготовке издания своих сочинений он прибавит к этой статье два «Присовокупления», в первом из которых по той же методе сравнит переводы Сумарокова из французских трагедий с их оригиналами, а во втором — трагедии Сумарокова с трагедиями Озера. В заключении второго присовокупления после замечания: «Сумароков укоряется от некоторых нынешних писателей устарелостию слога, нечистотою языка и проч<им>, но кто из судей сих, и других, верящих им, читал его? Никто. Он, можно сказать, не существует более...»⁴⁰ — Шишков примется защищать «так называемый ныне славенский язык», не упоминая ни словом Сумарокова, в приведенных им в качестве примера искусного использования славянизмов строфах сумароковских нет. Это неудивительно. Концепция языка Шишкова не опиралась, да и не могла опереться на поэзию Сумарокова, который «не довольно упражнялся в чтении славянских книг, и потому не мог быть силен в языке».⁴¹ Центральной фигурой в литературе прошлого для него, как и для Карамзина, был Ломоносов.⁴² Отчасти, видимо, потому, что на Сумарокова нападали, Шишков вступался за поэта, который по своим установкам, по своей направленности, а главное, по своему языку должен был быть ему чуждым. Но это был поэт его молодости.

Шишков упрекает Сумарокова в слабом знании языка по причине незнания им славянского, а «нынешние писатели», читай карамзинисты, в «устарелости» его языка. Вяземский позднее заметит: «...он (Сумароков. — *Н. А.*) в Ломоносове не столько поэта, сколько преобразователя языка ненавидел. Грамматический старOVER, он чуждался, страшился новизны, как ереси...»⁴³ Как следует из двой-

³⁹ Шишков А. С. Сравнение Сумарокова с Лафонтенем, в тех притчах, которые они заимствовали и у древних и пересказали оные каждый своим образом // Драматический вестник. 1808. Ч. V. С. 81.

⁴⁰ Шишков А. С. Собр. соч. и переводов. СПб., 1828. Ч. XII. С. 138.

⁴¹ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 149. К этому месту Шишков делает обширное примечание с выписками примеров неверного использования Сумароковым славянизмов.

⁴² Шишков А. С. Ломоносов. (Чтение в беседе Любителей российского слова) // Шишков А. С. Собр. соч. и переводов. СПб., 1826. Ч. IX. С. 301—368.

⁴³ Вяземский П. А. О духе партий: о литературной аристократии // Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. М., 1982. Т. 2. С. 136.

ных упреков языку Сумарокова, его устарелость заключается не в славянизмах, а в чем-то другом. Близкое к замечанию Вяземского описание языка Сумарокова дал В. Т. Плаксин: «...не желая подражать Ломоносову в языке, он сделался последователем прежних писателей, удержав многие сделанные ими в языке ошибки: нечистоту, неправильность, неопределительность оного...»⁴⁴ Хотя слова Плаксина относятся к 1833 г., а Вяземского — к 1830-му, они, как кажется, помогают понять в общих чертах, что не устраивало в языке Сумарокова людей начала века. Трудно сейчас представить, до какой степени остро тогда ощущалась противоположность языка Сумарокова языковой тенденции того времени, которую все тогда воспринимали как продолжение линии Ломоносова. И это независимо от принадлежности к той или иной литературной и языковой партии. Еще в 1826—1828 гг. замечание А. С. Пушкина «Сумароков прекрасно знал по-русски (лучше, нежели Ломоносов)»,⁴⁵ наверное, и им самим мыслилось как один из парадоксов, на которые он не скупился в своих замечаниях на давнюю статью Вяземского об Озере. Позднее Вяземский записал другое суждение Пушкина о языке: «Немного парадоксируя, Пушкин говаривал, что русскому языку следует учиться у просвирен и у лабазников; но, кажется, сам он мало прислушивался к ним и в речи своей редко простонародничал.

Странное дело, и нельзя, кстати, здесь не заметить: рождением простолюдин и холмогорец, Ломоносов едва ли из наших писателей не наименее русский в том значении, которое присваиваем определению нашему. Даже Сумароков, который изо всей мочи подражал французам и выдавал себя за прямого питомца Расина и Вольтера, имел в жилах своих более русской крови: он более глядит русским, нежели Ломоносов. Этот немец ненавидел, но ум свой одел в немецкое платье».⁴⁶ Язык просвирен и лабазников тут же вызывает у Вяземского ассоциацию с Сумароковым, с его языком, а может быть, и с давним замечанием Пушкина о его языке. Не потому ли Сумароков знал русский язык, по мнению Пушкина, лучше Ломоносова, что его язык близок языку просвирен и лабазников? Такое опосредованное определение языка Сумарокова не противоречит описанию Плаксина. В далекой перспективе язык «прежних писателей», с ошибками, нечистотой, неправильностью и неопределительностью, добавим, и славянизмами, оказывается близким языку просвирен. Все эти замечания можно свести к следующему: язык Сумарокова не книжный, образован он не чтением «книг церковных»,

⁴⁴ Плаксин В. Руководство к познанию истории литературы. СПб., 1833. С. 207.

⁴⁵ Пушкин А. С. Заметки на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 219.

⁴⁶ Вяземский П. А. Старая записная книжка / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Л. Я. Гинзбург. Л., 1929. С. 279.

в перспективе взгляда на язык начала XIX в. он нелитературный, однако живой.

Язык Сумарокова, не вписывающийся ни в какие языковые программы — ни в ломоносовскую, ни в карамзинскую, ни в шишковскую, мог оценить зрелый Пушкин, а много позднее и с оговорками — Вяземский. В первые же годы и даже десятилетия XIX в. он отвращал от себя и ценителей Сумарокова,⁴⁷ и его хулителей. Уже к середине 1830-х гг. острота восприятия языка Сумарокова начнет сглаживаться. Для поколения В. Г. Белинского язык Ломоносова будет уже устаревшим, и язык Сумарокова перестанет обращать на себя внимание.

Злую службу репутации Сумарокова сослужила его нескромность. Как будто прямо отвечая на вызов Сумарокова потомкам, в предисловии к «Некоторым строфам двух авторов» Вяземский заметил: «Сумароков единствен и удивительно мил в своем самохвальстве; мало того, что он выставлял для сравнения свои и Ломоносова строфы...»⁴⁸ Но если Вяземский в конце 1830-х гг.(?) мог уже умиляться самолюбию Сумарокова, то в 1800—1810 гг. оно было почти обязательным пунктом упреков ему. «Ему ли карлику тягаться с исполином», — скажет в конце рассматриваемого здесь периода Пушкин. «Нужно было для г. Сумарокова советоваться (с Ломоносовым. — *Н. А.*), а не ссориться; вот главная черта, которая их устыждает больше, чем литературные их ошибки», — начнет эту тему в 1803 г. Грузинцов.⁴⁹ О ссорах Сумарокова с Ломоносовым было известно из писем Ломоносова, опубликованных еще в 1784 г. и высоко ценимых в начале XIX в. Вот как писал К. Н. Батюшков: «Часто в письмах своих он жалуется на Тредиаковского и Сумарокова. Если сии строки доказывают печальную истину — что дарования во все времена, даже при самой колыбели словесности, имеют врагов и завистников, то они же, к радости нашей, открывают прекрасную душу великого писателя...»⁵⁰ Хотя интерпретация Батюшковым приведенного им далее отрывка из письма Ломоносова И. И. Шувалову от 16 октября 1753 г. и не совсем точна, в целом она отвечает известным ссорам Ломоносова с Сумароковым и Тредиаковским. О жесткости в них Ломоносова тогда еще не знали, в спорах с ними он представлял жертвой. В период обожествления Ломоносова

⁴⁷ Вяземский записал: «Николай Борисович Юсупов <...> остается верен Сумарокову и признает в нем великого трагика, хотя и соглашается, что язык его устарел. „Вот бы Пушкину (сказал он однажды) несколько поправить и подновить язык трагедий Сумарокова. И тогда можно бы снова представить их на театре!“» (*Вяземский П. А.* Старая записная книжка. М., 2003. С. 42).

⁴⁸ *Вяземский П. А.* Старая записная книжка (1929). С. 55.

⁴⁹ *Грузинцов А.* Похвала господину Сумарокову. С. 331.

⁵⁰ *Батюшков К. Н.* О характере Ломоносова // Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. А. Кошелева. М., 1989. Т. 1. С. 49.

враждовавший с ним Сумароков вызывал резкое осуждение. Стоит ли напоминать, что это была эпоха, когда добродетель ценилась в авторе чуть ли не наравне с дарованием.

Кроме этого места и удивительно точного психологического портрета Сумарокова в стихотворении «На берегах Леты» (1809), в котором «замысловатый Сумароков» «кричал смеясь», что «поглотит Леты всех струя», Батюшков о Сумарокове нигде не отозвался. Своего рода позицией писателей, близких Карамзину, было их молчание. Напрасно Шишков в начале своего «Сравнения басен Сумарокова...» прямо вызывал их на выступление: «В словесности нужен разбор: тому, кто просто кричит, не надобно верить...»⁵¹ Само отсутствие в «Пантеоне» статьи о Сумарокове в то время было красноречивее слов. В действительности же статья не вышла по более или менее случайным причинам. Имя Сумарокова значилось в плане издания П. П. Бекетова, и специально выполненный для Пантеона его портрет был уже готов.⁵² Дело оставалось за статьей, которую Карамзин написать собирался, но не успел.⁵³ Написанная, по-видимому, в период, близкий к подготовке «Пантеона», она появилась только в 1820 г. в третьем издании Собраний сочинений Карамзина,⁵⁴ когда взгляд на Сумарокова давно сложился. Между тем для прояснения отношения Карамзина к Сумарокову несколько слов о ней сказать нужно.

«Уже фамиям не дымится перед кумиром; но не тронем мраморного подножия; оставим в целости и надпись: Великий Сумароков!...»⁵⁵ В соответствии с этим девизом Карамзин не делает ни одного замечания, сколько-нибудь порочащего поэта, а, напротив, говорит лишь о достоинствах его поэзии (совсем иначе написана его статья о Тредиаковском). «Потомство <...> с удовольствием находит многие красоты в творениях Сумарокова и не хочет быть строгим критиком его недостатков». Далее следуют глубокие замечания о баснях Сумарокова и о его трагедиях. Примирительное заключение о последних завершает статью: «...многие стихи в его трагедиях нежны и милы; многие сильны и разительны. Довольно для вечной славы поэта, открывшего в России сцену Мельпомены!»⁵⁶ Благородство статьи не мешает понять, что за названными достоинствами поэзии Сумарокова Карамзин видит не меньший ряд ее недостатков, что в целом оценивает он ее невысоко и что считает отошедшей в прошлое.

⁵¹ Шишков А. С. Сравнение Сумарокова с Лафонтенем... С. 81.

⁵² Виноградов С. П. Собрание портретов, изданных П. П. Бекетовым. М., 1913. С. 65.

⁵³ Письма Н. М. Карамзина к П. П. Бекетову (публ. Н. Ю. Алексеевой) // XVIII век. СПб., 1995. Вып. 19. С. 184, 186.

⁵⁴ Карамзин Н. М. Сочинения. М., 1820. Т. 7. С. 315—317.

⁵⁵ Карамзин Н. М. Пантеон российских авторов. С. 111.

⁵⁶ Там же. С. 112.

Карамзин, по-видимому, не любил Сумарокова. Еще в «Письмах русского путешественника» он отчужденно говорит о «Синаве и Труворе». ⁵⁷ А в конце жизни, прочитав начало «Взгляда на мою жизнь» И. И. Дмитриева, где тот с живым чувством вспоминает свою детскую и юношескую любовь к Сумарокову и с видимым удовольствием цитирует строфы из оды «На государя Петра Великого», ⁵⁸ он как будто добродушно отзывается: «Даже и стихи Сумарокова к домику Петра, несмотря на излишнюю глубину их смысла, показались мне отменно гармоническими и приятными в воспоминаниях юности». ⁵⁹ Оценка Сумарокова проникнута иронией. Ее следует понимать в обратном смысле: воспоминания столь хороши, что даже и стихи Сумарокова, как известно и не гармонические, и не приятные, показались гармоническими и приятными. Это замечание, видимо, вполне отражает беззлобный и ироничный характер отношения Карамзина к поэзии Сумарокова.

Совсем не так благодушно относились к Сумарокову младшие карамзинисты — В. А. Жуковский и его окружение. Следуя завету Карамзина не «быть строгим критиком недостатков» поэзии Сумарокова, они не позволяли себе открытого его обсуждения, но по отдельным сохранившимся фразам, по более поздним их свидетельствам, по косвенным данным их взгляд на Сумарокова до некоторой степени поддается реконструкции.

В какой-то мере отношение к Сумарокову Жуковского выразилось в его статье 1809 г. «Басни Ивана Крылова». ⁶⁰ Хотя непосредственным для нее поводом был выход в том же году басен Крылова, она отвечала и на недавнее «Сравнение Сумарокова с Лафонтеном...» Шишкова. ⁶¹ В ней также проводилось сопоставление с Лафонтеном, но уже Крылова, и русским Лафонтеном оказывался Крылов. Спор о баснях Сумарокова приобрел черты спора Древних и Новых. ⁶²

⁵⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 205; см. также примеч. к этому месту (с. 638).

⁵⁸ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Сочинения. Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 6 — 8.

⁵⁹ Письмо Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву от 18 февраля 1824 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Изд. подгот. Я. Грот и П. Пескарский. СПб., 1866. С. 320.

⁶⁰ Жуковский В. Басни Ивана Крылова // Вестник Европы. 1809. Ч. 45. № 9. С. 35 — 67.

⁶¹ Poleмический характер статьи Жуковского отмечал и Ю. В. Стенин, см.: Стенин Ю. В. Статья Жуковского «О сатире и сатирах Кантемира» и ее место в литературной полемике 1800—1810-х годов // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 134.

⁶² Сходство спора о Сумарокове со спором Древних и Новых служит дополнением к сделанному Б. В. Томашевским наблюдению о проецировании «арзамасцами» современной русской литературы на французскую эпоху Людовика XIV (Томашевский Б. В. Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 27—29).

То же было и с трагедией. Карамзинисты утверждали превосходство «новых» Крылова и Озерова над «древним» Сумароковым,⁶³ Шишков обратное.

Без слов отношение Жуковского к Сумарокову проявилось и в изданной им в 1810—1811 гг. пятитомной антологии «Собрание русских стихотворений».⁶⁴ В первой ее части, отведенной оде, и во второй, в которой собраны песни и баллады, стихотворений Сумарокова нет. В четвертой части «Послания, сатиры, элегии, идиллии, дидактические и описательные стихотворения» помещена сатира Сумарокова «Пиит и его друг». В пятой «Смесь» — «отрывок из „Синава“» и «Сцены из „Семиры“» без подписи. Считаю, по-видимому, как и Карамзин, что басни Сумарокова — «лучшее его творение», Жуковский в том же басен (третья часть) напечатал пять басен Сумарокова.⁶⁵ Собрание басен открывал признанный классик жанра Дмитриев («Дуб и Трость»), за ним следовал олимпиец Ломоносов с единственной своей басней «Лишь только дневной шум замолк...», названной Жуковским «Волк и пастух»,⁶⁶ и только третьей по счету шла басня Сумарокова «Яйцо». Предпочтение Ломоносова Сумарокову в басенном жанре в какой-то степени утвердилось. Так, Рижский в «Науке стихотворства» образцовой басней называет басню Ломоносова, подробно ее разбирая, а затем уже помещает басню «Волк и Ягненок», сниженно оценивая ее как «Федрову басню, переведенную Сумароковым».⁶⁷ Н. Ф. Остолопов спустя десять лет в статье о басне «Словаря древней и новой поэзии» из басен XVIII в. приводит лишь басню Ломоносова.⁶⁸

Торжество в антологии Ломоносова над Сумароковым отразило отношение Жуковского к двум авторам. Много позднее, уже в 1830-е гг., оно выразилось в конспекте не написанной им «Истории

⁶³ Показательным здесь может служить выступление против Сумарокова Вяземского в статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (1817), в которой говорится и о «бездне забвения», и о «напыщенных и холодных порывах притворного испугления „Дмитрия Самозванца“» и делается выпад против «благочестивых и суеверных поклонников старины», т. е. Сумарокова (*Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова // Вяземский П. А. Сочинения. Т. 2. С. 17*).

⁶⁴ Собрание рус. стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев русских и из русских журналов. М., 1810—1811. Ч. 1—5.

⁶⁵ Примерно тот же состав стихотворений Сумарокова вошел и в следующее издание Жуковского (совм. с А. Ф. Воейковым и А. И. Тургенсым) «Собрание образцовых рус. сочинений и переводов в стихах» (Ч. 1—6. СПб., 1815—1816), в 3 ч. которого помещено также пять басен Сумарокова, басня «Яйцо» заменена «Волком и Ягнском».

⁶⁶ Басня Ломоносова «Лишь только дневной шум замолк...» входит без названия в «Краткое руководство к красноречию» (*Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 7. С. 363—364*).

⁶⁷ *Рижский И. И. Наука стихотворства. СПб., 1811. С. 110.*

⁶⁸ *Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1. С. 87—88.*

русской литературы». Если Ломоносов, по Жуковскому, «гениальный человек, создавший наш поэтический язык, прежде всего обогатив его множеством поэтических выражений, а затем введя в него новые формы...», то Сумароков — «автор плодовитый сверх всяких пределов и в свое время очень знаменитый: ода, трагедия, комедия, сатира, послание, элегия, эклога, басня, эпиграмма, песня — он испробовал все, но не оставил ни в чем образца. Его плодовитость создала ему славу».⁶⁹ В словах о Сумарокове слышно раздражение, Жуковскому не свойственное и тем более странное, что писались они, когда Сумароков был уже повержен.

Почти теми же словами, что Жуковский, начинает свою статью «О Сумарокове» (1830) П. А. Вяземский: «...он ни в чем не оставил нам уроков, следов к подражанию <...> язык его, слог его, формы его, им самим заимствованные у чужестранцев и даже не примененные к нравам нашим и к историческим преданиям,— все это в наше время почти без цены».⁷⁰ Однако далее он рисует оригинальный, яркий и, как кажется, точный портрет Сумарокова, проникнутый интересом к нему и симпатией. Заключаящая статью оценка писателя перерастает своей глубиной и оригинальностью и начало статьи, и ее основную часть, и едва ли не все сказанное о нем в первую половину XIX в.: «Если Сумароков не был гениален, то в свое время он был, без сомнения, очень умный и талантливый писатель, и в этом отношении, вероятно, выше всех своих современников и совместников <...>. Он первый внес себя и окружающую жизнь в литературу свою. Это уже есть признак чуткой и сметливой натуры; оно и величайшая и незабвенная его заслуга. Ломоносов со своими одами царствовал на Олимпе <...>. Сумароков был всегда и везде налицо, действующим лицом на театре в трагедиях и комедиях, действующим и запальчивым лицом в явлениях общественной жизни: памфлетами, эпиграммами, изустными колкостями <...>. Он не только первый в свое время, но и позднее едва ли не единственный у нас писатель-боец, входивший в борьбу с жизнью на площади, на открытом поле».⁷¹ Перед нами исторический взгляд на автора прошлого. В соответствии с ним Вяземский публикует три бумаги Сумарокова, переданные ему Пушкиным из архива И. И. Дмитриева.⁷² В письме, сопровождавшем первую из них, Пушкин писал: «По-

⁶⁹ Жуковский В. А. Краткое начертание истории русской литературы // Жуковский — критик / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. Ю. М. Прозорова. Л., 1983. С. 56.

⁷⁰ Вяземский П. А. О Сумарокове // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. Л. В. Дерюгиной. М., 1984. С. 113.

⁷¹ Там же. С. 117—118.

⁷² Доношение Сумарокова на Ломоносова (1759), письмо и записка Г. А. Потемкину от 10 июля и 11 нояб. 1775 г. (см.: Рычков А. В. Новая встреча с прошлым (Письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому) // Встречи с прошлым. М., 1983. Вып. 4. С. 26—27).

сылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова <...>. Состряпай из этого статью и тисни в „Литературной газете“». ⁷³ Не меньше, чем Вяземскому, мы обязаны публикацией одного из самых выразительных «доношений» Сумарокова и статьей о нем Пушкину. Вероятно, что характеристика Сумарокова в заключительной части статьи сделана не без пушкинского влияния (кажется и стиль ее пушкинский). Всего за месяц до этого Вяземский говорил о Сумарокове совсем иначе, ⁷⁴ и позднее он довольно долго будет отзываться о нем критически.

В сочинениях Вяземского можно найти немало замечаний о Сумарокове, сделанных им в разные годы. ⁷⁵ Как правило, они связаны с услышанными о нем анекдотами или с впечатлением от чтения его произведений, которое относилось главным образом к 1830—1840-м гг., в период работы над книгой о Д. И. Фонвизине. Позднее он ставил себе особой заслугой, что прочитал тогда «едва ли не всего Сумарокова». ⁷⁶ Характеристики творчества Сумарокова в статьях разных лет и в «Старой записной книжке» Вяземского разнообразны, хотя и не заключают в себе противоречия. В 1830-е гг. они еще резки, затем постепенно тон их смягчается. В «Автобиографическом введении» к начавшему выходить в 1878 г. Полному собранию его сочинений он рассказывает о своих детских и юношеских литературных увлечениях: «Была у меня полоса Сумароковская; это было время военное: захотелось мне испытать силы мои на лирической трубе, но не по следам Ломоносова, а Сумарокова. Вот и начал я:

Воспой о, Муза, песнь высоко
И в струны лиры ударяй,
Воспой врагов ты суматоху
И славу россов возглашай.

Я очень дорожил словом *суматоха*. Мне казалось, что тут есть отзвук своевольной и, так сказать, фамильярной поэзии Сумарокова в противоположность с поэзией Ломоносова, несколько чопорною

⁷³ Пушкин А. С. Письмо П. А. Вяземскому // Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 74.

⁷⁴ Ср. цитировавшееся место статьи Вяземского «О духе партий: о литературной аристократии» (с. 103), напечатанной в «Литературной газете» от 21 апреля 1830 (№ 23); статья «О Сумарокове» — Литературная газета. 1830. 16 мая (№ 28).

⁷⁵ Так, в статье о И. И. Дмитриеве в 1823 г. читаем: «Говорить не в шутку о карикатурных притчах Сумарокова смешно и безрассудно: обыкновенно простота его есть плоскость, игривость — шутовство, свобода — пустословие; живопись — местами яркое, но по большей части грубое малярство» (Вяземский П. А. Известие о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева // Вяземский П. А. Сочинения. Т. 2. С. 68).

⁷⁶ Вяземский П. А. Из «Автобиографического введения» // Вяземский П. А. Сочинения. Т. 2. С. 272.

и официально; а может быть, и просто увлекала меня некоторая аналогия в звуках: Сумароков, суматоха».⁷⁷ Здесь, скорее всего, имеется в виду война с Наполеоном 1807 г., точнее относительный успех в ней русской армии в сражении при Прейсиш-Эйлау (февраль), в пору которого Вяземскому было 14 лет. Как сказано чуть ранее в том же введении, «правильно или, по крайней мере, правильное стал я писать гораздо позднее. Едва ли не со времени сближения моего с Жуковским»,⁷⁸ которое произошло не ранее лета 1808 г. Стало быть, «сумароковская полоса» была до Жуковского. Отсюда можно заключить, что Жуковский, прививший Вяземскому истинный вкус, настроил его против Сумарокова. Позднее признание Вяземского представляется чрезвычайно ценным в виду крайне скудных сведений о взгляде Жуковского на Сумарокова и об отражении этого взгляда в молодых писателях его окружения. В 1816 г. А. С. Пушкин в послании «К Жуковскому» писал:

Но кто другой, в дыму безумного курсня,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он — он под рифмою попрал и Вкус и Ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспаривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полуношное диво?..
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?⁷⁹

Упреки начинающего поэта к поэту прошлого не оригинальны, и в то же время они не заимствованы им из печати, в которой тогда такого списка еще не было, они внушены ему старшими друзьями, и в первую очередь самим Жуковским. По-видимому, «душа» юного поэта жаждала «съединиться» с «возвышенной душой» Жуковского не только «в восторгах». Присягая в готовности служить Музам, юноша демонстрирует своему кумиру презрение к Третьяковскому (ст. 39—48) и Сумарокову, словно исполняет обязательный ритуал вновь посвященного. Он и вправду был вновь посвященным, стихотворение написано в период начального вхождения его в «Арзамас»

⁷⁷ Там же. С. 247.

⁷⁸ Там же. С. 246.

⁷⁹ Пушкин А. С. К Жуковскому // Пушкин А. С. Лицейские стихотворения. 1813—1817 / Отв. ред. В. Э. Вацууро. СПб.: Наука, 1999. С. 189.

и было подписано «Арзамасец».⁸⁰ По мнению М. А. Цявловского, оно должно было открывать сборник стихотворений Пушкина,⁸¹ однако Н. Н. Петрунина убедительно показала, что его назначение ограничивалось «декларацией „арзамасцев“».⁸² Действительно, в стихах Пушкина о Сумарокове полнее всего отразился взгляд на него Жуковского и «арзамасцев».

В связи с этим встает два связанных между собой вопроса: почему нападение на Сумарокова столь страстно и в чем могла заключаться его актуальность? Метафоры-термины «холодный», «дитя чужих уроков» и т. п. как раз не особенно интересны, поскольку условны. Неприятие Пушкина вызывает не «холодный», «холодным» признавали и Хераскова,⁸³ однако его имя не стало боевым кличем, не «дитя чужих уроков», кто из поэтов не дитя их, а Сумароков. В «жесточкой атачке» Пушкина, как назвал место о Сумарокове в его послании В. Г. Белинский,⁸⁴ более всего удивляет ее ярость. Пусть степень ее объяснима возрастом и темпераментом автора, но сама неумолимость оценки ими не определяется. За ней стоит Жуковский. М. А. Цявловский считает, что «Уничтожающая характеристика Сумарокова — полемический выпад против Шишкова, чрезвычайно высоко ценившего трагика».⁸⁵ Однако Шишков, как мы видели, хотя и ценил Сумарокова, но все же не «чрезвычайно высоко», и почему, выступая против Шишкова, нужно было уничтожать ценимых им авторов. Никто ведь не покушался на чтимого им Ломоносова. С другой стороны, Шишков был не очень высокого мнения о Тредиаковском.⁸⁶ Выпад против него в послании, впрочем,

⁸⁰ Комментарий к стихотворению «К Жуковскому» // Пушкин А. С. Лицейские стихотворения. С. 664; о зависимости датировки стихотворения от вступления Пушкина в «Арзамас» см.: Там же. С. 666, 667; Вацуро В. Э. Заметки к теме «Пушкин и „Арзамас“» // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 151; Цявловский М. А. Послание «К Жуковскому» («Благослови поэт...») // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 103—107.

⁸¹ Цявловский М. А. Послание «К Жуковскому» («Благослови поэт...»). С. 105.

⁸² Петрунина Н. Н. Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // Русская литература. 1990. № 3. С. 137—139; см. также: Вацуро В. Э. Заметки к теме «Пушкин и „Арзамас“». С. 152.

⁸³ Ср., например, запись Вяземского, сделанную им 5 августа 1813 г.: «Херасков сохранил до глубокой старости холодность, заметную в первых стихах его юности» (Вяземский П. А. Старая записная книжка / Изд. подгот. В. С. Нечаева. М., 1963. С. 18).

⁸⁴ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VII. С. 278.

⁸⁵ Цявловский М. А. Послание «К Жуковскому» («Благослови поэт...»). С. 124.

⁸⁶ «Писать без дарования, будет Тредиаковский, писать без знания языка, будет нынешний писатель», — заявил Шишков, сделав к этому афоризму следующее примечание: «Я разумею о стихотворстве Тредиаковского; что ж принадлежит до исторических переводов его и писаний в прозе, оные отнюдь

менее убийственный, чем против Сумарокова, может объясняться репутацией Тредиаковского в Беседе любителей русского слова.⁸⁷ Да и независимо от нее Тредиаковский олицетворял собой языковую и поэтическую позицию, для карамзинистов неприемлемую. Но Сумароков?

Обратимся снова к «Автобиографическому введению» Вяземского: «Мне казалось, что тут (в слове *суматоха*. — Н. А.) есть отзвук своевольной и, так сказать, фамильярной поэзии Сумарокова...» Хотя это написано спустя 70 лет после того полудетского впечатления о поэзии Сумарокова, нет никаких оснований не доверять точности переданного Вяземским чувства, тем более что оно связано с конкретным словом. Поэзия Сумарокова «своевольна и, так сказать, фамильярна», «отзвук» своеволия и фамильярности несет на себе (по ощущению юного Вяземского) слово *суматоха*. Своёволие, по-видимому, заключается в употреблении в оде слова из неодиического лексического ряда, слова басенного, с печатью домашности, т. е. в известном смысле фамильярности. Фамильярностью отмечено и само обращение с одой, в которую включаются слова сниженного значения. Итак, юный Вяземский, видимо, ощущал, что поэзию Сумарокова отличают не к месту употребленные, стилистически не выверенные слова. В 1820-е гг. Вяземский запишет: «Стихов его по большей части перечитывать не можно, но отрывки его прозаические имеют какой-то отпечаток странности и при всем неряшестве своем некоторую живость и игривость ума...»⁸⁸ «Неряшество» здесь отнесено к прозе, но, вероятно, по мысли Вяземского, оно характеризует и поэзию Сумарокова. Под «неряшеством» Вяземский мог иметь в виду случайные, лишние, неверно употребленные по своему смыслу слова, ошибки в грамматике, не услышанную и не выверенную интонацию фраз. Затем в 1840-е гг.: «В стихах нередко, в прозе почти всегда он оригинален; часто он не пишет, не сочиняет, а говорит. Оригинальность, свое произношение, свой выговор, свой запев (intonation)...»⁸⁹ Что значит «говорит»? Не отсутствие ли дистанции между мыслью и словом? Не обескураживающая ли порой естественность речи? Но Вяземский услышал и большее — «свой запев», свою интонацию.

Приведенные замечания принадлежат зрелому Вяземскому, неудивительно поэтому их тонкость. Однако, по всей видимости, то же в поэзии и в прозе Сумарокова, не умея или не желая назвать

не должны почитаться наравне с его стихами» (*Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 145).

⁸⁷ Об отношении к Тредиаковскому членов Беседы см.: *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 211—214; об отношении к нему арзамассцев см.: *Цявловский М. А.* Послание «К Жуковскому» («Благослови поэт...»). С. 122.

⁸⁸ *Вяземский П. А.* Старая записная книжка (1929). С. 55.

⁸⁹ *Вяземский П. А.* Старая записная книжка (2003). С. 340.

этого, он ощущал и в молодости. Требовались годы, чтобы это странное впечатление («отпечаток странности») от поэзии и прозы Сумарокова стало возможным выразить на бумаге. Вероятно, что-то близкое к тому, что записал Вяземский, чувствовал и Карамзин. Не из-за неряшества ли, своеволия и разговорной «intonation» Карамзин считал поэзию Сумарокова негармонической и неприятной, о чем дал понять в цитированном выше письме к Дмитриеву. Замечание Вяземского, что Карамзин «даже в Сумарокове отыскал стих, который нравился ему точностью выражения»,⁹⁰ свидетельствует о том, что все другие его стихи, кроме этого одного, который Вяземский, к сожалению, не воспроизвел, были, по мнению Карамзина, лишены «точности выражения». Стало быть, по Карамзину, Сумароков не только негармоничен, но и неточен.

Эти свойства его поэзии, вероятно, ощущали в начале XIX в. многие читатели Сумарокова. Без усилия они относили их за счет «обветшалости» языка или «нечистоты» слога. Карамзин же и Жуковский невыразительную «обветшалость» ясно определяли неточностью выражений и дисгармонией звучания. Гармоническая точность, к которой стремились Жуковский, Батюшков и поэты их «школы», Сумароковым «своевольно» игнорировалась. В поэзии же Ломоносова она находила поддержку. Характерно впечатление Вяземского от чтения Ломоносова: «Как хороши и поныне и как поэтически верны следующие два стиха из оды десятой:

В середине жаждущего лета,
Когда томит протяжной день...⁹¹

Выражения *жаждущее лето* и *протяжной день* так и переносят читателя в знойный июльский день.⁹² Эти два стиха принадлежат поэтике гармонической точности, отвечая ее описанию, сделанному Г. А. Гуковским⁹³ и Л. Я. Гинзбург.⁹⁴ Эпитет *жаждущий* отмечен тем же «метонимическим сдвигом», что и эпитеты Жуковского, Батюшкова, раннего Пушкина.⁹⁵ Разбирая критические отзывы на Жуковского, Гуковский отмечает их «неожиданное» сходство с сумароковской статьей «Критика на оду» Ломоносова.⁹⁶

⁹⁰ Вяземский П. А. Стихотворения Карамзина // Вяземский П. А. Сочинения. Т. 2. С. 221.

⁹¹ Ломоносов М. В. Ода, в которой сего величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском селе августа 27 дня 1750 года // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 7. С. 397.

⁹² Вяземский П. А. Старая записная книжка (1929). С. 63.

⁹³ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 85--107.

⁹⁴ Гинзбург Л. Я. Школа гармонической точности // Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 28, 36.

⁹⁵ Там же. С. 90.

⁹⁶ Там же.

Можно предположить обратное, читая «Критику на оду», Жуковский, Батюшков и поэты их школы вспоминали своих критиков. Сумароков оказывался реальным противником их поэзии. На фоне торжества гармонической точности в поэзии Жуковского и Батюшкова, торжества еще недавнего, зыбкого и праздничного, Сумароков должен был казаться уродливым «карликом», по выражению Пушкина.

Однако в период «Арзамаса» этот «карлик» еще представлял собой угрозу, чем и объяснима борьба с ним. Забытого автора уничтожать не надо, сбрасывают «с Пинда» или «с корабля современности» того, кто мешает. Степень неприязни к Сумарокову Жуковского и его круга показывает, что Сумароков продолжал присутствовать в их литературном сознании. Столь долгое его присутствие объяснимо родовой связью с ним раннего романтизма. Если отвлечься от языка и стиха, от чисто поэтической сущности Сумарокова, несколько не согласной с гармонической точностью, в другом отношении именно он был предтечей раннего романтизма. Не Ломоносов, а Сумароков. Кто из романтиков писал оды, похвальные слова и героические поэмы? Легкие жанры, которые развивали сначала сентименталисты, а потом ранние романтики, элегии и идиллии, жанры раннего романтизма — восходят своими корнями к Сумарокову. Но и индивидуальное начало, отличающее поэзию романтизма, до Державина было выражено с наибольшей силой Сумароковым. И в этом отношении с ним не могут сравниться ни Ломоносов, ни Херасков, ни В. П. Петров, ни даже М. Н. Муравьев. Предвосхищением будущего лиризма, сочетавшегося с дисгармонией и неточностью выражения, Сумароков не мог не отпугивать ранних романтиков. Они обращались к тем же жанрам, что и он, но учиться у него не могли. Упрек Сумарокову, что «он ни в чем не оставил нам уроков, следов к подражанию», общий для Вяземского и Жуковского, отчасти Пушкина («Предбудущим векам что мог он передать?»), и не предъявляемый ему более никем, похож на обиду наследников на промотавшегося отца. Параллельность тем и сюжетов ранних романтиков и Сумарокова приводила к невольному проецированию их пластически совершенных и грациозных опытов на его стихотворения, выявляя их примитивность, беспомощность, грубость. Замечательно, что Вяземский и Пушкин в 1830-х гг. начинают смотреть на Сумарокова по-новому, на что Жуковский, очевидно, не способен. Но Вяземский и Пушкин — поэты уже другой генерации, для них поэзия гармонической точностью не исчерпывается. Их благожелательность к Сумарокову знак того, что тот уже преодолен.

Сложенное из оценок Карамзина определение «дисгармоническая неточность», кажется, верно характеризует поэзию Сумарокова. Спустя два века нельзя лишь согласиться с отрицательным его значением. Дисгармоническая неточность не менее серьезна, чем

гармоническая точность,⁹⁷ хотя трудно представить ее в виде школы. Дисгармоническая неточность не достигается работой со словом и стихом, она больше полагается на особый дух поэта, далекий от гармонии, и на своеобразный поэтический слух, который нацелен не на гармонию. Примечательно и трагично в этом отношении упорное сопоставление Сумароковым своих стихов с ломоносовскими, всю жизнь его мучавшее. Он не слышал различий и, будучи классицистом, не мог предположить, что поэзия бывает разной. Поэзию дисгармонической неточности отличает особая мелодика («запев», по слову Вяземского), которая не только не нуждается в точности выражения, но невольно предпочитает ей его неточность; точности слова — его размытость и даже случайность. Слово в такой поэзии, насколько это возможно, незначимо. Первое и, как кажется, верное описание поэтической речи Сумарокова дал В. Т. Плаксин в 1833 г., при этом, естественно, упрекая его за «совершенное незнание пиитического языка, который требует речи *периодической* и *отрывистой* и который скорее допустит *правильный* период, нежели эту *слитность* речи, выраженную деепричастиями и относительными частицами, часто употребляемыми Сумароковым. Все сие нестерпимо в лирической поэзии, чуждой всяких рассказов, и все сие Сумароков любил, осуждая в Ломоносове противное тому...»⁹⁸ «Слитность речи» противоположна стиховой мерности, она охватывает период, в котором только и слышна музыкальность фразы. Период и становится единицей поэтической речи поэзии дисгармонической неточности, а не отдельный стих и даже слово, как это возможно только в поэзии гармонической точности.

О законах пиитического языка Плаксин во многом судил исходя из современной ему поэзии, но пройдет всего десять лет, как появится Н. А. Некрасов. Его тоже будет отличать пристрастие к деепричастиям в грамматике, к хорею и к трехстопникам — в стихосложении, а также к лирическому рассказу. Благодаря усилиям предыдущих поколений он не будет знать Сумарокова и заново откроет способность русского стиха к дисгармоническому звучанию. Без всякой памяти о сумароковском говорном дактиле он разработает его снова, сделав ведущим размером своей поэзии. Сходство Некрасова с Сумароковым (при всей отдаленности) странным образом прострется и на склонность его и к сатире, и к плачу, и на народность мотивов, и, что не менее удивительно, на общественную позицию. Он станет новым «писателем-бойцом, входящим в борьбу с жизнью на площа-

⁹⁷ Здесь и далее этот термин употребляется в расширенном значении, а не в конкретном, о котором писала Л. Я. Гинзбург. К поэзии гармонической точности в расширенном смысле можно отнести Ломоносова, Пушкина, О. Мандельштама; к поэзии дисгармонической неточности — Сумарокова, Н. А. Некрасова, А. Блока, с оговорками Б. Пастернака.

⁹⁸ Плаксин В. Руководство к познанию истории литературы. С. 207.

ди, на открытом поле», как говорил о Сумарокове Вяземский в 1830 г. Вместе с тем за всей этой «неприятностью», используя определение Карамзина, в нем, как и в Сумарокове, будет различима какая-то особенная правда чувства, особенная теплота отношения к миру.

Сейчас кажется, что слова Вяземского о писателе-бойце более подходят не к Сумарокову, а к Некрасову и словно вызывали его дух. Но в 1830 г., а тем более в 1800-х гг., муза Сумарокова могла казаться более суровой, чем представляется она нам. Слова Вяземского диссонируют с дрящимся еще в 1830 г. золотым веком поэзии и звучат как первый звук чуть различимой тогда темы будущего железного века. Но за ними стоит восприятие поэзии Сумарокова, а значит, диссонансом звучала она. Диссонировать же с определенной поэтической культурой может поэзия, которая противостоит ей. И противостоит не только своим языком и стихом, но самой своей сутью. Неприятие Сумарокова в начале XIX в. в конце концов ведь было связано не с языком. «Ныне уже говорят: слог Сумарокова и Хераскова ветх <...> для чего никто не говорит, что устарел слог Ломоносова, Богдановича или даже Кантемира? <...> Мы можем представить и своих древних писателей <...> например: „Слово о полку Игореве“, „Завещание“ Владимира Мономаха, проповеди и „Четьи-Минеи“ св. Дмитрия Ростовского, сочинения Феофана Прокоповича и других, которых слог совершенно или не наш, или изменился, или устарел, но с каким тщанием, любопытством и удовольствием мы их читаем?», — пронизательно замечал в 1822 г. Мерзляков,⁹⁹ но ответить на этот вопрос не мог. Резкое живое некрасивое слово Сумарокова нарушало разлившуюся в поэзии к 1820-м гг. сладостную гармонию, и, хотя его не слышали и отвергали, его правда и серьезность жизни, стоящие за ним, затем подтвердились самим явлением Некрасова и всей линией поэзии, идущей от Некрасова.

⁹⁹ Мерзляков А. Ф. О вернейшем способе разбирать и судить сочинения // Литературная критика 1800—1820-х годов / Сост., вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. Г. Фризмана. М., 1980. С. 203—204.

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

ТРАГЕДИИ СУМАРОКОВА В РУССКОЙ КРИТИКЕ XIX ВЕКА

Сумароков — автор трагедий — вошел в XX в. с репутацией, исчерпывающе сформулированной в 1914 г. О. Э. Мандельштамом: «И вслед за тем как жалкий Сумароков // Пролепетал заученную роль, // Как царский посох в скинии пророков, // У нас цвела торжественная боль». То есть бездарный и болезненно самолюбивый драматург механически перенес на русскую сцену приемы французской трагедии, но тем самым он заложил основу для создания русского драматического искусства, и в этом состоит его историческая заслуга. Формированию такой оценки предшествовало целое столетие, на протяжении которого «сценическая судьба творений А. П. Сумарокова», не говоря уже о литературной, была «едва ли не плачевна».¹

Данная статья представляет собой попытку проследить, как постепенно, в течение века, происходила эволюция от «северного Расина» до «жалкого Сумарокова» и какие факторы на эту эволюцию повлияли. Статья не вводит нового материала, это, скорее, общий обзор, ставящий своей целью установить преэминентность критических оценок Сумарокова-трагика и, в том числе, выявить, чьи высказывания оказались наиболее авторитетными и определяющими, а также каковы были основные критерии оценки при обращении к творчеству драматурга прошлого столетия. Основное внимание в статье будет сосредоточено на том, чьи мнения и суждения в результате вошли в учебную и научно-популярную литературу XIX в. и стали общим местом к началу XX. Поэтому иногда акцент будет сделан не столько на самих оценках, которые были даны Сумарокову ведущими критиками и литераторами XIX в., сколько на фактах их

¹ *Чепуров А. А.* Сумароков и его творения в новом сценическом контексте // Сумароковские чтения. СПб., 1993. С. 61.

тиражирования. Трагедийное творчество Сумарокова выбрано для анализа как сфера деятельности писателя, оставшаяся к концу XIX в. в памяти потомков как наиболее значимая (возможно, в силу магического действия клише «отец русского театра») и известная (в поздних обзорных работах по истории русской литературы иногда единственная, хоть сколько-нибудь подробно рассматриваемая, — остальные просто упоминаются), несмотря на то что с таким отношением поспорили бы многие современники драматурга и авторы первой половины XIX в.

В сборнике «Русская поэзия» под редакцией С. А. Венгерова (1893) Н. Н. Булич в статье о Сумарокове выделил два типа отношения к творчеству писателя в целом: благоговение современников и враждебное неприятие потомков.² В такой классификации есть своя доля истины. В то же время материал русской критики и истории словесности XIX в. дает возможность выделить несколько направлений оценки трагедийного творчества Сумарокова. Несмотря на то что направление — расплывчатое понятие, в данном случае нельзя говорить об этапах, так как оценки эти не расположены во времени последовательно, а пересекаются хронологически: например, в одном и том же 1842 г. С. Н. Глинка и В. Г. Белинский дают творчеству Сумарокова очень разные, но каждый по-своему типичные определения. При этом Булич также отмечает, что поклонники творчества Сумарокова зачастую совпадают с его противниками в даваемых ими характеристиках, разница лишь в том, с каким «знаком» преподносится тот или иной аргумент.

Уже самые первые посмертные публикации о Сумарокове во многом строятся как «защитение» писателя и отчасти являются продолжением его прижизненной полемики. Сумарокова защищают главным образом от упреков двух типов: во-первых, в неоригинальности его творчества; во-вторых, в болезненном самолюбии, нередко становившемся творческим стимулом. Первый упрек, безусловно, относили не только к Сумарокову; но так как именно за ним закрепились слава «отца русского театра», то вопрос о том, может ли считаться основателем национального театра автор, чье творчество целиком заимствовано, ставился особенно остро. Следует сказать, что так называемая подражательность Сумарокова, как и его крайняя раздражительность, делавшая его удобным объектом для насмешек, стали своего рода клише и почти неизменно отмечаются во всех работах, так или иначе ему посвященных, на протяжении всего XIX в., даже если это всего один абзац в общем обзоре. Показательно, в частности, что А. С. Пушкин в послании «К Жуковскому» (1816) также, очевидно, повторяет общепринятую точку зрения: «Ты ль это, слабое дитя чужих уроков, // Завистливый гордец, холодный

² Булич Н. Александр Петрович Сумароков // Русская поэзия / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1893. Т. I. Вып. 2. С. 156.

Сумароков...»,³ присоединяя к ней еще один, позднее высказанный критикой, упрек в холодности.

Аргументы, приводимые авторами-современниками в посмертную защиту Сумарокова, тоже достаточно традиционны и также в дальнейшем станут общими местами. В анонимной статье о Сумарокове в журнале «Санкт-Петербургский вестник» (1778), «Апологии к потомству» Н. П. Струйского (1788), «Похвале господину Сумарокову» А. Грузинцова (1803), «Похвальном слове» И. А. Дмитриевского (1807), «Сравнении Сумарокова с Лафонтеном» А. С. Шишкова (1828) они сходны. Во-первых, Сумароков «не имел предшественников»⁴ на театральном поприще и, по словам Грузинцова, создал в России театр на пустом месте.⁵ Ту же мысль, только облеченную в более изящную форму, возможно обусловленную самим жанром похвального слова, повторяет Дмитриевский: «Где он приобрел оборотительное свое стихотворство?»⁶ <...> В себе самом. — Где он открыл тот совершенный словесности вкус, которому научиться не можно? <...> В себе самом».⁷ Второй аргумент, хотя и вступает в противоречие с первым, часто также приводится рядом: вся литература того времени была подражательной, и, следовательно, Сумарокова нельзя винить в том, что не считалось пороком для его времени. Наконец, в том, что, говоря словами Струйского, касается «некоторых человеческих слабостей, врожденных в нас самим естеством»,⁸ то они, по свидетельству современников, были обусловлены душевной тонкостью Сумарокова и отчасти компенсировались добрым нравом. По утверждению Дмитриевского: «Не знавшие внутренних добрых качеств Сумарокова неправильно почитали вспыльчивость

³ Нельзя не отметить мастерское обыгрывание Пушкиным рифменного клише «Сумароков—пороков», употреблявшегося в XVIII—начале XIX в. обычно в значении «обличитель пороков» (целый ряд примеров использования такого клише приведены в качестве эпиграфа в книге Булича, см.: Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854). Пушкин заменяет это слово на созвучное «уроков» и тем самым вводит в подтекст понимание подражательности, плохого усвоения уроков, как порока самого Сумарокова. Ср. характерную ошибку у Булича: вместо «уроков» там напечатано «пороков».

⁴ Сокращенная повесть о жизни и писаниях господина статского действительного советника и Святыя Анны кавалера Александра Петровича Сумарокова // Санктпетербургский вестник. 1778. № 1. С. 40.

⁵ [Грузинцов А.]. Похвала господину Сумарокову // Новости русской литературы на 1803 год. М., 1803. Ч. VII. С. 331; Сокращенная повесть о жизни и писаниях... Александра Петровича Сумарокова. С. 40.

⁶ Здесь речь идет не собственно о поэзии в узком смысле, а именно о драматическом стихотворстве.

⁷ [Дмитриевский И. А.]. Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову, читанное в Императорской Российской Академии в годовое торжественное Ея собрание 1807 года членом оныя Иваном Дмитриевским. СПб., 1807. С. 11—12.

⁸ [Струйский Н. А.]. Апология к потомству Николая Струйского или начертание о свойстве нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравоучительных его поучениях, писана 1784 года в Рузаевке. СПб., 1788. С. 8.

его злобою, буйством и даже бешенством: она была в нем больше добродетель, нежели порок; она приносит ему честь, ибо он всегда основывал ее на любви к человечеству, на самой истине, коих он был непоколебимый поборник».⁹

Эта линия последовательной защиты Сумарокова была практически завершена в «Очерках жизни и избранных сочинениях Александра Петровича Сумарокова, изданных Сергеем Глинкою», вышедших уже в 1841 г.¹⁰ Глинка был, пожалуй, последним поклонником Сумарокова, без всяких оговорок признававшим за ним не только историческую заслугу, но и художественное дарование, и прямо заявлявшим, что Сумароков для него ближе и понятнее более поздних драматургов, например В. А. Озерова. Тем не менее и Глинка был вынужден оправдывать Сумарокова тем, что он «... в свое время был один сам с собою, с своею собственною мыслию»¹¹ и что «вся русская литература по-прежнему подражательна».¹² Глинка утверждает, что «один человек, принужденный в одно и то же время изобретать и новый язык, и новое драматическое искусство, не мог раскинуться мыслию по всем поприщам театров всемирных»¹³ и потому, возможно, не всегда заимствовал лучшее. В то же время он призывает признать, что «почти все драматические писатели заимствовали друг у друга главное содержание трагедий и комедий своих. Но это не может называться рабственным подражанием. Драматические произведения увековечиваются жизнью мысли слова, выражающими движение души, сердца и ума».¹⁴ Последний аргумент очень важен в спорах первой половины XIX в.: Глинка признает чувствительность в Сумарокове во всех смыслах — как в художественном, так и в человеческом (впрочем, делая в этом случае несколько сомнительное логическое допущение: мы знаем, утверждает он, что Сумароков был чувствителен в жизни, следовательно он не мог не быть чувствительным в творчестве). Даже в статичности сумароковских пьес Глинка ищет и находит достоинства: Сумароков «знал, что гению трагическому нужна только душа, а потому и не требовал пособий ни от *декораций*, ни от *музыки*».¹⁵

⁹ [Дмитревский И. А.]. Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову... С. 31.

¹⁰ Это не означает, что более никто никогда не высказывался в защиту достоинств творчества Сумарокова, но все дальнейшие оценки были либо несамостоятельными и повторяли уже сказанное в первые десятилетия после смерти драматурга, либо их авторы ценили в его произведениях свособразный налет архаизма, абсолютно неактуальный, например, для Глинки.

¹¹ [Глинка С. Н.] Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою. СПб., 1841. Т. I. С. XXVII.

¹² Там же. С. 143.

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ Там же. Т. III. С. 167.

¹⁵ Там же. Т. I. С. 22.

Наконец, он также оправдывает «Бахусово самозабвение»,¹⁶ говоря, что Сумароков сам был «жертва пылкой чувствительности своей».¹⁷ Книга Глинки была попыткой подвести промежуточный итог оценке Сумарокова в условиях формирования новой литературы и примирить оценки современников поэта с критикой первого тридцатилетия XIX в.

Одним из самых авторитетных мнений этого периода, с которым, в частности, полемизировал Глинка, было свидетельство А. Ф. Мерзлякова, впервые высказанное еще в 1817 г. (юбилейном для Сумарокова) в журнале «Вестник Европы». Достаточно сказать, что именно Мерзлякова впоследствии более всего цитируют другие авторы, пишущие о Сумарокове,¹⁸ а А. И. Незеленов, например, в своей «Истории русской словесности» (1893) приводит текст Мерзлякова почти целиком. Несомненно, следует принимать во внимание и популярность Мерзлякова-лектора — В. Г. Белинский, например, упоминает, что Сумарокова теперь никто не читает, но его знают по лекциям Мерзлякова.¹⁹ Очень характерно, что Мерзляков также отчасти исходит из необходимости защищать Сумарокова. В его статье в первую очередь звучит призыв признать «услуги», оказанные Сумароковым «российской словесности».²⁰ Мерзляков пишет: «Многие красоты Сумарокова исчезли при успехах его последователей, и остались по большей части погрешности, не столько ему, сколько его времени принадлежащие»,²¹ т. е., по сути, он вводит требование исторического подхода к оценке литературного произведения. В то же время Мерзляков предъявляет Сумарокову новые претензии, значительно более характеризующие эпоху и относящиеся уже непосредственно к трагедиям. Он критикует Сумарокова за то, что тому «недостает» языка страсти (ср. характеристику «холодный» в послании Пушкина «К Жуковскому»). В данном случае упрек состоит даже не в том, что Сумароков подражает, а в том, что, подражая, не

¹⁶ Там же. С. 103.

¹⁷ Там же. С. 114.

¹⁸ Из наиболее ранних ссылок на Мерзлякова см., например: *Греч Н.* Опыт краткой истории русской литературы. М., 1922. С. 171, 205; *Стрекалов Н.* Очерк русской словесности XVIII столетия. М., 1837. С. 78 (последнее издание предназначалось для студентов Медико-хирургической Академии).

¹⁹ *Белинский В. Г.* Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1953. Т. I. С. 32.

²⁰ *Мерзляков А. Ф.* Сумароков // Вестник Европы. 1817. № 12. С. 260—261. Почти одновременно зазвучали даже призывы «устыдить нас в неблагодарности к Сумарокову» (см.: *Милютин В.* Мысли о Сумарокове и других писателях // Отечественные записки. 1828. № 95. С. 508).

²¹ *Мерзляков А. Ф.* Сумароков. С. 260. По свидетельству Тихонравова, Мерзляков также полагал, что у Сумарокова встречаются столь «дикие стихи», что их «не надобно читать перед публикою, чтобы не уронить» достоинства писателя (*Тихонравов Н. С.* О заимствованиях русских писателей // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. III. Ч. II. С. 318).

вкладывает душу. Таким образом, критика нового времени не видит страсти там, где современники усматривали ее переизбыток. Отчасти это, вероятно, вопрос читательского и зрительского восприятия, а также различия в них (очевидно, что если современники Сумарокова, скорее, смотрели его трагедии на сцене, то критики XIX в. уже только читали, хотя пьесы Сумарокова и продолжали идти в театре). Но, возможно, даже более существенную роль для этого восприятия людьми разных эпох играл язык, воспринимавшийся в XVIII в. как естественный и органичный для трагедии и уже казавшийся ходульным и выспренно-холодным в веке XIX.

Так или иначе, критика XIX в., которую автор обзора литературы о Сумарокове Е. П. Мстиславская объединяет под названием «эстетической критики эпохи романтизма»,²² свободная от прямого восприятия личности Сумарокова и непосредственно связанных с ним скандалов и вместе с тем находящаяся уже на некоторой исторической дистанции от его творчества, сформировала новый подход к драматургии Сумарокова, с учетом его исторических заслуг. Основное требование к драматургу, предъявляемое этими критиками, — чувствительность, являющаяся отражением души автора и способная вызвать соответствующие «движения души» у зрителя. Это же направление критики сформировало традицию противопоставления Сумарокова и В. А. Озерова (точнее, обычно развитие драмы в России представлялось триадой Сумароков—Я. Б. Княжнин—Озеров, в которой важнейшими звеньями выступали первый и последний авторы, а Княжнин характеризовался как слегка улучшенный Сумароков). Сумароков (в отличие от Озерова, который в этих же статьях выступает своего рода Карамзиным от драматургии) не удовлетворял выдвинутому требованию. Учитывая, что основная оппозиция для критики этого типа строится на противопоставлении принадлежности к определенному литературному направлению, классицистическому или романтическому, то Сумароков в этой оппозиции оказывается классиком, а Озеров — романтиком (часто, впрочем, именуемым сентименталистом).

В «Руководстве к познанию истории литературы» В. Т. Плаксина (1833), адресованном учащимся Морского кадетского корпуса и Артиллерийского училища, говорится, что «В сем деле (драме. — А. В.) он (Сумароков. — А. В.) не имел русских образцов; и потому, сделав все, что мог делать с данными средствами, он прав...»²³ и что Сумарокова надо «судить в тех обстоятельствах, в которых он жил

²² Мстиславская Е. П. Путь к Сумарокову. (Краткий очерк истории изучения биографии и творчества А. П. Сумарокова) // Александр Петрович Сумароков. Жизнь и творчество. М., 2002. С. 161. Имеются в виду А. Ф. Мерзляков, В. Г. Милютин и А. Е. Надеждин.

²³ Плаксин В. Руководство к познанию истории литературы. СПб., 1833. С. 210.

и действовал».²⁴ Плаксин полемизирует с Мерзляковым и Белинским. «Отсюда началось подражание древним писателям, которые названы *классическими* <...> но те, которые выражали и выражают свои мысли и чувствования в духе народном, по направлению века, называются *романтическими*».²⁵ Пособие Плаксина вызвало резкую и язвительную критику Н. А. Полевого и Надеждина, особенно за его теоретические рассуждения, но они же отмечали оригинальность его суждений. Вместе с тем это было именно учебное пособие, утвержденное министерством, и в данном случае обращение к нему важно как к случаю тиражирования положений, ставших общепризнанными.

К полемике о «чувствительности» Сумарокова отчасти присоединился П. А. Вяземский. В статье — предисловии к изданию сочинений Озерова (1817) — он пишет: «Должно сказать, что погрешности в трагедиях Сумарокова и Княжнина не могут быть оправданы временем. В то время как они писали, все сокровища иностранных театров были им открыты <...>. В трагедиях и того и другого встречаем мы нередко частные подражания Корнелю, Расину и Вольтеру. Можно похитить блестящую мысль, счастливое выражение; но жар души, но тайна господствовать над чувствами других сердец не похищается...»²⁶

Впрочем, для Вяземского и поэтов его круга «страстность» и «чувствительность» постепенно перестали признаваться основными достоинствами трагедии. Почти одновременно с требованием «жара души» выдвигается новое требование эпохи, предъявляемое к драме, — «народность». Именно критерий народности, становившийся все более актуальным к середине XIX в. и далее, сыграл роль в сравнительной переоценке заслуг Сумарокова, в том числе и в сопоставлении с Озеровым. В применении этого критерия к Сумарокову заслуга в первую очередь принадлежит Пушкину и Белинскому.

Пушкин в статье 1830 г. «О народной драме и „Марфе Посаднице“» дал весьма резкую характеристику Сумарокову: «Явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противумыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произв^едения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие».²⁷ Отчасти Пушкин повторяет старые упреки в подражании, варварском языке, холодности,

²⁴ Там же. С. 208.

²⁵ Там же. С. 54.

²⁶ *Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова* // Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского. СПб., 1878. Т. I. С. 31.

²⁷ *Пушкин А. С. О народной драме и «Марфе Посаднице»* // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. XI. С. 215.

но в итоге решающим становится «народное пристрастие». Пушкин был неоспоримым авторитетом для критики второй половины и особенно конца XIX в. (он цитируется наравне с Мерзляковым, а иногда даже чаще), потому его оценка, данная в небольшой статье, посвященной не собственно Сумарокову, сыграла весьма значительную роль в дальнейшей репутации Сумарокова-трагика.

Пушкину во многом вторит Вяземский в 1828 г., подтверждая тем самым, что признание «ненародности» драматургии Сумарокова — не просто личное мнение Пушкина, но критерий, выдвинутый определенным литературным движением: «Его нельзя изучать как образец изящного, как памятник искусства; он ни в чем не оставил нам уроков, следов к подражанию; действия его были, так сказать, одновременные, язык его, слог его, формы его, им самим заимствованные у чужестранцев и даже не примененные к нравам нашим и к историческим преданиям, все это в наше время почти без цены».²⁸

Но окончательное развенчание «северного Расина» произвел Белинский. Следует отметить, что Белинский высказывал разные мнения о Сумарокове, иногда даже весьма положительные. Однако наиболее яркие его отзывы, запомнившиеся читателям, были не просто резко критическими, но даже оскорбительными: так, самого Сумарокова он называл «жалким писакой»,²⁹ «плохим литератором, бездарным и самохвальным стихотворцем, бессильным и ничтожным мыслителем в деле искусства»,³⁰ а, например, трагедию «Синав и Трувор» — «дубовитой».³¹ Белинский первый категорически утверждает, что современники Сумарокова заблуждались, во многом с его (Сумарокова) собственной подачи: «Мы не должны слишком нападать на Сумарокова за то, что он был хвастун: он обманывался в себе так же, как обманывались в нем его современники...»³² Вероятно, именно с легкой руки Белинского этот тезис получил распространение: например, автор биографической статьи об Озере в журнале «Репертуар и Пантеон» (1842), давая краткий обзор истории русской драматургии до Озерова, пишет: «Большая часть современников поверила ему (Сумарокову. — *А. В.*) на слово, и гениальность его долго была неоспоримою аксиомою».³³ (Дальнейшее

²⁸ Вяземский П. А. О Сумарокове // Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского. СПб., 1879. Т. II. С. 166.

²⁹ Белинский В. Г. Литературные мечтания. С. 32.

³⁰ Белинский В. Г. Русская литературная старина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. II. С. 201.

³¹ Белинский В. Г. Горе от ума, сочинение Грибоедова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I. С. 455.

³² Белинский В. Г. Литературные мечтания. С. 45. Ср. у Пушкина в послании «К Жуковскому»: «Предрассуждениям обязанный венцом».

³³ Зотов Р. Биография Озерова // Репертуар и Пантеон. СПб., 1842. С. 3. Ср.: «Сумароков был не только даровитый, но и ловкий писатель. Он понимал

логическое развитие этого положения можно найти, в частности, у Л. Н. Майкова, писавшего, что Ломоносовым и Сумароковым современники «восхищались и — нужно сказать правду — мало отдавали себе отчета в том, чем именно».³⁴

Неудивительно, что многие критики XIX в. со временем полностью отказали Сумарокову в каком бы то ни было признании, настаивая на том, что его пьесы «утратили положительно всякое значение для потомства».³⁵ Здесь нельзя не привести пронизательное замечание П. Н. Беркова: «Было время, когда развитие русской литературы — в начале XIX в. и в особенности во времена Пушкина — требовало слома старых авторитетов. Сумарокову в этот период досталось особенно сильно. В полемическом пылу отрицания Сумарокову было отказано даже в признании его бесспорных заслуг в создании русского театра».³⁶

Несомненно, во многом этим пылом отрицания руководствовались и Белинский. Начиная с ранней работы «Литературные мечтания» Белинский отстаивает тезис об отсутствии в России национальной литературы (со временем упрек переносится с самой литературы на русскую действительность, которая не дает материала для литературы). Подчиняя экскурсы в историю русской литературы этому тезису, Белинский доказывает, что в XVIII в. национальной литературы в России вообще не могло быть, потому что классицизм несовместим с понятием народности. При этом с формы, о которой более пеклись современники, проблем языка и стиля Белинский переносит акцент на содержание, по сути на этом строя оппозицию классицизма и романтизма, на который он возлагает надежды. Как пишет современный исследователь, «в ту пору Белинский видел в классицизме неоправданное торжество формы над содержанием. Так называемый „романтизм“ (в тогдашнем, пушкинском, понимании этого слова) был близок ему за предпочтение, оказанное идее над формой».³⁷ В дальнейшем, в более поздних работах, Белинский признает необходимость исторической точки зрения на литературу³⁸ и нехотя отдает дань Сумарокову в деле создания русского театра, но по-прежнему продолжает считать его бездарным.

искусство едва ли не лучше всех прочих литераторов своего времени» (*Лаговской Г. Александр Петрович Сумароков как писатель и драматург // Пантеон и репертуар русской сцены. 1851. Т. I. Кн. II. Отд. III. С. 19*).

³⁴ *Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 286.*

³⁵ *Полевой Н. История русской литературы в очерках и биографиях. СПб., 1883. Ч. II. С. 66.*

³⁶ *Берков П. Н. Александр Петрович Сумароков (1717—1777). М., 1949. С. 99—100.*

³⁷ *Алперс Б. Актерское искусство в России. М.; Л., 1945. С. 61.*

³⁸ *Белинский В. Г. Общее значение слова литература // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. II. С. 115.*

В дальнейшем русская критика не только подхватила этот тезис о вненациональном характере сумароковской трагедии, но и возложила на него ответственность за формирование определенной традиции, уводящей в сторону от «народности»: «С этой поры (с «Хорева». — А. В.) долго русская трагедия наполнялась героями, носившими правда русские имена, но чрезвычайно далекими от русской жизни и народности».³⁹

Таким образом, к середине XIX в. русская критика накапливает упреки Сумарокову, постепенно формируя образ «плохого писателя»: к первоначальным обвинениям в подражательности добавляются обвинения в холодности и претенциозности, с одной стороны, и внеисторичности и ненародности — с другой. Эти упреки остроумно объединил анонимный автор статьи в журнале «Сын Отечества» 1847 г.: «...наши древние славяне и удалые норманны сделались чувствительными и чопорными придворными Людовика XIV!»⁴⁰

Перечисленные выше положения постепенно стали основными в оценке драматического творчества Сумарокова и начали тиражироваться в учебной и научно-популярной литературе. Весьма показателен в этом отношении один источник — в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского опубликован его письменный ответ на магистерском экзамене (1853), озаглавленный (видимо, такова была формулировка вопроса) «Русские трагики: Сумароков, Княжнин, Озеров». На двух страницах кратко изложены следующие положения: Сумароков создал русскую драму, следуя французским псевдоклассическим образцам; Княжнин развил ее главным образом в области языка; а трагедии Озерова представляют собой переход от классицизма к сентиментализму, так как являются «отражением души автора». Но ни один из этих авторов не дал публике понастоящему народной драмы.⁴¹ Вероятно, это и был «правильный» ответ на вопрос об этапах развития русской трагедии XVIII в., данный глазами середины XIX в. и повторяющий все основные тезисы, выдвинутые критикой о Сумарокове при оценке его вклада в русскую драматургию.

Тем не менее с начала 1850-х гг. и к концу века критика постепенно приходит к переоценке вклада Сумарокова, как и других драматургов XVIII в., в развитие русского театра. По мере того как, по словам Вяземского, «трагедия Озерова отжила свой век»,⁴² так же как и сумароковская, не дав образца народной драмы, единственным

³⁹ Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. С. 26.

⁴⁰ История драматической поэзии у русских // Сын Отечества. 1847. Кн. I. С. 73.

⁴¹ Чернышевский Н. Г. Русские трагики: Сумароков, Княжнин и Озеров // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. II. С. 816—817.

⁴² Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова. С. 50.

актуальным критерием остается исторический, и с середины XIX в. Сумароков как зачинатель русской трагедии постепенно оказывается почти равен Озерову как ее завершителю. Даже при самой резкой оценке таланта Сумарокова, какую, например, дает ему Булич, прямо обвиняя писателя в «недостатке таланта»⁴³ («Сумароков не был поэтом»⁴⁴), признается, что «в Сумарокове больше, нежели в ком-нибудь из писателей, современных ему, отразилось русское общество и русская жизнь половины прошлого века...»⁴⁵

К этому времени относятся два по-настоящему серьезных исследования творчества Сумарокова: уже упомянутое Н. Н. Булича и В. Я. Стоюнина. В них в первую очередь подчеркиваются два основных аспекта творческих заслуг Сумарокова, выдвинутых в связи с новым подходом к оценке литературы и драматургии. Во-первых, отмечается, что Сумароков повливал на общественное мнение, прививая зрителю положительные идеалы, и научил его посещать театр. Стоюнин называет это «пользой общественной жизни» трагедий Сумарокова,⁴⁶ а самого Сумарокова «писателем-бойцом».⁴⁷ Во-вторых, Стоюнин едва ли не впервые попытался сформулировать, в чем именно заключается ценность трагедий Сумарокова как памятников своего времени: «Все их (трагедий. — А. В.) лица служили олицетворением стремлений и мыслей лучших людей, и если не имеют значения в искусстве, то имеют для нас значение историческое».⁴⁸ Более того, Стоюнин даже находит у Сумарокова «мысль о народности»,⁴⁹ которая, возможно, с его точки зрения, заключается в том, что «Сумароков первый перенес к нам форму тогдашней трагедии и, при всей ее искусственности, умел в ней выразить свои стремления и тем тесно связать ее с своею современностью».⁵⁰ Таким образом, Стоюнин как будто бы на первый взгляд аргументированно и последовательно защитил трагика Сумарокова от целого ряда обвинений, таких как подражательность,

⁴³ Булич Н. Н. Сумароков — «северный Расин» // Александр Петрович Сумароков. Его жизнь и сочинения: Сб. критических статей / Сост. В. И. Покровский. М., 1905. С. 41. Понятие «таланта», безусловно, менялось на протяжении XIX в., и потому к определениям такого рода следует относиться осторожно в силу их относительности, но в этой статье данный аспект не рассматривается, так как не всегда является релевантным — в ряде примеров речь пойдет о тиражировании предшествующих оценок (в том числе и суждений об отсутствии таланта), без соответствующего осмысления.

⁴⁴ Булич Н. Н. Александр Петрович Сумароков // Русская поэзия. С. 160.

⁴⁵ Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. С. 5.

⁴⁶ Стоюнин В. Александр Петрович Сумароков. Его жизнь и сочинения. СПб., 1856. С. 43.

⁴⁷ Там же. С. 171.

⁴⁸ Там же. С. 57.

⁴⁹ Стоюнин В. Первая трагедия Сумарокова в отношении ее к современности // Александр Петрович Сумароков. С. 46.

⁵⁰ Там же. С. 43.

ненародность или неактуальность. Но вместе с тем наряду с Буличем признав, что «писатель — сын времени»,⁵¹ он вывел Сумарокова за пределы эстетической оценки, по сути оставив за ним только общественные заслуги, рассматриваемые в историческом контексте. Призывы оценивать произведения Сумарокова «не с одной художественной, но и с исторической стороны»,⁵² последовательно звучащие с 1860-х гг., оборачиваются еще более категоричными утверждениями, что трагедии Сумарокова «представляют теперь для нас только исторический интерес»,⁵³ а сам автор «мог иметь вес и значение только в свое время». ⁵⁴ Сумароков выступает как своего рода просветитель и распространитель положительных общественных идеалов для современников: «Рисуя идеал народного правителя, Сумароков прояснил обществу идею истинного образования и сознания общественного долга; где преобладали личные интересы, там такая проповедь не была излишней». ⁵⁵ Вместе с тем его драмы «имеют несомненный исторический интерес, помогающий нам разобраться в понятиях и вкусах мыслящих слоев русского общества середины XVIII века». ⁵⁶ В итоге признается, что историческая заслуга Сумарокова состоит в воспитании зрителя и одновременно в отражении его идеалов и вкусов, оставшихся своего рода материалом для потомков. Актуальная для 1860-х гг. оценка художественного произведения по его общественной функции была не только с успехом приложена к творчеству Сумарокова, но и обнаружила свою живучесть вплоть до конца XIX в., возможно в силу того, что применялась к хронологически удаленному материалу: пьесы Сумарокова были столь же далеки от зрителя и читателя второй половины XIX в., как и те исторические обстоятельства, в которых они были написаны, поэтому последующие критики, а особенно авторы-составители учебных пособий и хрестоматий, верили на слово предыдущим, причем даже высказывавшим противоречащие друг другу оценки.

В итоге к концу XIX в. сложилась ситуация, при которой «псевдоклассицизм» как явление вообще утратил свою актуальность, независимо от достоинств или недостатков автора (его страстности или холодности, подражательности или оригинальности, народности или ее отсутствия). В этих обстоятельствах единственным драматургом, достойным упоминания в общих обзорах истории русской литера-

⁵¹ Булич Н. Александр Петрович Сумароков // Русская поэзия. С. 156.

⁵² Порфирьев И. История русской словесности. Казань, 1880. Ч. II. Отд. I. С. 244.

⁵³ Солнцев В. Сумароков как драматург // Ежегодник императорских театров. Сезон 1892—1893. СПб., 1894. С. 397.

⁵⁴ Лаговской Г. Александр Петрович Сумароков как писатель и драматург. С. 3.

⁵⁵ Литовский А. Л. Итоги русской литературы XVIII в. М., 1910. С. 33.

⁵⁶ Петухов Е. В. Русская литература. Юрьев, 1914. С. 121.

туры, оказался Сумароков, как первый из равных. С одной стороны, происходит закрепление за Сумароковым бесспорных исторических заслуг, с другой — все больше доверия высказывается современникам.⁵⁷ Вновь начинает упоминаться «раздражительно-холерический темперамент»,⁵⁸ «характер желчный и раздражительный»,⁵⁹ «чрезвычайно самолюбивый и вспыльчивый»⁶⁰ — качества, которые, вероятно, должны были придать хоть сколько-нибудь живости характеристике творчества уже окончательно отошедшего в прошлое драматурга. Еще Вяземский отметил, что «Сумароков — одно из замечательных лиц в литературе нашей. Он имеет свою физиономию, означенную резкими чертами: это лицо портретное. Его нельзя изучать как образец изящного <...> но там, где отделяется личность его, он везде еще свеж и ярк...»⁶¹ В то же время за Сумароковым вновь признается талант: «Самый талант Сумарокова обнаруживается в его собственной изобретательности, в характере его подражаний и заимствований у чужеземных поэтов, равно в наблюдательном свойстве его ума, замечавшего все тончайшие оттенки современной ему образованности. Ежели из этих наблюдений он мог создавать явления, сцены, если он умел заимствованный у чужих писателей план трагедий со всеми положениями и характерами применить к изобретенному им самим событию из отечественной истории. Ежели из всего этого умел произвести довольно стройное целое, то ясно, что он был одарен большим драматическим талантом».⁶² Наконец, даже упрек в ненародности Сумарокова оборачивается достоинством, состоящим в умении строить драмы на общечеловеческом: «Преобладание общечеловеческого над родным элементом и составляет отличительную черту первого русского замечательного драматурга».⁶³

Таким образом, на протяжении XIX в. рядом авторитетных критиков, историков литературы и писателей (Мерзляков, Глинка, Пушкин, Белинский, Булич, Стоюнин) были высказаны самостоятельные и продуманные оценки трагедийного творчества Сумарокова, основанные на достаточно четких критериях и строившиеся по принципу

⁵⁷ Так, например, В. В. Сиповский призывал поверить Дмитревскому (*Сиповский В. В. История русской словесности*. Пг., 1917. Ч. II. С. 63).

⁵⁸ *Берг Э. П. Русская комедия до появления А. Н. Островского*. Варшава, 1912. С. 59.

⁵⁹ *Тихопрвов Н. С. О заимствованиях русских писателей*. С. 314.

⁶⁰ *Незеленов А. И. История русской словесности*. СПб., 1893. Т. I. С. 185.

⁶¹ *Вяземский П. А. О Сумарокове*. С. 166. Ср. у Булича: «...отличительную чертою характера его было непомерно развитое самолюбие, и этому душевному свойству мы одолжены тем, что лицо Сумарокова в истории нашей литературы представляется нам не бледным и не бесцветным» (*Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика*. С. 84).

⁶² *Порфирьев И. История русской словесности*. Казань, 1880. Ч. III. Отд. II. С. 39.

⁶³ *Берг Э. П. Русская комедия до появления А. Н. Островского*. С. 59.

соответствия определенным требованиям, предъявляемым к драматургу современностью. Но эти оценки, часто противоречащие друг другу, были некритически и иногда одновременно восприняты массовой учебной литературой и воспроизведены в ней искаженно и непоследовательно. В результате к началу XX в. сложился образ по-своему яркий, но едва ли не прямо противоположный тому, который формировали отзывы современников писателя: бездарный писатель с постоянно уязвленной гордостью, несмотря на свою подражательность и творческую слабость, оказавшийся единственным в определенный исторический период и потому заслуживающий упоминания в курсе истории литературы и театра, но не заслуживающий более внимательного изучения.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ДРУЖЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА

Жанр посвящений в России XVIII в. эволюционировал так же, как и литературные жанры. Если торжественная ода, несмотря на все модификации, сохраняла свое значение до конца столетия, то и дедикации государю, вельможе, государственному деятелю неизменно продолжали появляться в русских изданиях и в 1790-е гг., и далее. Но так же как в поэзии постепенно стали выдвигаться на первый план камерные жанры (особенно стихотворные дружеские послания), так и посвящения стали принимать менее официальный характер. Изменялся характер отношений между автором и адресатом, дистанция между ними сокращалась, другим становился и самый стиль дедикации, что находило отражение и в обращении, и в подписи.

Культ дружбы, пришедший в европейскую и русскую литературу в период расцвета сентиментализма, способствовал развитию дружеского письма. Это тоже оказалось важным стимулом для возникновения нового типа дедикации.¹ Письмо-посвящение («*épistole dédicatoire*») независимо от адресата было пространным. Когда же оно стало обращаться не к официальному лицу, а к другу, близкому или даже родному человеку, возникла новая разновидность жанра. Это частное письмо обретало литературные права: оно публиковалось и, таким образом, предназначалось не только для адресата, но и для достаточно широкого круга читателей. Уже в 1760-е гг. в России появляются издания, открывавшиеся посвящениями другу или приятелю.

¹ Связь этого типа посвящений с культом дружбы прослежена на материале библиотеки В. Л. Глейма в магистерской диссертации Дианы Штёрт: *Störi D. «...aus Herz und Hand des Freundes» — Untersuchungen zu Form und Funktion der handschriftlichen Widmung im 18. Jahrhundert am Beispiel der Gleimbibliothek zu Halberstadt*. Magdeburg, 2004. Благодарю Н. Ю. Алексееву за помощь в ознакомлении с этим трудом.

Одной из важных особенностей этих дедикаций было обращение к адресату без упоминания его титулов и наград. Так, С. И. Глебов² посвятил свой перевод комедии Д. Дидро «Чадолюбивый отец» («Le père de famille») Степану Степановичу Зиновьеву,³ который, как и переводчик, принадлежал к знатному роду. Глебов, очевидно, не нуждался в его покровительстве, но ценил его литературный вкус. Посвящение начиналось следующим образом:

«Приятелю моему Степану Степановичу Зиновьеву

Государь мой!

Вы хотели видеть комедию г. Дидерота, называемую *Старший в роде* на нашем языке и хотели, чтоб перевел ее я; желание ваше исполнилось: я, жертвуя своим свободным временем моим приятелям, кои власть надо мною беспредельна, перевел для вас оную, не уважая, что тем могу подвергнуться критике некоторых писателей. Я знаю, что на вкус всех угодить не можно, и для того хочу только, чтоб перевод мой понравился вам, протчим приятелям моим и авторам, кои театральными и другими разными в стихах и прозе нравоучительными сочинениями причинили согражданам моим пользу и увеселение».⁴

Текст посвящения как бы продолжает непринужденную приятельскую беседу двух любителей литературы, образованных людей, не отделенных друг от друга сословными или имущественными преградами. Вместо привычного обращения «Милостивый государь мой» или даже «Милостивейший государь мой» Глебов пишет просто «Государь мой», не боясь разгневать своего адресата. Распространенная формула, подтверждавшая, что перевод был сделан в «свободные от службы часы» (дабы чиновное лицо не заподозрило злоупотребления по службе), заменяется здесь словами «жертвуя свободным временем моим приятелям». Дедикация, вопреки традиции, не содержит панегирика адресату. Наконец, характерно и завершение посвящения:

«Оканчивая, прошу позволить мне надеяться о продолжении вашей ко мне приязни, а обо мне верить, что я пребуду навсегда вашим,

государь мой, покорным слугою

Сергей Глебов»⁵

² См. о нем: *Заборов П. Р.* Глебов С. И. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1. А—И. Л., 1988. С. 197—198.

³ С. С. Зиновьев (1740—1794) впоследствии был послом в Мадриде и дослужился до чина генерал-поручика.

⁴ Чадолюбивый отец. Комедия в пять действий. Сочинение г. Дидерота. Переведена с французского. СПб., 1765. С. 5—6 нenum.

⁵ Там же. С. 6 нenum.

В отличие от обычной просьбы «продолжить милости»⁶ или покровительство, переводчик лишь просит о продолжении «приязни», что тоже свидетельствует об ином характере отношений. Сходным образом построено и посвящение Глебова, адресованное другому его приятелю — Алексею Васильевичу Нарышкину⁷ и сопровождающее перевод пьесы Дидро «Побочный сын, или Опыт добродетели» (1766):

«Государю моему Алексею Васильевичу Нарышкину

Государь мой! Следуя во всем мне возможном воле моих приятелей, перевел я по желанию вашему комедию г. Дидерота, называемую *Побочный сын*, или *Опыт добродетели*. И хотя я хочу, чтоб она понравилась всем, кто ее читать станет; однако еще больше хочу, чтобы вы приняли ее с таковым же чувствованием, с каковым я для вас переводил, и верили бы, что я за удовольствие почитаю быть вашим, Государь мой!

покорный слуга Сергей Глебов».⁸

Эти посвящения, обращенные к приятелям, составлявшим некий кружок любителей литературы, не связанным служебной зависимостью, но имеющим сходные интересы и вкусы, свидетельствуют о существенной трансформации жанра дедикации: меняются его функции и ряд формальных признаков.

Конечно, законы жанра Глебову были хорошо знакомы, как видно из другого его посвящения, написанного почти одновременно. В том же 1765 г. он издал свой двухтомный перевод книги Плутарха «Житие славных в древности мужей», посвятив труд Е. Р. Дашковой, пользовавшейся еще в это время большим влиянием при дворе Екатерины II. Обращение к адресату построено здесь по всем правилам, поскольку дедикация предназначена для «кавалерственной дамы»:

«Ея Сиятельству
милостивой государыне
княгине Екатерине Романовне Дашковой
урожденной графине Воронцовой
ордена святых Екатерины кавалеру
и двора ея императорского величества действительной
штатс-даме»

⁶ См.: *Warda A. Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji*. Łódź, 2000. S. 29.

⁷ См. о нем и его дружеских отношениях с Глебовым: *Степанов В. П.* Нарышкин А. В. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. К—П. СПб., 1999. С. 327—330.

⁸ *Побочный сын, или Опыт добродетели, комедия в пяти действиях Дидерота*. СПб., 1766. С. 3—5 нenum.

Текст посвящения выдержан в самом почтительном тоне:

«Сиятельнейшая княгиня, Милостивая государыня,

Кому справедливее могу поднести переведенные мною житии славных мужей, писанные Плутархом, как Вашему Сиятельству? Вы, прилежа сами к учению и стараясь побудить к тому других, ободрили меня, милостивая государыня, к переводу сей полезной книги...»⁹

Восхваляя достоинства княгини, переводчик, как и положено, выражает надежду на то, что его труд «благодарно принят будет». Лишь завершая дедикацию, Глебов позволяет себе несколько отойти от обычного шаблона:

«Я же, почитая для себя за первое удовольствие название вашего друга, которое вы мне дать изволили, утешаюсь, что узнает каждый, у кого сия книга в руках будет, что я вам навсегда, милостивая государыня, Вашего сиятельства

всепокорнейший слуга Сергей Глебов»¹⁰

Избегая малейшей фамильярности, переводчик со всею учтивостью подписывает посвящение словами «всепокорнейший слуга», но не без гордости говорит о том, что Дашкова назвала его своим другом и что для него это «первое удовольствие». Так, даже в дедикацию, оформленную по всем правилам, начинают проникать дружеские ноты, смягчающие официальный характер жанра. Эта тенденция становится более явственной в посвяительных письмах, часто являющихся аналог документальному эпистолярному жанру и, как правило, пространных по своему объему.

Посвятельное письмо, обращенное к приятелю или другу, часто представляло собой своеобразное продолжение бесед между автором и адресатом. При этом содержание книги, которой предшествовало такое письмо, оказывалось как бы иллюстрацией к рассуждениям собеседников. Примером может служить «Приписание к приятелю», которое И. И. Акимов¹¹ предпослал своему переводу книги «Похождение Карла Орлеанского и Анибеллы» (1765). Переводчик подробно развивал тему, явно волновавшую и его, и его адресата, имя которого названо не было. «Государь мой! — обращался Акимов к приятелю. — Некогда рассуждая с вами о чинимых насильствах человечеству против природы оного, памятуется мне,

⁹ Житие славных в древности мужей, писанное Плутархом. С французского на российский язык перевел Сергей Глебов. СПб., 1765. Т. 1. С. 3—5 нenum.

¹⁰ Там же. С. 6 нenum.

¹¹ Об И. И. Акимове см.: *Мартынов И. Ф.* Акимов И. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 23—24.

напоследок дошли мы и до того, сколь развратно иногда поступают родители с детьми, а опекуны и приставники со вверенными им питомцами, домогаясь усильно истребить из них такие дарования, кои, если б заблаговременно подкреплены и благоразумными наставлениями исправлены были, могли б обществу произвести великую пользу...»¹² Далее автор посвятельного письма подробно говорит о злоупотреблениях опекунов, которые «погубляют людей», и вновь обращается к приятелю: «Вы, государь мой, желая видеть сему какой-нибудь описанный пример, дабы чрез то некоторым образом посрамить или усюветить таковых насильников человечества, требовали сходное с сею материею либо сочинить что или перевести на наш язык. Во удовольствие ваше сие похождение, сходное с тогдашним вашим желанием, я и перевел; и ныне, приписав вам яко виновнику сего моего труда, по просьбе друзей моих издаю общего удовольствия».¹³

Особый интерес представляет собой переведенная М. И. Поповым книга «Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых» (1766), включавшая сочинения Ф. Фенелона и Ф.-Г. Менье де Керлон.¹⁴ Издание открывается «Письмом к Николаю Ивановичу г. Навикову [так!]». По форме это не столько посвящение, сколько именно письмо, хотя и не датированное. Книгу издавал Новиков, и можно полагать, что Попов просил его напечатать этот текст так же, как и следующее за «Письмом» «Предупреждение». Обращение к Новикову и похвалы в его адрес были совсем непохожи на трафаретные формулы. Вместо традиционной дедикации книгу предваряло дружеское письмо, начинавшееся следующим образом:

«Государь мой! Дружба ваша и приязнь всегда для меня были драгоценны, и я их навсегда потщуся сберечь, оне одне сильны были произвести в моем сердце вечную к вам дружбу и почтение; но ваше доброе сердце и похвальная склонность к снисканию добродетели и учения, которая приобретает наконец человеку незыблемую славу, прилепляют к вам мою душу наиболее, и я вам равно не иным чем мог понравиться, как этою же самою склонностию, которая восхищает вашу душу...»¹⁵

То расстояние, которое обычно разделяло автора дедикации и его адресата, исчезало в этом «Письме», совершенно лишенном какого-либо подобострастия. Вместо официального обращения «ми-

¹² Похождение Карла Орлеанского и Анибеллы. Перевод с немецкого [И. И. Акимова]. СПб., 1765. С. 5 нenum.

¹³ Там же. С. 8 нenum.

¹⁴ О М. И. Попове и этом издании см.: *Степанов В. П.* Попов М. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 469—472.

¹⁵ Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых. Переведены с французского. СПб., 1766. С. 5—6 нenum.

лостивый государь» переводчик, как и Зиновьев, тоже писал просто «государь мой», несколько, очевидно, не опасаясь, что этим может задеть самолюбие Новикова. Попов обращался к нему как к другу, помощнику и единомышленнику. Переводчик вспоминал о своем знакомстве с Новиковым и обещании «сообщать» ему все свои сочинения «как собственные, так и преложенные с других языков». «Обещание сие, — продолжал Попов, — имею я случай исполнить теперь самым делом; нужды мои зовут меня из Санктпетербурга, в который, может быть, не скоро я возвращусь; обучение мое во французском наречии было причиною мне для переводу двух малых повестей <...> сии обе книжки при сем, государь мой, вам сообщаю, чем исполняю и ваше, и мое желание. А я впредь потщусь услужить чем-нибудь важнейшим вначале обществу, коему мы завсегда обязаны служить посильным нашим трудом, а по нем и вам, и стану стараться трудами моими подтвердить обо мне ваше мнение и чрез то пребыть навсегда вашим, государь мой, верным слугою, М. П.»¹⁶

Едва ли можно сомневаться в том, что это подлинное письмо. Характерно, что Новиков опубликовал его (возможно, несколько сократив) и придал таким образом ему функцию дедикации. Для издателя важны были не похвалы в свой адрес, но желание подчеркнуть новый тип отношений между автором и адресатом — отношений, основанных не на чиновочитании, но на дружеской приязни, на общности целей и интересов. Самый факт публикации явился как бы ответным дружественным жестом: проявлением уважения к начинающему литератору, который к тому же совсем недавно был придворным актером (тогда к этой профессии многие дворяне относились с пренебрежением).¹⁷ Появление в печати письма Попова, как и некоторые другие опыты дружеских посвяtitельных писем, означало появление новой традиции, получившей вскоре свое развитие.

В том же 1766 г. было напечатано еще одно дружеское «посвяtitельное письмо», принадлежавшее переводчику книги Ла Пуплиньера А. Ж. Ле Риш «Даира, Восточная повесть» (1766—1767. Ч. 1—4), которая входила в круг чтения юного Н. М. Карамзина.¹⁸ Имя переводчика на титуле было означено инициалами «Н. Д.», посвящение подписано «Н. Дан», т. е. Николай Иванович Даниловский (Данилевский).¹⁹ Книгу предваряет «Письмо от трудившегося в пере-

¹⁶ Там же. С. 7—8 нenum.

¹⁷ Известно, что родители Д. И. Фонвизина были недовольны его дружбой с И. А. Дмитриевским, а М. М. Херасков, покровительствуя И. Ф. Богдановичу, объяснял ему «неприличность актерского звания для благородного человека» (Геннади Г. Автобиография И. Ф. Богдановича // Отечественные записки. 1855. № 4. С. 184).

¹⁸ См.: Галахов А. Д. Карамзин. (Материалы для определения его литературной деятельности) // Современник. 1853. Т. 37. Отд. 3. С. 8, 10—11.

¹⁹ См. о нем: Кочеткова Н. Д. Даниловский (Данилевский) Н. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 240—241.

воде к его другу А. Г. Толс<тому>», датированное 25 мая 1766 г. Как и Попов, переводчик не упоминал никаких титулов своего адресата и начинал свое письмо обращением «Любезный друг!» Далее следует пространное рассуждение о дружбе, о тех качествах, которыми обладают истинные друзья:

«Тот за особливое себе благополучие поставлять должен, кто имеет такого человека, с кем открытым и нелицестным сердцем, свободным и спокойным духом беспристрастно обо всем разговаривает, подает ему советы, сам от него оные принимает, утешает его в напастях, сам от него утешаем бывает, делит с ним всякое злополучие и бедственное приключение, зная, что и сам в подобных случаях тем же награждаем бывает: одним словом, всю жизнь свою, каким бы она самовластно нами управляющею судьбою переменам подвержена ни была, разделяя, всечасно веселится и чувствует совершенную приятность, с беспримерным удовольствием соединенную. <...> Истинное дружество и в гордом богатстве более самого богатства увеселяет, в пышной знатности более самой знатности украшает, также в великой бедности вспоможение делает, в жестоких бедствиях и в несносных злосчастных приключениях отраду и успокоение изнуренному сердцу подает».²⁰

Далее, вновь обращаясь к Александру Григорьевичу Толстому,²¹ автор посвящения вспоминает о том, что их «сердца почти с самого младенчества соединены неразрывным союзом дружбы». Сетую на «несносное время» их «теперешней разлуки», Даниловский стремится подтвердить свои чувства этой книгой, переведенной в отсутствие друга и посвященной ему. Переводчик хочет «чрез сие посвящение хотя несколько дать знать свету, что есть еще и теперь такие верные друзья, на коих в древние времена народы с удивлением взирали, как на особый с небес ниспосланный к ним дар». Повторяя обычную для дедикаций формулу («дать знать свету»), Даниловский по-новому использует ее: прославляется не знатный покровитель, а частный человек, друг. Правда, упоминается об «оказанных» им «великодушных поступках» по отношению к автору посвящения. В чем эти поступки состоят, не уточняется, но адресат предстает в традиционной роли покровителя, и потому закономерно появляется еще одна расхожая формула: «...никому иному, кроме вас, любезный друг, посвятить пристойнее не нашел». Так, автор дедикации продолжает прибегать к устоявшимся, стандартным штампам, вплетая их в свое столь еще необычное для того времени дружеское письмо.

²⁰ <Ла Поплиньер А. Ж. Ле Риш>. Даира. Восточная повесть... Перевел с французского языка Н. Д. М., 1766. Ч. 1. С. 3—5 нenum.

²¹ О нем см.: Я[стребцов] Е. Толстой А. Г. // Русский биографический словарь. Т. «Тобизен —Тургенев». М., 1999. С. 35.

Элементы сервиллизма, отличающие посвящения К. А. Кондратовича,²² проявляются и в его дедикации, обращенной к человеку, которого он называет приятелем (в то время почти синоним слову «друг»). Переведенная Кондратовичем книга «Двенадцать отборных речей...» Цицерона (1767) открывается посвятителем письмом, начинающимся со своеобразного наименования адресата: «Благородному господину директору собственных медных заводов Ивану Петровичу, его благородию Осокину,²³ моему искреннему приятелю и дознанному благодетелю с почтением». Переводчик вспоминает о «девятилетнем дружестве» с покойным отцом Осокина, который «неоднократно, да и чувствительно» его облагодетельствовал, затем благодарит сына за одолжения, «отеческим одолжениям подобные». Обращаясь к благодетелю с почтением, но вместе с тем и некоторой фамильярностью, Кондратович писал в свойственной ему витиеватой манере:

«А что продолжение вашего ко мне дружелюбия я и ведаю и вижу, час от часу умножаемое, того ради в залог моей к вам искренности прошу искренно искреннею принять десницею в домашней вашей, охотнику к чтению приличной библиотеке, много книг содержащую, и сию между оными вместить имеющую книжку. При котором принятии равно ж прошу и меня содержать как в природном, так и в христианском, с благою совестью согласном вашем усердию и доброжелательстве неотменно».²⁴

Не совсем обычна и подпись под текстом посвящения: «Вам, моему приятелю неперемный приятель и доброжелательный слуга, Академии наук коллежский асессор Кириак Кондратович». Несмотря на явную материальную зависимость от своего адресата, переводчик постоянно повторяет, что они приятели, и это если не уравнивает их, то сокращает дистанцию между ними. Характерно также, что Кондратович называет себя не «нижайшим», не «преданнейшим», не «покорнейшим слугой», как это было принято в большинстве дедикаций, но «доброжелательным слугой».

²² См. о нем и его посвящениях: *Бердников Л. И.* Из истории книжного посвящения в России (Кириак Кондратович и Господин Господинович) // *Бердников Л. И.* Счастливый Феникс: Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII—начала XIX века. СПб., 1997. С. 162—174; *Николаев С. И.* Кондратович К. А. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. С. 115—118.

²³ По всей видимости, это тот же Иван Петрович Осокин, который спустя много лет, будучи подполковником, членом Вольного экономического общества, в 1791 г. издал сочинение «Примечания для приведения в лучшую доброту разных российских шерстей и для умножения добротной шерсти в России, также и в пользу фабрик служащие».

²⁴ Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей. СПб., 1767. С. 5 нenum.

В дружеских посвяtitельных письмах вырабатываются новые формулы обращения к адресату. Так, в Петербурге появляются две книги, разделенные небольшим хронологическим периодом в три года (1768 и 1771) и содержащие посвящения, одинаково оформленные. Авторы, адресаты и самые тексты посвящений совершенно разные, но начинаются они одинаково: «Любезному приятелю <...> дружеское приношение», а затем следует обращение: «Любезный друг!» Оба письма весьма пространны, и каждое интересно по своему содержанию.

Первая книга под названием «Блаженство. Разговоры животных»²⁵ (1768) была переведена С. С. Башиловым и посвящена И. И. Голикову. Оба были разночинцами, людьми начитанными, серьезно занимавшимися русской историей.²⁶ Башилов, как и Даниловский, начинает свое посвящение с рассуждения о дружбе:

«Если, по мнению любопытных испытателей человеческого естества, дружба почитается таким даром, который и благосостояние смертных украшать, и горестные приключения усладить может, то я бы был весьма несправедлив, если бы скрыл то удовольствие, какое я ощущаю от сего драгоценного в человеческом роде союза. Иметь верного собеседника, искреннего во всяких приключениях соучастника, надежного советника и усердного помощника, словом, другого себя и, следовательно, двойное бытие, есть такое удовольствие, которое легче чувствовать, нежели изъяснить можно и которое тем только сердцам известно, кои ощущают дружбу в полном ее напряжении. Я в обращении с вами находя все то, что дружба драгоценного в себе ни имеет, не могу пропустить способного случая, чтоб не засвидетельствовать, сколь существенна есть часть человеческого благоденствия питание, хранение и приобретение дружества».²⁷

Далее переводчик вспоминает о разговорах с Голиковым, «составлявших самое приятнейшее наше упражнение», добавляя: «...предложенные вами мне рассуждения о человеческом состоянии были довольно основательны и весьма достойны того, чтоб для изъяснения и решения оных перевел я сию книжку».²⁸ Обстоятельно

²⁵ Авторство ошибочно приписывалось Ж.-Б. Д'Аржансу, но, как установил В. Д. Рак, это перевод книги «Dialogues des animaux, ou le bonheur» (Berlin, 1762), представляющей собой подражание и частичный перевод сочинения Дж. Б. Джелли «La Circe» (Firenze, 1549). См.: Рак В. Д. Библиографические заметки // Труды Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. 1969. Т. 11. С. 146.

²⁶ См.: Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965 (по указателю); Моисеева Г. Н. Башилов С. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 72—73; Плюханова М. Б. Голиков И. И. // Там же. С. 207—209.

²⁷ Блаженство. Разговоры животных. Переведены с французского. СПб., 1768. С. 5—6 нenum.

²⁸ Там же. С. 7 нenum.

размышляя о человеческих пороках и достоинствах, Башилов заканчивает свое посвянительное письмо словами: «Наконец, я довольно награжденным себя за сей труд сочту, если предложенные в сей книжке рассуждения подадут желаемое изъяснение на ваши мнения и если уверят вас о беспредельной искренности той дружбы, с какою я есмь и буду вашим верным и усерднейшим слугою С:Б.»²⁹ Посвящение становится, таким образом, не только проявлением дружеских чувств, но и частью беседы с другом на нравственно-философские темы. Самое содержание переведенной книги дополняет эту беседу и служит стимулом для ее продолжения.

Подобный же характер имеет и посвянительное письмо М. И. Коваленского,³⁰ предпосланное переводу повести Ж.-Ф. Мармонтеля «Испытанное дружество» (1771) и обращенное к своему старшему другу — известному философу и поэту Григорию Саввичу Сковороде (1722—1794) (разница в их возрасте составляла более двадцати лет). В этом пространном экскурсе речь идет и об авторе переведенной книги — «сочинителе» «премудрого и похвального Велизария», и о связи человека со всей окружающей его природой, и, наконец, о «пути любви и человеколюбия». В заключительной части посвящения Коваленский говорит о Сковороде как о своем духовном наставнике, являющем пример истинно мудрой и праведной жизни:

«Любезный друг! Философское ваше сердце и лета, приносящие искусное в делах испытание и исследование о жизни, истине и счастии сквозь открытия, учинившиеся чрез продолжение времени, нашли превосходнейшего блага, дарованного от небес человекам, кроме искренности, любви и дружества, которым вы и жизнь свою посвящаете. Насеяваемые вами в сердца юности начальные правила целомудрия и изливающиеся из уст ваших с неухищенностию слова честности и спокойного царствования сердце, изобразуемая благоднравием достойным мужа праведныя цены картина вашей жизни предполагают в вас человеколюбивую душу, препровождаемую законом гласа природы и просвещения. Посвятить вам сей перевод побудило меня заглавие сего сочинения и та дружеская искренность, которую я, усерднейше навсегда к вам храня, с почтением моим честь имею называться.

Любезный друг! Ваш искренний слуга М. К.»³¹

Это посвянительное письмо представляет собой как бы часть переписки Сковороды и его будущего биографа Коваленского, которую

²⁹ Там же. С. 21 нenum.

³⁰ См.: *Лепехин М. П.* Коваленский (Ковалинский) М. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 82—84.

³¹ *Испытанное дружество*, сочинение г. Мармонтеля. Перевел с французского языка М. К[оваленский]. СПб., 1771. С. 10—11 нenum.

они вели в 1760-е гг.³² Появление таких дедикаций свидетельствует о том, что отношения между автором и адресатом строятся — вопреки традиции — не на материальной или служебной зависимости одного от другого, а на духовной близости, на искреннем уважении к человеку не знатному, но имеющему истинные заслуги и нравственные достоинства.

К такому типу дедикаций можно отнести и посвящения 1770-х гг., обращенные к собирателю древних рукописей и книг Петру Кирилловичу Хлебникову (посвящения И. Г. Рейхеля, Н. И. Новикова и др.).³³ О дружеских отношениях между мореплавателем и литератором С. И. Плещеевым³⁴ и В. Г. Рубаном свидетельствует переведенная первым и изданная вторым книга Ф. Калверта «Путешествие аглинского лорда Балтимура...» (1776; 2-е изд. 1778). Письмо Плещеева, отправленное другу вместе с переводом этой книги, Рубан поместил в начале издания как посвящение. Упомянув о намерении Рубана посетить Константинополь, Плещеев писал: «И как путь от Каменца Подольского к Стамбулу здесь означен, то Вы туда и можете быть руководствуемы сею книжкою, которую Вам для сей единственно причины приписывая, радуюсь, что нахожу случай изъявить совокупно и те дружеские чувства, которые с начала моего с Вами знакомства имею...»³⁵ Рубан, как известно, не избалованный уважительным отношением собратьев по перу, высмеивавших его сервильные стихи,³⁶ явно очень дорожил отношением Плещеева и в конце книги поместил обращенное к нему стихотворное «Благодарение», завершавшееся строками:

Я в пользу общества предав Твою услугу,
Долг благодарности сим изъявляю другу,
Которую к тебе обязан я иметь,
И возвратившегося Тебя желаю зреть.³⁷

³² См.: *Лепехин М. П.* Коваленский М. И. С. 83.

³³ См.: *Кочеткова Н. Д.* Хвала любителю старины. (Русские литераторы XVIII века о П. К. Хлебникове) // *От Средневековья к Новому времени*. Сб. ст. в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 295—301.

³⁴ О нем см.: *Лепехин М. П.* Плещеев С. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 441—444.

³⁵ [*Калверт Ф.*] Путешествие аглинского лорда Балтимура из Константинополя чрез Румелию, Болгарию, Молдавию, Польшу, Германию и Францию в Лондон... СПб., 1776. С. 4 нenum.

³⁶ См.: *Николаев С. И.* Рубан В. Г. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. Р—Я. СПб., 2010. С. 68—72.

³⁷ Там же. С. 18. И посвящение, и «Благодарение» вошли во второе издание, причем если в первом было указано, что Рубан коллежский ассessor и «Вольного Российского собрания при императорском Московском университете член», то во втором добавлено: «...ныне надворный советник, правящий должность директора над Новороссийскими училищами и Санктпетербургского Экономического общества член».

Как в посвящении, так и в «Благодарении» точно указывалась дата и место написания: «14 марта 1776 года. Пера, Константинопольское предградие» — «В Санктпетербурге. Июля 31 дня. 1776 года». Все это подчеркивало документальный характер текстов, помещенных в издание и дававших читателю возможность больше узнать и об авторе дедикации, и об адресате.

«Письмо к Ивану Ивановичу Панаеву от переводителя» открывает книгу «Несчастья, от непостоянства происходящие, или Письма маркизы Сирсе и графа Мирбеля» (1778), представляющую собой перевод сочинения К.-Ж. Дора. «Переводитель», Михаил Алексеевич Пушкин, был в 1772 г. осужден на пожизненную ссылку в Сибирь по обвинению (как некоторые считали, необоснованному) в изготовлении фальшивых денег. Знакомство Пушкина и Панаева,³⁸ состоявшееся в Тобольске, переросло в дружбу, сохранившуюся после того, как в 1774 г. Панаев уехал в Петербург. Об этом свидетельствует посвяtitельное письмо Пушкина, открывающееся словами:

«Для тебя, друг мой, предприял я перевесть с французского языка сии письма; тебе и приношу мои труды, если так можно назвать то, что я между другими упражнениями вместо отдохновения исполнил».³⁹

Говоря о своем старании при переводе «сохранить карактеры в точной силе всех лиц», Пушкин рассуждает о достоинствах и пороках персонажей, изображенных в романе, восхваляя добродетельного Жерака, порицая остроумного, но циничного Герцога и сочувствуя несчастливой судьбе героинь. Из дальнейшего текста посвящения явствует, что переводчик еще до издания книги знакомил с ней своего друга, и это их еще больше сблизило. Пушкин писал, обращаясь к Панаеву:

«Тебя, мой друг, натура одарила разумом, здравием и быстрым понятием. Я уверен, что когда ты присовокупишь к сему капиталу просвещений собственных в свете опыты; тогда увидишь ты, сколь должно убегать Герцогов и искать, как возможно, Жераков... Но что я говорю? я уже то видел, ты забавлялся с восхищением Герцоговой острою, но чувствительно плакал с Сидлеею и Жераком. Тут уже видны мне были склонности твоего сердца и силы души твоей; меня и привязали к тебе навеки. Прости мне, друг мой, мои нравоучения. Прихожу я к таким летам, которым свойственны суть бредни. Но в том тебя уверяю, что чувства любви и дружества во

³⁸ См.: Пухов В. В. Пушкин А. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 506—507; Татарицев А. Г. Панаев И. И. // Там же. С. 406—407.

³⁹ [Дора К.-Ж.]. Несчастья, от непостоянства происходящие, или Письма маркизы Сирсе и графа Мирбеля. СПб., 1778. С. 3 нум.

мне еще в здравом состоянии обретаются, с которыми, надеюсь, пребуду я и до смерти.

Твой верный друг ***
Сибирь. 1777 года»⁴⁰

Дружеское посвящение особенно тесно связано с содержанием книги: друзей объединяет сходное отношение к прочитанному. Для автора или переводчика очень важно сочувствие и понимание, которое он находит у друга.

Издавая свой перевод героиды К.-Ж. Дора «Письмо Барнвеля к Труману из темницы» (1774), И. И. Хемницер предпослал книге стихотворное посвящение «Его благородию Николаю Александровичу Львову», представлявшее собой акrostих, в котором читается имя и фамилия адресата. Посвящение имеет характер дружеского послания, отличаясь непринужденностью и доверительностью интонации:

Любезной друг!
Нелестной дружбе труд усердный посвящаю
И знанью правому судити предлагаю;
Когда я перевод сих малых строк свершил,
О чувствовании твоём я вообразил.
Любезный друг! прими сие ты приношенье,
А мне дай чувствовать едино утешенье
И мысль свою сообщи о переводе сем:
Льсти убегая, ты откроешься во всем;
В том удовольствии за труд сей полагаю.
О подлиннике ты известен уж, я знаю;
В нём тьма красот, но нет их в переводе сем.⁴¹

Известно, как в дружеском окружении Львова ценился его вкус.⁴² Хемницер ждет от своего друга нелицеприятного суждения о переводе, выражая при этом уверенность в том, что французский подлинник уже известен Львову. Обычная в дедикациях формула скромности (*topos modestiae*) приобретает несколько шуточный характер, изящно завершая стихотворение. По своему стилю посвящение Хемницера сопоставимо с его дружескими стихотворными посланиями и многочисленными письмами, обращенными к Львову.⁴³

⁴⁰ Там же. С. 5—6 нenum.

⁴¹ [Дора К.-Ж.]. Письмо Барнвеля к Труману из темницы. Героида. Перевел с французского И. И. Хемницер. СПб., 1774. С. 3—5 нenum.

⁴² См.: Боброва Л. Е. К вопросу о месте И. И. Хемницера в львовско-державинском литературном кружке // Сб. ст. Барнаульского пед. ин-та. 1958. Вып. 3. С. 332—340; Лаппо-Данилевский К. Ю. Львовско-державинский кружок // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: Осмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 1. А—М. С. 567—568.

⁴³ См.: Марасинова Е. Н. И. И. Хемницер — писатель и дипломат // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 245—253.

В 1777 г. анонимный переводчик сатирического сочинения Вольтера «Древнего и нового века люди, или Уборный стол госпожи маркизши Помпадур» («Les Anciens et les Modernes, ou La toilette de Madame de Pompadour») сопроводил заглавие указанием: «Переведено и приписано от Переводчика другу его О[сипу] П[етровичу] К[озодавлеву]». Никаких титулов и чинов в посвящении не названо, текст был не столь пространным, как в посвячительных письмах, но решительно отличался от официальных дедикаций с обязательными панегириками и просьбами о покровительстве. Переводчик писал:

«Друг мой! Проходя сочинению господина Волтера, сей маленький разговор древнаго века людей с новыми мне показался весьма разумным; и для того я, упразднив часа четыре времени на перевод оный, приписываю тебе. Дружба моя родила во мне сию мысль, а просвещение твое, мне известное, побудило меня к тому. Итак, приняв сей новый опыт обнаженного моего пред тобою дружеского сердца, уверься паки, что я всегда одинаковым к тебе хочу быть. Прости. Верный твой друг.

1777 года. Марта 29 дня». ⁴⁴

Высказанное Л. Б. Светловым предположение, что переводчиком и автором посвящения был соученик Козодавлева по Лейпцигскому университету А. Н. Радищев, ⁴⁵ достаточно правдоподобно. «Нововводитель в душе», вскоре выступивший в «Слове о Ломоносове» против обычая «льстити царям», стал одним из реформаторов жанра дедикации. Свои важнейшие произведения «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789) и «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) он посвятил, как известно, другому своему соученику и ближайшему другу Алексею Михайловичу Кутузову. ⁴⁶

Тема дружбы с 1780-х гг. занимала важное место в переписке масонов — участников новиковского кружка. А. М. Кутузов писал И. П. Тургеневу 4 октября 1782 г.: «Мне кажется, нет ничего приятнее, как беседовать с друзьями. В радости ли я? Сообщаю оную друзьям моим и ощущаю двойное удовольствие, представляя себе, что и они со мною радоваться будут. Имею ль я какую печаль? Объявляю ее вам, друзьям моим, и наперед уже чувствую облегчение, во-первых, что открыл путь мрачным мыслям моим, во-вторых же,

⁴⁴ Древнаго и нового века люди, или Уборный стол госпожи Маркизши Помпадур. Сочинение г. Волтера... [СПб.], 1777. С. 3 нунум.

⁴⁵ См.: Светлов Л. Б. Русские переводы произведений французских просветителей // Французский ежегодник. 1962. М., 1963. С. 421—428; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 56.

⁴⁶ См. о нем: Кочеткова Н. Д. А. М. Кутузов // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 174—177.

от твердыя надежды, что они утешить меня постараются».⁴⁷ Для масонов-литераторов было особенно важно убеждение в том, что друзей связывают не корыстные интересы, но духовная общность и нравственные принципы. Характерно краткое посвящение книги И. В. Лопухина «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями...» (1780), представляющее своего рода лозунг масонского братства: «Чтущим Бога и любящим добродетель усердно посвящаю».⁴⁸

И. П. Тургенев поместил в первом издании своего перевода книги Дж. Мейсона «Познание самого себя» (1783) «Приношение» — посвящение «благодетелям и друзьям», т. е. участникам новиковского кружка. Новикова и Кутузова, с которыми Тургенев сблизился в первую очередь и которые были несколько старше его, он воспринимал, судя по тексту «Приношения», как своих наставников:

«Кому приличнее могу я посвятить перевод преполезныя книжки сея, ежели не вам, благодетели и друзья мои! ибо вы причину, что я употребил труд к переводу ея на русский язык и вам, соотчичи мои, обязаны будут чтением сея книжки. Внимая учению вашему, нашел я вкус в предлагаемой здесь материи; входя в намерения ваши распространять охоту к подобным книгам, решился и я споспешествовать видам вашим, клонящимся к пользе и благу сограждан наших...»⁴⁹

Говоря о содержании книги, переводчик не только отмечал ее достоинства, но и выражал свое восторженное восхищение людьми, посвятившими себя высоким и благородным целям:

«Книга сия может служить светилом, помощью которого можно проникать в сокровеннейшие сгибы и углы человеческого сердца и видеть тамо, как слабости наши от глаз наших укрываются; вы же, яко полная луна, заимствуя свет свой от солнца чистого Учения, распространяете оный всем тем, кои желают принимать оный и просвещать им ум и исправлять сердце свое <...> вы, розы <...> износящие благоухания любви роду человеческому. Блажен, кто удостоится созерцать красоту цвета вашего, кто благоуханием вашим наслаждается! Примите малое сие приношение знаком моею

⁴⁷ «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу / Вступ. ст. Ю. Логмана, подгот. текста и примеч. В. В. Фурсенко // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1963. Вып. 139. Труды по русской и славянской филологии VI. С. 204.

⁴⁸ [Лопухин И. В.]. Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил. Сочиненное россиянином. М., 1780. С. 3 нenum.

⁴⁹ [Мейсон Дж.]. Иоанна Масона А. М. Познание самого себя. С аглинского на немецкий перевел М. I. Б. Р., а на российский I. Т. М., 1783. Ч. I. С. 3 нenum.

к вам преданности и во свидетельство чистейшего благодарения за благодеяния, мною от вас полученные. Сохраняя истинное к вам почтение, никогда не престану быть вашим всепокорным и верным слугою. I. T.»⁵⁰

Упоминание о том, что книга переведена по совету друзей или друга, которому адресовано посвящение, встречается в дедикациях все чаще. Вполне традиционна формула «кому приличнее могу я посвятить...» Однако текст Тургенева во многом необычен: это тоже своего рода масонская декларация, утверждение нравственных принципов, объединявших участников кружка, провозглашение идей высокого братства, в которое перерастает их дружеское объединение. Панегирику, с которым переводчик обращается к своим друзьям и наставникам, мог бы позавидовать какой-нибудь сервильный литератор, стремившийся польстить своему благодетелю. Нам неизвестна реакция «братьев» на это посвящение, но характерно, что во втором издании книги (1786) текст этого «Приношения» отсутствует. Вполне вероятно, что оно было снято по совету все тех же друзей, которые уже чувствовали в это время, какие подозрения у правительства стало вызывать их общество.

Свой перевод «Ночей» Э. Юнга А. М. Кутузов хотел «приписать» «друзьям святая истины и стройности совершенная»,⁵¹ но переведенная им книга «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии...» (1785), изданная иждивением Типографической компании, вышла с кратким (без текста) посвящением издателей графине Анне Родионовне Чернышевой.⁵² Это не было обычным сервильным посвящением и имело важную для московских масонов причину: за год до этого скончался главнокомандующий Москвы граф З. Г. Чернышев, тесно связанный с масонами и покровительствовавший им. А. Р. Чернышева (урожденная фон Ведель, 1744—1830) тоже «весьма протезировала»⁵³ им, и после смерти супруга участники новиковского кружка хотели поддержать ее и выразить ей свою благодарность.

В том же 1785 г. в типографии Лопухина иждивением Типографической компании была издана книга Г. Ф. Штендера (Stender, 1714—1796) «Истина религии вообще...», переведенная, очевидно, кем-то из воспитанников Дружеского ученого общества. Вслед за «Приношением» от сочинителя, восхвалявшего «светлейшую Курляндию», был помещен текст «От переводчика», фактически

⁵⁰ Там же. С. 4 нenum.

⁵¹ «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов... С. 305.

⁵² Примечательно, что, как и в большинстве других случаев, посвящение английского автора не было переведено в русском издании.

⁵³ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792. Пг., 1915. С. XXII.

игравший роль посвящения. Здесь говорилось: «А вы, искренние друзья мои! вы, которых путь есть правота, учение — страх Божий и пример — трудолюбие; великодушие ваше не требует ни похвалы, ни воздаяния подвигам вашим! ежели вам приятен будет труд слабого последователя вашего, то он слишком заплачен. Ежели полезен будет он единоземцам нашим, вам они обязаны».⁵⁴

Другой воспитанник московских масонов, К. А. Лубьянович,⁵⁵ который, по свидетельству современника, «со страстию предавался чтению мистических книг»,⁵⁶ перевел с французского языка книгу «Рыцарь добродетели. Повесть, взятая из самых древних записок англинского рыцарства» (1792), имевшую подзаголовок: «Издание, посвященное всему российскому рыцарству». На обороте титульного листа за подписью «Издатель» было помещено стихотворное посвящение «К российскому рыцарству»:

Быть дружелюбивым, святити правоту,
Хранити свой закон, честь, славу, чистоту,
Любить род человек и защищать теснимых —
Есть свойство рыцарей не ложных, справедливых.
<...>
Вы, русски рыцари, с вниманием прочтите,
Пример сси в рыцарях! сго примером чтите.

Для Лубьяновича эти слова были не декларацией, но руководством к действию. А. Е. Измайлов писал о нем: «... бедные, особенно вдовы и сироты, имели в нем благодетеля и покровителя. Чужд вовсе гордости и тщеславия, прост в обхождении и в домашней жизни, дружелюбив и ласков ко всем, он привлекал к себе сердце всех, и всякой, кто его знал, не мог не любить и не уважать его».⁵⁷ Рано осиротевший В. И. Софонович в детстве жил в доме Лубьяновича и впоследствии с большой теплотой и благодарностью вспоминал о нем. Посвящение «российскому рыцарству», как и другие масонские дедикации, адресовано друзьям, но друзьям, связанным между собой особыми отношениями, друзьям, причастным к общему делу.

⁵⁴ [Штендер Г. Ф.]. Истина религии вообще... М., 1785. С. XIV—XV.

⁵⁵ Корнилий Антонович Лубьянович (1756 или 1757—1819) был участником журнала «Беседующий гражданин» (1789), издававшегося Обществом друзей словесных наук, во главе которого стоял М. И. Антоновский. По предположению Ю. М. Лотмана, Лубьяновичу принадлежит «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия» (Беседующий гражданин. 1789. Ч. 1. Март. С. 255—275). См.: Лотман Ю. М. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века (А. Н. Радищев и А. М. Кутузов) // Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 100—101.

⁵⁶ Воспоминания Валерьяна Ивановича Софоновича // Русский архив. 1903. Ч. 1. С. 163.

⁵⁷ И[Измайлов А. Е.]. Некрология // Благонамеренный. 1819. Ч. 7. № 14. Июль. С. 130.

Проявлявшаяся у масонов корпоративность отсутствует в посвящениях Радищева, обращавшегося персонально к Кутузову как к своему самому близкому другу юности. В «Житии Ушакова» нет собственно посвячительного текста. Адресат лишь назван: «Алексею Михайловичу Кутузову». Но далее, в самом повествовании, автор постоянно обращается к другу, делаясь с ним своими воспоминаниями и размышлениями о дружбе — «блаженном сем союзе душ», выражая желание открыть перед другом «последние излучины сердца». Эта «эпистолярная природа» «Жития» сближает его с более ранним произведением Радищева — «Письмом другу, жительствующему в Тобольске» (1782), обращенном к С. Н. Янову, но не названному автором по имени.⁵⁸ Лишь в «Путешествии из Петербурга в Москву» у Радищева появляется четко выделенный текст посвящения, не входящий в самое повествование, но внутренне с ним глубоко связанный. При этом указаны только инициалы адресата: «А. М. К.». Читателям, уже знакомым с «Житием Ушакова», нетрудно было догадаться, что «Путешествие» посвящено тому же человеку. В обоих случаях имени автора не значилось ни на титуле, ни под текстом посвящения. Эта особенность становится характерной именно для дружеских дедикаций, которые имеют как бы двойную функцию: они рассчитаны на прочтение и близкими людьми, и людьми посторонними, незнакомыми ни с автором, ни с адресатом. В посвящении Радищева исследователи справедливо видят ключ к пониманию всего произведения, повествующего о «страданиях человечества». Даже не зная, кто такой А. М. К., можно вникнуть в идеи автора, содержащиеся в посвящении, согласиться с ними или оспорить их, может быть, проникнуться к нему сочувствием и подобно ему «соучастником быть во благодействии себе подобных».⁵⁹ Содержащееся в посвящении философско-публицистическое рассуждение обращено не только к Кутузову, но и ко всем читателям. В этом отношении Радищев продолжает традицию, уже намеченную в посвячительных письмах С. С. Башилова, М. И. Коваленского и др. Особый пласт радищевского текста открывается самому адресату — «любезнейшему другу», у которого автор ищет поддержки, несмотря на то что их мнения «о многих вещах различествуют»: «Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! ты близ сердца моего живешь — и имя твое да озарит сие начало».⁶⁰ Весь текст посвящения приобретает подчеркнуто личный характер, и это в свою очередь привлекает большее внимание читателя постороннего, но умеющего ценить чувство дружбы.

⁵⁸ См.: Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра // XVIII век. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 72—82.

⁵⁹ [Радищев А. Н.]. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790. Фотолитографическое воспроизведение первого издания. М.: Л., 1935. С. 3 нenum.

⁶⁰ Там же. С. 4 нenum.

Написанный Радищевым в Илимске во время ссылки трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» (начало работы над ним датировано 15 января 1792 г.) имеет краткое посвящение: «Друзьям моим». Г. А. Гуковский отметил, что «Радищев на протяжении всей книги неоднократно обращается к этим „друзьям“, „возлюбленным“, с которыми он разлучен ссылкой в Сибирь».⁶¹ Таким образом, посвящение неразрывно связано со всем художественным замыслом писателя. Говоря о возможных адресатах произведения, Г. А. Гуковский называл и А. Р. Воронцова, и других реальных друзей Радищева, и двух старших его сыновей. Это последнее предположение представляется наиболее вероятным. Посвящения друзьям по своему характеру во многом близки посвящениям, адресованным самым близким людям — членам семьи.⁶²

Уже с 1780-х гг. русские авторы, посвящая свои труды другу, стремились противопоставить себя сложившейся сервильной традиции, хотя, конечно, не так смело и принципиально, как Радищев. Некий третьестепенный литератор Кирилл Сергеевич Станиславский предварил свой перевод с французского языка «Повести о пустынноике» (1780) следующей дедикацией:

«Любезному другу моему Емельяну Аврамовичу Солодовникову

Любезный друг! Не знакомство, основанное на интересе, пристойное одним подлым душам, но дружба, сей приятный союз, утвержденный на честности, заставляет тебе посвятить сей малый опыт моих трудов: доброе сердце и природную остроту пустытника заключаешь ты в себе. Иные сочтут за лесть мою похвалу; но дружба, никогда не вещающая лжи, опровергая их подозрения, послужит мне защитой. Я надеюсь, что ты, прочтя сию повесть, с удовольствием исправишь найденные тобою погрешности верного твоего друга.

Кирилла Станиславский».⁶³

В некоторых дружеских дедикациях, несмотря на декларируемый отказ от сервизма, упорно сохраняется традиционное называние адресата со всеми его чинами и наградами. Примером может служить стихотворное посвящение «Трудов уединения» (1781) В. П. Колычева,⁶⁴ обращенное к Н. П. Шереметеву:

⁶¹ Гуковский Г. А. Примечания // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 375.

⁶² Эту группу посвящений, достаточно обширную, предполагается рассмотреть в следующем выпуске сборника.

⁶³ Повесть о пустынноике. Переведена с французского на русский язык К. С. СПб., 1780. С. 5—6 нenum.

⁶⁴ См. о нем: Стенник Ю. В. Колычев В. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 109—110.

Не жертву принося, к тебе я возглашаю,
Не именем твоим я труд мой украшаю.
Все пышны имена, носимые тобой,
Богатство, данное лишь счастливым судьбой,
В восторг мя не влскут и ум мой не плсняют,
В душе моей почтенья не рождают
<...>

Прими мои труды свидетельством того,
Что дружества к себе ищу я твоего;
Ты оное хранить умешь, граф, не ложно!
Жить смертным без него на свете невозможно,
Им дружба от небес как лучший дар дана,
Подпора твердая их счастию она.⁶⁵

Называя своего адресата, известного и влиятельного вельможу, Колычев, сам происходивший из знатного рода, счел, однако, необходимым перечислить все титулы Шереметева: «Двора ея императорского величества действительному камергеру, Московского дворянского банка директору и польских орденов Белого орла и Святого Станислава кавалеру, его сиятельству милостивому государю моему Николаю Петровичу графу Шереметеву».

Через десять с лишним лет подобным же образом поступил некто И... В..., посвятив свой перевод с немецкого языка сатирической повести «Зиншехль во Франции, или Судьба одного индейца» (1793) «Его высокоблагородию, господину надворному советнику, Балахнинского казенного усолья директору и ордена святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени кавалеру Семену Захарьевичу Лаврову». Переводчик писал: «Оставляя искателям достоинств подлую лесть, униженно пресмыкающуюся пред ногами величества, богатства и славы, решился я, преложив мысли сего немца на отечественный язык, посвятить вам и тем доказать, что истинное к заслугам других уважение и беспритворная дружба еще существуют в свете».⁶⁶

Правда, можно предположить, что за отказом от лести иногда все-таки крылось стремление воздать хвалу, но более тонкую и изощренную, чем хвала откровенных «ласкателей».⁶⁷ Примечательно, однако, что в каждом из приведенных случаев речь идет о дружбе, а не покровительстве. Имя переводчика, скрывшего свое имя за инициалами И... В..., очевидно, было хорошо известно директору Балахнинского усолья Семену Захарьевичу Лаврову. Автор посвящения, называющий себя его «охотным слугой» (отметим: не «покорней-

⁶⁵ Труды уединения. В. К[олычев]. М., 1781. С. 5 нenum.

⁶⁶ Зиншехль во Франции, или Судьба одного индейца. Сатирическая повесть. Перевод с немецкого. М., 1793. С. 5 нenum.

⁶⁷ См.: Денз М. «Эстетика отказов» и отказ от похвалы в поэзии Карамзина 1792—1793 годов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 281—295; Шруба М. Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина // Там же. С. 296—311.

шим» или «нижайшим»), достаточно независим от адресата, и это придает свою тональность тексту дедикации, хотя и оформленной по принятому канону.

Правда, различие в общественном положении былых соучеников и товарищей юности заставляло иногда соблюдать и в дружеских посвящениях принятый этикет. Так, Н. П. Осипов, обучавшийся в 1770—1771 гг. в кадетской роте при Измайловском полку вместе с Н. А. Львовым и выпускавший вместе с ним и другими участниками рукописный журнал «Труды разумных общников»,⁶⁸ спустя двадцать лет посвятил другу одну из своих книг. В 1790 г. Осипов, вышедший ранее в отставку в чине подпоручика, был принят переводчиком в Главное почтовое управление, вероятно не без содействия Львова, имевшего к тому времени чин статского советника и пользовавшегося покровительством А. А. Безбородко. Книга Осипова «Подробный словарь для сельских и городских охотников...» (Ч. 1—2. 1791—1792) открывалась посвящением «Его высококордию, милостивому государю Николаю Александровичу Львову». Автор обращался к своему бывшему соученику весьма почтительно: «Удостоите принять благосклонную слабую сию жертву моего к Вам почтения, усердия и благодарности, коими я считаю себя Вам навсегда обязанным. Вы еще в юношеских невинных забавах посеяли во мне склонность упражняться в переводах, что теперь служит для меня не только приятным препровождением времени, но некоторым образом составляет большую часть моего содержания и доходов. <...> пребывая в прочем навсегда с душевным чувствованием особенного к Вам почитания, милостивый государь! Вашим покорным слугою».⁶⁹

Менее официальную тональность имеют некоторые другие посвящения Осипова. Так, свою книгу «Псовый лекарь...» (1792) он «приписал» Николаю Петровичу Савелову⁷⁰ «в знак искренности, почтения и приязни». Книга Осипова «Лакировщик...» (1798), предназначенная для «живописцев, иконописцев, гравировальщиков, маляров <...> и прочих всякого рода ремесленников», посвящалась другу — известному художнику Д. Г. Левицкому: «Его высокоблагородию почтеннейшему моему доброприятелю и другу Дмитрию

⁶⁸ См.: *Липто-Данилевский К. Ю.* Н. А. Львов // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 242—249; *Пухов В. В.* Н. П. Осипов // Там же. С. 391—392.

⁶⁹ *Осипов Н. П.* Подробный словарь для сельских и городских охотников и ботанического увеселительного и хозяйственного садоводства. СПб., 1791. Ч. 1. С. 5 нунум. Текст этого посвящения приведен в статье А. Б. Никитиной «Н. А. Львов в отзывах современников» // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 21—22.

⁷⁰ Возможно, это тот самый «полковник Николай Савелов», который в 1790-е гг. перевел роман Ф. Бёрни «Цецилия, или Записки наследницы». Обращение Осипова к адресату посвящения «Ваше высокоблагородие» соответствовало чину полковника. О Н. Савелове см.: *Алексеева Н. Ю., Долгова С. Р.* Савелов Николай // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. С. 84—85.

Григорьевичу Левицкому. Посвящается сия книга в знак искренности от сочинителя».⁷¹

В 1780—1790-е гг. посвящения нового типа получают все большее распространение: отказ от титулов при назывании адресата-друга становится уже не редким исключением, а вполне обычным явлением. При этом главным предметом восхваления становятся нравственные достоинства того, к кому обращается автор. Женщины-писательницы и переводчицы вносят свою лепту и в развитие темы дружбы, и в реформацию жанра посвящения. Издавая свой перевод повести Л. Шарпантье «Арендарка маленького домика...» (1781), Е. И. Воейкова⁷² предварила его «дружеским приношением» «ее превосходительству милостивой государыне Шарлотте Ивановне Михельсоновой». Несмотря на обязательный титул, посвящение построено по типу дружеского письма, избилующего экзальтированными признаниями в своих чувствах: «Любви достойная приятельница! Кому посвящу я торжество добродетели, как не самой добродетели? Кому свойственно покровительствовать достойную Луцилию, как не тебе, любезная приятельница? Тебе, которая все совершенства в себе имеешь. Тебе-то я труд мой и посвящаю <...>. Не в похвалах моего труда я славы себе домогаюсь, но в том, чтобы особа, столь достойная, какова есть ты, продолжала меня любить и называть своей приятельницею. Вот в чем состоит все мое честолюбие. Увенчай оное, позволив мне называться по смерти вернейшим твоим другом К. В.»⁷³

Продолжая традицию обращения к другу-литератору, единомышленнику, связанному с автором общими интересами и способному по достоинству оценить сочинение, Д. П. Горчаков⁷⁴ посвящает свою повесть «Пламири и Раида» (1796) Н. П. Николеву:

Другу моему Н. П. Николеву

Вот, любезный друг, безделка, которую я писал к тебе, полтора года тому назад! Сердце твое пленилось ею для того, что она излилась из сердца друга твоего. Начертание Раиды обворожило тебя. <...> Ты сказывал мне, что читал ее многим и что она многим

⁷¹ Лакировщик, или Ясное и подробное наставление о заготовлении, составлении и употреблении разного рода спиртовых и масляных лаков <...>. Собрано из разных иностранных и российских записок Н: О: [Осиповым]. СПб., 1798. С. 7 нenum.

⁷² См. о ней: *Белых Н. Н., Кочеткова Н. Д.* Воейкова Е. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 165—166.

⁷³ [Шарпантье Л.]. Луцилия, или Арендарка маленького домика, нравоучительная сказочка. Перевела с французского Катерина Восйкова. М., 1781. С. 5 нenum.

⁷⁴ Д. П. Горчаков и Н. П. Николев обращались друг к другу и со стихотворными посланиями. См.: *Степанов В. П.* Горчаков Д. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 223—226.

понравилась; это мне было приятно; но ты полюбил ее — и она напечатана.⁷⁵

Дружеские посвящения пишут не только авторы и переводчики, но и издатели. Купец Г. К. Зотов, опубликовавший вместе с Т. Полежаевым на свои средства книгу «Страсти молодого Вертера. Сочинения г. Гетте...» (1796), сопроводил издание следующим посвящением:

«Другу моему Петру Александровичу Зайцову, господину санктпетербургскому купцу.

Конечно, лесть никакого не имеет участия в приписании Вам мною сей книги. Одно мое к Вам дружеское почитание внутренних Ваших достоинств и более всего доброе Ваше сердце к сему меня побудили. Почему примите ее без спеси, равномерно как и я приношу Вам ее без лести. Издатель Г. З.»⁷⁶

Это «приписание», представляющее собой один из немногих примеров обращения купца к купцу, особенно замечательно. Герасим Кузьмич Зотов известен как владелец книжной лавки в Гостином дворе Петербурга, в которой весной 1790 г. продавалась крамольная книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Зотов был арестован дважды: первый раз — 26 июня (за пять дней до ареста Радищева) и через четыре дня освобожден, второй раз — 6 июля, после чего полтора месяца он провел в Петропавловской крепости.⁷⁷ Когда еще до его ареста полиция стала наводить о нем справки, то «знающие его купцы объявили, что он всегда был поведения хорошего и ни в каких подозрительных поступках никем не замечен».⁷⁸ Вполне вероятно, что среди этих купцов был и Петр Александрович Зайцов, которому Зотов с благодарностью адресовал свое дружеское посвящение. Во всяком случае несомненно, что Зайцов оказал ему серьезную дружескую поддержку в трудное время. Как признался Зотов во время следствия, он прочел книгу Радищева, и открывавшее ее дружеское посвящение не могло пройти мимо его внимания. Подчеркнуто дружеский характер посвящения Зотова имеет и по-

⁷⁵ Горчаков Д. П. Пламир и Раида, российская повесть. М., 1796. С. 3 нenum.

⁷⁶ Страсти молодого Вертера. Сочинения г. Гетте. С присовокуплением Писем Шарлоты к Каролине, писанных во время ее знакомства с Вертером. Вновь переведенные. Иждивением Т. Полежаева и Г. Зотова. СПб., 1796. С. 3 нenum. В издание вошла повесть И. В. Гете в несколько исправленном переводе Ф. Галченкова, ранее уже дважды издававшаяся, и перевод анонимного сочинения «Письма Шарлоты...», также уже известная русским читателям по изданию 1792 г. Оба произведения, очевидно, пользовались популярностью у русских читателей.

⁷⁷ См.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966. С. 152—156.

⁷⁸ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 151.

лемический подтекст, выражая отрицательное отношение не только к лести сервильных авторов, но и к «спеси» адресатов их дедикаций.

Крепостной литератор В. Г. Вороблевский,⁷⁹ обычно сопровождавший свои переводы посвящениями своему господину графу П. Б. Шереметеву или другим титулованным персонам, поместил необычное посвящение в переведенной им анонимной книге «Яшина история, нравоучительное сочинение для малолетних детей» (1793):

«Государю моему Павлу Петровичу Драншеву, любезному дитяте.

Любезное дитя! Зная дружескую ко мне родителей твоих благосклонность, приписываю имени твоему сию малую книжку; причем желаю, чтоб ты, любезный мой, постарался сделаться подражателем Яшиных добродетелей, наипаче же честности и справедливости, которые суть главнейшим украшением молодых юношей, также много они отличают людей и в совершенных летах; с сим желанием прелебду навсегда вам, любезное дитя,

Усерднейший друг В. В.»⁸⁰

Рассказанная в книге история мальчика-подкидыша, выросшего в суровых обстоятельствах, но сумевшего отстоять свое достоинство, очевидно, была близка Вороблевскому. Адресат его посвящения — сын людей, с которыми у него сложились дружеские отношения (речь идет не о полученныхных от них милостях, но об их «дружеской благосклонности»). Можно предположить, что юный Павел Петрович Драншев — родственник выходца из Гавра художника-декоратора Жана (Ивана) Дранше, работавшего в России с 1790-х гг. Вороблевский, много занимавшийся по поручению Шереметева театральными постановками, мог быть знаком с этой семьей. Во всяком случае характерно, что посвящение к «Яшиной истории» написано в самом дружеском тоне, без тени подобострастия и адресовано к сыну не покровителей, а друзей.

В некоторых посвящениях самое слово «друг» в сочетании с тем или иным определением («друг добродетели и истины», «друг человечества») используется для характеристики адресата. Публицистический характер имеет дедикация В. В. Новикова, обращенная к «любезному другу» литератору Н. И. Страхову,⁸¹ с которым они

⁷⁹ О нем см.: Кузьмин А. И. Вороблевский В. Г. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 175—176.

⁸⁰ Яшина история, нравоучительное сочинение для малолетних детей. Переведенная с английского, а с французского перевел Василей Вороблевский. М., 1793. С. 3—5 немум.

⁸¹ См.: Рак В. Д. В. В. Новиков // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 358—359; Костин А. А., Стенник Ю. В. Страхов Н. И. // Там же. Вып. 3. С. 166—169.

вместе учились в гимназии Московского университета. В переведенной В. В. Новиковым «Нравоучительной повести о трех татарских государях...» (1784) представлен пример просвещенного правления, и с содержанием книги непосредственно связано посвящение. Переводчик выражает надежду, что «дела мудрого государя» «восхитят» сердце друга, «сочувственное к делам добродетельным, ибо истинный гражданин зрит всегда в добром государе отца, а в его подданных своих собратий».⁸² Хотя далее следуют официальные похвалы в адрес Екатерины II, дедикация заканчивается призывом «давать друг другу удостоверения в обязанности сердец наших союзом дружбы, обещаясь пребыть навсегда истинными и верными друзьями».⁸³

Дружеские дедикации по-прежнему нередко сближаются с обращениями к меценату. Однако самое выражение благодарности за полученную помощь или поддержку обретает новые формы. Так, П. И. Макаров, посвящая свой перевод книги Ж. Мемье «Граф Сент-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума» (1795) Николаю Андреевичу Всеволожскому, ограничивается следующими словами: «De l'estime à l'amitié [От уважения к дружбе]. Благорожденная душа делает добро, скрываясь, Чувствительное сердце угождает ей молчанием».⁸⁴

С. В. Салтыков, выступавший в печати под псевдонимом «С... Безвлас...»,⁸⁵ «приписал» свою поэму «Ревность святого Иоанна евангелиста...» (1796) Александру Ивановичу Болтину, в котором он видел духовного наставника. В этом стихотворном посвящении, непосредственно связанном с содержанием книги, создается портрет «благодетеля и друга», оказавшего на автора глубокое нравственное влияние:

Тебе, Болтин! я труд мой слабый посвящаю,
Тебе, в котором я все вместе обретаю:
И благодетеля и друга моего;
Вниманием своим ты удостой его!
Равно соединяя к Христу любовь и веру,
Апостольскому ты последуешь примеру.
Герой мой падшего восставил, обратил,
Ты некогда со мной подобно учинил.
Не от греховного паденья извлекая,

⁸² Нравоучительная повесть о трех татарских государях сынах Аюб-хана, или Опыт полезного владения, с французского на российский язык переведенная Васильем Новиковым. СПб., 1784. С. 5 нenum.

⁸³ Там же. С. 6 нenum.

⁸⁴ [Мемье Ж., де]. Граф Сент-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума. Перевод с французского. СПб., 1795. Ч. 1. С. 4 нenum. Имя переводчика в книге не указано.

⁸⁵ См. о нем: Кукушкина Е. Д., Муллин В. Н. С. В. Салтыков // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. С. 86—87.

В паденье сем лежу я, вечно не вставая,
Но ты мне способы такие подавал,
Чрез кои в свете я себе приобретал
Утеху, сладость, мир и внутренне спокойство.
Вот каково, Болтин, души твоей есть свойство.
Кому ж достойнее сей труд мой посвящу?
И где я ближе то подобие сыщу?
Как души Иоанн умел к спасенью строить,
Так ты умеешь их в сей жизни успокоить.⁸⁶

Бригадир А. И. Болтин с 1755 г. был женат на Евдокии Федоровне Голицыной (род. 1734), которая известна как переводчица драмы Вольтера «Сократ» (1774).⁸⁷ Можно полагать, что в семье серьезно интересовались литературой. По-видимому, к концу жизни у Александра Ивановича усилился религиозный настрой, о чем свидетельствует посвящение Салтыкова. Через три года, в 1799 г., Болтин скончался, и Салтыков написал ему стихотворную надгробную надпись, напечатанную с указанием: «Сочинил покойного брат о Христе, С... Безвлас...»). Надпись завершалась строками:

Ты жив, мой друг, ты жив! лишь здесь тебя не стало;
Кому избличать поклонников Ваала?⁸⁸

Переводчик «Повестей и разговоров» (1796) А. Г. Мейснера Г. М. Яценко вообще не стал называть имени адресата своего стихотворного посвящения, написанного не без пафоса:

Тому
Кто ризой правоты пресветлой облечен,
И добродетели венец на ком сияет,
Десницей милует, в душе любовь питает.
И *человечества* кто *другом* наречен!

Посвящает свой труд Гр. Я.⁸⁹

Правда, книгу с подобной дедикацией можно было поднести и другу-единомышленнику, и влиятельному вельможе, которого таким образом автор благодарил за полученные милости или выражал надежду на их получение.

⁸⁶ С... Безвлас... [Салтыков С. В.]. Ревность святого Иоанна евангелиста, или Торжество любви. Поема в одну песнь в стихах. М., 1796. С. 3 нenum.

⁸⁷ См. о ней: Кочеткова Н. Д. Болтина Е. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 119.

⁸⁸ Слово на погребение господина бригадира Александра Ивановича Болтина <...> говоренное <...> священником Федором Дмитриевым... М., [1799]. С. 10 нenum.

⁸⁹ Мейснеровы повести и разговоры. Перевел с немецкого Г. Яценко. М., 1796. Ч. 1. С. 3 нenum.

Удивительный пример соединения двух разных типов посвящений в одном и том же издании представляет собой книга «Новый спутник и собеседник веселых людей...» (1796), переведенная Я. И. Благодаровым,⁹⁰ который почти все свои многочисленные труды старательно сопровождал дедикациями. Первая часть издания открывается вполне официальным посвящением лицу знатному — князю Н. А. Волконскому: «Его сиятельству милостивому государю, князь Николаю Алексеевичу Волконскому в знак истинного почитания и преданности приносит сию книгу трудившийся в переводе оныя». Далее через страницу помещено посвящение дружеское, адресованное сразу нескольким людям, имена которых скрыты за инициалами: «Друзьям моим, Б... К... Б** и А... А... Д***». Обращаясь к ним со словами благодарности, «чувствительный» автор вспоминает о пережитых им несчастьях:

«Вам, любезные друзья, посвящаю сию книгу — труды досужного моего времени. — Принимая участие в обстоятельствах моей жизни, вы приобрели право на мою благодарность. — Могу ли я когда забыть дружеские советы и пособия, поданные вами мне в то время, когда несчастья доводили меня почти до отчаяния, и сердце мое, стесненное горестию, не находило никакого утешения? Никогда! Вот вам жертва моей чувствительности! Примите сие искреннее изъяснение и труды мои и будьте уверены, что я и умру с благодарным вам сердцем вашим вернопреданным слугою. Я. Б****».⁹¹

Вторая часть этого издания посвящения не имела, но в третьей (все вышли в одном и том же 1796 г.) появилось два новых «всеусерднейших» официальных посвящения: «его высокоблагородию Нилу Андреевичу Новикову» и «его благородию Петру Ивановичу Блюму». Круг благотворителей, к которым деятельный переводчик обращался с дедикациями и в других изданиях, оказывается широк: это и дворяне, и священнослужители, и дамы-меценаты. Тем не менее для Благодарова, с юных лет попавшего под влияние Новиковского кружка, важен был «долг дружбы». Поэтому неудивительно, что свой перевод масонского сочинения Б. Кёпке «Храм Соломонов...» (1800) он, как когда-то И. П. Тургенев, посвятил «Благодетелям и друзьям».

К дружескому посвящению оказывается иногда близко и предисловие, обращенное к читателю, в котором автор хочет видеть своего друга. Н. Г. Курганов,⁹² автор «Российской универсальной граммати-

⁹⁰ О нем см.: *Рак В. Д.* Благодаров Я. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 92—94.

⁹¹ Новый спутник и собеседник веселых людей, или Собрание приятных и благопристойных шуток <...> выбранных из лучших сочинителей, а на российский язык переведенных Яковом Благодаровым: М., 1796. Ч. 1. С. 5 нenum.

⁹² См. о нем: *Рак В. Д.* Курганов Н. Г. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 171—174.

ки» (1769), многократно переиздававшейся под разными названиями, в «Приношении общем», обращенном к «читателю благочестивому, человеку доброму», писал: «...вашему благоразумию посвящая труд мой в знак моего усердия, издана в свет книга сия. За счастье почитаю, что я вам как любителю словесных наук и нашим согражданам между прочим и сею малодельностью услужить мог, в чем состояло главное мое намерение и желание, чтоб вы оною благочинно и благополучно пользовались».⁹³ «Приношение» было подписано: «Вашему благодарию доброжелатель Н. К.». Первое издание этого труда, кроме «Приношения общего», имело еще и «Особое», адресованное «Его высококородия высокопочтенного статского советника Алексея Афанасьевича господина Дьякова любезным детям»:

«Высокоблагородное юношество!

Приписываю имени вашему книгу сию в знак истинно дружеского к вам моего почтения и усердия как дражайшим отраслям благодетельных родителей и, ведая ваши качества, соответствующие их отменному о вашем воспитании попечению, уповаю, что вы онаю охотно примете и по примеру пчел ею воспользоваться не преминете.

Ваш покорный слуга Н. К.».⁹⁴

Из текста этого посвящения явствует, что Курганов был в дружеских отношениях с известной семьей А. А. Дьякова,⁹⁵ на дочерях которого впоследствии женились В. В. Капнист (на Александре Алексеевне, 1759—1830), Н. А. Львов (на Марии Алексеевне, 1753—1807), а позднее Г. Р. Державин (на Дарье Алексеевне, 1769—1842). Вероятно, все они, так же как и другие дети Дьяковых, в детстве учились по книге Курганова.

Вологодский помещик и литератор А. В. Олешев⁹⁶ предварил свою компилятивную книгу «Начертание благоденственной жизни...» (1774) обширным посвятельным письмом, обращенным к «Вологодской провинции почтенному дворянству».⁹⁷ Подробно излагая свои представления о добродетельной жизни, автор поучал своих «любезных сограждан»: «Упражняясь в сельском земледелии

⁹³ [Курганов Н. Г.]. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие... СПб., 1769. С. 3 нenum.

⁹⁴ Там же. С. 4 нenum.

⁹⁵ См. о нем: Дзюбанов С. Д. «Верует в Резон, как во Единого Бога». (Подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова) // Г. Р. Державин и его время. Сб. науч. статей. СПб., 2008. С. 5—56.

⁹⁶ См. о нем: Левин Ю. Д. Олешев А. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 382—383.

⁹⁷ Во втором издании этой книги, вышедшем под названием «Вождь к истинному благоразумию и к совершенному счастью человеческому...» (1780) текст посвящения был повторен с незначительными изменениями.

и домостроительстве для чего бы дней наших не проводить спокойно, а притом и по установленному от нас самим порядку <...>. Входим в сад, рассуждаем с садовником, делаем некоторые естественные примечания, усматриваем от собственных трудов наших не малую пользу...»⁹⁸ Другую свою книгу «Цветы любомудрия...» (1778), составленную по материалам швейцарского альманаха «Choix littéraire», Олешев предварил назидательным «Предисловием», которое открывалось словами: «Добродетельный читатель! Тебе посвящаю я сей малый труд...» В книге «Остров надежды. Иносказание для детского чтения» (1785), изданной иждивением Типографической компании, предисловие «К читателям» подписано: «Ваш друг переводчик».

Авторы ряда дедикаций непосредственно обращаются к читателям, в которых видят своих единомышленников, людей, имеющих сходные нравственные принципы, интересы и вкусы. А. Д. Байбаков (Аполлос),⁹⁹ сопровождавший многие свои сочинения посвящением «Богу, церкви, отечеству», в некоторых изданиях добавлял к этой формуле: «...и всем, чтущим веру, закон и добродетель» или «и всем благочестивым отечества сынам, чтущим веру, закон и добродетель».¹⁰⁰ Собранию своих «Слов», произнесенных в 1786 г., он дал заглавие: «Дар для благодетелей и друзей, состоящий в поучениях...» (СПб., 1786), придавая таким образом самому названию книги форму посвящения, адресованного целой группе лиц.

И. С. Рижский посвящает переведенную им книгу П. Мануцио «Краткое понятие о Сенате древних римлян» (1784) «Любителям римских древностей». П. З. Хомяков, автор книги «Похождение некоторого россиянина...» (1790), подчеркивает свое нежелание «приписывать» свой труд какому-то покровителю и обращается ко «всем читателям вообще, а особливо любителям долговременных путешествий». А. Г. Решетников¹⁰¹ посвящает свою книгу «Любопытный художник и ремесленник...» (1791) «Трудолюбивым моим соотечественникам». Упомянувшийся выше Н. П. Осипов обращается с пространном посвящением-предисловием к «Любезнейшим соотечественникам и согражданам, упражняющимся в земледелии

⁹⁸ Начертание благоденственной жизни... Перевел <...> Алексей Олешев. СПб., 1774. С. 7 нenum.

⁹⁹ О нем см.: Степанов В. П. Байбаков А. Д. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 48—52.

¹⁰⁰ См.: Аполлос [Байбаков А. Д.]. 1) Евгеонит, или Созерцание в натуре Божиих видимых дел... М., 1782. С. 3 нenum.; 2) Вера, надежда и любовь, учения богословского состав. М., 1782. С. 3 нenum.

¹⁰¹ О нем см.: Кукушкина Е. Д. 1) «Басни в стихах и прозе» в изданиях А. Г. Решетникова // От немногих. СПб., 2008. С. 128—148. [Подпись «Деревенский мечтатель»]; 2) Решетников А. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. С. 38—41.

и скотоводстве и получающим от того пищу свою и богатство».¹⁰² Восхваляя сельский труд и призывая земледельцев не завидовать городским жителям, автор как «друг человек» дает им множество практических советов. Вслед за Осиповым А. В. Рознотовский предваряет свой многотомный труд по сельскому хозяйству «Новое земледелие...» (1794—1800. Ч. 1—7) дедикацией: «Любезным моим соотчичам и всем достойным уважения земледельцам». Некий аноним посвящает свой перевод книги И. М. Бейера «Школа верховой езды...» (1795) «Милостивым государям, господам конным охотникам и заводчикам».

В. Богданов открывает свою книгу «Руководство к счастью и блаженству...» (1798) стихотворением, начинающимся строками:

Коль хочешь другом быть, читатель! сам собою.
Прими мой малой труд ты дружеской рукою.
Прими и познавай наклонности души,
Познай, и сим путем в храм счастья спеши...¹⁰³

Н. М. Карамзин сопровождает один из своих ранних переводов предисловием-посвящением «К читателю», из которого становится известно, что первая версия его перевода трагедии Г. Э. Лессинга «Эмилия Галотти», сделанная для постановки в театре, была раскритикована знающими людьми. Учтя их суждения и постаравшись при публикации в 1788 г. улучшить свой перевод, Карамзин писал: «Вам и посвящаю перевод мой — вам, умеющим ценить драматические сочинения и никогда не сравнивающим гишпанских фарсов с драмами Лессинга, — вам, видящим в первых одне острые шутки, а в последних произведения философа, проникшего взором своим в глубины сердца человеческого!»¹⁰⁴ Предисловие-посвящение ставилось, таким образом, способом для выражения эстетических воззрений переводчика.

Г. А. Хованский, хорошо знавший Карамзина и ориентированный на его творчество, использовал жанр дедикации, открывая свой сборник стихов «Мое праздное время...» (1793) «Письмом к друзьям моим»:

Я вам, друзья мои, труд слабый посвящаю,
Ни малой похвалы от вас не ожидаю.
Поутру пробудясь, когда вам дела нет,
Чесавши голову и делав туалет,

¹⁰² [Осипов Н. П.]. Карманная книга сельского и домашнего хозяйства.... СПб., 1791. С. III—XXXI.

¹⁰³ Богданов В. Руководство к счастью и блаженству. Наставление отца к сыну о познании Бога и самого себя. СПб., 1798. С. 3 нenum.

¹⁰⁴ Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях, сочиненная г. Лессингом. Перевод с немецкого [Н. М. Карамзина]. М., 1788. С. 3 нenum.

Стихотворения, пожалуйста, прочтите,
И, как угодно вам, за них меня браните,
Лишь только не в глаза, а, впрочем, нужды нет:
Кто пишет что-нибудь и выдает то в свет,
Тот критике себя, конечно, подвергает.
Там на берегу Невы уж Аристарх мигает.¹⁰⁵

К этой строке Хованский сделал примечание: «Издатели Санкт-петербургского Меркурия, кои обыкновенно пишут примечания свои на все вновь вышедшие сочинения». Далее, воспроизводя в шуточной форме свой возможный диалог с литературными противниками, поэт использует посвящение в откровенно полемических целях. Так, жанровые возможности дедикации существенно расширялись, соответственно менялась и общая тональность, приобретающая характер дружеской беседы, не лишенной подчас известной фамильярности.

Е. П. Хомяков,¹⁰⁶ посвящая свою книгу «Забавный рассказчик...» (1790) капитану Х. Н. Попову, писал:

«Стремясь давно уже с вожделенным желанием оказать вам, государю моему, несомненный знак моей к вам дружбы, вознамерился я ныне произвести оное в действо сими слышанными от рассказчика и собранными мною сказками, которые я вам как другу моему предлагаю, вы их можете хвалить или хулить по своему рассуждению, а я оным исполнил свое намерение, доказав вам, что я есмь ваш, государя моего, всегдашний друг и слуга Евграф Хомяков».¹⁰⁷

В дружеских посвящениях имена автора дедикации и адресата нередко скрывались за инициалами или вообще не назывались. Некий N. N. посвятил Платону Петровичу Бекетову¹⁰⁸ свой перевод с французского языка «истинной повести» Ж.-Ф. де Сен-Ламбера «Зимео, или Принужденное жестокосердие». Переводчик писал: «Главный предмет, побудивший меня приписать Вам сию книгу, есть тот, чтоб исполнить долг благодарного друга и подать Вам способ избежать на несколько минут скуки, которую нередко

¹⁰⁵ Мое праздное время, или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах князя Григория Хаванского. СПб., 1793. С. 1. Издавая через два года свой следующий сборник «Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах...» (М., 1795), поэт вновь включил это посвящение с небольшими изменениями в текст.

¹⁰⁶ О нем см.: *Веселова А. Ю.* Хомяков Е. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. С. 368—369.

¹⁰⁷ [*Хомяков Е. П.*]. *Забавный рассказчик, или Выдуманные небылицы*. М., 1790. Ч. 1. Сочинение одного молодого россиянина. С. 5—6 *вснум*.

¹⁰⁸ О нем см.: *Юонин Г. Н.* Бекетов П. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 76—77.

праздность на нас наводит».¹⁰⁹ К некоему «любезному другу» было обращено посвятельное письмо автора драмы «Друзья соперники» (1782), представлявшей собой переделку одноименной повести К.-Л.-М. де Саси, переведенной на русский язык в 1779 г. Посвящение было подписано: «Верный твой друг П... О...». Авторство драмы, по указанию В. С. Сопикова, приписывалось Павлу Петровичу Острогорскому (1764—1834). Эта атрибуция была поставлена под сомнение В. Д. Раком, выявившим архивные документы, согласно которым до 1783 г. Острогорский обучался в Харьковском коллегииуме, а пьеса, по указанию на титульном листе, была «сочинена в Санкт-Петербурге 1781 году».¹¹⁰ В тексте посвятельного письма автор упоминает о своих «смущенных обстоятельствах», о том, что его «праздное время» было занято работой над драмой. Он так объясняет недостатки своего произведения: «...но как я трудился для собственного упражнения в скучное время и как оный есть первый труд мой, который осмелился я предпринять и который не имел я терпения со вниманием в скучных своих обстоятельствах пересмотреть; то и уверен, что он далеко несовершен <...> но ты, любезный друг, коему посвящаю я первый плод, в том, конечно, меня извинишь, ты знаешь положение мое и для того не будешь столь строго судить недостатки слабого сего творения». Не исключено, что «смущенные» или «скучные обстоятельства» имеют все же отношение к биографии Острогорского, если предположить, что он еще до официального отчисления из Харьковского коллегииума ездил в Санкт-Петербургскую учительскую семинарию, куда он был принят в 1783 г. Обращаясь к «любезному другу», автор пространно рассуждал о пороках современного общества: «Ныне повсюду видим роскошь вместо здоровой умеренности, сластолюбие вместо вернейшей любви, лесть, гордость вместо познания самого себя и пристойности, не видно больше ни благотворительных сердец и ни истинной дружбы, а, напротив того, тщеславие, упрямство, обман нами владычествуют; душевные свойства удаляются, а вкравшиеся пороки в прежние веки закоренелыми остаются...»¹¹¹

Перевод книги Э. Бонот «Прогулки г. Франкли», осуществленный Е. В. Рознотовским и опубликованный им анонимно в 1782 г., был «приписан» «Почтеннейшему другу И... Р... Б...»¹¹² Текст этого

¹⁰⁹ [Сен-Ламбер Ж. Ф., де]. Зимео, или Принужденное жестокосердие. Истинная повесть. Перевод с французского языка. СПб., 1781. С. 3 нenum.

¹¹⁰ См.: Рак В. Д. Острогорский П. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 394—396.

¹¹¹ *Друзья соперники*. Драма в пяти действиях. Сочинена в Санктпетербурге 1781 году. СПб., 1782. С. III, VI.

¹¹² О Е. В. Рознотовском см.: Долгова С. Р. Рознотовский Е. В. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. СПб., 2010. С. 59—61. Принадлежность ему перевода подтверждает указание его фамилии во 2-м издании книги (СПб., 1787), в котором посвящение отсутствует.

посвящения представляет несомненный интерес как свидетельство многолетней дружбы — очень личный документ, характеризующий как автора, так и адресата, оставшегося нам неизвестным. «...Прими теперь, любезнейший мой брат! — обращался к другу переводчик, — сие к тебе приношение не яко плод некоего знания, которым бы суетно возмечтал я тщеславиться, но как искреннейшую к вам признательность; к вам, которого тридцатилетние сряду опыты дружества много облегчили трудностями исполненную жизнь пребывающего с истинным к вам почитанием покорнейшего слуги...»¹¹³

Характер посвящения нередко определялся содержанием книги. Сочинение некоего автора, скрывшегося за инициалами «М. Ц.», «Маловременные владетели, или Блестящая Масленица» (1785) было адресовано «почтенному приятелю». Этот своеобразный бурлеск, описывавший народные гулянья в Петербурге, предварялся полусутильной дедикацией. Автор, в частности, признавался: «Признаюсь Вам, что когда писал я, вменяя тут низкого состояния народа в масленичное время обхождении, был в веселом духе и, не могши воздержаться, принужден был во многих местах подвергать себя смеху, который часто затмевал почти мои мысли. Прими, почтенный приятель, сию новизну, которую посвящаю Вам от искреннего моего дружелюбия, и сочти по народной пословице: малое за велико...»¹¹⁴ Свою известную пьесу «Ямщики на подставе. Игрище невзначай» (1788) Н. А. Львов предварил стихотворным «Приношением его высокоблагородию С. М. М.» — С. М. Митрофанову,¹¹⁵ литератору и певцу, возглавлявшему русский хор. В соответствии с характером пьесы это приятельское «приношение» стилизовано под простонародную речь:

...Я от тебя не потаю,
По нотам мерного я не причастен вою,
Доволен песенкой простою,
Ямскою, хваткой, удаюю;
Я сам по русскому покрою
Между приятелей порою
С заливцем иногда пою.¹¹⁶

¹¹³ Прогулки г. Франкли. Изданное на аглинском языке сестрою его. С французского на российский язык перевел... [Е. В. Рознотовский]. СПб., 1782. Ч. 1. С. 4 нenum.

¹¹⁴ Маловременные владетели, или Блестящая масленица. СПб., 1785. С. V—VI. Посвящение в одной части тиража подписано «Усердный слуга ***», в другой части тиража указаны инициалы: «М. Ц.».

¹¹⁵ О нем см.: Степанов В. П. Митрофанов С. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 292—293.

¹¹⁶ [Львов Н. А.]. Ямщики на подставе. Игрище невзначай. Тамбов, 1788. С. 3 нenum. См. также: Львов Н. А. Избранные сочинения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1994. С. 253.

Хотя русские переводчики, как правило, не включали посвящения авторов оригинальных сочинений, но есть случай, когда трудно определить, автору или переводчику принадлежит обращение «Другу моему N*** Б***», предваряющее книгу под названием «К чему служит титул, когда сочинение само по себе хорошо» (1788). На титуле указано, что перевел книгу с французского Сергей Яцын,¹¹⁷ а в посвящении, которое не подписано, говорится: «Вот, друг мой, сокращение того романа, о котором ты меня просил; ты найдешь, может быть, много подробностей в других книгах, но не в этой, ибо я не хотел, чтоб ты платил излишние деньги почталioniу. <...> я ничего от себя не прибавлял, но писал самую истину...»¹¹⁸

Переводчик книги де Милли «Ощущении сердца» (1790) Александр Рожнов тоже не подписал своего имени под посвящением, адресованным «любезному другу Я. И. Л.». Эта дедикация была краткой, но несколько высокопарной: «Прими, любезный друг, от усердия моего сей слабый труд, который посвящаю тебе в знак чистейшего моего признания и дружбы. Сия есть жертва жертвующего...»¹¹⁹ Переводчик книги Ж.-К. Горжи «Блансай» (1797), скрывшийся за инициалами «С. К.», «приписал» свой труд некоему «любезнейшему другу». Текст этого посвящения отличается шуточной непринужденностью:

«...Руководствуем будучи твоею волею, решился хоть дурно, да перевесть. Готовься теперь со мною вместе краснеть, как станут ценить мой перевод и при всякой главе повторять: „Как жаль, что переводчик взялся за такое дело, которое сверх сил его, и изуродовал столь прекрасное сочинение!“ — усердное желание посвятить Блансай твоему имени заставило меня подвергнуть себя сим справедливым укоризнам. Прими сие, мой милый друг! за новое изъявление моей приверженности к тебе и будь уверен, что и в дурном переводчике имеешь ты навсегда хорошего и верного тебе друга».¹²⁰

В стихотворных дружеских посланиях-посвящениях заметна та же свобода разговорной интонации. Обращение к другу предполагает ожидание его реакции на «приписанное» ему сочинение,

¹¹⁷ О нем см.: Демин А. О. Яцын С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. С. 470—471.

¹¹⁸ К чему служит титул, когда сочинение само по себе хорошо. М., 1788. С. 3—4 нenum.

¹¹⁹ Ощущении сердца. Повесть, сочиненная девицею Милли, а с французского языка на российский переведенная. Издано А. Р. СПб., 1790. С. 3 нenum. В экземпляре, хранящемся в БАН, инициалы раскрыты: «Издано Александром Рожновым».

¹²⁰ Блансай. Роман г. Горжи <...>. Переведено в селе Комареве. М., 1797. С. 3—4 нenum.

поддержку или справедливую критику. Н. С. Ильинский¹²¹ сопроводил экземпляр (или экземпляры?) своей публикации стихотворения «Мысли о человеке» (1790-е гг.) посвящением, адресованным Михайле Алексеевичу Ладыженскому:

Прими, любезный друг! дар сердца откровенна,
Усердием к тебе и дружкой прилепленна;
Прими его и будь ты истинный судья,
Здесь нужен правый суд и нежна мысль твоя.
Я, зыблем суетой и горестью стесненный,
Писал те мысли, быв печалью угнетенный.
Ты можешь различить, что истина, что ложь,
И знаешь, что сей свет на правду не похож.
<...>

Прими труд слабого таланта моего,
Достойно что найдешь вниманья своего,
Ты счастье мое на случай сей составишь
И горести моей ты сим, мой друг, убавишь.¹²²

Посвящая книгу «Разные стихотворения, сочиненные во Пскове», изданную не ранее 1800 г., другому «любезному другу», имя которого скрыто за инициалами «В... С...», Ильинский писал о своих стихах: «Твое желание иметь их у себя побудило меня выдать их в сем образе и тем подало благовременный случай изъяснить, сколько тебе предан. Твой верноусердный друг Н... И...»¹²³

Некоторые авторы стремились придать своим дружеским посвящениям лирическую тональность, широко используя лексику, характерную для массовой литературы сентиментализма. Третьестепенный литератор Я. И. Романовский перевел анонимное сочинение «Жертва чувствительной души» (1799), посвятив труд «истинному, благодетельному, единственному другу, г. Семивскому».¹²⁴ Вспоминая свою юность, автор обращался к другу: «Под сению сея-то священная дружбы с тобою, в весну дней моих возвышались, возрастали и созревали мои чувства. Наступило лето — и се проливается сладость и удовольствие от созревших плодов ея! Сколь приятно сохранять мне как нечто священное все цветы, рассеянные тобою по трудной стези моей жизни и сколь вожделенно собирать для тебя те, какие могу найти сам! Тебе принадлежат все мои чувствования;

¹²¹ О нем см.: *Кочеткова Н. Д.* Ильинский Н. С. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 355—356.

¹²² [*Ильинский Н. С.*]. Мысли о человеке. Б. м. и б. г. С. 1 нenum. Экземпляр РНБ (шифр: 18.153.1.375). М. А. Ладыженский, возможно, брат литератора Николая Алексеевича Ладыженского.

¹²³ [*Ильинский Н. С.*]. Разные стихотворения, сочиненные во Пскове Н... И..., а напечатанные другом его В... С... Б. м., б. г. С. 2 нenum.

¹²⁴ Очевидно, Николаю Васильевичу Семивскому, ставшему в начале XIX в. иркутским вице-губернатором.

тебе посвящаю и труды мои в жертву чувствительной души моей. Сей залог, сие торжественное излияние сердца моего пред тобою да послужит вечным памятником дружбы нашей, дабы следы ея могли пережить нас самих. Р...».¹²⁵

Подобные экзальтированные признания оказываются все же единичными; обычно тональность дружеских посвящений более спокойная. В обращении чаще всего встречается формула «любезному другу», реже «любезнейшему другу» (посвящения Б. К. Бланка, П. И. Шаликова и др.). Некто, скрывший свое имя за инициалами И. М., посвятил свой перевод «почтеннейшему другу В... А... Л...» (возможно, В. А. Левшину).¹²⁶ В изданиях XVIII столетия появляются посвящения с формулой, получившей впоследствии широкое распространение: «в знак дружбы» или «в знак дружбы и почтения». Так, И. А. Двигубский (1771—1839), переводчик ряда сочинений по медицине, посвятил один из своих трудов «милостивому государю» Ефрему Осиповичу Мухину (1766—1850), по совету которого был осуществлен перевод «в знак дружбы и почтения».¹²⁷

Редкий случай представляет собой посвящение памяти друга. Так, анонимный автор посвятил «Духу друга моего» свое стихотворение «Смерть христианина», написанное под непосредственным впечатлением утраты и имеющее точное хронологическое обозначение: «1797. Августа 28».¹²⁸ Лишь тематически это стихотворение может быть соотнесено с прозаическим этюдом Н. М. Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона» (1795), написанным на смерть его друга А. А. Петрова. Стихи анонима, стремившегося утвердить победу праведника над смертью, назидательны и тяжеловесны.

Карамзин, учивший в предисловии ко второй книге альманаха «Аонида» (1797) избегать как «излишней высокопарности», так и «притворной слезливости», «находить в обыкновенных вещах пиитическую сторону», дал пример дружеского посвящения в отдельном издании «Писем русского путешественника» (1797—1801): «Семейству друзей моих ПЛЩВХ: к вам писанное вам же и посвящаю. Н. К.». За этими краткими строками крылось многое. Свое лучшее беллетристическое произведение Карамзин посвящал семье Плещеевых, с которой его связывала дружба на протяжении более двух десятилетий, — дружба, сыгравшая исключительно важную роль в его биографии и творчестве.

Дружеское посвящение, порожденное культом дружбы и противостоявшее официальной дедикации, при всех своих модификациях

¹²⁵ Жертва чувствительной души. Переведено в селе Грибанове. М., 1799. С. 3, 5—6 нenum.

¹²⁶ [Гейне Х. Л.]. Антония, дочь графа О... <...>. Перевел с французского И. М. Калуга, 1793. С. 3—4 нenum.

¹²⁷ Пихлер И. Ф. Наставление сочинять рецепты... М., 1796. С. 3 нenum.

¹²⁸ Единственный известный экземпляр этого издания хранится в РГБ (шифр: РК-4 / 96-М).

сохраняет в большинстве случаев особенности жанра: это паратекст, в большей или меньшей степени связанный с содержанием книги. В дружеских посвящениях присутствует и *topos modestiae*: стремление автора приуменьшить собственные литературные заслуги и обратить внимание адресата на свое усердие. Панегирический элемент часто присутствует в дружеских «приписаниях», так же как и выражение благодарности за помощь или за указание на избранную для перевода книгу.

Вместе с тем эти посвящения становятся менее регламентированными. Как эпистолярный жанр или стихотворное дружеское послание они предоставляют автору значительную свободу: тематический и стилистический диапазон расширяется: то, что было бы неуместно и даже просто невозможно в дедикации, адресованной официальному лицу, естественно проникает в дружеское посвящение. Здесь и философские рассуждения, и лирические воспоминания, и непринужденная шутка. Автор получает возможность больше и откровеннее сказать о себе и о тех отношениях, которые его связывают с адресатом. Внимание к человеку частному, к его личной судьбе — все это получает отражение в посвящениях нового типа.

В. И. СИМАНКОВ

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О ЖУРНАЛЕ
«ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ» (1782)

Quel spectacle se découvre
À mes timides regards?..¹

I

Журнал «Вечерняя заря» (1782), просуществовавший ровно один год, относится к наименее изученному разряду повременных изданий, выходивших в типографии Н. И. Новикова. На сегодняшний день имеются данные об источнике одного очерка («Каков должен быть человек с достоинствами?»),² а также четырех детских анекдотов («Странноприимствующий Аминт», «Благодеяние», «Ложь», «Упрямство»)³ Что же касается статей, открывающих каждую книжку журнала, то какие-либо сведения об их происхождении или отсутствуют вовсе, или существуют лишь в виде предположений. Между тем именно эти статьи и составляют основной предмет внимания многих литературоведов, историков и философов.

Несмотря на то что список лиц, принимавших участие в издании «Вечерней зари», в общих чертах известен, сказать наверное, кто из участников является переводчиком той или иной статьи, пока

¹ «Какое зрелище открывается моим робким взорам?..» — начальные строки оды «Страшный суд» (*Ode sur le Jugement Dernier*), автором которой считается французский священник-иезуит Луи Кампистрон (*Campistron*, 1660—1737). Вольное переложение этой оды, выполненное анонимным переводчиком, было напечатано в заключительном номере «Вечерней зари» (С. 309—312). Ср.: *Choix de poésies morales et chrétiennes, depuis Malherbe, jusqu'aux Poètes de nos jours*. Paris, 1739. Partie II. P. 284—288.

² *Рак В. Д.* Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 101. См. также: *Рак В. Д.* Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 192.

³ *Drews P.* Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland (1750—1850). München, 2007. S. 323 (N 1648), 207 (N 195).

не представляется возможным. Тем не менее список переводчиков, участвовавших в издании «Вечерней зари», а также атрибутируемых им переводов можно расширить. Как будет показано далее, к числу таких переводчиков следует отнести А. Т. Болотова и Н. И. Загоровского.

Ниже приводится роспись переводов, помещенных на страницах «Вечерней зари», для которых удалось установить подлинник, оригинал или источник.⁴ Каждый пункт сопровождается краткими пояснениями и комментариями.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

Encyclopédie — *Encyclopédie, ou Dictionnaire universel raisonné des connoissances humaines*. Mis en ordre par M. De Felice. Yverdon, 1770—1780.

Richter C. F. — *Richter C. F. Höchst-nöthige Erkenntniß des Menschen*. [S. I.], 1741.

Часть I

1. Рассуждение о бессмертии души (Генварь. С. 1—26).= [D. F.] *Immortalité de l'âme // Encyclopédie*. Т. XXIV (Jan—Inv). Yverdon, 1773. P. 282—289.

Автором статьи, подписанной инициалами D. F., является Фортунато Бартоломео Де Феличе (1723—1789), швейцарский ученый и книгоиздатель, смолоду покинувший родную Италию из-за своих антикатолических убеждений.⁵ Де Феличе занимает особое место в научно-общественной жизни Швейцарии второй половины XVIII в.: основав в Ивердоне собственную типографию, он выпустил в свет множество разного рода книг, включая «Наказ» российской императрицы Екатерины II.⁶ Главной же заслугой Де Феличе остается выпуск «Энциклопедии, или Всеобщего толкового словаря человеческих знаний» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire universel raisonné des connoissances humaines*). Ивердонская энциклопедия, состоящая из 42 томов (не считая 6 томов дополнений и 10 томов иллюстраций), была подготовлена в поразительно короткое время — всего за 10 лет.

⁴ «Подлинник», «оригинал» или «источник» понимаются нами в значении, сформулированном в работах В. Д. Рака (см., в частности: *Рак В. Д.* Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008. С. 74—75).

⁵ Подробнее о Де Феличе см.: *Maccabez E. F. B. de Félice, 1723—1789, et son Encyclopédie*. Bâle, 1903.

⁶ См.: *Плавинская Н. Ю.* «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60-х—начале 70-х гг. XVIII в.: переводы, цензура, отклики в прессе // *Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения*. М., 2001. С. 13—14.

За основу Ивердонской энциклопедии была взята французская «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера,⁷ однако материалы из последней заимствовались с осмотрительностью и в некоторых случаях подвергались редакторскому пересмотру.⁸

Как удалось установить, статья «Immortalité de l'âme» из 24-го тома Ивердонской энциклопедии не является оригинальным сочинением Де Феличе⁹ — ее основу составляют прямые извлечения из «Принципов естественного права» (1747) женецкого историка и правоведа Ж.-Ж. Бурламаки (1694—1748).¹⁰ Кроме того, Де Феличе использовал «Рассуждение о бытии и свойствах Божиих» (1705) английского священника Сэмюэла Кларка (1675—1729),¹¹ а также «Очерки естественной религии» (1722) английского философа Вильяма Волластона (1659—1724).¹² Впрочем, швейцарским издателем были использованы и другие, не установленные нами источники.

⁷ Непосредственно перед «Immortalité de l'âme» в Ивердонской энциклопедии была перепечатана статья «Immortalité» из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Автором статьи «Бессмертие» в Парижской энциклопедии был, как известно, Дидро. Русский перевод см. в кн.: Дидро Д. Собр. соч. Т. VII (Статьи из «Энциклопедии») / Пер. В. И. Пикова. М.; Л., 1939. С. 134—135.

⁸ Сравнительному изучению Ивердонской и Парижской энциклопедий посвящена обширная научная литература — см., в частности: Donato C. Inventory of the Encyclopédie d'Yverdon: a comparative study with Diderot's Encyclopédie. Ph. D. diss. UCLA, 1987.

⁹ В тексте подлинника были приведены ссылки на следующие труды, в которых, по мнению Де Феличе, подробно рассматривается вопрос о бессмертии души: Burlamaqui «Principes du Droit Nat.»; Maupertuis «Essai de Morale»; Clarke «L'existence de Dieu»; Leland «La nécessité de la Révélation». Как показала проверка, некоторые из указанных сочинений были использованы Де Феличе при составлении статьи «Immortalité de l'âme».

¹⁰ Principes du droit naturel. Par J. J. Burlamaqui. Genève, 1747. В 1766—1768 гг. Де Феличе переиздал «Принципы естественного права» Бурламаки, внося в оригинальный текст значительное количество заимствованных добавлений: Principes du Droit de la Nature et des Gens. Par J. J. Burlamaqui. Avec la suite du 'Droit de la Nature' qui n'avoit point encore paru. Le tout considérablement augmenté par Mr. le Professeur De Felice. Yverdon, 1766—1768. Мимоходом отметим, что при написании статьи «Immortalité de l'âme» Де Феличе, очевидно, вернулся к своему раннему труду и составил энциклопедическую статью на основе двух глав второго тома (ср.: Principes du Droit de la Nature et des Gens. Yverdon, 1766. Т. II. П. 385—391, 393, 397—399, 403, 409—413, 418—422, 427—430, 437, 474—477, 478—482). См. также примеч. 34.

¹¹ Traité de l'existence et des attributs de Dieu. Par M. Clarke. Traduits de l'Anglois par M. Ricotier. Nouvelle Edition, corrigée, augmentée sur la VI. Edition Angloise. [S. l.], 1744. Судя по всему, Де Феличе использовал указанный французский перевод; издание же, которым он пользовался, нами не установлено (до 1773 г. было по меньшей мере четыре тиснения: 1717, 1727—1728, 1744 и 1756 гг.).

¹² Ebauche de la religion naturelle. Par Mr. Wollaston. La Haye, 1756. Это, по видимому, второе издание французского перевода, хотя на титульном листе эти сведения не приводятся (первое издание вышло в Гааге в 1726 г.).

Остается нерешенным вопрос о происхождении первых шести абзацев статьи из Ивердонской энциклопедии. Прочая часть представляет собой следующий коллаж из упомянутых выше сочинений (номера абзацев приводятся по тексту подлинника):

Абз. № 7—8 («Et d'abord...») = *Burlamaqui*. *Principes du droit naturel*. Genève, 1747. P. 321—322 (Partie 2. Ch. XIII. § VII—VIII).

Абз. № 9 («Rien n'égalait...») = *Clarke*. *Traité de l'existence et des attributs de Dieu*. [S. l.], 1744. T. 2. P. 268—269.

Абз. № 10 («C'est sans doute...») = *Burlamaqui*. *Op. cit.* P. 324 (Partie 2. Ch. XIII. § X). = *Clarke*. *Op. cit.* P. 274.

Абз. № 11 («Mais après avoir...») = *Burlamaqui*. *Op. cit.* P. 326—327 (Partie 2. Ch. XIII. § XII).

Абз. № 12 («Ajoutons à cette consideration...») = *Wollaston*. *Ebauche de la religion naturelle*. La Haye, 1756. T. 3. P. 95—96.

Абз. № 13 («Il paroît...») = *Clarke*. *Op. cit.* P. 276—279.

Абз. № 14 («Mais après avoir...») = De Felice (логический переход).

Абз. № 15 («Nous avons fait...») = *Clarke*. *Op. cit.* P. 243—246.

Абз. № 16—18 («De plus, si Dieu...») = *Wollaston*. *Op. cit.* P. 57—61.

Абз. № 19—20 («Concluons donc...») = *Clarke*. *Op. cit.* P. 250—255.

Абз. № 21—27 («Mais pour mieux...») = *Burlamaqui*. *Op. cit.* P. 340—346 (Partie 2. Ch. XIV. § VIII—IX; XI—XII).

Абз. № 28 («De-là vient...») = *Burlamaqui*. *Op. cit.* P. 333 (Partie 2. Ch. XIII. § XVI).

♦ «Рассуждение о бессмертии души» из «Вечерней зари» перепечатывалось по меньшей мере дважды: в сборнике «Н. И. Новиков и его современники» (1961) и в хрестоматии «Русская философия второй половины XVIII века» (1990).

2. Философическое рассуждение о душе (Февраль. С. 81—110). = *Richter C. F. Von der Seele*. S. 42—76.

Перевод второй главы первой части «Наинужнейших познаний о человеке» (1709). Трактат этот принадлежит перу Х.-Ф. Рихтера (1676—1711), немецкого врача, богослова и автора духовных песнопений.¹³ Сочинитель «Наинужнейших познаний о человеке» изучал теологию и медицину в Галле, где и сделался одним из верных последователей А. Г. Франке. В конце XVII—начале XVIII в. Рихтер являлся деятельным участником пиетистского движения: состоял главным врачом сиротского дома (на содержание которого шли средства от продажи разработанной им «сладкой эссенции»), основал благотворительную лечебницу и проч. «Наинужнейшие познания

¹³ Подробнее о Х.-Ф. Рихтере см.: *Altmann E.* Christian Friedrich Richter (1676—1711): Arzt, Apotheker und Liederdichter des Halleschen Pietismus. Witten, 1972.

о человеке» Х.-Ф. Рихтера пользовались в Германии XVIII в. большой известностью и выдержали не менее 18 тиснений. Издание, по которому выполнен русский перевод, не установлено — при сверке перевода нами использовано издание 1741 года.

А. И. Незеленов, встретив в «Философическом рассуждении о душе» иностранную поговорку («я ем что мне вкусно, терплю что должен»), справедливо отнес его к сочинениям переводным.¹⁴

Четыре книги Х.-Ф. Рихтера, в том числе и «Наинужнейшие познания о человеке», находились в библиотеке Я. В. Брюса.¹⁵ Какни-либо сведения о других русских переводах из сочинений Х.-Ф. Рихтера разыскать не удалось.¹⁶

3. О начале и происхождении козаков Малороссийских, Запорожских, Слободских, Донских, и их переменах (Февраль. С. 124—143). = [Т. D. G.] *Cosaques // Encyclopédie*. Т. XI (Cong—Cot). Yverdon, 1772. P. 673—679.

Личность автора, укрывшегося за инициалами Т. D. G., не установлена.¹⁷ Примечательно, что анонимный переводчик «Вечерней зари» сообщил своему переводу название, отчасти совпадающее с названием трактата Г. Ф. Миллера.¹⁸

Что касается происхождения энциклопедической статьи «Cosaques», мы имеем следующее туманное указание, оставленное автором в начале второго абзаца: «Весьма нужно здесь знать, каким образом они (казаки. — В. С.) отделились от общежителства с своими предками. <...> Один ученый муж сделал на сие достойное любопытства примечание, которое славный Бишинг ввместил в свои сочинения, и которого содержание здесь сообщается». Можно предположить, что «один ученый муж» — это русский историограф Г. Ф. Миллер, чьи труды о происхождении казаков, опублико-

¹⁴ Незеленов А. [И.]. Николай Иванович Новиков, издатель журналов (1769—1785). СПб., 1875. С. 324—325.

¹⁵ Библиотека Я. В. Брюса: Каталог / Сост. Е. А. Савельева. Л., 1989. С. 229—231.

¹⁶ О восприятии пиетизма в России XVIII в. см. следующие работы: *Kochetkova N. D., Lehmann-Carli G. Aspekte der Pietismus-Rezeption bei den Moskauer Freimaurern (1780er Jahre). Funktionale Kontexte und typologische Analogien // Interdisziplinäre Pietismusforschungen (Halle'sche Forschungen, Bd. 17/2). Udo Sträter (Hg.). Halle, 2005. S. 717—726; Кочеткова Н. Д. Пиетизм и русское масонство // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Wittenberg, 2004 / Ed. R. Bartlett, G. Lehmann-Carli. Berlin, 2007. P. 229—236.*

¹⁷ За подписью «Т. D. G.» в Ивердонской энциклопедии помещено около двух десятков статей преимущественно историко-географического содержания («Athènes», «Autriche», «Espagne» и др.).

¹⁸ О начале и происхождении казаков // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. № 4. С. 291—344.

ванные на немецком языке,¹⁹ «вместил в свои сочинения» А. Ф. Бюшинг.²⁰

4. Рассуждение о соединении души с телом и о действии сего соединения (Март. С. 169—184). = *Richter C. F. Von der Vereinigung des Leibes und der Seele, und von dem Effect derselben*. S. 76—95.

Перевод третьей главы первой части «Наинужнейших познаний о человеке» Х.-Ф. Рихтера.

5. Философическое рассуждение о троице в человеке, или опыт доказательств, почерпнутого из разума и откровения, что человек состоит 1) из тела, 2) души и 3) духа (Апрель. С. 265—309). = *Weißmantel J. N. Vermischte Physikalische Beyträge. Erstes Stück: Die menschliche Dreyeinigkeit oder Versuch eines Beweises, daß der Mensch bestehe 1) aus Leib, 2) Seele und 3) Geist*. Leipzig, 1777.²¹

Сведений об авторе немецкого «Рассуждения» почти не сохранилось. Известно только, что эрфуртский врач Иоганн-Николаус Вейссмантель (настоящая фамилия — Шнейдер; 1735/36—1790)²² опубликовал несколько ученых трактатов, включая «Собрание естественнонаучных статей» (1777). Собрание это состоит из трех отделений: в первой части автор рассуждает о троичности человеческой природы, две остальные книжки посвящены рассмотрению ботанических вопросов, в частности разведению гвоздик.

В русском литературоведении существовало несколько версий об авторстве «Философического рассуждения о Троице в человеке...». Так, А. И. Незеленов в своей магистерской диссертации сделал предположение о переводном происхождении рассматриваемой ста-

¹⁹ Müller G. F. Von dem Ursprunge der Cosacken // Sammlung rußischer Geschichte. St. Petersburg, 1760. Bd. 4. St. V. S. 365—410.

²⁰ Вероятно, имеется в виду глава «Малороссия» (Klein-Rußland) из «Нового землеописания» А. Ф. Бюшинга, в которой содержится ссылка на труды Г. Ф. Миллера. См.: Büsching A. F. Neue Erdbeschreibung. Erster Theil. Sechste rechtmäßige Auflage. Hamburg, 1770. S. 788—815. Подробнее о влиянии работ Г. Ф. Миллера на немецких историков см. в исследовании: Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, 1988.

²¹ Немецкий трактат Вейссмантеля представляет собой большую книжную редкость (в крупнейших библиотеках мира этот трактат отсутствует). К сожалению, мы не нашли возможности просмотреть «Рассуждение о троице» de visu, а потому были вынуждены использовать косвенные данные — в частности, рецензию на «Vermischte Physikalische Beyträge», помещенную в январском номере «Немецкого меркурия» за 1778 г. (Der Teutsche Merkur. 1778. N 1. S. 79—81).

²² Даты жизни реконструируются по некрологу, помещенному в «Medicisch-chirurgische Zeitung» (1790. № 84 (21 Oct.). S. 96). Здесь, в частности, сообщается, что д-р И.-Н. Вейссмантель скончался 10 июля 1790 г. в Эрфурте в возрасте 54 лет.

ть.²³ Другой историк литературы, В. Н. Тукалевский, писал, что «не только по содержанию, но и по методу выражения, статья, очевидно, принадлежит перу самого Шварца».²⁴

♦ «Философическое рассуждение о Троице в человеке...» перепечатано с сокращениями в антологии «Русская религиозная антропология» (1997).

6. О посте (Апрель. С. 328—336). = *Jeûne* // *Encyclopédie*. Т. XXIV (Jan—Inv). Yverdon, 1773. P. 221—224.

Анонимная статья «*Jeûne*», помещенная в 24 томе Ивердонской энциклопедии, состоит из двух частей. Первая часть представляет собой перепечатку одноименной статьи из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, подписанной инициалами «D. J.» (этими инициалами обозначал свое авторство шевалье де Жокур (L. de Jaucourt, 1704—1779), основной участник парижской «Энциклопедии»). Вторая часть статьи, начинающаяся со слов «*Les Juifs n'avoient qu'un jeûne solemnel...*», в оригинале выделена звездочками — так в некоторых случаях обозначал свое авторство Де Феличе. Однако, как удалось установить, весь текст второй части заимствован Де Феличе из «Полного корпуса спекулятивного и практического богословия» (1734), автором которого является английский священник Томас Стэкхаус (1680?—1752).²⁵

Русский перевод, выполненный, по всей видимости, одним из питомцев Московского университета, содержит в себе ряд неточностей: так, например, вместо имени французского миссионера-иезуита Луи Леконта (1656—1729), автора знаменитых синологических «Записок» (*Mémoires du P. le Comte*), в русском переводе стоит «П. Граф» («Если мы коснемся азиатических народов, то найдем в записках П. Графа, что китайцы...»). Отметим здесь же, что «*Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Chine*» отца Луи Леконта пользовались в России XVIII в. некоторой известностью — отрывки из этого сочинения были между прочим помещены в журнале «Невинное упражнение» (1763).²⁶

²³ «...„Философическое рассуждение о Троице в человеке“ скорее — перевод, ибо в нем при слове *мегартическая* в скобках поставлено *megartische...*» (Незеленов А. [И.]). Николай Иванович Новиков, издатель журналов (1769—1785). С. 324.

²⁴ Массонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. Т. 1. С. 210.

²⁵ *Stackhouse T. Traité complet de théologie spéculative et pratique*. Lausanne, 1744. Partie 3. P. 387—389.

²⁶ *V. S. [Симанков В. И.]*. Из разысканий о журнале «Невинное упражнение» (1763) // Von Wenigen. От немногих. СПб., 2008. С. 154—155.

Часть II

7. Философическое рассуждение о рассудке (Май. С. 1—15). = *Richter C. F. Von der Vernunft und Motu voluntario oder äusserlichen freywilligen Bewegung*. S. 277—293.

Перевод одиннадцатой главы первой части «Наинужнейших познаний о человеке» Х.-Ф. Рихтера.

8. Рассуждение о блаженстве (Май. С. 15—51). = [D. F.] *Bonheur // Encyclopédie*. T. VI (Bon—Cak). Yverdon, 1771. P. 14—24.

Вопреки авторской подписи Де Феличе (D. F.), вся статья представляет собой заимствование из «Трактата о блаженстве разумных существ» И. Г. Зульцера (1720—1779). Впервые указанный трактат появился на французском языке в «Научных трудах Берлинской королевской академии наук и литературы» (1756),²⁷ а после того вышел также и на немецком языке (в несколько расширенном виде).²⁸ Как показал в своей статье современный швейцарский исследователь Алан Чернуски, составители Ивердонской энциклопедии очень часто использовали материалы из «Научных трудов Берлинской академии наук», и «Трактат о блаженстве» Зульцера является одним из многочисленных примеров заимствований такого рода.²⁹

9. Философическое рассуждение о человеческой воле вообще (Июнь. С. 83—116). = *Crusius C. A. Von dem Endzwecke der Thelematologie und dem menschlichen Willen überhaupt // Crusius C. A. Anweisung vernünftig zu leben*. Die dritte und vermehrte Auflage. Leipzig, 1767. S. 2—35.

Перевод первой главы первой части «Наставления о том, как жить разумно» (1744) немецкого философа и богослова Х.-А. Крузиуса (1715—1775). Издание, по которому выполнен русский перевод, не установлено — при сверке перевода нами использовано третье издание 1767 г.

Как известно, горячим почитателем философии Крузиуса был А. Т. Болотов. В той части своих записок, которые относятся к началу 1760-х гг., последний между прочим писал: «...купил я весь философический курс, или всю философию Крузианскую, и по книгам сим штудировал и дома, и занимался тем во все праздные часы

²⁷ *Sulzer J. G. Essai sur le bonheur des êtres intelligens // Histoire de l'Académie Royale des Sciences et Belles Lettres*. Année 1754. T. 10. Berlin, 1756. P. 399—417.

²⁸ *Sulzer J. G. Versuch über die Glückseligkeit verständiger Wesen // Sulzer J. G. Vermischte philosophische Schriften*. Leipzig, 1773. S. 323—347.

²⁹ Библиографию статей, заимствованных из «Научных трудов Берлинской академии наук» и включенных в Ивердонскую энциклопедию, см.: *Cernuschi A. L'Encyclopédie d'Yverdon (1770—1780). Notes sur une refonte et quelques-unes de ses procédures // Das achtzehnte Jahrhundert*. Wolfenbüttel, 1998. N 22/1. S. 112—113.

столько и с таким успехом, что сам г. Вейман не мог тому надивиться, что я так много и в короткое время узнал из сей глубокомысленной и высокой философии; но он не знал того, что я сколько учусь от него, а вдвое того студирую дома по книгам. Словом, прилежность моя так была велика, что я иные части оной и те, которые казались мне наиважнейшими, как-то, новую науку г. Крузия о воле человеческой или Телематологию, для лучшего понятия и незабвения выучил даже от слова до слова наизусть, а не удовольствуясь и тем, еще некоторую часть оной и перевел еще на свой природный язык...»³⁰ Принимая во внимание приведенное свидетельство, можно допустить, что перевод из Крузиуса, опубликованный на страницах журнала «Вечерняя заря», принадлежит именно А. Т. Болотову. Дополнительным основанием для подобного допущения является и тот факт, что в начале 1780-х гг. А. Т. Болотов имел довольно тесные сношения с Н. И. Новиковым; в частности, сообщал последнему свои давние переводы, выполненные еще в пору своего проживания в Кенигсберге. См. ниже сведения о переводе А. Т. Болотова в «Московском ежемесячном издании» (1781).

10. Рассуждение о благодати Божией, выведенное из рассуждения о доброте человеческой (Июнь. С. 116—131). = [G. M.] Bonté; [C. C.] Bonté de Dieu // *Encyclopédie*. Т. VI (Bon—Cak). Yverdon, 1771. P. 39—43.

Перевод двух следующих друг за другом статей из Ивердонской энциклопедии. Авторами статей являются два швейцарских пастора: Габриэль-Жан-Анри Мингард (Gabriel-Jean-Henri Mingard, 1729—1786) и Сезар-Александр Шаванн (César-Alexandre Chavannes, 1731—1800).

11. Философическое рассуждение о совести вообще (Июль. С. 163—194). = [G. M.] Conscience // *Encyclopédie*. Т. XI (Cong—Cot). Yverdon, 1772. P. 85—94.

Автор энциклопедической статьи — пастор Г. Мингард, один из основателей «Лозаннского ученого общества» и составитель почти четырех сотен статей для Ивердонской энциклопедии.³¹ Габриэль Мингард известен еще и тем, что перевел на французский язык две книги итальянского философа и экономиста Пьетро Верри (1728—1797): «Pensées sur le bonheur» (Yverdon, 1766) и «Réflexions sur l'économie politique» (Lausanne, 1773). Как установил В. Д. Рак,³²

³⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871. Т. II. Стлб. 56—57.

³¹ Подробнее о Г. Мингарде см.: Hofmann E. Le pasteur Gabriel Mingard, collaborateur de l'Encyclopédie d'Yverdon // Le goût de l'histoire, des idées et des hommes. Vevey, 1996. P. 77—106.

³² Рак В. Д. Библиографические заметки о переводных книгах XVIII века // Труды Гос. 6-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1969. Т. 11. С. 151.

ивердонское издание «Pensées sur le bonheur» было переведено на русский язык в 1788 г.³³

♦ Перепечатано в сб.: «Н. И. Новиков и его современники» (1961).

12. Рассуждение о познании самого себя (Август. С. 241—251). = [D. F.] Connoissance de soi-même // *Encyclopédie*. Т. XI (Cong—Cot). Yverdon, 1772. P. 67—70.

Автором статьи указан Де Феличе, однако авторство его носит условный характер — текст статьи представляет собой почти дословное извлечение из трактата С. Пуфендорфа «De jure naturæ et gentium» (1672; рус. пер. 1726).³⁴ Фрагмент из Пуфендорфа о познании самого себя был также включен Де Феличе в расширенное издание «Принципов естественного права» Ж.-Ж. Бурламаки.³⁵

♦ Перепечатано в сб.: «Масонство и русская культура» (1998).

13. Разговор между Александром и Диогеном о равенстве благ (Август. С. 252—264). = Lambert A. T. de. Dialogue entre Alexandre et Diogène sur l'Égalité des Biens // Œuvres de madame la marquise de Lambert. Seconde Ed. Lausanne, 1748. P. 248—260.

Сочинения маркизы де Ламбер (1647—1733) многократно переиздавались на французском языке. Издание, по которому выполнен русский перевод, не установлено — при сверке перевода нами использовано лозаннское издание 1748 г.

Русские переводы из нравоучительных сочинений маркизы де Ламбер появились по меньшей мере уже в 1735 г.: впоследствии переводы ее наставлений, писем, повестей и проч. нередко печатались на страницах различных повременных изданий и выходили отдельными книжками. Говоря о содержательной преемственности новиковских журналов, следует вспомнить о том, что в «Московском ежемесячном издании» (1781) уже был опубликован перевод из сочинений г-жи де Ламбер — это «Рассуждение о дружбе», неоднократно переведившееся на русский язык (так, например, известное «Рассуждение о дружестве» (1792) И. А. Крылова, до сих пор считавшееся оригинальным, есть также заимствование из указанного трактата³⁶).

³³ Мнения о благополучии. Перевел с французского языка Петр Приклонской. М.: Тип. Комп. типогр., 1788.

³⁴ Де Феличе использовал не латинский оригинал, а многократно издававшийся французский перевод Ж. Барбейрака. Ср.: Le Droit de la Nature et des Gens. Par le Baron de Pufendorf. Traduit du Latin par Jean Barbeyrac. Avec des Notes du Traducteur. Cinquième Edition, revuë de nouveau, & fort augmentée. Amsterdam, 1734. Т. I. P. 263—268 (Liv. II. Chap. IV. § V.—VIII).

³⁵ Principes du Droit de la Nature et des Gens. Par J. J. Burlamaqui. Avec la suite du 'Droit de la Nature' qui n'avoit point encore paru. Le tout considérablement augmenté par Mr. le Professeur De Felice. Т. III. Yverdon, 1767. P. 97—108.

³⁶ Издание, которым пользовался И. А. Крылов при переводе выбранных мест из «Рассуждения о дружестве» маркизы де Ламбер, не установлено (между

14. **Рассуждение о бытии Бога, выведенное из рассматривания природы** (Сентябрь. С. 1—18). = [*Jerusalem J. F. W.*]. Erste Betrachtung: Wichtigkeit der Untersuchung, ob ein Gott sey // Betrachtungen über die vornehmsten Wahrheiten der Religion. Dritte Auflage. Braunschweig, 1770. [Th. I]. S. 1—15.

Существовало мнение, что «Рассуждение о бытии Бога» принадлежит Дж. Локку. На самом деле это перевод из «Размышлений о важнейших истинах религии» (1768—1779) И.-Ф.-В. Иерузалема (1709—1789), лютеранского проповедника и воспитателя наследного принца Брауншвейгского и Люнебургского.³⁷ «Размышления» Иерузалема, за короткий срок выдержавшие множество переизданий в Германии,³⁸ тотчас переведенные на французский язык,³⁹ пользовались, судя по всему, большой известностью и в России. Примечательно, что с Иерузалемом, «гордостью немецкой учености», лично встречался И. Г. Шварц во время своего путешествия в Брауншвейг в октябре 1781 г.⁴⁰

Косвенный хвалебный отзыв о «Размышлениях» Иерузалема находим у Н. М. Карамзина. Пересказывая в «Письмах русского путешественника» эстетическую лекцию доктора Платнера, Карамзин писал следующее: «Сей же дух ревности оживляет и отличает сочинения великих Гениев. Естели бы можно было извлечь его, наприм. из Мендельзоновых Философических Писем или Иерузалемовой книги о Религии, то в первых осталось бы одно схоластическое мудрование, а во второй обыкновенные догматы Теологии: но, одушевляемая сим огнем, возвышают оне душу читателя».⁴¹ В 1818 г., когда в Санкт-Петербургской Морской типографии печаталось полное издание иерузалемовых «Размышлений» в переводе Т. С. Крылова (1779—1846), бывшего учителя Орловской семинарии,⁴² эти слова

русским переводом и текстом оригинала существуют значительные расхождения). Сличение перевода с оригиналом производилась нами по уже упомянутому лозанскому изданию: *Lambert A. T., de. Traité de l'amitié*. P. 119—120, 123—127, 129—134, 139—141.

³⁷ Подробнее об И.-Ф.-В. Иерузалеме см. в кн.: *Размышления о важнейших истинах религии. Превосходнейшее творение знаменитейшего Иерузалема*. Переведено с нем. Т. Крыловым. СПб., 1818. Т. IV. С. I—XXIV.

³⁸ Из-за недоступности первого (1768) и второго (1769) издания первой части «Размышлений» сверка русского перевода с оригиналом осуществлялась нами по третьему изданию 1770 г.

³⁹ В 1770 г. в Ивердоне вышел перевод первой части «Размышлений» Иерузалема: *Discours philosophiques sur les principes fondamentaux de la religion. Traduits de l'Allemand, de M. Jerusalem. Yverdon, 1770. 4 vol.*

⁴⁰ Записка И. Г. Шварца об отношениях к нему И. И. Меллисино // *Летописи русской литературы и древности*. М., 1863. Т. 5. Отд. II. С. 100.

⁴¹ См.: *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 64.

⁴² Подробнее о Т. С. Крылове см.: *Русский биографический словарь*. Т. Кнаппе—Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 500—501.

Карамзина оказались весьма кстати и были использованы в рекламных целях.⁴³ «Размышления» Иерусалема в переводе Т. Крылова выдержали, по меньшей мере, три издания (Ч. 1. М., 1806; Изд. 2-е, 5 ч. СПб., 1817—1819; Изд. 3-е, 6 ч. СПб., 1831—1834) и впоследствии попали в «Алфавитный каталог книг на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатанию в России».

О «священных чувствованиях», пробуждаемых сочинениями Иерусалема, есть примечательные слова и в поэме С. Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец».⁴⁴ Говоря же о восприятии проповедей Иерусалема в России, прежде всего следует назвать «Безумие идущих против воли Божией и не верующих Его Провидению». Эта речь немецкого богослова появилась в «Московском ежемесечном издании» (1781) в переводе А. Т. Болотова.⁴⁵ В своих воспоминаниях последний пишет: «...переписав одну, еще в бытность мою в Кёнигсберге переведенную немецкую проповедь из сочинений славного немецкого проповедника Иерусалема, „О безумии идущих против Бога и неверующих его Провидению“, отправил ее к г. Новикову для напечатания, где он поместить ее заглагорассудит».⁴⁶

15. Рассуждение об основаниях и утверждении распространной пророком Моисеем чистой во единого Бога веры и истинного богослужения (Октябрь. С. 85—113). = [*Jerusalem J. F. W.*]. Zweyter Abschnitt: Mosis Lehre von Gott // Betrachtungen über die vornehmsten Wahrheiten der Religion. Braunschweig, 1779. Th. 2. Bd. 2. S. 533—556.

В первом абзаце немецкий оригинал несколько расходится с русским переводом.

16. Рассуждение о том, что может ли чрезвычайное Божеское в вере (религии) наставление или откровение согласоваться с премудростию Божиею (Ноябрь. С. 169—225; Декабрь. С. 255—306). = [*Jerusalem J. F. W.*] Erste Betrachtung: Ob überhaupt ein außerordentlicher göttlicher Unterricht von der Religion oder eine Offenbarung mit der Weisheit Gottes bestehen könne // Fortgesetzte Betrachtungen

⁴³ См.: *Оглезнева Г. В.* Духовная литература в Восточной Сибири в конце XVIII—первой половине XIX в. // Вестник Омского ун-та. 1998. Вып. 4. С. 67.

⁴⁴ *Бобров С.* Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец. СПб., 1809. Ч. II. Кн. 3—4. С. 342.

⁴⁵ По-видимому, перевод проповеди «Die Thorheit der Menschen, die ihre sündlichen Absichten gegen den Willen Gottes behaupten wollen» из многократно пересздававшегося собрания иерусалемовых речей «Sammlung einiger Predigten» (впервые — Braunschweig, 1745).

⁴⁶ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанный самим им для своих потомков. СПб., 1872. Т. III. Стлб. 952.

über die vornehmsten Wahrheiten der Religion. Braunschweig, 1772. [Th. 2. Bd. 1. St. 1]. S. 1—86.

Остается неустановленным происхождение двух заключительных предложений русского перевода.

II

Итак, происхождение почти всех философских, богословских, исторических и психологических статей, образующих основу «Вечерней зари», можно считать установленным. Загадкой по-прежнему остается источник «Рассуждения о истинном человеческом благе» в переводе Л. Я. Давыдовского,⁴⁷ а также статей, касающихся таинственного египетского богословия.

В «Вечерней заре» печатались не только философские трактаты и статьи, но и многочисленные переводы дидактических повестей и рассказов. Так, например, в январском номере журнала было напечатано девять нравоучительных историй,⁴⁸ имеющих, судя по всему, общий немецкий источник;⁴⁹ в апрельском номере — краткая повесть «Великодушный разнощик», восходящая к «подлинному анекдоту» из французского журнала «Mercure de France»;⁵⁰ в майском номере — восточная повесть «Моацим, или Утешенный отец», происхождение которой до сих пор не установлено;⁵¹ и наконец,

⁴⁷ Некоторые исследователи называют «Рассуждение о истинном человеческом благе» сочинением оригинальным, однако вернее предположить, что и «Рассуждение» Л. Я. Давыдовского есть перевод.

⁴⁸ Нравоучительные истории (Ч. I. С. 31—57): 1. Благотворительный дворянин; 2. Нежные друзья; 3. Великодушный брат; 4. Некорыстолюбивый и правосудный кадий; 5. Рассудительный отрок; 6. Прошающий Дион; 7. Верный сын; 8. Нежный сын; 9. Награжденная сыновняя любовь.

⁴⁹ Предполагаемый источник: *Sammlung vorzüglich schöner Handlungen zur Bildung des Herzens in der Jugend*. Altenburg, 1779. В состав этого анонимно изданного сборника входят между прочим следующие рассказы: 1. Der wohlthätige Edelmann; 2. Die zärtlichen Freunde; 3. Der großmüthige Bruder; 4. Der uneigennützig und gerechte Cady; 5. Der entschloßne Knabe; 6. Der verzeyhende Dion; 7. Der treue Sohn; 8. Der zärtliche Sohn; 9. Die belohnte kindliche Liebe. Из указанного сборника были, по-видимому, переведены и две краткие истории, напечатанные в февральской книжке «Вечерней зари» (Ч. I. С. 143—157): «Великодушие и благодарность» (Der mitleidige Genueser und dankbare Türke) и «Великодушие и неблагодарность» (Großmuth und Undank). Считается, что автором немецкого компилятивного сборника является пастор Johann Friedrich Käuffer (1733—1816).

⁵⁰ *Le Colporteur Généreux. Anecdote véritable*. Par M. Jaymebon // *Mercure de France*. 1777. Janvier. P. 19—25. Русский перевод был, вероятно, выполнен по неустановленному немецкому переводу-посреднику.

⁵¹ Предположительно перевод повести «Moazim ou le Père Consolé» из первой части Женевско-копенгагенского журнала «Amusemens périodiques» (1761). К сожалению, мы не смогли проверить указанное издание de visu.

в июльском номере — два восточных анекдота,⁵² переведенных Вас. Галенкиным с неизвестного немецкого источника.⁵³

В мартовской книжке был опубликован исторический анекдот «Люция и Мелания, или Две великодушные сестры», являющийся переводом новеллы французского писателя Бакуляра д'Арно (1718—1805)⁵⁴ — переводчиком же этой новеллы был, по-видимому, студент Авраам Оболенский: в 1782 г. иждивением Н. Новикова и Компании было напечатано отдельное издание этого анекдота (сопоставительный анализ двух переводов нами не проводился).⁵⁵

В «Вечерней заре» мы находим немало и других анекдотов, порой фривольного содержания. Так, «Ученые анекдоты», помещенные в январском и февральском номерах, являются заимствованием из «Ученых анекдотов»⁵⁶ аббата Рейналя (1713—1796). Основой же «Китайских анекдотов» в октябрьском и ноябрьском номерах послужили «Китайские, японские, сиамские, тонквинские и прочие анекдоты»,⁵⁷ собранные французским журналистом и философом Ж. Кастильоном (1718—1799).

⁵² Восточные анекдоты (Ч. II. С. 216—222): 1. Три друга; 2. Ревностный читатель Алкорана.

⁵³ В английском журнале «The Gentleman's Magazine» за 1766 г. было опубликовано три восточных анекдота, переведенные с французского языка: *Oriental Fables [from the French]: Fable I (The fatal effects of gold); Fable II (Of ostentatious devotion); Fable 3 (Of unreasonable wishes) // The Gentleman's Magazine. 1766. Dec. P. 558—560.* Два первых анекдота чрезвычайно близки к русскому переводу В. Галенкина, однако они, разумеется, не могут рассматриваться в качестве источника. Эти сведения мы приводим исключительно для восстановления полноты трансформационного ряда.

⁵⁴ *Lucie et Mélanie, ou les deux soeurs généreuses. Anecdote historique. Par M. d'Arnaud. Paris, 1767.* (Новелла эта выдержала несколько переизданий).

⁵⁵ Люция и Мелания, или Две великодушные сестры. Краткая повесть из сочинений г. Арнода. Перевел с французского Императорского Московского университета студент Авраам Оболенский. М., 1782. Следует отметить, что перевод указанной повести Арно был опубликован и в третьей части «Городской и деревенской библиотеки» (1782).

⁵⁶ Январские «Ученые анекдоты» (Ч. I. С. 68—72): 1. «Некогда Сантиол вошел в то место, где исповедуются...»; 2. «Доминик, италиянская комедии славный арликин...»; 3. «Я не могу терпеть, говорила госпожа де Севинье...»; 4. «Менаж будучи вопрошен...»): *Anecdotes littéraires. Paris, 1750. T. 2. P. 148, 144—146, 136—137, 74—75.* Февральские «Анекдоты» (Ч. I. С. 157—162): 1. «Шапель ужинал в один вечер...»; 2. «Никогда не видано человека столько легковороного...»; 3. «Шапель возвращаясь от Молиера...»): *Anecdotes littéraires. Paris, 1750. T. 2. P. 24—25, 113—114, 21—24.* Во Франции «Ученые анекдоты» аббата Рейналя издавались по меньшей мере трижды (1750, 1752, 1756) — сведениями о непосредственном источнике русского перевода мы не располагаем.

⁵⁷ Октябрьские «Китайские анекдоты» (Ч. III. С. 155—160): 1. Согласно семейство; 2. Конфуций, или краткое наставление для начальствующих; 3. Два жреца; 4. Полезный для государства смертный приговор): *Anecdotes chinoises, japonaises, siamoises, tonquinoises, etc. Paris, 1774. P. 175—176, 177, 193.*

Сверх того следует сказать и о трех повестях, касающихся Аристиды: «Аристид на Марафонском сражении, или Истинный патриот» (Июнь. С. 133—152), «Аристид, рассуждающий о политических делах» (Июль. С. 196—216) и «Аристид, изгоняемый из отечества» (Август. С. 265—280). Некоторые исследователи выдвигали предположение о скрытом авторстве Н. И. Новикова, между тем все три повести, анонимно помещенные в «Вечерней заре», были взяты из книги, принадлежащей перу швейцарского аббата Дюваля-Пиро (1737—1800).⁵⁸ Переводчиком первых трех глав ивердонского «Аристиды» был Николай Загоровский — в 1785 г. в типографии И. Лопухина сочинение швейцарского аббата вышло отдельным изданием с указанием имени и фамилии переводчика.⁵⁹ Источник отдельного издания впервые установил В. Д. Рак в 1969 г.⁶⁰ Мимоходом отметим, что среди современников переводы Н. Загоровского встречали почти одни только нелестные отзывы: см., например, книжную запись Петра Софронова,⁶¹ а также издательское примечание в «Прибавлении к Московским ведомостям» за 1784 г.⁶²

* * *

Сочинения, представленные в «Вечерней заре», найдут свое продолжение в последующих изданиях Н. И. Новикова, в частности в «Покоящемся трудолюбце» (1784—1785): здесь мы снова встретим проповеди Жака Сорена⁶³ («Рассуждение о беспорядках, произво-

215—216. Ноябрьские «Китайские анекдоты» (Ч. III. С. 233—242: 1. Сострадательное дитя; 2. Нежные братья; 3. Награжденное дружество; 4. Благородное ревнование; 5. Достойный Государя министр): *Anecdotes chinoises, japonoises, siamoises, tonquinoises, etc.* Paris, 1774. P. 173—174, 176—177, 225—227, 237—238. Названия анекдотов, присутствующие в русском переводе, во французском оригинале отсутствуют — отсюда можно заключить, что русский перевод был выполнен с неизвестного источника (вероятнее всего, с немецкого перевода-посредника, судя по некоторым лексическим особенностям русского текста).

⁵⁸ *Agistide*. Par M. l'Abbè Duval-Pyrau. Yverdon, 1777.

⁵⁹ Аристид, или Истинный патриот. Перевел с французского на российский язык Николай Загоровской. М.: Изданием Типографической компании. Тип. И. Лопухина, 1785.

⁶⁰ Рак В. Д. Библиографические заметки о переводных книгах XVIII века. С. 146.

⁶¹ Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 164 (примеч. 32).

⁶² Симанков В. И. Из разысканий о журнале «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784). Харьков, 2010. С. 122.

⁶³ В октябрьском номере «Вечерней зари» (Ч. III. С. 113—151) было помещено «Слово о вольнодумцах и неверующих» (*Sermon sur les libertins et les incrédules*) протестантского проповедника Жака Сорена (1677—1730) в переводе Троицкого Колязинского монастыря архимандрита Феоктиста (1729—

димых страстями в человеке, и о средствах, какия в таких случаях употреблять должно»), фрагменты из сочинений Ж.-Ж. Руссо⁶⁴ («О Евангелии»; «Самоубийство») и главы из «Опыта о человеческом разумении» Дж. Локка⁶⁵ («О энтузиазме»; «О причине заблуждений, или смешении понятий»), а также откроем для себя другие, порой неожиданные переводы, рассмотрению которых мы и намерены посвятить свою следующую заметку.

1818). Сведения об авторе оригинала и переводчике указаны в примечании издателя.

⁶⁴ В февральском номере «Вечерней зари» (Ч. I. С. 113—121) был опубликован очерк «О поединках», представляющий собой перевод рассуждения Руссо «Du Duel». Это рассуждение, взятое, по-видимому, из сборника «Esprit, maximes, et principes de M. Jean-Jaques Rousseau, de Genève» (Neuchâtel, 1764. P. 253—260), является вариацией Письма LVII из первой части романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

⁶⁵ В сентябрьском номере «Вечерней зари» (Ч. III. С. 18—42) в переводе Михайлы Антонского было напечатано рассуждение Локка «О познании Божия бытия», взятое из «Опыта о человеческом разумении» (Lib. IV, Cap. X). В декабрьском же номере (Ч. III. С. 313—319) было напечатано еще одно рассуждение Локка «О понятиях и источнике оных», почерпнутое из того же трактата (Lib. II, Cap. I) и принадлежащее, вероятно, тому же переводчику. Следует заметить, что в своем жизнеописании М. А. Антоновский называл себя «издателем» «Вечерней Зари» (см.: *Бабкин Д. С. А. Н. Радишев. Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966. С. 169*), между тем некоторые исследователи полагают, что главным редактором или издателем «Вечерней зари» был И. Г. Шварц. Добавим также, что М. А. Антоновский был издателем и другого журнала, во многом похожего на «Вечернюю зарю», — мы имеем в виду журнал «Беседующий гражданин», который по обилию помещенных в нем «рассуждений» может в определенной степени считаться преемником «Вечерней зари». На страницах «Беседующего гражданина» были помещены, в частности, следующие «рассуждения»: «Рассуждение о пользе наук и художеств в государстве» прусского короля Фридриха II, четыре рассуждения аббата Милло («Рассуждение о том, сколько здоровое суждение (Критика) способствует природным дарованиям, и сколько осмеивание (Сатира) вредит оным»), «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия», «Рассуждение о предрассудках противу правоверия» и «Рассуждение на слово: несть мира нечестивым»), переведенные, по-видимому, по следующему изданию: *Discours académiques sur divers sujets. Par M. l'Abbé Millot. Lyon, 1760. P. 201—236, 40—77, 287—377, 135—164*; «Рассуждение о человеке и его способностях», полностью построенное на выдержках из «Философической и политической истории» аббата Рейналя (один из возможных источников: *Esprit et génie de M. l'abbé Reynal: tiré de ses ouvrages. Genève, 1782. P. 1—13*; автор компиляции — J.-B.-A. Hédouin (1749—1802), французский премонстрант); и наконец, два рассуждения («Рассуждение о труде и праздности» и «Рассуждение о роскоши»), почерпнутые из книги «Du gouvernement des mœurs» (Lausanne, 1784. P. 185—193, 243—258) лозаннского градоначальника Полье де Сен-Жермена (Polier de Saint-Germain, 1705—1797).

Принято считать, что «Вечерняя заря» является журналом масонской ориентации, однако многие историки литературы, разделяющие это мнение, не приводят каких-либо доводов в его поддержку или по меньшей мере ограничиваются сообщением о том, что издатели «Вечерней зари» состояли в масонских ложах. Между тем еще А. И. Незеленов писал: «масонство выразилось в Веч. Заре в „Предупреждении“ к журналу (что, к сожалению, набрасывает тень масонства на все издание) и в статьях, оканчивающих каждый номер его и носящих общее название „Египетской Богословии“ или „Египетского учения“».⁶⁶ Итак, с одной стороны, кажется естественным задать вопрос, что может быть масонского в сочинениях Рихтера или Жака Сорена, живших в домасонскую эпоху, или в размышлениях Иерусалема, или в статьях Ивердонской энциклопедии.⁶⁷ С другой стороны, кажется не менее естественным поставить вопрос, отчего русским масонам был идеологически близок протестантизм в самом расширенном смысле этого слова, включающего в себя и пиетизм, и лютеранство, и кальвинизм, и проч.; почему импорт протестантизма в Россию шел преимущественно через русские масонские круги; в чем причина столь тесного союза.⁶⁸ Мы, разумеется, не берем

⁶⁶ Незеленов А. [И.]. Николай Иванович Новиков, издатель журналов (1769—1785). СПб., 1875. С. 318—319.

⁶⁷ «Масонской литературой» часто называют любые произведения, печатавшиеся в «масонских» изданиях или входившие в поле зрения вольных каменщиков. Однако подобное понимание, на наш взгляд, является излишне широким и во многом ошибочным. Масонскими сочинениями следует называть те сочинения, которые были созданы масонами. Возьмем в качестве примера четыре произведения, происхождение которых до сих пор оставалось загадкой. Так, две речи, помещенные в октябрьском номере «Московского ежемесячного издания» («О щедрости» и «О любви братской»), являются наглядным образцом масонской литературы — это перевод двух речей из «Духа масонства» У. Хатчинсона (русский перевод был, вероятно, выполнен по следующему изданию: *Der Geist der Maurerey. Von Wilhelm Hutchinson, Meister der Barnardcastle Loge Konkordia. Aus dem Englischen übersetzt. Berlin, 1780. S. 160—169, 170—176.* Отдельное издание русского перевода: *Дух масонства. [М., 1784]*). Между тем два письма, помещенные в августовском номере «Московского ежемесячного издания» («О льстецах и о всех людях вообще» и «О государях»), являются переводом двух писем маркиза д'Аржанса (*Lettre première, Sur les courtisans & les hommes en général; Lettre seconde, Sur les souverains // Lettres morales et critiques sur les différens états, et les diverses occupations des hommes / Par Mr. Le Marquis d'Argens. Amsterdam, 1737. P. 1—29* (были переиздания)). Нравственно-критические письма маркиза д'Аржанса, который, насколько нам известно, масоном никогда не был (во всяком случае, в 1737 г.), нельзя отнести к масонской литературе, хотя эти письма и привлекли внимание редакторов «Московского ежемесячного издания».

⁶⁸ Разумеется, не только русские масоны, но и представители православного духовенства переводили сочинения немецких, французских или английских

ответить вполне на поставленные вопросы в пределах краткой заметки.⁶⁹ К тому же вопросы эти уже отчасти освещены в работах русских и зарубежных историков, исследующих взаимосвязи европейского масонства и протестантизма.

Материалы, помещенные на страницах «Вечерней зари», позволяют поставить вопросы и другого рода: откуда берет свое начало столь пристальный интерес издателей «Вечерней зари» к ивердонской литературе? были ли между русскими и швейцарскими издателями какие-либо контакты? сколь обширным было влияние Ивердонской энциклопедии на русское общество и т. д.⁷⁰ Примечателен в данном отношении тот факт, что в написании отдельных статей для Ивердонской энциклопедии участвовал и русский ученый — конференц-секретарь Петербургской Академии наук Иоганн Альбрехт Эйлер (1734—1800).⁷¹ Сын Леонарда Эйлера состоял

протестантов. По словам митрополита Калужского и Боровского Климента, в России в конце XVIII—начале XIX в. «святоотеческие книги были редкостью, и религиозная литература в основном была представлена книгами западных христианских авторов» (Богословско-исторический сборник. Калуга, 2005. Вып. 2. С. 42). Творения святых отцов выходили между прочим и в издательстве Н. Новикова. «Касательно <...> переводов отеческих, изданных Новиковым, — вспоминал <...> орловский вице-губернатор П. И. Протасов, — это делалось в угоду митрополиту Платону с тою целью, чтобы жить в ладу с духовным начальством <...>. Он сам с удовольствием назначал Новикову для переводов те или иные из отеческих сочинений» (см.: *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 98).

⁶⁹ Из статей, посвященных восприятию протестантизма в России, назовем следующие: *Reichelt S.* Рецепция творчества Иоанна Арндта в России // *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia.* Wittenberg, 2004 / Ed. R. Bartlett, G. Lehmann-Carli. Berlin, 2007. P. 21—228; *Schippan M.* Рецепция протестантских авторов в России в XVIII веке (Spalding, Crugot, Stender) // *Ibid.* P. 237—249. См. также примеч. 16. Импорт протестантизма, вольно или невольно проводившийся русскими масонами во второй половине XVIII в., продолжался и в первой четверти XIX столетия, главным образом усилиями А. Ф. Лабзина, князя А. Н. Голицына и проч. (см., в частности, свидетельств А. С. Стурдзы и князя С. А. Ширинского-Шихматова: Записки А. С. Стурдзы: О судьбе Православной Церкви Русской в царствование Александра I. Сообщ. проф. Н. И. Барсов // *Русская старина.* 1876. Т. XV. С. 272; *Жмакин В. [И.]*. Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский. СПб., 1885. С. 155).

⁷⁰ В мартовском номере «Московского ежемесячного издания» была опубликована статья «Философ» в переводе Н. О. Лабá (1766—1816). Статья эта издавна считается переводом из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера; между тем это перевод статьи из Ивердонской энциклопедии, в определенной мере построенной на материале одноименной статьи из Парижской энциклопедии. См.: *Philosophe // Encyclopédie.* Т. XXXIII (Per—Plano). Yverdon, 1774. P. 340—348.

⁷¹ И. А. Эйлер составил две статьи по физике для Ивердонской энциклопедии: «Force» (совместно с отцом, Л. Эйлером) и «Vibration».

в переписке с Де Феличе, подтверждением чему служит недавно обнаруженное письмо ивердонского книгоиздателя от 22 октября 1777 г.⁷²

Очевидно, что вопросы, связанные с «Вечерней зарей», далеко не исчерпаны. Дальнейшая разработка повременных изданий, вышедших в типографии у Новикова, позволит не только иначе взглянуть на прошлое отечественной словесности, но и подробнее рассмотреть пути русского богословия.

⁷² *Fortuny C., Dulac G. Un imprimeur-libraire suisse demande l'aide du secrétaire de l'Académie impériale: Fortunato Bartolomeo De Felice à Johann Albrecht Euler (22 octobre 1777) // Les Archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des archives et inédits. 2007. T. 2. P. 401—414.*

С. В. КОРОЛЕВ

НАДПИСЬ НА «МЕДНОМ ВСАДНИКЕ»:
ВАРИАНТ ДИДРО¹

«У меня нет дарования для надписей. Те, что пишутся по-французски стихами, — всегда вялые ввиду рифм, артиклей, вспомогательных глаголов. Латынь намного лучше подходит для лапидарного стиля. По-французски всегда требуется два стиха; на латыни — достаточно одного»

Из письма Вольтера Гуго Маре, 28 апреля 1773 г.²

«Вместо всех похвал подписать только: Пётр»

И. И. Хемницер «На конное изображение Петра Великого».³

14 августа 1770 г. скульптор Этьен-Морис Фальконе, работающий в Петербурге над памятником Петру Великому, написал императрице Екатерине II письмо, в котором между прочими есть следующие строки:

«На подножии статуи я поместил эту краткую надпись: *Petro Primo // Catharina Secunda // posuit*. Очень бы я желал, чтобы и на самом камне догадались не писать ничего более. Таков лапидарный слог наипростейший, наилучший, бывший в употреблении у древ-

¹ Автор выражает глубокую признательность С. Я. Карпу за уточнения и рекомендации, сделанные при подготовке данной статьи.

² *Voltaire. Les Œuvres complètes / Definitive ed. by Theodore Bestermann. Oxford: Voltaire Foundation, 1975. Т. 123. (Correspondence and relative documents). D.18.342.*

³ *Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 231.*

них для памятников их. Но благодаря новейшим плохим разумникам (*beaux esprits subalternes et modernes*), стали делать нескончаемые надписи, в коих расточается болтовня; примером тому служит бессвязная вереница слов, виденная кажется на днях Вашим Величеством; к латинскому тексту приложен французский перевод. <...> Если бы однако те четыре слова, что я прибрал для гравюры, Вам не понравились, то я умоляю Вас сообщить мне Ваши намерения в надежде, что у нас хватит мудрости на изменение этих слов, не призывая на помощь мудрецов».⁴

Надо сказать, что ряд тезисов этого послания вызывает закономерные вопросы. Что за мудрецы, о которых пишет Фальконе? Какой именно из вариантов надписи Екатерина видела «на днях»? Наконец, почему скульптор ждал изготовления рисунка своей модели — а письмо приложено к зарисовке, о которой речь пойдет ниже — для сочинения надписи? Напомним, что еще даже не сделана форма для отливки монумента, еще почти восемь лет до отъезда Фальконе из России и почти двенадцать — до торжественного открытия конной статуи. Еще даже не отыскан знаменитый «гром-камень», на котором будут закреплены буквы искомой надписи...

Уместно напомнить, что содержанию подобных надписей тогда действительно придавали огромное, почти сакральное значение и в России, и в Европе. Правда, в Петербурге жанр торжественных надписей (девизов) был скорее распространен в связи с изготовлением памятных медалей, чеканкой «юбилейных» монет, сооружением триумфальных арок. Сочинение надписей курировалось непосредственно членами Петербургской Академии наук — так, в середине XVIII столетия этим занимался сам М. В. Ломоносов.⁵

Принято считать, что автор окончательного варианта надписи — это сама императрица: добрый приятель Фальконе Дени Дидро (немало сделавший, чтобы устроить скульптору петербургский контракт) предложил соотечественнику поместить на пьедестале такие латинские слова — «Петру Первому — Екатерина Вторая» и «Воскресшая доблесть привела с колоссальным усилием эту громадную скалу и бросила ее под ноги героя».⁶ Позже Екатерина отсекла «лишние» слова и получились ныне существующие строки. Д. Аркин ссылается на письмо Фальконе современнику; скульптор пишет, что хочет «воздать должное вкусу и чутью императрицы, которая предпочла всем возможным надписям такую: „Петру Первому — Екатерина Вторая“».⁷ Справедливости ради дополним, что

⁴ Сб. Русского исторического общества. СПб., 1876. Т. 17. С. 119.

⁵ Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII—XVIII вв. Санкт-Петербург, 1999. С. 181.

⁶ Либрович С. Ф. История «Медного всадника». Пг.; М., 1916. С. 56.

⁷ Аркин Д. «Медный всадник». Л.; М., 1958. С. 53.

одно время авторство надписи приписывалось Василию Тредиаковскому.⁸

Много позже французский скульптор признался, что процесс сочинения достойной надписи оказался не менее трудным, нежели изготовление самой статуи. Якобы он убедился в своей правоте только в 1782 г., когда прочитал в газетах описание вновь установленного монумента.⁹

Однако между появлением «промежуточного» варианта и монаршей апробацией итогового текста прошло немало времени. Именно в этот период в «Литературной корреспонденции» Фридриха-Мельхиора Гримма появились сразу два варианта торжественной надписи, предназначавшиеся для будущего памятника. Тетрадь рукописного вестника от 15 ноября 1772 г. открывалась латинскими строфами, которые, как замечает редактор (здесь — Гримм), «г-н Дидро сделал для собственного удовольствия и без поручения, для конной статуи Петра Великого, которую Екатерина II возвела в своей столице по модели г-на Фальконе»:

Profligatis hostius armis,
Classe cremata,
Aucto dominio,
Felicitati populorum reddita pace,
PETRO
Nomine primo
Monumentum posuit
CATHARINA
Nomine secunda
Anno 1772.¹⁰

[Разгромив армию врагов, / Испепелив флот, / Увеличив империю, / Вернув мир на счастье народов, / Петру по имени Первому / Памятник поставила / Екатерина по имени Вторая / В году 1772. (Перевод Э. Д. Фролова)].

(Отметим, что этот вариант торжественной надписи цитируется повсеместно по примечаниям к одному из собраний сочинений философа.¹¹ Таким образом, текст из «Литературной корреспонденции» приводится здесь с русским переводом впервые).

⁸ Каганович А. «Медный всадник»: история создания монумента. Л., 1982. С. 160.

⁹ Diderot D. Correspondance / Éd. par G. Roth. Paris, 1970. Т. 15. N 10. P. 309.

¹⁰ Correspondance littéraire, philosophique et critique, par Grimm, Diderot, Raynal, etc. / Éd. par M. Tourneux. Paris, 1879. Т. 10. P. 107.

¹¹ Diderot D. Œuvres complètes / Éd. par J. Assézat & M. Tourneux. Paris, 1876. Т. 18. P. 83n.

Помимо этого, после критического комментария Гримма к строкам философа («мне эта надпись совершенно не нравится <...> я желал бы в его (Дидро. — С. К.) латыни видеть больше древней манеры») в рукописном вестнике размещен и другой вариант. Последний принадлежит аббату Фердинандо Галиани (1727—1787) — талантливому публицисту и эрудиту. Первые же литературные опыты аббата (кстати, хорошего знакомого и Дидро, и Гримма) принесли ему славу блестящего стилиста и знатока древностей.

Отчасти в пику Дидро Гримм «заказал» проект торжественной надписи для петербургского монумента и Галиани; последний не замедлил откликнуться. Вот образец творчества итальянца:

CATHARINA II AUGUSTA
Mater senatus, mater castrorum,
Mater patriae,
Conditis legibus, bonis artibus restitutis,
Rege Polonis dato,
Turcis terra marique debellatis,
Tartaris in potestatem redactis,
Valachis, Moldavis in fidem receptis,
Finibus imperii propagatis
Statuam cum ornamentis
Imperatori caesari PETRO I AUGUSTO
Patri patriae
Libens merito posuit.
Dedicata anno 1772, mense, etc.¹²

[Екатерина II Августа, / Мать Сената, мать военных лагерей, / Мать Отечества, / Установив законы, восстановив добрые искусства, / Дав короля полякам, / Победив турок на земле и на море, / Приведя к покорности татар, / Приняв под свою власть валахов и молдаван, / Расширив границы Империи, / Статую с украшениями Императору Цезарю Петру Первому Августу / Отцу Отечества / Охотно и по заслугам поставила. / Посвящено в 1772 году, в месяце и т. д. (Перевод Э. Д. Фролова)].

Сочинив надпись, Галиани так обрисовал перспективы своего опуса в письме к доброй знакомой госпоже д'Эпине: «Я полагаю, что он (Гримм. — С. К.) будет доволен надписью <...>. Если события изменятся, нужно будет изменить надпись».¹³

Как мы можем убедиться, Галиани не слишком рассчитывал на то, что именно его вариант будет утвержден Екатериной. Между тем он не в меньшей степени был заинтересован в благосклонности

¹² Correspondance littéraire... Op. cit. P. 108.

¹³ Galiani F., *Epinay L., dé.* Correspondance. Paris, 1994. T. 3. P. 125—126.

императрицы — ведь через несколько лет Екатерина согласилась выкупить часть фамильной библиотеки Галиани — аббат был крайне заинтересован в средствах, так как старший брат Фердинандо, маркиз Берардо Галиани, тяжело болел и на плечи Галиани-младшего легла обязанность содержать многочисленных родственников; переговоры об этом шли при непосредственном участии Гримма.¹⁴ Рассчитывал ли сам Дидро на успех в этом заочном конкурсе? Комментатор новейшей публикации надписи Дидро Жорж Дюлак так объясняет ситуацию, связанную с публикацией в «Литературной корреспонденции» вариантов Дидро и Галиани: непосредственно перед цитированными надписями Гримм опубликовал другой текст своего друга Дидро, а именно — критичные размышления философа относительно политики просвещенных монархов. Эти отрывки, получившие название «Политические фрагменты, извлеченные из архива некоего философа», настоятельно требовали своеобразного панегирического противовеса.¹⁵

С другой стороны, претензии Дидро на первенство могут иметь и объективную причину. Не секрет, что Фальконе нередко спорил с ним относительно толкования того или иного отрывка из античных авторов. Состоявшись как скульптор, Фальконе добивался признания в качестве тонкого знатока древнего искусства. За время пребывания в Петербурге ваятель подготовил и издал фундаментальную версию сочинений Плиния, посвященных изящным искусствам, причем комментарии переводчика заняли большую часть книги.¹⁶ Дидро в свою очередь принимал живейшее участие в обсуждении шедевров монументальной скульптуры. В частности, философ внимательно следил за работами по установке памятника Людовику XV в Реймсе работы скульптора Пигаля; в сентябре 1763 г. в «Литературной корреспонденции» появляется надпись для этой конной статуи, сочиненная Дидро.¹⁷ Энциклопедист дружил с Жаном-Габриэлем Лежандром, автором проекта реконструкции площади в Реймсе, где и была установлена упомянутая статуя в 1764 г. Инженер Лежандр, шурин Софи (Луизы-Генриетты) Воллан — подруги и многолетнего корреспондента Дидро — в 1765 г. по результатам своей работы издал книгу, которая, вне сомнения, была хорошо знакома философу.¹⁸ Также в вестнике Гримма появляется заметка Дидро, посвященная открытию другого памятника Людовику XV, работы Лемуана — он был установлен близ Военного училища в Пари-

¹⁴ Королев С. В. Екатерина II и библиотека братьев Галиани // История библиотек: Исследования, материалы, документы. СПб., 2004. Вып. 5. С. 151—165.

¹⁵ *Diderot D. Œuvres complètes*. Paris, 1995. T. 20. P. 578.

¹⁶ Traduction des XXXIV, XXXV et XXXVIe livres de Pline l'Ancien, avec des notes par M. Falconet <...>. Amsterdam: M.-M. Rey, 1772.

¹⁷ *Diderot D. Œuvres complètes*. Paris, 1980. T. 13. P. 419.

¹⁸ *Legendre J.-G. Description de la place Louis XV que l'on costruit à Reims, des ouvrages à continuer aux environs de cette place*. Paris: Prault, 1765.

же.¹⁹ Наконец, можно указать, что в начале 1770-х гг. Дидро и Галиани при посредничестве Гримма принимали участие в обсуждении иконографической программы надгробного памятника герцогине Луизе-Доротее Саксен-Готской,²⁰ а позже, в 1776—1777 гг., Дидро по просьбе А. М. Голицына работал над общей концепцией надгробного памятника его брату, в том числе — и над латинской эпитафией.²¹

Небезынтересно, что и Фальконе, и Дидро в разное время досконально изучали книги своих современников, подробно описывающие изготовление и установку конных монументов. Так, по мнению биографа Фальконе, скульптор внимательно исследовал книгу-альбом Пьера Патта (1723—1814), содержащую как характеристики и изображения установленных статуй и надписей для них, так и описания нереализованных проектов.²² Книга Патта вышла в 1765 г.,²³ и Дидро никак не мог оставить ее без внимания: в первые годы издания «Энциклопедии» именно Патт — известный архитектор и гравёр — публично обвинял Дидро и его соратников в том, что при издании контрафактным образом использовались гравюры, ранее изготовленные под руководством естествоиспытателя Реомюра.²⁴ В Российской национальной библиотеке среди книг, поступивших в середине позапрошлого столетия из Эрмитажа, сохранился один экземпляр книги Патта (шифр Эрмитажа: «Шкаф 5. Полка 8. № 243»), однако он вряд ли принадлежал Дидро — книга снабжена гравированным экслибрисом, свидетельствующим о принадлежности собранию Франсуа Коппе, «доктора теологии и бывшего прямиуса Парижского университета».

Как минимум дважды — в 1769 и 1771 гг. — Дидро обращал внимание Фальконе на другой фундаментальный труд.²⁵ Это практическое пособие, посвященное изготовлению и установке конной статуи Людовика XV работы Бушардона в Париже на площади, носившей имя этого короля.²⁶ Проблематика скульптурной формы,

¹⁹ *Diderot D. Œuvres complètes*. Paris, 1984. Т. 18. P. 307—308.

²⁰ *Frank Ch., Mathies U., Poulet A. Diderot, Guizard and Houdon: projects for a funerary monument at Gotha // Burlington Magazine*. Т. 144. N 1189 (April 2002). P. 213—221; Т. 144. N 1193 (August 2002). P. 475—484.

²¹ *Капн С. Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века*. М., 1998. С. 43 и след.

²² *Hildebrandt E. Leben und Schriften des Bildhauers E.-M. Falconet*. Srtassburg, 1908. S. 50.

²³ *Patte Pierre. Monumens érigés en France a la gloire de Louis XV <...> suivis d'un choix des principaux projets qui ont été proposés, pour placer la Statue du Roi dans les differens quartier de Paris*. Paris: Desaint & Saillant, 1765.

²⁴ См.: *Wilson A. Diderot: sa vie et son oeuvre*. Paris, 1985. P. 304.

²⁵ *Diderot D. Correspondance*. Paris, 1962. Т. 9. P. 74; Т. 11. P. 129.

²⁶ *Lempereur J.-G., Mariette P.-J. Description des travaux qui ont précédé, accompagné et suivi la fonte en bronze, d'un seul jet, de la statue équestre de Louis XV le Bien-Aimé*. Paris: Le Mercier, 1768.

предназначения монумента занимала видное место в обширной переписке Фальконе и Дидро. Начиная с середины 1760-х гг. и вплоть до разрыва отношений в 1774 г. скульптор и философ многократно обсуждали всевозможные аспекты этих вопросов — в том числе и применительно к памятнику Петру Великому в Петербурге. Фальконе отбыл на берега Невы в 1766 г., Дидро же прибыл в Петербург осенью 1773 г. и оставался здесь вплоть до марта следующего года. Но во время очных встреч дискуссия, очевидно, не состоялась: отношения «библиотекаря Ее Величества» и «скульптора Ее Величества» расстроились. Отметим, что модель Медного всадника была окончена Фальконе не позднее августа 1769 г.; в мае 1770 г. художник А. П. Лосенко сделал подробный рисунок готовой модели. Это позволило Фальконе не только представить предварительный отчет о работе императрице, но и, возможно, выслать один из вариантов рисунка Дидро. О том, что такой поворот событий был возможен, свидетельствует наличие одного из лосенковских рисунков во Франции, в Нанси: он был изготовлен специально для российского посланника Д. А. Голицына.²⁷

Однако мы не располагаем сведениями о том, что Фальконе общался с Дидро о работе над сочинением торжественной надписи до их личной встречи в Петербурге. Отсутствуют свидетельства об этом и в достаточно интенсивной переписке между Фальконе и Екатериной. Впрочем, не следует забывать, что если Фальконе мог узнать о заочном «конкурсе» по сочинению надписи непосредственно от императрицы (тексты «Литературной корреспонденции» предназначались только для монархов-подписчиков, но Екатерина могла пренебречь этим обстоятельством), то и у Дидро были в Петербурге надежные информаторы. Так, в 1769 г. на русскую службу прибывает Людвиг-Генрих (Андрей Львович) Николаи, уроженец Страсбурга и будущий президент Петербургской Академии наук. Его земляк Франц-Герман Лафермьер, бывший с 1765 г. чтецом и библиотекарем великого князя Павла Петровича, знакомит новичка с Фальконе; Николаи оставляет в дневнике запись о посещении мастерской скульптора.²⁸ Напомним, что Николаи и Лафермьер — давние поклонники гения Дидро, его корреспонденты на протяжении ряда лет. Разумеется, Фальконе — в пору благожелательного отношения к нему со стороны императрицы — еженедельно обменивался с ней письмами, Фальконе, который преодолел практически все препятствия, воздвигнутые недругами и настоял на предложенном им расположении памятника Петру Великому, заслуживал больше внимания в глазах Екатерины как автор латинской надписи. Но так получилось, что этот вопрос ни до, ни после вышеуказанного пись-

²⁷ Сафаралиева Д. Неизвестный рисунок А. Лосенко // Художник. 1979. № 2. С. 56—57.

²⁸ Heier E. L. H. Nicolai and his contemporaries. The Hague, 1965. P. 23 & suiv.

ма от 14 августа 1770 г. в переписке скульптора и императрицы (по крайней мере — в дошедшем до нас корпусе писем) не поднимался. Больше того, энергичные выпады Фальконе в адрес «мудрецов», делающих «нескончаемые надписи», позволяют выразить сомнения в правильности датировки этого послания и высказать осторожное предположение в том, что это письмо было написано двумя годами позднее. Но нельзя полностью исключать и такого варианта: Екатерина склонилась к сверхкраткой версии надписи («Петру Первому — Екатерина Вторая») только после того, как Дидро вслед за Галиани сочинил пространный, но не менее эмоциональный вариант.²⁹ Как бы то ни было, заочный спор скульптора и философа был закончен 7 марта 1782 г., в день официального открытия «Медного всадника».

²⁹ Уместно подчеркнуть, что французский дипломат шевалье Корберон видел окончательный вариант надписи на камне уже в 1780 г. (См.: *Un diplomate français à la cour de Catherine II, 1775—1780. Journal intime du chevalier de Corberon*. Paris, 1901. Т. 2. P. 211).

М. П. ЛЕПЕХИН
ОБ ИВАНЕ ИВАНОВЕ

Известный всем специалистам по истории российской книги периода феодализма «Словарь русских писателей XVIII века»¹ в весьма незначительной степени — по сравнению с общим их количеством — включает в свой состав тех деятелей русской литературы, которые известны исключительно в качестве переводчиков. Основой словника данного словаря послужил составленный под руководством И. М. Полонской «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века»,² где переводчики были учтены с максимально возможной полнотой и где в указателе имен поименован и переведший с французского в 1794 г. в Санкт-Петербурге две книги некий Иванов Иван, о котором не сообщено никаких дополнительных сведений.³ Постараемся сообщить необходимые сведения об этом весьма примечательном в истории отечественной науки персонаже.

Первая из рассматриваемых книг представляет собой напечатанную в типографии Академии наук 1-ю часть популярного в Европе во второй половине XVIII в. сочинения Жака Лакомба «Краткое хронологическое известие об истории Севера, или государств Дании, России, Швеции, Польши, Пруссии, Курляндии и т. д.», изданную в 1762 г. в Париже и значительно большим тиражом перепечатанную в следующем году в Амстердаме,⁴ что было

¹ Словарь русских писателей XVIII века. Образцы статей. Словник. Л., 1974; Вып. 1 (А—И). Л., 1988; Вып. 2 (К—П). СПб., 1998; Вып. 3 (Р—Я). СПб., 2010.

² Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. В 5 т. М., 1962—1967; То же. Уточнения. Разыскиваемые издания. Дополнения. М., 1985.

³ Там же. Т. 5. С. 161.

⁴ *Lacombe J.* Abrégé chronologique de l'histoire du Nord, ou des états de Dannemarc, de Russie, de Suède, de Pologne, de Prussie, de Courlande, etc. etc... Paris: J.-T. Hérrissant, 1762. 2 vol.

обычной практикой в европейском книгоиздании. Относящийся к Дании раздел первой книги составил 1-ю часть русского перевода, озаглавленную «Краткая летопись Датской истории». Название же русского перевода всего труда Лакомба следующее: «Краткая летопись о Северной истории или о государствах Датском, Российском, Шведском, Польском, Пруском, Курляндском и проч. и проч. с особенными замечаниями на умоначертание, нравы и обычаи сих народов, на свойство и естественные произведения их климатов, с присовокуплением краткого исторического описания о лопарях, татарах, козаках, о военных орденах тевтонических и лифляндских кавалеров; и росписи о ученых и знаменитых мужах, о митрополитах, патриархах российских, о архиепископствах и епископствах польских, о владетелях современных, и проч. и проч. сочиненная г. Лакомбом. Переведена с французского на российский язык». Как мы видим из сравнения с оригинальным титульным листом, переводчик значительно расширил его текст, сделав указание на то, в чем перевод обогатил подлинник.

Имя переводчика — Иван Иванов — было указано в конце посвящения «его высокопревосходительству господину действительному тайному советнику, генерал прокурору, Совета Двора Ея Императорского Величества члену, действительному камергеру и орденов <...> кавалеру Александру Николаевичу Самойлову». Из текста достаточно краткого и без малейшего подобострастия написанного посвящения следует, что автор был лично знаком с адресатом, пользовался от него «благотворениями и милостями», вследствие чего сердце автора «преисполнилось наичувствительнейшею к высокой особе Вашей благодарностью», и другого средства, кроме как «посвятить знаменитому имени Вашему перевод мой сея книги», переводчик не знает. Адресат посвящения был весьма примечательной личностью. Сын сенатора, потомственный семеновец А. Н. Самойлов, вопреки нравам того времени, вступил в родной полк в 16-летнем возрасте рядовым; с 1760 по 1790 г. участвовал во взятии Силистрии, Очакова, Бендер, Измаила, покорении Крыма и усмирении пугачевцев. В конце января 1792 г. прибыл в столицу с известием о заключенном в Яссах мире. В том же году Самойлов был награжден орденом св. Андрея Первозванного и назначен генерал-прокурором, а в 1795 г. был возведен в графское достоинство. Не чуждый литературе, Самойлов составил жизнеописание своего прославленного дяди — Г. А. Потемкина, опубликованное лишь в 1867 г. Любовь к словесности не мешала исполнению служебного долга: именно Самойлов привлек внимание к злокозненным идеям, высказанным в «Вадиме Новгородском» Я. Б. Княжнина.

Следом за посвящением следует обращение «От переводчика к благосклонным читателям», из которого следует, что «причины, побудившие (Ивана Иванова. — М. Л.) преложить на Российский язык краткую сию историю о Северных Государствах, были те,

чтобы услужить Российскому юношеству, желающему вкратце обозреть деяние как любезного отечества нашего, так и прилежащих к оному других держав, с коими имеем мы непрестанное сообщение и коих взаимные отношения и связи располагаются временами и обстоятельствами, довольно отчасти изъясненными в сей книге». Переводчик подчеркивал, что делает он это не из тщеславия, но «по единому усердию быть обществу полезным, а паче в такое время, когда Всеавгустейшая обладательница наша, ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ, благоволит покровительствовать науки».

Сочетание содержания переводимого труда с годом и местом издания, с именем лица, которому книга была посвящена, а также с ясно обозначенной в обращении целью перевода — дать пособие для «Российского юношества» весьма недвусмысленно указывает на то, что переводчиком Иваном Ивановым в действительности был инспектор академической гимназии академик Иван Иванович Лепехин. В пользу данного предположения свидетельствует прежде всего стиль перевода — безукоризненно овладевший французским за пять лет обучения в Страсбургском университете Лепехин менее всего был склонен буквально следовать оригиналу, а в полной мере дал волю своему редакторскому таланту. Как известно, в число академических обязанностей Лепехина входило редактирование присылаемых с мест экспедиционных отчетов, а также поступающих в Академию наук различных научных статей. Лепехин щедро насыщал редактируемые им тексты известными ему фактами и даже позволял себе делать выводы. Не стала исключением и «Краткая летопись Датской истории», где его редакторский дар соединился с трудолюбием переводчика: если оригинальный текст занимает менее трети первой части, то в переводе Ивана Иванова он разросся до самостоятельного тома в 616 страниц. В авторско-редакторских вставках особое внимание уделялось датско-русским отношениям, а также взаимосвязи исторических событий с природными явлениями — темы, необычайно близкой Лепехину. В пользу предположения о принадлежности ему перевода свидетельствует и обстоятельное «Оглавление содержащихся в сей книге вещей» — составление предметно-именных указателей было свойственно Лепехину.

Какова же была причина избрания столь прозрачного псевдонима? На наш взгляд, их несколько. Во-первых, и адресату посвящения, и упоминаемой в нем императрице авторство перевода не могло остаться неизвестным — отсутствие тайны подчеркивало предельно четкое ономастическое указание: «Иван Иванов (сын) Лепехин» — так он писал бы свое имя в официальных бумагах. Во-вторых, перевод объемного популярного труда (даже «в пользу юношества») явно не соответствовал статусу Лепехина в научном и литературном мире того времени и приравнивал бы его к какому-нибудь Федору Эмину или другому литератору, вынужденному заниматься литературной поденщиной (переводы научно-популярных

сочинений) ради заработка. Напротив, как показал М. И. Фундаминский, среди сверстников в почти полностью бесправном, не имевшем чинов академическом мире Лепехин был вторым (после Палласа) по степени отличия его высшей властью — он был пожалован Павлом I чином статского советника; ранее Екатерина Великая в 1788 г. наградила его орденом св. Владимира IV степени, а в 1801 г. Александр I пожаловал ему орден св. Анны II степени — по представлениям того времени, эти награды явились наиболее убедительным доказательством того, что «вся жизнь почтенного мужа протекла в трудах полезных для наук и Отечества» (В. А. Поленов). В трудах не только полезных, но и совершенно бескорыстных — в Академии наук Лепехин получал жалованье исключительно за руководство ботаническим садом — ни за какие другие труды на благо Академии наук, в том числе за 17-летнее инспекторство (т. е. фактическое руководство) гимназией, он не получал никакого вознаграждения. Исключительная щепетильность Лепехина в денежных вопросах, в особенности же во взаимоотношениях с обеими академиями, имела следствием то, что отнимавшее у него значительное количество времени инспекторство он осуществлял «в пользу юношества» в буквальном смысле слова. Прекращение с июля 1794 г. инспекторских обязанностей Лепехина по его собственной просьбе ввиду болезни лишней раз свидетельствует в пользу принадлежности ему перевода 1-й части «Краткой летописи Северной истории», на ней и завершившегося.

И наконец, укажем на третью возможную причину появления псевдонима — соображения этикета. Интеллектуальные связи России и Франции во второй половине XVIII в. были достаточно тесными, и бывшее на слуху во Франции имя Жака Лакомба (Lacombe Jacques; 1724—1811) было достаточно хорошо известно и в России. Следует сказать несколько слов об этой основательно забытой даже на родине личности. В России имя Лакомба традиционно связывалось не с переводимым Иваном Ивановым трудом, а с «Историей переворотов в Российской империи», впервые изданной в Париже в 1760 г., в том же году переизданной значительным тиражом в Амстердаме и стремительно разошедшейся по Европе. Достаточно сказать, что уже в 1761 г. это сочинение Лакомба было дважды переведено на немецкий язык — если анонимный лейпцигский перевод следовал оригиналу, то выполненный Иоганном-Фридрихом Иоахимом в 1761—1764 гг. в Галле трехтомный перевод содержал множество исправлений и дополнений. В 1768 г. в Варшаве увидел свет и польский перевод. В 1778 г. в Амстердаме Лакомб опубликовал новое издание «Истории переворотов в Российской империи», где повествование было доведено до 1775 г.; эта книга также получила распространение в России. Ввиду крайне неприязненного отношения русского общества к Французской революции и ко всем ее идейным вдохновителям связывать свою фамилию с лицом, априори опороченным в глазах императрицы, — могло быть расценено

как вызывающая бестактность, — даже в том случае, если речь шла о столь невинном сочинении, как «Краткая летопись Датской истории». Предпринятые в 1960—1970-х гг. И. Ф. Мартыновым архивные разыскания о русских академических изданиях XVIII в. не смогли добавить каких-либо новых сведений об этой книге к сообщаемым в «Сводном каталоге».

В том же 1794 г. в Санкт-Петербурге Иван Иванов опубликовал еще один перевод с французского, а именно «Жизнь Бюффона» (полное название опускаем). Место издания книги в 65 стр. 12° было обозначено: «В Санктпетербурге, с дозволения Управы Благочиния 1794 года». Как смогла установить И. М. Полонская по шрифту, эта книга была напечатана в типографии В. Плавильщикова. Восприятию творчества Бюффона в России посвящена достаточно обширная литература — достаточно упомянуть воспринимаемый как итоговый раздел «Бюффон и Россия» в монографии И. И. Канаева о Бюффоне. Как ни странно, эта книга в ней упомянута мимоходом. Сделанные автором — сподвижником М. М. Бахтина и одним из крупнейших историков науки — выводы от ее прочтения настолько занимательны, что мы их процитируем: «Другая книга, тоже анонимная, переведенная с французского языка, вышла в 1794 г., уже после смерти знаменитого натуралиста. Она называется „Жизнь Бюффона, владельца Монтбарского, маркиза Ружемонтского, виконта Квинского... и проч. и проч.“ и была издана „в Санктпетербурге, с дозволения Управы Благочиния“. Это указание на дозволение цензуры говорит об особом внимании к книгам страны, где в то время революция была в разгаре. Эта книга — хвалебное, поверхностное и краткое описание жизни Бюффона, с большой цитатой из его речи о стиле. Для любопытных — в качестве „перца“ — бегло говорится о шероховатостях в деле избрания Бюффона интендантом Королевского сада, упоминаются трения с Вольтером, нападки завистников и т. п. Словом, книга эта больше обывательская болтовня, чем попытка осветить научные заслуги Бюффона, что было, очевидно, автору не по плечу».⁵

Напомним основные вехи издания русского перевода Бюффона. Впервые интерес к нему в России в 1748 г. проявил гениальный Ломоносов, узнавший из «Журнала для ученых» о выходе первых трех томов «Естественной истории» и отметивший: «Будет всех 15 томов. Предорогая и весьма надобная книга». С 1760-х гг. труды Бюффона стали известны русским академикам и воспринимались ими с должным уважением, несмотря на то что в 1760—1780-е гг. Академия наук необычайно почитала Линнея, который воспринимался как западный антагонист Бюффона; российским же его антагонистом был П.-С. Паллас, преподававший по приглашению Екатерины Великой естественную историю ее внукам Александру и Константину.

⁵ Канаев И. И. Жорж Луи Леклерк де Бюффон. М.; Л., 1966. С. 230.

В конце 1770-х гг. отношение императрицы к Бюффону (с которым ее заочно познакомил Ф.-М. фон Гримм) было восторженным. «Царскосельская Минерва» оказывала «Французскому Плинию» максимальное уважение, выражавшееся прежде всего в щедрых дарах. По ее распоряжению Российская Академия в 1787 г. приступила к переводу «Естественной истории» на русский язык, что было возложено на академиков И. И. Лепехина, С. Я. Румовского, П. Б. Иноходцева, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева, С. К. Котельникова, А. П. Протасова и Н. П. Соколова. С 1789 г. в типографии Академии наук началось печатание «Всеобщей и частной Естественной Истории графа де Бюффона, преложенной с Французского языка на Российский по Высочайшему повелению». С 1789 по 1792 г. в свет вышло пять томов, переведенных вышепоименованными лицами. Затем, в 1795 г., они подали в Академическую комиссию заявление, где говорилось о том, что содержащиеся в последующих томах «током пылкия умствования и вычисления никакой пользы российскому читателю принести не могут»; высказанные же Бюффоновыми космологические и геологические гипотезы «совсем не согласуются с преданиями Священного Писания и без позволения святейшего правительствующего синода никак изданы быть не могут» (все заявление полностью приведено М. И. Сухомлиновым). К слову сказать, академики скептически оценивали те самые «Эпохи природы», которые в 1778 г. вызвали восторженный отзыв Екатерины Великой, но в начале 1793 г. могли восприниматься в качестве предосудительной книги. Происшедший в начале 1790-х гг. переворот в мировоззрении императрицы, следствием чего явилось полное забвение идей европейских просветителей и искреннее обращение к православию, прошел мимо внимания историков науки, обративших внимание лишь на усиление цензурных строгостей.

Дабы найти достойный выход из затруднительного положения, академики указали на несовершенство отечественной научной терминологии, препятствующей «продолжению преложения Бюффоновой естественной истории на отечественный язык наш», поскольку это «сопряжено с великими затруднениями». Подписавший вместе с остальными это заявление Лепехин, ранее бывший одним из инициаторов этого издания и переведший вместе с Румовским I том, в душе не согласился с сочленами и продолжил работу над переводом. Что же касается весьма подозрительного отношения императрицы к Бюффону, то это, вероятно, было связано и с тем, что составленная Жаном Ферри де Сен-Констаном под названием «Дух Бюффона» апологетическая его биография с обширным пересказом его сочинений, трактуемых в просветительском духе, была в 1783 г. издана Н. И. Новиковым. Напротив, обозначенное в качестве переводного сочинение Ивана Иванова представляет Бюффона прежде всего как любимца французского короля, видного государственного сановника и образцового стилиста. Нам не удалось установить фран-

цузского оригинала этого сочинения, да и был ли таковой вообще? Возьмем на себя смелость предположить, что и на этот раз Иваном Ивановым явился Иван Иванович Лепехин, постаравшийся доказать коллегам и императрице благонамеренность образа мыслей Бюффона. В пользу этого предположения свидетельствует, во-первых, выход книги в том самом 1794 г., когда в академических стенах разгорелись страсти по Бюффону. Во-вторых — издание книги с цензурного разрешения вне академического пространства. (Обе Академии — Академия наук и Российская академия — не нуждались в цензурном разрешении, ибо сами брали на себя всю ответственность). И наконец, в-третьих, — посвящение «Жизни Бюффона» императрице, где в «Предуведомлении» содержится точное указание на переводчика:

«Высочайшее повеление ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Матери отечества, пекущейся не токмо о благоденствии любезных ЕЯ подданных, но и о распространении наук и художеств в недрах обширных ЕЯ областей, предложить на Российской язык Естественную историю Графа де Бюффона, возбудило меня перевести и самую жизнь сочинителя оныя; и естли усердие мое возможет быть так щастливо, чтоб выполнить хотя самонаименнейшее соизволение толь Великия ГОСУДАРЫНИ, то осмелюсь почесть себя наиблагополучнейшим из смертных...» (подчеркнуто мной. — М. Л.). Отношение Лепехина к Екатерине Великой было благоговейным (как и абсолютного большинства подданных) — в лучах ее славы прошла почти вся его жизнь. Напомним, что и в предисловии к переводу Лакомба Иван Иванов также подчеркивал, что свой труд он осуществляет «не из тщеславия, но по единому усердию быть обществу полезным, а паче в такое время, когда Всеавгустейшая обладательница наша, ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ, благоволит покровительствовать науки».

После 1794 г. Лепехин продолжил перевод Бюффона в одиночку — им были переведены с VI по X тома; смерть застала тяжело больного Лепехина за переводом XI тома. Публикация русского перевода Бюффона явилась важной вехой в истории отечественной биологической науки. Как и в других переводческих и редакторских трудах Лепехина, перевод Бюффона был снабжен большим количеством подстрочных примечаний, дополняющих и исправляющих подлинник, а иногда и полемизирующих с ним, что роднит перевод «Естественной Истории» Бюффона с переводом «Краткой летописи Датской истории» Лакомба.

В свете вышеизложенного можно считать доказанным тождество Ивана Иванова с Иваном Ивановичем Лепехиным, quod erat demonstrandum.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ ДРУЖЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ОДЫ Державина «ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ» (1789)

В ноябрьском номере «Новых ежемесячных сочинений» за 1789 г. была опубликована самая пространная из од Державина — «Изображение Фелицы». Она насчитывает 464 стиха, разбитых на пятьдесят восемь восьмистиший. Как и во многих других случаях, Державин при написании этой оды преследовал вполне определенные карьерные цели, а именно: после отстранения от должности тамбовского губернатора поэт хотя и оправдался перед императрицей, но долго не мог получить другого места.¹ Это обстоятельство не ставит никоим образом под сомнение тот факт, что «Изображение Фелицы» занимает одно из центральных мест в творчестве Державина. Об этом свидетельствует не только объем оды, но и разработка столь важной для поэта темы, как воспевание мурзой его повелительницы Фелицы. Вынесение в заглавие имени идеальной правительницы подчеркивало преемственность стихотворения прежде всего по отношению к следующим трем одам, написанным ранее — «Фелица» (1782), «Благодарность Фелице» (1783), «Видение мурзы» (1783 или 1784). Если два первых стихотворения появились в печати вскоре после их написания, то третье было опубликовано лишь в 1791 г. в «Московском журнале», незадолго до того получив окончательную отделку.

Несмотря на тематическую близость перечисленные стихотворения несхожи между собой как в плане выражения, так и содержательно. Хотя все они написаны четырехстопным ямбом, строфика их различна. Так, «Фелица» написана традиционной одической стро-

¹ Об обстоятельствах написания и публикации «Изображения Фелицы», а также о событиях, нашедших отражение в оде, см. в подробных комментариях Я. К. Грота в кн.: *Державин Г. Р. Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота*: В IX т. СПб., 1864—1883. Т. I. С. 270—299. Ссылки на это издание далее даются в тексте с указанием тома римской цифрой и строки — арабской.

фой, а «Благодарность Фелице» и «Изображение Фелицы» разбиты на четверостишия с перекрестной рифмовкой. В «Видении мурзы» мужские и женские клаузулы регулярно чередуются и рифмуются, синтаксические периоды пространны, строфическое членение отсутствует. Если уникальному художественному эффекту «Фелицы» способствует новаторский диссонанс между сатирическими миниатюрами и хвалой монархине, то в «Благодарности Фелице» этого напряжения нет, она не порывает с традициями одического славословия. Наибольшая тематическая близость существует между «Видением мурзы» и «Изображением Фелицы» хотя бы потому, что в обеих одах описываются живописные произведения. Следовательно, в обоих случаях поэт стремился к активизации у читателя визуальных представлений. Есть и важное различие. В «Видении мурзы» речь идет о картине, реально существовавшей, о знаменитом «Портрете Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783), созданном Д. Г. Левицким по программе Н. А. Львова.² В оде же «Изображение Фелицы» повествуется о картине, которая никогда не существовала и которую мурза лишь предлагал начертать Рафаэлю.

Именно «Изображение Фелицы», а не какое-либо другое из перечисленных стихотворений Капнист, ближайший друг поэта, избрал объектом своего критического выступления, вызвавшего нешуточный гнев Державина.³ Однако прежде чем коснуться некоторых неизвестных материалов полемики вокруг оды «Изображение Фелицы», хотелось бы поделиться некоторыми общими соображениями о причинах ее возникновения. Как справедливо на то указал еще Я. К. Грот, важнейшим претекстом «Изображения Фелицы» является заключительная часть ломоносовского «Разговора с Анакреоном» — аллегорическое описание России и одновременно императрицы Елизаветы, сочиненное Ломоносовым в ответ на XVIII анакреонтическую оду. Если Ломоносов, подобно своему античному предшественнику, описывает женскую внешность так,

² Как известно, «Портрет Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783) вызвал значительный литературный резонанс. В 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» было опубликовано два стихотворения: «Надпись к портрету ее величества императрицы Екатерины II» Е. Р. Дашковой (Ч. I. С. 14) и «К Д. Г. Левицкому» И. Ф. Богдановича (Ч. IV. С. 31). Письмо Д. Г. Левицкого издателям «Собеседника» (Ч. VI. С. 17—18) стало ответом на стихотворные восхваления портрета. В качестве приложения к нему опубликовано «Описание портрета ее императорского величества» (Ч. VI. С. 18), автором которого, по всей видимости, является Львов.

³ Отмечу попутно, что оценка «Изображения Фелицы» М. Н. Муравьевым, поэтом, связанным с львовско-державинским кружком в течение многих лет, была в высшей степени положительной, как явствует из его неопубликованного письма С. М. и Ф. Н. Луниным от 11 октября 1789 г.: «Ваш добрый приятель Гаврило Романович, который вам кланяется, написал прекрасное лирическое сочинение „Изображение Фелицы“, где воображение его разгорячено благодарностию» (ГИМ. Ф. 445. № 54. Л. 77).

что она может быть без труда изображена живописцем, то Державин разворачивает перед читателем не одну картину, а целую их галерею. При этом гиперболизм многих образов заведомо исключает их перенесение на полотно.

Хотя в зачине «Изображения Фелицы» сделана недвусмысленная отсылка к «Разговору с Анакреоном» (а через него и к соответствующей анакреонтической оде), в целом стихотворение Державина оказывается мало связано с ломоносовским стихотворением и в высшей степени нетрадиционным. Сущность державинского новаторства «Изображения Фелицы» следует, думаю, определить так: подхватывая мотив обращения поэта к художнику, восходящий к античности, Державин в «Изображении Фелицы» игнорирует анакреонтическую традицию (обращение к ней в данном случае было как раз ожидаемым) и в сравнительно «спокойный», статичный жанр экфрасиса импортирует стиль торжественных од Ломоносова с их динамикой, парением, гиперболизмом и другими характерными особенностями. При этом он создает пространственный текст, по объему во много раз превосходящий сорок стихов «Разговора с Анакреоном».

Думается, что Капнист, самый «классичный» из друзей Державина, прекрасно ощутил Ломоносовские истоки стилистики «Изображения Фелицы», вызывавшей у него неприятие. Выправив позднее свою оду, Капнист предпослал при публикации ее тексту 8, 47 и 26 строфы стихотворения Державина, указав, что «весь пятой куплет заимствован» из них. Эти строфы избилуют выражениями, подобными тем, что подверг осмеянию в свое время Сумароков в антиломоносовских «вздорных одах»: мурза призывает «простреть крылатый, сизый гром», хочет, чтобы «из уст бы громы лишь гремели, которы у нее в руках» и т. п. Отметим и имплицитную полемику на уровне строфики — Капнист избирает не восьмистишия, которыми написано «Изображение Фелицы», но одическую строфу из десяти стихов,⁴ указывая тем на несоответствие сюжету избранной Державиным строфической формы.

В связи с излагаемым сюжетом необходимо учитывать и высокую степень актуальности для эпохи формулы Горация («ut pictura roesis»), предполагающей как близкородственность поэзии и живописи, так и легкую взаимную конвертацию их языков. Согласно этому представлению, живопись — «немая поэзия», а поэзия — «говорящая поэзия». Предложение мурзы создать с его слов картину, обращенное к Рафаэлю, воспринималось многими современниками буквально, без учета высокой степени условности, предполагаемой

⁴ Как известно, расположение рифм в десяти стихах одической строфы варьировалось уже Ломоносовым; Капнист следует здесь «Оде в торжественный праздник высокого рождения Иоанна Третьего 1741 года августа 12 дня». Об этом подробнее: *Стенник Ю. В.* Одическая строфа Ломоносова // *Вопросы русской литературы* (Львов). 1973. Вып. 2 (22). С. 62—63.

произведениями, подобными «Изображению Фелицы». Именно с этих позиций в своем «Ответе Рафаэла певцу Фелицы» и иронизировал над одой Державина Капнист: его Рафаэл в заключение стихотворения отказывается исполнять поручение и предлагает мурзе взять в руки краски, чтобы осознать неисполнимость предприятия.

Несомненно и то, что Державин, обратив слова мурзы именно к Рафаэлю, кумиру неоклассицистического искусства,⁵ невольно провоцировал своих читателей, ибо поэт демонстративно отступал от принципа правдоподобия. Рафаэль же для большинства его современников был как раз наивысшим воплощением этого принципа.

Для Державина — в отличие от его ближайших друзей Львова и Капниста — эти общеэстетические соображения не играли большого значения. Задумывая «Изображение Фелицы», он, помимо всего прочего, выступил против антономазии, получившей широкое хождение после выхода в свет его «Фелицы», — его стали именовать «Рафаэлем Екатерины II». Так, в мае 1783 г. Державин писал О. П. Козодавлеву: «Вы мне говаривали, что Август и Людовик, менее человеколюбивые и менее истинные славы достойные, имели провозвестников своего бессмертия. Я не верю вам; не верю, что могу хотя мало уподобляться с кем-нибудь из оных; но, к несчастью, я для Фелицы сделался Рафаэлем. Лавры ея, может быть, поблекнут под моими искусными украшениями; но я хотел быть возвестителем, как они, в управление царевны своей и явил в пример ея обхождение. Рафаэль, чтоб лучше изобразить Божество, представил небесное сияние между черных туч. Я добродетели царевны противуположил моим глупостям. Не знаю, как обществу покажется такого рода сочинение, какого на нашем языке еще не было» (V, 369—370).

В основе композиции оды «Изображение Фелицы» лежит фигура климакса — мурза разворачивает перед Рафаэлем многообразные виды благоденствия империи. Однако в конце оды выясняется, что Рафаэль пишет «не на холсте, не в красках» и что «не металл оживлен», но «на сердце» мурзы возник экстатический образ «алмазной горы» и «на нем в лучах — Фелица». Нужно отдать должное Державину, он имел все основания для гнева — то, что было для него лишь поэтическим приемом, было истолковано прямолинейно, как указание для художника. Картины же, вложенные им в уста мурзы, если внимательнее вчитаться в оду, не поддались переводу на язык красок, вызвав лишь «исступленное видение» в душе певца богоподобной царевны «Киргиз-Кайсацкия орды». В сущности, Державин порывал с традицией мышления в духе «ut pictura poesis» и в «Изображении Фелицы» как раз подчеркивал то, что живопись отнюдь

⁵ Об истоках культа Рафаэля в русской литературе, а также о значении трудов Винкельмана для него см. в монографии: *Lappo-Danilevskij K. Yu. Gefühl für das Schöne. J. J. Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007* (по указателю).

не «немая поэзия», разве что в смысле сугубо метафорическом. Как несложно заметить и из стихотворения, и из письма Державина от 31 декабря 1789 г., от Рафаэля ожидалось некое синтетическое изображение, некий единственный в своем роде образ, способный вместить в себя все пространно изложенное мурзой.

Напомню общеизвестные факты полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы». В конце 1789 г. Капнист прочел это произведение своего друга и создал свой «Ответ Рафаэля певцу Фелицы», который выслал в Петербург в сопровождении письма (до нас не дошедшего).⁶ Этот первый вариант «Ответа» привел Державина в ярость, свое мнение о нем поэт сформулировал в письме от 31 декабря 1789 г. (V, 766—769), опубликованном еще Я. К. Гротом. Помимо выпадов чисто личных (о том, что стихи Капниста хороши, может, в Малороссии, но «в России весьма плоховаты» и пр.) Державин формулирует и сугубо профессиональные претензии к детищу Капниста; они относятся как к плану изображения, так и к изображенному. Попробуем вкратце изложить их, отрешившись от несколько сумбурного и эмоционального тона письма и приводимых в нем примеров. Державин не находит «правильности» ни в языке, ни в просодии, ни в звуковом строе «Ответа Рафаэля певцу Фелицы».⁷ План стихотворения он считает «неосновательным», мысли «низкими», изображения «смешными и отвратительными», похвалы императрице «грубыми», а отчасти и ложными, шутки «не забавными, а язвительными».

Одна из фраз показывает, что Державин не ожидал, что Рафаэль в деталях воспроизведет все рассказанное мурзой. От величайшего художника всех времен поэт ожидал создания некоего гениально-непредсказуемого изображения, подобно тому как Рафаэль сумел найти адекватную форму и выразить «непостижимость Божества»:

«Словом, весь твой план неоснователен; ибо когда мурза просил Рафаэля изобразить Фелицу, то не может он же сам удерживать его от той работы для того, что недостатка в мастерстве его предпологать не можно: когда я сам в первом куплете сказал, что изобразил он непостижимость Божества, то невозможность изобразить человека есть неосновательная отговорка; можно бы, кажется, найти другую попристойнее» (V, 768).⁸

⁶ Это явствует и из начальных строк, и из выраженного в конце прискорбия о болезни Капниста (V, 766, 768).

⁷ «Нет ни правильного языка, ни просодии, следовательно и чистоты. Читая их, должно бормотать по-тарбарски и разногласица в музыке дерет уши» (V, 767).

⁸ На понимании Державиным задач художника как в высшей степени специфических, заключающихся в том, чтобы одной картиной выразить то, что будет соответствовать многостраничным, космичным описаниям, указывает и следующий отрывок письма: «Мысли низки, как то, что не из чего сделать рам на картину, ибо я не к столяру, но к живописцу просьбою моею относился» (V, 767).

Этими строками Державин отсылал как к Рафаэлев «Преображению» (1519—1520), хорошо известному по гравюрам, так и к зачину собственной оды:

Рафаэль! Живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладный
Изобразитель Божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать:
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

(I, 270—272).

От пейоративных суждений о художественных достоинствах «Ответа Рафаэла певцу Фелицы» Державин переходит к хулению таланта Капниста в целом и утверждает, что тот «помазан лишь Музами по усам». Все это подступ к тому, чтобы в корне оспорить право Капниста быть «трубочистом», т. е. браться за улучшение лирики Державина и Львова. Достоинства нескольких стихотворений Капниста признаются результатом благотворного воздействия его друзей, прочим же произведениям отказано в какой-либо ценности:

«Ежели ты хочешь вперед писать прямо по-русски, то приезжай к твоим друзьям и советуй с ними или оставляй, что напишешь, про твоих земляков; а без того, не токмо читать или печатать, любя твою славу, стихов твоих, но и принимать их не будем; ибо кроме оды „Надежды“ и сатиры, здесь при твоих друзьях написанных, последующие твои сочинения никакого уважения не заслуживают. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то и в самом деле прослынешь парнасским трубочистом, который хотел чистить стихи других, а сам нечистотою своих был замаран» (V, 768).

Характерно, что Державин посчитал необходимым напомнить о львовско-державинском кружке и о традиции дружеских обсуждений литературной продукции его участников.⁹ Хотя к этому обществу, возникшему в конце 1770-х гг. и просуществовавшему до начала 1800-х, были близки и другие литераторы, его подлинное

⁹ О том, что «чистилица» стихов, имевшие место ранее, порой проходили в весьма накаленной атмосфере, узнаем из приписки Е. Я. Державиной, жены поэта, попытавшейся смягчить действие на Капниста строк ее мужа. Сожала о том, что Капнист с женой подолгу жил в Малороссии, она предлагала поселиться поблизости друг от друга и рисовала происходящие от этого преимущества: «Вы бы иногда, поэты, и поссорились, и помирились; ведь это у вас чистилице ваше в прежние времена бывало, и я уверена, что будут у вас выходить редкости в рассуждении ваших друг к другу строгостей; а мы бы, жены ваши, другого рода редкости делали, украшали бы жилища ваши своими трудами, забавляли бы вас, а иногда и разнимали, когда далеко споры ваши зайдут» (V, 769).

ядро составляли четверо друзей-поэтов — Г. Р. Державин, В. В. Капнист, И. И. Хемницер и Н. А. Львов. Исключительную творческую близость, их связывавшую, Державин засвидетельствовал позднее, в письме Капнисту от 3 января 1804 г., где в связи со смертью Львова писал: «Вот, братец, уже двое из стихотворческого круга нашего на том свете. Я говорю о Хемницере и Николае Александровиче. Долго ли нам на сем свете помаячить?» (VI, 144).¹⁰

Важным общественным выступлением четырех поэтов на раннем этапе существования кружка было участие в 1779—1781 гг. в журнале «Санкт-Петербургский вестник». ¹¹ Здесь был опубликован и ряд полемических произведений, в том числе и упомянутая в письме Державина «Сатира I» Капниста, направленная главным образом против Н. П. Николаева и его окружения. Печатным органом, на страницах которого особенно охотно публиковались участники кружка, стал позднее «Собеседник любителей российского слова», основанный в 1783 г. при непосредственном участии императрицы Екатерины II и de facto редактировавшийся княгиней Е. Р. Дашковой.

Хотя благодаря признаниям Державина (как приведенному выше, так и некоторым другим) очевидно, сколь важную роль в его творческом развитии сыграли дружеские обсуждения, нужно признать, что мы располагаем крайне скудным материалом, их документирующим. По всей видимости, самый ранний из известных случаев правки стихов участниками кружка — это пометы И. И. Хемницера на львовском переводе оды Сапфо, сделанном 23 марта 1778 г.¹² Подробному обсуждению в 1779 г. была подвергнута ода Державина «Успокоенное неверие», с которым он, как известно, связывал благотворный перелом в своем творчестве и обретение «совсем особого пути». Характерно, что обретение творческой индивидуальности осмыслялось поэтом как отход от более раннего увлечения Ломоносовым под влиянием Львова, Капниста и Хемницера и проповедуемых ими «наставлений г-на Батте». ¹³ Как явствует из цити-

¹⁰ Также в стихотворении «Зима» (1805): «Львов, Хемницер в гробе скрыты / За Днепром Капнист живет» (II, 528).

¹¹ См. об этом подробнее: *Грот Я. К.* Участие Державина в «Санкт-Петербургском вестнике» // *Современник*. 1845. № 4. С. 38—87; *Мартынов И. Ф.* Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко // XVIII в. Л., 1977. Сб. 3. С. 230—236.

¹² *Львов Н. А.* Путевая тетрадь № I // ИРЛИ. 16.470. Л. 38; ИРЛИ. Арх. Я. К. Грота, 16.470. Л. 38. Через три дня, 26 марта 1778 г., Львов записал перевод оды Сапфо, доработанный с учетом помет Хемницера (Там же. Л. 39. Впервые опубликован: *Глумов А. Н.* Н. А. Львов. М., 1980. С. 28); он отличается большей близостью к французскому оригиналу.

¹³ Ср. в автобиографической записке «нечто о Державине» (1805): «...но из всех сих произведений своих автор не одобряет, потому, как выше явствует, что он хотел подражать г-ну Ломоносову, но как талант его не был с ним внушаем одинаковым Гением, то, хотев парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов, свойственного единственно российскому Пиндару, велелепия

рованного выше письма Державина, коллективно выправлены были Капнистовы «Ода на надежду» и «Сатира I» перед их публикацией в 1780 г. в «Санкт-Петербургском вестнике». Важным прецедентом заочного обсуждения стало письмо Хемницера и Капниста Державину от 5 марта 1781 г. с критическими замечаниями и поправками на его «Оду на новый год»,¹⁴ «Фелицу», написанную в 1782 г., Державин после совещания с Львовым и Капнистом решает «запереть», и ода находится год под спудом (III, 601—602).¹⁵

Отъезд Хемницера в Смирну в начале июня 1782 г. и его неожиданная смерть в 1784 г., служба Державина сначала в Олонецке, а затем Тамбове, жизнь Капниста главным образом в его украинских вотчинах — все это ослабило традицию дружеских собраний и их накал. Хотя в 1790-е гг. в творческую орбиту кружка были вовлечены А. М. Бакунин, И. М. Муравьев, А. А. Мусин-Пушкин, А. Н. Оленин, следует отметить, что роль авторитетного судьи стихов Державина отведена лишь Львову — так, Я. К. Грот привел в примечаниях к «Сочинениям Державина» пометы Львова на следующих лирических произведениях: «На взятие Измаила» (1790; I, 333—361),¹⁶ «Мечта» (1794; I, 588—591), «На мальтийский орден» (1798; II, 213—227). Думается, однако, что не все исправления подобного рода сохранились и что они имели место куда более часто.

В связи с изложенным выше особого внимания заслуживает следующая рукопись, приложенная к письму Державина Капнисту от 31 декабря 1789 г. Речь идет о списке «Ответа Рафаэла певцу Фелицы», посланном Капнистом в Петербург и возвращенном ему с пометами Львова. Этот документ и известен науке (о нем упоминали и его цитировали Я. К. Грот, Д. С. Бабкин и Г. В. Ермакова-Битнер),¹⁷

и пышности. А для того с 1779 году избрал он совсем особой путь, будучи предводим наставлениями г-на Батте и советами друзей своих, а после по жене и родственникам — Николая Александровича Львова, Василья Васильевича Капниста и Ивана Ивановича Хемницера, подражая наиболее Горацию» (*Кононко Е. Н.* Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // *Русская литература.* 1972. № 3. С. 84; этот важнейший пассаж цитируется обычно в неточной передаче Грота: VI, 443). Факт дружеского обсуждения этого стихотворения отмечен Державиным и в пояснениях собственных стихов (IX, 233; III, 598; ср. их анализ Гротом: I, 69—70).

¹⁴ Письмо было впервые опубликовано в кн.: *Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год.* СПб., 1895. Приложения. С. 10—20.

¹⁵ Ср. также: *Примечания на сочинения Державина* / Публ. Е. Н. Кононко // *Вопросы русской литературы* (Львов). 1973. Вып. 2 (22). С. 112—113.

¹⁶ На списке этой оды находим также поправки И. И. Дмитриева. Эта честь выпала сравнительно молодому поэту в силу особого благорасположения Державина, а не в силу того, что он был принят в кружок и посвящен в его традиции. Весьма показательно и указание Грота о том, что стилистические изменения Львова «находятся при этой оде сверх поправок И. И. Дмитриева» (I, 337).

¹⁷ См. первое примечание, а также в комментарии к стихам поэта в кн.: *Капнист В. В.* Собр. соч. / Ред., вступ. ст. и примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960.

и по-настоящему неизвестен, ибо не опубликован в полном объеме и не осмыслен. Никто из предшественников не обмолвился и словом о том, что после «Ответа» Львов набросал экспромтом послание к Капнисту. Данное обстоятельство нетрудно объяснить: Грот невысоко ставил поэтический дар Львова,¹⁸ а Бабкин и Ермакова-Битнер интересовались прежде всего текстологией произведений Капниста. По моему мнению, лишь в контексте исканий кружка эта рукопись, хранящаяся в РГАДА, может быть оценена по достоинству.¹⁹

Какую же позицию занял Львов в споре ближайших друзей? В приписке на титульном листе импровизированной мини-тетрадки он недвусмысленно заявляет о своей промежуточной позиции. Признавая, с одной стороны, Державина неправым в «некоторых бурных примечаниях», он, с другой стороны, никоим образом не сомневается в том, что «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» заслуживает напечатания, и предлагает отшлифовать его. Здесь же содержатся указания еще на какие-то письма, до нас не дошедшие (так, Львов упоминает, что писал Капнисту в четверг, т. е. 27 декабря).²⁰ В письме от 23 декабря 1789 г., посланном за неделю до письменной реакции Державина, Львов почти хвалебно писал об «Ответе», находя в стихотворении «замысловатый оборот плана», «красоты мыслей» и «более правильный рисунок», хотя и меньшую живописность, чем у Державина. В порыве воодушевления Львов переходит на французский язык и именно на основании «Ответа» утверждает, что Капнист создан скорее для поэмы, чем для оды, хотя ему и удалось с грацией выразить чувствительный порыв в одах «На надежду» и «На утрату» («un moment de sensibilité, comme dans l'ode „Sur l'Espérance“ ou „Sur la Perte“»).

Выясняется, что в момент создания письма у Львова не было текста «Ответа», ибо тот находился «у оригинала татарского», т. е.

Т. I. С. 715; *Капнист В. В.* Избранные произведения / Подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Вступ. ст. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1973. С. 542—543 (здесь, в частности, указано, какие из поправок Львова были учтены Капнистом при дальнейшей переработке «Ответа»).

¹⁸ Так, в 1864 г. Я. К. Грот писал, комментируя стихотворение Державина «К Н. А. Львову», что стихи Львова «не озаменованы, вообще говоря, печатью высшего таланта» (I, 513); то же мнение ученый повторил в предисловии к подборке стихов Львова тридцать лет спустя (*Русская поэзия* / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1894. Вып. 4. С. 768).

¹⁹ Ср. подробный перечень документов в этом архивохранилище, связанных с Державиным: *Долгова С. Р.* Державин и его окружение в документах Российского государственного архива древних актов (Ф. 1478, Капнист—Львовы) // *Г. Р. Державин и его время.* Сб. науч. статей / Отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2008. [Вып. 4]. С. 187—217.

²⁰ Укажу во избежание недоразумений, что письмо Львова Капнисту от 23 декабря 1789 г., опубликованное Е. Н. Кононко, не могло иметься в виду. Оно было написано в воскресенье, а не в четверг (*Письма русских писателей XVIII в.* Л., 1980. С. 388—389).

у Державина. По всей видимости, через несколько дней Лвов получил рукопись обратно, сделал на ней публикуемые ниже пометы и отослал Капнисту вместе с письмом Державина (в примечании к посланию упомянуто некое письмо, к которому послание приложено). Прежде чем перейти к анализу этих поправок Львова, думаю, необходимо хотя бы в двух словах охарактеризовать присланную в Петербург рукопись.

И Державин, и Лвов читали «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» не по автографу, но по писарской копии, которую Капнист не потрудился внимательно вычитать. Этим объясняются многочисленные погрешности текста, из которого с нарушением метра выпали отдельные слова,²¹ а в конце второй строфы даже целый стих, так что Лвов отметил: «тут чего-то нет». Таким образом, отмеченная Державиным неудовлетворительность просодии должна быть отнесена на счет копииста, а не автора. При публикации ранней редакции «Ответа», эти огрехи нами не устранены, ибо на них почти всегда обращал внимание Лвов и они очевидны из его поправок.²²

Пометы Львова призваны улучшить стилистику «Ответа», сделать его стихи более гладкими и легко читаемыми. В соответствии с этим устраняются: неуклюжие инверсии, славянизмы, двусмысленности, а также нарочитые внутренние рифмы («дива живо»). Несомненно, что для Львова «Ответ», несмотря на его полемический характер, — произведение поэзии высокой, и он требует изгнания из него слова «лик» в значении «лицо, облик» как «народного и дурного». При этом он подчеркивает, что «в благородном слоге „лик“ значит „хор“», почти напрямую отсылая к знаменитому стиху Державина «где пиршеств раздавались лики» в оде «На смерть князя Мещерского».

Хотя Лвов Ломоносова в своих примечаниях не упоминает,²³ поддержка Капниста, если взглянуть на дело отстраненно, имела антиломоносовскую направленность. В сущности, речь шла о борении с барочными элементами в поэтике Державина, дававшими о себе знать еще слишком сильно,²⁴ и о классицизации друга-поэта в духе Баттё, со всей очевидностью не доведенной еще до конца. В этом контексте вынесение критического выступления Капниста на страницы периодики имело смысл, потому-то Лвов предлагал и практическую помощь в напечатании — «переписав, как должно, пришли, я напечатаю».

²¹ См. стих 6-й V строфы, стих 2-й VI строфы и проч.

²² Исключение — 7-й стих 11 строфы, из которой выпало односложное «здесь».

²³ Задетым из писательского цеха оказывается лишь Тредиаковский, «Телемахиду» которого Лвов считал образцом плохого стиля.

²⁴ На основные факты в связи со значением Ломоносова для формирования Державина-поэта указано в статье: *Стенник Ю. В. Ломоносов и Державин // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 235—267.*

Помимо решения задач литературных, Львов стоял перед необходимостью преодоления дружеского конфликта, что побудило его сопроводить сделанные пометы посланием, созданным экспромтом. Как и в других случаях, подобные «смешные стишки»,²⁵ не предназначавшиеся для печати и порой «сползавшие» в галиматью, должны были в первую очередь поддержать дружеский контакт, на темы серьезные в них лишь намекалось. Как уже указывалось выше, послание Львова от 17 января 1790 г. и список «Ответа» теснейшим образом связаны с письмом Державина от 31 декабря 1789 г. В силу этого становится ясным, кто подразумевается под упоминаемой в послании музой, «трубочисту» Капнисту женой не приходящейся, — это Е. Я. Державина, сделавшая приписку к этому письму Державина. И хотя окончание стихотворения выражало сожаление о доле «трубочистов», а занятие это рекомендовалось оставить, но и пометы Львова, и его письмо Капнисту от 23 декабря 1789 г., и готовность помочь с напечатанием — все это свидетельствовало о другом, о признании Львовым эстетической ценности «Ответа Рафаэла певцу Фелицы».

Стоит, видимо, упомянуть о том, что Львов порой сильно расходился с Державиным в литературных оценках — Капнист-критик ему был намного ближе. Это очевидно из еще одного письма Львова Капнисту, от 28 ноября 1794 г., где под «искренним приятелем» подразумевается «певец Фелицы», а в дружеских обсуждениях, как и прежде, видится гарантия качества лирической продукции:

«Посылаю к тебе, мой друг, целый груз стихов — посредственных, дурноватых и дурных, между прочим, по старшинству следует „Песнь Екатерине II“, которую намахал наш искренний приятель. И я накануне ему предсказал, что ему вымоют голову, — и вымыли. Не пиши дурных стихов, а слушайся приятелей; а как я его, впрочем, накануне ни просил многое выкинуть, кое-что поправить».²⁶

Для понимания позиции Львова в спорах 1789 г. существенны и его упреки Ломоносову, сделанные несколько позже, — в поэме «Добрыня», начатой в 1796 г. и опубликованной посмертно. Она содержит следующие строки, направленные против «российского Пиндара»:

Правда, был у нас сын усилия,
Он и трудности пересиливал
Дарованием сверхъестественным,
Легким делывал невозможное
Властью русского славословия.²⁷

²⁵ «Смешными стишками» в родственном кругу Львова именовались послания поэта, не предназначавшиеся для печати. Об этом можно заключить из «Приношения» Львова Е. М. Олениной, завсрашающего его «Горячку» (1793).

²⁶ Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 389.

²⁷ *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитек-

Этот пассаж снабжен перечислением цитат из Ломоносова в духе сумароковских «вздорных од», чем была подчеркнута рискованность барочного метафоризма. И хотя ломоносовское насилие над языком окончилось «без увечий», путь «российского Пиндара» в «Добрыне» недвусмысленно отвергается: «Надрываясь из добра ума, / Никому в труде не понравишься».

Пометы Львова на раннем списке «Ответа Рафаэла певцу Фелицы» публикуются по рукописи, хранящейся в РГАДА, в фонде Капнистов-Львовых (Ф. 1478. Ед. хр. 79. Л. 1—5 об.). Орфография и пунктуация приближены к современной; сохраняется особенность написания имени «Рафаел» и словоформы стилистически маркированные («лучем», «лицем», «Ея» и пр.), а также написание большими буквами местоимения «она» и имени «Фелица», когда под ними подразумевается императрица Екатерина II. Название стихотворения Капниста, повторяющееся перед его основным текстом, опущено. Все пометы Львова вынесены в постраничные примечания. Их можно разделить на две группы: поправки и краткие комментарии. В случае необходимости к ним сделаны уточнения публикатора, выделенные курсивом.

Рапорт лейб-автору от Екатеринославских муз трубочиста Василья Капниста

Ответ Рафаэла певцу Фелицы²⁸

Рафаел, живописец римской,²⁹
За Стикс отшедший на покой,
Мурзе и дивописцу Крымской,
Киргизкайсацкой, Золотой,³⁰
А вточь,³¹ какой орды не знает,
Здоровья и всех благ желает.
Сие же пишет во ответ
На то посланье длинновато,³²

турных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена, 1994. С. 197.

²⁸ *Приписка Львова внизу титульного листа тетрадки*: «Гаврила неправ в некоторых своих бурных примечаниях, я ему скажу, а если некоторые мною исправленные неровности ты простишь и помилуешь, то, переписав, как должно, пришли. Я напечатаю. Я писал к тебе о поэме в четверг, в пятницу Гаврила о поэме от тебя получил... se rencontrent».

²⁹ «Рафаел, Санкио Урбинской». *Примеч.*: «Поелику „римской“ кажется „во времена римлян живший“, он же не римлянин, Санкио его имя».

³⁰ «Орды Киргизкой, Золотой».

³¹ «А подлинно». *Примеч.*: «Перенос орды немного трудноват был».

³² «На посланной и долговатой».

Которо от него крылатой³³
Меркур³⁴ на сей доставил свет.

Мурза! Сто тридцать повелений,
Тобой предписанные мне,
Признаюсь,³⁵ рассмешили тени,
Покоющиеся³⁶ в сей стране.
Им показалось очень странно,
Как так слегка, и так пространно
Ты вздумал мне урок задать;
Над коего и сотой долей,³⁷
В пень был бы приневолен стать.

Ты счел, как вижу, что не диво
Изобразившим вещество
Изобразить достойно, живо
И непостижно божество.
Что как воображенью слово,
Так будет мастерство готово
Представить мысль твою глазам:
А тем нам думать дал причины,
Что кистью дщери Мнемозины
Ты лишь помазан по усам.

Нет, нет, мурза! не так не трудно,
Как то себе мечтаешь ты,
Всех прелестей согласие чудно
Собрать и слить в одни черты;
Чтоб душу ангела небесна
Представила краса телесна.
Лик солнца виден каждый день;³⁸
Однако вся искусства сила
Изобразить сего светила
Одну лишь слабу может тень.³⁹

Не так легко, над полвселенной
На сорок токмо двух столбах
Престол поставить вознесенной,
В осми смотрящийся морях;

³³ «Тот свиток, что Гермес крылатой».

³⁴ «К нему». *Примеч.*: «„Меркур“ уже употреблен с успехом в „Телемахиде“».

³⁵ «Признаться». *Примеч.*: «„Признаюсь“ не по-русски».

³⁶ *Примеч.*: «„Покоющиеся“ не очень ловко».

³⁷ *Примеч.*: «Тут чего-то нет».

³⁸ «Вид солнца зрим мы каждый день». *Примеч.*: «„Лик“ — слово народное и бурное, а в благородном слоге лик значит „хор“».

³⁹ *Примечание к четырем последним стихам строфы*: «Ceci est beaux et grand».

Расширить ноги так орлины,
Чтоб сжал одною зев он львиной
Другой рога луны сгибал;
И сделать, через подвиг вящий,
Чтобы Перун в руках горящий
Из уст, гремел лишь,⁴⁰ не сверкал.

А ты хотел, чтоб я все дива,
Которы нам возвестил,⁴¹
Из полного черпнув архива,
В одну картину поместил!
Хоть знал я тщетное желанье,
Но всё употребил старанье
Тебе сколь можно угодить;
И так пуся⁴² наудачу,
Чтоб совершить⁴³ твою задачу,
Я предприял ее дробить.

Сперва, созвав в совет согласной
Весь живописный наш синклит,
ФЕЛИЦЫ твоя прекрасной
Решился я представить вид;
И чтоб исполнить чудно дело,
Минервину главу на тело
Юоны лепой посадил
И, прелестьми трех граций нежных
Покрыв, о чреслах белоснежных
Венерин пояс обложил.

И восхищался, — как пред мною
Представ мурза каких-то орд,
Под шапкой, бритую главою,
И длинными усами горд
Спросил: кого изображаю?
«ФЕЛИЦУ». — «Как? — Ея? — я чаю
Что ты несешь и пишешь бред.⁴⁴
Брось кисть мой друг! и труд напрасный
Нет не Ея то лик прекрасный:
А разве токмо силуэт».⁴⁵

Сказал и с гневом удалился.
Приветством удивлен таким
Я речь завесть поторопился

⁴⁰ «гремел, но».

⁴¹ «Которы нам ты возвестил».

⁴² «пустился».

⁴³ «А чтоб свершить».

⁴⁴ «Что ты марашь дребедень».

⁴⁵ «Но ты обвел Ея лишь тень».

О чудной сей ФЕЛИЦЕ с ним.
Догнав его, — «Мурза почтенный! —
Сказал, — оставим несравненный
ФЕЛИЦЫН лик; позволь спросить
Совета, как бы кисть щастлива
Могла, сего осмого дива,
Хоть подвиги изобразить?»

«Хоть подвиги? Нетрудно дело
Затеял ты в уме своем!
Да хоть вас сто б над ним сидело
Век целый, встали б все ни с чем.
Для рам обширной толь картины
Мал лес всей здешней Палестины;⁴⁶
А где взять красок и кистей?
Опомнися, тебе ль пристало⁴⁷
Явить нам ясное зрцало
Великих дел царевны сей?

Над всеми царствами вселенной⁴⁸
Она возносится, как кедр,⁴⁹
Над тростью гибкой, униженной,
Чуть из земных возникшей недр
Державный скипетр простирает,
На царствы там граждан венчает,
В подданство царствы берет;⁵⁰
Стязующиеся державы
Пресекти нудит ток кровавый,⁵¹
И суд и мир им подает.

Се треск и гром Ея перуна,
Страшилища⁵² владык земли,
С полнощи грянув, храм Нептуна
В Средземном понте потрясли.
Там гидр ОНА в волнах сжигала;
Луну гордящуюсь⁵³ затмевала
Крылами своего⁵⁴ орла;
И, царств не возмута покою,⁵⁵

⁴⁶ *Примеч. к этому и предыдущему стихам:* «Это несправедливо Гавриле не нравится, а оно хорошо».

⁴⁷ «И живописцу ли пристало».

⁴⁸ «Она над царствами вселенной».

⁴⁹ «Главой возносится, как кедр».

⁵⁰ *Львов пометил двумя сходными значками тавтологию «царствы».*

⁵¹ «Пресечь велит поток».

⁵² «Страшилище».

⁵³ «кичливу».

⁵⁴ «сильного».

⁵⁵ «И нежестокою войною».

В предел свой сильною⁵⁶ рукою
Пространно море вовлекла.⁵⁷

Блаженству всех держав и миру⁵⁸
Драгих ток посвятивши дней,⁵⁹
Она злату⁶⁰ свою порфиру
Простерла над лицом⁶¹ морей.
Под сению священная крова,
Не смеет буйства длань сурова
Судам свободный ход препнуть:
Хоть люты брани вокруг⁶² рыкают,
Они среди их протекают
Бесстрашно, в предприятый путь.

Но кая может слова сила
Явить в величии своем,
Как мрак полнощи осветила
ОНА премудрости лучем?
Как подданных рвала оковы
В них души поселяла⁶³ новы
И как, где в счастье их вперен⁶⁴
Судьбина подвиг препинала,
ОНА блаженствы засекала
Для жатвы будущих племен?⁶⁵

Но что! по всей вселенной ныне
Гремят дела Ея одной;
И на пространной сей холстине
Насилу кистию златой⁶⁶
Писать их слава успеваает,
То как рука твоя дерзает⁶⁷
Подъять толь непомерный⁶⁸ труд?

⁵⁶ «властною». *Примеч. к этому и предыдущему стихам:* «Европейские-то шумели за Крым».

⁵⁷ *Примеч. к последнему стиху строфы:* «Superbe».

⁵⁸ «Блаженству царств и славы миру».

⁵⁹ *Два варианта, предложенные Львовым:* «Отдав своих спокойство дней» и «Пожертвовав спокойством дней».

⁶⁰ «сияющую».

⁶¹ «по лицу».

⁶² «там».

⁶³ «влияла».

⁶⁴ *Примеч. к этому и предшествовавшему стиху:* «NB не разумею».

⁶⁵ *Примеч. к двум последним стихам строфы:* «Beau vers si on pouvoit comprendre le précédent!».

⁶⁶ *Примеч. к первому четверостишию строфы:* «Очень хорошо».

⁶⁷ «То как же кисть твоя дерзает».

⁶⁸ «беспредельной».

Оставь, мой друг, не суетися;
Кому дивится свет, дивися:
А кисть и краски спрячь под спуд». ⁶⁹

Премудрого сего совета,
Мурза! отнюдь не презрю я.
И так ФЕЛИЦЫНА портрета,
Ниже картины дел Ея ⁷⁰
Тебе доставить не намерен.
Когда ж ты в способах уверен
Те дива живо написать. ⁷¹
То кисть и краски пред тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что мог так лепо рассказать.

С италиянского языка перевел Василий Капнист. ⁷²

* * *

[Львов Н. А. Шуточное послание Капнисту
от 17 января 1790 года] ⁷³

Генвар. 17, 1790

И я тебе, уроду,
возвращаю твою оду,
но не очень, так сказать,
чисто мог я написать.
Посылая ж к трубочисту,
коему из муз одна,
хоть не будучи жена
признается, ⁷⁴ что быть чисту,
чистить, мечь и прочищать
выметать и промывать
одному лишь власть дана.
Хоть бы опытом она
власть такую утвердила,
не завистник в том Гаврила,
не завидую и я,
не завидна часть твоя,

⁶⁹ *Примечание к последнему катрену строфы:* «Tout à fait galant».

⁷⁰ «Ни начертанья дел Ея».

⁷¹ «Точно». *Примеч.:* «Потому что „дива живо“ в произношении делают стих».

⁷² *Приписка Львова:* «А вот за это бестию кнутом, не ври».

⁷³ *Приписка с левой стороны листа сверху вниз:* «Как прочитал, так сам удивился, какой я вздор напорол».

⁷⁴ *Примеч.:* «Voyez la lettre originale à jointe».

мастерство твое не чисто,
и у муз чин трубочиста
есть не очень легкой чин,
ты один
а их ветвь много,
трудновата, брат, дорога,
ты которую избрал.
Лучше б просто не марал,
а пусть чистили б фауны
лиры той сокрыты струны
на которой Пан играл.

И. КЛЕЙН

МУДРОСТЬ ГОРАЦИЯ
И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП
В ЛИРИКЕ Державина

(Стихотворение «На умеренность»)*

Светлой памяти
Якова Карловича Грота

Стихотворение Державина «На умеренность»¹ представляет собой лирическую медитацию о житейской мудрости на основе 10-й оды II книги Горация «Rectius vives, Licini» («Правильнее будешь жить, Лициний»)². Следуя горацианскому идеалу *aurea mediocritas*,

* При переводе этой работы мне помогала И. Паперно; В. М. Живову я благодарен за консультацию.

¹ Текст см.: *Державин Г. Р. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. I. СПб., 1868* (второе издание). С. 349—352. Это издание цитируется в дальнейшем с указанием на том и страницу. Стихотворение было написано в 1792 г., но вышло из печати только в 1798 г.

² На тему «Державин и Гораций» см.: *Линчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина // Учен. зап. Томского гос. ун-та. 1955. № 24. С. 71—86; Занадков А. Мастерство Державина. М., 1958. С. 156—168; Busch W. Horaz in Rußland. Studien und Materialien. München, 1964. S. 70—86; Савельева Л. И. Античность в русской поэзии конца XVII—начала XVIII в. Казань, 1980. С. 16—25; Морозова Г. В. Г. Р. Державин и А. Котельницкий. Из истории державинских переводов (по архивным материалам) // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 185—196; Морозова Г. В. Метрические эксперименты Г. Р. Державина в переводах Горация // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993. С. 134—138; Мальчукова Т. Г., Кислова М. М. Гораций у Державина // Гораций в избранных текстах и переводах. Материалы и исследования по истории поэтического перевода. Петрозаводск, 1995. С. 72—74 (эта работа мне осталась недоступной); *Byrd Ch. Thunder Imagery and the Turn against Horace in Derzhavin's «Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya» (1807) // Russian Literature and the Classics / Ed. by P. I. Barta, D. H. J. Larmour, P. A. Miller. Amsterdam, 1996. P. 13—34; Левицкий А. Державин, Гораций, Бродский (тема «бессмертия») // XVIII век. СПб., 1999.**

Державин здесь говорит о «средней стезе» и проповедует принцип стоического равнодушия, которого нужно придерживаться во всех жизненных ситуациях, в счастье и несчастье. Кроме того, он обязан Горацию целым рядом поэтических образов. Все это свидетельствует о том, что Державин видит в Горации прежде всего красноречивого глашатая учения о правильной жизни. С точки зрения XVIII в., это учение в духе европейского Просвещения было привлекательно тем, что оно ориентировалось в первую очередь не на религиозные, а на светские представления, на идеал земного блаженства и на правила практического разума.

«На умеренность» Державина и «Rectius vives, Licini» Горация: ассимиляция чужого

Державин владел из иностранных языков только немецким;³ Горация он читал с помощью русских⁴ или, может быть, немецких переводов, причем следует думать в первую очередь о знаменитых в свое время и прокомментированных для широкой публики переводах К. В. Рамлера (1725—1798),⁵ «немецкого Горация».⁶ К сожалению, неизвестно, какой именно перевод использовал Державин при написании стихотворения «На умеренность»⁷ (во всяком случае, это

Сб. 21. С. 260—267; Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 308—354 («Новая ода Державина»).

³ Ср.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1893. Т. 2. С. 43.

⁴ См. комментарий Грота (III, 76).

⁵ Там же (III, 36). На тему «Державин и Рамлер» см.: *Rosendahl G. Deutscher Einfluß auf Gavriil Romanovič Deržavin. Masch. Diss. Bonn, 1953. S. 58—62; Доценко И. И., Григорова Н. В.* Державин и русско-немецкий литературный диалог XVIII в. // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. С. 240—241. О Рамлере-переводчике Горация см.: *Leonhardt J. Ramlers Übersetzungen antiker Texte // Urbanität als Aufklärung. Karl Wilhelm Ramler und die Kultur des 18. Jahrhunderts / Hrsg. von L. Lütteken, U. Pott, K. Zelle. Göttingen, 2003. S. 331 ff.*

⁶ Так его называет Карамзин в «Письмах русского путешественника»: «Ныне был я у старика Рамлера, Немецкого Горация. Самый почтенный Немец! Ваши сочинения, сказал я ему, почитаются у нас классическими» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 44.*)

⁷ См. другое мнение: *Морозова Г. В.* Метрические эксперименты. Исследовательнице удалось найти среди бумаг Державина рукописную тетрадь с 58 подстрочными переводами од Горация, сделанными А. Котельничким, молодым писателем недворянского происхождения, выпускником Московского университета. Котельничкий родился в Москве в 1770-е гг.; ср.: *Степанов В. П.* Котельничкий Александр Михайлович (?) // *Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К—П).* СПб., 1999. С. 135—137. Г. В. Морозова заключает на основе своей находки, что данная тетрадь «полностью снимает вопрос о посредниках, к чьей помощи должен был прибегать Державин, не

едва ли был перевод Рамлера, как явствует из сравнения русского с немецким текстом). Поэтому не всегда возможно установить, восходит ли тот или иной элемент русского текста к самому Державину или к неизвестному переводчику-посреднику.

Эта оговорка касается в первую очередь формальных аспектов данного стихотворения, т. е. стилистических деталей и стиховой структуры. К. В. Рамлер известен тем, что он первым в немецкой литературе переводил «Горация по возможности точно и следуя метрическому строю оригинала».⁸ На этом фоне бросается в глаза, что в тексте Державина не заметно ни малейшей попытки подражать версификации латинского оригинала. Стихотворение написано обыкновенным для русской поэзии XVIII в. четырехстопным ямбом и десятистрочной — «одической» — строфой, тогда как оригинал написан сапфической строфой, т. е. четырехстопником с укороченной четвертой строкой,⁹ хотя Державин прекрасно знал, «что древние писали стихи свои без рифм»,¹⁰ он (или анонимный переводчик-посредник) был не готов отказаться в данном случае от этого специфического признака поэзии Нового времени.

Подобная модернизация стиха соответствует общей практике русских поэтов-переводчиков XVIII—первой половины XIX в.,¹¹ стремившихся популяризировать Горация тем, что лишали его произведения элементов чужой культуры и приспособляли их к литературным навыкам своих читателей. Тому же служит склонность русифицировать отдельные мотивы чужого текста; это своего рода «склонение на наши нравы». Данная практика была распространена также у русских переводчиков Горация. Она встречается и у Державина: в стихотворении «На умеренность» отсутствует адресат Лици-

знавший латинского языка» (С. 135). Этому утверждению противоречит хронология. Тетрадь с переводами датирована 1801 г. (Там же); однако значительная часть державинских адаптаций и переводов Горация возникла в предшествующие десятилетия. Поэтому вопрос о переводчиках-посредниках этих лет остается открытым и в случае стихотворения «На умеренность». Возможное исключение представляет собой в этом отношении лишь восходящее к 13-й оде III книги Горация стихотворение «Ключ» (опубл. 1779), в котором Державин, может быть, опирался на перевод Рамлера; см.: *Rosendahl G. Deutscher Einfluß auf Gavriil Romanovič Deržavin; Доценко И. И., Григорова Н. В.* Державин и русско-немецкий литературный диалог XVIII в.

⁸ *Stemplinger E.* Das Fortleben der Horazischen Lyrik seit der Renaissance. Leipzig, 1906. S. 18.

⁹ Сапфическая строфа используется Державиным позднее, в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807), которое представляет собой свободную вариацию на второй эпод Горация «Beatus ille...».

¹⁰ Ср. его письмо 1784 г. в редакцию журнала «Собеседник любителей российского слова», где Державин оговаривает тот факт, что он писал свою оду «На приобретение Крыма» белыми стихами, в чем он последовал примеру «новейших лучших авторов иностранных [т. е. немецких]». Поскольку это письмо отсутствует в «Сочинениях», я его цитирую по комментарию Грота (I, 129).

¹¹ Ср.: *Busch W.* Horaz in Rußland. S. 235—236 et pass.

ний, к которому обращается Гораций, и римский Юпитер уступает место славянскому Перуну.

Такой подход к классическим текстам стал проблематичным лишь в первые десятилетия XIX в., когда с возникновением исторического сознания русские авторы начали учитывать культурную специфику античной литературы и ощущать эстетическую прелесть чужого. Это новое отношение к классическому наследию заметно и у Державина, стремившегося в своих поздних переводах Горация 1810—1811 гг. воспроизводить не только бытовые и мифологические детали, но и версификацию латинских оригиналов.¹²

Расширение оригинала

Стихотворение «На умеренность» отличается от латинского оригинала не только версификацией и отдельными мотивами, но и объемом: оно более чем в три раза длиннее (110 vs. 32 стихов, 11 vs. 6 строф): не удовольствовавшись тематическим материалом Горация, Державин добавил много своего, тем самым пожертвовав как симметрической композицией оригинала, так и единством его интеллектуального замысла.

Так, в четвертой строфе державинского стихотворения утверждается наряду с эвдемоническим прагматизмом, характерным для учения Горация, и моральная установка, которая делается независимой от практических соображений, претендуя на абсолютную значимость. Речь идет о некоем гораццианском мудреце, который понимает («видит») неустойчивость Фортуны, проявляя трезвый взгляд на реальность и стоическое спокойствие души. Однако этот мудрец отличается одновременно и совсем другими качествами — он образцовый русский подданный, который чтит религию и уважает монархический принцип. В этом неожиданном повороте мысли, который плохо укладывается в идейное целое стихотворения, сказывается политическая злоба дня: Державин здесь полемизирует с пагубной «метафизикой» Французской революции:

IV. Он (гораццианский мудрец. — *И. К.*)
видит — и, душой мужаясь,
В несчастьи надежды полн;
Под счастьем же, не утомляясь,
В беспечный не вдастся сон;
Себя и ближняго покоя,
Чтит Бога, веру и царей;
Царств метафизикой не строя,
Сместся, зря на пузырей,

¹² См.: Морозова Г. В. Метрические эксперименты.

Летящих флотом к небу с грузом,
И вольным быть не мнит французом.

Отклонение от гораццианских принципов еще более заметно в следующей — пятой — строфе, где продолжается разговор о гораццианском мудреце. В своей полемике против «французов» Державин мог бы апеллировать к учению Горация о том, что человек должен мириться с окружающей его реальностью, отказываться от пустых мечтаний и «довольствоваться малым».¹³ Однако он пренебрегает этой возможностью, прибегая к иной аргументации: французские революционеры забыли об универсальном законе природы, заключающемся в том, что человек всегда подвержен власти «страстей»; по мнению Державина, этот закон несовместим не только с идеями «вольности» и равенства, но и с не менее утопической надеждой на «дни златые»:

V. Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах,
Нет вольности, нет равной части
Царю в венце, рабу в цепях;
Несет свое всяк в свете бремя,
Других всяк жертва и тиран;
Течет в свое природа стремя;
А сей закон коль ввек сй дан,
Коль ввек мы под страстями стенаем,
Каких же дней златых желаем?

Державин и Капнист: два разных подхода к Горацию

К русским приверженцам Горация принадлежал и Капнист. Подобно своему шурину и старшему другу Державину, он не владел латынью и поэтому мог читать Горация только с помощью подстрочных переводов, сделанных для него учеными приятелями;¹⁴ кроме того, он пользовался переводами французского издателя Горация

¹³ Ср. стихотворение Державина «О удовольствии» (1798), восходящее к 1-й оде III книги Горация. Это заглавие звучало бы на современном языке «О довольствии малым» (II, 100). Ср. в этой связи также гораццианскую эпистолу «Капнисту» (1797), в которой поэт увещевает адресата следующими словами: «О! будь судьбе твоей послушным» (II, 68).

¹⁴ Ср. «Предисловие» Капниста к запланированному им собранию переводов од Горация (*Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. II. С. 39.* — О гораццианстве Капниста см.: *Веселовский В. В. Капнист и Гораций. (Эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII, нач. XIX века) // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1911. Т. 15. С. 199—232; Blasberg A. Vasilij Vasil'evič Kapnist und seine Übertragungen von Gedichten des Horaz ins Russische. Rahden/Westf., 2007. S. 115—152 («Exkurs: Kapnists Verhältnis zu Deržavin»).*

Андре Дасье.¹⁵ Через десять лет после державинского стихотворения «На умеренность» Капнист в свою очередь написал стихотворение «Умеренность»,¹⁶ восходящее также к 10-й оде II книги Горация.

Подобно Державину Капнист использует в своей версии оды Горация рифмованный четырехстопный ямб, и он также прибегает к русификации известных нам уже мотивов — отсутствует имя Лициния и Юпитер заменяется Перуном. Тем не менее стихотворение Капниста значительно ближе к оригиналу, чем стихотворение Державина, что сказывается, например, в строфике: мы находим у него не восьмистрочник, а более похожий на сапфическую строфу Горация четырехстрочник. Различие обеих версий еще более заметно на уровне тематики: Капнист в этом отношении строго следует Горацию, он избегает всяких добавлений, сохраняя как композиционную симметрию, так и смысловое единство оригинала.

Эти расхождения указывают на принципиальное различие в подходе обоих поэтов к Горацию. Державин рассматривает латинский оригинал в первую очередь не как образцовое произведение античности, с которым необходимо познакомить русского читателя, а, скорее, как арсенал определенных идей и образов, которыми он пользуется в своих целях.¹⁷ Правда, Державин восхищался Горацием не менее Капниста;¹⁸ вспомним, что тот «совершенно особый путь», которым он пошел в конце 1770-х гг., как будто состоял в творческой переориентации с Ломоносова на Горация.¹⁹

Тем не менее Державин был в значительно меньшей степени, чем Капнист, готов подчиняться авторитету Горация. Мысли, мотивы и образы Горация встречаются у Державина на каждом шагу, но он переводил его далеко не так часто, как Капнист: Державин сделал

¹⁵ *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. II. С. 48.

¹⁶ Там же. Т. I. С. 169—170 (текст), 726 (комментарий). Стихотворение датируется началом XIX в.

¹⁷ Ср. комментарий Грота, который, правда, несколько недооценивает значение переводов в горацианском творчестве Державина: «[О]н почти никогда не ставил себе целью подражание или перевод, а когда заимствовал у других поэтов, то обыкновенно с применением к избранному им самим сюжету, взятому из действительной жизни, и с подчинением чужаго своему» (II, 72; комментарий к дружескому посланию Капнисту, частично восходящему к 16-й оде II книги Горация).

¹⁸ См.: *Пинчук А. Л.* Гораций в творчестве Г. Р. Державина. С. 72. Подобно другим исследователям автор различает терминологически «переводы» и «переложения». Однако на практике не всегда легко определить, к какому из двух терминов следует прибегать в конкретном случае. Поэтому мне представляется более целесообразным избегать этой слишком четкой терминологической оппозиции и говорить лишь о более или менее свободных переводах.

¹⁹ VI, 431—432 (подстрочное примечание Грота, который цитирует фрагмент из одной тетради Державина 1805 г.); о реализации державинской программы см.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 308—354.

только 8 переводов²⁰ од Горация, а Капнист — 45.²¹ Эта диспропорция симптоматична: в отличие от Капниста Державин не видит себя «слабым подражателем Горацию»,²² и он не сомневается в своей способности представить читателям творения «отличного сего певца со всеми красотою их, силою, легкостью и живостью».²³ Можно было бы сказать, что Державин не хотел быть «русским Горацием», а только «Державиным».

Автобиографизм, сатирические аллюзии

Имея в виду специфику державинской рецепции Горация, один момент заслуживает особенного внимания. Как известно, Державин был тем поэтом, который ввел автобиографический принцип в русскую поэзию.²⁴ Этот принцип играет не менее значительную роль в поэзии Горация²⁵ и может поэтому считаться одним из главных элементов, объясняющих интерес Державина к поэзии Горация (другие точки соприкосновения — мотивы жизненной радости, идея высокой миссии поэта, склонность к автоиронии, культ дружбы и проч.²⁶). Как известно, Державин в своем автобиографическом стихотворении «Памятник» следовал 30-й оде III книги Горация «*Exegi monumentum...*», темой которой является собственное лицо автора и его претензия на вечную славу. Иначе обстоит дело в случае 10-й оды II книги «*Rectius vives, Licini*». В ней отсутствует автобиографический элемент, но тем более выразительно утверждается в державинской версии данного текста — в стихотворении «На умеренность».

Так же как в «Памятнике», лирический субъект этого стихотворения должен восприниматься не как абстрактная и заданная жанровой нормой инстанция, как в одах Ломоносова или элегиях Су-

²⁰ Ср.: Пинчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина. С. 85. Автор называет кроме шести близких к оригиналу «переводов» еще два «свободных стихотворных переложения».

²¹ Ср.: Blasberg A. Vasilij Vasil'evič Kapnist und seine Übertragungen. S. 379.

²² Ср. письмо Капниста от 26 марта 1822 г. А. А. Прокоповичу-Антонскому: Капнист В. В. Собр. соч. Т. II. С. 538.

²³ Там же. Т. II. С. 39 («Предисловие»).

²⁴ См.: Гуковский Г. Г. Р. Державин. Стихотворения. М., 1947. С. XXXIII и сл.

²⁵ Об «основном комплексе автобиографических мотивов» у Горация см.: Zimm E. Erlebnis und Dichtung bei Horaz // Wege zu Horaz / Hrsg. von H. Oppermann. Darmstadt, 1980 (zweite Auflage). S. 377. См. также: Perret J. Horace. Nouvelle édition. Mise à jour. Paris, 1959. P. 75—76. Автор считает, что главная литературная заслуга Горация заключается в том, что он осмелился интересоваться самим собой и что кажущаяся гетерогенность поэтического творчества Горация, в том числе и его од, находит свой центр именно в личности говорящего о самом себе поэта.

²⁶ Ср.: Пинчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина. С. 72.

марокова, а как собственное «я» эмпирического автора: Державин хочет, чтобы читатели поверили, что говорит в данном стихотворении именно он²⁷ (потому я в дальнейшем буду просто говорить «Державин» или «автор» вместо «лирический субъект»). Собственно автобиографический элемент заключается в том, что автор говорит о себе и своих жизненных обстоятельствах. В результате подобного самоизображения возникает своего рода автопортрет. При всей идеализированности этого автопортрета бросается в глаза его биографическая конкретность. Державин предстает здесь в двойной роли, характерной для его самопонимания вообще: с одной стороны, он поэт, поющий «среди Муз с Горацием», а с другой — высокопоставленный чиновник, причем из контекста стихотворения ясно, что речь идет о его службе в качестве статс-секретаря в кабинете императрицы, должность которого он занял 12 декабря 1791 г.

Впрочем, Державин говорит в своем стихотворении не только о себе, но и о других вельможах. Таким образом, его самоизображение вписывается в более широкий контекст петербургского придворного общества начала 1790-х гг. Данный контекст активизируется через целый ряд аллюзий. В этом заключается один из главных признаков, отличающих державинский текст от латинского оригинала. Стихотворение «*Rectius vives, Licini*» состоит в основном из ясно сформулированных сентенций о правильной жизни, что соответствует установке Горация на общедоступность поэтического языка.²⁸ Поучительные сентенции встречаются в немалом числе и у Державина, но его аллюзии понятны только для тех, кто был знаком с конкретными обстоятельствами его жизни и бытом петербургского двора.

Проблематика аллюзионного стиля не осталась скрытой для Державина, о чем свидетельствуют подробные комментарии, которыми он в старости снабдил свои стихотворения — сначала «Примечаниями на сочинения Державина» (1805), затем и «Объяснениями на сочинения Державина» (1809—1810); в обоих случаях автор говорит о себе в третьем лице. Оба текста в свою очередь содержат

²⁷ С этим связано то, какую важную роль играет категория «искренности» в творчестве Державина, в частности в его панэпиграмической поэзии. Значение этой категории особенно бросается в глаза на фоне художественного сознания Ломоносова или Сумарокова, где она отсутствует. У авторов русского классицизма лирическое выражение обязано своей психологической убедительностью не «искренности», т. е. не субъективной правдивости, а правдоподобию изображения, предметом которого является какое-то чувство: лирика здесь является своего рода *imitatio naturae*. Правдивость, на которую она претендует, носит универсальный характер, касаясь не индивидуального чувства самого поэта, а человека «как такового».

²⁸ См., например: *Syndikus H. P. Die horazische Ode // Syndikus H. P. Die Lyrik des Horaz. Eine Interpretation der Oden. Darmstadt, 1990 (dritte Auflage). Bd. I. S. 13.*

много автобиографического материала.²⁹ Державин добивается с их помощью возможно более широкой доступности своей поэзии, что и понятно для русского поэта XVIII в., стремившегося в духе го-рацианского *docere aut delectare* не только развлекать, но и поучать свою публику. Тем не менее Державин писал некоторые из своих стихотворений сначала только для узкого круга друзей и знакомых, как например дружеские послания «Храповицкому» (1793) или «Капнисту» (1797). Оба текста были распространены сначала только в списках, что было естественно для интимного жанра.

С значительным опозданием вышло из печати и стихотворение «На умеренность». Однако в данном случае это объясняется не жанром, а соображениями житейской осторожности: встречающиеся здесь аллюзии носят резко полемический характер — это сатирические выпады *ad hominem*. Понятно, что в случае печатной публикации автор должен был бы столкнуться с неприятностями. Такие неприятности действительно имели место, например в связи с одой «Фелица», которая также содержала, пусть в юмористически смягченной форме, сатирические нескромности, и поэтому в свое время не предназначалась автором для печати; см. «Объяснения» (III, 482—484).

Думается, что Державин предназначал и стихотворение «На умеренность» сначала только для узкого круга друзей и знакомых, если не для самого себя и для ящика письменного стола. С этой точки зрения, текст будет в дальнейшем интерпретирован в первую очередь в биографическом ключе. Данное стихотворение представляет собой попытку эмпирического автора справиться с помощью Горация с тем сложным положением, в котором он находился в начале 1790-х гг., когда служил статс-секретарем при императрице. Недостаток внутреннего единства, которым отличается поэтический результат этой попытки, был отмечен уже в связи с антиреволюционными мотивами первой половины стихотворения; он характеризует державинский текст и в целом. Таким образом, становится очевидным, что эстетическая обработка реальной жизни и, в частности, личной ситуации автора давалась ему нелегко. Пережитый опыт плохо поддавался художественному оформлению.

Державин и вельможи

Автобиографический импульс данного стихотворения особенно заметен в шестой строфе. Державин здесь уже не выражается сен-

²⁹ См.: *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 143—164. См. также: *Schmid U.* Ich-entwürfe. Russische Autobiographien zwischen Avvakum und Gercen. Zürich, 2003 (zweite Auflage). S. 155—185 («Der Autor der Zaren: Deržavins Selbstheroisierung»).

тенциями, как в предшествующих строфах, а говорит о самом себе и о некоторых из своих современников — вельможах. При этом он прибегает к уже упоминавшимся сатирическим аллюзиям, что сопровождается снижением стилового уровня за счет приближения к разговорному языку.

Знатные особы, к которым отсылают сатирические аллюзии Державина, нарушают этику Горация (и самого автора) своей неспособностью довольствоваться тем, что у них есть; в этом отношении они похожи на французских революционеров предшествующих строф. Побуждаемые желанием еще большего богатства, эти вельможи предпочитают гоняться «по льду на коньках» за ложными благами Фортуны. Лаконическая сентенция в начале данной строфы — «Всяк долгу раб» — несколько неожиданна. Она относится к предшествующей полемике против французских революционеров, причем под «долгом» подразумевается отказ верноподданного гражданина от политических «воздушных замков»³⁰ и его безоговорочное признание богоданного status quo абсолютистского государства. Последняя строка с агрессивной аллюзией на чье-то нечестное обращение с казенными деньгами является не менее неожиданной, чем лаконичная сентенция первой строки:

VI. Всяк долгу раб. — Я не мечтаю
На воздухе о городах;
Всем счастливых путей желаю
К Фортуне по льду на коньках.
Пускай Язон с Колхиды древней
Златое сбрил себе руно,
Крез завладел чужой деревней,
Марс откуп взял, — мне все равно,
Я не завидлив на богатство
И царских сумм на святотатство.

Из «Объяснений» Державина мы узнаем, кто именно скрывается за мифологическими персонажами этой строфы.³¹ Язон, который с «Колхиды древней / Златое сбрил себе руно» — это Г. А. Потемкин-Таврический, которого Державин упрекает в том, что тот злоупотреблял своим положением генерал-губернатора южных провинций для личного обогащения. Персонаж богача-грабителя Креза указывает на обер-прокурора А. Н. Зубова, отца Платона Зубова, последнего фаворита императрицы; в последних строфах стихотворения пойдет речь и о нем. Наконец, бог войны Марс отсылает не к одному, а к двум военачальникам — к князю Ю. В. Долгорукову

³⁰ Ср.: Примечания на сочинения Державина (продолжение) / Публ. и коммент. подгот. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. 1974. Вып. 1 (23). С. 85—86.

³¹ III, 509; см. также комментарий Грота — I, 353—354.

и графу Н. И. Салтыкову, которых сребролюбие довело до того, что они «содержали винные откупа [!]» (III, 509), что было, конечно, несовместимо с честью аристократа (в «Примечаниях» читаем, что оба вельможи занимались этим сомнительным делом «потаенно»³²). В последней строке речь снова идет о Потемкине, который в качестве начальника русских войск во время Второй турецкой войны якобы провинился халатным управлением государственными средствами. Однако это только версия «Объяснений» (III, 509); в самом стихотворении упрек в адрес Потемкина сформулирован резче — эпитет «святоотатственно» снова заключает в себе упрек в коррупции, осложненный религиозными коннотациями, в которых выражается представление Державина о государственной службе как священном долге.³³

Синкретизм ценностей

Вся эта полемика служит контрастным фоном для идеального образа самого автора. В противоположность порочным членам петербургской знати этот образцовый персонаж строго придерживается принципов горацанской этики: чуждаясь всякой жадности, он доволен своей судьбой, которая представляется ему в виде золотой середины между крайностями недостатка и излишества.

Разговор Державина о самом себе продолжается в седьмой строфе (о странном и как будто неуместном слове «пень» в восьмой строке еще пойдет речь):

VII. Когда Судьба качает в люльке,
Благословляю часть мою;
Нет дел, — играю на бирюльке,
Средь Муз с Горацием пою;
Но если б царь где добрый, редкой
Велел мне грамотки писать,
Я б душу не вертел рулеткой,
А стал бы пнем — и стал читать
Равно о людях, о болванах,
О добродетелях в карманах.

³² Примечания на сочинения Державина (продолжение). С. 86.

³³ Об отношении Державина к Потемкину см.: *Грот Я. Жизнь Державина*. М., 1997. С. 367 и сл. Однако остаются неясности. Державин написал свое стихотворение после того, как он начал службу в качестве статс-секретаря императрицы 12 декабря 1791 г., т. е. после смерти Потемкина, произошедшей 5 октября 1791 г. Беспощадная и нарушающая пиетет полемика Державина тем неожиданнее, что в его знаменитой оде «Водопад», написанной под впечатлением смерти Потемкина, покойный вельможа прославляется как крупный государственный деятель, критическое отношение автора к которому выражается не в самом стихотворении, а только в созданных позднее автокомментариях.

Выступая в двойной роли поэта и чиновника, Державин здесь подчеркивает, что занимается поэзией исключительно в свободное от службы время, что представляет собой развитие темы «долга». Эта типичная для самопонимания Державина апология направлена против упреков его бывшего начальника обер-прокурора А. А. Вяземского; подобный мотив встречается и в других стихотворениях Державина, например в оде «На Новый год» (1781).³⁴ Все это свидетельствует о том, что самоизображение Державина имеет помимо учения Горация еще другой идеологический источник — петровский этос честного чиновника. В дальнейшем мы увидим, что дело осложняется еще более тем, что в державинское представление об идеальном чиновнике входит кроме петровской нормативности еще один момент, который близок к гуманным идеалам европейского Просвещения, — представление о бесстрашной борьбе государственного деятеля за истину и справедливость.

Державин и императрица

Во второй половине процитированной седьмой строфы говорит уже не о свободном времени Державина, а о его службе. При этом поэт переходит от прямого способа выражения к гипотетическому, который продолжается в следующих строфах. Этот стиль объясняется соображениями тактичности: ведь за фиктивным царем, о котором здесь идет речь, скрывается реальный персонаж — Екатерина II, непосредственная начальница Державина по службе. Именно об этой службе здесь идет речь. Державин представляет себе, что на службе воображаемого «доброго, редкого» царя он бесстрашно отдавался бы своей любви к истине (вспомним стихотворение «К самому себе» 1798 г., где автор называет самого себя «в правде чёрт»). Однако в следующей — восьмой — строфе оказывается, что на этой службе не обходится без конфликтов:

VIII. А ежели б когда и скучно
Меня изволил он принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть стал бы ощущать,
И шел к нему опять со вздором
Суда и милости просить.
Равно, когда б и светлым взором
Со мной он вздумал пошутить
И у меня просить прощенья:
Не заплясал бы с восхищенья.

³⁴ Другие примеры см.: *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина. С. 146 и сл.

Несмотря на нравственную стойкость, на которую претендует автор в этой строфе, нельзя не заметить биографически реальный субстрат личной обиды, конкретные обстоятельства которой нам известны из автокомментариев Державина. Как статс-секретарь императрицы он считал своим долгом докладывать ей и о таких делах, которые не были приятны и на которые она, будучи во время Второй турецкой войны занятой иными заботами, иногда реагировала с раздражением. В этой связи становится понятным загадочное слово «вздор», которое встречается в пятой строке процитированной строфы. Это отсылка к одному разговору, который имела Екатерина со своим вторым статс-секретарем А. В. Храповицким. В дневнике Храповицкого читаем, что она высказалась о Державине и его докладах следующими словами: «Он со всяким вздором ко мне лезет».³⁵

Все это проливает свет и на слово «пень» из восьмой строки предшествующей (седьмой) строфы: если гипотетический царь приказал бы ему, идеальному Державину, писать доклады («граммотки»), то он, Державин, не колебался бы докладывать ему также о неприятных вещах: «А стал бы пнем — и стал читать / Равно о людях, о болванах, / О добродетелях в карманах». По-видимому, и слово «пень» употребляется в качестве «чужого слова», т. е. отсылки к реальному (или возможному) замечанию императрицы о Державине и его «скучных» докладах. Можно парафразировать это слово как «упрямый человек» — инвектива, которая превращается Державиным в почетное звание стойкого и преданного своему делу чиновника.

Однако Державин говорит не только об обиде, но и о примирении — о воображаемой возможности, что царь просит «прощения» за свою капризность, что также соответствует реальному опыту (III, 510). Однако этот жест «доброты» царя представляет собой для Державина не только удовлетворение, но и своего рода испытание, которое он намерен выдержать по принципу «золотой середины» и стоической этики: перед лицом царской милости Державин не будет отдаваться бездумной эйфории и плясать «с восхищения», равно как и в случае царской немилости будет избегать и другой крайности — беспредельного уныния.

Горацианский идеал трезвой сдержанности получает дальнейшее развитие в следующей — девятой — строфе. Удивляясь «великодушию» царя не наивно, а «с рассуждением», Державин представляет себе, как он войдет в роль поэта, как сочинит в «жаре сердца» и «без притворства» — т. е. с панегирической «искренностью» — похвальную песню монарху. Главной темой воображаемой песни будут не

³⁵ Храповицкий А. В. Дневник <...> с 18 Января 1782 по 17 Сентября 1793 года / Публ. и коммент. Н. Барсукова. М., 1901 (записка от 2 марта 1792 г.); ср. комментарий Грота (I, 355).

такие второстепенные с точки зрения автора моменты, как военные успехи или щедрость монарха, а единственно его «добродетель», т. е. Державин санкционирует свою похвалу монарха апелляцией к моральным ценностям. Перед нами новый вариант державинской апологетики. Дело в том, что члены придворного общества нередко упрекали «певца Екатерины» в «лести», приписывая ему корыстолюбивые побуждения; см., например, стихотворение «Видение Мурзы» (1783), где Державин отвечает на подобные подозрения. Особенный интерес представляет в этом отношении его прозаический эскиз этого стихотворения, начинающийся со слов: «Льстецами я почитаю тех, которые...» (III, 487—491).

«Златые змеи»

В последних двух строфах стихотворения Державин возвращается к сентенциозному стилю первых строф, в результате чего возникает нечто вроде композиционного завершения целого. Однако при этом поэт снова не может удержаться от сатирических выпадов, обращенных против тех членов придворной знати, которые обязаны своим положением не личным заслугам (как сам Державин), но «шашням Фортуны». Этот мотив конкретизируется в «Объяснениях», где говорится не просто о «шашнях», а о «любовных шашнях» (III, 510), после чего упоминается имя Платона Зубова, ставшего первым вельможей петербургского двора не по гражданским или военным заслугам, а в качестве любовника стареющей императрицы.

Дальнейшая аллюзия относится к тому же Зубову, а именно к его детской привычке пускать змеев с башен царскосельского дворца, причем следует отметить, что речь идет не о бумажных, а о «златых» змеях. Таким образом, горацянское представление об изменчивости счастья и о ничтожестве «золотых» иллюзий находит поэтическое воплощение, которое своей выразительностью не уступает образному языку самого Горация; ср. в этой связи и четвертую строфу, где державинский мудрец «[с]меется, зря на пузырей / Летящих флотом к небу с грузом, / И вольным быть не мнит французом». Метафорику иллюзий находим и в шестой строфе, где поэт саркастически говорит: «Всем счастливых путей желаю / К Фортуне по льду на коньках». Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Державин использует творчество Горация не только как «каменоломню» полезных для своей поэзии материалов, но что он местами также вступает с ним в художественное соревнование в духе классицистических принципов *imitatio* и *aemulatio*.

Гораций в русской литературе XVIII в.

(Экскурс)

Европейская слава Горация распространялась в течение двух тысячелетий, достигнув кульминации в «aetas horatiana» XVIII в.³⁶ В Германии расцвет горадианства кончился только в последней трети XVIII в., в эпоху увлечения классической Грецией, распространившегося в Европе под влиянием эпохальной книги И. И. Винкельмана об «Истории античного искусства» (опубл. 1764). В России знакомство с Горацием началось значительно позднее, чем в Европе, только в начале XVIII в.,³⁷ и оказалось далеко не столь широким и интенсивным. И в этом отношении заметно, что античная литература имела для русских авторов XVIII в. меньшее значение, чем литература Нового времени, прежде всего французская и немецкая, а в последней трети века и британская.

Первым крупным горадианцем русской литературы был Кантемир. Он переводил эпистолы Горация,³⁸ в его сатирах мы находим немало горадианских реминисценций, некоторые из которых оговариваются в авторских примечаниях; сатира VI «О истинном блаженстве» вся пронизана горадианской мудростью. Однако в качестве поэта, в творчестве которого Гораций играет значительную

³⁶ *Pietsch W. J. Friedrich von Hagedorn und Horaz. Untersuchungen zur Horaz-Rezeption in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts.* Hildesheim; Zürich; New York, 1988. S. 7. См. также: *Stempler E. Das Fortleben der Horazischen Lyrik.* S. 157—174 («Horaz als Liebling»). Прокомментированный список немецких переводов Горация XVII—XVIII вв. см.: *Degen J. F. Versuch einer vollständigen Literatur der deutschen Übersetzungen der Römer. Erste Abteilung.* Hildesheim; Zürich; New York, 1997. S. 158—245 (репринтн. изд.: Альтенбург, 1794). О восприятии Горация в отдельных европейских странах см. сборник: *Zeitgenosse Horaz. Der Dichter und seine Leser seit zwei Jahrtausenden / Hrsg. von H. Krasser, E. A. Schmidt.* Tübingen, 1996.

³⁷ См.: *Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация. К 2000-летию со дня рождения Горация // Известия АН СССР. Отделение общественных наук.* 1935. № 10. С. 1039—1056; *Николаев С. И. К предыстории Горация в России // Reflections on Russia in the Eighteenth Century / Hrsg. von J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje.* Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 303—314. Кроме того, см.: *Busch W. Horaz in Rußland; Морозова Г. В. Оды Горация в русских переложениях XVIII в. (Часть 1) // Жанр, стиль, метод. Сб. науч. тр. Алма-Ата, 1990. С. 56—61; Свиясов В. Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX вв. Библиографический указатель.* СПб., 1998. С. 275—303; *Podossinov A. Russia // Orazio. Enciclopedia Oraziana.* Roma, 1998. Т. III. P. 594—597. Существуют также другие исследования: *Тетени М. Роль античной поэзии в русском литературном развитии XVIII века. К вопросу восприятия поэзии Горация // Hungaro-Slavica, 1978. VIII Междунар. съезд славистов. Загреб, 3—9 сентября 1978 г. Будапешт, 1978. С. 353—365; Ревелли Д. Гораций и русская литература XVIII—нач. XIX в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 698—707.*

³⁸ См.: *Веселовский А. А. Кантемир — переводчик Горация // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук.* 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 242—254.

роль, Кантемир был исключением среди русских авторов своего времени (другие авторы первой половины века, в том числе Тредиаковский и Ломоносов, знали и переводили Горация, но горацянцами их все-таки не назовешь). О более широком восприятии Горация русскими поэтами можно говорить лишь в отношении конца XVIII—начала XIX в., причем приходят на ум в первую очередь Державин и Капнист; с 1800-х гг. заметно увеличивается число переводов из Горация.³⁹ Тем не менее в предисловии к запланированному им собранию собственных переводов од Горация Капнист еще в начале 1820-х гг. сетует на то, что русская литература «лишается весьма полезного способа к своему, наравне с прочими просвещенными европейскими народами, усовершенствованию по причине недостатка в хорошо переведенных древних образцовых писателях».⁴⁰

Причины сравнительно небольшого значения Горация для русской литературы XVIII в. следует искать прежде всего в системе школьного образования.⁴¹ Латынь широко преподавалась в Европе, Горация читали в школе; во Франции, Англии и Германии не было образованного человека, не владевшего латынью и не читавшего римских классиков. Иначе обстояло дело в России. Систематическое преподавание латыни здесь укоренилось лишь в XVIII в.,⁴² сначала в Московской Славяно-греко-латинской академии, затем и в многочисленных духовных семинариях, которые возникли в первой половине XVIII в. в других русских городах. Преподавалась латынь и в светских учебных заведениях, например в петербургской Академической гимназии, однако главную роль тут играли духовные училища.

Главными носителями классического образования так и оставались выпускники духовных училищ, т. е. преимущественно люди недворянского происхождения. Неудивительно поэтому, что, за исключением одного Кантемира, ранние русские переводчики Горация — Тредиаковский, Ломоносов, Поповский, Барков — «все сплошь принадлежат к „разночинцам“».⁴³ Получив образование

³⁹ См.: Морозова Г. В. Оды Горация. С. 57.

⁴⁰ Капнист В. В. Собр. соч. Т. II. С. 38.

⁴¹ См.: Menant C. Horace et les poètes français du XVIIIe siècle // *Zeitgenosse Horaz*. P. 222—223 («Horace au collège»); Pietsch W. J. Friedrich von Hagedorn und Horaz. S. 16 ff. Оба автора подчеркивают решающее значение школьного преподавания латыни для европейской рецепции Горация.

⁴² См.: Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 78 и сл. О преподавании латыни в России XVIII в. см. также: Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. СПб., 1912. Т. I; Kažoknieks M. Studien zur Rezeption der Antike bei russischen Dichtern zu Beginn des XIX. Jahrhunderts. Diss. Phil. München, 1968. S. 15—46; Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999; Фролов Э. Д. Русская наука об античности. СПб., 1999.

⁴³ Барков П. Н. Ранние русские переводчики Горация. С. 1055.

в Московской духовной академии, они читали Горация в оригинале. Дворянские же авторы, которые с середины XVIII в. задавали тон в русской литературе, преимущественно посещали светские школы, как например петербургский Кадетский корпус, а с 1755 г. и гимназию Московского университета. Хотя в обоих заведениях преподавалась и латынь,⁴⁴ владение этим языком было исключением среди дворян: латынь не входила в состав «дворянских наук».⁴⁵ В гимназии Московского университета изучали латынь прежде всего ученики недворянского происхождения, тогда как дворянские ученики предпочитали новые языки, в частности французский и немецкий.⁴⁶ Ситуация изменилась только в первые десятилетия XIX в., когда образовательная ценность классических языков начала находить внесословное признание.⁴⁷ Кантемир читал Горация в оригинале; дворянские авторы второй половины XVIII в. знали античные произведения только по переводам.⁴⁸ Поэтому значение Горация для русской литературы XVIII в. касается прежде всего тематики и поэтических образов, тогда как в Германии Гораций играл значительную роль и для обогащения стиха и развития поэтического языка.⁴⁹

⁴⁴ См.: Лузанов П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус) при графе Минихе. С 1732 по 1741 г. Исторический очерк. СПб., 1907. С. 88; *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения. С. 220.

⁴⁵ Эта широко известная из фонвизинского «Недоросля» фраза фигурирует в одном письме 1757 г., президента Академии наук К. Г. Разумовского к академическому секретарю И.-Д. Шумахеру; здесь древние языки считаются не принадлежащими к «дворянским наукам». Ср.: Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885. С. 24—25. (Приложение к тому LI Записок имп. Академии наук. № 2).

⁴⁶ См.: *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения. С. 238. Исключением был в этом отношении Фонвизин. В своей автобиографии он с благодарностью вспоминает годы учения в гимназии Московского университета, где он изучал не только немецкий, но и латинский язык («Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». См.: *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. II. С. 88). Тем не менее античная литература не играла никакой роли в его творчестве, если не считать его перевода первых трех страниц речи Цицерона «Pro Marcello», который он сделал в качестве экзаменационной работы для получения места переводчика в Коллегии иностранных дел; см.: *Strycek A.* La Russie des Lumières. Denis Fonvizine. Paris, 1976. S. 54.

⁴⁷ См.: *Kažoknieks M.* Studien zur Rezeption der Antike. S. 54—72.

⁴⁸ См.: *Busch W.* Horaz in Rußland. S. 50. Исключением является лишь М. Н. Муравьев, который сделал свои переводы од Горация на основе лаггинского оригинала (Там же. С. 106—110 («М. N. Murav'ev — ein Wegbereiter klassischer Bildung»)).

⁴⁹ См.: *Schmidt E. A.* Horaz und die Erneuerung der deutschen Lyrik im 18. Jahrhundert // *Zeitgenosse Horaz.* S. 255—310.

А. О. ДЁМИН

ДЕРЖАВИН — ПЕРЕВОДЧИК «ФЕДРЫ» Ж. РАСИНА

Драматические переводы Державина известны и изучены еще меньше, чем его оригинальные произведения для сцены. Переводы трагедий П. Л. Б. де Беллуа и Ж. Расина, а также оперных либретто П. Метастазियो, сделанные поэтом, не владевшим французским и итальянским языками, по подстрочникам, не были даже опубликованы в полном объеме.¹ Несомненно, однако, что выбор текстов, способы передачи оригинала средствами родного языка могли бы служить важными источниками информации для характеристики поэтического мастерства позднего Державина, его вкусов и предпочтений, эволюции его художественных и политических взглядов, для полного представления о его творчестве, наконец. Перевод трагедии «Федра» Ж. Расина был бы в данном отношении особенно показателен. Если, по мнению А. С. Пушкина, читая стихи Державина, «кажется, читаешь дурной вольный перевод с какого-то чудесного подлинника»,² то применительно к «Федре» указание на «чудесный подлинник» оказывается вполне конкретным.

Окончание полного перевода трагедии Державин датировал 27 августа (8 сентября) 1809 г. Известно, что подстрочный перевод пьесы был подготовлен для поэта его племянницей Е. Н. Львовой. Имеются также сведения об исполнении «Федры» на домашнем театре Державина (роль Ипполита играл некто Соколов).³ В 1811 г. в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» был опубли-

¹ Отрывки из них см.: *Державин Г. Р. Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота*: В 9 т. СПб., 1864—1883. Т. 4. С. 767—769, 789—802.

² См.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 16 т. Л., 1937—1949. Т. 13. Переписка 1815—1827. С. 182.

³ См.: *Державин Г. Р. Сочинения*. Т. 4. С. 767 (примечание); а также: РО ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. № 33 (запись Грота на обложке).

кован фрагмент перевода (рассказ Терамена о гибели Ипполита).⁴ Впоследствии этот отрывок неоднократно переиздавался.⁵

Современники отзывались о державинском переводе «Федры» столь же неблагоприятно, как и о его оригинальных драматических произведениях. А. И. Тургенев писал брату Николаю из Петербурга 20 декабря 1809 г.: «Всего больше у нас теперь новых трагедий, и оригинальных, и переводных. Но все или посредственные, или дурны. „Федры“ три перевода. Державина — самый худший».⁶ Д. И. Хвостов, оценивая перевод «Федры», подаренный ему В. Г. Анастасевичем отмечает: «Сей перевод очень слаб и в одном качестве с переводом Державина».⁷ В ноябре 1809 г. приглашенный Державным Н. И. Гнедич читал в его доме трагедию, а затем с возмущением писал К. Н. Батюшкову о недостатках перевода и о восхищенных отзывах присутствовавших.⁸ С. Т. Аксаков, читавший Державину в 1815 г. его перевод «Федры» в числе других произведений, сожалел о том, что он может быть когда-нибудь опубликован, «между тем, как не следует печатать ни одной строчки».⁹ Известно, однако, и иное упоминание державинского перевода «Федры», отмечающее значимость факта обращения русского поэта к подобной работе. М. Е. Лобанов, выпуская в 1823 г. свой перевод этой трагедии Расина, писал в предисловии к нему: «Переводами

⁴ См.: Чтения в Беседе любителей русского слова. 1811. Кн. 3. С. 130—131. Подробный разбор этого фрагмента и его отношений с оригинальным творчеством Державина см.: *Дёмин А. О. Перевод рассказа Терамена и оригинальное творчество Г. Р. Державина // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 158—174.*

⁵ См.: Сочинения Державина. СПб.: Изд. Д. П. Штукина, 1845. С. 379; *Державин Г. Р. Сочинения. Т. 4. С. 767—769; Федра, трагедия в пяти действиях, в стихах Ж. Расина (1677) / Перевод в стихах размером подлинника Л. Поливанова с приложением этюда Патена... М., 1895. С. 149—150; Расин Ж. Трагедии. Л., 1977. С. 369—370 (Ср. «Литературные памятники»); Колесо Фортуны: Из европейской поэзии XVII в. М., 1989. С. 475—477.*

⁶ См.: Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 406. В письме от 2 ноября 1809 г. А. И. Тургенев сообщал: «Державин написал „Ирода и Мариамну“, перевел с нем. Расинову „Федру“, все скверно и пр., и пр.» (Там же. С. 402).

⁷ См.: *Хвостов Д. И. Записки о словесности // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 366.*

⁸ См.: *Гнедич Н. И. Письма к К. Н. Батюшкову / Публ. М. Г. Альшуллера // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1972. Л., 1974. С. 85—86. Об этом эпизоде см. также: Альшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007. С. 97—101. Любопытный документ, дополняющий наши знания об этом случае, — рукопись перевода рассказа Терамена руки Гнедича, хранящаяся в архиве Державина: РО РНБ. Ф. 247. Т. 34. Л. 141—143.*

⁹ *Аксаков С. Т. Знакомство с Державиным // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2. Воспоминания. Литературные и театральные воспоминания. С. 296.*

„Федры“ занимались великие гении: в Германии Шиллер, в России Державин».¹⁰

Вне зависимости от той или иной оценки обращение Державина к переводу «Федры» симптоматично для широкого и интенсивного освоения русской словесностью сочинений французского драматурга в начале XIX в. Как показал Г. А. Гуковский, литературная и театральная Россия в веке XVIII мало интересовалась творчеством Расина: переводы его трагедий немногочисленны и некачественны, подражания ему редки, похвалы формальны.¹¹ Ситуация резко меняется в начале XIX в. Выходят в свет новые переводы «Есфири» и «Гофолии».¹² Д. И. Хвостов то и дело переиздает свой перевод «Андромахи»,¹³ а П. А. Катенин начинает писать оригинальную трагедию на этот сюжет.¹⁴ М. Е. Лобанов выпускает перевод «Ифигении в Авлиде»,¹⁵ пришедший на смену анонимному вольному переложению, опубликованному в 1796 г.¹⁶ В. Н. Олин переводит «Баязета» и сообщает о том, что Катенин выполняет аналогичную работу.¹⁷ В журналах публикуются отрывки из переводов драматических сочинений Расина и критическая полемика по их поводу. Трагедии Расина занимают прочное место в репертуаре русского театра. История литературного и театрального восприятия творчества Расина в России еще ждет своего исследователя, который продолжил бы работу, начатую Гуковским. Особенно богатый материал по этой теме относится к первой трети XIX в., и прежде всего необходим полный учет печатных и рукописных переводов, журнальных публикаций,

¹⁰ См.: От переводчика // Федра, трагедия Расина в пяти действиях / Пер. М. Лобанова. [СПб.,] 1823. С. II.

¹¹ См.: Racine en Russie au XVIII siècle: la critique et les traducteurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 1—2. P. 75—93; Racine en Russie au XVIII siècle: les imitateurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 3—4. P. 241—260.

¹² См.: Есфирь, трагедия из священного писания, соч. Расина / Пер. с франц. в стихах Павел Катенин. СПб., 1816; Афаля, или Гофорлия, трагедия из Священного писания в пяти действиях, соч. г. Расина, переложенная в российский стихи в 1814 г. // Тучков С. А. Сочинения и переводы. СПб., 1816. Ч. 3. С. 130—254; Афаля, трагедия из Священного писания, соч. Расина / Пер. с франц. в стихах. М., 1820.

¹³ За первым изданием перевода «Андромахи» (СПб., 1791) последовали переиздания 1794, 1811, 1815 и 1821 гг.

¹⁴ См.: Андромаха, трагедия в пяти действиях в стихах, соч. Катенина. СПб., 1827. О творческой истории трагедии см. в посвящении П. П. Скуратову (с. II—III).

¹⁵ Ифигения в Авлиде, трагедия в пяти действиях в стихах, соч. Расина / Пер. с франц. М. Лобанова. СПб., 1815.

¹⁶ Ифигения, трагедия в пяти действиях / На российские стихи свободно переложенная с г. Расина. М., 1796.

¹⁷ См.: От переводчика // Баязет, трагедия в пяти действиях соч. Расина / Пер. с франц. В. Н. Олин. СПб., 1827. [С. 13].

а также современных свидетельств о тех или иных фактах, связанных с восприятием творчества Расина в России.¹⁸

В начале XIX в. переводчики Расина в России чаще всего обращаются к его «Федре». Если на протяжении всего XVIII столетия «Федра» не была переведена целиком ни разу, то в 1823 г. в отзыве на дебют Е. С. Семеновой в роли Федры О. М. Сомов отмечает, что сделанный специально для великой русской актрисы перевод М. Е. Лобанова — «это уже одиннадцатый полный перевод на русском языке, и из сих одиннадцати „Федр“ почти половина была напечатана».¹⁹ В предисловии к своему переводу этой трагедии Г. А. Окулов называет его двенадцатым.²⁰ Историк русской рецепции Расина должен будет решить вопрос об этих «одиннадцати „Федрах“». В настоящее время мы располагаем сведениями о следующих переводах «Федры» Расина до 1823 г. До перевода Лобанова были опубликованы переводы В. Г. Анастасевича (СПб., 1805), С. А. Тучкова (СПб., 1816; выполнен в 1814)²¹ и анонимный перевод, выпущенный в 1821 г. Имеются сведения об оставшихся в рукописи переводах Державина (1809), А. М. Пушкина (1809)²² и А. И. Писарева (1822).²³ В «Московских ведомостях» за 1808 и 1811 гг. встречаются объявления о продаже изданий: «Федра, трагедия в пяти действиях соч. Расина, перев. стихами. СПб., в Акад. Наук. 1802» и «Федра, трагедия в пяти действиях, соч. Расина. СПб., в Типографии Имп. Акад. Н. 1803».²⁴ Можно предположить, что речь здесь идет об одном и том

¹⁸ Ценные, хотя не исчерпывающие, материалы по этой теме собраны в картотеке переводов произведений мировой художественной литературы, составленной под руководством А. Д. Умикян, хранящейся и пополняемой в Российской национальной библиотеке (Петербург), в картотеке И. И. Бахтина (РО ИРЛИ) и в книге: Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 1997, 2000, 2006. Т. 1—3 (именные указатели, «Расин»). См. также: *Дейч А.* Расин и русская культура // *Иностранная литература.* 1940. № 1. С. 152—156; *Финкельштейн И. Л.* Творчество Жана Расина в оценке передовой русской критики первой половины XIX в. // Учен. зап. Горьковского пед. ин-та. Каф. иностр. яз. 1955. Вып. 1. С. 140—158. Следует отметить, что две монографии (*Мультипли В. М.* Расин в России. СПб., 2000. 277 с.; Расин в русской культуре: Пути освоения духовных ценностей иностранной культуры: Соотношения национальных форм нравственно-эстетических представлений и средств художественной выразительности. СПб., 2003. 255 с.) еще оставляют исследователям широкое поле деятельности в этом направлении.

¹⁹ См.: Сын Отечества. 1823. Ч. 89. № 46. С. 250.

²⁰ См.: Вместо предисловия // Федра, трагедия в пяти действиях, в стихах соч. Расина / Пер. Г. Окуловым. СПб., 1824. [С. 3].

²¹ См.: Сочинения и переводы С. А. Тучкова. СПб., 1816. Ч. 3. С. 1—114.

²² См. о нем: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878—1896. Т. 8. С. 176.

²³ См.: Вестник Европы. 1822. Ч. 122. № 3. С. 180—183. Опубликован рассказ Терамена. В редакционном примечании указано, что это отрывок из перевода «Федры» Расина, почти доконченного.

²⁴ См.: Московские Ведомости. 1808. № 44; 1811. № 4, 6.

же издании, которое, однако, пока невозможно выявить по каталогам Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии наук и Российской государственной библиотеки. Таким образом, в настоящее время известно о семи переводах «Федры», выполненных до 1823 г., в то время как по свидетельствам современников их было одиннадцать. Установление точного числа переводов, их разыскание и анализ являются необходимыми при изучении истории восприятия творчества Расина в России.

Столь высокая степень переводной множественности²⁵ (а «Федра» и в дальнейшем оставалась наиболее часто переводимой на русский язык трагедией Расина),²⁶ конечно, нуждается в объяснении. Гуковский связывает этот резко возросший интерес с литературной борьбой 1810—1820-х гг., в которой пьесы Расина фигурируют в качестве воплощения классической трагедии в ее наиболее чистом виде.²⁷ Как отмечает Н. А. Сигал, «творчество французского драматурга оказалось наиболее благодарным материалом для практического претворения тех оживленных дискуссий по вопросам поэтического языка и стиля, которые велись в преддверии пушкинской эпохи».²⁸

Повышенный интерес именно к «Федре» можно объяснить и тем, что эта трагедия справедливо считалась лучшим произведением Расина, а главная роль в ней требовала высшего мастерства от трагической актрисы, взявшей за ее исполнение. Огромное впечатление на русскую публику произвело исполнение роли Федры выдающейся французской актрисой «девицей Жорж» (Маргаритой Веймер, 1787—1867), гастролировавшей в Петербурге и в Москве в 1808—1812 гг.²⁹ Роль Федры была ее визитной карточкой. В этой роли она дебютировала 13 июля 1808 г. в Петербурге, затем 4 ноября 1809 г. в Москве. В этой роли вышла в последний раз на петербургскую сцену 12 ноября 1812 г.³⁰ Разбору именно этой роли посвящено большинство русских рецензий на игру Жорж, и в том числе — первая из трех знаменитых статей В. А. Жуковского, признанных образцом

²⁵ О переводной множественности см. работы Ю. Д. Левина, введшего это понятие: К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 365—372; Проблема переводной множественности // Литература и перевод. Проблемы теории. М., 1992. С. 213—226.

²⁶ Сводку изданий полных переводов см.: *Расин Ж. Трагедии*. Л., 1977. С. 429.

²⁷ См.: *Racine en Russie...* P. 93.

²⁸ См.: *Сигал Н. А.* Из истории русских переводов «Федры» Расина // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 454.

²⁹ Сведения о гастрольях Жорж в России обобщены в книге: *Всеволодский (Гернгросс) В. Н.* Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб., 1812. С. 63.—80.

³⁰ См.: Из журнала А. В. Каратыгина // *Русская старина*. 1880. Кн. 3. С. 264.

театральной критики.³¹ Возлюбленная Бонапарта, приглашенная по его рекомендации Александром I, Жорж была для русских театралов не просто выдающейся актрисой, но представительницей культуры, взаимодействие с которой (как притяжение, так и отталкивание) стало едва ли не важнейшим фактором формирования национального самосознания россиян в период Отечественной войны 1812 г. Творческое соревнование Жорж с ее ровесницей Е. С. Семеновой (актрисы исполняли одновременно одни и те же роли) стало ярким эпизодом этого процесса.

Известно, что исполнение Семеновой роли Аменаиды в трагедии Вольтера «Танкред», переведенной Н. И. Гнедичем специально для своей ученицы, было воспринято русскими театралами как полная победа над заезжей знаменитостью.³²

Очевидно, что русский театр в 1808—1812 гг. нуждался в удовлетворительном переводе «Федры», дабы Семенова могла выступить в роли, прославившей целую плеяду французских актрис XVII—XVIII вв. Перевод Анастасевича был признан неудачным вскоре после выхода в свет.³³ Переводы Державина и А. М. Пушкина, видимо, оказались также неудовлетворительными и не подходили для исполнения на сцене. Вероятно, в указанный период Гнедич тоже работал над переводом «Федры». Как уже указано выше, в архиве Державина сохранился автограф Гнедича, содержащий перевод рассказа Терамена. Однако работа над полным переводом по неизвестным причинам не получила своего завершения. Возможно, сама Семенова еще не чувствовала себя готовой к этой одной из сложнейших ролей мирового репертуара, что было понятно также ее наставнику.

В 1812 г. Жорж покинула Россию, но проблема удовлетворительного перевода «Федры» на русский язык, равно как и желание видеть Семенову в главной роли этой трагедии, не утратили своей актуальности. Действительно, исполнение роли Федры стало триумфальным завершением театральной карьеры великой русской актрисы.³⁴ Дебют Семеновой в роли Федры состоялся 9 ноября 1823 г. Трагедия шла в переводе М. Е. Лобанова. Перевод получил преувеличенно восторженную оценку О. М. Сомова в статье, которая одновременно

³¹ См.: [Жуковский В. А.]. Девица Жорж в Расиновой «Федре» // Вестник Европы. 1809. Ч. 48. № 22. С. 156—171; Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 231—242.

³² См.: Медведева И. Н. Екатерина Семенова. Жизнь и творчество трагической актрисы. М., 1964. С. 109—119; Беньяш Р. М. Катерина Семенова. Л., 1987. С. 94—98, 111—112.

³³ См. его критический разбор: Любитель словесности. 1806. Ч. 2. № 5. С. 160—176.

³⁴ См.: Медведева И. Н. Екатерина Семенова... С. 222—223; Беньяш Р. М. Катерина Семенова... С. 195—201.

была панегириком Семеновой.³⁵ После публикации работа Лобанова была подвергнута резкой критике С. Т. Аксаковым.³⁶ А. С. Пушкин собирался писать на него критику.³⁷ Хотя перевод Лобанова действительно далек от совершенства, именно его стихи произносила Семенова, восхищая русскую публику, вплоть до своего исполнения роли Федры 29 ноября 1826 г., ставшего последним выходом актрисы на сцену в этой роли. Показательно, что вокруг 1823 г. группируется целая серия переводов «Федры» и отрывков из нее. Среди них — анонимный (1821), А. И. Писарева (1822, не опубликован), Г. А. Окулова (1824) и И. Б. Чеславского (1827), начавшего публиковать отрывки своей работы в 1820 г.,³⁸ а также П. А. Катенина и Ф. И. Тютчева, — оба перевели в 1820-е гг. рассказ Терамена.³⁹ Таким образом, переводная множественность трагедий Расина и особое внимание переводчиков к его «Федре» в начале XIX в. в России не только отвечали внутренним потребностям развития отечественной словесности, но и служили также удовлетворению насущных нужд современного русского театра.

Как уже было отмечено выше, державинский перевод «Федры» относится к числу полных, но опубликованных лишь частично. Рукопись полного перевода, а также материалов, позволяющих проследить несколько этапов работы над ним, хранятся в РО ИРЛИ.⁴⁰

Для объективной характеристики работы поэта над переводом было бы необходимо прежде всего выяснить, каким образом соотносится текст перевода с подстрочником, выполненным Е. Н. Львовой. Нужно знать, насколько точно переложила она трагедию Расина, каким изданием пользовалась.⁴¹ В настоящее время местонахождение и судьба перевода Львовой неизвестны. Поэтому сейчас ответственность за все грубые ошибки, которыми изобилует перевод Державина, ложится на него одного.

Особенно существенны ошибки при передаче географических названий и имен собственных. Так, например, в строке Расина:

³⁵ См.: Сын Отечества. 1823. Ч. 89. № 46. С. 242--260.

³⁶ См.: [Аксаков С. Т.]. Письмо к редактору Вестника Европы // Вестник Европы. 1824. № 1. С. 40-53.

³⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 86.

³⁸ См.: Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 17. С. 316—323.

³⁹ См.: Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 645—646; Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 99—101.

⁴⁰ Краткое описание их см.: Дёмин А. О. Корпус драматических сочинений Г. Р. Державина: издания и рукописи // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998--1999 год. СПб., 2003. С. 14—16.

⁴¹ В 1809 г. в России уже могло быть известно прекрасное издание: *Œuvres de Jean Racine, avec des commentaires par J. L. Geoffroy*. Paris, 1808. Четвертый том его (Р. 429--631) содержит «Федру» с обширным и качественным справочным аппаратом.

J'ai visité L'Elide, et laissant le Ténare...

(749)⁴²

«Elide» переведено как «Эллада»:

Элладу посетя, проехал я Тенар...

(Л. 2)⁴³

Родовое имя потомков Палланта — Арикии и ее братьев «Pallantides» — в державинском переводе оказывается «Паламиды» (Л. 3), сам Паллант назван «Филантом» (Л. 10 об.). «Pégibée», имя одной из возлюбленных Тезея, передано как «Еривия», что даже с учетом новогреческого произношения не соответствует подлиннику.

Смысл ряда мест перевода находится в вопиющем противоречии со смыслом подлинника. Например, строки:

Коль Антиопа бы на свете не была
И целомудру страсть в Тезес не возжгла?

(Л. 4 об.)

по смыслу прямо противоположны расиновым. В оригинале Терамен рассуждает о том, где был бы Ипполит, если бы его мать, амазонка Антиопа, всегда противилась бы законам Венеры и не воспылала бы стыдливой страстью к Тезею:

Vous-même où seriez-vous, vous qui la (Vénus. — A. D.) combattez,
Si toujours Antiope à ses lois opposée,
D'une pudique ardeur n'eût brûlé pour Thésée?

(P. 752)

Еще бóльшая неточность содержится в стихах:

В Трезен того врага Тезей с собою сам
Опять привез, кого я столько изгоняла.

(Л. 9 об.)

В действительности же Федра сама была привезена Тезеем в Трезен, куда прежде прибыл изгнанный по ее настоянию из Афин Ипполит:

Par mon époux lui-même à Trézène amenée
J'ai revu l'ennemi que j'avais éloigné.

(P. 758)

⁴² Здесь и далее «Федра» Расина цитируется по изданию: *Racine J. Œuvres complètes*. Paris, 1950. Vol. 1. Théâtre. Poésies. С указанием страниц в тексте.

⁴³ Здесь и далее перевод Державина цитируется по первой из находящихся в единице хранения тетрадей (Л. 1—43), содержащей наиболее поздний вариант текста. Правка Державина, присутствующая в этом тексте, вносится без дополнительных оговорок. Орфография и пунктуация унифицированы по современным правилам.

Ипполит Державина отказывается от борьбы за афинский престол, считавшийся свободным после ложной вести о смерти Тезея, поскольку является соперником своего сводного брата, сына Федры:

Но если б не был мне соперником мой брат,
Знал, государыня (Арикия. — А. Д.), наследственны как трона
Права мне защищать от буйного закона.

(Л. 14 об.)

Ипполит Расина, напротив, готов бороться за престол с малолетним братом и желает уступить его только Арикии:

Mais si pour concurrent je n'avais que mon frère,
Madame, j'ai sur lui de véritables droits
Que je saurais sauver du caprice des lois.

(P. 765)

В данном случае переводчиком, работавшим с французским текстом, была неверно понята выделительная конструкция «*n'avois que*», что стало причиной искажения исходного смысла. И наконец, фраза переводчика:

Народ приял вождей предложенный совет...

(Л. 20)

прямо противоположна по смыслу соответствующей фразе автора:

Ses chefs ont pris les voix de toutes les tribus...

(P. 772)

У Расина народ высказался сам, а не принял совет от вождей.

Характер ошибок в приведенных примерах указывает на то, что они могли быть сделаны либо в результате сознательного искажения переводчиком смысла оригинала, что мало вероятно, либо по причине недостаточного владения французским языком и, следовательно, их можно отнести на счет составительницы подстрочника Е. Н. Львовой.

Помимо приведенных примеров грубых ошибок против смысла оригинала текст Державина содержит немало стихов, лишь приблизительно передающих содержание подлинника, не говоря уже о его стиле. Например, строка:

Je ne me souviens plus des leçons de Neptune...

(P. 767)

передана совершенно произвольно:

Слаб вожжи бога волн напрячь его возница...

(Л. 15 об.)

Из-за весьма далекой ассоциативной связи с оригиналом чрезвычайно темен стих, в котором Терамен сообщает Тезею о гибели Ипполита:

Излишне попеченье,
Горячность поздняя, твой кончил сын теченье.
(Л. 38)

Ср. у Расина:

O soins tardif et superflus!
Inutile tendresse! Hippolyte n'est plus.
(Р. 798)

Приведенных примеров, кажется, достаточно, чтобы подтвердить самые неблагоприятные отзывы современников о державинском переводе «Федры». Если бы Г. А. Гуковский был знаком с ним в полном объеме, то, конечно, отказался бы от предположения о его редкостной точности.⁴⁴

Итак, перед нами — очередная неудача Державина на поприще драматической поэзии, на этот раз в области перевода. Принявшись за переложение одного из самых сложных для передачи на другом языке произведений мировой художественной литературы, поэт споткнулся уже о некачественный подстрочник и превратил шедевр французского поэтического гения в грудку неповоротливых и неблагозвучных виршей. Будто написал еще одну из своих злосчастных трагедий, из которых не то что ставить, а и печатать, как утверждал С. Т. Аксаков, не следовало бы ни строчки.

Действительно, перевод «Федры» несет на себе слишком явный отпечаток трагедийной стилистики Державина. Сделанный в 1809 г., в пору создания «Евпраксии» и «Темного», через два года после «Ирода и Мариамны», он может быть рассмотрен в контексте оригинальной державинской драматургии и прежде всего на фоне затрудненной, сложной для понимания речи его персонажей. Многие фразы перевода даже требуют синтаксического разбора и лексического комментария для верного понимания, как например следующая реплика Ипполита к Тезею:

Позволь же попешись о славе ты мой,
И коль чудовище где от руки твоей
Спаслось, вели, и вмиг линовище⁴⁵ прострется
К стопам твоим его иль в веки пронсется

⁴⁴ См.: Racine en Russie... Р. 92.

⁴⁵ «Линовище ср. кожаца змеи или насскогого, скинутая на смену; выползина, выползушка». См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1905. Т. 2. Стлб. 654.

О смерти слух мой, что подвигом таким
Стал благородным я тебе достойный сын.

(Л. 25)

Трудно найти образец стиля, менее соответствующего представлениям о языке Расина, ясном, точном, исполненном гармонии и легкости, чем эта фраза, живо напоминающая о языковых воззрениях самых радикальных участников Беседы любителей русского слова.

Отмечая многочисленные смысловые и стилистические расхождения державинского перевода «Федры» с оригиналом, следует, однако, помнить, что поэт работал над ним в 1809 г., т. е. тогда, когда В. А. Жуковский, наиболее значительный русский переводчик-романтик, формулировал в своих статьях «О басне и баснях Крылова» и «Радамист и Зенобия» принципы романтического перевода.⁴⁶ Как отмечал Ю. Д. Левин, «для Жуковского поэтический перевод был равнозначен оригинальному творчеству. Переводить поэтическое произведение означало для него создавать произведение, неотъемлемо принадлежащее родной литературе. Именно так он рассматривал прежде всего собственную переводческую деятельность. Такое воззрение отвечало и романтическому методу перевода, и запросам русской литературы, и, наконец, индивидуальным особенностям его поэтического дарования».⁴⁷ Романтический стихотворный перевод — это форма присвоения иноязычного художественного произведения; пересоздание его средствами родного языка, предполагающее высокую степень субъективизма и творческого соперничества переводчика с переводимым автором.

Внимательное чтение державинского перевода «Федры» убеждает, что установка «певца Фелицы» была не столько на точность, сколько на деятельное пересоздание мыслей и образов Расина средствами собственного поэтического языка. Говоря словами Жуковского, Державин пытался быть соперником французского трагика, а не его рабом. Нередко он создает собственный образ, весьма отдаленно напоминающий тот, что находится в соответствующем месте оригинала, и связанный с ним довольно сложной ассоциативной связью. Так, например, совершенно нейтральная в образном отношении строка Расина:

Où l'on voit l'Achéron se perdre chez les morts.

(Р. 749)

⁴⁶ См.: Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 181—196, 255—264, 389—391, 397—398.

⁴⁷ См.: Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 224.

превращается под пером Державина в миниатюрную, но оттого не менее величественную картину водопада, образа столь значимого в его поэтической системе:

Где Ахерон падет в тьму ада с шумом рея.
(Л. 2)

Отчаянные возгласы Федры трижды переданы с помощью расудительных сентенций. Ср.:

D'un incurable amour impuissante remède!
(P. 758)

Но тщетны врачесвы все на любовны раны!
(Л. 9)

Vaines précautions! Cruelle destinée!
(P. 758)

Но тщетно берещись, коль рок враждебен нам!
(Л. 9 об.)

Faibles projets d'un cœur, trop plein de ce qu'il aime!
(P. 772)

Но, ах! слаб ум, где страсть желает сердцу льстить!
(Л. 19 об.)

Последняя сентенция в наименьшей степени передает смысл восклицания из оригинала. Однако и при достаточно близком следовании смыслу оригинала Державин остается верен своему стилю, резкому и энергичному, заставляя Федру говорить в сцене признания Ипполиту следующие слова:

Несчастной целью гроз небесных рождена,
Мерзее я себе, чем я тебе гнусна.
(Л. 19)

Ср. у Расина:

Objet infortuné des vengeances célestes,
Je m'abhorre encor plus que tu ne me détestes.
(P. 771)

Державин идет еще дальше и вводит в текст перевода фрагменты, расширяющие его по сравнению с оригиналом. Например, в рассказе Терамена Державину, похоже, показалась недостаточной

картина состояния Исмены, приводящей в чувство Арикию, сраженную горем при виде мертвого Ипполита. Поэт значительно дополнил скучные строки Расина:

Ismène est auprès d'elle; Ismène,
toute en pleurs,
La rappelle à la vie, ou
plutôt aux douleurs.

(Р. 801)

Исмена близь ес, то дланй воздевая,
То с воплем на главе своей власы
терзая,
Предавшись горести, отчаянью,
слезам,
Мнит к жизни возвратить,
иль вновь ее к скорбям.

(Л. 40 --40 об.)

Особенно значительны дополнения, внесенные Державиным в сцену признания Федры Ипполиту. Все они сосредоточены в заключительной части сцены (от слов Федры: «Ah! cruel...»). Расширено начало реплики. Ср.:

Ah! cruel, tu m'as trop entendue.
Je t'en ai dit assez pour te tirer
d'erreur.
Hé bien! connais donc Phèdre en
toute sa fureur.
J'aime...

(Р. 771)

Жестокий! нет, меня ты понимаешь.
Довольно я рекла, всю скромность
погубя,
Из заблуждения чтоб вывести тебя.
Но, коль не понял ты, зри Федры
вспламененье,
Безумное мое познай души вол-
ненье, —
Люблю...

(Л. 19)

Следующий фрагмент, дополненный Державиным, содержит утверждение о невольном характере сделанного признания. Переводчик усиливает мотив материнской заботы Федры о ее сыне, старается подчеркнуть значимость предлога обращения царицы к юному князю и дает более подробную характеристику ее эмоционального состояния, подчеркивает душевное смятение, обусловившее незаметный переход от мольбы о заступничестве к любовному признанию. Ср.:

Que dis-je? cet aveu que je viens de
te faire,
Cet aveu si honteux, le crois-tu
volontaire?
Tremblante pour un fils que je n'osais
trahir,
Je te venais prier de ne le point haïr.

(Р. 772)

Но что я говорю, признание сие
Позорно столь, не мни, чтоб истин-
но мое
Желанье было, нет; но, скорбью
удрученна,
В беспамятстве почти, слезами
омоченна,
Во трепете забыв величия мечту,
Пришла к тебе про-
сить за сына сироту,

По долгу матери, чтоб ты оставил
мщенья
Иль вящего на нас не
устремил гоненья.

(Л. 19 об.)

Третье расширение монолога Державин вводит в его заключительной части, где Федра требует у Ипполита меч, желая заколоться. Ср.:

Au défaut de ton bras,
prête-moi ton épée,

Donne.

(Р. 772)

Меча мной твоего страшишься
обагрить,
Подай сюды его, чтоб я употребила,
Над Федрою сама казнь Федра со-
вершила,
Поддай.

(Л. 19 об.—20)

По причинам, которые еще предстоит выяснить, Державин, видимо, придавал особое значение сцене признания Федры. В бумагах, относящихся к переводу трагедии, находятся четыре отдельно вложенных листа (л. 141—144), где рукою поэта выписан один из вариантов пятого явления второго действия, включающий эту сцену.

Однако наибольший интерес, наверное, представляют два вставленных фрагмента, позволяющих с уверенностью определить, каким образом Державин толковал отношения Федры и Эноны и отчасти образ обеих персонажей. Энона Державина, убеждая Федру в необходимости оклеветать Ипполита, употребляет аргумент, отсутствующий у Расина. По словам кормилицы, если Федра умрет, не обвинив князя, то он не только будет всем рассказывать о ее позоре (что соответствует оригиналу), но и многое прибавлять к тому, что видел и слышал (и это — добавление переводчика). Ср.:

A votre accusateur que pourrai-je
répondre?
Je serai devant lui trop facile à
confondre.
De son triomphe affreux je le verrai
jouir,
Et conter votre honte à
qui voudra l'ouïr.

(Р. 778)

Что обвинителю сказать тут будет
можно?
В смятении, в трепете безмолвство-
вать лишь должно
И зреть, как торжеством себя он
насладит,
Кто лишь захочет знать, всем твой
расскажет стыд,
*И многое к тому он может и при-
бавить,
Чтоб больше огорчить
тебя и обесславить.*

(Л. 24)

В заключительной сцене четвертого действия, в тираде Федры, обличающей льстецов, Державин также добавляет два стиха, усиленная мысль французского поэта:

Et puisse ton supplice à jamais
effrayer
Tous ceux qui, comme toi, par de
lâches adresses,
Des princes malheureux nourrissent
les faiblesses,
Les poussant au penchant où leur
cœur est enclin,
Et leur osent du crime
aplanir le chemin.

Détestables flatteurs, présent le plus
funeste
Que puisse faire aux rois
la colère céleste.

(Р. 792)

И праведная казнь да всех тех
ушрашит,
Которые, как ты, чрез низки угрож-
денья,
Питают царские несчастны во-
жделенья
И клонят к безднам их, к которым
уж идут,
Уравнивая им приятностями путь,
*Чтоб пользы их сберечь, свое при
них отличье,*
*Не зря, что тем губят их славу и
величье.*

О гнусные льстецы! вы вредный
дар царей,
Что небеса дают им в ярости своей.

(Л. 33 об.—34)

Характер внесенных дополнений не оставляет сомнений в том, что Державин помещал отношения Федры и Эноны в систему собственных трагедийных сюжетов о взаимоотношениях министров и государей. Потворствуя незаконному влечению Федры, Энона заводит свою госпожу в глубины преступления и толкает ее к позорной гибели; оклеветав Ипполита перед Тезеем, она губит невинного героя и провоцирует отца на убийство сына, бесславящее его, друга и наследника Геракла. Приведенные примеры из перевода показывают, что Державин стремился еще больше подчеркнуть низость побуждений, движущих Эноной, и даже бросить ей упрек в своекорыстии, которого она совершенно лишена в оригинале, что и определяет трагизм ее судьбы в пьесе Расина.

Державин, как кажется, соотносил образ Эноны с образами неправедных вельмож из своих трагедий. Таков Соверн в «Ироде и Мариамне» — трус, сплетник и интриган: пытается спасти собственную жизнь от гнева Ирода, он губит Мариамну и ее детей, вверенных ему на воспитание. Таков Бурундай в «Евпраксии», разжигающий страсть Батыя к русской княгине. Таков Шига в «Темном», потворствующий необузданным порывам и злодеяниям Шемяки. Таков, наконец, Аман в «Эсфири», лживыми наветами подстрекающий Ассура к истреблению праведников.

Образы Федры и Тезея в свою очередь могут быть соотнесены с образами правителей в трагедиях Державина, страдающих от собственных страстей и от преступлений неправедных вельмож. Показательна реплика Федры, чьего малолетнего сына Афины признали наследником Тезея в ответ на призыв управлять госу-

дарством от его имени. Поглощенная страстью к Ипполиту, царица говорит:

Мне царствовать, мне вам законы подавать,
Когда не возмогу собою управлять?
Когда души моей страстями не обладаю,
Под бременем стыда когда едва дышаю
И умираю я!

(Л. 21 об.)

Многочисленными примерами можно подтвердить, сколь важно было для Державина «владение страстями» в характеристике идеального правителя.

Итак, державинский перевод «Федры» Ж. Расина является не только фактом истории освоения русской словесностью и театром начала XIX в. наследия великого французского трагика, но также органически входит в систему творчества «отца русских поэтов». Имея перед собой лишь, по-видимому, не слишком удачный подстрочник, Державин активно пересоздает стиль французского оригинала, фактически переписывает «Федру» для архаистов. Кардинальная стилистическая трансформация вкупе с изменениями и дополнениями, вносимыми при переводе, влекут за собой существенные смысловые сдвиги, максимально приближая перевод трагедии Расина к оригинальному творчеству Державина-драматурга и лирика. По замечанию Н. Д. Кочетковой, Державин, критиковавший «Эдипа» В. А. Озерова, сам не написал трагедии на античный сюжет.⁴⁸ Думается, что перевод «Федры» занимает место такой трагедии в творчестве Державина.

М. Г. Альтшуллер определил метод Державина-трагика как преромантический.⁴⁹ Возможно, что более углубленное изучение русской переводной литературы рубежа XVIII—XIX вв. позволит исследователям выделить и описать преромантический метод перевода, что сделает возможным толкование в целом неудачной попытки Державина соперничать с Расином, как одного из характерных эпизодов истории русской преромантической и ранней романтической переводной русской литературы.

⁴⁸ См.: История русской драматургии. XVII—первая половина XIX в. Л., 1982. С. 212.

⁴⁹ См.: Альтшуллер М. Г. «Ирод и Мариамна» Гавриила Державина: (К вопросу о формировании русской преромантической драмы) // Гавриила Державин (1743—1816): Сб. статей и материалов. Норвич; Вермонт, 1995. С. 224—233.

Г. ПАНОФСКИ

ПРИЕЗД КАРАМЗИНА В БЕРЛИН И ЕГО ВСТРЕЧА С РУССКИМ ВЕТЕРАНОМ В ПОТСДАМЕ¹

Факты вместо вымыслов

27 декабря 1814 г. Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749—1832) писал из Веймара Карлу Фридриху Цельтеру (1758—1832):²

«Von meiner Italienischen Reise habe ich die vorhandenen Tagebücher <...> redigiert. Dieses Büchlein erhält dadurch einen eigenen Charakter, daß Papiere zum Grunde liegen, die im Augenblick geschrieben worden. Ich hüte mich, so wenig als möglich daran zu ändern, ich lösche das Unbedeutende des Tages nur weg, sowie manche Wiederholung; auch läßt sich vieles, ohne dem Ganzen die Naivität zu nehmen, besser ordnen und ausführlicher darstellen». («Я выправил дневники, оставшиеся от моей итальянской поездки <...> книжка эта имеет совершенно особый характер, ибо в основу ее легли записи, сделанные в самый момент путешествия. Я стараюсь изменять в них так мало, как возможно, вымарываю из поденной записи лишь несущественное либо повторяющееся; так, не утрачивая своей непосредственности, целое предстает более упорядоченным и обстоятельным»).

Сходным образом мы должны представлять и то, как Н. М. Карамзин (1766—1826), вернувшись в Москву после своих разъездов, издавал свой дневник, часто упоминаемую при публикации «Писем русского путешественника» «записную книжку». Так же он старался

¹ Выражаю глубокую благодарность за советы и помощь, полученные мною от директора Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz в Берлине-Далеме, профессора доктора Юргена Клоостергюйса и его сотрудников; господин Гельмута Гербига, библиотекаря Stiftung Stadtmuseum Berlin; доктора Фалько Нейнингера в Brandenburgisches Landeshauptarchiv в Борнуме, и особенно магистра истории Аньи Лампе в Stadtarchiv в Потсдаме.

² *Goethe J. W. von. Goethes Briefwechsel mit Zelter / Ed. by Will Vesper (Deutsche Bibliothek). Berlin, 1890. S. 71 usf.*

изменять исходные заметки — как можно меньше исправляя их, устраняя лишь банальности и длинноты. Никто не сомневается во впечатлениях Гёте, отраженных в «Итальянском путешествии» 1786—1787 гг., сочиненном почти одновременно с «Письмами русского путешественника» Карамзина и напечатанном позднее (1816). А вот эпистолярное сочинение Карамзина исследователи стремятся оценивать главным образом как часть образа автора. Однако следует рассматривать «Письма русского путешественника» Карамзина не в качестве излияний вымышленного путешественника, а признать важным биографическим и топографическим источником. Уже в 1858—1859 гг. князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) бранил своих соотечественников за то, что те больше не читают «Письма русского путешественника» как «настоящие мемуары, исповедь человека, картину эпохи», запечатленную в них. Вяземский любил «отыскивать, угадывать следы его (Карамзина. — Г. П.), разумеется давно стертые с лица земли. Поколения сменили поколение, которое он застал и видел. Гостиницы исчезли. Все приняло новый вид».³ Чтобы проследовать путем Карамзина почти двухвековой давности, необходимо, конечно, предпринять некоторые разыскания, а общепринятых мнений недостаточно, чтобы определить, что он видел и с кем говорил во время своего пребывания в Европе в 1789—1790 гг.

В своих недавних работах⁴ я показала, например, как в 2003 г. Эндру Канн (Оксфорд) сделал ошибочные выводы из рассмотрения эпизода с могилой Глейхена в Эрфурте, поскольку посчитал доказанным, что камень был вымыслом, служившим «самоизображению» рассказчика. Сходным образом относительно первой гостиницы «König von England» («Король английский»), где Карамзин остановился по своему приезду в Берлин 29 июня 1789 г., Йоахим Клейн (Беркли) писал мне 29 мая 2005 г.: «Наверное, этот дорогой отель — *тоже вымысел* (курсив мой. — Г. П.)? Он бы хорошо смотрелся в автопортрете Карамзина как изящного досужего дилетанта». А в другом электронном послании от 1 июня 2005 г. И. Клейн развил свою мысль: «Я всегда сомневался не в существовании „Zum Englischen König“, а в том факте, что Карамзин якобы остановился там. Действительно, вопрос здесь не о реалиях его путешествия, а о сильном элементе *самостилизации* (курсив мой. — Г. П.)». Однако я и здесь буду защищать Карамзина от сомневающихся в его правдивости.

Фактическую точность сообщений Карамзина можно проверить вплоть до второстепенных замечаний о погоде! Подъезжая к прус-

³ Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813—1877. М., 2003. С. 885—888.

⁴ См.: Panofsky G. 1) Karamzin's Travel through Germany // Die Welt der Slaven. 2005. S. 119 и сл., 133—135; 2) Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010. P. 16, 38—42 (Opera Slavica. N. F. 52).

ской столице в коляске 29 июня 1789 г., Карамзин⁵ (1984: 33) сожалел: «О виде Берлина нельзя было мне судить потому, что беспрестанный дождь мешал видеть далеко вперед», а именно к полудню усилился дождь, начавшийся утром.⁶ О верховой прогулке по окрестностям Потсдама 3 июля 1789 г. Карамзин вспоминал (1984: 43): «Луна взошла над нами; ясной свет ея разливался по зелени листьев <...>. Эта ночь оставила во мне какия-то романтическия, приятныя впечатления». Именно о погоде в этот вечер было записано: «Mondschein, angenehm» («Лунный свет, приятно») с безветрием и приятной температурой 58° F, т. е. 15° C.⁷

В «Письмах русского путешественника» Карамзин (1984: 13, 16, 19, 34, 399) неоднократно жалуется на проверки путешественников в Пруссии, обыски их поклажи, которые можно смягчить только взяткой должностному лицу. Пересечение границы в Мемеле прошло, к удивлению Карамзина, без происшествий, однако на въезде в Тильзит были неприятности. В Кенигсберге пассажиры сначала были переписаны, а затем их вещи тщательно досмотрены на постоялом дворе, что не только было досадно, но и потребовало дополнительных чаевых. Безжалостная городская пошлина (Accise) на ввозимые товары имела столь дурную славу среди проезжающих, что Ф. Николаи почувствовал себя вынужденным защитить эту систему.⁸ Карамзин посвятил целый раздел этой прусской системе безопасности: «Надобно сказать нечто о Прусских допросах. Во всяком городке и местечке останавливают проезжих при въезде и выезде и спрашивают, кто, откуда и куда едет?» (1984: 31). Он общается, как некоторые путники дурачили часовых вымышленными именами или назывались разными людьми на въезде и выезде, чтобы спутать административные отчеты. Поскольку Карамзин не хотел принимать участие в этой игре, его спутники попросили его притвориться спящим и веселились тем, что представляли его как некоего Баракоменеверуса с горы Араратской или изгнанного из Афин Аристида, или Алкивиада, путешествующего в Персию, или доктора Панглоса из Вольтерова «Кандида». Подобные выходки были возможны, поскольку паспорта, выдаваемые российскими имперскими

⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Ред. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко и Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 33. (Сер.: «Литературные памятники»). В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием года издания и страницы.

⁶ NBIV, no. 160: 1361, понедельник 6 июля 1789 г. См. список сокращений в конце статьи.

⁷ NBIV, no. 166: 1427, понедельник 13 июля 1789 г.

⁸ Nicolai F. Beschreibung der Königlichen Residenzstädte Berlin und Potsdam und aller daselbst befindlicher Merkwürdigkeiten / Neue, völlig umgearbeitete Auflage. Berlin, 1779. Bd. 2. S. 727 и сл.

властями, как и все паспорта союзников Пруссии, необходимо было заверять только на границе.⁹

На въезде в Берлин 29 июня 1789 г. Карамзин (1984: 33) был допрошен дежурным сержантом: «Кто вы? Откуда едете? Зачем приехали в Берлин? Где будете жить? Долго ли здесь пробудете? Куда поедете из Берлина?» Хотя для русской публики Карамзин пошутил над прусской бюрократией, вздохнув: «Судите о любопытстве здешнего правительства!», — в просмотренном и одобренном Карамзиным немецком издании Иоганна Рихтера замечание получило более осторожную формулировку: «Auf alle diese Fragen mußte ich antworten» («И мне пришлось на все эти вопросы ответить»)¹⁰. Как только Карамзин вернулся в гостиничный номер с вечерней прогулки, желая отдохнуть с чашкой чаю, трактирщик господин Блум явился к нему с печатным опросным листом, который гостю было необходимо заполнить: «Вам надобно на это отвечать, сказал он. Я увидел на бумаге те вопросы, которые делали мне при въезде в город, с прибавлением одного: *в какие ворота вы въехали?* Они напечатаны, и мне надлежало под каждым писать ответ». Карамзин отозвался с недоверием и весельем: «Боже мой! Какая осторожность! Разве Берлин в осаде?» (1984: 35). Однако господин Блум уведомил его, что завтра берлинские горожане узнают о его прибытии из газеты: «Г[осподин] Блум объявил мне с важным видом, что завтра Берлинская публика узнает через газеты о моем приезде!» (1984: 405: «Я должен это послать в Полицию, сказал трактирщик: а там посмотрят [или: справятся], то ли вы сказали о себе у городских ворот, что здесь напишете. Потом публикуют [или: объявят] о вас в Ведомостях»). В полицейском участке не только собирались сопоставить письменные и устные показания постояльца, но также сообщить печати его имя, постоянный и берлинский адрес.

В Пруссии существовала специальная *Fremdenpolizei* (Полиция по делам иностранных лиц). Все хозяева гостиниц и частные лица, пускавшие к себе чужака на ночь, были обязаны сообщить о нем на «*Meldezettel*» (регистрационный лист) в полицию (*Benda*

⁹ *Benda O.* Die Fremden- und Paß-Polizei-Verfassung des Preußischen Staats nach den desfalls ergangenen Verordnungen. Liegnitz: J. F. Kuhlmei, 1816. S. 5. § 12 и сл. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени автора, страницы и параграфа. Для въезда на территорию Германии визы для русских, выдаваемые германским посольством в Петербурге или германским консульством, были введены только в 1879 г. См.: *Das polizeiliche Meldewesen. An der Hand der in Berlin bestehenden Einrichtung nach amtlichen Quellen dargestellt und mit Genehmigung des Königlichen Polizei-Präsidiums herausgegeben von Throl, Königlicher Polizei-Lieutenant zu Berlin.* Berlin, 1897. S. 28 (J. J. Heines Verlag).

¹⁰ *Karamzin N.* Briefe eines reisenden Russen. Aus dem Russischen übertragen von Johann Richter, Leipzig, 1799 -- 1802. S. 49 (Reprint München (Winkler Verlag)).

1816: 26 § 100).¹¹ Помимо даты, полного имени, рода занятий, места рождения и постоянного места проживания новоприбывшего эти опросные листы требовали предъявить то, «wodurch sich der Reisende über die Identität seiner Person ausgewiesen hat» («чем путешествующий удостоверяет подлинность своей личности»), а также дать описание особых примет с его подписью, конечным пунктом путешествия, маршрутом, целью и датой истечения срока его паспорта и оплаченного сбора. Ничего удивительного в том, что Карамзин пришел в отчаяние! Каждое утро полицейские службы посылали жандармам города копии отчетов (Benda 1816: 26 и сл. § 100—107). Мне удалось определить местонахождение таких сохранившихся рукописных «General-Rapport und Logis-Zettel von angekommenen Fremden hieselbst [in Berlin]» («Генерального рапорта и квартирных записок сюда [в Берлин] прибывших иностранцев»), к сожалению, только на декабрь 1779, март 1780 и декабрь 1786 гг. (а не на июнь—июль 1789 г.).¹²

Во время посещения Карамзиным Берлина правом на публикацию списков прибывающих и отбывающих путешественников обладал «Neues Berliner Intelligenz-Blatt zum Nutzen und Besten des Publici» («Новый просвещенный берлинский вестник на пользу и во благо публики»), выходивший три раза в неделю с 1783 по 1799 г. Его издавали Георг Якоб Декер старший (1732—1799) и его сын Георг Якоб Декер младший (1765—1819), оба имевшие чин «Geheimer Ober-Hofbuchdrucker» («Тайного высшего придворного книгопечатника»), их типография находилась в королевском замке. Во вторник 30 июня 1789 г. заглавная страница «Neues Berliner Intelligenz-Blatt» (№ 155: 1321) сообщала о следующих «Ein- und auspaßirte Fremde» («Прибывших и отбывших иностранцев»):¹³

«Angekommen: Herr Ritterschaftsrath v. Rohr aus Ganzer,¹⁴ [logiert] in Rückerts Hause in der Margrafenstraße; H[err] Bürgermeister Schwarz

¹¹ См. также: GStA PK, II. Gen.-Dir. Abt. 14 Kurmark, Tit. CXV Sekt. V Polizeisachen I. Generalia Nr. 56 Bd. 1 fol. 25 «Avertissement» от «Königl. Preußisches Gouvernement und Polizey-Directorium hiesiger Residenzien». Берлин, 4 июля 1792 г.

¹² GStA PK, II. HA Abt. 14 Kurmark: Städte, Tit. CXV Stadt Berlin Sekt. V Polizei-Sachen Nr. 30.

¹³ Stiftung Stadtmuseum Berlin. Приношу самую искреннюю благодарность господину Гельмуту Гербигу, обеспечившему мне доступ к фотокопиям июньских номеров.

¹⁴ Он отправился домой двумя неделями позже (NBIB, no. 168: 1443, 15 июля 1789 г.). Все кредиторы *Rittmeister und Ruppinscher Ritterschaftsrath Vivigenz Christoph Friedrich von Rohr* были приглашены 14 июля в королевский верховный суд (Kammergericht) в Берлин, чтобы представить свои требования (NBIB, no. 157: 1340 f., 2 July 1789). О фон Рорах, владельцах замка в Ганцере (к юго-западу от Нейруппина), см.: *Fontane Th. Wanderungen durch die Mark*

aus Magdeburg, I[ogiert] im König von England; H[err] v. Jagow aus der Altmark, I[ogiert] in der Stadt Rom: Die H[er]rn Gebrüders v. Holzendorff aus der Uckermark; Der Schwedische Lieut[enant] H[err] Baron v. Ruth aus Stockholm, I[ogieren] in der Stadt Paris; H[err] Capit[än] v. Grabow von Beesckow, I[ogiert] im fliegenden Pferd; H[err] v. Putkammer und H[err] Kaufm[ann] Gobin aus Magdeburg, I[ogieren] im König von Portugall; H[err] Landrath v. Brösigke aus Ke[t]zür,¹⁵ I[ogiert] in der Landschaft; H[err] Lord Rollo aus Colmar,¹⁶ I[ogiert] im König von England; Der russische Lieut[enant] H[err] v. Karumsin[sic] aus der Schweiz, I[ogiert] eben daselbst». («Прибыли: г. советник дворянства фон Рор из Ганцера, остановился в собственном доме Рюкерта на Маргграфенштрассе; г. бургомистр Шварц из Магдебурга, остановился [в гостинице] „Король английский“; г. фон Ягов из Альтмарка, остановился [в гостинице] „Город Рим“; гг. братья фон Хольцендорфф из Укермарка; шведский поручик г. барон фон Рут из Стокгольма, остановились [в гостинице] „Город Париж“; г. капитан фон Грабов из Бескова, остановился [в гостинице] „Летающий конь“; г. фон Путкаммер и г. купец Гобин из Магдебурга, остановились [в гостинице] „Король португальский“; г. земельный советник фон Брëзихке из Кетцюра, остановился в доме Ландшафта; г. лорд Ролло из Кольмара, остановился [в гостинице] „Король английский“; русский поручик г. фон Карумзин (так! — Г. П.) из Швейцарии, остановился там же»).

Это газетное объявление снимает все сомнения в том, что Карамзин остановился в гостинице «Король английский» на Брундерштрассе в Берлине 29 июня 1789 г., именно тогда, когда он об этом написал! На первый взгляд чин поручика и прибытие якобы из Швейцарии кажутся несколько загадочными. Если второе возникло, скорее всего, от путаницы с целью его поездки, то первое совершенно правильно. Карамзин служил в Преображенском гвардейском полку в Санкт-Петербурге с 1781 г. и был освобожден от службы в чине поручика 1 января 1784 г.¹⁷ Похоже, он и за границей носил свою

Brandenburg (Werke Schriften und Briefe, Abt. II). München: Carl Hanser Verlag, 1987. Bd. I. S. 432—455. О Ганцере см.: Там же. S. 458—467.

¹⁵ Фон Брëзихке вернулся домой 4 июля (NBIB, no. 159: 1353). Деревня Кетцюр, родовое имение фон Брëзихке, находится к северо-востоку от Бранденбурга. «Landschaftshaus» располагался на Шпандауер Штрассе в Берлине, где несколько раз в год представители поместного сейма проводили свои собрания. См.: Nicolai F. Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 9. «Landschaften» были кредитными организациями в Пруссии XVIII в., предоставлявшими займы в форме закладных землевладельцам, нуждавшимся в наличности.

¹⁶ Джон Ролло (Rollo, 1773—1846), VIII лорд Данкраб (Dungrub, Шотландия).

¹⁷ См.: Погodin М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии / С примеч.

старую форму, поскольку молодой шведский купец, оказавшийся в той же гостинице и бывавший в России до лета 1788 г., именно по одежде узнал в нем россиянина: «Швед был в России, и по мундиру моему тотчас узнал, что я Руской» (1984: 39).

Карамзин утверждает, что в «König von England» он платил за свою комнату 50 копеек за ночь. Эта цена подтверждается путеводителем Николаи, который упоминает цену за «заднюю комнату и кабинет с кроватью и свечьми <...> на четвертом этаже» в перво-классной берлинской гостинице в 10 грошей.¹⁸ Поскольку Карамзин (1984: 48) приравнивает 6 грошей к 30 копейкам, то 10 грошей при этом же курсе будут равняться 50 копейкам или половине рубля, и таким образом мы можем сделать вывод, что в переполненной гостинице ему пришлось спать на чердаке, выходявшем окнами на задний двор: «Он (Блум. — Г. П.) привел меня в маленькую горенку с одним окном <...> Я доволен» (Там же: 34).

В 1765 г. виноторговец Штарк получил от Фридриха II привилегию на открытие трактира в собственном доме на Брюдерштрассе и на уличную вывеску, изображавшую портрет короля Георга III. Как утверждал Штарк в своем прошении, местоположение его заведения «nahe am Königlichen Schloß, und gleichsam mitten in der Stadt» («неподалеку от королевского замка и прямо посреди города») будет особенно удобно для чужестранцев.¹⁹ Согласно королевскому указу 1717 г., он был обязан, «die Fremden, die er logiret, jedesmahl dem Policey-Directorio oder wer dazu besonders bestallet ist, an[zu]zeigen» («о всех иноземцах, что у него останются, всякий раз в полицейское управление или, куда особо указано будет, докладывать»).

Еженедельные объявления о прибывающих и отбывающих путешественниках, пускай выборочные и неполные, позволяют нам частично восстановить состав общества Карамзина в гостинице «Король английский», состоявшего по его оценкам приблизительно из тридцати лиц: армейских офицеров, местных и иноземных купцов, а также из видных саксонских баронов. Помимо названного выше бургомистра из Магдебурга и шотландского дворянина одновременно с Карамзиным во время его десятидневного пребывания в гостинице находились: барон фон Мюнстер из Эрлангена,²⁰ военный

и объяснениями М. П. Погодина. М., 1866. Т. 1. С. 15 и сл., 19, 22; Cross A. G. N. M. Karamzin. A Study of his Literary Career 1783—1803. Carbondale and Edwardsville, Southern Illinois University Press, 1971. P. 2.

¹⁸ См.: Nicolai F. Beschreibung der Königl. Bd. 2. S. 731.

¹⁹ GStA PK, II. HA Abt. 14, Kurmark Tit. CXV Stadt Berlin Sect. O, 15 Gastwirte Nr. 1, Acta. Вид Брюдерштрассе, которая была почти полностью уничтожена бомбардировками Второй мировой войны, сохранился на гравюре Готлиба Вильгельма Гюльмана (Hüllmann) 1801 г., а также на картине Эдварда Гертнера (Gaertner) (1801—1877) 1863 г. (Alte Nationalgalerie, Berlin).

²⁰ NBIB, no. 150: 1277. 24 июня 1789 г. Он отправился в Ансбах 8 июля 1789 г. (Там же, no. 162: 1395).

советник Циммерманн из Штеттина и купец Мейер из Франкфуртана-Майне;²¹ кроме того, купцы Александер из Франции,²² Фризов из Глогау,²³ и Дегрефф из Крефельда.²⁴ Таким образом, если добавить безымянного шведского молодого купца, секретаря датского посольства, прусского майора и других прусских офицеров, Карамзин вступил в контакт с представителями всех слоев западного общества: землевладельцами, гражданскими служащими, а также с военными и торговцами.²⁵

Все эти господа собрались вместе на торжества по случаю визита сестры короля Фридриха Вильгельма II, принцессы Вильгельмины Прусской (1751—1820), Erbstatthalterin (наследной штатгальтерши) Нидерландов (1984: 34). Она совершила свой торжественный выезд со стороны Потсдама 2 июля, и в ее честь берлинскими горожанами была исполнена хореографическая композиция.²⁶ Карамзин особенно отметил купечество в красных одеждах (1984: 40).²⁷ Он посмеялся над помпой, — и поплатился, вымоченный дождем. Да, в тот день погода была прохладна (только 50° F, т. е. 10° C) и дождлива!²⁸

К сожалению, не оказалось возможным подтвердить отъезд Карамзина из Берлина в Дрезден 9 июля. Именно этого единственного выпуска (№ 163: 1403—1410) недостает в весьма редком издании «Neues Berliner Intelligenz-Blatt» от июля 1789 г., экземпляры которого, похоже, сохранились только в берлинской Zentral- und Landesbibliothek.²⁹ Однако ни до, ни после этой даты русский поручик Карамзин не появляется среди «auspassierten Fremden» («отъехавших иноземцев»), по причине этого исключения он, должно быть, продолжил свое путешествие в день, указанный в «Письмах».

30 июня 1789 г., в первый день, полностью проведенный Карамзиным (1984: 36) в Берлине, застольные разговоры в гостинице

²¹ NBIV, no. 154: 1314, 29 июня 1789 г.

²² NBIV, no. 157: 1337, 2 июля 1789 г.

²³ NBIV, no. 158: 1345, 3 июля 1789 г.

²⁴ NBIV, no. 162: 1395, 8 июля 1789 г.

²⁵ Берлин, 30 июня 1789 г.: «За столом у Господина Блума сидело человек тридцать: Офицеров, купцов [тутошних и иностранных] и важных Саксонских Баронов, приехавших в Берлин на праздники» (1984: 36). Берлин, 1 июля 1789 г.: «У Г. Блума живет один молодой шведской купец <...>. Секретарь Датского Посольства, который тут же обедал <...>. Прусские Офицеры <...>. Прусской Маиор, сидевший за столом» (Там же. С. 38 и сл.).

²⁶ VLHA. Pr. Br. Rep. 30 Berlin A Polizeidirektorium 248 Tit. 31 Nr. 2 «Die Einholung der Prinzessin Erbstatthalterin von Oranien Königl[iche] Hoheit durch die hiesige Bürgerschaft 1789»; Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, no. 80: 587 и сл., 4 июля 1789 г.

²⁷ См. также: «Die Kaufmannschaft in scharlachrothen Röcken und weißen Unterkleidern» («Купечество в алых сюртуках и белых поддевках») (Ibid.).

²⁸ NBIV, no. 160: 1361, 6 июля 1789 г.

²⁹ Без помощи господина Гельмута Гербига из Stiftung Stadtmuseum Berlin, я не сумела бы даже обнаружить эти газеты в Zentral- und Landesbibliothek, Berlin.

врашались вокруг двух предметов: прибытия королевской фамилии и тройного убийства с ограблением почтовой кареты под Ораниенбургом.³⁰ «Об этом только и говорят; да о разбойниках, которые близь Ораниенбурга разбили почту». Пугающие вести о преступлении дошли до Карамзина (1984: 23, 400) уже в Кенигсберге 19 июня. Прусский офицер получил там письмо из Берлина, «в котором пишут к нему, что близь сей столицы разбили почту, зарезали постиллона [с проводником] и отняли несколько тысяч талеров: неприятная весть для тех, которые туда едут!»³¹ Действительно, в утренней газете от упомянутого 30 июня,³² берлинские жители читали следующий «Avertissement» («Предупреждение»), датированный 24 июня 1789 г.:

«Es ist zwar wegen des in der Nacht vom 13. auf den 14. dieses [Monats] di[e]sseits Oranienburg verübten schrecklichen Mordes und Post-Straßenraubes sofort die genaueste und sorgfältigste Untersuchung angestellt worden, bis jetzt aber hat von den Räubern und Mördern, außer einem sich sehr verdächtig gemachten Fleischerknecht, Namens Christian Lenz, der auch bereits durch Steckbriefe verfolgt ist, noch nichts weiter ausgemittelt werden können. Da nun die größte Wahrscheinlichkeit vorhanden, daß bey dieser unmenschlichen That mehrere concurriret, und ein Theil derselben und des geraubten Geldes, welches nach genauerer Ausmittelung, und nachdem schon 4000 Th[a]l[e]r wieder gefunden, annoch in 1000 Th[a]l[e]r Groschen und 1800 Th[a]l[e]r Sechs-Pfennigstücken bestanden, sich vielleicht noch im Lande befinden, und wohl gar verheelet worden, so wird jedermann hierdurch ernstlich erinnert und gewarnet, den Aufenthalt und Schlupfwinkel dieser verruchten Menschen <...> der nächsten Gerichtsobrigkeit sofort genau anzuzeigen...». («Несмотря на то что в связи с чудовищным убийством и ограблением почтовой кареты под Ораниенбургом в ночь с 13 на 14 число сего месяца было немедленно произведено тщательнейшее расследование, о грабителях и убийцах по сей день ничего не известно, за исключением навлекшего на себя подозрения слуги мясника по имени Христиан Ленц, о коем уже разосланы розыскные письма. Поскольку велика возможность того, что в этом бесчеловечном деянии были замешаны многие лица, часть которых вместе с остатком похищенного (после 4000 обнаруженных талеров, по-прежнему недостает 1000 талеров в грошовых и 1800 в шестипфенниговых моне-

³⁰ Около 30 км к северу от Берлина.

³¹ См.: Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, no. 72: 230, вторник 16 июня 1789 г.: «In der Nacht vom 13ten auf dem 14ten dieses [Monats] ist der Beywagen der ordinairen Stettinischen Post disseits Oranienburg bey dem Dorfe Pinnow gewaltsamer Weise beraubt, und der dabei befindliche Schirrmmeister nebst dem Postillion mit vielen Wunden ermordet, auch ein junger Bursche von 15 Jahren tödtlich verwundet worden...».

³² NBIV, no. 155: 1323 и сл.

тах) все еще укрывается, а быть может, и укрываема в стране, мы со всей строгостью предупредомяем и призываем всякого знающего о местопребывании либо тайнике гнусных преступников немедленно донести о том в ближайшую судебную управу...»).

Значит, и здесь Карамзин держит своих читателей в курсе последних событий. Вскоре генеральная королевская почтовая контора подняла сумму вознаграждения со ста до пятисот талеров.³³ Первоначально Карамзин (1984: 401) собирался добавить подстрочное примечание: «В бытность мою в Берлине Правительство не могло еще открыть виновников. — С того времени велено всем проводникам иметь при себе ружье: спасительная предосторожность!». Однако недель через пять после его отъезда подозреваемый Ленц был задержан, во всем признался и был казнен ужасной казнью через колесование в Берлине 19 января 1790 г.³⁴

29 декабря 2005 г. Михаэль Вахтель (Принстон) сделал доклад «Dichtung und Wahrheit в прозе Карамзина» на ежегодном собрании Американской ассоциации преподавателей славянских и восточно-европейских языков (AATSEEL) в Вашингтоне. В своем выступлении он выразил сомнение в «предполагаемой встрече [Карамзина] в русской православной церкви [в Потсдаме] с последним членом этой общины, который якобы жил в Потсдаме со времен Аннинского царствования». Как продолжает Вахтель, «согласно путеводителю, который, вероятно, был известен Карамзину, там вообще никого уже не осталось. Любопытно, но Карамзин пренебрегает упоминанием того странного факта (который, конечно, поразил бы каждого очевидца как существенный), что русская „церковь“ на этот момент была всего лишь комнатой в здании муниципалитета <...>. Все перечисленные детали указывают на то, что описанная сцена происходила не так, как о ней рассказано. <...> Вместо того чтобы остановиться на архитектурных деталях церкви, Карамзин дает подробный отчет о разговоре со старым русским солдатом. Среди прочего он подчеркивает, что двое русских едва могут общаться на своем родном языке». Вахтель заключает обычным клише, что история «хорошо встраивается в *творимый образ* (курсив мой. — Г. П.) самого Карамзина и объясняет его готовность отклониться в разделе о Потсдаме от фактических наблюдений». Оставим Dichtung (поэзию, т. е. вымыслы) Вахтелю, а за Карамзиным сохраним Wahrheit (истину, т. е. факты)!

³³ См. также: NBIB от 1789, no. 143: 1218, 16 июня; no. 146: 1243, 19 июня; no. 147: 1254, 20 июня; no. 148: 1265, 22 июня; no. 149: 1271, 1275 и сл., 23 июня; no. 152: 1294 и сл., 26 июня.

³⁴ Ballhorn Fr. Geschichte der Stadt Oranienburg bis zur Einführung der Städte-Ordnung im Jahre 1808 nebst kurzen Nachrichten von den übrigen zum Oranienburger Kirchspiel gehörigen Ortschaften. Berlin: im Selbstverlag des Verfassers, 1850. S. 218—220.

История церковного прихода «москвитов» в Потсдаме хорошо документирована.³⁵ Он существовал с 1734 по 1808 г., а богослужения продолжались до 1805 г. (Приложение II), т. е. еще шестнадцать лет после краткого посещения его Карамзиным. Русский православный приход появился в Потсдаме благодаря солдатам, неоднократно посылавшимся в подарок Петром Великим (1682—1725) его союзнику королю Фридриху Вильгельму I (1713—1740), питавшему ненасытную и почти болезненную тягу видеть «lange Kerls» («рослых парней») в рядах своего королевского полка. Подарки царя подпитывали это сумасбродство с 1714 по 1724 г.,³⁶ однако ничего не известно об отношениях такого рода во времена правлений Екатерины I и Петра II с 1725 по 1730 г. Благоприятный оборот для Фридриха Вильгельма I дело приняло, когда на престол взошла окруженная немецкими фаворитами Анна Иоанновна (1730—1740). В Малороссии немедленно начался большой рекрутский набор, сопровождавшийся множеством подарков новой императрице и взятками влиятельным придворным, собравший шестьдесят пять видных парней ростом не ниже 1.90 метра (Kloosterhuis: Q 145). В 1731 г. из России были получены еще четыре великана, и еще несколько призывников прибыло в 1738—1739 гг. (Там же: Q 146, 148). К тому времени в Потсдаме было уже так много русских гренадеров, что у их детей была своя

³⁵ *Ostmann R.* Die Moskowitzische Kirche zu Potsdam // Mitteilungen des Vereins für die Geschichte Potsdams. 1864. 1. S. 1—8; *Schippan M.* Zu den Potsdamer Rußlandbeziehungen (18. bis erste Hälfte des 19. Jahrhunderts) // Potsdam. Märkische Kleinstadt — europäische Residenz. Reminiszenzen einer eintausendjährigen Geschichte / Ed. by P.-M. Hahn, K. Hübener, J. H. Schoeps. Berlin: Akademie Verlag, 1995. S. 117—119. Профессор Юрген Клоостергюйс любезно снабдил меня фотокопией публикации Остмана. Статья Шиппана, на которую мое внимание обратил доктор Питер Баль, полностью основывается на работе Остмана в той части, что касается русской православной общины в XVIII в. Эта община, хотелось бы подчеркнуть, не имеет никакого отношения к церкви Св. Александра Невского (увенчанной пятью луковичными главками, расположенными над византийским в плане объемом) и поселением Александровкой в Потсдаме, основанным только в 1826 г.

³⁶ [*Schneider*]. Ein Blatt aus der Geschichte der ersten Beziehungen Rußlands und Preußens im Anfang des vorigen Jahrhunderts // Vossische Zeitung, Sonntags-Beilage. Nr. 36. 8. September 1878. Nr. 211; Sonntags-Beilage. Nr. 37. 15. September 1879, Nr. 217; *Kloosterhuis Jü.* Legendäre «lange Kerls». Quellen zur Regimentskultur der Königsgrenadiere Friedrich Wilhelms I. 1713—1740. Berlin, 2003. Q 144 (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz). Дальнейшие ссылки на работу Клоостергюйса даются в тексте с указанием имени рекрута и источника (Q). Профессор Юрген Клоостергюйс также прислал мне фотокопии статей Шнейдера. В 1714 г. Петр Великий подарил прусскому королю восемьдесят рослых русских гренадеров, в 1718-м еще пятьдесят пять, в 1720-м — десять и в 1724-м — двадцать три. Из ста шестидесяти восьми числящихся по документам людей, девяносто пять были заменены новыми рекрутами в 1723 г. См.: *Göres B.* Die freundschaftliche Gesinnung ‘durch reelle Proben’ erwidert. Das Bernsteinzimmer und die russischen Riesen bei den ‘langen Kerls’ // Porticus (Stiftung Preussische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg). 2005. 2. S. 6—7.

школа. Для одного из них при крещении в гарнизонной церкви некая госпожа Борхова, жена учителя московитской школы, стала крестной матерью 8 сентября 1739 г.³⁷

За несколько лет до того Анну Иоанновну просили направить в Потсдам постоянного священника (Kloosterhuis: Q 351). Однако он прибыл в Потсдам только весной 1734 г., в сопровождении беременной жены Елены, сына и двух дочерей, двух слуг-мужчин и девушки-служанки, а также четырех певчих и причетников с их собственными двумя слугами. Караван приблизительно из четырнадцати человек со своими кучерами проделал трудный путь из Петербурга.³⁸ 11 апреля этого же года отец Василий Щербацкий (так звали священника) освятил во имя св. Симеона Богоприимца и пророчицы Анны³⁹ небольшую фахверковую церковь, которую Фридрих Вильгельм I велел возвести для служивших у него русских солдат.⁴⁰ Единственное зримое свидетельство о строении, похоже, осталось на рисунке Андреаса Людвига Крюгера 1779 г. с подписью «Vorstellung der Vord[er] Seite am Canall des Brockschen Hauses in Potsdam» («Вид фасада на канале Брокера дома в Потсдаме»), где справа изображена церковь московитов.⁴¹

В 1734 г. православная Пасха праздновалась 14 апреля, значит, 11 апреля было страстным четвергом.⁴² Неужели Остманн ошибся в дате и неужели церемония освящения храма в присутствии королевской фамилии, включая даже старика князя Леопольда Ангальт-Дессауского (1676—1747), не прославила Воскресение Христово, столь важное торжество в восточно-христианской церковной традиции? Во время того же богослужения был крещен ребенок отца Василия. Король стал крестным отцом малыша, гордо названного Фридрихом Вильгельмом. Русский священник получил жалованье и бесплатное жилье (Kloosterhuis 2003: Q 351, 353, 361). Однако он не был освобожден от налогов, как его коллеги протестантского вероисповедания (Там же: Q 355). Ему не только приходилось ездить за свой счет в Берлин или Галле для причащения квартировавших там русских солдат (Там же: Q 357, 361), но и оплачивать свое лечение

³⁷ *Evang. Kirche Garnisongemeinde Potsdam. Vol. B 576 Taufen 1736—1761. No. 223 (FHL Фильм 0072388).*

³⁸ См.: *Коляда А. Я.* История русской православной церкви в Потсдаме (XVIII—XXI вв.). Автореф. дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2008. С. 13, документ 8. Я глубоко признательна А. О. Дёмину, выславшему мне автореферат диссертации Коляды, о которой я иначе не узнала бы.

³⁹ Там же. С. 20.

⁴⁰ *Ostmann R.* Die Moskowitzische Kirche zu Potsdam. S. 5.

⁴¹ *Jung K. C.* Potsdam Am Neuen Markt. Ereignisgeschichte Städtebau Architektur. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1999. 65 ил. О «Брокеровом доме» см.: *Nicolai F.* Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... 1779 Bd. 2. S. 866.

⁴² *Grotefend H.* Zeitrechnung des Deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Hannover (Hahn). 1891. Bd. 1. S. 139.

на водах в 1738 г. (Там же: Q 338 b). Тяжело болевший отец Василий умер 27 марта 1740 г.⁴³ Вдова подала прошение королю от своего имени и от имени сирот (Там же: Q 671), а шестилетнему крестнику короля Фридриху Вильгельму было назначено в будущем место певчего в королевском полку (Там же: Q 360).

Отца Василия Щербацкого никем не заменили. После смерти Фридриха Вильгельма I его сын Фридрих II Великий (1740—1786) положил конец присылке «lange Kerls» («рослых парней»). Большинство россиян, вероятно, вернулось домой, за исключением тех, кто устроился в Потсдаме (или кому было некуда ехать). Дочь Петра Великого императрица Елизавета (1741—1762) была теперь врагом прусского короля, и в Семилетней войне он воевал против русской армии (и иногда проигрывал).

В скромной «греческой» церкви 1734 г. не было ни колокольни, ни колоколов.⁴⁴ И она не была отдельно стоящим зданием — ее глинобитные (фахверковые) стены с севера примыкали к Reit- und Exercierhaus (манежу и экзерциргаузу), широко известному под названием «Langer Stall» («Длинная конюшня»)⁴⁵ В 1755 г. Фридрих II сдал это здание двум театральным труппам.⁴⁶ Вскоре после этого оно было заменено трехэтажным каменным зданием королевского Montierungskammer (склада амуниции), где хранилось солдатское обмундирование и снаряжение.⁴⁷ История здания лучше всего изложена Генрихом Людвигом Мангером (1728—1790), который служил архитектором в Потсдаме с 1753 г., и в 1787 г. был назначен главным королевским придворным зодчим. В 1789—1790 гг. он выпустил три тома своей «Baugeschichte von Potsdam» («Истории строений Потсдама»), которые были напечатаны Фридрихом Николаи. Мангер пишет:

«1785. An dem andern Ende desselben [hiesigen großen Exercier- und Reithauses] gegen den großen Stadtkanal zu war ein Anbau zwey Geschoß hoch von Fachwerk, in welchem zu den Zeiten König Friedrich Wilhelm des Zweyten [*recte*: Ersten] griechischer Gottesdienst gehalten wurde,

⁴³ GStA PK, VIII. HA L, MKB Fiche 1197. С. 627. No. 118: «A.° 1740 m[ensis] Martio sind gestorben <...> d[en] 27 Martii Herr Wasil, Moscovitischer Popc».

⁴⁴ *Ostmann R.* Die Moskovitische Kirche zu Potsdam. S. 4 и сл.

⁴⁵ Одноэтажное, очень длинное деревянное здание, служившее для упражнений с оружием в плохую погоду и для выездки королевских верховых лошадей. См.: *Nicolai F.* Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 875.

⁴⁶ Здесь время от времени игрались немецкие пьесы, тогда как французские комедии и итальянские оперы представлялись в королевском придворном театре (Ibid. S. 999).

⁴⁷ См.: *Manger H. L.* Baugeschichte von Potsdam, besonders unter der Regierung König Friedrichs des Zweiten. Berlin; Stettin: Friedrich Nicolai, 1789. Bd. 2. S. 481. Репринт: Leipzig: Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, 1987. См. также: *Nicolai F.* Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 866 и сл.

damit die vielen Raizen,⁴⁸ Russen und Griechen, welche unter seinem Leibregimente dienten, ihre gewöhnliche Gottesverehrung abwarten konnten. Nach und nach verringerte sich die Anzahl dieser Ausländer, zumal da die Bataillons auseinander, und keine Rekruten aus dortigen Gegenden wieder hinzukamen. Es blieb also dieses Haus von 1750 an ledig und wüste. Als aber König Friedrich der Zweyte der Schuch'schen und andern Schauspielergesellschaften die Erlaubniß ertheilte, daß sie ihre Stücke darin aufführen konnten <...> ward es ein Schauspielhaus. Bis zu Ende des Jahres 1777 wurden in demselben und zwar zuletzt von der Wäterschen Gesellschaft Theaterstücke mancher Art aufgeführt, nachher aber verstattete der König keine dergleichen Aufführungen mehr allhier, und es wurde also dieses Haus immer öder und wüster <...>. Der König befahl also dasselbe neu steinern drey Geschoß hoch aufzuführen, und das Innere desselben zu Montirungskammern einzurichten...»⁴⁹ («1785. На другом конце оного [местного манежа и экзерциргауза] против большого Городского канала располагалось фахверковое строение в два этажа, в котором во времена государя Фридриха Вильгельма I совершались греческие богослужения, дабы позволить многочисленным сербам, русским и грекам, служившим в его личной гвардии, отправлять привычные им обряды. Число этих иноземцев постепенно сокращалось, ибо батальоны были расформированы, а новых рекрутов из тех мест не поступало. Так что уже с 1750 г. дом этот пребывал в запустении. Когда же его величество Фридрих II дал театральной Шуховой труппе и прочим милостивое разрешение представлять там свои пьесы <...> то здание стало служить театром. Вплоть до конца 1777 г. представлялись в нем театральные пьесы подобного рода, в последнее время актерами Везеровой группы. Наконец, государь сей воспротивился подобным зрелищам, и дом вновь начал приходить во все большее запустение <...>. Поэтому государь повелел отстроить его вновь из камня в три этажа и обустроить внутреннюю часть под склад обмундирования...»).

Когда Карамзин посетил Потсдам 3 июля 1789 г., православная глинобитная церковь уже давно прекратила свое существование. Значит, как предположил Вахтель (2005), он сочинил встречу с русским ветераном? Мы прекрасно знаем, на какой путеводитель опирался Карамзин (1984: 35), поскольку он сообщает нам, что 30 июня 1789 г., в свой самый первый день в Берлине, он взял из королевской библиотеки «Николаево описание Берлина, которое хотелось мне посмотреть». Эта книга была «Beschreibung der Königlichen Residenzstädte Berlin und Potsdam und aller daselbst befindlichen Merkwürdigkeiten» («Описание королевских резиденций Берлина и Потсдама со всеми находящимися в оных достопри-

⁴⁸ Т. е. сербы.

⁴⁹ Manger H. L. Baugeschichte von Potsdam... Bd. 2. S. 481 и сл.

мечательностями») Фридриха Николаи (1733—1811), плодовитого писателя и самого выдающегося немецкого издателя XVIII в., сотрудничавшего с Екатериной Великой, с которым Карамзин имел долгую беседу 1 июля.⁵⁰ Путеводитель впервые появился в 1769 г., второе исправленное и дополненное издание — в 1779-м. Карамзин несомненно пользовался позднейшим. Из первого издания он мог узнать лишь то, что прусский король опекал не одних лютеран, кальвинистов, католиков, иудеев и даже турок, но и «потом также, справедливости ради и за русскими греческой церкви было признано право свободного отправления религиозных обрядов» («den Russen von der griechischen Kirche wurde nachher die freye Religionsübung billigermaßen ebenfalls zugestanden».)⁵¹

А вот во второе издание Николаи включил историю бывшей православной церкви, превращенной в Komödienhaus (Комедийный дом),⁵² пояснив:

«Dieses Gebäude hat die Breite des hinten anstoßenden langen Stalls und ist 2 Geschöß hoch. Das Theater ist nur klein, und das Parterre mit dem Chore kann nicht viel über 200 Personen fassen. König Friedrich Wilhelm [I.] ließ dieses Gebäude anlegen, damit die unter seinem Garderegiment befindlichen vielen Russen ihren Gottesdienst hier halten sollten. Von Zeit zu Zeit besuchte diese griechische Gemeinde ein Pope, wovon auch einer zu Potsdam verstorben und in diesem Hause begraben worden. Da in der Folge unter jetziger Regierung diese Gemeinde schwächer ward und nur noch aus wenigen Gliedern bestand, so ward ihnen ein Zimmer auf dem Rathhause zu ihrem Gottesdienst angewiesen, bis die Gemeinde endlich ganz ausstarb, und dieser Gottesdienst dadurch aufhörte». («Ширина этого строения такова же, как и у примыкающих к нему сзади длинных конюшен, а высота его в два этажа. Театр крайне мал, так что партер, включая [прежнюю] алтарную часть, вмещает не более двухсот человек. Это здание было заложено королем Фридрихом Вильгельмом [I], дабы позволить многочисленным россиянам из его личной гвардии совершать здесь свои богослужения. Время от времени появлялся у этой общины и поп, один из них скончался в Потсдаме и был погребен в этом доме.⁵³ Когда же впоследствии при нынешнем правлении⁵⁴ община поредела и насчитывала все меньше членов, для названных богослужений была

⁵⁰ *Panofsky G.* 1) Karamzin's Travel through Germany // *Die Welt der Slaven.* 50. 1. S. 121—124; 2) Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010. S. 22—26.

⁵¹ *Nicolai F.* Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 541. Репринт: Gesammelte Werke. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1988. Bd. 2.

⁵² *Nicolai F.* Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 866 и сл.

⁵³ Отец Василий Щербатский; см. выше сноску 43.

⁵⁴ В царствование Фридриха II.

отведена комната при ратуше, куда община не вымерла совсем, а всякие службы окончательно не прекратились»).

Надо признать, что Вахтеля могла бы ввести в заблуждение последняя фраза Николаи, не зная мы из богатых архивных документов, что русская община в Потсдаме была жива по крайней мере до 1805 г. Когда Николаи через несколько страниц в том же путеводителе говорит о церквях, благотворительных учреждениях и школах в Потсдаме, становится ясно, что он имел в виду еще лишь несколько оставшихся русских душ, а не что «вообще никого уже не осталось». ⁵⁵ Николаи пишет: ⁵⁶

«Zar Peter der Große schickte nach seiner Zurückkunft dem König Friedrich Wilhelm eine so ansehnliche Menge großer Russen zu Soldaten, daß sie fast den dritten Theil seines Grenadierregiments ausmachten. Der König ließ für dieselben eine griechische Kirche anlegen <...>. Die Kirche ist nachher eingegangen, doch hebt die jetzt bis auf ein paar Seelen ausgestorbene Gemeinde noch ihre heil[igen] Gefäße auf. Den Uniten von der griechischen Kirche oder den Raizen ward gleichfalls ein Saal des Waysenhauses zum Gottesdienste eingeräumt und dazu ein Mönch aus Kroatien verschrieben». («По своем возвращении [1718] царь Петр Великий послал в солдаты к королю Фридриху Вильгельму [I] столь значительное число рослых русских, что они составили едва не третью часть всего полка его гренадеров. Король приказал заложить для последних греческую церковь <...>. Церковь пришла впоследствии в запустение, однако до пары душ оскудевшая община и теперь еще хранит ее святую утварь. Также и для униатов греческой церкви, и для сербов был отдан под богослужения зал сиротского приюта и выписан монах из Хорватии»).

Зал для богослужений русским и сербским солдатам был предоставлен окончательно к 1779 г. Десять лет спустя, в 1789 г., русский чичероне Карамзина (1984: 41) в Берлине определенно знал, что «в Потсдаме есть русская церковь под надзором старого русского солдата» (см. ниже). Еще через четыре года Николаи уведомлял иностранцев и местных жителей, что «Griechischer Gottesdienst wird zuweilen in dem Kramerschen Hause an der neuen Hauptwache gehalten» («Православное богослужение иногда совершается в доме Крамера у новой Гауптвахты»). ⁵⁷ Новая Гауптвахта Потсдама находится на

⁵⁵ См.: *Wachtel M. Dichtung und Wahrheit* in *Karamzin's Prose*, paper given at the AATSEEL Annual Meeting in Washington, D.C., on 29 December 2005. <http://www.aatseel.org/100111/pdf/program/2005/abstracts/wachtel.htm>.

⁵⁶ *Nicolai F. Beschreibung der Königlichen Residenzstädte...* Bd. 2. S. 973.

⁵⁷ *Nicolai F. Wegweiser für Fremde und Einheimische durch die Königl. Residenzstädte Berlin und Potsdam*. Berlin: Friedrich Nicolai, 1793. S. 199. Репринт: *Gesammelte Werke*. Bd. 6. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1987.

Линденштрассе на треугольном участке, образованном пересекающимися Бекерштрассе и Шарлоттенштрассе прямо в квартале за каналом, окружающим Старый город,⁵⁸ а дом Крамера у Новой Гауптвахты можно с уверенностью отождествить с домом по Бекерштрассе № 6 на углу с Линденштрассе № 44. Он был построен в 1770 г. Как утверждает Мангер:⁵⁹

«1770. Zwanzig Bürgerhäuser kamen dieses Jahr an die Reihe, auf königliche Kosten neu und massiv erbauet zu werden <...>. Drey Häuser von der Ecke gegen die neue Hauptwache zu <...> erhielten wiederum drey Stockwerk Höhe. Das Eckhaus gehörte einem Destillateur Cramer, und hatte gegen die Hauptwache sechszig und dreyviertheil Fuß Länge». («1770. В этом году подошла очередь двадцати частных домов быть заново и солидно отстроенными за счет королевской казны <...>. Три здания, считая от угла против гауптвахты <...> также выстроены в три этажа. Угловой дом, собственность винокура Крамера, напротив гауптвахты, имел шестьдесят и три четверти шага в длину»).

Карл Филипп Христиан фон Гонтард (1731—1791) зарисовал фасады этого величественного трехэтажного дома, с семью пролетами по Бекерштрассе и с тринадцатью пролетами по Линденштрассе.⁶⁰ Здание очень мало пострадало во время Второй мировой войны.⁶¹

В 1757 г. купец Кристоф Крамер купил земельный участок, где на средства короля для него был построен новый дом.⁶² Королевская дарственная датирована 9 февраля 1771 г. По своей смерти в 1775 г. Кристоф Крамер оставил дом в наследство своей жене Иоганне Елене, урожденной фон Притцен, которая в 1797 г. передала его своему сыну подмастерью-плотнику и виноторговцу Иоганну Генриху Крамеру. Видимо, поскольку строительство Крамеру дома финансировалось королем, большой зал в нем был предназначен для новой русской часовни, но городская казна Потсдама имела приказ платить за наем, как это делалось уже с 1755 г., когда православные службы отправлялись в городской ратуше (см. ниже).⁶³ Эта финан-

⁵⁸ Nicolai F. Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 890.

⁵⁹ Manger H. L. Baugeschichte von Potsdam... Bd. 2. S. 350 и сл.

⁶⁰ Manger H. L. Baugeschichte von Potsdam... Bd. 3. S. 635 и сл.

⁶¹ Fick A. Potsdam-Berlin-Bayreuth. Carl Philipp Christian von Gontard (1731—1791) und seine bürgerlichen Wohnhäuser, Immediatbauten und Stadtpalais. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2000. S. 180 и сл. Kat. Nr. 50, ил. 153, 154; Там же: 204, Kat. Nr. 82.

⁶² Доктор Фалько Нейнингер из Brandenburgisches Landeshauptarchiv (Бранденбургского областного главного архива) любезно перечислил для меня всех сменившихся владельцев этого дома. Он также обратил мое внимание на приведенную выше публикацию Астрид Фик.

⁶³ См., например, «Unterthänigste Anzeige» (Берлин, 25 февраля 1808 г.: «...Dem Anscheine nach haben der Höchstseeligen Könige Friedrich Wilhelm I.

совая обязанность города основывалась на том факте, что в 1737 г. король Фридрих Вильгельм уступил Patronatsrecht (право покровительства) над всеми церквями в Потсдаме городскому правлению, а, следовательно, — Stadtkämmerei (городскому казначейству).⁶⁴ С 1802/03 по 1820 г. владельцем дома № 6 по Бекерштрассе по документам значится купец Иоганн Фридрих Леопольд Люттих. Именно этот купец Люттих назван хозяином в инвентарной описи православной домового часовни 1808 г. (Приложения I—III). Купчая 1824 г. упоминает танцевальную залу в этом доме,⁶⁵ которая ранее якобы использовалась как «русская церковь».⁶⁶

Во время промежуточного периода, когда строение было превращено в театр, а Крамеров дом еще не был закончен, русским было выделено помещение в городской ратуше, как сообщал в 1779 г. Фридрих Николаи. Действительно, я нашла записи за 1756—1757 гг. в книге отчетов Потсдамского Kämmerei (Городского казначейства):

«Zur Einrichtung der hiesigen Russischen Gemeinde, wo sie ihren Gottes-Dienst halten können, nachdem deren eingehabte Kirche von Sr. Königlichen Majestät dem Commoedianten Schuch zum Theatro accordiret worden, die Russische Gemeinde aber in hiesigen Rath-Hauße, worinnen doch kein convenabler Platz dazu vorhanden, ihren Gottes Dienst halten sollen». («Для обустройства местной русской общины, после того как их прежняя церковь их королевским величеством предоставлена комедиантам Шуховой труппы под театр, но русская община должна совершать богослужения в местной ратуше, где, однако, нет пригодного к тому помещения»).

und Friedrich II. Majestäten die bei dem Griechischen Gottesdienste vorfallenden Ausgaben aus Ihrer Chatouille unmittelbar bestreiten lassen. Da jedoch auch nach der Angabe des Stephany im Protocolle vom 7. Jan[uar] c[ourant] die Miethe für den Versammlungs-Saal von der Cämmerei-Casse in Potsdam jährlich mit 15 R[eichsthaler] bezahlet worden, hierzu aber von der vorgesetzten Finanz-Behörde die Genehmigung ertheilt seyn muß, so dürfte vielleicht bei dieser Behörde über die qu[ondam] Verhältnisse eine nähere Auskunft zu erhalten seyn» (GStA PK, I. HA, Rep.47 Tit. P 3). («Судя по всему, в Бозе почившие их королевские величества Фридрих Вильгельм I и Фридрих II покрывали все расходы на греческие богослужения непосредственно из собственных их величеств средств. Однако согласно донесению Степана в протоколе от 7 января сего года арендная плата 15 рейхсталеров за залу собраний ежегодно возмещается финансовой канцелярией в Потсдаме, что к тому же еще нуждается в утверждении вышестоящей управой казначейства, ввиду чего следовало бы снести с соответствующей управой для прояснения прежнего положения дел»).

⁶⁴ GStA PK, I. HA, Rep. 47 P 3.

⁶⁵ Еще согласно изысканиям доктора Нейнингера (см. выше, сноску 62).

⁶⁶ Этот зал можно отождествить с просторным помещением нынешнего китайского ресторана по Бекерштрассе, первоначально имевшим отдельный вход с улицы.

Пятнадцать талеров арендной платы с июня по май следующего года были выплачены Unteroffizier (унтер-офицеру) Каваленко.⁶⁷ Десятью годами позже другой русский гренадер по имени Просдавиц получил годовые пятнадцать талеров из Потсдамского Kämmerei, описанные как переданные «Der hiesigen Russischen-Gemeinde für Miethe eines Versamlungs-Ortes zum Gottes-Dienst, nachdem ihre ehemahlige Kirche ihnen abgenommen worden» («местной русской общине для наемной оплаты места для богослужения, после того как прежняя церковь у нее отобрана»)⁶⁸ С 1778/79 г. и далее регулярно появляется гренадер «Schymanowsky», чье имя с 1780 по 1790 г. передается как «Schimanowitz» и после его смерти превращается в «Chivanowitz», а также «Chavanowitz» (Приложение II).⁶⁹ Далее название имени соответствует документам, в которых оно фигурирует. Одна квитанция всегда выписывалась ему в ноябре или декабре, вторая — в апреле или мае.⁷⁰ В последний раз Шимановиц забирал деньги «pro Trinitatis 1789—1790» («на Троицу 1789—1790»), т. е. он был еще жив в мае 1790 г. Квитанция от 2 декабря 1790 г. была уже выдана некоему Степану.⁷¹ Таким образом, Шимановиц был дежурным гренадером, когда Карамзин просил показать ему русскую молельню в Потсдаме 3 июля 1789 г., а время кончины этого инвалида наступило в промежутке между маем и декабрем, даже ноябрем 1790 г. К сожалению, точная дата не записана в книгах гарнизонной церкви предположительно потому, что Шимановиц умер в военном госпитале, а о таких покойниках записей нет. Также невозможно указать место его захоронения.⁷²

⁶⁷ StA Potsdam, 1-6/376, с. 108 nos. 530—541 (фильм 1822). Получателем было, по-видимому, то же лицо, что и гренадер Конон Коваленко, записанный в 1739 г. (Kloosterhuis 2003: Q767f, 1g02s), поскольку безударное «о» в русском языке произносится как «а».

⁶⁸ StA Potsdam, 1-6/379, с. 100 nos. 389—392, июнь 1766—май 1767 (фильм 1823).

⁶⁹ StA Potsdam, 1-6/381, с. 118 nos. 143 и сл., июнь 1778—май 1779 (фильм 1823); 1-6/382, с. 105 nos. 161 и сл. Июнь 1780—май 1781 (Там же); 1-6/383, с. 120 nos. 194 и сл. Июнь 1781—май 1782 (Там же). Имя одного и того же лица может значительно варьироваться. Имена часто записывались со слуха, и транслитерация с кириллицы создавала дополнительные трудности.

⁷⁰ StA Potsdam, Abnahme der Potsdamschen Kämmerey Rechnung von 1775 / 76, 1-6 / 232, и сл. 32 V; или, например, Kämmerey Rechnung der Königlichen Residenz Stadt Potsdam, 1-6/386, с. 77 (1784/85); 1-6/387, с. 80 (1785/86); 1-6/387/1, с. 79 (1786/87); 1-6/388, с. 84 (1788/89); 1-6/389, с. 89 (1789/90).

⁷¹ Там же, 1-6/390, с. 92 (1790/91) и следующие годы. См. Приложения I и II.

⁷² Поскольку в Потсдаме не было особого воинского кладбища, то, по всей видимости, Шимановиц был похоронен на новом городском кладбище, открытом за Науенскими воротами в 1752 г., но к 1796 г. уже переполненным и закрытым. См.: *Arlt K.* «...deine Tahten lohnt die Ewigkeit». Zur Friedhofskultur in Potsdam im 18. Jahrhundert // *Kunst in Preussen: Hans-Joachim Giersberg zum 65. Geburtstag.* Berlin: Nicolaische, 2003. S. 84, 87 и сл.

Чтобы рассеять последний скепсис относительно точности замечаний Карамзина, я хочу еще раз и более подробно представить свои доказательства. В частности, я набросаю небольшое жизнеописание русского гренадера-инвалида, с которым говорил Карамзин. Он существовал в действительности, а не в воображении писателя, создавшем его лишь затем, чтобы пристыдить его «новым» русским языком.⁷³ Напомним события «Писем русского путешественника»: 3 июля 1789 г. Карамзин (1984: 41 и далее) и один его соотечественник из Берлина посетили Потсдам, где русский ветеран показал им церковь — место своего служения, и они провели там полчаса в молитве. Вот, что пишет Карамзин:

«В Потсдаме есть Русская церковь под надзором старого Руского солдата, который живет там со времен царствования императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлой старик сидел на больших креслах и, слыша, что мы Руские, протянул к нам руки и дрожащим голосом сказал: *Слава Богу! Слава Богу!* Он хотел сперва говорить с нами по-Руски, но мы с трудом могли разуть друг друга. Нам надлежало повторять почти каждое слово, а что мы с товарищем между собою говорили, того он никак не понимал и даже не хотел верить, чтобы мы говорили по-Руски. „Видно, что у нас на Руси язык очень переменился, сказал он, или я, может быть, забываю его“. И то и другое правда, отвечали мы. „Пойдемте в церковь Божию, сказал он, и помолимся вместе, хотя ныне и нет праздника“. Старик насилу мог передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговением, когда отворилась дверь в церковь, где столько времени царствует глубокое молчание, едва прерываемое слабыми вздохами и тихим голосом молящегося старца, который по воскресеньям приходит туда читать святейшую из книг, приготавливающую его к блаженной вечности. В церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся в сундуке. От времени до времени старик перебирает их с молитвою. „Часто, от всего сердца, сказал он, сокрушаюсь я о том, что по смерти моей, которая от меня, конечно, уже недалеко, некому будет смотреть за церковью“. — С полчаса пробыли мы в сем священном месте; простились с почтенным стариком и пожелали ему — тихой смерти».

Как следует из внимательного изучения этого текста, русский солдат был стар и дряхл и ходил с большим трудом (хотя, по-видимому, у него были на месте ноги и руки, не то что у гоголевского капитана Копейкина!). Может быть, в силу глухоты, а может быть, социального неравенства со своими образованными посетителями, он едва мог участвовать в их беседе. Кроме того, он давно забыл

⁷³ См.: *Wachtel M. Dichtung und Wahrheit in Karamzin's Prose...*

свой родной язык, живя в Потсдаме среди немцев почти полвека. При своем слабом здоровье он не ждал, что проживет долго, и беспокоился о том, кто по его смерти позаботится о богослужебных сосудах и книгах. То, что солдат отпер церковь двум туристам на неделе, было исключительным случаем, поскольку сам он ходил туда только по воскресеньям.⁷⁴

Престарелый гренадер умер в следующем году (см. выше). Его преемником на посту хранителя православной молельни стал гренадер Степан, одряхлевший восемнадцатью годами позже.⁷⁵ 7 января 1808 г., лежа на одре болезни в бараках Первого батальона,⁷⁶ неграмотный Степан (он подписывал свои показания тремя крестами) утверждал под присягой (Приложение II), что в течение царствования Фридриха Вильгельма I около трехсот россиян были зачислены в прусскую королевскую гвардию.⁷⁷ По его свидетельству, когда вторая группа русских солдат прибыла в Потсдам в 1718 г.,⁷⁸ их сопровождал священник, который привез богослужебные сосуды в качестве дара от царя, но сразу же вернулся в Россию. После недолгого служения другого священника (отца Василия Щербацкого) и позднейших единичных богослужений иерея из русского посольства в Берлине с 1765 г. русские солдаты в Потсдаме были оставлены без духовного окормления. Многие годы совершал молебны инвалид Хивановиц. Ко времени его смерти община сократилась до двадцати членов, а теперь он, Степан, остался последним живым представителем русской диаспоры.

16 января 1808 г. при свидетельстве хозяина купца Люттиха был составлен перечень священных предметов. Среди них были прежде всего: серебряный позолоченный потир и дискос, кадило и два блюда из драгоценного металла, большая Библия с серебряными застежками и другие книги на церковнославянском языке, распятие, пять библейских живописных картин (наверное, икон) и сундук с замком (Приложения II—III). Все это должны были передать на временное хранение в городскую ратушу, где законопослушные чиновники недоумевали, нужно ли опечатать серебро или треть его отправить на

⁷⁴ 3 июля 1789 г. падало на пятницу. См.: *Grotfend H. Zeitrechnung des Deutschen Mittelalters und der Neuzeit*. Bd. 1. S. 77.

⁷⁵ Его можно было бы отождествить с «Gem[eine] Chr[ist]oph Stephan» («рядовым Кристофом Стефаном»), который в 1773 г. был уволен из Первого его величества гвардии батальона (GStA PK, I. HA, Rep. 9, A 24 Geheimer Rat, Allgemeine Verwaltung, Invalidenlisten fasc. 12, 1774—1775, no. 30; fasc. 16, 1777—1778, no. 10).

⁷⁶ Бараки первого гвардейского батальона находились по обшм сторонам Берлинерштрассе между Хайльггайт- и Шустерштрассе. См.: *Nicolai F. Beschreibung der Königlichen Residenzstädte...* Bd. 2. S. 867.

⁷⁷ В 1730-е гг. 8% из почти 3200 королевских гвардейцев считали себя православными (русские и сербы), что должно было составлять 256 человек — число, близкое к оценке Степана.

⁷⁸ См. выше сноску 36.

королевский монетный двор.⁷⁹ Поскольку священные сосуды были даром царя, встал вопрос, не является ли их законным наследником русский императорский дом — в таком случае их следовало отправить в Петербург. При этом городской совет Потсдама требовал ценности в уплату аренды, выплачивавшейся русской молельне все эти годы и достигшей суммы в семьсот пятьдесят рейхсталеров.⁸⁰ Своим кабинетским указом от 29 мая 1809 г. Фридрих Вильгельм III (1797—1840) разрубил гордиев узел, повелев, чтобы православные алтарные сосуды не опечатывались, не переплавлялись, не возвращались в Россию, но благоговейно хранились в гарнизонной церкви Потсдама.⁸¹ 29 ноября 1809 г. проповедники и суперинтенданты гарнизонной церкви, в ризницу которой наконец переехало русское наследие, послали прошение к королю Пруссии, где утверждали, что большая часть предметов рассыпалась в прах («Grümmer»), ткани превратились в лохмотья («Larpen»), а сундук нельзя порубить даже на дрова. Что же до серебряных вещей (тем временем опечатанных), церковники желали продать их, чтобы оплатить новую камчатую на престольную пелену и платки для причащения и крещения.⁸² Это предложение было отвергнуто Ministerium des Innern für den Cultus от 9 января 1810 г.⁸³ В 1815 г. православные алтарные сосуды были якобы переданы в королевский Hofnarschallamt (ведомство двора),⁸⁴ и это последнее известие о подарке Петра Великого.

Коль скоро Шимановиц достиг преклонных лет в Потсдаме, вероятно, там же он обзавелся семьей. Действительно, перепись населения, проведенная в Потсдаме 2 ноября 1778 г., упоминает «Schiwanowitz ein Invalid 2. B[ataillon]» («Шивановица, инвалида 2-го батальона») с женой и сыном как квартиросъемщиков некой госпожи Вердергольц, в другом месте названной «eine Bi[e]rschenker Witwe» («вдова трактирщика»), владевшей домом во Втором полицейском квартале Старого города.⁸⁵ Кроме домохозяйки и ее сына здесь жил

⁷⁹ Justiz Magistrat Potsdam «An den Geheimen Staats Rath Herrn von Humboldt Hochwohlgebohren» в Берлине. 18 марта 1809 (GStA PK, I. HA, Rep. 47 Tit. P 3).

⁸⁰ Königlicher Geheimer Staatsrat Uhden «An eine K[önigl]iche Section für den Cultus im Ministerio des Innern», Берлин, 11 апреля 1809 (GStA PK, I. HA, Rep. 47 Tit. P 3).

⁸¹ GStA PK, I. HA, Rep. 47 Tit. P 3.

⁸² StA Potsdam, 1-4 / 86 / 1 (фильм 1441).

⁸³ Там же.

⁸⁴ См.: *Ostmann R.* Die Moskovitische Kirche zu Potsdam. S. 7.

⁸⁵ StA Potsdam, Seelenlisten 1-1/281, дом № 181 (FHL, фильм 1346673). И в то же время его имя не значится среди ста сорока двух мужчин, которые в 1778 г. жили в бараках Второго гвардейского батальона в Потсдаме (StA Potsdam, Seelenlisten 1-1/274; FHL, Фильм 1346672). О расположении этих барачков см.: *Nicolai F.* Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 867 и сл. «Seelenlisten», или полушные переписи, производились ежегодно в конце октября—начале ноября, отчеты о них передавались директору по-

также портной со своей семьей; незамужняя мать двух дочерей, охарактеризованная как «eine Liebste» (милая) (вероятно, возлюбленная какого-то гренадера); *Visitor* (смотритель)⁸⁶ со своей женой, и еще трое слуг. Все шестнадцать человек были представителями нижней прослойки среднего класса. Дом госпожи Вердергольц можно отождествить с адресом «Am Markt, 9» («У Рынка», 9).⁸⁷ После Второй мировой войны он был переименован в «Am Alten Markt» («У Старого рынка»). Эта недвижимость, таким образом, находилась позади церкви Св. Николая, стоявшей напротив королевского замка. Нарисованный Карлом Гонтардом трехэтажный дом был построен в 1770 г. Поврежденный большим пожаром 1795 г., он был полностью разрушен бомбардировками союзников в 1945 г.⁸⁸

Что касается нашего русского ветерана, список дает ценные сведения о том, что в 1778 г. он был уже инвалидом, был женат и имел сына. Он и его родня еще жили в том же самом доме в 1779 г.⁸⁹ Именно в эти годы, 1778—1779, Шимановиц начал выполнять обязанности церковного старосты русской православной общины (см. выше), это позволяет нам полагать, что он поселился в съемном частном жилище незадолго до того. Наше допущение подтверждено «*Seelenliste*» (подушной переписью) 20 октября 1777 г.,⁹⁰ когда Шимановиц еще не упоминается в доме Вердергольц, и поскольку он не отмечен ни по какому другому адресу, то до 1778 г., он, вероятно, проживал в бараках или участвовал в военных действиях.

Не позднее 1782 и вплоть до 1784 г. мы снова встречаем его как инвалида второго батальона по фамилии Schannewitz (Шанневиц), переехавшего тем временем с женой и сыном в роскошный дом напротив церкви Св. Николая, все в том же Втором квартале («2tes Viertel») старой части Потсдама.⁹¹ Это здание было известно как

лиции Эгерланду, который представлял статистику по ним прусскому королю в декабре.

⁸⁶ См.: *Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch*. Leipzig, 1854. Bd. 26. Col. 382. Репринт: München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1984: «Der Visitor visitiert die güter, die fremden, welche zur Stadt kommen» («Смотритель учиняет осмотр имуществу лиц, прибывающих в город»); в переписи населения Потсдама 1790 г., например, назван «*Visitor*» у Науенских ворот. Будучи в Пруссии, Карамзин упоминает такого «визитатора» (1984: 399), в качестве синонима он использует также слово «осмотрщик» (Там же: 398, 405).

⁸⁷ Кнут Вендт из Городского Архива в Потсдаме любезно сообщил мне этот адрес.

⁸⁸ *Fick A. Potsdam-Berlin-Bayreuth. Carl Philipp Christian von Gontard (1731—1791) und seine bürgerlichen Wohnhäuser...* S. 172 и сл. Kat. No. 37.

⁸⁹ StA Potsdam, Seelenlisten 1-1/282 (FHL, фильм 1346673).

⁹⁰ StA Potsdam, Seelenlisten 1-1/269 (FHL, фильм 1346672). В сравнении с предыдущим годом в 1778 г. в доме Вердергольц было на семь постояльцев больше.

⁹¹ StA Potsdam, Seelenlisten 1-1/312, 2. Viertel Altstadt, 15. October 1782 (FHL, фильм 1346675); к 1782 г. дом вдовы Вердергольц сменил владельца, что могло

дом Штернеманна, угол Швертфегерштрассе, 1 и Кайзерштрассе, 5.⁹² Строение было возведено в 1753 г. по образцу дворца Барбарано да Порто Палладио в Виченце (Италия). Первый этаж был украшен ионическими колоннами, окна второго имели наличники с треугольными фронтонами, а над третьим этажом крышу венчали каменные фигуры и вазы.⁹³ Хотя православная молельня на Бекерштрассе находилась всего в двадцати минутах ходьбы от этого дома, но для пожилого и больного человека («старик насилу мог передвигать ноги») это расстояние было весьма утомительным, так что двое молодых русских экскурсантов доставили затруднения старику, упросив его совершить это путешествие не в праздничный день. К сожалению, мы не можем быть совершенно уверены в том, что Шивановиц (или иногда: Шанневиц) все еще жил в доме Штернеманна в 1789 г., когда Карамзин посетил Потсдам, поскольку подушная перепись второго квартала на этот год не сохранилась. Однако перепись, сделанная 15 ноября 1790 г. больше нигде его не упоминает — еще одно подтверждение тому, что он умер до этой даты.⁹⁴

Вариант «Schannowitz» его имени позволяет нам связать его с гренадером по фамилии Schanowitz. Список инвалидов Второго батальона гвардии, датированный 24 февраля 1778 г., включает солдат, освобожденных от службы перед весной в силу возраста, увечий и недугов.⁹⁵ Среди них был сорокасемилетний гренадер Казимир Шановиц (Schanowitz), который, прослужив в прусской армии 31 год в полку капитана фон Вахгольца, сделался непригоден из-за грыжи («Bruch»). Его семейное положение снова дается как «женатый», отпрыск ясно назван «пасынком». Далее мы узнаем, что он был выучен на цирюльника, что родиной его была Польша и что у него не было недвижимости в Потсдаме («nicht angeseßen»). С этого момента он был приписан к инвалидской роте капитана Клуга,

стать причиной переезда. Seelenlisten 1-1/315 «Extract aus der Seelenliste von 1783 von denen so doppelt notiert gewesen» («Выписка из подушной переписи на 1783 г. оных, которых вдвое больше») (Там же); Seelenlisten 1-1/317, 20 October 1783 (Там же). StA Potsdam, Seelenlisten 1-1/327, «Extract aus der Potsdamscher Seelen Liste pro 1784 von denen jenigen so doppelt aufgeschrieben sind» («Выписка из Потсдамской подушной переписи за 1784 г., в которой оных записано вдвое»). Здесь под № 189: «Schannowitz Inval[id]e» с женой и сыном. Обычно военные подавали только статистику, а не поименные списки, что является еще одним серьезным препятствием к тому, чтобы проследить судьбу нашего русского гренадера.

⁹² Господин Вендт (см. выше сноску 87) также любезно выявил для меня этот адрес.

⁹³ Nicolai F. Beschreibung der Königlischen Residenzstädte... Bd. 2. S. 872; Jung K. C. Potsdam Am Neuen Markt. S. 117 и сл. с фото.

⁹⁴ StA Potsdam, Seelenlisten 1-1/337 (FHL, фильм 1346676, дом № 189).

⁹⁵ GStA PK, I. HA, Rep. 9, A 24, Geheimer Rat, Allgemeine Verwaltung, Invalidenlisten fasc. 16, 1777—1778. Я сердечно благодарю Стефана Утпателя из GStA за то, что он напомнил об этих актах, поскольку списки инвалидов после 1765 г. в «Steuerrat Potsdam» ВЛНА не сохранились.

где Schannowitz значится под № 90 «derer sich würcklich in Potsdam befindlichen Beweibten, Ausrangirten des 2ten und 3ten Bataillon» 17 сентября 1778 г.,⁹⁶ а как «Channowitz», имеющий жену и сына, но без упоминания слуг, засвидетельствован в Потсдаме 7 и 8 ноября 1778 г.⁹⁷

Теперь понятно, почему он впервые появляется в Потсдамской переписи населения осенью 1778 г. Дело в том, что Корпус отставных гренадеров-инвалидов гвардии (Korpus der ausrangierten Gardeinvaliden, известный также как 2. Werdersche Invaliden-Kompanie — вторая Вердерская инвалидская рота) располагался обычно в Вердере на реке Хафель,⁹⁸ но летом 1778 г. под командованием Клуга предпринял марш длиною не менее десяти километров к Потсдаму в составе трехсот пятидесяти мужчин и двухсот «Weiber» («женщин») (и с ними почти сто семьдесят их детей!). После некоторого первоначального замешательства Клуг доносил:

«Die Leute sind nunmehr endlich umquartiert, allein selbe haben weder Madrazen, noch Decken, vielweniger Betten bekommen; die alte Röcke, womit sie sich den Sommer über bedeckt, sind zerrißen, der Invalide auch keine Mondirungs-Stücke empfängt, kaltes, schlackiges Wetter fällt nunmehr ein, und der alte abgelebte, oder krüpflichte Soldat hat nichts, womit er sich des Nachts bedecke».⁹⁹ («Люди были наконец кое-как размещены, при этом, однако, не оказалось для них ни матрацев, ни одеял, не говоря уже о кроватях. Старые мундиры, укрывавшие их летом, порваны в клочья. А так как инвалиду не положено обмундирования, а наступает теперь холодная, сырая погода, и старому дряхлому либо увечному солдату нечем укрыться ночью»).

В военное время — а с июля 1778 г. бывший гвардейский полк № 15 (см. ниже) был занят в Богемии в связи с войной за Баварское наследство (1778—1779) — отставленные от службы по неспособности солдаты должны были находиться в Потсдаме для охраны королевских замков, городских ворот и мостов. Хотя Ausrangirte получали ту же плату, что и во время действительной службы, она была очень мала — каждые пять дней 12 грошей, т. е. 60 копеек, а значит, 12 копеек в день.¹⁰⁰ Это было меньше, чем сумма, потра-

⁹⁶ BLHA, Pr. Br. Rep. 19, Steuerrat Potsdam 2502, рапорт за подписью капитана Клуга. О фон Лествице см.: *Fontane Th.* Wanderungen durch die Mark Brandenburg. Bd. 1. S. 708—710.

⁹⁷ StA Potsdam, 1-1/283 (фильм 931) «Nahmentliche Seelen Eingabe derer Außrangirten des 2ten und 3ten Bataillon Königlichen Garden, nebst dem [Bataillon] Grenadier Garde Von Lestewitz», No. 52. = StA Potsdam, 1-1/276 (FHL, фильм 1346673).

⁹⁸ См.: *Nicolai F.* Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 843, 961. Как любезно сообщила мне Ирина Фрелих, об этой роте не сохранилось никаких сведений среди материалов прусской армии в GStA.

⁹⁹ BLHA, Pr. Br. Rep. 19, Steuerrat Potsdam 2502, Potsdam, 9 сентября 1778 г.

¹⁰⁰ *Nicolai F.* Beschreibung der Königlichen Residenzstädte... Bd. 2. S. 959, 961.

ченная Карамзиным (1984: 48) за чашку кофе в Берлине, что ярко высвечивает социальную пропасть между ним и его потсдамским соотечественником.

Тем временем горожане Потсдама были встревожены тем, что у них могли расквартировать целые семейства.¹⁰¹ Как разъяснял Городский совет, женатые солдаты гвардии, согласно квартирному уставу и местным предписаниям, не могут вставать на постой в частных домах, а должны квартировать в казармах, пока не оплачивают наемную плату.¹⁰² В середине октября 1778 г. сто двадцать девять спутниц Ausrangirten были отправлены обратно в Вердер,¹⁰³ вне зависимости от того, проживали ли они в законном браке или нет. Вместе с другими отставниками Шанновиц просил за свою «половину»,¹⁰⁴ а в Потсдаме разрешили остаться как раз только женам инвалидов¹⁰⁵ — по-видимому, это был случай нашего россиянина.

Действительно, он женился двумя годами раньше. В церковной книге протестантского гарнизонного прихода, в разделе «Kopulierte 1776» («Венчанные в 1776»), под 9 июня значатся «Kasimir Schanowitz, Grenad[ier] v[om] 2. B[atallion] G[arde]. Katharina Margaretha Wiederschick».¹⁰⁶ Супруга скончалась одиннадцать лет спустя, как мы читаем в той же церковной книге в разделе «Verstorbene» («Почившие»), 26 октября 1787 г.: «Schannowitz Margaretha geb[orene] Wiedaschick [eines aus]rang[ierten] Grenad[iers] v[om] 2. Bat[al]l[ion] G[arde] Frau 43 [Jahre alt, gestorben an] Geschwulst» («Шанновиц Маргарита, урожденная Видашик, отставного гренадера второго батальона гвардии жена, 43 лет, скончалась от опухоли»)¹⁰⁷ Жена Казимира была немка, и ей исполнилось тридцать два года, когда она венчалась в гарнизонной церкви Потсдама. Семья Видершик (Wiederschick) или Видашик (Wiedaschick) имела тесные связи с вооруженными силами Потсдама. Если запись о смерти 1773 г. относится к ее матери, то Катарина Маргарита была дочерью гренадера Шестого гвардейского батальона под командованием фон Лествица.¹⁰⁸ По-видимому, одна из ее старших сестер, по имени Мария Доротея,

¹⁰¹ GSStA, II. HA, Abt. 34 II Nr. 41, «Acta betreffend die Einquartierungs-Einrichtung der zu Potsdam stehenden Corps Ausrangirten», Berlin, 4 сентября 1778 г.

¹⁰² BLHA, Pr. Br. Rep. 19, Steuerrat Potsdam 2502, 22 октября 1778 г.

¹⁰³ GSStA PK, II. HA, Abt. 34 II, Nr. 41, 15 октября 1778 г.

¹⁰⁴ GSStA PK, II. HA, Abt. 34 II, Nr. 41, Potsdam, 27 сентября 1778 г., № 53.

¹⁰⁵ GSStA PK, II. HA, Abt. 34 II, Nr. 41, Potsdam, 15 и 31 октября 1778 г.

¹⁰⁶ Evang. Garnisongemeinde Potsdam, Kirchenbuch vol. B 582, Trauungen 1761—1792, с. 22, № 32 (FHL, фильм 0072391).

¹⁰⁷ Evang. Garnisongemeinde Potsdam, Kirchenbuch vol. B 582, Tote 1761—1794, с. 463, № 160 (FHL, фильм 0072391).

¹⁰⁸ MKB Grenadier Garde Battalion 6, vol. B 585, с. 448: 20 мая 1773 г. «[gestorben] Margaretha Wiedascheck geborne Huben eines Grenadier Frau» (FHL, фильм 0072394). О Гансе Сигизмунде фон Лествице см. выше сноску 96.

дважды выходила замуж за гренадеров.¹⁰⁹ Катарина Маргарита, вероятно, была тринадцатью годами младше своего мужа, но уже к тому времени овдовела, имея на руках сына, — ее имя встречается в другой записи о браке в 1776 г.: «Casimir Schanowsky, Grenadier vom 2. B[atallion] garde. Katharina Margaretha Wiederschick, eine Witwe» (заметим, как широко могла варьироваться буквенная передача имени ее мужа!).¹¹⁰ Вскоре после сорока Катарина Маргарита, вероятно, умерла от рака.

Когда Карамзин встретил Казимира Шанновица в июле 1789 г., тот уже был вдовцом более полутора лет. Хотя он несомненно был русским по национальности и православным по вероисповеданию, происходил же из Польши. При его жизни Польшей называлась Речь Посполитая (1569—1795), находившаяся под господством России, где православие было распространено в восточных областях Белоруссии и в части Украины. В XVIII в. многие русские солдаты были в гарнизонной службе на польско-литовской территории. Географические различия можно считать еще одной причиной языкового барьера между простым гренадером и его образованным посетителем-москвичом. Однако Казимир не был безграмотен, как почти все прусские гренадеры, но кое-как умел читать (см. выше). Он был завербован в прусскую армию в возрасте 16 лет, и Потсдам был его постоянным местом жительства по крайней мере 42 года, в тот момент ему было уже 60, и он чувствовал приближение смерти (см. выше).¹¹¹ Если бы он действительно жил в Потсдаме со времен Анны Иоанновны, умершей в октябре 1740 г., то это должно было бы означать, что он прибыл туда еще ребенком вместе с родителями из Польши, или же Карамзин допустил ошибку и написал «Анна» вместо «Елизавета», которая вступила на трон после Анны Иоанновны в 1741 г.

¹⁰⁹ Вместе со своим мужем «Heinrich Luther Grenadier von Herrn Major v. Hartmandorff Compagnie» Мария Видашекен (Wiedaschecken) крестила своего сына Вильгельма 1 декабря 1768 г. (Grenadier Kirchenbuch B 585, с. 14; FHL, фильм 0072394). 21 октября 1770 г. «Maria Dorotea Luther, gebohrne Wiedascheck, eine Witwe» вновь вышла замуж за «Anton Jordan ausrangirter Grenadier vom 1. Bat[allion] Garde» (Kirchenbuch für die Lutherische Hof- und Garnison Gemeine zu Potsdam angefangen vom 1ten Adv[ent] 1761, vol. B 583, Copulierte, с. 35, № 46; FHL, фильм 0072388. См. также: vol. B 582, Kopulierte 1761—1792, с. 14, № 46; FHL, фильм 0072391). Еще одним братом был, вероятно, «Ludewig Widascheck ein Schloßbergeselle», умерший 19 марта 1771 г. (Там же, vol. B 576 Verstorbene, с. 61, № IV).

¹¹⁰ Kirchenbuch für die Lutherische Hof- und Garnison Gemeine zu Potsdam angefangen vom 1ten Adv[ent] 1761, vol. B 583 Copulierte, с. 54, № XXI, 9 июня 1776 г. (FHL, фильм 0072388).

¹¹¹ В то время человек к шестидесяти годам уже считался стариком. Тот же список инвалидов (см. выше сноску 95), в котором Шановиц был отставлен от службы по врачебным показаниям включает еще шесть человек в возрасте от 40 до 60, отставленных по причине старческой немощи («altershalber»).

В 1733—1740 гг. в «I. Leib-Batallion Regiment des Königs Nr. 6» («Первый лейб-батальон Шестого королевского полка»), знаменитый своими легендарными «lange Kerls» («рослыми парнями»), постоянно вписывали людей не только из Германии, но и из других стран.¹¹² О большом рекрутском наборе в Малороссии было упомянуто выше. Однако вскоре после смерти Фридриха Вильгельма I 31 мая 1740 г., этот полк был распушен, а люди из него попали в другие войсковые подразделения. В ходе реорганизации новый Второй батальон был полностью сформирован из Шестого королевского полка. Второй и Третий батальоны, известные вместе как «Пятнадцатый гвардейский полк», стояли в Потсдаме в 1742—1786 гг. Их бойцы воевали в первой (1740—1742) и второй (1744—1745) Силезских войнах и в Семилетней войне (1756—1763). Поскольку Шановиц вступил в их ряды только в 1747 г., он принял участие лишь в Семилетней войне на стороне Пруссии против Саксонии и Австрии. Ему повезло не попасть в число жертв или не быть тяжелораненым, хотя его недуг, грыжа, мог возникнуть как профессиональное заболевание, от многолетнего подъема и перетаскивания тяжелых гранат. Для выполнения этой задачи гренадеры должны были быть сильными и иметь рост выше среднего, значит, Шановиц, вероятно, соответствовал требуемым параметрам.

К сожалению, Heeresarchiv (Армейский архив) в Потсдаме, совершенно разрушенный бомбардировкой королевских воздушных сил в ночь с 14 на 15 апреля 1945 г., был безвозвратно утрачен менее чем за три недели до конца Второй мировой войны! Однако несмотря на огромные лакуны в документальных свидетельствах, оказалось возможным установить личность упомянутого Карамзиным русского солдата в Потсдаме как Казимира Шановица (1731—1790), гренадера-инвалида Второго гвардейского батальона, который жил со своей женой и пасынком рядом с церковью Св. Николая. Именно он в отсутствие священника был главой общины и имел ключи от молельни в сохранившемся частном доме на Бекерштрассе, 6, в двадцати минутах ходьбы от его жилья. В заключение можно утверждать, что берлинские впечатления Карамзина надо рассматривать как основанный на фактах отчет и даже считать доказанным, что эпизод посещения православной церкви в Потсдаме не вымыслен.

¹¹² Lyncker A. von. Die altpreußische Armee 1714—1806 und ihre Militärkirchenbücher. Berlin, 1937. S. 29. (Bibliothek Familiengeschichtlicher Quellen. Bd. 23). Перепринт: Neustadt an der Aisch: Verlag Degener & Co., 1980.

I

Potsdam, 2. Januar 1808

In dem auf heute angesetzten Termino zur Aufnahme derer zur Rußischen Kirche gehörigen Utensilien war unterzeichneter Deputatus eben im Begriffe sich in das Littichsche [sic] Haus an der Linden und Bäckerstraßen Ecke zu begeben, um den ihm gewordenen Auftrage zu genügen, als die Ehefrau des invaliden Grenadier Stephan sich bei den Unterschriebenen einfand, mit der Anzeige, daß ihr Ehemann an Brust-Krämpfen sehr krank darniederliege, und daher sich an Ort und Stelle nicht einfinden könne.

Da Commissarius Bedenken trug, ohne Beisein des Contrahenten Stephani in dieser Sache etwas vorzunehmen, so ist der Kgl. Hofgoldschmidt Müller Trevimann benachrichtiget worden, daß der heutige Termin cessire, wohingegen Unterzeichneter anfräget. Ob, wenn die Krankheit des Stephani fortdauernd sei, und er in einen neu anzusetzenden Termine wiederum nicht erscheinen möchte, die Aufnahme dieser Kirchen-Geräthschaften allenfalls unter Zuziehung des Hauswirths Kaufman[n] Lüttich geschehen könne.

[подпись:] Tiedke
(GStA PK, I. HA, Rep. 47 Tit. P 3).

Потсдам, 2 января 1808 г.

Сего дня, в час, назначенный для изъятия принадлежавших русской церкви богослужебных предметов, нижеподписавшийся комиссар собирался направиться в Люттихов собственный дом на углу Линден- и Бекерштрассе во исполнение возложенного на него предписания, когда к нижеподписавшемуся обратилась жена инвалида гренадера Степана с показанием, что ее супруг прикован к постели сильными спазмами в груди и потому не может явиться в означенное место.

Поскольку комиссар не решился предпринимать что-либо в оном деле без представителя противной стороны, то счел за должное известить королевского придворного ювелира Мюллера Тревимана о переносе означенного дела, в связи с чем нижеподписавшийся имеет честь испросить. Буде болезнь Степана окажется продолжительной и воспрепятствует она вновь его появлению в иной назначенный день, не может ли быть осуществлено изъятие названного церковного имущества в присутствии квартирного хозяина, купца Люттиха.

[подпись:] Тидке

Potsdam, 7, Januar 1808

Nach Maaßgebung der Verfügung vom 5ten huj[us] m[ensis] verfügte Unterzeichneter sich in die Caserne des 1^{en} Bat[ailons] König[licher] Leibgarde, um daselbst die Vernehmung des ausrangirten Stephani in Betreff des Verhältnisses derer ehemaligen Rußischen Kirche und deren dazu gehörigen Geräthschaften näher zu vernehmen.

Deputatus traf denselben in einem Bette krank darniederliegend an, und ließ sich über diesen Gegenstand folgendergestalt vernehmen:

Unter der Regi[e]rung Friedrich Wilh[elms] I., Maj[estät] dienten dem Leib-Garde Regiment sehr viele eingeb[ohrnen]¹¹³ Russen und es soll damals ihre Anzahl sich über 300 Seelen belaufen haben.

Mit Erlaubniß Sr König[lichen] Maj[estät] wurde diesen eingebohrnen Rußen, welche die Gri[e]chische Religion zugethan waren, ein Saal eingeräumt, in welchen sie Gottesdienst halten könnten, so wie denn auch in denen ersten Zeiten ein Pope zur Verrichtung Acta ministri angestellt wurde, deßen Amt, nachdem um die Geräth zum Rathhause zu [sic] die Gemeinde sich in der Folge verringerte, aufhörte und statt deßelben ein Mitglied der Gemeinde bei den Zusammenkünften des Gottesdienst versahe. Vor mir hat viele Jahre dieses Amt der invalide Grenadier Chivanowitz verrichtet, welcher im Jahre 1790 verstarb, u[nd] ich in deßen Platz eintrat. Damals war die Gemeinde etwa 20 Personen stark, welche bis auf mir sämt[lichen] Theils verstorben, theils von hier weg, u[nd] in ihr Vaterland zurü[c]k gegangen sind.

Die zur Rußischen Kirche gehörig[e]n Geräthen bestehe[n]:

1. in einem silbernen vergoldeten Kelche
 2. in einer d[ito] viere[c]kigten Schaale
 3. in einen d[ito] Teller, in welchen die heilige Lampe bei[m] Lesen der Meße eingesetzt wird
 4. in [einem] Oblatenteller
 5. in einem Räucherfaß
 6. in einer großen Biebel[sic] mit 5 Stü[c]k silberne Bleche beschlagen
 7. 2 kleine samnten De[c]ke, eine Roth u[nd] die andere schwarz
 8. ein hölzernes Kruzifix
 9. Vier stü[c]k biblische Gem[a]elde
 10. 7 bis 8 Stü[c]k Bücher, theils in Gri[e]chische[r] theils in Rußischer Sprache
 11. 2 hölzerne Armleuchter mit meßingene Tillen
 12. 1 d[ito]
- und noch andere Kleinigkeiten, worauf ich mich wegen meiner großen Schwäche nicht so fest besinnen kann.

¹¹³ T. c. gebürtige.

Wie mir von mein Vorfahren im Amte gesaget worden, hat der rußische Kaiser Peter I. alle diese Sachen der ursprünglichen [sic] Gemeinde geschenkt, und sind solche aus Petersburg anhero gesendet worden.

Die ursprüngl[iche] Entstehung dieser Gemeinde fällt circa in dem Jahr 1716 bis 1720. Als der Chawanowitz im Jahre 1790 verstarb, ist auf Befehl des Herrn Bürgerm[eister] Freitag ein Verzeichnis aller dieser Sachen aufgenommen worden, allein ich habe davon keine Abschrift erhalten.

Die Oberaufsicht selbst hat in den frühern Zeiten der rußische Geistliche, und nachher der jedesmalige Attest[i.e. Alttest?] der Gemeinde geführt, welche[r] den Schlüssel zum Versam[m]lungssalle gehabt hat, der Magistrat so wenig, als sonst jemand, hat sich um uns bekümmert. Auf Befehl Sr Majestät] Fridr[ich] II. ist in den Jahren 1763—1764 et 1765 durch den Rußischen Gesandtschafts Prediger alle Jahr ein mahl Gottesdienst erhalte[n], seit 1765 ist dieses aber unterblieben, und wir haben uns untereinander selbst erbauet, sei[t] 3 Jahr[en] ist aber keine Zusammen[kunft] in Ermangelung der Glieder der Gemeinde gehalten worden.

Ich habe bereits bemerkt, daß in den Zeitraum, daß ich die Aufsicht geführt, sich keiner um uns bekümmert hat.

Als der rußische Kaiser zuerst Sr Majestät dem Könige Fr[ie]dr[ich] Wilh[elm] I. 100 Mann schenkte, begleitete dieselbe[n] ein rußischer Pope und oberwähnter Geräthen wurde der Gemeinde von denselben geschenkt.

Die Kämmerei muß 15 R[eichsthaler] jährl[iche] Miethe für den Versammlungssaal bezahlen, und ich habe auch solche nach Weihnachten erhalten.¹¹⁴ Im Hause des Kaufmann Lüttich sind diese Geräte aufbewahrt.

Schließl[ich] zeigte der Stephani an, daß er den Manifest[um] Eid mit guten Gewißen leisten könne.

<...>

[подпись:] Signa +++ des Stephani. Tiedke
(GStA PK, I. HA, Rep. 47 Tit. P 3; частично опубликовано:
Ostmann 1864: 7)

Потсдам, 7 января 1808 г.

Согласно постановлению от 5 числа сего месяца, нижеподписавшийся направился в казарму Первого батальона собственной его величества гвардии, с тем чтобы допросить отставного Степана на предмет настоящего положения дел с бывшей русской церковью и принадлежащей ей богослужебной утварью.

¹¹⁴ См. выше сноску 64.

Комиссар нашел названного Степана больным в постели и снял с него по настоящему делу следующие показания.

Во время правления его величества Фридриха Вильгельма I в его личной гвардии служили многие урожденные русские, число коих в те времена, говорят, превосходило триста душ.

С позволения его королевского величества для оных урожденных русских, принадлежавших Греческой церкви, была обустроена зала для богослужений, и тогда же для отправления треб был назначен поп. С перенесением утвари в ратушу и постепенным уменьшением общины место последнего было упразднено, и вместо него богослужения отправлял один из членов общины. До меня это место многие годы занимал инвалид гренадер Хивановиц, скончавшийся в 1790 году, после чего место перешло ко мне. Тогда община насчитывала около двадцати человек, из коих, исключая меня, многие умерли, многие же уехали отсюда и вернулись на родину.

К богослужбной утвари русской церкви принадлежат:

1. серебряный позолоченный потир
2. того же рода четырехугольное блюдо
3. того же рода блюдо, ставимое под лампаду во время богослужения
4. того же рода дискос
5. кадило
6. большая библия в окладе из пяти серебряных пластин¹¹⁵
7. два небольших бархатных покровца, красный и черный
8. одно деревянное распятие
9. четыре образа с библейскими картинами
10. от семи до восьми книг, частью на греческом, частью на русском языке
11. два деревянных канделябра с латунными гнездами [для свечей]
12. еще один того же рода

и еще некоторые мелочи, которые я по великой моей слабости не могу уже припомнить. Как мне говорили мои предшественники по службе, все эти предметы были дарованы первоначальной русской общине царем Петром I и присланы сюда из Петербурга. Возникновение оной общины приходится на годы между 1716 и 1720. После кончины Хавановица в 1790 году по приказу господина бургомистра Фрейтага была произведена опись всех названных вещей, копии коей я один не получил. Духовное руководство осуществлял в прежние времена русский священник, а впоследствии старший из общины, у коего хранился и ключ от залы для собраний, магистрат же менее чем когда-либо об нас пекся. По указу его королевского величества Фридриха II по одному разу в годах 1763, 1764 и 1765 богослужение

¹¹⁵ Т. е. с одной центральной и четырьмя угловыми.

совершал священник русского посольства [в Берлине]. однако после 1765 года того не стало, и нам пришлось своими силами обходиться. За оскудением же числа верующих последние три года собраний не было. Как я уже доносил, во время моего руководства, никто о нас попечения не имел. В самом начале, когда русский император подарил его королевскому величеству сто душ, с оными прибыл и поп, и община в дар вышеупомянутые предметы получила. Казначейству надлежит выплачивать пятнадцать рейхсталеров ежегодной оплаты за зал собраний, я получил названные деньги после Рождества. Описанная утварь хранится в доме купца Люттиха.

В заключение Степан подтвердил, что с чистой совестью готов скрепить свои показания присягою.

<...>

[подпись:] рука +++ Степана. Тидке

III

Potsdam, 16. Januar 1808

Sind die in dem Versammlungs Saale der ehemaligen russischen Gemeinde vorhandene Kirchen-Geräthen u[nd] zwar die von Silber folgendergestaltt durch den Hof-Goldschmidt Müller unter Zuziehung des Haus-Eigenthümers, Kaufmann Lüttich, specificirt und taxirt worden.

<...>

[signed:] Tiedke. Müller vereideter Taxator. Theil
(GStA PK, I. HA, Rep. 47 Tit. P 3)

Потсдам, 16 января 1808 г.

В зале собраний бывшей русской общины придворным ювелиром Мюллером в присутствии домовладельца, купца Люттиха, были произведены досмотр и оценка находившихся там предметов церковной утвари, а именно серебряной работы.

[Следуют семнадцать предметов с подробно и точно описанными Степаном пятью библейскими картинами, добавлены еще три аналоя, старый круглый стол и сундук с замком и двумя железными ручками («1 viereckigter großer Kasten mit Schloß u[nd] 2 eiserne Griffe»)¹¹⁶ После оценки богослужебные сосуды из драгоценных металлов, Библия с серебряными пластинами и расшитые алтарные одежды были переданы Нунциусу Тейлю, зал снова заперт, а ключ передан в ратушу].

<...>

[подпись:] Тидке, Мюллер присяжный оценщик. Тейль

¹¹⁶ Ср.: «Церковная утварь и книги хранятся в сундуке» (1984: 41 и сл.).

СОКРАЩЕНИЯ

- BLHA — Brandenburgisches Landeshauptarchiv, Potsdam-Bornim
FHL — Family History Library, Salt Lake City, UT, USA
GStA PK — Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, Berlin-Dahlem
МКВ — Militär-Kirchenbücher
NBIB — Neues Berliner Intelligenz-Blatt zum Nutzen und Besten des Publici
StA Potsdam — Stadtarchiv, Potsdam

Р. БОДЭН

**«ДНЕВНИК ОДНОЙ НЕДЕЛИ» А. Н. РАДИЩЕВА:
РЕАЛЬНОЕ ВРЕМЯ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА***

До сих пор невозможно с точностью установить дату написания «Дневника одной недели» Радищева — ключевого произведения русского сентиментализма. Вопрос датировки этого короткого текста автора «Путешествия из Петербурга в Москву», вот уже шестьдесят лет вызывающий споры исследователей, оказался основной проблемой изучения произведения, отодвигая на задний план другие. «Дневник одной недели» датировали 1773,¹ 1790,² 1791—1797³ и, наконец, 1801—1802 гг.⁴ Каждая предполагаемая дата аргументируется ссылкой на то или иное событие или место, упомянутые в тексте, предположительно связанные с биографией Радищева. Тем не менее некоторые из этих фактов, например упоминание посещения театра, могут датироваться по-разному.⁵ Исследователи, видящие в тексте

* С французского языка перевела Е. Голубинова в сотрудничестве с автором.

¹ См.: *Гуковский Г. А.* 1) *Русская литература XVIII века.* М., 1999. С. 396; 2) *Радищев как писатель* // *А. Н. Радищев: Материалы и исследования.* М.; Л., 1936. С. 165—167; *Макогоненко Г. П.* *Радищев и его время.* М., 1956. С. 149—164; *Lang D. M.* *The First Russian Radical, Alexander Radishchev 1749—1802.* London, 1959. P. 79—80; *McConnell A.* *A Russian philosophe, Alexander Radishchev 1749—1802.* The Hague, 1964. P. 52—56.

² См.: *Кулакова Л.* О датировке «Дневника одной недели» // *Радищев. Статьи и материалы.* Л., 1950. С. 148—157.

³ Эта датировка была предложена до варианта Л. И. Кулаковой П. Н. Берковым. См.: *Берков П.* *Гражданин будущих времен* // *Известия Академии наук СССР, Отд. литературы и языка.* М.; Л., 1949. Т. 8. Вып. 5. С. 401—416.

⁴ Последняя датировка была предложена В. П. Гурьяновым. См.: *Гурьянов В. П.* Еще раз о датировке «Дневника одной недели» Радищева // *Вестн. Московского гос. ун-та. Сер. VII. № 1.* 1960. С. 57—60. Эта точка зрения получила аргументированное обоснование в работе Г. Я. Галаган. См.: *Галаган Г. Я.* Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева. Вопрос о датировке // *XVIII век.* Л., 1977. Сб. 12. С. 67—71.

⁵ Эта ссылка на пьесу Б.-Ж. Сорена «Бсверлей» (1768) находится в главе «первый понедельник» «Дневника». Дата — 1773 г., первоначально считав-

автобиографический очерк, считают упомянутые даты точными. Для тех же, кто предпочитает видеть в «Дневнике» художественный вымысел, датировка упомянутых событий завуалирована или даже обманчива.⁶

Данная дискуссия, сама по себе насыщенная, по всей видимости, бесконечна⁷ и подразумевает, что интерпретация текста может существенно варьироваться в соответствии с тем, является ли текст документальным или же художественным. Между тем эстетика сентиментализма, которой пропитано произведение, как раз старалась затушевать границу между документальным и художественным началом в пользу логики, которая позволяет автору разделить с читателем свой аффективный опыт. Не только *время написания* текста должно привлечь внимание исследователей, но и *время его диегезиса*, темпоральность текста, о чем достаточно ясно заявляет самое заглавие произведения, свидетельствующее о том, что автор придает проблематике времени исключительно большое значение.

Поэтому, оставляя в стороне сложный вопрос датировки текста, обратимся к анализу темпоральности этого короткого произведе-

шаяся исследователями датой написания текста Радищева (в год, когда пьеса фигурировала в репертуаре петербургских театров), потеряла свой статус прямого доказательства, после того как В. П. Гурьянов обнаружил, что пьеса ставилась в январе 1801 г., а также в июле 1802 г.

⁶ Проблема определения логического статуса произведения была поставлена Т. Пейджем. См.: *Page T. The Diary of One Week: Radishchev's Record of Suicidal Despair // Russian Literature Triquarterly*. 1988. N 21. P. 119. Некоторые исследователи (Г. П. Макогоненко и Т. Пейдж) считают, что Радищев предлагает черновой вариант рассказа своей собственной жизни, тогда как другие (Г. А. Гуковский, П. Н. Берков) находят, что писатель стремился написать литературное произведение, стиль и тон которого отражают влияние сентиментализма.

⁷ Н. Д. Кочеткова, отсылая проблему датировки произведения в подстраничную ссылку и присоединяясь к точке зрения Г. Я. Галаган, интересуется прежде всего проблемой жанровой принадлежности текста. См.: *Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма*. СПб., 1994. С. 226—228. Несмотря на убедительные аргументы приверженцев поздней датировки (1790-х или даже начала 1800-х гг.), мы склонны отнести текст к началу 1770-х гг., разделяя таким образом мнение Г. А. Гуковского, Г. П. Макогоненко, Дэвида Лэнга и Аллена Мак-Коннелла. Во-первых, «Дневник одной недели» нам кажется художественным экспериментом, не имеющим никакого отношения к реальной биографии автора и поэтому не связанным с трагическими событиями его жизни 1790-х и 1800-х гг. Во-вторых, учитывая сходство радищевского текста с дневником И.-К. Лафатера «*Geheimes Tagebuch von einem Beobachter Seiner Selbst*», мы разделяем мнение Д. Герхардта о том, что «Дневник одной недели» был, по-видимому, написан под впечатлением лафатеровского текста, опубликованного в 1771 г. в Лейпциге, т. е. именно тогда, когда там учился Радищев. Об этом см.: *Gerhardt D. Stil und Einfluss // Stil und Formproblem in der Literatur*. Heidelberg, 1959. S. 54—56; *Heier E. J. C. Lavater's Edifying and Physiognomic Ideas in Eighteenth-Century Russia // Studies on Johann Caspar Lavater (1741—1801) in Russia*. 37. Bern., 1991. P. 6—36. (Slavica Helvetica).

ния.⁸ Тем не менее сам по себе подобный анализ может дать лишь частичное объяснение позиции автора «Дневника». Отношение Радищева к вопросу времени проявляется не только в изображении течения времени в тексте, но еще в том, как текст разными эффектами программирует восприятие этого течения читателями. Наконец, в разнице между временем, изображенным диегезисом, и его восприятием читателями проявляется третья темпоральность: время написания текста. В попытке Радищева дать читателю возможность почувствовать эту третью темпоральность проявляется утопическое стремление (пожалуй, характерное для сентиментализма) к созданию тотального эстетического эксперимента, сближающего автора с его читателями.

Диегезис «Дневника» — это первое пространство, в котором выражается концепция времени Радищева. Разделенное на одиннадцать секций, каждая из которых носит название дня недели, время действия в тексте растянуто на одиннадцать дней, но также и на одиннадцать ночей, на которые намекают интервалы, графически разделяющие секции. Эта первая временная синтагма текста далее вместит вторую, в которую войдет темпоральность каждого из одиннадцати дней, по очереди представляющих противостояние различных временных пластов.

Данные пласты, противоборствующие и противоречащие друг другу в рамках каждого дня, — это время солнечного цикла, объективное человеческое время, условно разделенное на часы, биологическое время и субъективное время каждого человека.

Солнечный цикл помогает рассказчику обозначить время дня — утро или вечер. В не слишком оригинальной манере этот временной пласт чаще всего упоминается в начале или в конце отрывков:

«Утро прошло в обыкновенной суете». (1-е воскресенье).⁹

«Он просидел у меня вплоть до вечера...» (1-й вторник).

Использование времени суток позволяет рассказчику описывать свои различные повседневные занятия, в том числе связанные с часами службы, о которой говорится в первой из двух нижеследующих цитат. Но Радищев точно упоминает это время также для того, чтобы подчеркнуть свое нетерпеливое ожидание возвращения друзей и ту боль, которую ему причиняет малейшая отсрочка — пусть даже в час, — оттягивающая встречу:

«Второй уже час; я возвращаюсь домой...» (1-я суббота).

⁸ Исследования, посвященные именно вопросу времени у Радищева, весьма малочисленны. Тем не менее следует отметить недавнюю важнейшую работу Андре Монье. См.: *Monnier A. La temporalité de l'âme sensible dans le Voyage de Saint-Petersbourg à Moscou // Revue des Etudes slaves. 2002—2003. N LXXIV/4. P. 793—800.*

⁹ Текст цитируется по изд.: *Радищев А. Н. Полн. собр. соч.:* В 3 т. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 139—144.

«Девятый час, — они еще не едут, может быть, какое препятствие, — подождем». (2-е воскресенье).

Третий временной пласт, используемый в описании жизни рассказчика, — это время биологическое, связанное с интересом Радищева к философии Гельвеция.¹⁰ Ссылки героя на естественные потребности, к числу которых в первую очередь относится сон и питание, служат упорядочивающим элементом времени, организовывая «Дневник» в той же мере, что и два предыдущих временных плана:

«Спал я очень долго...» (1-й вторник).

«Пора обедать...» (1-й вторник).

В то же время все эти объективные временные пласты нейтрализуются временем, ощущаемым рассказчиком как время субъективное. Оно измеряется лишь ощущением его течения и в действительности является единственным временем, которое герой понимает как реальное настолько, что отсылает точное время суток — олицетворение рациональности и ее претензии на объективность — в сферу лжи:

«...еще два дни, — и они, они будут со мною, — два дни, — о ты, что можешь разлуку с друзьями души моей исчислить временем, о ты, злодей, варвар, змий лютый! Прочь толикое хладнокровие, — во мне сердце чувствует, а ты рассуждаешь». (пятница).

«Возлюбленные мои возвратятся завтра, — завтра! год целой». (2-я суббота).

Это подтверждение фундаментальной разницы, разделяющей объективное время и реальное время чувствительного человека, служит Радищеву доказательством превосходства чувства над разумом, в духе Кондилляка, влияние которого на русских сентименталистов широко известно.¹¹

«Ужели человек толико раб своей чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно встревожится? О гордое насекомое! дотронись до себя и познай, что ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготе». (1-й понедельник).

Измеряемое ощущением его течения, это время чувства не нейтрально. Его течение для Радищева тягостно. Понятие продолжительности здесь явно болезненно, как в романе Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры», опубликованном в 1766 г., но уже принадлежащем сентиментализму, — в котором описание психологической боли помогало ввести в художественный план ощущение временности.¹²

¹⁰ См.: Page T. *The Diary of One Week: Radishchev's Record of Suicidal Despair*. P. 121.

¹¹ Об этом см. в числе других: *Breuillard J. Les sentimentalistes russes et la conquête de la page // La Russie et le russe à travers les textes*. Lille, 1999. N 2. P. 45—58.

¹² О понятии времени в романе «Письма Эрнеста и Доравры» см.: *Baudin R. Formation et poétique du roman russe au XVIIIe siècle: le système romanesque*

«День ото дня беспокойствие мое усугубляется. На одном часе сто родится предприятий в голове, сто желаний в сердце, и все исчезают мгновенно». (1-й понедельник).

Именно потому, что его можно измерить, субъективное ощущение проходящего времени выстраивает аксиологию временных данных, служащих ориентиром герою «Дневника». Таким образом, прошлое, настоящее и будущее приобретают смысл в соответствии с природой эмоций, которые восприятие времени заставляет переживать чувствительного человека.

Настоящее, безусловно, является негативной темпоральностью, так как ее определяет ощущение течения времени, которое причиняет рассказчику боль:

«Ничто не помогает, — уныние, беспокойствие, скорбь, о как близко отчаяние!» (пятница).

«Но где искать мне утешения хотя мгновенного моей скорби?» (1-й понедельник).

Страдая от настоящей действительности, отмеченной сильнейшим чувством одиночества, герой пытается включить в нее другие временные ориентиры, прошлое и будущее, способные положить конец тягостному настоящему. Прошлое же расценивается как позитивное в качестве времени, когда друзья героя еще были рядом с ним. Диаметрально противопоставленное настоящему, оно выражает систему ценностей, совершенно отличную от его собственной, ибо, как показывает вторая цитата, даже одиночество обретает в контексте прошлого позитивную коннотацию :

«...усладительная тишина! вождевленное уединение! у вас я некогда искал убежища; в печали и унынии вы были сопутники, когда разум преследовать тщился истине; вы мне теперь несносны!» (1-я суббота).

«Жестокие, ужели толико лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обман?» (2-е воскресенье).

Подобным же образом будущее несет позитивную оценку, так как герой ощущает его как время окончания одиночества посредством восстановления вождевленного мира прошлого:

«Завтра будут они, завтра сердце мое не одно будет биться...» (2-я суббота).

Представляясь весьма классической, эта конфигурация — *прошлое/настоящее/будущее* — тем не менее включает интересные модуляции: каждый из ориентиров обретает значение, противоположное тому, которое изначально ему предписывалось. Так, в прошлом, обычно позитивном, появляются негативные коннотации. Действительно, далекому прошлому с его идеальными отношениями с друзьями до их отъезда противопоставлено прошлое рассказа,

des années 1760 // Непубликованная дис. ... канд. филол. наук. Paris, 2002. P. 316—317.

более близкое к событиям, наполняющим каждый из дней повествования:

«С тягостию несказанною себе самому и тем, с коими беседовал, препроводил я время обеда...» (1-е воскресенье).

«Я в такой почти был бесчувственности, что если бы мне пришлось возвестить, что комната, в которой я лежал, скоро возгорится, то я бы не шевельнулся». (1-й вторник).

Таким же образом будущее, изначально воспринимаемое как возможность восстановления потерянного счастья, может стать источником тревоги, когда, близкое к встрече, оно заменяется на более далекое будущее, чья неизвестная часть предполагает некую опасность. Так, наблюдая в театре сцену самоубийства Беверлея, героя трагедии Б.-Ж. Сорена, рассказчик восклицает:

«Но он сам причина своему бедствию, — кто же поручится мне, что я сам себе злодей не буду?» (1-й понедельник).

И наконец — в особенностях! — в настоящем, которое, казалось бы, не может избежать негативной коннотации, свойственной ему в радищевской философии (благодаря тому что определяется именно ощущением течения времени), также происходит трансформация ценностей, когда настоящему одиночества противопоставляются два альтернативных пласта вымышленного настоящего: настоящее привычки и настоящее желаемого. Так, в первой из нижеследующих цитат негативное настоящее, относящееся к констатации отсутствия близких, на одно мгновение подменяется на *настоящее привычки*, которое, возрождая идеальное и утерянное прошлое, игнорирует отъезд друзей героя:

«Второй уже час; я возвращаюсь домой; сердце бьется от радости: облобызаю возлюбленных. Двери отворяются, — никто на встречу ко мне не выходит». (1-я суббота).

Подобное отрицание болезненной реальности посредством репродукции в настоящем привычки, идущей из счастливого прошлого, повторяется на следующий день, в первое воскресенье «Дневника одной недели»:

«Я еду со двора, еду в дом, где обыкновенно бываю с друзьями моими. Но — и тут я один». (1-е воскресенье).

И наконец, выступая как вариация этого вымышленного настоящего привычки, *настоящее желаемого* также отрицает настоящее болезненного ощущения отсутствия, отстраняя его на какой-то момент в пользу реальности настолько желаемой, что та становится возможной в глазах рассказчика:

«Друзья мои! вы, может быть, уже возвратились, вы меня ждете; вы сетуете о моем отсутствии <...>. Спешу домой, — бегу, — но нет никого, никто меня не ждет». (четверг).

Эти модуляции, навязанные чувствительным субъектом различным временным ориентирам, определяемым его собственным опытом восприятия времени, к сожалению, кажутся недостаточными

для смягчения боли, которую тот испытывает. Так, герой дневника пытается найти приют в дополнительных временных пластах, способных не только опрокинуть, как прежде, негативный смысл настоящего, но совершенно опровергнуть даже и существование этой темпоральности несчастья, заменяя ее на действительность более благоприятную.

Прежде всего, подобные *темпоральные пласты-убежища* предлагают герою те различные эстетические переживания, которым тот предается и которые вводят свой собственный временной пласт: чтение и театр. Так, в следующей цитате рассказчик переживает благоприятную перемену в своем настроении, по всей видимости забывшись чтением:

«Волнение в крови моей уменьшилось, — я целое утро просидел дома. Был весел, читал, — какая нечаянная перемена!» (1-я среда).

Во втором случае героя отвлекает от его болезненного отношения к настоящему поход в театр. Войдя на время представления во временное пространство, предложенное пьесой, он надеется, что та прогонит болезненное ощущение заточения в настоящем:

«Собрание карет — позорище, играют Беверлея, — войдем. Проплием слезы над несчастным. Может быть, моя скорбь умалится». (1-й понедельник).

К предложенным в описаниях эстетических переживаний темпоральностям-убежищам добавляются еще несколько примеров, первый из которых — это так называемый «частный театр»,¹³ если использовать известный психоаналитический термин. Так, рассказчик в «Дневнике» достигает того момента, когда подстегиваемый желанием ускорить возвращение своих друзей, он проигрывает сцену, дабы заранее вкусить радость встречи:

«Изготовим для них обед, — тут они сядут. Я сяду с ними, о веселие! о надежда!» (2-я суббота).

В следующем примере, также относящемся к сфере воображения, мы наблюдаем, как рассказчик ищет приют в том забытии, которое дарят ему *дневные мечтания*. Являясь последователем Т. Грея, как это не раз отмечалось,¹⁴ герой текста идет на Волково кладбище, где вид могил производит на него умиротворяющее впечатление. Мечты, порожденные близостью смерти, приостанавливают в данном случае ход времени и смягчают боль, сопровождающую его, даря герою ощущение вечности — дополнительный темпоральный приют:

«Благая мысль, — исполним ее <...> пойдем: куда, несчастной? В Волкову деревню. — —

¹³ См. об этом термине: *Брейер Й.* История больных. А — Анна О... // Breuer J., Freud S. Etudes sur l'hystérie. Paris, 1965. P. 14—35.

¹⁴ См.: *Lang D. M.* The First Russian Radical, Alexander Radishchev. P. 79; *McConnell A.* A Russian *philosophe*, Alexander Radishchev. P. 54.

На месте сем, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний, поучимся заранее взирать на скончание дней наших равнодушно...» (четверг).

Наконец, сон, последняя и самая главная темпоральность-приют, неоднократно служит убежищем угнетенному тоской реальности рассказчику. В первом случае через пласт воображения, представленный сном, упраздняется настоящее, возвращаются исчезнувшие друзья — притом в такой конкретной манере, что отрывок заканчивается прямым обращением к отсутствующим друзьям:

«Я поспешно лег в постелю и — о блаженная бесчувственность! Едва сон сомкнул мои очи, — друзья мои представились моим взорам и, хотя спяща, я счастлив был во всю ночь: ибо беседовал с вами». (1-я суббота).

Что касается второго примера, то он подтверждает не только статус сна как убежища, но и объясняет те причины, по которым он входит в эту категорию. Сон здесь играет роль выхода за пределы себя, т. е. за пределы собственного субъективного чувства восприятия, порождающего муки от ощущения времени:

«Я убоялся сам себя — и пошел искать мгновенного хотя спокойствия вне моего существа». (1-е воскресенье).

Чтобы подчеркнуть важность категории сна в творчестве Радищева, вспомним хотя бы, что сну принадлежит центральное место в «Путешествии из Петербурга в Москву», где он помогает автору выйти за рамки прямых отношений со слишком грустной внешней реальностью.¹⁵

Уход в дополнительные временные пласты тем не менее не является единственным способом, используемым героем «Дневника одной недели», чтобы избежать тоски, провоцируемой болезненной реальностью. Иногда вместо того чтобы отвернуться от настоящего, всеми силами пытаюсь избежать его, рассказчик все же пытается *завладеть контролем над временем*, дабы одержать над настоящим победу, а не удариться в бегство. Для достижения своей цели герой Радищева прибегает к двойной стратегии, каждая из которых имеет целью сократить время ожидания.

Первая стратегия заключается в том, чтобы сократить время, посвященное повседневному занятиям, в надежде на то, чтобы сэкономленное таким образом время ускорило свой ритм. Так, в первом примере герой решает пообедать на скорую руку, чтобы сделать быстрее течение дня:

«Пообедал я немного, — ускорим свидание наше, — ускорим...» (2-е воскресенье).

Во втором примере, подчиняясь той же логике, рассказчик, ложась спать ранее обычного, надеется приблизить встречу с друзьями-

¹⁵ Об этом см.: Baudin R. L'eau et les rêves dans *Le Voyage de Saint-Petersbourg à Moscou* // La Revue russe. Paris. 1999. N 16. P. 16—33.

ми. Здесь сон уже не только служит убежищем, как в предыдущих примерах, но и становится частью стратегии, основанной на вере в способность субъективного времени повлиять на объективное время — в данном случае на солнечный цикл:

«...о koliko солнце путь свой лениво совершает, — ускорим его шествие, осмеем его завистливость, уснем, — я лег в постелю до заката, заснул, и пробудился». (2-я суббота).

Другая стратегия для влияния на ход времени заключается в его *превращении в пространство*. Если кажется невозможным властвовать над временем, человек может овладеть пространством (часто служащим поэтому шкалой рационализации течения времени). Таким образом, не углубляясь в подробный анализ текста, заметим, что в следующем примере герой в попытке облегчить дискомфорт, причиненный заточением в настоящем, выбирает именно прогулку:

«Но где искать мне утolenия хотя мгновенного моей скорби? Где? Рассудок вещает: в тебе самом. Нет, нет, тут-то я нахожу пагубу, тут скорбь, тут ад; пойдем. — Стопы мои становятся тише, шествие плавнее...» (1-й понедельник).

В еще более характерной манере герой обращает время ожидания в дистанцию, заканчивающуюся в воскресенье, когда, как он надеется, вернутся его друзья:

«...поедем им навстречу, — чем скорее поеду, тем скорее их увижу; в сей лстящей надежде не видал я, как доехал до почтового стана». (2-е воскресенье).

«Дневник одной недели» является, таким образом, подробным изложением прожитого опыта восприятия времени во всем масштабе его вариаций. Радищев не довольствуется лишь намерением показать, что время в гораздо большей мере соответствует его душевным переживаниям, чем объективному измерению, но он еще и доказывает, что пережитый опыт субъективен настолько, что провоцирует аксиологическое смещение в восприятии одного и того же человека.

От простого описания богатого опыта восприятия времени автор тем не менее пытается перейти к обмену этим опытом со своим читателем. Художественный текст представляется ему не только как пространство, где формируется кодирование дискурса, но также как пространство, где раскодирование, идущее вслед за ним, должно предоставлять настоящее сентиментальное испытание, задействуя, насколько это возможно, эмоциональные переживания читателя. Размышляя о подобном «физическом» приеме литературного факта, Радищев вынужден принять во внимание эффекты прочтения, которые может спровоцировать текст. Приумножение этих эффектов в «Дневнике» будет помогать созданию в уме читателя напряженного состояния, подобного тому, что испытывает кодировщик текста и которое выражается в тексте через рассказчика.

Основная цель текстовых эффектов, предназначенных для того чтобы читатель мог пережить реальный физический эксперимент,

главным образом заключается в борьбе с монотонным прочтением, запрограммированным традиционной версткой русской печатной художественной прозы со времени ее возникновения в 1760-х гг. Борьба эта, направленная на создание читателя *задействованного*, в основном прибегает к двум механизмам: активному использованию верстки и работе над ритмом.

Жан Брейяр первым описал усилия, приложенные сентименталистами в сфере организации текста.¹⁶ Работая над развитием формы параграфа, Карамзин попытался сделать из него минимальную смысловую единицу литературного текста. Радищев также интересуется параграфом, но его размышления над разделением текста приводят его к другой функции параграфа, нежели та, которая имеется у автора «Бедной Лизы».

Действительно, в «Дневнике одной недели» параграф выполняет *временную* функцию. Материя текста у Радищева разделяется прежде всего на крупные параграфы, обозначенные названием дня недели и разделенные друг от друга пробелами, организованными страничной версткой. Переход от одного блока к другому подразумевает переход от одного дня недели к следующему, условно обозначая, таким образом, ночное время, разделяющее дни, — как например в отрывках, написанных рассказчиком перед сном (см. выше).

Этот отлаженный механизм, используемый между первой субботой и первым воскресеньем, первым воскресеньем и первым понедельником, а также первым понедельником и вторником, тем не менее подвергает риску сделать прочтение монотонным. Поэтому для того чтобы восприятие текста оставалось оригинальным физическим экспериментом, Радищев вводит две аномалии в свою страничную верстку и во временной пласт «Дневника». Так, рассказчик действительно заканчивает среду описанием отхода ко сну, но не самим сном, который здесь заменяется бессонницей. Отмечая тот факт, что он заснул только на рассвете, рассказчик включает временной эллипсис «ночь» в рассказ текстуального блока «среда», лишая если не смысла, то по крайней мере продолжительности пробел, отделяющий на странице среду от четверга:

«...я лежу в постеле, — бьет полночь. О, успокоитель сокрушений человеческих! где ты? Почто я казнюсь? Почто лишен тебя? — Едва заснул на рассвете». (среда).

Таким же образом переход от второй субботы ко второму воскресенью прерывает монотонность, спровоцированную использованием эллипсиса, с помощью своего рода переноса, и это несмотря на ночной пробел, связывающий субботу со следующим днем:

«...о колико солнце путь свой лениво совершает, — ускорим его шествие, осмеем его завистливость, уснем, — я лег в постелью до зката, заснул, и пробудился». (2-я суббота).

¹⁶ См.: *Breuillard J.* Les sentimentalistes russes et la conquête de la page.

«До восхождения солнца, — о вожделенной день, о день блаженный!» (2-е воскресенье).

Далее внутри крупных параграфов использование возврата на строку также будет иметь временное значение, так как непременно вводит эллипсис, восполняющий, как в первом примере, переход от одного места к другому, или же, как во втором, от одного момента дня к следующему:

«...пойдем: куда несчастной? В Волкову деревню.

На месте сем, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний, поучимся заранее взирать на окончание дней наших равнодушно...» (четверг).

«Прочь толикое хладнокровие, — во мне сердце чувствует, а ты рассуждаешь. —

Едва я уснул... О возлюбленные мои! Я вас вижу, — ...» (пятница).

К подобным приемам со страничной версткой добавляется работа над ритмом, поощренная использованием богатого синтаксиса и пунктуации. Например, автор «Дневника» часто прибегает к многоточию и тире. Многоточие подразумевает эмоциональную паузу, колебание мысли или же подчеркивает временной эллипсис — в случае, когда оно предшествует возврату на строку. Что же касается тире, то оно подчеркивает важную информацию исключительно высокой эмоциональности и указывает на противоречия в размышлениях рассказчика, разрывающегося между разумом и чувством. Объединенные же в одном параграфе и продублированные вопросительной или повелительной структурой (не считая эмфатического восклицания, уже присутствовавшего в прозе 1760-х годов), тире и многоточие способствуют молниеносному ускорению ритма, за которым зачастую следует резкое замедление — аспект особенно замечательный в работе Радищева над ритмом текста, как свидетельствует следующий отрывок:

«...воззрим на смерть, — нечаянный хлад объемлет мои члены, взоры тупеют. — Се конец страданию, — готов... мне умирать? — Да не ты ли хотел приучать себя заблаговременно к кончине? Не ты ли сие мгновение хотел ознакомиться?... мне умирать? Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни!.. Друзья мои! вы, может быть, уже возвратились, вы меня ждете; вы суетуете о моем отсутствии <...> Спешу домой, — бегу, — но нет никого, никто меня не ждет. Лучше бы я там остался, там бы препроводил ночь...» (четверг).

«Едва я уснул... О возлюбленные мои! Я вас вижу, --- вы все со мною, сомневаться мне в том не должно, прижмите меня к своему сердцу, почувствуйте, как мое бьется, — но что! вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни, се смерть души. — Куда идете, куда спешите? или не узнаете меня, меня, друга вашего? друга... Пойдите... мучители удалились, — пробудился». (пятница).

Но этот список эффектов прочтения не был бы полным без упоминания *повторов*, приема, используемого в приведенных цитатах. Метод повтора, этот важнейший ритмический принцип, великолепным образом завершает «Дневник одной недели» с помощью эпифоры, продублированной параномазией, напоминающей в очередной раз психологическую проблематику текста:

«Где может быть блаженство, если в своем доме его не обретаешь? — Но я оставлен, — но я один, один — один!..»

Карета остановилась, — выходят, — о радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!..» (2-й вторник).

Все эти эффекты, которые, как и приемы страничной верстки, предназначены влиять на ритм текста, подготавливают живое, физическое, эмоционально насыщенное прочтение, имеющее целью позволить читателю разделить настроение рассказчика «Дневника» и перевести дух лишь тогда, когда последний засыпает. Поэтому, если Радишев и использует те же новаторские приемы, что и Карамзин, то уже не с целью облегчить прочтение из желания ясности. Напротив, он превращает чтение своего текста в напряженный эксперимент, чью интенсивность должен прочувствовать читатель и где властвует намерение не передать какую-либо идею, а организовать встречу автора с читателем.

Именно в трудности, как понимания, так и прочтения, существует радишевская утопия идеального текста — утопия абсолютного сентиментализма. Радишевский радикализм не менее виден здесь, чем в его политических идеях, и даже более — в его радикальном стремлении разделить с читателем собственный опыт. Дальше в этом стремлении возникает третий текстовый временной пласт, находящийся под пластом прочтения и диегезиса: пласт *времени написания* произведения, который хочет разделить с читателем Радишев.

Это время создания, зачастую угадываемое в текстовых отметках, которые автор оставляет за собой, все же кажется неизменно недостижимым для читателя, оставаясь навсегда заточенным единственно в авторском пространстве.

И все же с помощью паратекстуальной уловки, которой до сих пор не уделялось большого внимания, Радишев попытается дать *почувствовать*, а не только *угадать*, присутствие этого временного пласта, который обычно остается вне поля зрения читателя. Хотя и был замечен тот факт, что «Дневник одной недели» включает не семь-восемь, а одиннадцать дней,¹⁷ тем не менее за одним только исключением, никогда не делалось попытки литературно интерпретировать это нарочитое недоразумение в заглавии текста.¹⁸ Оче-

¹⁷ Первым отметил этот факт А. Мак-Коннелл. См.: *McConnell A. A Russian philosophe, Alexander Radishchev 1749—1802*. P. 52.

¹⁸ По нашим сведениям, только Т. Пейдж попробовала интерпретировать несоответствие заглавия «Дневника одной недели» с его содержанием. По

видное расхождение между тем, о чем заявляет заглавие, и тем, что описывается в тексте, никак не может относиться к ряду ошибок по невнимательности Радищева. Таким же образом слишком легко было бы считать, что оно попросту свидетельствует о победе качественной темпоральности чувства над обратной ей темпоральностью, объективной и количественной. Нет, это расхождение относится к литературным приемам, и цель его — навести читателя на мысль, что название было дано тексту не по окончании, а до начала написания. Этот запрограммированный, а не окончательный вариант заглавия отсылает к планам рассказчика вести ежедневный дневник в течение недели, предположительного срока отсутствия друзей. Но «длинная» неделя (с субботы по следующее воскресенье) подходит к концу, а друзей все нет. Тем не менее, вместо того чтобы прекратить дневник, как того требовал изначальный план, объявленный в названии, рассказчик продолжает повествование в течение еще двух дней в подобии постскриптума. Вместо того чтобы исправить апостериори данное недоразумение в первоначально задуманном сроке дневника, автор напротив подчеркивает его той разницей, которая существует между текстом и неизменным названием, озаглавливающим текст лишь частичным образом. Этот нарочитый акцент — настоящий механизм, цель которого — заставить читателя прочувствовать время написания текста, т. е. реальное авторское время, — не то, когда тот предлагает законченный текст читателю, а то, когда он его пишет и не знает еще, будет ли текст соответствовать форме, обозначенной в заглавии, выбранном априори. Это авторское время, время прогнозов и надежд — реальное время литературного творчества; время, существующее, пока длится творческий акт, а не дата «создания» текста (т. е. завершения творческого акта), и еще менее дата знакомства читателем с текстом.

Являясь неизмеримо большим, чем простой психологический набросок, «Дневник одной недели», благодаря размышлениям о времени, предстает как радикальный литературный опыт. Пытаясь стереть границы, существующие между автором и его читателем, Радищев исследует различные аспекты литературного времени, дабы объединиться со своим адресатом в том, что для него является пространством *правды* в тексте, там, где возникает ощущение общего времени, а следовательно, и общего опыта. Отказываясь во имя этого воссоединения ограничивать время, живой параметр чувства, раци-

мнению американской исследовательницы, в центре внимания автора находится вопрос об утилитаризме Гельвеция, который рассказчик по очереди и принимает, и опровергает. Это колебание, выраженное в форме внутреннего диалога, продолжается неделю. Оттуда и пришло заглавие текста. См.: *Page T. Utilitarianism and its Rebuttal in the Thought of A. N. Radishchev // Western Philosophical Systems in Russian Literature. Los Angeles, 1979. P. 8.*

ональной структурой, убивающей его, Радищев вместо романного вымысла прибегает к более гибкому интимному жанру. Отнесенному к прошлому времени романа он пытается противопоставить открытое время интимной прозы. Точке в конце романов 1760-х гг., отсылавшей литературный персонаж к его фиктивному статусу, он противопоставляет многоточие, завершающее текст, как намек на то, что язык *фиксирует* сентиментальное отношение к миру чувствительного человека, но не *исчерпывает* его, ибо оно продолжает свое существование за рамками текста. Вместо ложного времени романа, предположительно объясняющего провал жанра в России начала 1770-х гг., Радищев предлагает реальное время сентиментализма.

А. А. КОСТИН

«ВОЗЗРИ НА ЛИШЕННОГО РАССУДКА...»

(«Дневник одной недели»
как гносеологический опыт А. Н. Радищева)

Одним из самых загадочных моментов в научной литературе об А. Н. Радищеве представляется мне тот факт, что в большинстве исследований, посвященных «Дневнику одной недели», затрагивается не столько проблема его художественной специфики, сколько проблема датировки.¹ Споря о том, когда же был написан «Дневник», называя даты от 1773 до 1802 г., исследователи зачастую забывают отвечать на вопрос, какова природа этого произведения, в каком литературном контексте оно должно рассматриваться и, в конце концов, на несколько наивный вопрос, без ответа на который, однако, невозможна интерпретация литературного произведения: «о чем оно?»² Это недостаточное внимание к художественной специфике «Дневника» тем более удивительно, что текст этот никогда, по сути,

¹ Ср. названия, по сути, исчерпывающего списка исследований на русском языке, специально посвященных «Дневнику», появившихся до недавнего времени: Кулакова Л. И. О датировке «Дневника одной недели» // Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950. С. 148—157; Гурьянов В. П. Еще раз о дате «Дневника одной недели» Радищева // Вестник Московского государственного университета. Сер. Филология и журналистика. 1960. № 1. С. 57—60; Галаган Г. Я. Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева. Вопрос о датировке // XVIII век. Л., 1977. Вып. 12. С. 67—71; Лазарчук Р. М. «Дневник одной недели» А. Н. Радищева: к проблеме датировки // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 75—84.

² Следует отметить появившиеся в последнее время исследования, посвященные собственно художественной природе произведения: Baudin R. 1) Espace et intimité dans le journal miniature d'Alexandre Radichtchev // Poétique de la miniature. Mélanges offerts au Professeur André Monnier. Paris, 2009; 2) Le Journal d'une semaine d'Alexandre Radichtchev ou le temps vrai du sentimentalisme russe // Cahiers slaves. 2009; Чекурина Н. Е. Дневниковая форма «Дневника одной недели» А. Н. Радищева // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. Сб. статей региональной науч. конф. Чебоксары, 2008. С. 197—202.

не рассматривался как аутентичный, не обработанный художественно дневник — даже в тех случаях, когда на его основании делались те или иные выводы биографического характера. Несмотря на то что именно как художественное произведение будет рассматриваться «Дневник» и в этой статье, я не считаю вопрос о возможной подлинно-дневниковой его природе не заслуживающим внимания. Мне представляется возможным, что он может исследоваться в контексте той исповедальной дневниковой литературы, что создавалась в кругах европейских масонов и мистиков и предполагала последовательную и искреннюю фиксацию малейших, в том числе и неприглядных, житейских событий и прежде всего — душевных переживаний автора.³ Вопрос этот требует специального рассмотрения; мне хотелось бы отметить только одно обстоятельство, кажущееся немаловажным при решении вопроса о соотношении фиктивности и документальности в «Дневнике». Поскольку мы не располагаем автографом и даже списками, немаловажным является контекст первой публикации «Дневника» сыновьями писателя в «Собрании оставшихся сочинений». «Дневник» помещен в четвертой части издания.⁴ В первой было собрано поэтическое наследие Радищева; во второй и третьей опубликован философский трактат «О человеке»; в четвертой помещены (называю в порядке публикации) — отрывок «Ангел тьмы» (набросок к неосуществленной поэме о Ермаке), «Дневник одной недели», «Памятник дактилохорейческому витязю» и «Описание моего владения». Как видно, «Дневник» появляется здесь в отчетливо литературном и художественном окружении. В пятой части «Собрания» было помещено «Житие... Ушакова», в шестой «и последней» — «Краткое повествование о приобретении Сибири» и «Письмо о китайском торге». Все эти сочинения я перечисляю так подробно, чтобы специально отметить — в «Собрании» не помещена одна значительная радищевская рукопись, имеющая отчетливо подлинно-дневниковый характер, по-видимому, имевшаяся в распоряжении сыновей,⁵ — это записки путешествия в Сибирь и из Сибири. Все эти обстоятельства вместе, как мне кажется, говорят о том, что во всяком случае с точки зрения сыновей Радищева «Дневник одной недели» был не личным документом, но имел художественную природу, относясь к части «сочинений».

Возвращаясь к разговору о заявленном выше предмете статьи — «о чем» был написан «Дневник», позволю себе вкратце на-

³ См., например: *Зорин А. Л.* Поход в бордель в Москве в январе 1800 года (Шиллер, гоноря и первородный грех в эмоциональном мире русского дворянина) // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 4 (92). С. 142—157; образец подобного дневника из круга А. Ф. Лабзина см. в настоящем сборнике в публикации материалов к биографии А. П. Хвостовой.

⁴ *Радищев А. Н.* Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева. М., 1811. Т. 4. С. 9—26.

⁵ ОПИ ГИМ. 1 2/16.

помнить, что он собой представляет. Это совсем небольшое сочинение, содержащее не более 1600 слов, построенное в форме дневника человека, оставшегося в одиночестве в городе, в то время как те, кого он называет «друзьями» (в словоупотреблении Радищева это могут быть и друзья в собственном смысле слова, и родственники, например сыновья, родители, жена с детьми, возлюбленная с сестрой и т. д.), так вот, эти «друзья» уезжают в какое-то не слишком, по-видимому, удаленное место, предполагая вернуться через неделю. Все мысли автора дневника обращены к этому будущему возвращению, причем он с первого дня без видимых оснований задается вопросом: а вернутся ли «друзья» вообще. Фиксирующиеся день за днем изменения в душевном и физическом состоянии автора, его попытки развеять тоску по ним составляют все содержание дневника. Когда неделя проходит, автор выезжает на городскую заставу, чтобы встретить там друзей, но они не приезжают. Он окончательно решает, что они отказались от него, и думает сам уехать, куда глаза глядят, однако в момент, когда он почти уже выезжает со двора, «друзья» возвращаются.

Как нетрудно заключить из этого сжатого пересказа, сюжет в «Дневнике» по большому счету отсутствует. Здесь ничего не «происходит» в смысле сюжетного хода, связной последовательности событий: герой идет на службу, возвращается со службы, спит, скучает на обеде, гуляет, попадает в театр, где смотрит «Бeverлея» Ж. Сорена, выходит и, задумавшись, сталкивается на улице с запутавшимися лошадьми, снова спит, чувствует себя расслабленным, отказывается идти на службу, принимает скучного гостя, читает, мучится бессонницей, посещает кладбище, катается в коляске по городу, опять спит, занимается приготовлением встречи, спит, едет на заставу встречать друзей, не встречает их, через несколько дней решает уехать. Всё. Я пересказал сейчас без изъятия все внешние «действия», описанные в дневнике; совершенно очевидно, что действия эти во многом случайны и не составляют из себя никакой закономерной последовательности. К этому следует прибавить еще, что в «Дневнике» сведено к минимуму присутствие в событиях людей помимо его автора: собственно, такой персонаж появляется только один раз, о нем специально сообщается только, что он скучен; ни в этом, ни тем более в других местах нельзя найти разговоров.

Таким образом, не случайно «Дневник» пользуется славой психологического очерка: о внутренних переживаниях рассказчика здесь сообщается значительно больше, чем о его внешней жизни. К сожалению, большинство исследователей до сих пор не шло дальше простой констатации наличия в «Дневнике» психологизма. Между тем без описания природы этого психологизма вряд ли возможна интерпретация произведения: в конце концов, если оно целиком посвящено описанию душевного состояния, то как можно рассуждать о нем, не ответив на вопрос, что это за состояние.

Мне кажется слишком грубым и социологизированным предложенное Г. А. Гуковским и в течение долгого времени распространенное мнение о том, что здесь описываются печальные следствия одиночества, которым должна быть противопоставлена активная гражданская позиция.⁶ Вряд ли можно видеть в «Дневнике», как это делает, например, Таня Пейдж,⁷ описание человека, близкого к самоубийству: мысль о нем смутно проскальзывает только в одном месте дневника и тут же отбрасывается автором. Несомненно, верным является наблюдение Г. Я. Галаган, показавшей, что психические состояния героя «Дневника» составляют определенный сюжет, строящийся вокруг веры и сомнения в приезде друзей;⁸ О. М. Гончарова верно замечает, что развитие этого сюжета приводит к «утрате своей антропологической сущности». Своеобразный итог имеющихся взглядов на природу «Дневника» привела Р. М. Лазарчук, замечаящая: «Исследователи уже неоднократно обращали внимание на горечь и сомнение, отравляющие дружбу, на страшное и, на первый взгляд, непонятное страдание, с которым переживается неделя <...> повергающая героя в безумие, мучительные галлюцинации, мысли о смерти и самоубийстве».⁹

Несмотря на то что работа, где появляется это суждение, посвящена преимущественно датировке «Дневника», очень ценным в ней мне кажется одно слово, проговаривание которого, на мой взгляд, принципиально важно для понимания художественной природы «Дневника». Слово это — «безумие».

Начнем с того, что поведение — вернее переживания и мышления героя «Дневника» — вполне совпадают с тем, как описывалось сумасшествие в конце XVIII в. (в качестве сравнительного материала мною использованы издания по медицине, психиатрии и психологии, издававшиеся в это время в Европе).¹⁰ Приведу вна-

⁶ «Руссо уводит своего читателя прочь из мира, заявляя о возможности и праве человека искать счастье в самом себе <...>. Радищев старается дать психологические доводы несостоятельности теории уединения <...>. В противоположность этому, он выдвигает принцип „общезительства“» (*Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. С. 160—161*); «Открытие Другого — одно из важнейших достижений антропологии Руссо <...>. Его же можно наблюдать и в радищевском „Дневнике одной недели“: его герой исследует себя и приходит к заключению, что один, без друзей, он — ничто, вплоть до утраты своей антропологической сущности» (*Гончарова О. М. Власть традиции и новая Россия в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004. С. 155*).

⁷ *Page T. Diary Of One Week: Radishchev's Record of Suicidal Despair // Russian Literature Triquarterly. 1988. Vol. 21. P. 117—127.*

⁸ *Галаган Г. Я. Герой и сюжет...*

⁹ *Лазарчук Р. М. «Дневник одной недели» А. Н. Радищева... С. 78.*

¹⁰ Основным референтным материалом послужили книги, изданные на английском, немецком и французском языках в Европе в 1770—1800-е гг. в Европе, предоставляемые сервисом Google books; в общей сложности просмотрено более 100 изданий.

чале пример из самого Радищева. В своем философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», показывая, что телесное и психическое в человеке составляют две различные сущности, он приводит среди прочих и такой аргумент: «Возри на лишенного рассудка, возри на беснующегося. Ты скажешь, что душа ничтожествует в них, что нет ее <...>. Но наблюдай шествие его мысли. Пораженный единою идеею, он все относит к ней, все к ней прилепляет; он не так судит о вещах, как оне ему представлялися, наследование его мысли не сходствует с чувствованиями, их родившими; он все сочетает новым порядком, все наклоняет под властвующую над ним мысль. Се беснование его! судит же сам».¹¹ Итак, сумасшедший — это человек, все свои мысли подчиняющий рассуждениям об одной идее, что приводит его к неверным рассуждениям, но между тем не лишает способности мыслить («судит же сам»). В таком понимании сумасшествия Радищев не был одинок: мы можем найти его в трактатах, активно им использованных при написании своего «О человеке». Так, в «Опыте о человеческом разуме» Дж. Локка можно найти такую характеристику сумасшествия: «Сумасшедшие <...> не потеряли способности рассуждать, но, соединив некоторые идеи совершенно неверно, они ошибочно принимают их за истины и заблуждаются подобно людям, которые рассуждают верно, но исходят из ложных принципов. Силой собственного воображения приняв собственные фантазии за реальности, они делают из них верные выводы. <...> Потому и случается, что человек очень трезвый и здравомыслящий во всех других отношениях в чем-нибудь одном может быть таким же неистовым, как и обитатель Бедлама, если вследствие неожиданного и чрезвычайно сильного впечатления или продолжительного сосредоточения своего воображения на одного рода мыслях в его уме несвязные идеи скрепляются вместе так прочно, что остаются соединенными».¹² Здесь, таким образом, представлены те же основные моменты в описании безумия: фиксация на одной идее, заблуждение как итог; при этом специально отмечается, что сумасшедший не теряет способности рассуждать.

Такое понимание сумасшествия можно в полной мере, как кажется, приложить к содержанию «Дневника одной недели». В первый же день его герой восклицает: «О, возлюбленные мои! вы меня оставили», и с тех пор все его поведение, все его мысли посвящены только одному: решению вопроса о том, вернутся ли друзья или нет. С точки зрения этого вопроса он оценивает обед в доме знакомых, свою службу, пьесу в театре, этот вопрос освещает в один из дней классическую кладбищенскую медитацию, и т. д. Хотя никаких поводов к тому, чтобы заключить, что друзья не вернутся, действительность

¹¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 117.

¹² Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 210.

ему не доставляет, ощущение одиночества, а наконец — неприезд в назначенный день заставляют автора дневника решить, что друзья от него отреклись. В последней дневниковой записи, используя синтаксический параллелизм и фонетические созвучия, Радищев показывает, насколько разошлись между собой воображение героя и реальность. Завершая свои рассуждения, герой заявляет: «Простите; вероломные, простите, бесчувственные, — простите... Куда едешь, несчастный? Где может быть блаженство, если в своем доме его не обретаешь? — Но я оставлен, — но я один, один — один!..» Трижды повторенное «один, один, один», выражающее окончательную победу ложной идеи над рассудком, находит параллель в последних словах «Дневника», отражающих реальное положение дел: «Карета остановилась, — выходят. — о радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!..»¹³ Эта фонетическая и синтаксическая соотнесенность: «один, один — один» и «возлюбленные! Они!.. Они!..», подчеркивающая сосуществование реальности и неверной ее оценки, заставляет думать, что финал «Дневника» — возвращение друзей — вовсе не должен оцениваться как традиционный «хэппи-энд». Впервые за весь текст «Дневника» перед героем оказываются не его домыслы и фантазии, а реальность. Оказывается, что десять дней герой шел по пути заблуждения и зашел достаточно далеко. По сути, читая дневник, мы (словами радищевского трактата) «наблюдали шестие мысли лишенного рассудка».

Приведенное рассуждение о том, почему «Дневник» можно считать повестью о безумии, может показаться натянутым. Действительно, та характеристика безумия, которой я воспользовался, будучи взятой из гносеологических сочинений, трактующих о значительно более высоких материях, носит слишком общий характер. Между тем, если обратиться к сочинениям конца XVIII в., касающимся непосредственно душевных болезней, окажется, что это общее наблюдение о безумии не только в них повторяется, но — более того — соответствует определенному типу безумия, характеризующемуся рядом симптомов, большинство из которых можно встретить и у героя «Дневника». Имя этого типа безумия — меланхолия.

Так, Филипп Пинель, влиятельнейший психиатр конца XVIII в., один из героев книги М. Фуко «История безумия в эпоху просвещения», в своей важнейшей книге «Трактат о безумии» начинает выстраивание систематики типов безумия с меланхолии, говоря о ней так: «Симптомы, в целом приписываемые понятию „меланхолия“, следующие: молчаливость, задумчивый и погруженный в себя вид, мрачные подозрения и тяга к одиночеству <...>. Меланхолики часто поглощены единственной идеей, к которой они непрестанно обращаются в своих разговорах и которая, кажется, притягивает

¹³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.: Л., 1938. Т. 1. С. 144.

все их внимание».¹⁴ Эта особенность — привязанность к одной определенной идее, характеризующая все содержание «Дневника» — переходит из одного медицинского трактата в другой; так, то же можно найти у критикуемых Пинелем его предшественников. Например, в «Методологической нозологии» Франсуа де Соважа в начале описания меланхолии читаем: «Меланхолики суть те, что неотрывно прикованные к одной какой-нибудь мысли бредят о себе и своем состоянии, при том что обо всех остальных предметах рассуждают совершенно здраво. Те же, что страдают от опьянения (vertige), звона в ушах (tintement d'oreille) и помутнения рассудка (berlue), не привязаны твердо к одной идее, и заблуждения их происходят не от мозга, а от расстройства органов чувств, и этим-то они отличаются от меланхоликов».¹⁵ Подобные примеры можно множить до бесконечности. Но дело не только в общем определении. Герой «Дневника» обнаруживает себя меланхоликом и в мелочах. Что мы знаем о его физическом состоянии — о том, что могло бы быть названо симптомами?

Он долгое время до начала действия «Дневника» стремился к одиночеству: «усладительная тишина! вожделенное уединение! у вас я некогда искал убежища; в печали и унынии вы были сопутники, когда разум преследовать тщился истине; вы мне теперь несносны!»¹⁶ Он много «скитается по городу без всякого намерения».¹⁷ Он грустит в веселой компании. Он чувствует беспорядок в мыслях: «На одном часе сто родится предприятий в голове, сто желаний в сердце, и все исчезают мгновенно».¹⁸ Он впадает в телесную расслабленность: «Я в такой почти был бесчувственности, что если бы мне пришли возвестить, что комната, в которой я лежал, скоро возгорится, то я бы не шевельнулся».¹⁹ Он теряет аппетит. Мучится бессонницей. Посещает кладбище.

Если рассмотреть эти симптомы, то окажется, что каждый из них в философской и медицинской литературе XVIII в. оказывается связанным с меланхолией. Так, неоднократно можно встретить указания на то, что стремление к уединению может стать причиной меланхолии и являться одним из основных ее симптомов. Помимо приведенной уже выше цитаты из Пинеля: «Симптомы, в целом приписываемые понятию „меланхолия“, следующие <...>

¹⁴ Pinel P. A Treatise on Insanity, in which Are Contained The Principles of a New and More Practical Nosology of Maniacal Disorders / Trans. D. D. Davis. Sheffield, 1806. P. 136, 141.

¹⁵ «Les mélancoliques sont ceux qui, constamment attachés à une pensée, sont en délire sur eux-mêmes & sur leur état, tandis qu'ils raisonnent à propos sur tous les autres objets» (*Sauvages F. B. Nosologie méthodique...* Paris, 1771. Vol. 2. P. 727).

¹⁶ Радлицев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 144.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 140.

¹⁹ Там же. С. 141.

тяга к одиночеству», можно привести также и другие свидетельства. Так, Д. Юм в трактате «О человеческой природе», использованном Радищевым при написании собственного трактата «О человеке» замечает: «Люди, находящие удовольствие в декламациях против человеческой природы, указывают на тот факт, что человек не в состоянии удовлетворяться самим собой и что, если ослабить всякую его связь с внешними объектами, он тотчас же впадает в глубочайшую меланхолию и в отчаяние. Отсюда, говорят они, проистекает постоянная погоня человека за развлечением в игре, в охоте, в делах; таким способом мы стараемся забыться и вывести наши жизненные духи из того расслабленного состояния, в которое мы впадаем, едва только эти духи перестают поддерживать какая-нибудь сильная и живая эмоция. Я согласен с указанным образом мыслей».²⁰ Здесь стоит отметить указываемое Юмом и находящееся у многих медицинских сочинениях соображение о том, что лучшее средство от меланхолии — различные развлечения или сосредоточенность. Напомню, что окончательный душевный перелом у героя «Дневника» происходит после того, как он перестает гулять, посещать собрания и — наконец — решает не идти на службу. Примеров из литературы конца XVIII в. тому, что одиночество ведет к меланхолии, можно приводить множество; ограничусь еще одним. Иоганн Циммерманн в сыгравшем в свое время немалое значение, в том числе и в литературе, сочинении «Об одиночестве» (*Über die Einsamkeit*) специально посвящает один раздел исследованию одиночества как источника меланхолии. Здесь сообщается: «Беспричинное и бесконтрольное стремление к одиночеству является одним из наиболее частых и несомненных симптомов меланхолии». Так же как и у Юма, Циммерманн высказывает соображение о том, что основное лекарство от меланхолии — развлечения: «Людам меланхолического склада следует как можно чаще внушать мысль о том, что в жизни можно встретить множество развлечений <...> следует поощрять их к тому, чтобы от расстраивающего их предмета они переходили к надеждам о другом, более легко достижимом <...>. Если избрать другой подход и позволить измотанному сердцу отказаться от всяческих занятий, хлопот и удовольствий, сосредоточиться на жалобном страхе или горьком разочаровании <...> то такой человек все глубже будет погружаться в отчаяние, пока <...> терзания души не прекратятся безумием или смертью».²¹

Так же как синдром и как причина меланхолии в конце XVIII в. была известна излишняя привязанность к ходьбе. Так, уже упоминавшийся автор «Методологической нозологии» Ф. Соваж выделяет отдельный тип меланхолии: «блуждающую меланхолию»

²⁰ Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 487—488.

²¹ *Zimmermann J. H. Solitude considered with respect to its dangerous influence upon the mind and heart. London, 1798. P. 156—158.*

(*melancholie vagabonde*), которую описывает следующим образом: «...больной не может ни часа находиться спокойно в одном месте, что-то заставляет его ходить туда и сюда, не осознавая, где он находится. Самый пугливый из всех меланхоликов, он бежит от общества, гуляет ночью по кладбищам и заброшенным местам. Он не знает, ни куда идет, ни чего ищет, ни чего хочет».²²

Таким образом, и с точки зрения отдельных симптомов мы также можем говорить о герое «Дневника» как о меланхолике. Такую же характеристику можно ему дать, и если посмотреть на то, как он сам описывает свое душевное состояние. Основные выражения, которые мы здесь встретим, — «скорбь» («где искать мне утешения, хотя мгновенного, моей *скорби*?»; «все *скорбь* твою на челе твоём узрят»; «Может быть, моя *скорбь* умалится?», а также «грусть» («*Грусть* моя, преследуя меня безотлучно, отнимала у меня даже нужное приветствие благопристойности», «подивитесь, скука разогнала несколько мою *грусть*»). Особой интенсивности описание этого состояния достигает в один из последних дней перед окончательным нравственным переломом: «Ничто не помогает, — *уныние, беспокойствие, скорбь, о как близко отчаяние! но на что толико грустить?*» Все эти понятия — скорбь, грусть, уныние, беспокойство, отчаяние — в конце XVIII в. неразрывно были связаны с понятием меланхолии. Так, почти все они встречаются в стихотворении Н. М. Карамзина 1800 г. «Меланхолия»:

О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья
Не лета пышного роскошный блеск и зрелость
Для грусти твоя приятнее всего
Но осень бледная <...>
Когда, освобождаясь от ига тяжких мук
Несчастный отдохнет в душе своей *унылой*
С любовьию ему ты руку подасшь.²³

Не менее показательны примеры европейских синонимических словарей. Если «Словарь Академии Российской» толкует «меланхолию» через слово «задумчивость»,²⁴ то, например, в «British synonymy» Гестер Пьюэци уделяет специальную статью следующему синонимическому ряду: «dismal, gloomy, melancholy, sorrowfull, dark», о котором говорится, что это «слова, вызывающие поток

²² «Le malade ne peut demeurer tranquile l'espace d'une heure, il est forcé d'aller, çà ou là, sans savoir où il est: plus timide de tous les mélancoliques, il fuit la société; il se promene la nuit dans les cimetières. et dans les lieux abandonnés; il ne sait ni où il va, ni ce qu'il cherche, ni ce qu'il veut» (*Sauvages F. B. Nosologie méthodique...* P. 734).

²³ Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 259.

²⁴ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4. От М до Р. Стлб. 84.

скорбных идей».²⁵ Во «Французских синонимах» Пьера Рубо читаем: «Меланхолик находится в состоянии изнеможения и тоски. Его печаль угрюма и беспокойна».²⁶ Так что можно сказать, что и описан герой «Дневника» в выражениях, приличествующих описанию меланхолии.

Наконец, приведу еще один довод в пользу того, что история, описанная в «Дневнике одной недели», может быть историей меланхолии. В цитированных сочинениях, как и в тех, что остались за рамками статьи, содержится немало рассказов о том, как люди впали в безумие и меланхолию. Следует сказать, что кратковременный отъезд друзей вовсе не является среди них самым распространенным. Между тем и подобный пример возможно найти. В «Анатомии меланхолии» Бёртона приведено несколько десятков возможных причин меланхолии; среди них указывается и такая, как смерть друга. В этом разделе Бёртон говорит: «...у многих меланхолия возникает после пиршества, празднества, веселой встречи или какой-нибудь приятной забавы, если они случайно окажутся в одиночестве или предоставлены самим себе без какого-либо занятия, развлечения или обычных своих собеседников; у некоторых это вызвано единственно только отъездом друзей, хотя они вскоре вновь их увидят, тем не менее они плачут, стенают и глядят им вслед <...>. Монтан <...> упоминает об одной своей соотечественнице, которая, расставшись со своими друзьями и родными местами, впала на долгие годы в мучительную меланхолию <...>. При расставании же друзей одно только их отсутствие способно оказать столь неистовое воздействие, какое оказывает смерть».²⁷

Как кажется, совокупность приведенных данных показывает, что «Дневник одной недели» может рассматриваться как рассказ о человеке, пребывающем во всяком случае на грани безумия, и уж, безусловно, человека этого можно назвать меланхоликом.

Хочется сделать еще одно замечание. Я не зря начал свое рассуждение о безумии в «Дневнике» с очень общего контекста гносеологических трактатов. Несомненно, говорить о безумии в «Дневнике» можно только в этом — широко толкуемом — смысле. Герой «Дневника» не представляет собой медицинского клинического случая больного меланхолией из тех, что описывали цитированные врачи. Он не считает себя королем Франции, не подписывается «Христос», не полагает, что у него стеклянная голова. Он просто задается одним — сомнительным с точки зрения морали — вопросом: а верны

²⁵ Piozzi H. L. British synonymy; or an attempt at regulating the choice of words in familiar conversation. London, 1794. Vol. 1. P. 157.

²⁶ «Le mélancholique est dans un état de langueur & d'anxiété: sa tristesse est morne & inquiete» (Roubaud P. J. A. Nouveaux synonymes françois. Paris, 1785. T. 3. P. 170).

²⁷ Бёртон P. Анатомия меланхолии. М., 2005. С. 574—575.

ли ему друзья, и, не имея возможности отказаться от размышлений над ним, приходит к совершенно ложному, расходящемуся с реальностью ответу.

«Дневник», на мой взгляд, написан Радищевым как зримый образец путей человеческого заблуждения, основная проблематика его — гносеологическая. Герой Радищева — ученый-философ (в первый же день он сообщает о себе, что до начала действия «Дневника» он часто искал уединения, и в нем «разум преследовать тшился истине»). И вот он, этот философ, поддавшись страсти и меланхолии — неизбежному следствию искомого им одиночества, — теряет рассудок и едва ли не человеческий облик. Логика «Дневника» как гносеологического исследования повторяет, по сути, структурную логику трактата «О человеке»: отдавая наш разум и наши знания о мире исключительно нашим чувствам (а чувства — зрение, слух, и т. д. — бесстрастно раз за разом сообщают герою, что друзей сейчас рядом нет), мы вынуждены отказать в объективном существовании таким неощутимым явлениям, как существование души или любовь и верность друзей; явлениям, без признания которых человек перестает быть человеком и становится всего лишь «гордым насекомым».

Описания пограничных состояний сознания, тем более описания, созданные в форме рассказа от первого лица, — случай, в русской и европейской литературе XVIII—начала XIX в. не слишком распространенный. Прочтение «Дневника одной недели» вырывает его, как кажется, из того вакуума в контексте истории русской литературы, в котором он до сих пор находился. Полагаю, «Дневник одной недели» вполне может занять заслуженное место, и не только по праву первородства, в ряду таких шедевров, как «Дневник сумасшедшего» Н. В. Гоголя, ряд сочинений Достоевского, «Красный цветок» Гаршина, «Палата № 6» Чехова или «Школа дураков» С. Соколова.

И. Ю. ФОМЕНКО

**ФАКТОР ТИПОГРАФИИ СУХОПУТНОГО
ШЛЯХЕТНОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА
П. П. СОМ: ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИЖНОЙ
ТОРГОВЛИ КОНЦА XVIII ВЕКА**

В конце 1787—начале 1790 г. в газете «Санктпетербургские ведомости» печатал многочисленные книгопродавческие объявления фактор типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса П. П. Сом,¹ один из многих иностранцев, привлеченных в Россию бурным развитием типографского и книготоргового дела при Екатерине II. Оказавшись в Петербурге, он активно включается в книготорговый процесс. В объявлении от 17 декабря 1787 г., самом раннем из выявленных, сообщалось о продаже «у Сомы, живущего против Манежи Кадетского корпуса», иностранных книг, «также минерального кабинета» «и еще берлинских и готтских календарей».²

В 1788 г. в ряде номеров газеты повторялось следующее объявление: «В типографии Сухопутного Кадетского корпуса у фактора Сомы вступили в продажу: заморские календари десяти сортов на 1789 год, на франц. и немец. языках, в тафте и на пергаменте, также более ста сортов на тафте печатных поздравлений на Новый год,

¹ Фактор — важная фигура в книгоиздательском деле того времени. В Европе фактором называли либо мастера наборного цеха, либо — чаще — администратора, начальника наборного цеха, или в широком смысле — начальника (руководителя) того или иного подразделения типографии. В российской практике фактор нередко выполнял также функции комиссионера, посредника, занятого, как правило, не только распространением продукции своей типографии, но и реализацией взятых на комиссию изданий других типографий, в том числе и полученных из-за границы.

² Санктпетербургские ведомости. 1787. № 101. С. 1379, 1394, 1438 (повторено 21 и 31 декабря). В этих объявлениях находится указание на местонахождение торговли Сомы, сообщенное А. А. Зайцевой в монографии «Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII в.» (СПб., 2005. С. 322) с неточным указанием года подачи объявления (1788).

также французские, немец. и российские дивизы».³ Имелся и другой вариант объявления: «В типографии Сухопутного Кадетского корпуса у фактора Сома продаются 9 сортов с вчерашнею почтою из Берлина привезенных хорошо деланных серебрянных медалей, с надписаниями поздравлений на Новой год, и с печатным описанием знаменования каждой особо, также разные заморские календари на фр. и немец. языках, и различных сортов поздравлений на новой же год, на тафте искусно печатанных».⁴ В объявлениях 1788 г. сообщалось также о продаже «в типографии Сухопутного кадетского корпуса у фактора Сома» «многих словарей и книг» на русском и европейских языках, а также картин («собрание голандских и ита-лианских живописей лучших мастеров»), игры «общественная беседа», «номеров для библиотеки», «десертных билетов», английской и голландской бумаги.⁵

В объявлении от 28 ноября 1788 г. сообщается о продаже картин и гравюр («эстампов»): «...в типографии Сухопутного кадетского корпуса у фактора Сома продаются печатные рисунки мундиров всех наместничеств Российского государства, кои весьма искусно раскрашены, также иностранных земель календари на 1789 год на фр. и нем. языках в тафтяных и пергаментных переплетах. У него же могут охотники до живописи и до рисунков получать безденежно роспись имеющимся у него живописям и рисункам».⁶

Каждое из этих объявлений повторяется несколько раз. Очевидно стремление Сома не ограничиваться продажей русских и иностранных книг. Он предлагает покупателям календари, медали, разнообразную акцидентную типографскую продукцию («надписи», «дивизы», «номера для библиотеки» и пр.).

Особый интерес представляет объявление Сома от 6 ноября 1879 г. о подготовке издания русского перевода известной книги И. Г. Циммермана (1728—1795) «Образ народного любочестия» («Von Nationalstolze»): «В типографии <...> Кадетского корпуса у находящегося при оной фактора Сома печатается российский перевод известной под именем О народной гордости книги: сочинения его великобританского величества лейб-медика <...> Циммермана, под названием: Образ народного любочестия. Издатель онаго творения всепокорнейше просит всех г. любителей российской литературы для вящего в сем его предприятии пособия, о подписке на будущее издание».⁷ В Санкт-Петербурге подписка принималась у самого Сома, а в Москве «у книгопродавца Сент-Марка», причем сообщалось, что в книге будет помещен список подписчиков.

³ Санктпетербургские ведомости. 1788. № 100. С. 1462 (15 дек.).

⁴ Там же. № 104. С. 1517 (29 дек.).

⁵ Там же. № 32. С. 435—436 (21 апр.).

⁶ Там же. № 95. С. 1395.

⁷ Там же. 1789. № 8, 9. С. 1412 (6 нояб.).

Итак, для своего дебюта в роли издателя Сом выбирает книгу Циммермана — «произведение огромной эмоциональной силы. В книге дано изложение нравственного кодекса патриота и гражданина, просветительское понимание человека».⁸ Издание, о подготовке которого сообщает Сом, вышло в свет в 1793 г. под заглавием «Рассуждение о национальном любочестии» без списка подписчиков.

В начале 1790 г. объявления Сомы перестают появляться в «Санктпетербургских ведомостях». Следующее упоминание его имени находим в той же газете спустя почти 8 лет. В номере от 29 мая 1797 г. сообщалось: «Сего мая 30 числа, если не повстречается тогда каких препятствий и в следующие по том дни в четыре часа по полудни продаваться будут с аукциона в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе принадлежащая бывшему при Корпусной типографии фактором иностранцу Сому, с давнего времени в неизвестное место посланному, разные краснаго и простого дерева мебели, книги на разных языках и вещи, состоящие из комнатнаго убору, столовой посуды и проч. Желаящие покупать, могут пожаловать в вышеозначенныя числа сказаннаго корпуса в типографию...»⁹

И деятельность Сомы, и его внезапное исчезновение не остались без внимания исследователей. Еще в 1915 г. П. Столпянский в статье «Из прошлого Рыцарской академии» цитировал помещенные Сомом в «Санктпетербургских ведомостях» объявления, в том числе о подписке на Циммермана.¹⁰ Объявление 1797 г. о продаже его имущества привлекло внимание А. А. Зайцевой. Исследовательница отмечает: «В годы наступившей реакции в начале 90-х гг. книгопродавецкие объявления, отражающие все изменения общественной жизни, почти исчезли со страниц газет».¹¹ По ее наблюдениям, в годы Великой Французской революции особенно драматичным было положение иностранных, прежде всего французских, книгопродавцев, которые постоянно «подозревались правительством в распространении сочинений, проникнутых «философическою вольностию»: «За малейшую оплошность любой из них, подобно фактору типографии Сухопутного кадетского корпуса Сому <...> неожиданно мог оказаться в опале и исчезнуть».¹²

Однако Сом не исчез бесследно, имеются как архивные, так и печатные источники начала XIX в., многое проясняющие в его судьбе.

Весной 1801 г., в самом начале правления Александра I, Сом снова оказывается в Петербурге. При этом он не только заявляет свои права на имущество, проданное с аукциона в 1797 г., но и из-

⁸ *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин: Творческий путь. М.; Л., 1961. С. 317.

⁹ Санктпетербургские ведомости. 1797. № 43. С. 858.

¹⁰ *Столпянский П.* Из прошлого Рыцарской академии // Педагогический сборник. 1915. № 1. С. 38—60.

¹¹ *Зайцева А. А.* Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII в. СПб., 2005. С. 188.

¹² Там же.

дает в типографии Кадетского корпуса книгу «Усердная жертва Богу и государю. Или описание эмблемат и надписей при иллюминациях, которыми светлыя воскресения Христовы и высокаторжественныя дни от 1791 до 1801 года праздновал в городе Вельске, а ныне издал с рисунками нещастный швед Петр Сом».¹³ Этот человеческий документ не привлек внимания историков книги.

Второй важный источник биографии П. Сомы — архив Кадетского корпуса, хранящийся в РГВИА.¹⁴ В этом архиве обнаружено «Дело о бывшем факторе Соме, касающееся имения его. 1801. Начато 16 мая 1790 году. Конч. 24 1801», насчитывающее 20 листов.¹⁵ Это второй важнейший источник биографии Сомы. «Дело» позволяет понять, что стоит за газетным объявлением 1797 г. о продаже его имущества. В 1797 г. барон К. Аш подает следующий рапорт: «В Императорский Шляхетной Сухопутной кадетской корпус от находящегося при оном Корпусе в типографии коллежского асессора барона Казимира Аша

Рапорт

Находятся при типографии онаго Корпуса разные вещи бывшего при оной типографии фактора Петра Сомы, но как оной сослан с давнего времени неизвестно куды, то оная типография имеет нужду в покаях, которые заняты для поклажи книг, представляет Императорскому Шляхетному сухопутному кадетскому корпусу, не соблаговолено ли будет оныя вещи с аукциона продать. Мая 3 дня 1797 г.» (Л. 7).

В деле хранится также опись имущества Сомы и отчет о его продаже с указанием покупателей (Л. 13—16 об., 20).¹⁶ От продажи имущества было выручено 306 руб. 30 коп. За вычетом 5 руб. 50 коп., потраченных на подачу газетных объявлений об аукционе, сумма составила 299 руб. 80 коп.

В деле имеется также рапорт подполковника Андреевского, который непосредственно занимался организацией аукциона, причем приобрел многие вещи из имущества Сомы. Андреевский сообщает, что по вмешательству академика Л. Ю. Крафта, профессора математики в Кадетском корпусе, часть имущества была снята с продажи: «Имею честь представить и донести, что во время сего аукциона

¹³ Упоминание о книге см.: Поважье в XVIII—XX вв.: Важский уезд -- Вельский уезд -- Вельский район: Аннотированный библиогр. указатель. Вельск, 1999. С. 23 (№ 45). Данных об авторе краеведы не сообщают.

¹⁴ Благодарю А. Ю. Самарина за указание местонахождения архива Кадетского корпуса.

¹⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4068. Дата 1790 г. от руки зачеркнута, поверх написано 1801 г. Сноски на содержащиеся в «Деле» документы даются в тексте с указанием листа дела.

¹⁶ Из 150 листов «естампов разных» 100 купил купец П. Ступин, активно сотрудничавший с типографией Корпуса (Л. 20 об.).

господин профессор Крафт предъявил: назначенные в продажу по публикации имеющиеся по описи в немалом количестве все почти на шведском языке разные книги, по какому-то случаю фактору Сому в руки доставшие, к имению его Сом никак не принадлежат; а посему я и продавать оные остановил, испрашивая, не повелено ль будет позволить оные книги г. профессору Крафту получить, естли он подлинное доверие о сем в Корпус предъявит. 1797 году октября 31 дня» (Л. 17). В результате во время аукциона не было продано «книг разных в французском и простом переплетах до восьми сот семи, кои все почти на шведском языке» (Л. 20 об.).

Об этом эпизоде упоминает и Сом, который сразу по возвращении в Петербург заявил свои права на имущество или по крайней мере вырученные за него деньги, подав в мае 1801 г. следующее прошение: «В 1-й Кадетский корпус от бывшего прежде онаго корпуса в типографии фактором Сом

Прошение

Уведомился я, что оставшияся после меня мои вещи по неизвестности Корпусу о моем пребывании оным с аукциону проданы, то 1-й Кадетский корпус покорнейше прошу вырученные за сии вещи деньги мне выдать, а с описи оным и за какую цену проданы дать с засвидетельством копию. Касательно же до разных книг моих, как господин профессор Крафт Корпусу объявлял, что будто к имению моему не принадлежат, то о принадлежности оных мне имею представить от него, Крафта, письменное уведомление и тогда удовлетворением меня не оставить

Петр Сом» (Л. 3).

Деньги за вырученное имущество Сом получил, а книги, видимо, нет. В деле хранится записка К. Аша о получении Сомом вырученных от продажи его имущества денег: «К 1-му Кадетскому корпусу сего 27 мая 1801 года № 128 Санктпетербург. Доношу, что по полученному сего числа ордеру, хранящемуся при казне корпуса, полученные мною от отставного генерал-лейтенанта и кавалера Андреевского за проданные с аукциону вещи после бывшего при корпусной типографии фактора Сомы деньги, 299 руб. 80 коп., кои сего числа явившемуся лично упоминаемому Сому означенные деньги с роспискою с полна выданы. Барон Аш главный казначей» (Л. 2).

Кроме того, в деле имеется записка на немецком языке следующего содержания: «Возражения, которые я высказал прежде против публичной продажи книг г-на Сомы на том основании, что те же книги, одновременно принадлежащие академику Лекселю, находятся у него на хранении по доверенности, в настоящий момент после возвращения Сомы вновь подтверждаю. Крафт» (Л. 4 об.).

Проясняется, что Сом брал на комиссию целые книжные собрания и коллекции картин. У него на комиссии находилась библиотека адъюнкта Академии наук, профессора астрономии Андрея Иоанновича Лекселя (1740?—1784). В конце 80-х гг. XVIII в. у Сома находились также книги и картины, полученные от некоего Сварта (Swart). В «Деле о бывшем факторе Соме» имеются фрагменты переписки Сварта с «начальником» Коллегии иностранных дел И. А. Остерманом на французском языке 1790 г., в которых Сварт заявляет свои права на часть книг и картин, хранящихся в составе имущества Сома. В «Деле» имеется «Письмо к его превосходительству вице-канцлеру Остерману от Сварта», фрагменты списков картин и книг, которые «Петр Петерсон Сом книгопродавец и печатник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса получил от нижеподписавшегося на продажу» (Л. 8—12). Видимо, именно коллекцию Сварта Сом рекламировал в объявлении от 25 января 1789 г., сообщая о продаже «собрания хороших и редких эстампов, из 50 больших картин состоящее, живописи великих мастеров, как то Монтанья, Вика, Виттерингера, Кревса, Карре, Гилярда, де Гема, Жема и фон Атрехта, Жана и Класа Молнера, Руздаля, Бракенберга, Верборма, Берхена, Елсгеймера и Дальмана»,¹⁷ поскольку в рукописном списке картин упоминается работа Берхена (Berchen). Часть находившихся на комиссии у Сома картин была возвращена владельцам: в списке его имущества имеется позиция «Картин живописных в рамках 5» с пометой «возвращены чьи были, и расписка есть» (Л. 14).

Главная задача, которой Сом активно занимается по возвращении в Петербург, — подготовка книги о своей ссылке. Книга была издана в типографии 1-го Кадетского корпуса с поражающей оперативностью. Сом возвращается в Петербург в период между 3 апреля и 27 мая 1801 г. (это дата последней записи, сделанной в Вельске, и дата получения Сомом денег). 7 августа 1801 г. книга уже прошла цензуру (цензор Туманский), а 12 сентября 1801 г. Сом заплатил типографии за работу: «Сентября 12. Получено с Петра Сома за напечатание описания иллюминаций, состоящую семь листов с половиною сто пятьдесят экземпляров за набор и печать по договорной цене три рубли пятьдесят копеек за лист двадцать шесть рублей двадцать пять копеек да за печатание на градированных фигурах подписей сто пятьдесят экземпляров два рубли, всего двадцать восемь рублей двадцать пять копеек».¹⁸

Безусловно, Сому помогли старые связи в типографии Корпуса. В изготовлении иллюстраций к книге сотрудники типографии оказали Сому срочную и бескорыстную помощь, «из усердия и без

¹⁷ Санктпетербургские ведомости. 1788. № 7. С. 89.

¹⁸ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4072. Л. 4 об.

корыстолюбия» (С. [7]).¹⁹ В начале книги Сом горячо благодарит коллежского регистратора М. Шустова и канцеляриста А. Котова, которые «по собственному желанию и трудолюбию <...> рисовали копии со всего, коих (!) что на триумфальных воротах изображено было, около пятьдесят рисунков, кои и ныне у меня хранятся» (С. [7—8]).

Книга открывается пространным посвящением «покровителям и высоким благодетелям» Сомы, среди которых имена достаточно влиятельных общественных и государственных деятелей России конца XVIII—начала XIX в., в первую очередь связанных с Вологодой и Вологодской губернией: вологодский гражданский губернатор А. А. Горяинов, вологодский вице-губернатор А. А. Тернер, А. А. Беклешев, Д. Б. Толстой, Д. С. Ланской. Видимо, они способствовали его освобождению из ссылки: «Милостивейшие государи! Видя себя по неизреченной всеавгустейшаго нашего монарха милости освобожденным от одиннадцать (!) лет претерпеннаго страдания, поставляю себе первым долгом благодарить Вас, покровители и высокие благодетели мои!» (С. [3—6]).

Город Вельск, в котором прошли 10 лет жизни П. П. Сомы, в XVIII в. входил в состав Вологодской губернии (ныне входит в состав Архангельской области). Вельск получил статус уездного города Вологодской губернии по указу Екатерины II от 25 января 1780 г. Тогда же «в городе были открыты присутственные места: городническое правление, уездный и нижний земский суды, уездное казначейство, словесный суд».²⁰ В 1784 г. появился план генеральной застройки Вельска; «с 1794 г. начинается регулярная застройка города, в 1797 г. в Вельске уже насчитывалось 38 новых зданий на отведенных по плану местах и 32 дома старой постройки». Украшением города был Троицкий собор, построенный в середине XVIII в.²¹

Вельск конца XVIII—начала XIX в. подробно описан в известном «Географическом словаре российского государства», составленном Л. М. Максимовичем и А. Щекатовым: «...от Вологды в 280 ½ верстах, между реками Вельюю и Вагою. <...> Положение его на высокой горе, из которой бьет ключ вкусной и легкой воды, сухое и веселое <...>. Ярморок по новости города еще нет <...>. Фабрик и заводов никаких нет <...>. Места зыбучие и леса великие». Однако в городе было развито земледелие, рыболовство, торговля; из

¹⁹ Сом П. П. Усердная жертва Богу и государю. Или описание эмблемат и надписей при иллюминациях, которыми светлая воскресения Христовы и высокаторжественныя дни от 1791 до 1801 года праздновал в городе Вельске, а ныне издал с рисунками несчастный швед Петр Сом. — В Санктпетербурге: Печатано при I. Кадетском корпусе, 1801. Ссылки на кн. Сомы даются в тексте с указанием страницы.

²⁰ Вельск мой — маленькая Русь! Архангельск, 2007. С. 22.

²¹ Там же.

промыслов — курение смолы и дегтя (на гербе города изображалась бочка дегтя).²²

Сведения о себе Сом сообщает сбивчиво и отрывочно. Однако картина вырисовывается яркая. Не называя причину своей ссылки, Сом всячески подчеркивает, что страдает безвинно. Сом делит свое десятилетнее пребывание в Вельске на три периода: 1791—1795 гг., 1796—1797 гг. и 1798—1801 гг. (с. [9—12]). Первый период, видимо, был особенно тяжел, хотя в конце ноября 1791 г. Сом «получил облегчение в прискорбном житии» (С. 1). Какое-то время он не имел даже права свободно ходить по городу: «Два дни перед сим праздником получил он от начальства дозволение свободно ходить по городу, которое ему прежде запрещено было» (С. 7).

Самым благополучным для Сома, видимо, был период 1796—1797 гг. В эти годы Сом занимает квартиру в центре города, «против самага Троицкаго собора» (С. 9). Всего за 10 лет он четырежды менял квартиру. В декабре 1796 г. «по милости благодетеля моего, бывшего в то время исправника, а ныне надворного советника и городничего в губернском городе Вятке» Аврамова он даже имел «готовые стол и квартиру» (С. 37).

Пребывание Сома в Вельске — не только факт его биографии, но достаточно яркий эпизод жизни небольшого провинциального города. Книга неопровержимо свидетельствует, что в ссылке Сом не сломался: он оказывает медицинскую помощь населению (С. 5), сочиняет стихи на шведском (С. 17), разводит сад «по шведскому вкусу» (С. 33). Мало того, он занимается благотворительностью, в праздничные дни задает званые обеды с музыкой и пением, приглашая на них городскую верхушку — городничего, уездного судью, а солдатам, больным, «здешним убогим» подает по булке и «рюмке вина» (С. 41).

На протяжении десятилетнего пребывания в Вельске Сом неукоснительно отмечает дни тезоименитств членов царской семьи, годовщины коронаций, церковные праздники. Поводы самые благопристойные: «Все предки мои были роялисты, и хотя я несчастен, однако подражаю их примеру и по самую смерть готов умереть за Главу и Тело Государства» (С. 21). С другой стороны, Сом ощущает свою связь с родиной, празднуя также шведские памятные даты (С. 21—22). В праздничные дни Сом иллюминирует собственные окна, изготавливает сооружения, украшенные аллегорическими изображениями, в том числе триумфальные ворота. Основное пространство его книги и отведено описанию этих торжеств.

Празднества, подробно описанные и отчасти воспроизведенные в иллюстрациях к книге Сома, — очевидный материал для культурологического исследования. Особенно любопытна их ал-

²² Максимович Л. М., Щекатов А. Географический словарь Российскаго государства. М., 1801. Ч. 1. А—Г. С. 783—789.

легорическая составляющая. «Традиция викторианских торжеств», появившаяся в России в конце XVII в., достигла своего расцвета при Петре I, а во второй половине XVIII в., в правление Екатерины II, начала выходить из моды.²³ Данный тип торжеств предполагал использование сложных аллегорических и эмблематических построений, нередко сопровождавшихся комментариями.²⁴ Книга Сомы — несколько неожиданное свидетельство актуальности этой традиции в русской провинции конца XVIII в.

Деятельность Сомы не могла остаться без внимания жителей небольшого уездного города: «Многие люди из города и ближних деревень пришли ради смотрения сей иллюминации, и многие меня посетили, коим я поднес по рюмке вина» (С. 24); «собирались не токмо здешние, но и деревенские жители для смотрения сей иллюминации по причине редкости» (С. 8).

Отношение к Соме со стороны городских властей было двойственным (С. 15—16). Его поведение, разумеется, причиняло хлопоты городским властям, что не мешало им принимать приглашения на задаваемые Сомой обеды и даже участвовать в организованных им благотворительных акциях. В последние годы Екатерининского царствования Сом был особенно активен в смысле организации торжеств.

В царствование Павла I у Сомы возникают новые проблемы. В июле 1797 г. его вельская ссылка ненадолго прервалась: «26 числа того месяца я ошибкою начальства послан был с четырьмя благородными людьми к крепостной работе в город Нарву, но божиею милостию скоро потом от оной освобожден был» (С. 40). Таким образом, сумбур Павловской эпохи захлестывает и провинцию.

Меняется и отношение к нему городских властей; его деятельность начинает вызывать их нескрываемое беспокойство. По крайней мере однажды Соме пришлось снять иллюминацию до окончания пасхальной недели. Причиной более серьезного конфликта послужили триумфальные ворота. «По дозволению градского начальника господина городничего Боковикова, нарочно построены были триумфальные ворота» (С. 23), при попытке уничтожить которые Сом оказал сопротивление. Затем он искал правды у вологодских властей: «...картину, украшающую ворота, имел я щастие избавить от рук злодеев и за сие мое усердие около двух годов страдаю и запрещен от обхождения честных людей. <...> Смотри о сем ордер г. губернатора Нормана от 31 марта 1799 года к Вельскому г. городничему Боковикову, которой о сем деле объяснение более дает» (С. 18).

²³ Фейерверки и иллюминации в графике XVIII в. Каталог выставки. Л., 1978. С. 13.

²⁴ См.: Праздничный Петербург / Авт. и сост. Д. Л. Пиратинская. СПб., 2003. С. 7—8.

Действительно, в книге воспроизведено письмо гражданского вологодского губернатора Федора Нормана к участнику задаваемых Сомом обедов вельскому городничему Боковикову от 31 марта 1799 г. «по поводу вступившей ко мне от <...> арестанта Сома прозбы». Однако губернатор за Сома не заступился: поскольку уничтоженные ворота «есть его (Сома. — И. Ф.) собственность, то хранение оных в обязанность городничего не мало не входит; что же лежит до причиненной ему от солянаго пристава Молчанова обиды, то может отыскивать своего удовольствия где следует по законам» (С. 45).

В последние годы XVIII в. городские жители даже опасаются демонстрировать знакомство с Сомом: «В сей праздник изволил только добрый уездный судья господин Малыгин по долгу христианскому и благородной смелости <...> посетить того, который находился в болезни и горести, и присудствовал при моей секретной иллюминации, или усердном Жертве Богу и Государю» (С. 22).

Неудивительно, что, получив известие о смерти Павла I, Сом экспансивно выражает надежду на милосердие нового царя (С. 18—20). В записи от 24 марта 1801 г. он упоминает четверых, «которые со мной в здешней губернии и в Нарвской крепости страдали, но ныне слава всевышнему Богу получили не только высочайшия милости и освобождение свое, но даже и награду», и выражает надежду на скорую перемену участи (С. 20). Последняя по времени из опубликованных в книге — запись с пометой «писано карандашом в темнице моей 1801 года, апреля 3 числа» (С. 22).

Судя по архивным документам, по возвращении из Вельска в Петербург Сом не спешил покинуть Россию. После получения причитающихся ему денег и выхода книги Сом остается в Петербурге, причем его деятельность по-прежнему связана с типографией Кадетского корпуса. В июне 1801 г. Сом приобретает экземпляр книги И. Г. Циммермана, изданием которой он занимался много лет назад.²⁵ В 1802—1803 гг. он возобновляет свое присутствие на книжном и полиграфическом рынке. Судя по данным типографских учетных книг, в которых зафиксированы заказы на изготовление печатной продукции, Сом почти не издает книг. Исключение составляет заказ на печатание «стихов на немецком языке состоящие в 1/2 листа девяносто шесть экземпляров за набор и печать два рубля». Он оплачивает также изготовление листа «Вопросы и ответы на трех языках». Главным образом Сом оплачивает многочисленные заказы на изготовление разнообразной акцидентной типографской продукции. Это наклейки к штофам, конфетные билеты, бланки контрактов, билеты для лотереи: «18 янв. 1802 г. Получено от иностранца Петра Сома за напечатание гадательных билетов двести сорок экземпляров три рубли стихов на бракосочетание на немецком

²⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4072. Л. 64.

языке семьдесят четыре экземпляра два рубли, для разыгрывания лотереи девяносто билетов два рубли, всего семь рублей».²⁶ К сожалению, с уходом с должности руководителя типографии Кадетского корпуса К. Аша форма отчетности по типографии упрощается. Начиная с 1804 г. в типографских книгах перестают фиксировать информацию о частных заказах. Последний заказ П. П. Сома датируется 31 дек. 1803 г. Сведения о его дальнейшей судьбе пока не обнаружены.

Судьба Петра Петровича Сома — драматический эпизод из истории русской книжной торговли второй половины XVIII в. Этот человек, связавший свою судьбу с Россией и не сломавшийся, не сгнувшийся в чужой стране, достоин уважения и памяти, не должен подлежать забвению. Выявление материалов о Сома следует продолжить. Прежде всего так и неизвестно, что послужило непосредственной причиной его ссылки. Здесь могла сыграть роль и профессиональная деятельность (продажа французских календарей, надписей и «дивизов» времен Французской революции), и его шведское происхождение. Пребывание Сома в Петербурге и его ссылка совпали по времени с резким обострением дипломатических отношений между Россией и Швецией и Русско-шведской войной 1788—1790 гг.: «Нешастие мое началось 1790 года 12 марта» (С. 20). Эти события не могли не отразиться на судьбе живущих в России шведов.²⁷ Однако завершение военных действий и подписание Верельского мирного договора не оказали положительного влияния на судьбу Сома.

В 1798 г. Сомом интересовалась Государственная коллегия иностранных дел; в его «Деле» имеется следующий запрос: «В Государственную коллегия иностранных дел, из Канцелярии Императорского Сухопутного шляхетного корпуса благоволено б было доставить в непродолжительном времени сведение, в чем состоит оставшееся и секвестированное в оном корпусе в 1789м году имение шведского уроженца Петра Сума, бывшего типографщиком в ведомстве реченного корпуса. Октября 29 дня 1798 года. На подлинном подписал, секретарь Василий Поленов» (Л. 5). Отмечу, что в типографских книгах Сома называют то «бывшим при корпусной типографии фактором Петром Сомом», то «иностранцем Петром Сомом».

Таким образом, документы о его ссылке могли сохраниться не только в архивах Вологодской и Архангельской губерний, но и в архиве МИДа. Кроме того, на родине Сома могут быть выявлены ма-

²⁶ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4090. Л. 2. Записи о заказах за 1802 г. см.: Там же. Л. 3, 3 об., 5--5 об., 7--7 об., 8 об. О заказах за 1803 г. см.: Там же. Д. 4105. л. 2, 3--3 об., 5 об., 7, 8 об.

²⁷ Кукушкина Е. Д. Густав III в русской литературе XVIII века // XVIII век. Сб. 25. СПб., 2008. С. 69.

териалы о его семье: в книге упомянуты его дед, «бабка от фамилии Тернер», приводится дата рождения отца — 1726 г. (С. 17). Возможно, данная публикация привлечет к себе внимание шведских историков, поскольку фигура Сома представляет несомненный интерес для всех, кому дороги как русская, так и шведская культура.²⁸

²⁸ Тезисы доклада, содержащего краткую информацию о книге П. Сома и ее авторе, см.: *Фоменко И. Ю.* Вельский ссыльный П. П. Сом и его книга «Усердная жертва Богу и государю» (СПб., 1801) // Книжные собрания Русского Севера: Проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности: Сб. статей. Вып. 4. Архангельск, 2009. С. 82—84.

Л. Г. АГАМАЛЯН

**КНИГА П. Г. ГАГАРИНА
«ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ, ИЛИ ФИНЛЯНДИЯ»
И ПАРОДИЯ НА НЕЕ П. А. ОЛЕНИНА
«ТРИНАДЦАТЬ ЧАСОВ, ИЛИ ПРИЮТИНО»**

Небольшая книжка «Тринадцать дней, или Финляндия» (St-Pbg., 1809) была написана и опубликована анонимно в 1809 г. князем Павлом Гавриловичем Гагариным (1777—1850), генерал-адъютантом, сопровождавшим в 1809 г. Александра I в его поездке в Финляндию.¹ В том же году в московской типографии Платона Бекетова был издан ее русский перевод, а в «Русском вестнике» С. Н. Глинки были помещены отрывки в переводе на русский язык.² Переводчики в обоих случаях не названы.

Благодаря актуальности темы, книга сразу привлекла к себе внимание. Так, В. А. Жуковский в письме к А. И. Тургеневу из Белева от 15 сентября 1809 г. просил прислать ему «„Les treize journées“ de Gagarine».³ Чуть раньше 4 августа 1809 г. в письме к А. С. Кайсарову А. И. Тургенев упомянул «Тринадцать дней...», назвав сочинение Гагарина «сентиментальным психологическим и статистическим путешествием» и «пустой книжкой».⁴ Однако современный исследователь Н. М. Молева, со ссылкой на Н. И. Новикова, отмечает, что труд Павла Гагарина относился к числу изданий, которые «весьма похвалялись современниками».⁵

«Тринадцать дней» — первая русская книга о Финляндии.⁶ Год спустя в «Вестнике Европы» был опубликован очерк К. Н. Батюш-

¹ См. о нем: *Кочеткова Н. Д.* Павел Гаврилович Гагарин // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 191.

² *Русский вестник.* 1809. Ч. 8. № 1. С. 351—390.

³ *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 466.

⁴ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 393.

⁵ *Молева Н. М.* Московские загадки. М., 2008.

⁶ См.: *Науменко В.* «Здесь, на конце России исполинской...». Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII—начала XIX века. Ярославль, 2010. С. 343—359.

кова «Картина Финляндии. Отрывок из писем русского офицера», с описанием суровой природы северной страны.⁷ В 1841 г. Я. К. Грот в письме от 5 февраля к П. А. Плетневу, собиравшему материал для статьи «Финляндия в русской поэзии», писал: «Батюшкова картина Финляндии здесь (в Финляндии. — Л. А.) вовсе не пользуется репутацией *верности*, напротив! Притом она уже известна финляндцам, и вы о ней много не распространяйтесь. Известны ли вам письма князя Гагарина (кажется) из Финляндии, под заглавием: *Тринадцать дней в Финляндии*. Пробегите ее: может быть, что-нибудь выпишите».⁸ По мнению эстонского исследователя Эйно Карху, в книге Гагарина особенно интересны сведения о характере финской народной культуры, несмотря на то что они заимствованы, как предупреждает сам автор, из некоего иностранного сочинения.⁹ Художественные достоинства книги Гагарина Эйно Карху ставит под сомнение, предполагая, что именно поэтому П. А. Плетневу не воспользовался советом Я. К. Грота.

Князь П. Г. Гагарин начал свою литературную деятельность в тринадцатилетнем возрасте с перевода книги Дж. Литтлтопа «Опыт чувствительности, или Письмо одного персиянина из Лондона к другому». Перевод был осуществлен с французского перевода Ж.-П. Флориана и опубликован в 1790 г. В последующее десятилетие Гагарин печатал в журналах «Чтение для вкуса» и «Приятное и полезное» стихи, подписывая их «К. П. Г.» и «Кн. Па. Га.». В 1811 г., собранные вместе, они составили поэтический сборник «Эротические стихотворения» (СПб., 1811). Однако в историю русской литературы П. Г. Гагарин вошел прежде всего как автор книги «Тринадцать дней, или Финляндия».

Сочинение князя П. Г. Гагарина было посвящено одному из важнейших политических событий начала XIX в. — присоединению Финляндии к России, ставшему главным итогом Русско-шведской войны 1808—1809 гг., и, следовательно, — исполнению Петровских планов по достижению безопасности северо-западных границ России.

Зимняя кампания 1808 г. была для русской армии очень успешна. Весной русская армия одержала выдающуюся победу: была взята неприступная крепость Свеаборг, «Гибралтар Севера». Уже спустя месяц после начала войны (9/21 февраля 1808 г.), русское правительство

⁷ Очерк написан во второй половине 1809 г. Дата в конце текста проставлена автором. Впервые напечатано: Вестник Европы. 1810. № 8, с заголовком: «Картина Финляндии. Отрывок из писем русского офицера». К. Н. Батюшков находился в Финляндии в составе русских войск с мая 1808 по май 1810 г.

⁸ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1—3. СПб., 1892. Т. 1. С. 230. Выделено автором.

⁹ Карху Э. Финляндская литература и Россия. 1800—1850. Таллин, 1962. С. 95—96.

смогло опубликовать декларацию «О ПОКОРЕНИИ ШВЕДСКОЙ (юго-западная часть) ФИНЛЯНДИИ И О ПРИСОЕДИНЕНИИ ОНОЙ НАВСЕГДА К РОССИИ».¹⁰ Декларация была односторонним актом России, изданным во время ведения военных действий, еще за год до формального окончания войны и подписания мирного договора со Швецией. Последовавший за этим переход шведской армии в наступление, партизанская война в Финляндии в течение осени, зимы и весны 1809 г. ничего не изменили, хотя и оттянули на целый год официальное заключение мира и привели к большим жертвам со стороны как русской армии, так и финляндского населения и шведских войск.¹¹

Заключение мира со Швецией должно было состояться (но не состоялось) 16 марта 1809 г. Александр I специально прибыл к этому времени в г. Борго (Порвоо). В свите императора находился и генерал-адъютант кн. Павел Гаврилович Гагарин. За день до этого Александром I был подписан манифест: «Марта 15-го дня 1809 г. Божьею Милостью Мы Александр первый Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая, Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого Княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимости и непреложной их силе и действии; во удостоверение чего и сию Грамоту собственноручным подписанием Нашим утвердить благоволили. В городе Борго Марта 15-го дня 1809 г.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако: Александр».¹²

После принесения всеми сословиями (первым финским сеймом) присяги 23 марта/4 апреля 1809 г. в церквях Финляндии был обнаружен еще один манифест: «Мы Александр I Царь и Самодержец Всей России etc. etc. etc. Великий Князь (в отношении к) Финляндии

¹⁰ ПСЗ. Т. XXX. 1808—1809. С. 129—130.

¹¹ 17/29 сентября 1808 г. в мызе Лахтая было подписано Соглашение о перемирии. Наступление возобновилось 15 октября 1808 г. 7/19 ноября 1808 г. в деревне Олькиоки (Ольки-йоки) было подписано новое перемирие, которое действовало до 6/18 марта 1809 г. В этот день русские войска форсировали р. Кемь и двинулись к шведско-финляндской границе. Полное военное поражение шведской армии, перенесение боевых действий на территорию коренной Швеции и создание угрозы взятия Стокгольма привели к государственному перевороту в Швеции, свержению короля Густава IV как монарха, проигравшего войну, и к просьбе нового шведского правительства начать переговоры о перемирии с Россией.

¹² Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 10.

etc. etc. etc. Сим объявляем: После того как собрали Мы Сословия Финляндии на общий Ландтаг и приняли их присягу верности, пожелали мы при сем случае, чрез торжественный Акт, в присутствии их изготовленный и в Святилище Всевышнего объявленный, укрепить и заверить (удостоверить) сохранение их Религии и grundlagar вместе с вольностями и правами, коими каждое Сословие в особенности и вообще все жители Финляндии пользовались. Вместе с тем сообщая этот Акт нашим верным подданным в Финляндии, желаем мы вместе с тем дать им знать, что т. к. Мы придерживаемся и сообразуемся с древним обычаем сей страны, то считаем Мы клятву Верности, свободно и без принуждения принесенную вообще Сословиями, а в частности и депутатами Крестьянского Сословия за себя и за место оставшихся дома собратий их, — за имеющую силу и обязывающую всякого жителя Финляндии, без исключения. Вполне убежденные, что добрый и честный Народ сей всегда будет в отношении Нас и наших Преемников сохранять ту же верность и нерушимую преданность, коими Он всегда отличался, Мы не преминем с помощью Всевышнего оказывать ему в дальнейшем доказательство Нашей постоянной Отеческой заботы об Его счастье и преуспевании. Борго, 23 марта 1809. Александр».¹³

Итак, «Тринадцать дней, или Финляндия» — сочинение, запечатлевшее торжество русского оружия и русской государственности.

Именно эта, документальная, если можно так сказать, сторона сочинения Гагарина удостоилась внимания С. Н. Глинки, поместившего в «Русском вестнике» перевод, названный «Выписки из книги под заглавием «Тринадцать дней, или Финляндия». Патриотическое направление журнала, заявленное эпитафией: «Мила нам добра весть о нашей стороне, // Отечества и дым нам сладок и приятен» (Державин), — определило содержание публикации. «Выписки» касаются пребывания Александра I в Борго, Гельсингфорсе и Або, присяги сейма; обозрения покоренных земель и крепостей, а также включают прилагающийся к основному тексту в виде второго параграфа (части) «сбор из книг»: «Нравственное обозрение Финляндии» и «Физическое обозрение Финляндии».¹⁴ Все остальное С. Н. Глинка опускает, включая даже упоминания о погоде, которые имеются в каждой записи автора, являясь почти лейтмотивом.

Между тем сочинение Гагарина объективно сложнее.

«Тринадцать дней, или Финляндия» написано в форме *дневника* и в жанре *сентиментального путешествия*, столь модном в конце XVIII—начале XIX в. В отличие от Путешественника Карамзина

¹³ Там же. С. 136—137.

¹⁴ В книге — «Моральный взгляд на Финляндию» и «Физический взгляд на Финляндию».

герой Гагарина едет не по своей прихоти, а «по казенной надобности»: он член свиты императора. По классификации Т. Роболи, путешествие Гагарина может быть отнесено к «гибридному типу, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.»¹⁵ Текст включает:

— описание официального визита, подробно и максимально объективно фиксирующего его по дням;¹⁶

— путевой очерк;

— субъективно-лирический дневник.¹⁷

Книга Гагарина содержит описания с приложением карт вновь приобретенных земель — диких, безлюдных и вместе с тем уже российских. Автор рисует торжественную картину церемонии въезда императора в Борго, обеда, открытия «диэты» (сейма), молебна, речи Александра I, присяги дворянства, духовенства, купечества и крестьянства, пребывание императора в Або... Наконец, в ней перечислены победы, одержанные «русскими орлами над шведскими львами», в том числе взятие знаменитого укрепления Свеаборга, «нового Гибралтара». Запечатлеть все это — цель автора, но не единственная.

Книга обладает всеми признаками «сентиментального путешествия»: дневниковой формой, приятностью слога, пестротой содержания. Она содержит бытовые наблюдения, рисует лица, костюмы, тон общества, бал, обед, включает анекдоты, замечания о местных нравах, рассуждения по различным поводам. Она наполнена самыми противоречивыми чувствами, содержит многочисленные стихотворные вкрапления, лирические отступления, как правило обращенные к возлюбленной. Рассыпанные по всему тексту, эти обращения соединяют пестрые впечатления в единое целое.

¹⁵ Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. Л., 1926. С. 48.

¹⁶ Например: «15 марта в Борго. <...> время приближалось к полудню, как колокола и пушки возвестили городу Борго прибытие Российского императора. Он показался верхом <...>. Его Величество проезжал между двух рядов войска своего и сошел в изготовленный для него дом. Тут принял он поздравления от Депутатов Финляндской диэты...»; «16 марта в Борго <...>. Балдахин из серебряной парчи, расцвеченной золотом и с вензелем АЛЕКСАНДРА, держанный четырьмя генерал-майорами, имевшими по четыре штаб-офицера ассистентами, ожидал Государя внизу лестницы. Император сошел около десяти часов утра, сел на трон и церемония началась» // Гагарин П. Г. Тринадцать дней, или Финляндия. М., 1809. С. 16—17. В дальнейшем все цитаты из книги Гагарина даются по этому, единственному изданию, с указанием страницы в круглых скобках.

¹⁷ Н. Д. Кочеткова в своей статье о П. Г. Гагарине приводит слова некоего офицера, вспоминавшего о беседах с ним: «...рассказы исторические, мешаясь с рассуждениями, передавались красивой речью, пересыланною веселюю острою». В этих воспоминаниях содержится и упоминание о том, что князь вел интересный дневник, из которого читал ему отрывки (*Кочеткова Н. Д.* Павел Гаврилович Гагарин // *Словарь русских писателей XVIII века.* С. 191).

Эти, если можно так выразиться, эпический и лирический планы равнозначимы. Уже название книги отменяет иерархию, хотя формально тема присоединения Финляндии и царского визита может показаться основной. Название же первой и главной части (параграфа) «Чувствования, или путешествие» подчеркивает общий сентиментальный характер книги.

Вторая часть обозначена автором, как «Сбор из книг, или наука на us, посвященная ученейшему». Она открывается пространным французским эпиграфом из Жозефа Бершу (Berchoux)¹⁸ о предпочтении простых домашних радостей тщеславной погоне за науками в чуждых странах. Выписки из книг автор посвящает «иссохшим от науки мужам», которыми «набит мир» и у которых «место гения занимает память, а место дарования чужие книги». При этом он шуточно сетует на то, что «злосчастная любовь» к Коре возмущает его спокойствие, отвлекая от «произведений чернильницы и пера».

Серьезность предмета исследования снижена авторской интонацией. Можно сказать, что стилистическая доминанта всей книги Гагарина — ироническая. Ирония подчас едва уловима, но присутствует даже в описаниях официального визита: «Колокола и пушки также участвовали в празднике, я забыл, было, то сказать; но разве не знают, что без их грома не бывает великих торжеств» (С. 18). «После был бал. <...> Праздник? Он был хорош; издержки достались Императору, честь Депутатам, а труд без удовольствия мне!» (С. 21).

Что касается лирических страниц сочинения П. Г. Гагарина, являющихся отступлениями от основной темы, то подчеркнутая серьезность наивных суждений и умозаключений, вытекающих из самых простых бытовых фактов, не позволяет усомниться в умысле, т. е. в авторской иронии, которая усиливается постоянными призывами к возлюбленной Коре.

«Отступления, бесспорно, подобны солнечному свету; — они составляют жизнь и душу чтения. — Изымите их, например, из этой книги, — она потеряет всякую цену: — холодная, беспросветная зима воцарится на каждой ее странице, отдайте их автору, и он выступает как жених, — всем приветливо улыбается, хлопочет о разнообразии яств и не дает уменьшиться аппетиту».¹⁹

Изъятие отступлений как раз и произвел С. Н. Глинка. Перевод, помещенный в «Русском вестнике», отличается подчеркнутым лаконизмом и строгостью.

В 1809 г. появился еще один особый отклик на книгу П. Г. Гагарина. Автором пародии «Тринадцать часов, или Приютино» стал

¹⁸ Жозеф Бершу (1765—1839) — французский поэт, автор шутивно-дидактических поэм.

¹⁹ *Стери Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 81.

14-летний портупей-прапорщик л.-гв. Семеновского полка Петр Алексеевич Оленин (1794—1868). Рукопись в виде тонкой тетрадки находится в фонде Олениных в ОР РНБ.²⁰ Сочинению предпослан эпиграф: «И моя денежка не щевата». Внизу листа подпись: «Соч. П. А. Оленина» и приписка сестры автора В. А. Олениной: «В насмешку путешествия Карамзина. В. Аленина».²¹

Предположение о том, что Петр Алексеевич Оленин, возможно, пародирует сочинение «*Les treize journées, ou la Finlande*» («Тринадцать дней, или Финляндия»), первым высказал В. М. Файбисович.²² Однако идею он не развил, предположив, что П. А. Оленин может пародировать собственно название популярной книжной новинки.

По размеру «насмешка» Оленина соотносится с книгой Гагарина как тринадцать часов с тринадцатью днями. Путешествие Оленина составлено из 13 записей — по часам. В 11 часов молодой человек выезжает из дому и в 11 часов вечера возвращается к «своим пенатам». Путешествующий описывает свой маршрут, совпадающий, по всей видимости, с маршрутом, которым Оленины ездили в свою пригородную усадьбу Приютино, упоминая важные достопримечательности столицы: Фонтанку, Царицын луг, Неву. Летний сад, домик Петра Первого, мосты, дачи, Охтинские пороховые заводы... Маленький путеводитель в Приютино весьма занятен.

При сопоставлении текстов становится ясно, что П. А. Оленин, пародируя книгу П. Г. Гагарина в ее русском переводе,²³ сосредоточен прежде всего на лирическом плане. Название, дневниковая форма, ритм текста, сохранение исчезнувшего у С. Н. Глинки лирического героя-повествователя, его многочисленные обращения к воображаемой возлюбленной, именуемой «поэтичным» именем Вава, — все эти характерные особенности указывают на источник вдохновения юного сочинителя.

«Тринадцать часов, или Приютино» имеет подзаголовок «Путешествие, Или Сурово не бело, свое рукоделие» и второй эпиграф:

Мне нужды в том необходимой
Никто не может доказать,
Чтобы, забыв язык родимый,
Нам должно на чужом писать.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 542. № 627.

²¹ Впервые опубликована Л. В. Тимофеевым в кн. «Приют, любовью муз согретый». СПб., 2007. С. 112—119.

²² Файбисович В. М. А. Н. Оленин. СПб., 2007. С. 402.

²³ Л. В. Тимофеев в кратком сопровождающем публикации комментарии также называет в качестве пародируемого источника книгу П. Г. Гагарина. Однако он считает, что П. А. Оленин знакомился с французским вариантом текста, что, безусловно, свидетельствует о том, что публикатор не читал сочинения Гагарина: текст пародии во многих местах дословно совпадает с русским переводом, перефразируя его.

Затем на русском и мараю,
Хоть вздор на оном напишу,
Да в люд чужой не выпускаю
И сор из изб не выношу.²⁴

Они указывают на домашний характер сочинения, а также на принципиальное отличие от путешествия П. Г. Гагарина, написанного по-французски. «Перевод» на «родимый», или простой, язык — стилистический сбой — прием многократно использованный пародистом. Прежде всего это касается стихотворных вставок, характерных для литературы путешествий. Так, вышеприведенный эпиграф Оленина соответствует французской цитате из Бершу у Гагарина: «Нет, нет под эфирным сводом прелестнее той страны, того жилища, как то, в котором каждый год видишь постоянную подругу и новые весны» (С. 4).

Многочисленные отступления в книге П. Г. Гагарина носят, по мысли автора-героя, камерный, домашний характер безделиц. Они касаются лишь до него самого, здесь повествователь то чувствителен, то восторжен, то ироничен. Например: «На всех почтовых переменах видел я себя предметом общего любопытства и мыслил: когда море бывает свободно и океан посылает корабли свои в Неву, тогда привезенный на Петербургскую биржу попугай, красящийся пером своим и лепетаньем, собирает вокруг себя толпу людей. Когда в большой деревне и в большой праздник нескладный, но выученный и умеющий под палкою хорошо плясать медведь собирает также вокруг себя охотников до зрелищ. То и я, подобно им, привлекающий на всех переменах лошадей к себе зрителей, что ж был я для них! Медведь или попугай?» (С. 42).

Отступления часто содержат также иронические — рассуждения философического характера, обобщения и умозаключения, самооценки. Например: «По мере приближения моего к Або чаще стал я усматривать красивых женщин, из чего и заключил, что лучший в Финляндии народ обретается в окрестностях своей столицы. Заключение, столь же основательно сделанное, сколько и многие другие заключения, учиненные путешественниками и принятые ныне за истины» (С. 43). Петр Оленин чутко улавливает эту интонацию самоиронии: «...поворачивая к Летнему саду, взглянул я на сидящего подле меня бусурмана и, увидев, что он надевает очки, заключил из того, что он близорук» (С. 112).

Для книги Гагарина характерно «сочетание лирического тона повествования с ироническим скептицизмом», отмеченное иссле-

²⁴ Оленин П. А. Тринадцать часов, или Приютино // Приютино. Антология русской усадьбы / Сост. и коммент. Л. Г. Агамалаян и И. С. Ефимовой. СПб., 2008. С. 344. В дальнейшем пародия П. А. Оленина цитируется по этому изданию, с указанием страницы в круглых скобках.

дователями как неременная черта сентиментальных путешествий конца XVIII—начала XIX в.²⁵ Именно эта особенность сочинения П. Г. Гагарина, безусловно, стала стилиобразующей основой трагедии юного П. А. Оленина.

Сочинение П. Г. Гагарина начинается с обращения мыслями к покинутой Коре: «Когда я стану глядеть, тогда и она также станет глядеть, когда я буду чувствовать, тогда и она будет также чувствовать» (С. 6). Путешествие Оленина также открывается обращением к оставленной возлюбленной, обещанием помнить о ней и все для нее описать: «Ты не была со мною! Но я смотрю за тебя. Всякой предмет, взору моему встречающийся, будет предан тебе как волшебным фонарем, и я все опишу» (С. 344).

Обращения к Ваве — наиболее яркий пародийный прием, пронизывающий и скрепляющий фрагменты текста. Причем снижение происходит как на уровне сюжета и образа, так и на уровне языка. Подобно Гагарину Оленин, отправляясь в путь, воссылает молитву возлюбленной. Гагарин: «Я молил божество мое: усердные и чистые молитвы в воздухе не исчезают; но с быстротою орла взлетают в высоты! Несомненно прияло уже их небо: и так, я могу ехать!..» (С. 7). У Оленина чувствительная интонация заменяется прозаической и иронической, несмотря на то что «молитва» облечена в стихотворную форму:

«О! божество мое со мною,
Сбирайся налегке в сей путь.
Покройся розовой фатою,
Чтоб в уши ветр не мог задуть.
Поедем же, мой друг прекрасный,
С тобой не сяду я на мель,
И по пословице — в день ясный
Возьмем на случай мы шинель!

От души помолился я божеству моему, и теплые мои молитвы дойдут до нее не хромя. — Теперь могу ехать» (С. 345).

Насмешник иногда целиком воспроизводит восклицания Гагарина, предваряя или заключая ими подчеркнута прозаические замечания, наблюдения. Так, у Гагарина: «Сия страна усыпана холмами, покрыта елями <...>. Для лучшего же разнообразия в видах видишь захирелые березы <...>. О, ты! Для кого я пишу сие и для кого я думаю, — прости, что остановил я взоры твои на сих скучных предметах» (С. 12—13).

²⁵ Вольперт Л. И. Стернианская традиция в романах Евгений Онегин и Красное и черное. Цит. по: Банах И. В. Традиции Л. Стерна в сентиментальных путешествиях «малых стернианцев» конца XVIII—начала XIX века // Третьи майминские чтения. Псков, 2000. С. 4—10.

У Оленина: «Между деревьев много грибов, а в болотах живут кулики. Грибы и кулики, какая красноречивая речь для любящего хорошо обедать человека!

О, ты! для кого я пишу сие и для кого я думаю, — прости, что остановил я взоры твои на сих скучных предметах» (С. 347).

Одним из самых ярких и повторяющихся пародийных приемов, используемых Олениным, становятся «философские умозаключения», глубокие замечания «на мелком месте». Этот прием обнажен уже у П. Г. Гагарина: «Благодарение стуже! <...> которая всюду отверзала путь через озера и реки <...>. Нет упреки! Она <...> поморозила всю мою маленькую провизию и пальцы мои, готовившиеся служить моему аппетиту. Упреки стуже! И вот как в сем мире одинакая вещь заставляет нас хвалить себя и порицать» (С. 7). Ср. у Оленина: «С мосту по правой стороне видели мы развалины бань — и это заставило нас рассуждать о непрочности людских предприятий. Давно ли купался в них как утка, — говорил я, — а теперь они исчезли <...>. Несколько тысяч рублей потоплено в Неве, а с ними и надежды содержателя — нещастие, случившееся с ними, известно всему купающемуся свету. Падение оных было выгодно для Гагаринских²⁶ — итак, нет худа без добра!» (С. 346). У Оленина краткость резюме, сведенного к поговорке: «нет худа без добра» (вместо сложного оборота «в сем мире одинакая вещь заставляет нас хвалить себя и порицать»), — подчеркивает банальность или очевидность «полезного умствования».

Подчас Оленин целиком переписывает фрагмент текста Гагарина, цепляя философический пассаж к подчеркнуто низкому предмету. Так, у Гагарина: «У древней сей Шведской заставы видел я дверь, украшенную сучьями елей <...> Украшения сии называют *триумфальными арками*; а для чего? То же ли оне, что были в Риме? Нет! — И так лучше назовем их *поздравительными арками*. Языки выиграли бы в подобных сему поправках, и некоторый ученый не сказал ли, „что заблуждения оттого только остаются при нас, что языки наши не имеют надлежащей исправности и ясности!“ Итак, могли бы мы иметь чистые языки и быть свободными от заблуждений!!! Мечта!!!» (С. 12. Выделено автором).

Юного Оленина на размышление о языках и заблуждениях наводит вид трактира: «На Выборгской стороне, проезжая мимо трактира, подумал я: таковы ли они в Германии. Естьли не таковы, то зачем же не дадим им другого имя, для чего не назовем их путеприятными.

²⁶ Упоминание «гагаринских» бань вновь отсылает нас к автору пародируемого источника. Вероятно, речь идет о банях, прилежавших к дому Гагариных или им принадлежавших. Указом Петра I домовладельцам было разрешено ставить мыльни. Почти в каждом зажиточном доме была своя мыльня. Среди горожан бани были известны либо по фамилии содержателя, либо по фамилии владельца дома, в котором они находились, либо по какой-либо примечательности в округе.

Языки выигрывали бы таковыми исправлениями. И не сказал ли один ученый, „что заблуждения наши существуют от того, что мы говорим неправильно и неясно“. И так мы бы могли иметь чистые языки и быть без заблуждений!!!.. Мечта!!!..» (С. 113).

Наличие легкой иронической интонации у Гагарина часто становится очевидным, усиливается «ответной» насмешкой Оленина: Ср. у Гагарина: «Здесь, где Россия, я вижу деревянную кордегардию с аркадами и с некоторою архитектурною роскошью, выкрашенную белую, черною и оранжевою красками: это граница сильного государства» (С. 10). У Оленина: «Красной, белой и черной краской расписанная застава представилась нашему взору. Мы ее проехали, прописавшись втроем. Я говорю втроем, потому что и тебя, о! Вава, прописали. Не сердись, друг мой, разве не была ты в моем воображении — так я считал за грех утаить сие от унтер-офицера» (С. 346).

Отметим, что в начале своего «путешествия» Оленин пытается «следовать по пятам» за текстом Гагарина, однако постепенно он обретает свободу и, сохраняя общее пародийное поле, выхватывает из травестируемого текста наиболее яркие обороты, образы, используя их по вдохновению. Так, рефлексирова по поводу золотого века, Гагарин восклицает: «*Кора!* если бы мы жили в те времена, в которые каждое дерево представляло из себя Дриаду <...>. В щастливые те времена все дышало вокруг нас жизнью и поэзиею!» (С. 13—14).

Оленин возражает: «Повесив шляпу мою на ветку, радовался я, что мы не живем в те времена, когда каждое дерево считали за дриаду. Тогда б не знал я, что делать мне с шляпой, не смея повесить ее на нос какой-нибудь дриады, должен бы был иметь ее на голове, а это, о Вава! беспокойно» (С. 348—349).

Вид бесплодных гранитных камней, «современников потопа», вызывает у героя Гагарина мысли о сыне Прометея, прародителе людей Девкалионе и его жене Пирре:²⁷ «Сии граниты <...> *Кора!* не рассказывают ли они тебе, как и мне, полезную мораль: что там, где стужа, все умирает, и что для произведения вещей прекрасных нужно быть, как Девкалиону и Пирре, всегда двум» (С. 14).

²⁷ Когда разгневанный на людей «медного века» Зевс решил наслать на Землю потоп, правивший городом Фтия в Фессалии Девкалион и его жена Пирра были единственными праведниками, которым царь богов разрешил спастись. По совету Прометея Девкалион построил большой ящик («ковчег»), на котором он и Пирра спаслись во время девятидневного потопа, уничтожившего все человечество. На десятый день Девкалион увидел гору Парнас и высадился на ней. Принеся жертвы Зевсу-Фиксию («Дающему убежище»), Девкалион получил от него совет, как возродить человеческий род. Закутав головы и распустив пояса, Девкалион и Пирра должны были бросать через голову «кости прааматери». Догадавшись, что «костями прааматери» божество называет камни — кости всеобщей матери людей Земли, Девкалион выполнил приказ. Из камней, брошенных Девкалионом, возникали мужчины, Пиррой — женщины.

Перекладывая греческую мифологию на русский лад, Петр Оленин обращается к Ваве: «Чтоб отдохнуть, обрати их (взоры. — Л. А.) на сей цветок, названный простолюдинами Иван-да-Марья. Пусть ботаник дает ему название латинское, но чувствительный человек всегда будет называть его по-русски. Не ясно ль имя сие доказывает, что естли природа захочет произвести что хорошее, то надобно быть всегда двоим вместе, как Иван да Марья» (С. 347).

Описание собрания депутатов при въезде императора в Борго оставляет Гагарина в раздумье: «Во многолюдстве сем один только имел палку в руке: *палку, обитую синим бархатом, вышитым серебряными цветами, с золотою на верхнем конце короною*. И это был маршал, или первенствующий в диэте. Итак, палка всюду есть знак начальства или уважения; но почему? Потому ли что служит она подпорою человеку, или потому что ею бьют!..» (С. 17. Выделено автором).

Описание шествия солдат на Пороховых заводах не оставляет места для сомнения: «Проезжая селение, встретили мы кучу солдат, перед которыми шел человек с камышовой палкой, имевшею костяной набалдашник. Это был унтер-офицер. Итак, палка повсюду есть знак власти или отличия. Но для чего? Для того ли, чтоб подпираться, или для того, чтоб бить? Об этом должно спросить шедших за унтер-офицером солдат» (С. 347—348).

«Великому и продолжительному» обеду в Гелисингфорсе, разнобразию, несовместимости и отчасти неудобоваримости кушаний противопоставлен обед в Приютино: он «был невелик, да сытен. Мы начали окрошкой. Кушанье простое, но питательное и любимое всем потомкам славян. Щи и кулебяка следовали за оной, потом подали хороший кусок говядины, обжаренный хлеб с горохом и часть телятины. Все заключено было творогом со сливками. Хозяин спросил вина, нам подали старого хорошего лафиту» (С. 349).

Оба описания завершают обращения к возлюбленной, подкрепленные поэтическими строчками: «Касаясь моими губами древней моей рюмке (так!) пил я за твое [здоровье] *Кора!* пил за *твою молодость* и воображал стих любимого мною стихотворца: «Сколь молодость всегда добра! И пр.» (С. 30).

«Лаская стакан мой окончанием губ моих, — вторит П. А. Оленин, — пил я, о Вава! твое здоровье, пил, чтоб нам никогда не разлучаться, вспоминая известный стих:

Тяжело лежати сизу перу на долине,
Тяжело жить сиротине на чужбине» (С. 349).²⁸

²⁸ Старинная народная песня «Как не пава свет по двору ходит». Ее самый ранний печатный вариант из сборника Чулкова был следующим (*Чулков М. Д.* Собрание разных песен. СПб., 1770. Ч. 1—IV. С. 607. № 89):

Очевидно, что молодой Оленин оказался весьма чуток к словесным фигурам, красотах стиля первоисточника, по всей видимости старательно воспроизведенным переводчиком: заметив и подхватив выразительный оборот, он усиливает эффект повтором. На балу герой Гагарина подмечает особу, походящую на Кору, «приятность которой любезнее самой красоты» (С. 30). Чуть ниже, говоря о провинциальных девах, Гагарин повторит оборот, привлекая внимание пародиста: «Как изобразить эту кокетственную невинность и это невинное кокетство?» (С. 38). На рисунке одного из художников в Приютино среди танцующих нимф Петр Алексеевич замечает одну, похожую на Ваву: «...она имеет приятность привлекательней красоты и красоту приятности приятней» (С. 349).

И все же главный используемый пародистом прием — последовательное снижение патетической, возвышенной-чувствительной интонации, подчеркнута прозаическая интерпретация поэтических мечтаний.

Вот как описывает Гагарин живописные окрестности Або: «К романтическим сим местоположениям недостает только избылнейшего растения; меньшего числа елей и, когда бы то возможно было, нескольких тех счастливых чад солнца, тех Вавилонских ив, тех Ливанских кедров, тех пирамидальных кипарисов, из коих один посреди ландшафта рождает поэзию» (С. 33). Этой картине у Оленина соответствует описание соседнего с Приютиным Рябова, с присовокуплением новых, недостающих ему красот и завершающегося песенным четверостишьем, фиксирующим неодолимость фантастических мечтаний: «Местоположение прекрасное, но чтоб сделать его совершенным, надо климат Италии, кедры Ливанские, Вавилонские ивы, пирамидальные кипарисы и Петергофские фонтаны. Сие бездельное желание похоже на песню — „я птичкой быть желаю“, которая кончится:

Хоть птичкой быть не можно,
Но мыслью веселюсь —
Ласкать себя возможно,
Хоть век не пременюсь» (С. 350).²⁹

Как не пава свет по двору ходит,
Не павлиные сизы перья роняет,
Тяжко лежати сизу перу во долине,
Трудно жити сиротине во чужбине.

²⁹ «Я птичкой быть желаю» — популярная песня неизвестного автора XVIII в. Впервые напечатана в изд.: «Молодчик с молодкою на гулянье с пельяниками, поющими новые песни...». СПб., 1790; одновременно в «Journal de Musique...», St-P., [1790]. Была опубликована в «Собрании новейших песен и разных любовных стихотворений» (М.: В Унив. тип., у в. Окорочова, 1791. С. 83--84). Песенку поет Ужима в 6 явлении комедии Крылова «Пирог», ра-

Наблюдению над зеваками в Або, высыпавшими на улицы и каналы, высунувшихся из чердачных даже окон, разобравших крышу дома, дабы *посмотреть на русского императора*, «На что? — На человека. Но на какого человека? — На такого, именем которого производится все зло и добро в целом государстве!...» (С. 34) соответствует описание реакции крепостных в Приютине на появление барина: «Побыв в доме, пошли гулять. Мы шли мимо крестьянских домов — на нас со всех сторон смотрели — я люблю зевать на зевак; человек, смотря на какой-нибудь предмет с совершенным любопытством, забывает себя, движения бывают тогда неестественны и странны. День был воскресный — так и зевак было много — зеваки в окошках, зеваки в дверях, один из них, проломав крышку старого сарая, просунул голову в дыру и смотрел. На кого? На человека. Но на какого? На того, чьим именем в приютинской округе делается все зло и добро — смейтесь теперь над моим зевакою!!!...!!!» (С. 349—350).

Обратный путь в обоих текстах сопровождается явлением таинственным, почти мистическим, которое, впрочем, к сожалению обоих авторов, объясняется вполне прозаически. «Между тем...», — пишет Гагарин, — услышали мы в недалеком от нас расстоянии сперва слабый и крайне плачевный, потом другой и многие вдруг вопли <...> скорое мое воображение перенесло меня немедленно к временам волшебниц и колдунов. Это, говорил я сам себе, торжественный их час <...>. Я почитал себя присутствующим тогда на одном из их *сборищ*. Но мне сказали, что это были *волки*. Прощай мечта!» (С. 31). Стон, пугающий Петра Оленина, вообразившего, что «все ведьмы и колдуны идут к нему навстречу», оказывается воем дворовых собак. «Открытие» сопровождается разочарованием: «Прощай, мечта» (С. 351—352).

Дом встречает путешественников привычными вещами и лицами. Герой Гагарина прижимает к сердцу друга и дарит благодарение Пенатам (С. 46). Оленина встречают запертые жестоким дворником ворота, проснувшийся от стука брат выговаривает ему за шум. Узнав, что все благополучно, за исключением пьяного слуги, усталый путник с облегчением восклицает: «Мои пенаты! Приймите мою благодарность» (С. 352).

В конце повествования П. Г. Гагарина читателю отрывается тайна имени, сопровождавшего его на протяжении всего текста: имени прекрасной и нежной возлюбленной, которым объединены все разнообразные впечатления и наблюдения, мысли и ощущения: «Имя *Коры!* Возвратись туда, откуда я тебя взял. <...> Чтобы получить обратно прекрасное сне имя, заржавелые петли ветхой двери не

зыгравшейся на домашней сцене Олениных (*Крылов И. А.* Полн. собр. драм. соч. СПб., 2001. С. 292).

будут скрипеть; и солома, покрывавшая ветхую кровать, не приведена будет в беспорядок: ни одна пастушка не называлась *Корою*.

Но храм Квитский отверзнет золотые свои врата, и летописи Перуанские возвратят себе имя дочери солнца» (С. 47). Итак, «имя Кору» отсылает читателя к знаменитому роману Ж. Ф. Мармонтеля «Инки, или разрушение Перуанской империи» или к одной из его литературных вариаций. Кора — перуанская царевна, жрица солнца.

Столь же неожиданный, но гораздо более прозаичный финал путешествия в Приютино: «Имя Вавы, возвратись, где ты взято мною. Сон клонит меня, — итак, возвратись на прежнее свое жилище. Кто же захочет взять его, чтобы воспеть по моему, тому скажу я, где найти его. Не ищите его ни в палатах, ни в хижине, а в клетке знакомого мне попугая — так называет он ходящую за ним женщину» (С. 352).

Травестия Петра Оленина легка, талантлива, безусловно, удачна. Трудно поверить, что автору нет и пятнадцати лет. Он обнаруживает незаурядное чувство стиля, литературный дар и вкус. Впрочем, нужно отметить, что юный автор был знаком с подобными литературными шалостями. Так, в 1806 г. в Приютине во время домашнего праздника была разыграна «Превращенная Дидона», представляющая собой «перелицовку» С. Н. Мариным «Дидоны» Я. Б. Княжнина. Сочиненный А. Н. Олениным сценарий этого праздника в картинах также представляет собой пародию на серии гравюр, запечатлевавших коронационные торжества, торжественные въезды и проч.³⁰ Позднее, в 1827 г. в именинный сюрприз «Чем богаты, тем и рады», разыгранный в Приютине для жены хозяина и составленный А. Н. Олениным из фрагментов различных драматических сочинений, вошла «сцена из вольтеровой „Заиры“, по-французски», превратившаяся в приютинском представлении в фарс. Самый трагический момент «Заиры» — гибель героини — был снижен за счет «отсебятины» с фальшивым носом и усами Оросмана, которого «оставили с носом».³¹

Обозначенное Варварой Алексеевной Олениной на первой странице рукописи сравнение с Карамзиным, конечно, не случайная ошибка.

Во-первых, в тексте «Тринадцати часов...» есть ссылка на Карамзина. Автор, не желая описывать анонсированное чаепитие — «7 часов. Чай, крестьянские девочки», — отсылает читателя к популярному источнику: «Подали чай. Как пьют его на воздухе, пространно описано нежным Карамзиным в сочинении — „день мой“ — туда тебя, Вава, отсылаю, прочитай его, и, может быть, пой-

³⁰ ОР РНБ. Ф. 542. № 353.

³¹ ОР РНБ. Ф. 542. № 37. См.: Приютино. Антология русской усадьбы. С. 478—480.

мешь». Сочинение «День мой» — одна из глав повести «Деревня», включенной в сборник «Мои безделки». Его «пространность» сильно преувеличена Олениным. Вот оно целиком: «Как приятен чай на чистом воздухе! Вечерние ароматы льются ко мне в чашку».³²

Во-вторых, «Тринадцать дней, или Финляндия» открывается французским эпиграфом: «*J'utilise mon inutilité*», что может быть переведено как: «*Безделки мои в дело пускаю*». Эпиграф, с одной стороны, содержит авторскую оценку сочинения. В то же время, он не может не вызвать ассоциаций с названием сборника Н. М. Карамзина «Мои безделки», вышедшего в 1794 г.³³ Эпиграф П. Оленина: «И моя денежка не шербата» — продолжает эту словесную игру. Таким образом, и книга П. Г. Гагарина, и пародия П. А. Оленина являются своеобразными отзвуками ранней книги Н. М. Карамзина. Вместе с тем нельзя совсем игнорировать и то обстоятельство, что любое сочинение в жанре путешествия в русской литературе в начале XIX в. не могло возникнуть без оглядки на Н. М. Карамзина.

³² Карамзин Н. М. Мои безделки. М., 1797. С. 280 --281.

³³ Ср. название соч. И. И. Дмитриева «И мои безделки» (1795).

Э. ХЕКСЕЛЬШНАЙДЕР

**«РУССКИЕ ПЬЕСЫ» НЕМЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ
ПЕТЕРА ХАКСА И ЕГО ИСТОЧНИКИ
(СУМАРОКОВ, КНЯЖНИН, ОЗЕРОВ)***

Петер Хакс (1928—2003) — один из крупнейших немецких писателей второй половины XX в. После учебы в Мюнхене и первых литературных работ он переселился в 1955 г. в Берлин (ГДР) и работал чрезвычайно продуктивно как лирик, прозаик, эссеист, но прежде всего как драматург. Своими произведениями, такими как «Колумб, или Путь к открытию мира» (1954), «Битва при Лобозитце» (1955), «Мельник из Сан-Суси» (1957), «Мир» (по Аристофану, 1962), «Амфитрион» (1967), «Прексапес» (1968) и «Адам и Ева» (1972), он приобрел большую известность и стал в 70-х гг. наиболее исполняемым на сцене немецким театральным автором. Мировое признание получила его пьеса для одного актера «Разговор в семействе Штейн об отсутствующем господине фон Гёте» (1974), как и короткая опера «Ярмарка в Плондерсвайлерне» (по Гёте, 1973). Хотя он считал себя социалистом, его критическое отношение к социалистической системе в ГДР часто вызывало недовольство в высших партийных и правительственных кругах. Догматические настроенные политики от культуры вначале испуганно наблюдали, а затем резко раскритиковали и даже сняли со сцены театра некоторые произведения, отражавшие противоречивую жизнь в ГДР. Это такие пьесы, как «Заботы и власть» (1959, переработана в 1962) и «Мориц Тассо» (1961).

Петер Хакс мастерски владел языком. Благодаря своему классическому пониманию формы и высокому требованию к искусству он очень рано стал авторитетной общепризнанной писательской личностью, даже несмотря на то что с его мнением часто спорили. В 60—70 гг. XX в. из-под его пера возникли драмы редкой языковой красоты и творческой силы, такие как «Нума» (1971) и «Иона»

* Автор глубоко благодарен Алите Либрехт (Лейпциг) за перевод статьи на русский язык.

(1986), на мифологическом и историческом материале говорившие о современных проблемах. Но с изменением общественной ситуации в объединенной Германии этот автор, чьи произведения исключительно много ставили и на сцене, и читали, после 1989 г. был почти забыт и даже бойкотируем из-за его настойчивой защиты социалистических идей. Только в последние годы наблюдается своеобразный Хакс-ренессанс. В октябре 2007 г. в Берлине основано Общество Петера Хакса.¹

Русскому читателю, особенно театральному зрителю, Хакс до сих пор плохо известен, хотя немало его произведений с 60-х гг. XX в. переводились на русский язык.² Это прежде всего стихи и рассказы для детей, такие как «В подземелье старой башни, или Истории о Генриетте и дядюшке Титусе» (1966) в переводе В. Куреллы. Важным событием стало появление сборника «Пьесы» в издательстве «Искусство» в 1979 г. В 80-х гг. появились другие собрания стихов и драм в переложении прежде всего Э. В. Венгеровой, как например «Пандора» (по Гёте, 1986), «Иона и другие» (1998), «Разговор в семействе Штейн об отсутствующем господине фон Гёте» (сборник, 1999), «Мета Морфоз и другие сказки» (2000), «Баллады» (2003). Именно Э. В. Венгерова играла важную роль при создании Петером Хаксом так называемых «русских драм» (выражение самого автора), о которых в дальнейшем пойдет речь.

Что следует понимать под этим обозначением? В связи со своим 75-летием 21 марта 2003 г., П. Хакс выпустил в издательстве «Ойленшпигель» в Берлине издание своих произведений в пятнадцати томах, которое назвал каноническим. В восьмом томе «Поздние произведения II» размещены три пятиактные пьесы с явно русской основой: «Боярская битва» (по Я. Княжнину), «Татарская битва» (по Л. [Ладислаус вместо Владислава, Э. Х.] Озерову) и «Ложный царь» (по Александру Сумарокову). Сразу видно, что за ними скрываются исторические классические драмы «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина (1788), «Дмитрий Донской» В. А. Озерова (1807) и «Дмитрий Самозванец» А. П. Сумарокова (1771), причем Озерова, строго говоря, только условно можно относить к русской литературе XVIII в.

Все это заслуживает внимания исследователей. Впервые немецкий писатель конца XX (!) в. обратился к произведениям русского классицизма эпохи просвещенного абсолютизма, чтобы проверить их актуальность на зрителе XX и XXI вв. При этом хотя речь и идет о важных для истории литературы драматических произведениях, но известны они сегодня даже в России лишь малому числу специалистов. Обращение немецкого писателя к этим произведениям

¹ О нем см.: *Trilse Chr.* Das Werk des Peter Hacks. Berlin, 1980; *Urbahn de Jauregui H.* Zwischen den Stühlen. Der Dichter Peter Hacks. Berlin, 2006.

² См. обстоятельную библиографию: *Weber R.* Peter-Hacks-Bibliographie. Verzeichnis aller Schriften von und zu Peter Hacks 1948 bis 2007. Mainz, 2008.

тем более удивительно, что русская драматургия XVIII в. не имеет традиций перевода в немецкоязычных странах, не говоря уже о достойных упоминания постановках. Только в XVIII в. переводились некоторые драматические произведения — среди них почти все комедии Екатерины II («Обманщик» был тогда даже поставлен в Гамбурге) и комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1787).³ В следующих столетиях, вплоть до настоящего времени, не появлялось других переводов русских драматургов XVIII в., опять-таки за исключением «Недоросля» в переводе А. Бауха (1957).⁴

Из этих трех обработанных Хаксом произведений имеется только один полный немецкий перевод — «Дмитрия Донского» В. А. Озерова — под названием «Dmitri Donski» (1815), сделанный И. Т. Видебургом. Пьеса несколько раз ставилась на немецком языке в Санкт-Петербурге, а в декабре 1815 г. даже была дважды сыграна в Берлине.⁵ Это переложение было известно и Хаксу, хранившему его копию в своем архиве.⁶ Из Сумарокова переведены на немецкий язык только «Синав и Трувор» и «Семира» (1751, 1755),⁷ и лишь в 1983 г. опубликованы некоторые сцены из пятого акта «Димитрия Самозванца» под названием «Лжедмитрий».⁸ Творчество же Княжнина осталось в Германии совершенно неизвестным.

В связи с этой ситуацией возникает вопрос, каким образом Петер Хакс вышел именно на этих русских авторов и каковы были его мотивы. Другое его творчество, насколько мне известно, не связано с русской литературой, кроме разве упоминания «божественного Радищева» в стихотворении «Во времена Лессинга».⁹ Причина обращения поэта к русской драматургии XVIII в., вероятно, следующая: Хакс для своих драматических опытов постоянно искал сюжеты в истории и мифологии, они были для него материалом для формулирования и изображения собственного взгляда на современность

³ Günther K. Deutsche Übersetzungen russischer Dramen des 18. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slawistik. 1970. Bd. 15. N. 3. S. 240.—244; Хексельмайндер Э. О первом переводе «Недоросля» Фонвизина // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 335—338; Wytrzens G. Eine unbekannte Wiener Fonvizin-Übertragung aus dem Jahre 1787 // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1959. Bd. 7. S. 118—128.

⁴ Fonwisin D. Der Landjunker und andere satirische Dichtungen und Schriften. Berlin, 1957. S. 45—148. «Недоросль» переведен под названием «Der Landjunker» («Сельский барчук»).

⁵ Reissner E. Deutschland und die russische Literatur 1800 - -1848. Berlin, 1970. S. 56 f., 272 f и 367.

⁶ Благодаря Немецкой литературный архив в Марбахе (Deutsches Literaturarchiv Marbach) за предоставленную возможность работы с литературным наследием П. Хакса. Три пьесы хранятся в фонде «Bestand Peter Hacks. Dramatische Bearbeitungen, nach den Stücken geordnet».

⁷ Günther K. Deutsche Übersetzungen... S. 241 f.

⁸ Chorus an die verkehrte Welt. Russische Dichtung des 18. Jahrhunderts / Hg. von A. und H. Grasshoff. Перевод Уве Брюнинга. Leipzig, 1983. S. 78—82.

⁹ Hacks P. Lieder Gedichte Briefe. Berlin. 1974. S. 76.

и аллегорического воспроизведения на сцене происходящего в действительности. Его мысли всегда обращались к таким проблемам, как сильное государство, власть и механизмы власти, роль личности, правящей государством. Для этого он постоянно искал в драматургической литературе своих предшественников новые парадигмы, которые предстояло проверить и обработать. С этой точки зрения, русские произведения содержали для него весьма ценный материал. В то же время надо заметить, что Хакс внимательно следил за событиями, происходившими в Советском Союзе в период Перестройки, и искал объяснения этим процессам в прошлом, сконцентрировавшись при этом на ключевых эпизодах российской истории.

Некий оставшийся мне неизвестным берлинский славист, должен быть, обратил внимание П. Хакса на русскую драматургию XVIII в. Тот попросил Уте Баум, свою старую знакомую, работавшую в литературной части Дрезденского драматического театра, хорошо знавшую русскую культуру, помочь в поисках. Она указала на книгу «Русская драматургия XVIII века» (М.: Современник, 1987). В этой составленной известной исследовательницей Г. Н. Моисеевой антологии собраны произведения М. В. Ломоносова, П. А. Плавильщикова, Д. И. Фонвизина, М. И. Попова, А. О. Аблесимова, В. В. Капниста и И. А. Крылова, а также пьесы «наших» авторов Сумарокова и Княжнина. К этой книге и обратился П. Хакс, и только Озеров относится к другому неизвестному нам источнику, если принять во внимание то, что, возможно, Хакс не удовлетворился ранним переводом Видебурга. В архиве писателя находятся конспекты содержания всех драматических произведений названного сборника, составленные Уте Баум.

Хакс выбрал три вышеназванные трагедии, и так как он не знал русского языка, то попросил представить их ему в подстрочниках (они тоже сохранились в его архиве). Параллельно он начал изучать историю, хотя позже, при создании своих произведений, не обращал особого внимания на историческую точность. В его бумагах, которые (до малейшей записки на память) он хранил очень бережно, находятся копии статей о времени Смуты из 4 тома «Всемирной истории» (М., 1958) в немецком издании 1964 г., а также выписки и копии из немецкого перевода «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, материалы об изображении фигуры Лжедмитрия в разных европейских литературах и подробные выдержки из историко-драматической разработки Фридриха Шиллера, известной как незавершенная трагедия-фрагмент «Дмитрий».

В конце концов Хаксом были выбраны произведения, которые отражают исторически значимые конфликты важнейших поворотных пунктов истории России и развития ее государственности: борьбу против враждебной власти Золотой Орды, идеи свободного Новгорода и Смутное время. Хакс еще прежде так сформулировал аксиому своей драматургии: «Конфликт есть противоречие двух

взаимоисключающих, но правомочных претензий».¹⁰ Может быть, на этом основывается его интерес к классицизму? На это указывает и другое его раннее высказывание: «Сильный характер продуктивен, настойчив, своенравен; ему надобно власти, он не пассивен и не страдателен. Он субъект действия».¹¹

После подготовительных работ Хакс приступил к обработке материала, сделав несколько редакций; их чистовики (он писал от руки очень четко) хранятся в Немецком литературном архиве в Марбахе. Запланированное послесловие написано не было. «Русская трилогия» была закончена в 1996 г.; в 1997 г. была опубликована адаптация Сумарокова,¹² в 1999 г. были напечатаны все три пьесы вместе.¹³ Как тесно была связана работа над этими произведениями с мыслями о происходящем в тогдашней России, показывает одно замечание Хакса в мае 1996 г.: «Я подожду исхода русских президентских выборов, чтобы написать царскую драму».¹⁴ Эта непосредственность в воспроизведении политических взаимосвязей не должна шокировать. Несмотря на то что Хакс был безжалостным критиком «реально существовавшего социализма» в ГДР и в СССР эпохи Брежнева, он, однако, как это ни парадоксально, одновременно «обожествлял» в социализме его могущество и централизованную власть и ценил из-за этого до конца своей жизни Сталина. Совершенные в период его деспотического правления беззакония мало интересовали Хакса, что придает известную двойственность его политической позиции.

Хакс защищал концепцию государственного гуманизма, понимаемого им следующим образом: чем сильнее государство, тем больше свободы; при этом он ссылаясь на идеи Гегеля и Гёте.¹⁵ В его понимании только государство является рычагом, с помощью которого общество осуществляет цель свободного развития каждого своего члена. Он много раз подчеркивал, что во времена абсолютизма государство процветает. Так, в 2003 г. он говорил в одном из интервью: «Верно, что во время абсолютизма страна процветает, если король большой человек, но голодает и ведет войны, если король идиот».¹⁶ Здесь нет места для дальнейшей дискуссии о политической позиции П. Хакса, ее оценке или поиске определенных параллелей, которые он видел между абсолютизмом и социализмом (как правило, в аподиктической и остро-провокационной форме,

¹⁰ *Hacks P.* Einige Gemeinplätze über das Stückeschreiben // *Neue deutsche Literatur.* 1956. Н. 9. N 4. S. 123.

¹¹ *Hacks P.* Versuch über das Theaterstück von Morgen (1960). Цит. по: *Trilse Chr.* Das Werk des Peter Hacks. S. 34.

¹² *Hacks P.* Der falsche Zar // *Neue deutsche Literatur.* 1997. Н. 3. N 43. S. 5—32.

¹³ *Hacks P.* Späte Stücke II. Hamburg, 1999.

¹⁴ *Müller sen A.* Gespräche mit Hacks 1963–2003. Berlin, 2008. S. 2008.

¹⁵ *Urbahn de Jauregui H.* Zwischen den Stühlen. S. 203.

¹⁶ *Hacks P.* Am Ende verstehen sie es. Politische Schriften 1896 bis 2003. Berlin, 2005. S. 103.

часто непреклонно и абсолютно не принимая возражений). Хакс склонялся, скорее всего, к «централистскому государственному мышлению во французских традициях».¹⁷ Критики Хакса подчеркивают, что он прямо-таки любил просвещенный абсолютизм: «Его моделью был Вольтер, видящий идеальное государство в правлении Людовика XIV и критикующий монархию своего времени, не сохранившую наследство Людовика XIV».¹⁸ Сюда присоединяется еще один момент: особо почитаемый им XVIII век Хакс считал веком высокого художественного чутья, что объясняет его постоянный интерес к Вольтеру.

Нас интересует влияние этой позиции на его произведения русской тематики. Все три драмы повествуют о конфликтах на путях *стремления к власти и сохранения ее* на самом высоком государственном уровне, прежде всего в ситуациях, где речь идет о столкновениях с иностранными завоевателями (татарами, поляками) и узурпаторами. Хакс систематизирует свои произведения в издании хронологически, согласно историческим событиям, а не по времени их создания русскими авторами. Он начинает с «Боярской битвы» за свободу Новгорода (863), как ее преподносит Княжнин, продолжает описанной Озеровым битвой на Дону с татарами (1380) и заканчивает свержением Лжедмитрия в Москве (1606) в изображении Сумарокова. Хакс видел (как говорится в небольшой архивной заметке) в этом расположении произведений последовательность внутривосточных (Княжнин) и внешнеполитических (Озеров) событий, объединенных затем в пьесе Сумарокова.

Во всех своих обработках русских авторов Хакс следовал классическому единству места и времени, продолжая, однако, начавшееся в княжеских покоях действие в публичном пространстве. Автор транспонировал поэтический текст в прозу, поэтому язык изначально исключает всякую повышенную тональность и пафос, характерные для трагедий классицизма. Хакс создает языковой фейерверк, полный остроумных диалогов и проницательных, иногда смешных реплик в простой разговорной речи. Потому текст, наполненный намеками на нашу современность становится совершенно понятным сегодняшнему зрителю.

Хакс сохранил основную структуру произведений, однако внес по ходу действия существенные изменения в развитие характеров главных героев и концовки пьес. Он свободно распорядился количеством действующих лиц, оставив только главных героев, часто отказываясь от второстепенных, а в отдельных случаях добавляя новых. Имена он изменил для лучшего восприятия их немецким зрителем. Женские образы (собственно, очень бледные у русских

¹⁷ *Urbahn de Jauregui H.* Zwischen den Stühlen. S. 203.

¹⁸ *Mosebach M.* Über die Vorteile des Einfrierens // *Argos.* Mitteilungen zu Leben, Werk und Nachwelt des Dichters Peter Hacks. Mainz, 2007. H. 1. S. 9.

авторов) становятся у Хакса сильными, уверенными в себе, активными, с живыми характерами, потому что в них автор видит надежду новой России.

Рассмотрим каждое из произведений в отдельности через подробное изложение содержания, чтобы у русского читателя создалось впечатление о способах и формах их обработки Хаксом.¹⁹

Нельзя предположить, что Хакс знал сложную историю трагедии «Вадим Новгородский» Княжнина.²⁰ Возможно, он узнал в переводе мотивы произведений Вольтера «Брут» и «Смерть Цезаря», которого он, как уже сказано, очень ценил.²¹ Поначалу Хакс сохранил основной конфликт Княжнина между «добрым» монархом Рюриком, заботящимся о благосостоянии народа, и Вадимом, являющимся символом новгородских свобод, направленных против любой тирании и единоличного правления. Он сократил количество действующих у Княжнина лиц, опустив наперсников Изведа и Селену, и ввел вместо них фигуру Верховного священника. Новгородское вече Хакс превращает в сенат; действие переносится почему-то в 862 г. (не 863, как в Никоновской летописи) и происходит у стен древнего Новгорода с каменным мостом через реку Волхов на заднем плане. Княжнин ограничивался указанием «Действие в Новгороде на площади».

Но затем Хакс идет в своей обработке другими путями. Уже само название «Боярская битва» предвещает принципиальные изменения конфликта и указывает на столкновение различных государственных концепций. Автор не сосредоточивает своего внимания только на свободолюбивом герое Вадиме, как у Княжнина, хотя и тот показывает Рюрика «идеальным» монархом. У Хакса действие читается так: некоторое время тому назад Вадим был изгнан из страны за мятежную попытку получить княжескую корону. На его место вступает князь Рюрик, «русский» по Хаксу, распускающий сенат и начинающий править единолично, но справедливо, как сообщает одно из действующих лиц.²² Вадим, изображаемый как авантюрист, пучист и вояка, хочет просить о прощении. Рюрик в свою очередь хочет получить от Вадима его дочь Рамиду в жены. Скоро Вадиму становится ясно, что с единоличным правлением Рюрика теряются старинные новгородские вольности, против чего он борется, так как видит в Рюрике чужеземного тирана (С. 104). Волюнтаристски призывает он к волнению и находит в купце Пренесте и Вигоре (у Хакса

¹⁹ См. обстоятельный анализ в статье: *Baum U. Über Peter Hacks' «russische Stücke» // Argos. Mitteilungen zu Leben, Werk und Nachwelt des Dichters Peter Hacks.* Mainz, 2008. Н. 2. S. 65—80.

²⁰ *Княжнин Я. Б. Избранные произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1961. С. 729—736.*

²¹ *Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 362.*

²² *Hacks P. Die späten Stücke II. Berlin, 2005. S. 103. Страницы всех приведенных цитат из трех пьес приводятся в тексте по этому изданию.*

один из родственников Вадима) соратников, потому что обещает им — каждому в отдельности — отдать в жены свою дочь.

Истинной героиней произведения у Хакса является Рамида. Вначале она выступает (не так, как у Княжнина) против сватовства Рюрика, который в результате подчинения Вадима и женитьбы на Рамиде хочет наконец-то стать «царем» Новгорода. Рамида ведет себя очень уверенно и эмансипированно, зачастую в отнелениях с Рюриком — дерзко и капризно, и заявляет, что еще в детстве была республиканкой: «Всегда, когда меня не приветствовали восторженно, я их всех избивала» (С. 111). Взаимоотношения между дочерью и отцом при первой встрече полны непонимания и напряженности. Она отказывается последовать приказу отца взять в мужья только того мужчину, которого он ей выберет. Тем самым она вырывается из патриархальных уз и даже входит в контакт с нелюбимым ею Рюриком, донося на отца как противника всех князей. Параллельно со стороны новгородской фронды готовится мятеж. Власть Рюрика в большой опасности из-за военного бунта.

Четвертый акт состоит из монолога Рюрика перед занавесом. Он наблюдает за военным столкновением с бунтарем Вадимом и его приверженцами и, обращаясь к публике, размышляет и провозглашает свои взгляды. Собственно, он передает идеи Хакса. Чтобы стало понятнее обращение автора с классическим материалом Княжнина, представим это подробнее. Рюрик не хочет ни войны, ни смуты: «Это нарушение гражданского покоя страшнее войны» (С. 126). Он считает, что Вадиму нельзя дать возможности для кровопролития, чтобы завоевать власть. Через тысячелетнее временное пространство обращается Рюрик к сегодняшним русским правителям в саркастическом, сверкающем юмором выступлении, предлагает полностью осознать значение уроков русской истории для современности и приходит к странному выводу: не следует нынешнему властителю критиковать своих предшественников, если он сам не успешнее их. Если клеветать на достигнутое предшественниками, не разрушается сама система царизма.

Пьеса кончается парадоксально: Вадим проклинает свою дочь как предательницу старых родовых традиций, потому что она не хочет больше подчиняться отцовским указаниям. Рамида становится против отца на сторону своего великодушного супруга Рюрика, по всей вероятности из собственных расчетов на завоевание власти. Свобода Новгорода становится фантомом, химерой. Сенат провозглашает Рюрика императором республики и отцом Отечества (С. 136), при нереальном, однако, условии возвращения «русской гвардии» в Швецию, что отклоняется Рюриком. Он распускает Сенат, но хочет наградить своего тестя Вадима княжеским титулом. Однако тот упорствует в своей ненависти и упрямстве и закалывает себя. Его дочь пренебрегает отцовским проклятьем и остается жить. Монархический принцип побеждает, так что пьеса приходит к счастливому концу.

В то время как пьеса Княжнина в преддверии Французской революции из-за своих республиканских идей вызвала недовольство Екатерины II и не была поставлена, а ее публикация запрещена, трагедия В. Озерова «Дмитрий Донской» имела какое-то время шумный успех. Она содержала достаточно явный, хотя и аллегорический, патриотический призыв к объединению на борьбу с Наполеоном всех народов Европы под предводительством Александра I.²³ Хакс использует свою версию «Дмитрия Донского», исторически достаточно свободно уже переработанного Озеровым, для воспроизведения актуального развития событий конца XX в. Он подчеркивает современность проблемы тем, что сравнивает битву против хана Мамай и борьбу за единство княжеств с современным развалом СССР: «Почему стремление к распаду возникает именно при появлении опасности, угрожающей концом всего сущего? Как становится возможным, что страна может погибнуть в споре ни о чем?» (С. 165).

И здесь Хакс опять-таки довольно свободно обращается с историческими материалами битвы с татарами, выдвигая на первый план в конфликте между Дмитрием и Тверью женский образ. Он в отличие от Озерова конкретно определяет место действия: «Русский палаточный лагерь на Дону», 1380 г. Опять сокращается количество действующих лиц. Рядом с четырьмя главными мужскими образами Дмитрия, Твери, Белозорска и Смоленска (названия городов становятся фамилиями) выступает Нина, правительница Владимира (у Озерова — Ксения, княжна Нижегородская). Изменение имени и названия города связано, наверное, с лучшей произносимостью имени Нина и с большей известностью города Владимира немецкой публике. Сокращено и количество второстепенных героев, но вводится сказочная фигура Челубека, возникающего у Озерова только попутно.

Действие, как и у Озерова, начинается военным советом четырех князей под руководством Дмитрия, которые находятся между собой в ссоре и только с трудом признают Дмитрия Великим князем Московским. Он стал наследником Великого князя Андрея благодаря милости татарского хана. Над всеми довлеет требование Золотой Орды о выплате новой дани, поэтому русские удельные князья вооружаются на битву. Ситуация может стать удачной, потому что у властителей Золотой Орды тоже нет единства. Но русские князья не могут договориться о тактике нападения, потому что многовековая чужеземная власть рассматривается фатально как мировое господство, в котором тоже хочется принять участие. Смоленск формулирует такую позицию: «Татары владеют миром. Если мы их принудим, они отдадут нам нашу часть татарского мира» (С. 145). За

²³ *Медведева И. Н.* Владислав Озеров // Озеров В. А. Трагедии и стихотворения. Л., 1960. С. 37 и след.

разногласиями скрывается стремление отдельных князей к единовластию. Потому старый Белозерск предупреждающе формулирует требование времени: «Всего ценнее — единодушие» (С. 145). В связи с малочисленностью русских войск он рекомендует: «Дань, и это очевидно, обойдется дешевле потерянного сражения. <...> Лучшая победа — это выигранные переговоры» (С. 145). И чуть позже: «Жалкого мира не бывает» (С. 146). В этих словах отражается авторский опыт богатого войнами XX в.

Русская сторона ведет переговоры без условий, в то время как татарская требует головы Дмитрия, что единодушно отвергается. Но тут же, как и у Озерова, возникает новый конфликт, который определяет дальнейшее развитие событий. Еще перед предстоящей битвой, прямо в полевом лагере, Тверь хочет жениться на Нине, «владелице армии» (С. 148), вдове Великого князя Андрея, который якобы на смертном одре обещал ему ее. Но она уже состоит в это время в тайной любовной связи с Дмитрием. Не забудем, что у Озерова речь идет о дочери Андрея, что не упрощает происходящего. К тому же между Дмитрием и Ниной наступает отчуждение, потому что Дмитрий мыслит старыми мужскими представлениями, а Нина следует своим чувствам, а не указанию умершего супруга. Тверь настаивает на своем мнимом праве (как у Озерова), что подвергает опасности союз князей против татар, так как Тверь грозит отвести свои войска. Он обвиняет Дмитрия в стремлении к единоличной, насильственной власти подобно Рюрику, бывшему первым тираном на свободной русской земле, и подчеркивает: «Этот царь хуже татарина» (С. 162).

Как человек истинно государственного мышления показывает себя в этой ситуации Нина. Когда союз русских уже почти распался и войска готовы отступить, а отчаянный Дмитрий ищет смерти, Нина со своими войсками начинает наступление на стороне отрядов Дмитрия. Она решается (как у Озерова) вступить в битву с татарами, требуя от Дмитрия и Твери: «Откажитесь от меня. Берите в жены Победу и Отечество» (С. 168). Именно женщина, что немисливо для трагедии классицизма, приходит к такому выводу!

Но ситуация меняется благодаря случайности. Татарский хан Челубек перебегает со своими отрядами и гаремом (!), украденным (!) у Тохтамыша, на сторону русских и сообщает о споре между тремя ханами. Битва заканчивается, прежде чем начаться, не трагедией, но почти мирно. Тверь глубоко тронут любовью между Ниной и Дмитрием и безоговорочно подчиняется Великому князю. Нина требует равноправия женщин: «Мой пол не имеет прав. Хочу сказать, что со мной обращаются, как с татаркой» (С. 176).

Иначе поступает Хакс с трагедией А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец», которая у него называется «Ложный царь». Он, как уже говорилось, основательно изучил материал и был точно информирован о происходивших событиях. Ансамбль главных действующих лиц сохраняется и здесь: Дмитрий Самозванец, Шуйский, Галицкий,

Ксения. Вместо наперсника Дмитрия Пармена у Хакса почему-то вводится его секретарь Юр, но в той же драматургической функции. Новой фигурой является архиепископ Львовский, как польский посланник.

У Хакса исторический Лжедмитрий является настоящим царем, он не случайный выскочка польской милостью Гришка Отрепьев, а законный наследник царя Ивана IV, который, однако, может занять свое наследственное место в Кремле только при польской поддержке. Хакс следует здесь известной ему версии Августа фон Коцебу (1761—1819), описанной им в вызвавшей скандал пьесе «Дмитрий Иванович, царь Московский» (1782). Хакс переносит действие в 1606 г., оно развивается незадолго до народного бунта против Дмитрия. Тот выступает циничным насильником, отлично понимающим, что представляет интересы польской короны. Уже в самом начале становится ясным, что поляки при царском дворе (иначе у Сумарокова) всем управляют и руководят через стоящего на заднем плане командующего лейб-гвардией.

Дмитрий, оторвавшись от действительности и еще ощущающий себя полновластным хозяином, не верит в известия о заговоре против него. Его главная цель — женитьба на Ксении, поэтому он дает указание отравить свою жену. Он знает, что дочь влиятельного Шуйского нельзя взять насильно, но в то же время Дмитрий не предугадывает, что именно мнимый друг стоит во главе заговора по его свержению. Он сватается к 15-летней дочери Шуйского (иначе у Сумарокова), потому что Россия хочет *русскую* царицу (С. 191). В волнующей сцене Шуйский раскрывает свою стратегию по свержению Дмитрия. При этом он делает ставку на оплачиваемых стрельцов, которые с помощью листовок («напечатанных икон». С. 197) должны разрушить веру в то, что Дмитрий действительно сын Ивана IV: «Он поддельный царь» (С. 197). В сложившейся ситуации Ксения проявляет полное и безоговорочное послушание. Дмитрий, взволнованный нарастающим бунтом, приказывает его подавить. Но восстание удаётся, Шуйский становится новым царем и открывает Дмитрию (по Хаксу) полную правду: «Для Вашей матери, сир, вы настоящая царь, но для России, дурак, ты фальшивый» (С. 212). Пьеса заканчивается бескровно — никому не причинено вреда; польский дипломатический и военный контингент возвращается в свою страну «с пожеланиями мира и добрососедства» (С. 213).

Совсем иначе у Сумарокова. Он почти исключил польскую тему, которая у Хакса, наверное под влиянием фрагмента Шиллера, постоянно присутствует. Сумароков в те годы не мог и даже не хотел дискутировать на тему царизма, не говоря уже о том, чтобы его отрицать. Хакс, два столетия спустя, делает это без проблем, вкладывая в уста Шуйского пространное рассуждение о России и о необходимости царизма: «Когда же, наконец, Родина, ты зашевелишься <...> Россия важнее всех вещей, к каким может стремиться

русский человек. Я хочу видеть великую Россию, и был бы доволен, не имея ничего иного. О, Москва, когда я снова услышу, как бьется твое сердце, счастливое сердце русской земли?» (С. 192 и сл.). Это должно быть квинтэссенцией того, что Хакс хотел сказать своим современникам о России. Дмитрий, живущий в предчувствии смерти и в страхе перед бунтовщиками, впадает в депрессию и кончает жизнь самоубийством.

Странный конец, как и вообще три странных произведения. От классицистических первоисточников осталось немного. Хакс свободно обращается с первоисточниками и наполняет действие многими сценами, написанными повседневным языком, полным намеков на современную мировую политику, и прежде всего на распад Советского Союза. Интерпретировать эти пьесы можно по-разному. Но значимым остается тот факт, что немецкий писатель XX в. вообще обратился к произведениям русского классицизма и (в случае Озерова) переходного к сентиментализму периода и нашел в них этические и эстетические ценности.

«Татарская битва» П. Хакса по «Дмитрию Донскому» поставлена режиссером Марком Поммеренингом в театре города Эрланген (близ Нюрнберга) в 2005 г., игралась 18 раз с большим успехом и вызвала много, преимущественно положительных, откликов в немецкой прессе. Можно с любопытством ожидать, как будет в дальнейшем развиваться на немецкой сцене судьба этих русских произведений в обработке Петера Хакса.

ПУБЛИКАЦИИ

Б. СУЛЬПАССО

ПИСЬМА А. В. ОЛСУФЬЕВА К Я. Я. ШТЕЛИНУ ИЗ КОПЕНГАГЕНА

А. В. Олсуфьев и Я. Я. Штелин — имена, связанные разными обстоятельствами и по разным причинам. Оба — любители лирики, переводчики оперных либретто, собиратели русского лубка, оба — читатели (а в случае Олсуфьева и «авторы») той плодотворной литературной жилы, которая всего пятнадцать лет назад приобрела академические права, — барковианы.¹ И если Штелин оставил после себя обильную литературную коллекцию, свидетельствующую о его интересах, устремлениях, позициях, и его личность была частично изучена, то в случае Олсуфьева все наоборот. Не только мало исследована его литературная деятельность (так называемая «олсуфьевьяна»),² но и редки специальные исследования его био-

¹ Стоит отметить, что иногда их интересы совпадают: оба любили и собирали непристойные лубочные картинки. О связи Штелина и Олсуфьева с ранней барковианой и лубочной литературой см.: *Farrell D. E. The Bawdy Lubok: Sexual and Scatological Content in Eighteenth-century Russian popular prints // Эрос и порнография в русской культуре / Под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М., 1999. С. 16—41.*

² Под Олсуфьевьяной здесь понимается собрание текстов, связанных с именем Олсуфьева, но написанных разными лицами и зафиксированных в рукописях барковианы. Их герой — старообрядец Иван Данилович — образ «Старовера», отчаянно противящегося «новому». Суть этих произведений — «Символ Веры», где главный герой перечисляет основы своего вероисповедания. Борьба против «нового» проводится в самых разных сферах: одежды, еды, курения, языка. Едкая сатира на староверов, по всей вероятности, относится к религиозной политике того времени. См. об этом: *De Michelis C. G. La satira ai Vecchicredenti nel ciclo di Olsuf'ev // Le minoranze come oggetto di satira. Padova, 2001. Vol. 1. P. 94—105; Sulpasso B. Una «confessione di Fede» nella letteratura libertina russa: la satira ai vecchi credenti nel ciclo di Olsuf'ev. Roma, 2005. P. 282—316.* Небольшой цикл Олсуфьева с точки зрения структуры представляет собой микрокосм барковианы (в нем имеются эпиграммы, элегии, поэмы, портреты и т. д.). В тематическую и жанровую сферу барковианы входит и пародия на классицизм в образе лиры, торжественно воспевающей непристойные предме-

графии. Причины этому можно найти и в исторических обстоятельствах: значительная часть семейных документов обратилась в пепел во время пожара 1812 г.,³ затрудняя тем самым возможность углубленного исследования не только личности самого Адама Васильевича, но также его отца и дяди, лиц первостепенного значения эпохи Петра Великого. Важнейшими документами, имеющими к нему отношение и сохранившимися до наших дней, являются краткая биография, опубликованная его сыном Дмитрием Адамовичем,⁴ и переписка с Екатериной II.⁵ Составленная сыном биография представляет собой документ, изобилующий подробностями, уточняющими для нас основные сведения (отец не оставил ни одной «записки» о собственной жизни).⁶ Переписка с Екатериной представляет собой интересное свидетельство эпохи (в ней упоминаются имена известных людей: от сенаторов и послов вплоть до Ломоносова и Сумарокова).

ты. Чаще всего это собрание исследуется «в тени» барковианы, но от барковианы отличается по разным признакам: цикл «богат бытовыми и социальными реалиями и элементами городского (особенного кабацкого) фольклора». См.: *Гардзонио С.* Замечания к предварительной публикации сочинений А. В. Олсуфьева // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1992. № 20. P. 49. Если одной из характерных черт барковианы является жесткая метрическая структура, которая подобно игре зеркал отсылает к пародии на классицизм, то в сочинениях Олсуфьева часто смешиваются классические метрические размеры с рашскими стихами. О цикле Олсуфьева см.: *Гардзонио С.* Замечания к предварительной публикации сочинений А. В. Олсуфьева; *Сапов Н.* Рукописная и печатная история Баркова и барковианы // Барков И. С. Девичья игрушка, или сочинения господина Баркова / Подгот. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992. С. 353—368; *Степанов В. П.* Олсуфьев А. В. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 383; *De Michelis C. G.* La satira ai Vecchio-credenti nel ciclo di Olsuf'ev; *Плуцер-Сарно А.* Русская порнографическая литература XVIII—XIX вв.: (Размышления над книгами серии «Русская потаенная литература») // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 358—386; *Sulpasso B.* 1) Il «Ciclo di Olsuf'ev»: introduzione ai problemi di catalogazione e lettura dei testi // *Esamidat*. 2004. № 3. P. 41—46; 2) Una «confessione di Fedc» nella letteratura libertina russa: la satira ai vecchi credenti nel ciclo di Olsuf'ev. Roma, 2005 (диссертация).

³ Семейный архив Олсуфьева хранится в РГАЛИ (Ф. 367. № 45). Архив содержит следующие группы документов: 1) Письма императрицы Екатерины II А. В. Олсуфьеву, именные указы Сенату, инструкции и другие документы, связанные с деятельностью А. В. Олсуфьева; 2) Материалы В. Д. Олсуфьева; 3) Материалы Алексея Васильевича Олсуфьева; 4) Материалы жены А. В. Олсуфьева Александры Андреевны; 5) Альбомы Олсуфьевых.

⁴ Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева: (Извлечение из письма Д. А. Олсуфьева к господину Спаде) // Русский Архив. 1870. № 7. С. 1342—1348.

⁵ Переписку опубликовал М. Н. Лонгинов. См.: Письма Екатерины II к Адаму Васильевичу Олсуфьеву, 1762—1783 / С примеч. М. Н. Лонгинова. М., 1863. См. также: Русский Архив. 1863. № 2—4. С. 391—470.

⁶ Намерением сына было сохранение относительной объективности, но он сам замечает, как трудно не выражать чувства благодарности в воспоминаниях об отце, «которому он обязан всем».

Однако это — главным образом деловые, достаточно лаконичные письма.⁷

В этом смысле публикуемые здесь документы кажутся бесполезными для тех, кто хотел бы добавить биографических подробностей к очерку жизни статс-секретаря Екатерины II. Речь идет о двух письмах, датируемых 1742 г., написанных совсем еще молодым Адамом Васильевичем Я. Я. Штелину из Копенгагена, куда блестяще одаренный Олсуфьев отправился с дипломатической миссией помощником барона И. А. Корфа. Письма свидетельствуют о добрых отношениях и взаимном интересе, зарождавшемся в эти годы между ними, а также позволяют более четко очертить не только облик молодого Олсуфьева, но и обрисовать роль, которую в те годы играл Штелин в его жизни.

* * *

К забору этого двора к Фонтанке двор,
С забором о забор,
В котором жительство имеет сенатор,
Науки коему, художества любезны;
Он ведает, они для общества полезны.
В сем доме у него всегда пермесский глас,
Он сделал для себя в Петрополе Парнас.
Его сын скрипкою успешно подражает
Той лире, кою играет Аполлон.
Искусство он свое вседневно умножает,
И стал уже его прямым любимцем он...

(А. П. Сумароков
«Письмо к приятелю в Москву»)⁸

⁷ Хотя время от времени проявляется явная доверительность, свойственная отношениям императрицы с преданным ей секретарем (в этих случаях Екатерина II переходит от «вы» к «ты»). В письме № 59, к примеру, императрица жалуется на некоторую усталость: «Адам Васильевич, хотя ты болен, но не прогневайся, естли я тебя скукою своею наскучу. Иван Иванович Неплюев мучит меня, говорит, что и хлеб и мясо в долг берет, просит у меня десять тысяч в займы, которых дать неоткуда <...>. Я и так ему сказывала, что нигде ныне денег нет, что и самая правда. Adieu Monsieur, а в пятом часу встала. 2 декабря 1763 г.». См.: Письма Екатерины II к Адаму Васильевичу Олсуфьеву... С. 49—50. И напротив, с определенным раздражением и явной живостью императрица обращается к Олсуфьеву в другом письме № 78: «Адам Васильевич, скажи, Бога ради, что за причина, что из Москвы соболей для турка не везут и вовсе, как с соболями у вас обходятся? Естли кабинет не может управиться с мягкой рухлядию, то скажите скорей, дабы я могла иных мер взять и не давайте непорядку какому усилиться; сказывают, ваш курьер четыре недели уже как послан, а ответу нету. Екатерина. 6-го ноября 1764 г.» (Там же. С. 63).

⁸ Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 305.

По мнению В. П. Степанова, вполне вероятно, что в этих стихах Сумароков обращался к Адаму Васильевичу.⁹ Известный дом на Фонтанке, приобретенный Петром Алексеевичем Татищевым в 1761 г., находится в непосредственной близости к Аничкову мосту. Этот «большой и толстый» человек, как охарактеризовал известный итальянский путешественник и писатель Дж. Казанова в своих воспоминаниях А. В. Олсуфьева, принадлежал к весьма старому роду, восходящему, насколько можно судить, к эпохе Ивана Грозного.¹⁰ Его отец Василий Дмитриевич и дядя Матвей Дмитриевич, редко упоминаемые в исторических трудах, были ближайшими помощниками Петра Великого.¹¹ Оба брата Олсуфьевы занимали должность обер-гофмейстеров: Матвей — при дворе императора, а Василий — при дворе императрицы.¹² Привилегированные отношения и близость с Петром засвидетельствованы тем вниманием, с каким тот участвовал в семейных делах своих маршалков, а ныне обер-гофмейстеров: император часто встречался с Олсуфьевыми, был на свадебном пиру Матвея и стал восприемником маленького Адама Васильевича. Более того, как вспоминает Дмитрий Адамович, именно он выбрал для младенца такое необычное имя.¹³

«Дед мой попросил императора быть восприемником сына (моего отца). Когда он приехал, он прежде всего спросил, какое имя дали ребенку при молитве <...> ему ответили, что назвали его Василием. „Нет, — возразил император, — не хочу этого имени. Ева¹⁴ произошла от Адама: хочу, чтобы и от Евы произошел Адам“, и его назвали Адамом Васильевичем».¹⁵

⁹ Степанов В. П. Олсуфьев А. В. С. 385. Берков утверждает, что речь могла идти о Г. Н. Теплове (1717—1779), который также жил на Фонтанке и был сенатором и ценителем искусства и музыки. См.: Там же. С. 565.

¹⁰ «Дмитрий Васильевич Олсуфьев значился среди „тысячников — лучших слуг“ царя Ивана Грозного. <...> Ближайший родоначальник Олсуфьевых, Афанасий Данилович, числился по Бежецку в городских дворянах или детях боярских (умер до 1632 г.)». См.: Русский биографический словарь: В 20 т. / Сост. П. Калинин, И. Корнеева. М., 2001. С. 266.

¹¹ О них см. предисловие к публикации их переписки с Меншиковым: Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А. Д. Меншиковым (1716—1727): Из «Русского Архива». М., 1883. С. 5—12.

¹² Для укрепления позиции братьев большое значение имел брак Матвея с Анной Ивановной Сенявиной, дочерью контр-адмирала Ивана Акимовича, — дамой необычайно привлекательной и особенно близкой к императрице. См.: Там же. С. 7.

¹³ Как подчеркивает Дмитрий Олсуфьев, «это наименование тогда показалось тем более странным, что по нашей вере Адам не причислен к лику святых». См.: Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева... С. 1343.

¹⁴ Василий Олсуфьев был женат на шведке Еве Холлендер.

¹⁵ Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева... С. 1342—1343. Это не единственная забавная история, связанная с Олсуфьевыми. К примеру, героиней одной из них была мать Адама Васильевича или,

После смерти отца судьба Адама Васильевича была предрешена отчимом (Венцелем), который сразу же усердно занялся воспитанием и образованием молодого пасынка и о котором тот всегда вспоминал с благодарностью.¹⁶

* * *

Именно отчим отправил Адама Васильевича в Сухопутный шляхетский корпус, который был открыт как раз в то время и куда он был принят 17 февраля 1732 г. одиннадцати лет от роду.¹⁷ В числе его соучеников были А. П. Сумароков, М. Г. Собакин, П. А. Румянцев, А. М. Голицын, П. И. Панин.

В 1732 г. Олсуфьев играл в придворном спектакле «Иосиф прекрасный»¹⁸ (в этой постановке участвовал среди прочих В. К. Тредиаковский), исполняя роль Пентефрия. С тех пор он начал также пробовать свои силы в писательстве и проявлять особый интерес к литературе.¹⁹ 19 января 1735 г., в связи с годовщиной восшествия на престол императрицы, Олсуфьев и кадет Розен продекламировали на русском и немецком языках стихи в честь Анны Иоанновны.²⁰ Средний уровень образования в Кадетском корпусе на первых порах не был очень высоким,²¹ поэтому способности и эрудиция

вернее сказать, ее зубы: известно, что одним из развлечений Петра было ковчегание в чужих зубах и что он считал себя отличным дантистом. По-видимому, одной из пострадавших от его зубоврачебной практики стала Ева Ивановна, у которой Петр вырвал совершенно здоровый зуб, дабы не нарушить традицию дарования зуба «восприемнику». См.: Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. С. 10.

¹⁶ «Моя бабка вышла замуж за полковника Винцеля, который очень старался о его воспитании, и отец мой всегда вспоминал о нем с уважением и с благодарностью». См.: Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева... С. 1343.

¹⁷ Сухопутный шляхетский корпус был основан Высочайшим указом от 29 июля 1731 г. и открыт в Санкт-Петербурге как раз 17 февраля 1732 г.

¹⁸ Эта комедия была впервые поставлена при Алексее Михайловиче под названием «Малая прохладная комедия об Иосифе». Ее премьера состоялась в ноябре 1675 г.

¹⁹ *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 1—8. СПб., 1874—1888. Вып. 8. С. 99.

²⁰ Текст («Еже Россия ныне восклицает и чим входящу на трон поздравляет царствующую Анну от Бога нам данну...»), по мнению Степанова, вышел не из под пера двух кадетов, а был официальным поздравительным посланием, которое они только продекламировали. См.: *Степанов В. П.* Олсуфьев А. В. С. 385. «Сводный каталог русской книги гражданской печати» указывает, напротив, что «один из них, по-видимому, является автором описанного стихотворения» (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1962. Т. I. А—И. С. 331. № 2129).

²¹ Как замечает П. Н. Берков, «учащиеся этой „рыцарской академии“ получали поверхностные, но разнообразные знания и большей частью оставались

Олсуфьева были особенно отмечены. Выпущенный из Кадетского корпуса 28 марта 1739 г. в чине поручика в Карабинерский (драгунский) полк, он получил аттестат, который свидетельствовал о приобретенных знаниях и позволял предвидеть будущую блестящую карьеру: «...сочиняет латинские, французские и немецкие письма весьма изрядно и переводит с немецкого языка на французский язык экстерпре хорошо; универсальную историю окончал и ответствен изрядно, а притом знает некоторые и специальные истории; в географии прошел все карты и знает преизрядно; рисует миниатюрою, также и нахстики красками очень хорошо; в логике дошел до силогизмов и ответствен изрядно; в юс-натуре ответствен твердо; арифметику окончал; танцует минуэт...»²²

Особый дар к изучению языков позволил молодому поручику карабинерского полка занять достойное место рядом с Б. Х. Минихом, который потребовал к себе молодого офицера, способного помочь в ведении заграничной переписки.²³ Олсуфьев оставался на службе с апреля по октябрь 1739 г., когда был переведен в Коллегию иностранных дел, начав тем самым свою дипломатическую карьеру, которая официально и неофициально продолжалась и после его возвращения в Россию.

* * *

Адам Васильевич при разных обстоятельствах был «официально» уполномочен заниматься вопросами, связанными с искусством и литературой. Он был вовлечен в запутанные экономические дела не столько «литературного» толка, сколько более касающиеся «литераторов» в качестве кабинет-министра, замеща барона И. А. Черкасова — министра, ведавшего личными доходами императрицы.²⁴ Но этим его функции при дворе не ограничивались. Екатерина II обратилась к нему, например, по поводу Сумарокова, когда вознамерилась подвергнуть цензуре басню «Два повара». Об обстоятельствах этого дела мы узнаем из письма императрицы от 30 апреля 1765 г. (№ 85):

«Адам Васильевич, вы имеете сказать, а лучше написать моим именем к Александру Петровичу Сумарокову, что, как его сочине-

людьми малообразованными, что не мешало им делать впоследствии крупную военную и штатскую карьеру» (Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 10).

²² Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. С. 99.

²³ Степанов В. П. Олсуфьев А. В. С. 383.

²⁴ Сам барон рекомендовал Олсуфьева. Упомянув это обстоятельство, Д. А. Олсуфьев подчеркивает, что барон Черкасов, «имея родственников и даже весьма близких родственников, однако же рекомендовал чужого, единственно для того, чтобы не пострадала служба ее императорского величества» (Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева... С. 1344.) Повидимому, он имеет в виду двух сыновей Черкасова: Александра Ивановича (1728—1788), почти ровесника А. В. Олсуфьева, и Ивана Ивановича (1732—1811).

ния печатаются на счету кабинетном, он вперед воздержался б соблазнительных слов для слабых употреблять, как ныне в его басне, называемой о двух поварах; также и трогающих честь кого, как в той же басне история его с князем Шаховским. Сей последний, кажется, своим весьма умеренным поступком против Сумарокова сие не заслужил. Я желаю, чтоб остановлена была продажа сей пиесы, а впредь предпишите, где его, Сумарокова, сочинения на моем коште печатаются, чтоб без *sensure* их не печатали, понеже я не хочу, чтоб подумали, что я дерзости против почтения закона и благопристойности потакала, также почтенных людей под моим покровительством выдавала на непристойное ругательство».²⁵

Кажется странным, что именно автору олсуфьевяны была доверена непосредственная миссия, направленная против «непристойного ругательства». Екатерина, совершенно уверенная в «дипломатическом» даре верного министра своего кабинета, уполномочивала его к этому таким добавлением:

«Mesurez bien vos termes dans cette lettre, car nous avons à faire à une tête chaude qui commence à perdre la tramontane si elle n'est pas déjà perdue depuis longtemps. Mais enfin faites qu'il retire ses sottises ou retirez-les vous-même...»²⁶

В 1767 г. Олсуфьев занимался и делом Бокума: среди студентов, которые восстали против «жестокого и развращенного генерала дивизии», были Алексей Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев, но также его сын Сергей Олсуфьев.²⁷ Адам Васильевич лично просил императрицу разрешить этот вопрос (см. письмо от 30 мая 1767 г., Екатерина II—Олсуфьев, № 101).²⁸

12 июля 1783 г. (ПСЗ. Т. 21. № 15783) А. В. Олсуфьев был назначен председателем Комитета над зрелищами и музыкой.²⁹ По словам его сына, российские театральные труппы обрели в Адаме Васильевиче своего покровителя.³⁰

²⁵ Письма Екатерины II к Адаму Васильевичу Олсуфьеву... С. 68—69.

²⁶ Там же. С. 69. Перевод: «Взвесьте хорошенько ваши выражения, потому что мы имеем дело с горячей головой, которая начинает терять смысл, если уже давно не потеряла его. Однако сделайте так, чтобы он изъял свои глупости, или изымите их сами» (Там же. С. 70).

²⁷ *Madariaga J., de. Caterina di Russia / Trad. da Basaglia E., Zernits M. Torino: Einaudi, 1988.* Об этом см. также: *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII—первой половины XIX века. М., 2005. С. 190—199.

²⁸ В 1771 г. А. М. Белосельский обратится к Олсуфьеву, рекомендуя трех молодых людей. Двоих из них Олсуфьев уже знал — это были как раз Кутузов и Радищев (третьим был А. К. Рубановский). См.: РО РНБ. Ф. 624. Оп. 11.

²⁹ Об указе см.: *Чистяков О. И., Новицкая Т. Е.* Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 1. С. 199 и сл.

³⁰ Д. А. Олсуфьев пишет: «Русская труппа нашла в нем покровителя, ставшего по преимуществу поощрять юные отечественные таланты». См.: Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева... С. 1346.

Явные знаки одобрения были оказаны Адаму Васильевичу также при открытии Российской Академии, к деятельности которой он сразу же выказал свое полное благорасположение. Смерть от водянки 24 июня 1784 г. воспрепятствовала осуществлению его замыслов, и, как подчеркивает Сухомлинов, вместо признательности за оказанное содействие, непрременный секретарь российской академии должен был выразить сожаление о потере одного из достойнейших сочленов.³¹

Увлечение искусством, музыкой и театром далеко превосходило служебные обязанности Адама Васильевича. Современники описывают его как человека образованного, утонченного, веселого и остроумного. Сын вспоминает о том, как после своего возвращения из Лейпцига нашел отца, хотя уже усталого и изможденного, но по-прежнему в ясном уме и в состоянии говорить и писать на латыни: «Я даже был удивлен при возвращении моем из знаменитого Лейпцигского университета, когда услышал, как мой отец, уже пожилой и имея мало случаев говорить и писать на этом мертвом языке, изъяснялся на нем с Цицероновским изяществом».³²

Дж. Казанова познакомился с А. В. Олсуфьевым во время своей поездки по России³³ и вспоминает его как блестящего человека редких качеств, любителя прекрасного пола и богатых застолий, единственного русского, который стал «ученым» без помощи Вольтера:

«Demetrio Papanelopulo»³⁴ me fit connaître le ministre de Cabinet Alsuwiew, gros et gras, plein d'esprit, et le seul lettré que j'ai connu en Russie, car il n'était pas devenu docte en lisant Voltaire, mais étant allé étudier dans sa jeunesse à Upsal. Cet homme rare, qui aimait les femmes, le vin et la chère exquise, m'invita à dîner chez Locatelli à Caterinow, maison impériale que l'impératrice avait donnée pour toute sa vie à ce vieux entrepreneur de théâtres» (« Деметрий Папанелопуло свел меня с министром кабинета Олсуфьевым, толстым и жирным, исполненным остроумия, и единственным образованным человеком, которого я знал в России, поскольку ученость свою почерпнул он не из чтения Вольтера, а отправившись учиться в юности своей в Упсалу. Этот редкий

³¹ Весть о смерти была оглашена во время заседания 6 июля 1784 г., на котором были упомянуты качества покойного и та особая роль, которую он сыграл при дворе: «Который к отменным своим заслугам к монархине и отчеству присоединил и отменное знание как отечественного языка, многих европейских, также латинского и греческого» (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 100).

³² Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева... С. 1347.

³³ Казанова получил таможенный сертификат, выданный на имя «Farussi», 10 декабря 1764 г. в Риге. Прибыл в Санкт-Петербург в конце декабря 1764 г., а в Москву в мае следующего 1765 г.

³⁴ Деметрий Папанелопуло, греческий купец, у которого для Казановы был открыт кредит на сто рублей в месяц.

человек, любивший женщин, вино и изысканные кушанья, звал меня обедать к Локателли в Екатерининский императорский дворец, на всю жизнь отданный императрицею сему старому театральному подрядчику».³⁵

Портрет А. В. Олсуфьева, возникающий из воспоминаний современников, из писем и биографии, написанной его сыном, передает образ человека, преданного долгу, абсолютно надежного и серьезного, делового (по словам бывшего секретаря французского посольства в России Фавье),³⁶ но одновременно спокойного, веселого, ироничного, любящего музыку и литературу, и не по-дилетантски, а как глубокий знаток:

«Олсуфьев владеет весьма подробными сведениями о всех Европейских дворах и знает свет, в котором он много вращается, даже в обществе иностранных послов и министров. У него веселый нрав, приятный и весьма тонкий ум, вид открытый, общительный; его легко можно принять за человека, любящего удовольствия, так как он действительно любит обеды, общество, музыку (которую он знает в совершенстве), театр и все, что к нему относится, но еще более он, Олсуфьев, деловой человек. Кроме большого участия, которое он принимает в делах внешней политики, он, по должностям кабинет-секретаря императрицы, хранителя ее собственной казны, управляющего собственными ее имениями и т. п., имеет ежедневные занятия. Но занятия эти весьма приятны, потому что он всегда имеет случай получать весьма часто знаки ее доверия и дружбы».³⁷

Этот образованный, утонченный человек, днем стоявший у кормила власти, вечером, сняв с себя мундир тайного советника, шатался по «кабакам и домам терпимости». Вероятно, там, среди винного угара, он находил для себя ту радостную и разношерстную компанию, с которой любил вечерами читать и слагать стихи олсуфьевяны.

Страсть к музыке сделала из него не только музыканта, но и переводчика оперных либретто.³⁸ Но переводческая деятельность не

³⁵ *Casanova de Seingalt Vénitien J. Histoire de ma vie. Tome cinq. Wiesbaden; Paris, 1961. Vol. 10. P. 645—646.*

³⁶ Автор «Observations sur la cour de Russie le Ministre et le système actuel», особенно ценимых в русском образованном обществе конца XVIII в., был отозван на родину в 1761 г., вероятнее всего вследствие назначения нового посла Франции в Санкт-Петербурге Луи де Тонелье (Louis Le Tonnellier), барона Бретейля (посол в России с 1760 до 1763 г., после чего он был направлен в Швецию, а его место занял Лоран Беранже).

³⁷ Записки Фавье // Исторический вестник. № 8. 1887. С. 396—397.

³⁸ Переводы Олсуфьева относятся к так называемой «второй фазе» процесса «утверждения итальянских поэтико-музыкальных образов в России». С. Гардзонио характеризует ее так: «Вторая фаза (1740—1770) — самая долгая и менее однородная. Это трудный процесс утверждения итальянского придворного театра посредством итальянских поэтов на службе при русском дворе (Бонеки, Кольтеллини) или знаменитых опер-буффа и опер-серии славнейших итальянских либреттистов (прежде всего Метастазии и Гольдони).

ограничивалась лирикой. Насколько известно, по просьбе Екатерины II ему было поручено перевести комедию Г. Ф. Гроссмана «Только шесть блюд», поставленную 27 сентября 1782 г.

С Я. Я. Штелином Олсуфьева объединяло не только увлечение театром и оперой, но и любовь к искусству лубка: наверное, кроме талантов последнего, которые резко выделяли молодого дворянина и дипломата среди коллег, именно эта общность интересов способствовала расцвету их отношений.

* * *

Письма, предлагаемые здесь, были написаны во время первой заграничной миссии еще очень молодого Адама Васильевича. Ему было только девятнадцать лет, когда его в качестве «дворянина посольства» барона И. А. Корфа отправили в Копенгаген,³⁹ где он оставался до 1744 г.⁴⁰ В некотором смысле Корф представлял для молодого Олсуфьева образец и идеал: образованный, любознательный, коллекционирующий книги и увлеченный своей работой даже вне официальных церемоний. В период пребывания за границей Олсуфьев поднялся по служебной лестнице (в 1742 г. он был назначен секретарем посольства при Копенгагенском и Стокгольмском

В этот период итальянская музыкальная поэзия несомненно повлияла, хотя бы и поверхностно, на развитие русской национальной поэзии, и не только в зарождающейся опере (опера-серия Сумарокова и комические оперы 1770-х годов), но и в жанрах легкой поэзии и стихов на случай» (*Гардзонио С.* Русские переводы и переделки итальянских оперных либретто // *Europa Orientalis*. 1988. № 7. С. 308). О переводах итальянских оперных либретто см. также: *Гадзонио С.* Стихи русских поэтических переводов итальянских оперных либретто XVIII века // *Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA / UCLA Slavic Studies*. 1989. Vol. 18. Олсуфьеву приписываются переводы либретто оперы *Метастазио «Александр в Индии»* (1755), некоторых опер Бонеки. По мнению Н. И. Новикова, ему принадлежат переводы либретто опер «Селевк» (1744, спектакль был поставлен 26 апреля 1744 г.), «Евдоксия Венчанная, или Феодосий Второй» (1751, поставлен 25 апреля 1751 г.), «Беллерофонт» (поставлен в 1750 г.), «Митридат» (поставлен 25 апреля 1747 г.). См.: *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 158. В. П. Степанов выражает сомнение по этому поводу: из «Беллерофонта» Олсуфьев мог отредактировать только краткое содержание, а текст был переведен И. С. Горлицким. См.: *Степанов В. П.* А. В. Олсуфьев. С. 385. Либретто к «Селевку» было отдано в печать, когда Олсуфьев был за границей, а перевод «Митридата» следовало бы приписать В. К. Тредиаковскому, который в апреле 1747 г. сделал перевод «одной французской оперы» (Там же. С. 386).

³⁹ А. В. Олсуфьева назначили полномочным послом в Дании 27 марта 1740 г., на смену А. П. Бестужеву-Рюмину; он вступил в должность 15 апреля 1740 г.

⁴⁰ Для общего ознакомления со всеми представителями центральных правительственных органов с 1720 по 1770 г. см.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 511—526.

дворе) и одновременно повысил свое образование.⁴¹ В Копенгагене он познакомился со своей первой женой, датчанкой Софией Туксен (1723—1751), по кончине которой остался бездетным вдовцом.

Об этом периоде жизни Олсуфьева осталось очень мало сведений, но два письма позволяют, с одной стороны, красочно и более определенно увидеть характер молодого дипломата, с другой — свидетельствуют о тесной связи с бароном Корфом, а также выявляют лингвистическое дарование Адама Васильевича — письма написаны по-итальянски. Выбор итальянского языка для переписки частично оправдан той любовью, какую оба собеседника питали к «*Bel Paese*».⁴² Что касается Олсуфьева, уже упомянутый Ж. Л. Фавье подтверждает его особое внимание к Италии и к ее культуре: «...он видится и имеет общение со всеми народностями; но более он знаком с талантливыми итальянцами и итальянками, ибо у него склонность к талантам, а также с англичанами, ибо их в Петербурге больше, чем французов. Его обхождение со всеми столь одинаково, что трудно из него вывести какое бы то ни было заключение».⁴³

Д. А. Олсуфьев, вспоминая о языковых способностях отца, утверждает, что тот владел даже итальянскими диалектами: «Он говорил и писал весьма отчетливо и правильно на языках французском, немецком, итальянском (в нем он даже знал все наречия), на шведском и датском и понимал, и мог изъясняться по-английски».⁴⁴

Со своим адресатом, как уже было сказано выше, Олсуфьев разделял целый ряд увлечений. Из писем молодого дворянина из посольства следует, что в те годы Штелин занимал в его жизни особое место. С одной стороны, он представлял собой посредника между ним и матерью, с другой — в некоторой мере исполнял роль «ментора» и «советника» молодого человека. Из писем видно, что Олсуфьев питал страсть к опере и классической музыке. В письме от 2 ноября 1742 г. речь идет об опере «Милосердие Тита», премьера которой состоялась 29 мая и стала настоящим событием: это было новое для Москвы культурное событие. Оперу поставили в день коронации, к либретто добавили пролог, автором был сам Штелин, а композитором Д. Даль Ольо (*Dall'Oglio*).

Несмотря на юный возраст, Олсуфьев проявляет дипломатический талант, который позднее позволит ему «переправиться невредимым» из царства Елизаветы Петровны в царство Екатерины II.

⁴¹ Степанов утверждает, что он посещал некоторые лекции в Упсальском университете (*Степанов В. П.* Олсуфьев А. В. С. 383).

⁴² Об отношениях Штелина с «*Bel Paese*» стоит отметить, что отрывки произведений Штелина о музыке печатались в Италии позже, во втором издании анонимного сборника «*Essai sur la littérature russe*» (*Livorno*, 1774; первое издание вышло в 1771 г.).

⁴³ Записки Фавье. С. 398.

⁴⁴ Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева... С. 1247.

В целом, как небольшой фрагмент разнообразной панорамы XVIII в., публикуемые письма добавляют важные подробности для изучения личности Олсуфьева и его доныне мало исследованного наследия.

Письма А. В. Олсуфьева к Я. Я. Штелину на итальянском языке

(РО РНБ Архив Я. Я. Штелина. Ф. 871. 608)

№ 1

л. 1

Copenhagen 10 luglio 1742

Signor Mio

Havendo ricevuto una lettera di mia madre, che V:S: ha havuto la bontà di farmi capitare, mi permetta, che per mezzo di questa io Glie ne renda i miei humillissimi ringraziamenti, e ch'io contribuisca in qualche parte ad un obbligo infinito, e tanto piu grande, che la singular sodisfazione è inspiegabile, che hò havuta in ricever la sudetta lettera, e si anco per esser digia trascorsi nove mesi senza haver havuto nessuna notizia di ella.

Io non sò veramente, come potrò corrispondere alla di Lei particolar gentilezza verso di me, che m'obliga ad altre dichiarazioni, che à quelle, che porta seco l'espressione d'un affettuoso ringraziamento, poiche S:Ecc.: il Sig.r Inviato di Korff, mio Benignissimo e Graziosissimo Protettore mi hà mostrato
л. 1 об. // nella lettera, che V:S: gli hà scritta, in qual maniera Ella hà ben voluto aiutare alla mia fortuna, con le sue raccomandazioni.

Io farò tutto il mio possibile per renderme degno di questo Suo favore, e di conservarmelo, pregando humilmente V:S: di darmi qualche favorevole occasione, nella quale potrebbe provare che V:S: non favorisce un ingrato, mà un huomo, che La stima e che bacciandoli affettuosissimamente le mane sarà sempre con ogni rispetto

Di V. Sig. ria

In Copenhagen

Lo 10 del luglio

1742

Humillissimo ed ossequiosissimo

Servidore

A: Olsufiev

Перевод:

Копенгаген, 10 июля 1742

Государь мой,

Получивши письмо от матери моей, милостью Вашей по благорасположению мне персланное, позволения прошу посредством

сего воздать Вам за то нижайшую мою благодарность и участие принять чем-либо в признательности бесконечной и столь великой, сколь неизъяснимо удовольствие необычайное, мною при получении сказанного письма восчувствованное, потому еще, что уж девять месяцев истекли, как я никаких известий от нее не имею.

И впрямь не ведаю, как смогу ответствовать на особую любезность Вашу ко мне, меня к иным изъявлениям обязывающую, чем те, что с собою выражение благодарности сердечной несет, поскольку его превосходительство, господин посланник Корф, благосклоннейший и всемилостивейший покровитель мой, мне показать изволил в письме, Вашей милостью к нему таким образом писанном, что Вы моему счастью своими рекомендациями помочь изволили.

Я все старания приложу, дабы достойным быть сего Вашего благоволения и к сохранению его, нижайше Вашу милость прося дать мне благоприятный случай к доказательству того, что Ваша милость не лишеного чувства благодарности благодетельствует, но человека, питающего к Вам уважение и руки Ваши чувствительно лобызующего, который всегда пребудет со всяческим почтением

К Вашей милости

в Копенгагене

10 июля 1742 года

Всенижайший и всепокорнейший слуга

А. Олсуфьев

№ 2

Signor Mio!

Amico Stimatissimo!

Vengo con la presente a darLe aviso di aver ricevute due graziosissime lettere di Vo Sig.ria in una delle quali, cioè nell'ultima si è degnata di rimettermi una lettera di mia madre, la quale mi è stata molto cara crescendo sempre più le mie obbligazioni inverso V:S: per l'affetto particolare, che mi fa vedere in tutte le occasioni.

Io non mancherò di abbracciare, e di mettere in opera il consiglio, che V:S: m'insinua per mezzo della Sua prima lettera, tanto più, che non dubito della sua riuscita, per esser procacciato dalla sincerità ed affetto del di Lei buon cuore verso di me. Vorrei esser capace di poter esprimere che considerazione io faccia della di Lei amicitia, e altresì di poterLe far vedere il mio cuore, qual ambizione egli habbia di darLe prove di contraccambio, anelando ogni occasione di potersi adoperare in suo servizio.

Ho avuto l'onore di presentare gli suoi rispetti à Sua Ecc. il Sig. r Inviato di Korff, quale mi hà pregato di far à V:S: le sue scuse, che non gli ha scritto doppo tanto tempo, per esser adesso piu immerso //

Л. 2 nelli affari, che per il passato, e particolarmente in questo tempo così malinconico, che regna qui nelli mesi di 8bre, 9bre e 10bre, capace di caggionare la malattia Inglese, che si chiama Splind.

Mi prendo la libertà d'incomodarla con i miei saluti che V:S: mi farà la grazia di voler portare al Sig.r Lodovico Madònis e sua cara consorte e al Sig.r Giuseppe dal'Oglio, al quale prego V:S: di dire da mia parte, che nella mia partenza da Sn. Pietroburgo mi promise di mandarmi della musica, purché io gli avessi scritto, e pure avendole già scritto due lettere, non hò ricevuto ne risposta, ne musica, per il che Le sarò infinitamente obbligato, se mi manderà qualche aria della nova opera rappresentata in occasione della coronatione di Sua Majestà Imp.re o pure qualche altra sorte di musica e particolarmente i duetti per violini et qualche voli e concerti della compositione del suo fratello, quale potrebbe mandarmi per mare in questa primavera. Per il resto io ricevo con grand obbligazione la gratiosa offerta di V:S: cioè di rimettere le mie lettere sotto il suo piego, con pregarla di volermi conservare nella di Lei cara amicitia, e tenermi esercitato nell'onore de' suoi comandi per poter ricontribuire in parte alle infinite obbligazioni che Lei professa, ed augurandoLe tutte sorti di felicità et di contentezze mi dico

Di Vo Signoria

In Copenhagen
gli 2 del 9bre
1742

humilissimo ed ossequiosissimo
Servo e sincerissimo amico
Adamo Olsufiev

Перевод:

Государь мой!
Друг досточтимый!

Сим удостоверяю Вас в получении двух писем приятнейших от милости Вашей, в одном из коих, то есть в последнем, изволили Вы мне письмо от матери моей передать. Сие было мне весьма драгоценно, умножая еще обязательства мои милости Вашей чрез особое расположение, мне при всяком случае Вами оказываемое.

Не премину я совет принять и исполнить, который Ваша милость посредством первого письма своего мне подает, тем более что в успехе его не сомневаюсь, ибо искренностью Вашей и любовью доброго сердца Вашего ко мне руководствуюсь. Хотел бы я быть способным выразить, какое уважение к дружеству Вашему имею, а также суметь сердце Вам мое явить, какое стремление оно имеет доказательства взаимности Вам представить, всякого случая жажда к службе Вашей быть пригодным.

Я честь имел почтение свое его превосходительству господину посланнику Корфу представить, который просил меня милости Вашей извинения свои передать, что Вам столь долго не пишет, ибо ныне более прежнего в дела погружен, а особенно во время сие столь тоскливое, что царит здесь в месяцах октябре, ноябре и декабре и взывать способно болезнь английскую, Сплиндом именуемую.

Беру на себя смелость затруднить Вас приветствиями моими, кои Ваша милость соблаговолит передать господину Людовику Мадонису и дорогой супруге его, и господину Иосифу Даль Ольо, коему прошу Вашу милость от имени моего сказать, что при отъезде моем из Санкт-Петербурга обещал он мне прислать музыки, и хотя я писал к нему, и дважды писавши, ни ответа, ни музыки не получил, а посему бесконечно ему обязан буду, ежели пришет мне такожде и арию из новой оперы, по случаю коронации ее императорского величества представленной, или другой какой род музыки, особливо же дуэты для скрипок и какие-либо [voli] и концерты брата его сочинения, кои он мог бы морем в эту весну мне отправить. В остальном с великим обязательством приемлю милости Вашей любезное предложение, то есть пересылать письма мои в пакетах Ваших, и с просьбою изволить сохранить мне драгоценную дружбу вашу и делать мне честь в привычном исполнении приказаний Ваших, дабы частично возместить бесконечные Вами изъязвляемые обязательства, и, желая Вам всяческого счастья и удовольствия, называюсь

Милости Вашей

В Копенгагене

2 ноября

1742

Всенижайший и всепокорнейший

Слуга и чистосердечнейший друг

Адам Олсуфьев

Е. Д. КУКУШКИНА

**ТРАГЕДИЯ П. КОРНЕЛЯ «ГОРАЦИЙ»
В ПЕРЕВОДЕ Я. Б. КНЯЖНИНА**

В 1773 г. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, приняло решение о подготовке издания «Корнелиевых трагедий» на русском языке. Перевод был заказан Я. Б. Княжнину. К тому времени русские читатели могли познакомиться с драматургией французского классицизма главным образом по французским изданиям или благодаря языкам-посредникам. Известно, что Феофан Прокопович читал «Сида» Корнеля в польском переводе. В 1740 г. при русском дворе немецкая труппа Каролины Нейбер ставила пьесы П. Корнеля, Ж. Расина, И.-К. Готшеда.¹

Я. Б. Княжнин, для которого в это время переводческая работа была единственным средством существования, перевел шесть трагедий Корнеля. Однако проект остался неосуществленным. Еще в 1772 г. Академическая Комиссия вынуждена была сократить количество книг, представляемых Собранием в типографию Академии наук, так как большое их количество приводило к задержке в печатании материалов и документов самой Академии. Некоторые переводы, готовые к печати, долгое время не издавались.² Три трагедии, переведенные Княжниным, — «Цинна, или Августово милосердие», «Смерть Помпея» и «Сид» были напечатаны в типографии Академии наук к октябрю 1775 г. отдельно, без титульных листов, но со сквозной нумерацией страниц. Весь тираж был выкуплен Н. И. Новиковым и поступил в продажу в 1779 г. Трагедия «Родогуна» была напечатана им лишь в 1788 г.

¹ История русского драматического театра. От истоков до конца XVIII в. М., 1977. Т. 1. С. 85, 100.

² Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериною II. 1768—1783. Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 18, 20.

Перевод трагедии «Гораций» считался утраченным. Кроме того, неизвестной остается шестая, переведенная Княжнинным трагедия.³

Черновые автографы Княжнина с переводами трагедий «Гораций» и «Родогуна» удалось обнаружить в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в фонде Г. Р. Державина (Ф. 96. Оп. 14. № 11). Рукопись представляет собой тетрадь, состоящую из листов in folio (кроме листов 45 и 72, имеющих малый формат) в переплете из плотной цветной бумаги. На корешке переплета, в верхней его части наклейка: Переводы Я. Б. Княжнина. Текст трагедии «Родогуна» занимает листы 4—35, трагедия «Гораций» — листы 42—75 об. Остальные листы тетради чистые. Бумага, имеющая водяные знаки «ФК», датируется 1753 — 1780 гг.⁴

В описи державинского фонда перевод трагедии «Гораций» числится как пьеса без названия. Идентификация ее была, очевидно, осложнена тем, что название пьесы и список действующих лиц в рукописи отсутствуют, а порядок страниц нарушен. Изучение текста позволило восстановить правильный порядок страниц (72—72 об., 46—51 об., 44—45 об., 52—65 об., 42—43 об., 68—69 об., 66—67 об., 70—71 об., 73—75 об.) и получить полный корпус текста.

Предание, которое Корнель положил в основу трагедии, было хорошо известно в то время по беллетризованному изложению Тита Ливия. Умение увлекательно рассказывать об исторических событиях, особый стиль повествования, выдержанный в традициях Цицерона, принесли Титу Ливию прочную славу крупнейшего римского историка начиная с эпохи Возрождения до XIX в., когда были обнаружены многие неточности и ошибки в его трудах.

Согласно легенде, во время царствования Туллы Гостилия (672—640 до н. э.) возник спор между городами Римом и Альба Лонга за право властвовать в формирующемся государстве. Когда все аргументы для мирного соглашения были исчерпаны и не принесли результата, спор был решен в пользу Рима в битве между тремя римскими братьями Горациями и тремя представителями Альба Лонга — братьями Куриациями: «Было тогда в каждой из ратей по трое братьев — близнецов, равных и возрастом, и силой. Это были, как знает каждый, Гораций и Куриаций, и едва ли есть предание древности, известное более широко <...>. Цари обращаются к близ-

³ См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. II. Драматургия. Поэзия / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1996. С. 49 (автор главы Ю. Д. Левин).

⁴ Кукушкина М. В. Флиграны на бумаге русских фабрик XVIII—нач. XIX в. (обзор собрания П. А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II. XIX—XX века. С. 326. См. также: Клепиков С. А. Флиграны на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978. С. 56—57.

нецам, предлагая им обнажить мечи, — каждому за свое отечество: той стороне достанется власть, за какую будет победа».⁵

Бой Горация и Куриация еще до Корнеля привлекал внимание драматургов. Он был изображен в трагедии Аретина «Оразия» (Венеция, 1546), в трагедии «Гораций» (1596) Лодена д'Эгалье (1575—1629), в трагикомедии Лопе де Вега «El Honrado hermano» (1622).⁶ Этот сюжет драматурги интерпретировали и после Корнеля. Упомяну, например, пьесу А. Сальери «Гораций», представленную королевской Академией музыки в Вене в переводе Н. Ф. Гийяра в 1786 г., а затем исполненную в Парижской опере с музыкой Б. Порта в 1800 г.

П. Корнель написал «Горация» в 1640 г. в Руане, куда возвратился обиженный парижскими театральными критиками, неодобрительно отнесшимися к его трагедии «Сид». Литературную работу он сочетал в это время с адвокатской практикой. Профессиональные навыки юриста проявляются в характерном для многих пьес Корнеля литературном приеме — противопоставлении разных мнений по поводу одного и того же факта, подкрепленных убедительной аргументацией с обеих сторон. В «Горации» это особенно заметно в пятом действии, что признавал и сам автор в разборе пьесы: «... пятое действие <...> целиком состоит из судебных речей».⁷

Корнель по-своему пересказал легенду и усложнил драматический конфликт. Герои пьесы — братья, но не близнецы. Соперники связаны родственными и любовными узами и фактически являются одной семьей. Жена Горация Сабина — из семьи Куриациев, а невеста Куриация Камилла — родная сестра Горация. Таким образом, в жертву государственным интересам должны быть принесены любовь и, более того, жизнь близких людей.

Трагедия «Гораций» упрочила ведущее положение Корнеля во французской драматургии. Основной конфликт пьесы — борьба личных интересов и долга перед государством — имел политический аспект: ради блага государства Гораций без тени сомнения отрекался от своих чувств и пристрастий. Тема становления Римского государства переключалась с современной Корнелю французской действительностью — укреплением королевской власти.⁸ В 70-е гг. XVIII в., когда Княжнин взялся за перевод Корнеля, эта тема была по-своему актуальна и для России.

⁵ *Тит Ливий*. История Рима от основания города / Ред. М. Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе. М., 1989. Т. 1. С. 30.

⁶ *Лево Мартин*. Создание «Горация», его появление в печати и на сцене; отзывы о нем современников // Гораций, трагедия в 5 д. в стихах П. Корнеля (1639) / Перевод в стихах размером подлинника Льва Поливанова с очерком жизни П. Корнеля и объяснительными статьями. М., 1895. С. 19—20.

⁷ *Корнель П.* Разбор «Горация» // Пьер Корнель. Театр. Т. 1. Компаньонка. Королевская площадь. Иллюзия. Сид. Гораций. Цинна. Полневкт. М., 1984. С. 376.

⁸ См.: *Сигал Н. А.* Пьер Корнель (1606—1684). М.; Л., 1957. С. 43.

Интересы государства и гражданский долг торжествуют над личными чувствами отдельных людей. Такова основная идея трагедии. Однако Корнель оставил место для некоторых сомнений в абсолютной справедливости такого заключения. В пятом действии устами Валера, влюбленного в Камиллу, высказывается мысль, что Гораций, пренебрегший родственными чувствами, а затем и нарушивший закон, становится опасным для римлян.

Возможности смещения акцентов в трактовке основной идеи пьесы Корнеля обнаружилось во время Французской революции. Трагедия воспринималась как призыв к борьбе с королевской властью и имела большой успех у зрителей.⁹

«Гораций» П. Корнеля известен в двух вариантах. В изданиях 1641—1648 гг. трагедия заканчивалась монологом Юлии, наперсницы Камиллы. Признавая, что пятое действие и так чересчур затянуто, что «утомленное внимание зрителя не мирится с бесконечными, оттягивающими финал монологами»,¹⁰ Корнель за счет него несколько сократил пьесу. Нет этого монолога и в переводе Княжнина. Это свидетельствует о том, что Княжнин переводил по одному из многочисленных изданий, вышедших после 1648 г. Вполне вероятно, что он воспользовался вольтеровским изданием «Театр Пьера Корнеля» (1764), популярным в России.

Я. Б. Княжнин перевел «Горация», как и некоторые другие пьесы, шестистопными белыми ямбическими стихами. Обращает на себя внимание крупный беглый почерк переводчика. Кажется, работа давалась ему легко. На многих страницах почти нет правки. Однако перевод не носит следов поспешности или небрежности, а, скорее, свидетельствует о том, что переводчик свободно владеет французским языком. Во многих случаях Княжнину удалось сохранить свойственные поэтическому стилю Корнеля параллелизмы и антитезы, его манеру разбивать мысль на несколько двустий.

Согласуясь с общими принципами перевода, принятыми в то время, Княжнин переводил сколь возможно ближе к подлиннику. Ради этого он часто отказывался от первоначального варианта. Так, реплика Куриация «Куда ни обращусь, зрю горести несчастны» (д. 2, явл. 1) исправлена: «Куда ни обращусь, везде лить слезы должно», что соответствует тексту оригинала.

Но иногда собственный творческий опыт оказывался сильнее утвердившихся правил. Чувствуя некоторую затянутость пьесы, Княжнин опускает 8-е явление 4-го действия — монолог Сабины, не влияющий на развитие интриги. Некоторые коррективы вносит Княжнин и в текст трагедии. Правка на страницах рукописи позволяет увидеть, как работал Княжнин над переводом, находя наиболее

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ *Корнель П.* Разбор «Горация». С. 377.

подходящие, по его мнению, слова или выражения. В отдельных случаях для выбора окончательного варианта перевода определяющим фактором становится соответствие не тексту Корнеля, а характерам его персонажей.

Реплику вождя альбанцев «*Pourquoi nous déchirer par des guerres civiles*» (д. 1, явл. 3) («Зачем нам себя терзать гражданскими войнами») он сначала переводит близко к тексту: «За что нам внутренней себя войной терзать», но в окончательном варианте находит другое выражение, сближая антонимические понятия: «За что домашней нам себя войной терзать».

Такое же контрастное сближение — оксюморон — появляется в речи Куриация, отправляющегося на бой (д. 3, явл. 5). Эмоционально нейтральную в оригинале реплику «*...mais il y faut aller*» («но нужно идти») Княжнин заменяет словами: «Но должно мне идти на место лютой чести».

В отдельных случаях личностные черты персонажей Корнеля в переводе Княжнина проступают еще более отчетливо. Вот Гораций и Куриаций выказали в диалоге свое столь несхожее отношение к предстоящему смертельному соперничеству (д. 2, явл. 3). Входит Камилла. Ее появление Гораций комментирует словами: «*Voici venir ma soeur pour se plaindre avec nous*» («Вот идет моя сестра, чтобы сожалеть вместе с нами»). Эту реплику Княжнин перевел по-своему: «И се моя сестра идет с тобой стонать». Насмешливое в этом контексте «стонать» подчеркивает душевную жесткость Горация, его упоение своей непреклонностью.

Некоторые поправки Княжнина изменяют тональность авторского текста. В кульминационном четвертом действии (явл. 5) Гораций сообщает Камилле, что смерть их братьев сполна оплачена кровью Куриациев. Потрясенная гибелью жениха, Камилла восклицает: «Когда они уже тобою отомщенны, // Не стану больше днесь я их оплакивать». Но это первый вариант перевода. В окончательном тексте Княжнин приблизился к оригиналу лексически, но кардинально отделился от него по смыслу. Реплику Камиллы «*Puisque ils sont satisfaits par le sang répandu...*» («Коли они удовлетворились пролитой кровью...») он перевел словами: «Когда они пролитой кровью сыты...» В переводе Княжнина Камилла не только не скорбит о погибших братьях, но обвиняет их в кровожадности, видит в них убийц своего жениха.

Редактируя авторский текст, Княжнин несколько меняет его семантику. По римским законам отец семейства неограниченно распоряжался жизнью всех представителей своего рода. Убив сестру, Гораций готов понести наказание от рук отца. Он предлагает ему «*prenez tout ce sang de qui ma lâcheté a si brutalement Souillé la pureté*» («возьмите назад всю сию кровь, чью чистоту трусость моя столь грубо запятнала»). Княжнин сначала перевел эту фразу словами «Пролей всю кровь мою из ребр виновна сына», но в окон-

чательном варианте, заменив только одно местоимение, подчеркнул родство персонажей и трагизм ситуации, при которой сын может быть убит отцом: «Пролей же кровь свою из ребр виновна сына».

В ряде случаев Княжнин использует в переводе сложные грамматические конструкции, для правильного прочтения которых требуется перестановка слов в предложении. «Дивися моего ты силе восхищенья» (д. 1, явл. 2); «Бежишь желаньям твоим противна боя», «Давно раздорами, которы нас смущают / Коварный веселят злодеи наши дух» (д. 1, явл. 4); «Мы добродетели зеркала редкой будем» (д. 2, явл. 3): «Вот жданно мной моей спокойствие души» (д. 3, явл. 1); «Се добродетели пример похвальный редкой» (д. 4, явл. 2); «Достойна будь моей ты имени супруги» (д. 4, явл. 7); «Тебе принадлежит моей все капли крови» (д. 5, явл. 2). Эти инверсии, усложняющие стиль, служат для сохранения ритмического рисунка стиха.

Рукопись Княжнина представляет собой завершённый и отредактированный перевод, практически готовый к печати, листы которого были сшиты в тетрадь без участия переводчика.

* * *

Несколько слов о судьбе трагедии Корнеля в России в XIX в.

«Гораций» впервые предстал на русской сцене под названием «Горации и Куриации» 29 октября 1817 г. в Санкт-Петербурге, в бенефис актера Я. Г. Брянского. Трагедию перевели А. И. Чепегов, А. А. Жандр, А. А. Шаховской и П. А. Катенин¹¹ (по одному действию каждый). Пятое действие было опущено, а вместе с ним и все сомнения в моральном праве Горация на убийство сестры. В пьесе Корнеля литераторы увидели героя, способного на подвиг и личные жертвы ради высоких гражданских целей.

Возможно, именно спектакли оживили интерес к творчеству французского драматурга. В библиотеке Пушкинского Дома хранится первый том сочинений Пьера и Томаса Корнелей, изданный в Париже в 1807 г. Алексей Алексеевич Оленин (1798—1854), выпущенный в апреле 1817 г. из Пажеского корпуса и зачисленный в Гвардейский генеральный штаб, 4 декабря, в день великомученицы Варвары, подарил эту книгу своей сестре Варваре Алексеевне (1802—1877) с надписью «Сестре варинке [так!] в знак любви. Алексей Оленин».

Интерес к «Горацию» Корнеля возобновился затем лишь в конце XIX в. В 1892 г. пьесу предполагали поставить в Малом театре. Но спектакль не состоялся. «Кому он нужен, кому дорог, кому инте-

¹¹ Четвертое действие трагедии в переводе П. А. Катенина было опубликовано в изд.: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 2.

ресен этот Корнель? — писал В. И. Немирович-Данченко. — Для нынешней публики ставить Корнеля — значит умышленно отводить ее глаза от того, над чем она действительно должна размышлять».¹² Первый полный перевод трагедии, сделанный Модестом Чайковским с одного из ранних изданий Корнеля, был издан в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина (СПб., 1893). Но и при обсуждении этого перевода театрально-литературный комитет единогласно признал его не заслуживающим постановки на сценах императорских театров. Центральная сцена трагедии — обличительный монолог Камиллы, в котором звучат проклятья бездушной силе государства, растаптывающего судьбы и жизни людей, — могла вызвать серьезные политические опасения. Трагедия Корнеля становилась лишь фактом истории французской драматургии. В том же 1893 г. «Гораций» был издан с объяснениями исторических реалий В. С. Игнатовичем для чтения в учебных заведениях. В 1895 г. выпускник Московского университета Лев Иванович Поливанов, ставший педагогом, директором частной гимназии, перевел трагедию «Гораций» «размером подлинника» и издал ее с очерком жизни П. Корнеля и сопроводительными статьями.

* * *

Текст трагедии публикуется по рукописи, хранящийся в: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 96. Оп. 14. № 11. Л. 42—75 об., в соответствии с современными правилами орфографии.

В окончаниях прилагательных вместо *-ия/-ья* пишется *-ие/-ье*, вместо *-ого/-яго* пишется *-ого/-его*, вместо *-ой* (жестокой) в именительном падеже пишется *-ий* (жестокий) в тех случаях, когда это не нарушает стихотворного строя. Краткая форма прилагательных и причастий не изменяется ради сохранения стихотворного ритма.

Местоимения пишутся в соответствии с современными нормами (*они* вместо *оне*), за исключением тех случаев, когда исправление повлияло бы на стихотворный ритм.

По современным правилам даются слитное или раздельное написание *-не* с глаголами, наречиями и причастиями.

Название города *Альба* пишется с мягким знаком, в то время как в рукописи встречается написание *Алба*. Имя *Куриаций*, как и в рукописи, имеет два написания (иногда *Куриас*). Сохраняется написание существительного *сопостат*.

Знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами пунктуации.

Нумерация на полях соответствует листам рукописи.

¹² См.: История русского драматического театра. М., 1982. Т. 6. С. 138.

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

ГОРАЦИЙ

Трагедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ту л л и й, римский царь
Ст а р ы й Г о р а ц и й, благородный римлянин
Г о р а ц и й, его сын
Ку р и а ц и й, альбанский дворянин, возлюбленный Ка-
миллы
В а л е р, благородный дворянин, влюбленный в Камиллу
С а б и н а, жена Горация и сестра Куриация
К а м и л л а, возлюбленная Куриация и сестра Горация
Ю л и я, благородная римлянка, наперсница Сабины и Ка-
миллы
Ф л а в и а н, альбанский воин
П р о к у л, римский воин
С т р а ж и

Действие происходит в Риме, в одном из покоев
дома Горация.¹³

л. 72

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С а б и н а, Ю л и я

С а б и н а

Хвали ты слабости, хвали тоску мою,
В ужасных бедствах сих они мне суть пристойны.
Толико грозные зря бури над собой
Твердейшая душа возможет колебаться,
И чувство мужеско, привыкше все сносить,
В смущении б свою узрело добродетель.
В сей лютой грусти, я которую терплю,
Довольно и того, что слез не проливаю.

¹³ Название трагедии и список действующих лиц в рукописи отсутствуют. Они даются по изданию: *Сигал Н. А.* Пьер Корнель.

Хоть вздохи я свои бессильна принуждать,
Но возмогу еще владети я слезами.
Хоть меньше мужества геросов я кажу,
Но оным слабых жен я твердость превышаю.
В несчастья воспрещать слезам своим течи
Для женской слабости есть мужества довольно.

[Пропущена реплика Юлии]

Л. 72 об.

С а б и н а

Римлянка я, когда Гораций мой супруг,
То титло приняла, прияв его я руку,
Но брака узел сей, связующий меня,
Меня не делает невольницею Рима,
И помню я еще отечество мое.
О Альба! Град, где я впервые свет узрела,
Рожденья моего дражайшая страна.
Меж Римом и тобой войну открыту видя,
Страшусь победы я и гибели страшусь.
О Рим! Коль скажешь, что тебе я изменяю,
Жалея о стране, противная тебе,
Почто ты не избрал себе во сопостата,
Которых бы могла возненавидеть я?
Альбанско и твое со стен твоих зря войско,
В одном супруга зрю, в другом трех братьев.
Могу ли я желать, могу ли беспорочно
Просити от небес успеха твоего?
Я знаю, что твоя рождающаяся область
Войною лишь себя возможет укрепить,
Что возрастет она; что предельенье рока
Назначило твою неодолиму силу
Владети не одним латынней народом,
И что обещана тебе держава мила,
Котору приобрести ты должен лишь войной.
Я, не противяся сему геройску жару,
Что к твоему тебя величеству влечет,
Хотела б зреть твои победоносны войска,
Открывши славы путь с оружием в руках,
Уже текущие за горы Пиренейски.
Гряди со воинством туда, где солнца восток,¹⁴
И Рейна на берегах свои шатры постави,
И Геркулесовы столпы ты потряси,
Но город почитай, где твой Ромул родился.
Неблагодарный Рим, вспомни то теперь,
Кому, коль не его царей преславной крови,
Ты должен именем и родом ты своим?
Ты должен всем ему законами, стенами.
И Альба мать твоя. Жестокий, удержиись:

Л. 46

¹⁴ Восток. См.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4 (Воздух—Выпись). С. 96.

Во чрево матери ты острый меч вонзаешь.
Весь мир побед своих наполни громом ты,
О счастья чад своих она возвеселится,
Любовью матерней исполнена к тебе,
Когда против нее оружие оставишь,
Все будут за тебя желанием ее.

Ю л и я

Сии слова меня приводят в удивленье.
От времени того, как римские полки
Против соседей сих оружие поднимают,
Взирала с хладностью на Альбу ты всегда,
Как будто б римския сама была ты крови.
Я добродетели дивилася твоей,
Которая тебя, клоня к стране супруга,
Влекла от стороны всех сродников твоих.
Я, мня, что об одном лишь Риме ты жалеешь,
Во горести тебя искала утешать.

Л. 46 об.

С а б и н а

Доколе мы слабы еще давали бои,
Которые ни нам, ни братиев страны
На век падением конечным не грозили,
Доколе мира я надеждой льстилась,
Я ставила за честь во всем римлянкой быть.
Когда случилось, что Рима счастье зря
На оногo успех я с завистью взирала,
Сердечное сие движенье чувствуя,
Сама себе за то творила я укoры.
И ежели когда пред Альбой падал Рим,
Успехи братьев зря, я ощущала радость,
То в тот же самый час, рассудок свой собрав,
Старалась истребить веселье недостойно,
И плакала всегда, зря славу сродников.
Но днесь, когда уже сие необходимо,
Чтоб Альбе рабствовать или чтоб Рим упал,
Когда после сего ужасного сраженья
Ни победителю не будет уж препятств,
Ни побежденным уж к спасению надежды,
Тогда к своей земле я ненависть явлю,
Хоть душу римскую всегда имети буду.
Не прилепляется мой беспристрастный дух
Ко пользе одного лишь только человека,
Ни Альбе счастья, ни Риму не хочу,
Страшуся и того, страшуся и другого,
И стану от страны гонимая судьбой.
Доколе страшна та победа не свершится,
Я равнодушие казати буду к ним,
Но к побежденным я жаленье ощущая,
В их бедстве буду я участие принимать,

Л. 47

Не принимаючи участия во славе,
Что победители себе приобретут.
Слезами оболую моими побежденных,
А победителям я ненависть явлю.

Ю л и я

Неравны чувства твоим явит Камилла.
Супруг твой брат ее, твой брат ее жених,
Но не таким она, как ты, взирает оком
На брата своего и на любовника,
Обеих видя их во воинствах противных.
Как римский ты в себе казала прежде дух,
Тогда, смущенная, Камилла тороплива
И самых слабых битв страшилася всегда.
Победа всякая казалась ей ужасна,
И, кто б ни победил из обеих сторон,
Потоки горьких слез она лишь проливала.
Но уж вчера, когда назначен оный день,
В который должно быть решительну сраженью,
Внезапно радость дух почувствовал ее.

Л. 47 об.

С а б и н а

Ах, сколько я себя премены ужасаюсь.
Вчера с веселием и лаской обходясь,
Она, не знаю что, с Валером говорила,
Конечно, для него брат ею мой забыт,
Иным прельщенная, не помнит Куриаса.
Но извини мою ко брату ты любовь,
Творящую во мне к Камилле подозренье,
Которо, может быть, еще и суетно.
В толь пагубны часы кто мыслит о любви?
Во время страшных бедств не нежность на уме.
Однако и никто во время бед грозящих
Со удовольствием таким не говорит
И нежностей таких друг другу не являет.

Ю л и я

Подобно так, как ты, и я сему дивлюсь.
Мне чудна кажется души толика твердость,
Чтоб, видя бедствие и ожидая гроз,
В веселье утопать и быти беспечальной.

С а б и н а

Но се Камилла к нам сама сюда спешит.
Ты испытай ее, о ссем вещая с нею.
Любя тебя, она откроет все тебе,
И я оставлю вас.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Камилла, Сабина, Юлия

Сабина

Отсель я удаляюсь,
 Стыдясь тебе явить печаль и скорбь свою.
 И сердце горестью мое отягощенно
 Во единении покоитъ отхожу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Камилла и Юлия

Камилла

Почто она, почто себя от нас скрывает?
 Иль думает она, что меньше я терплю?
 Что бесчувствительно толпки бедства видя,
 Потоков горьких слез не столько я лию?
 Подобно тленещу, подобно я крушуся,
 В обих воинствах, подобно как она,
 Иль брата своего, или любезна трачу.
 Дражайший мой — мое то все, что я люблю,
 Иль за отечество свое погибнуть должен,
 Иль должен рушити отечество мое.
 И сей предмет любви к горчайшу мне мученью
 Иль должен скоро, ах, оплакан быти мной,
 Иль должен быти мной он вечно ненавидим.

Юлия

Однако меньше ты достойна жалости.
 Не столь удобно нам переменить супруга,
 Как можно пременить нам данна женихом.
 Валера ты прими, забуди Куриаса,
 Не будешь трепетать, не станешь унывать,
 Не будешь ты иметь в стану, противном Риму,
 То, что сердце днесь твое крушит и рвет.

Л. 48 об.

Камилла

Давай советы мне теперь, но беспорочны,
 И о несчастиях моих ты сожалей,
 Не показуя мне к бесславию дороги.
 Хотя несчастия мои безмерны суть,
 Я буду их уметь сносить великодушно
 И не соделаю себя достойной их.

Юлия

Иль то пороком чтишь, что есть необходимость?

К а м и л л а

Или простительно рушенье наших клятв?

Ю л и я

Что к нашему врагу нас может обязати?

К а м и л л а

Но что от клятвы нас возможет свободить?

Ю л и я

Напрасно хочешь скрыть то, что уж всем известно.
С Валером зрела я вещающу тебя,
Приемы ласковы, что ты ему являла,
Надеждой сладкою его удобны льстить.

К а м и л л а

Со радостным лицом вчера я с ним вешала,
Но может ли ему надежду то подать?
Вещая с ним, иным предметом утешалась.
Узнаешь то тогда, что обманулась ты,
Коль радости моей тебе вину открою.
Не чти меня, не чти клятвоприступницей:
Я твердую любовь храню ко Куриасу.
Вспомни время то, когда его сестра
Со братом сопряглась моим счастливым браком.
Тогда и Куриас у моего отца
В невесты испросил меня любви в награду.
Сей день был счастлив нам и купно несчастлив.
Союзом связаны в день оный наши дома,
Но в тот же день союз разрушен меж царей.
И брак наш, и войну единый час устроил,
Надежду подал нам и паки ону рушил,
И все нам обещав, похитил все у нас.
Любовью нас плена, соделал нас врагами.
Ах, сколько бедствие сие нас тронуло,
Колико я тогда лила потоков слезных,
И сколько он тогда против богов роптал.
Я больше не скажу, ты все сама то зрела,
Колико мучались мы, разлучаяся.
Ты после видела моей души страданье,
И знаешь, сколько я, смущаяся войной,
Алкала тишины благополучна мира,
И сколько слез лила, то за любовника,
То за отчество, в опасности их видя.
И, наконец, не зря я бедствиям конца,
Ко предприцателям в отчаяньи прибегла.
Внимай, удобно ль то, что слышала вчера,
Отчаянной душе моей подать отраду.
Тот грек, который нам уже от давних лет

Л. 49

Предбудуще всегда толь точно предвсщает,
 Конец моим бедам мне тако предсказал:
 «Рим завтра с Альбою свои пременит виды,
 Спокойство мирное их стены окружит.
 Во всем твое, во всем желанье совершится,
 Сосдинишься ты с любовником навек
 И больше никогда ты с ним не разлучишься».
 Предвестьем таковым уверилася я,
 И как успех мою превосходил надежду,
 Я душу всю свою восторгам предала.
 Дивися моего ты силе восхищенья.¹⁵
 Валера встретила, он мне сносное стал,
 Бесскучно о его я слушала любви,
 Позабывая то, что с ним вещала я.
 Я хладности ему нимало не казала,
 И без презрения снося Валера речь,
 Во всем, что видела, я зрела Куриаса,
 Во всем, что слышала, внимала глас его.
 В сей день назначено решительно сраженье.
 Я, слыша то вчера, забыла обо всем.
 Предметы страшные все в мыслях помрачались
 Надеждой сладостной лишь брака моего.
 Но ночь рассеяла те лестны вображсьни.
 Ужаснейшие сны, кровавы образы
 И в мыслях лютое мечтанье страшных боев.
 Мечталась только смерть, и кровь одна мечталась,
 И все, увы, во сне мой страх усугубляло.

Ю л и я

В противном смысле ты теперь толкуй сей сон.

К а м и л л а

Хоть сбудется, хоть нет — иного я желаю,
 Но несмотря, увы, на все пророчество,
 Не мир готовится, готовятся ко брани.

Ю л и я

Сим кончится война, настанет жданный мир.

К а м и л л а

Пусть вечно длится зло, коль нет иного средства.
 Хоть Рим, хоть Альба ли в сей страшный день падет,
 Дражайший Куриас не будет мне супругом.
 Во веки браком я не сопрягуся с тем,
 Кто Рима будет раб иль будет победитель.
 Но что я зрю теперь, тебя ли, Куриас?

¹⁵ То есть: ты дивися силе моего восхищенья.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Куриас, Камилла, Юлия

Куриас

Увидь того, увидь, дражайшая Камилла,
Который днесь ни раб, ни победитель Рима,
И не страшись, чтоб иль бесчестье уз,
Иль римска кровь мою б десницу помрачила.
Я знал, что ты, любя отечество и честь,
Должна в любовнике, конечно, ненавидеть
И победителя и римского раба,
И я, страшась оков, страшась и победы...

Л. 50 об.

Камилла

Довольно, Куриас, я вижу мысль твою.
Бежишь желаньям твоим противна боя¹⁶
И предан мне во всем. Чтоб не сгубить меня,
Отечество своей ты помощи лишаешь.
Пускай иной в сей час, взирая на сие,
Что столько любишь ты, за то тебя порочит.
Не мне тебя, не мне осталось в том винить.
Чем более твоя ко мне любовь явится,
Тем больше я тебя за то должна любить.
Но зрел ли моего родителя ты ныне,
Дозволил ли тебе он в дом его вступить?
И им отечество не предпочтено ль крови?
Не первенствует ли Рим в мыслях у него
Пред дочерью его, тебя котора любит,
Блаженство наше днесь со всем ли утверждено?
Как зятя он тебя иль как врага приял?

Куриас

Как зять я принят им со дружеством и лаской,
Но не изменю я в город ваш вошел.
Я вшел сюда, свосй не помрачая чести,
И пользы своего не предал общества.
Я честь еще люблю, Камиллу обожая.
Я, быв любовником, гражданин был прямой
Во все те дни, когда оружие гремело.
С любовью моей хранил я к Альбе долг,
Сражался за нее я, по тебе вздыхая,
И, несмотря теперь на сильну страсть мою,
Коль длилася б война, еще б я был при войске.
Днесь мир восстановленный отверз мне вход сюда,
И миру мы должны любви нашей счастьем.

¹⁶ То есть: бежишь боя, противного твоим желаньям.

Мы миру тем должны, могу ль ему поверить?

Ю л и я

Поверь, Камилла ты, предвестнику сему.
Но коим средством в мир война преобразилась?

К у р и а с

Кто думать мог сие? Уж оба воинства
К сраженью двинулись, пылая равным жаром.
Гроза на их очах и смерть была в руках,
Лишь повеления к начатью ожидали.
Тогда диктатор наш выходит из рядов
И персмирия у римляней он просит,
Которо получив, воздвигнул тако речь:
«Что деласм? К чему мы, римляне, стремимся?
Почто друг друга мы желаем истребить?
Да просветит наш дух луч здравого рассудка.
Соседи близки мы и все мы сродники,
В нас кровь одна, и мы один народ в двух градах.
За что домашней нам себя войной терзать,
Где кровь лия врагов, слабеет победитель,
Где лавр всегда омыт потоком горьких слез?
Все наши общне завистны сопостаты
С веселием теперь того лишь только ждут,
Которая страна другою истребится,
Чтоб в добычь получить ту, что своей рукой
Другую пред собой повергнет в брани лютой,
Победой помощи сама себя лишит.
Давно раздорами, которы нас смущают,
Коварный веселят злодси наши дух.¹⁷
Свои противу их соединим мы силы,
Развраты наши все забвенью предадим,
Которы воинов дают нам добрых славу,
Но сродственниками худыми нас творят.
Коль честолюбие повелевать друг другом
В сей день на страшну брань вооружает нас,
Чтоб удовольствовать сие нам честолюбье,
Немногой кровию мы можем делать то.
Мы изберем бойцов за первенство сражаться,
Возложим бремя мы и благо общсе
Народов обеих на рамена немноги.
Пускай победой их, иль их паденьем,
Кому покорствовать или владеть решится.
Преднишет храбрость их, кому начальствоватьъ.
Но, чтоб без подлости покорство оно было

Л. 51 об.

¹⁷ То есть: наши злодеи веселят коварный дух.

Л. 44

И побежденные чтоб не были рабы,
Без посрамления судьбине повинуюсь
И победительским знаменам следуя,
Без низости б за них сражались повсюду,
Чтоб наши области одна была страна».
Казалось, будто бы с диктаторовой речью
Горящий перед сим наш кончился разврат.
И всяк, воззрев на строй врагов вооруженных,
Иль видит сродника, иль друга познает.
Чудятся все, и все того понять не могут,
Что, жаром ярости наполнивши их дух,
К кровопролитию их ближних приводило.
Все вдруг к сражению охоту отвратить
Желание явят к избранию бойцов,
И мирный договор уже на сем основан.
От каждой стороны три будут избраны,
Что смертью своей толкиих жизнь избавят.
Но, чтоб избрать к сему граждан, достойных бою,
На несколько часов сие отложено.
Начальствующий над Римом суд в Сенате,
А наши во шатрах советуют в стану.

К а м и л л а

Благодарю я вас, всеильны небеса.

К у р и а с

Чрез два часа уже по общему согласью
Судьба бойцов судьбу всю нашу разрешит.
Меж тем входить сюда и выходить мы вольны.
Весь Рим у нас в стану, и в Риме весь наш стан,
Все дружбу прежнюю возобновляют паки,
А я, покорствуя единой лишь любви,
С твоими братьями вошел во грады Римски,
И столько счастлив я в желаниях моих,
Что к завтрию наш брак твоим отцом назначен.
Ты воле отческой покорна будешь ли?

Л. 44 об.

К а м и л л а

Вся должность дочери в покорстве состоит.

К у р и а с

Пойдем в сей час его прияти повеленье,
От коего мос зависит счастье.

К а м и л л а

Я к братьям днесь пойду, чтобы еще услышать
Конец всех наших бедств.

Ю л и я

И я пойду к богам,
Чтоб за щедроту им принести благодаренье.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

л. 45

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гораций и Куриас

Куриас

Почтенья своего Рим к вам не позабыл,
Спасенис свое Горациям вручает.
Сей пышный град, тобой и братьями гордясь,
Пред всеми только вас одних предпочитает,
И, храбростью своей дерзая, он на все
Единым домом лишь всей Альбе угрожает.
Все блага онаго зря в ваших лишь руках,
Нам мнится, кроме вас нет римлянсй на свете.
Три дома честию сей выбор бы покрыл
Три дома от того б блистали вечной славой.
И как моя сестра уже тебе женой,
Твоя ж сестра моей супругой будет вскоре,
То в славе ваша участь я беру.
Однако сильный страх мою смущает радость,
И ваше мужество, толь славное в войне,
Уже в сей час меня страшит паденьем Альбы.
Я зрю уже, я зрю несчастье ее,
Коль с ней сразитесь вы, она погибнет точно.
Избраньем вашим рок ей гибель предписал,
И подданным себя я вашим почитаю.

л. 45 об.

Гораций

За Альбу не страшись, о Риме сожалеи,
То зря, кому свое он благо поручает.
Для трех Горациев достойнейших забыл,
Толико храбрых он мужей в себе включая,
Он ослепляется, без мыслей нас избрав.
Чад множество его, которы нас достойней
Могли бы днесь его удобней защитить.
Но хоть во брани сей я зрю свою погибель,
Однако оным я исканием горжусь.
Мой слабый дух надмен претвердою надеждой,
От малой храбрости я чаю многого.

л. 52

И что бы надо мной судьба ни совершила,
Я подданным твоим еще себя не чу.
Рим много на меня надежды возлагает,
Но верь ты мне, что сим мой восхищенный дух
Или во всем его желание исполнит,
Или оставит жизнь. Кто хочет умереть,
Иль хочет победить, не побежден тот будет.
И Рим, поверь мне в том, не будет покорен,
Доколь не испущу последнего дыханья.

Куриций

Сие то, ах, меня ввергает в люту скорбь.
Чего отечество желати принуждает,
Тем дружество мое к тебе меня страшит.
О мысль ужасная! Под игом видеть Альбу,
Иль видеть власть ее утратой дней драгих!
Чтоб счастье ее твоей главой достиглось,
Чего желати мне? Какой утечи ждать?
Куда ни обращусь, везде лить слезы должно.

Гораций

Что слышу, Куриец, ты будешь слезы лить,
Зря за отечество меня упавша жертвы!
Великия души такая лестна смерть.
Не тернит токов слез за ней грядуща слава.
И я б во гроб вступал, благодаря свой рок,
Коль смертию б моей не столько б Рим утратил.

л. 52 об.

Куриций

Страшиться одного позволь твоим друзьям.
Во смерти твоея они лишь только жалки,
Тебе останется вся честь, а им вся грусть.
Бессмертен только ты, они несчастны будут.
Но Флавиан спешит мне нечто возвестить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гораций, Куриций, Флавиан

Куриций

Ужель трех ратников своих избрала Альба?

Флавиан

Я весть о том принес.

Куриций

Кто суть те воины?

Ф л а в и а н

Ты с братьями.

К у р и а ц и й

Кто, я?

Ф л а в и а н

Ты с братьями твоими.
Почто ж смущенный свой ты отвращашь взор,
Или избрание сие тебе противно?

К у р и а ц и й

Я сим избранием внезапно поражен,
Я недостойным чтил себя толикой чести.

Ф л а в и а н

Велишь ли мне о том диктатору сказать,
Что ты без радости толику честь приемлешь?

К у р и а ц и й

л. 53

Скажи ему, скажи, что дружба и союз
Не восприпятствуют трем братьям Курицам
Против Горациев служить отечеству.

Ф л а в и а н

Противу их! Теперь все ясно понимаю.

К у р и а ц и й

Иди с ответом ты, в покое нас оставь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гораций и Куриаций

К у р и а ц и й

Хотя бы небеса, земля и весь тартар
Воздвигли против нас свирепую войну,
Все б было сноснее ужасной оной чести,
Которую в сей час обсим нам творят.

Г о р а ц и й

Судьба, котора нам путь к славе отверзает,
По нашей твердости и честь нам подает.
К снесению нам бед все силы истощает,
Чтобы сравняться со нашим мужеством.

И как она в нас двух не низки видит души,
 То для того бедой безмерной тяготит.
 Сражати с врагом за общее спасенье,
 Против незнама удары направлять
 Простого мужества есть действие обычно,
 То многи делали и многи сделают.
 И за отчество окончить жизнь во брани
 Есть толь завидна смерть, что все на то идут.
 Но обществу принести что любим мы на жертву,
 С любезным сродником вступить храбро в бой,
 Разрушити союз нежнейшия любви,
 Со братом жениным, с любовником сестры
 За благо сограждан, забывши все, сразиться,
 Дражайшу собственну за них пролити кровь, —
 Пристойна только нам такая добродетель.
 Во удивление толикой славы блеск
 Всех смертных приводя, на зависть не подвигнет,
 И редкий смертный так прославиться дерзнет.

Куриций

То правда, имена ввек наши не погибнут.
 Великий случай нам ко славе предстоит,
 Мы добродетели зерцала редкой будем,
 Всех в удивление мы оным приведем.
 Но мужество твое на варварство походит.
 Велики души сим к бессмертию путем,
 Поверь, Гораций, мне, достигнуть не хотели б,
 И как бы кто сию мечту ни почитал,
 Сиянья такова есть темнота милее.
 Ты знаешь то, что я, ступая долго в след,
 Ни нашим дружеством, ни братством не смущаясь,
 Отечества всего избрание приял.
 Почтенье равное мне Альба изъявляет,
 Которое тебе в сей день твой Рим творит.
 Я так же, как и ты, служити Альбе льшуся,
 Равно мой дух есть тверд, но все я человек.
 Лить кровь мою тебе повелевает слава,
 Мне честь велит твою пронзити грудь мечем.
 Любя сестру, увы, сгубити должно брата.
 Хотя я к должности без ужаса стремлюсь,
 Я жалок сам к себе, завидую я тем,
 Которы в сей войне уже живот скончали.
 Хотя без тренета исполнить долг иду,
 Прельщаюсь честью сей, не ослепляясь ею.
 Я то высоко чту, что мне она даст,
 Но трачу с жалостью, что у меня отъемлет.
 И если пышный Рим сей больше твердости
 Во гордости своей от чад своих желает,
 Благодарю богов, что я не римлянин
 И что еще в сей час подобен человеку.

Гораций

Коль ты не римлянин, то тщишься оным быть.
Быть хочешь равен мне, но быти не умеешь.
Ко добродетели, которой я горжусь,
Ни малой слабости мой дух не приобщает.
Не будет славен тот, кто чести в путь входя,
Сам славы своя сияния страшится.
Велики бедствия нам ныне настоят,
Ужасная напасть, несчастие безмерно.
Я вижу все сие и, зря, не трепещу.
Против кого б меня днесь Рим бы ни поставил,
Я слепо, с радостью, приемлю честь сию.
И толь преславные гражданам повеленья
Все протчи чувствии должны уничтожать.
Кто, должность получив, взирает на иное,
Тот без усердия ступает к должности.
Священный узел сей все узлы прерывает.
Рим выбрал днесь меня, я ни на что не зрю.
С какою радостью с сестрой я сочетался,
С такою ж радостью и с братом я сражусь,
И, словом, ты мне враг, и я тебя не знаю.

Куриций

Л. 54 об.

Но знаю я тебя, и вот что дух мой рвет.
Я добродетели не знал твоей жестокой,
Что бедству нашему безмерностью равна.
Я удивляюсь ей, но ей не подражаю.

Гораций

Ты добродетели такой не принимай,
Которую тебе исполнити не можно.
Когда находишь ты утеху в жалобах,
По воле свося ты наслаждайся ими.
И се моя сестра идет с тобой стонать,
А я пойду к твоей ей душу укрепить,
Явила чтоб она достойну мне жену
И чтоб, прияв в сей час пристойныя мне мысли,
Любила бы тебя, хоть я тобой умру.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гораций, Куриций, Камилла

Гораций

Известно ли сестре избраньс Курица?

Камилла

Я ведаю, что мой переменился рок!

Гораций

Терпеньем вооружись, будь мне, сестра, достойна.
Когда он, умертвив меня, придет к тебе,
Прими его, прими не как убийцу брата,
Но как исполнивша ко честию свой долг,
Который, за свое отечество сражаясь,
Явил то всем, что он тебя достоин есть,
И брак с ним соверши, забыв убийцу брата.
А ежели мой меч его преторгнет век,
После победы ты меня прими подобно
И смертью жениха меня не укоряй.
Я вижу, хочешь ты пролить потоки слезны,
Спираются в груди дыхании твои.
Л. 55 Пролей пред ним, пролей души твоей всю слабость,
Вини и землю ты, вини и небеса.
По окончании лишь наша ты брани
Забудь того навек, который мертв падет.

(к Куриацию)

На час един тебя я с нею здесь оставлю,
А после ты пойдешь, куда нас честь зовет.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Куриаций и Камилла

Камилла

Ты идешь, Куриец? И толь жестока слава,
Котора наше все блаженство погубит,
Возможет ли тебе, жестокий, быть приятна?

Куриаций

Увы, мне должно днесь умереть от тоски
Иль от Горация. Вступая в путь сей славный,
Я, как на казнь, иду и честь свою клянущу,
Котору за мою творит мне храбрость Альба.
К преступку я влекусь отчаяньем моим,
Против небес ропщу я, на богов дерзая.
Жалею я тебя, жалею и себя,
Но должно мне идти на место лютой чести.

Камилла

Ах нет, жестокий, ты быть хочешь мной просим,
Чтоб власть моя тебя пред Альбой извинила.
Довольно славен ты уж мужеством своим,
Ты Альбе заплатил то все, чем ты ей должен,
В сей пагубной войне тебя кто превзошел?
Кто более тебя губил гражданей наших?

Уж больше честь твоя не может возрасти,
Пускай иной теперь прославиться восхочет.

Л. 55 об.

Куриций

Чтобы я допустил готовым для меня
Главу и нова днесь венчать бессмертным лавром
И чтоб отечество могло мне то сказать,
Что если б за него я восхотел сразиться,
То, защищенно мной, не пало бы оно;
Что усыпленная мою страстью храбрость
Все прежние мои похвальны подвиги
Прегнүснейшим теперь бесчестьем окончала.
Нет, Альба после сей мне чести сделанной,
Никем иным, как лишь единым только мною
Падение твое или победа будет.
Ты предалася мне, я стану за тебя,
Жизнь честно сохраню иль без стыда умру.

Камилла

Или не видишь ты, что мне тем изменяешь?

Куриций¹⁸

Я прежде, нежели Камилле должен быть,
Быть должен Альбе всем.

Камилла

Сестру свою супруга
Лишити хочешь ты и зятя умертвить.

Куриций

Несчастье судьба нам предписала.
И наши отчества, избравши к бою нас,
Из ближних сродников нас сделали врагами.

Камилла

Жестокий! Можешь ли, представ с его главой,
Просити у меня руки моей в награду!

Куриций

Не должно мне о сем уж больше помышлять.
В сей страшный день тебя любити без надежды —
Вот все, что я могу. Камилла, плачешь ты.

Л. 56

Камилла

Ах, как не плакать мне! Жестокий мой любовник
Велит мне умирать, когда желанный брак

¹⁸ В рукописи ошибочно: Камилла.

Свечи свои для нас во храме воспалит.
Ты сам, их погасив, мне отверзасшь гроб
И, убивая мя, вещасшь, что ты любишь.

Куриаций

О, сколько сильны суть возлюбленные слезы,
Как дух мой страждущий смягчается тобой,
И, видя скорбь твою, моя слабеет твердость.
Не вооружайся ты на славу днесь мою,
От слез твоих позволь спасти мне добродетель,
Я чувствую, что днесь колеблется она.
Чем более к тебе любви ощущаю,
Тем меньше чувствую я мужества в себе.
Противу дружбы я уж слабо защищался,
Увы, могу ли днесь любовь преодолеть?
Престань меня любить, не лей потоков слезных,
Или, чтоб честь спасти, я оскорблю тебя,
От гнева твоего удобней защищуся.
Я ненавищу твою желаю заслужить,
И, чтоб исполнить то, скажу: «Тебя не знаю».
Неблагодарному любовнику отмсти,
Карай преступника, Камилла, ты презрешь.
Но ты, жестокая, не хочешь мне отмщать.
Я гневаю тебя, а ты, несчастна, любишь.
Но что еще вещать, чтоб истребить любовь?
От верности к тебе своей я отрицаюсь!
О долг, жестокий долг! Чем жертвую тебе!
Исполнить не могу тебя без преступленья.

Камилла

Будь виновен только в том, и я тебе клянусь,
Что больше я тебя еще любить стану.
Я буду обожать неверного тебя,
Лишь только не возноси своей руки на брата.
Почто римлянка я! Почто ты не римлянин!
Свою б я рукой тебе сплела венец,
Не удержала бы, но ободрила б к брани,
Как брата своего подвигла б в бой тебя!
Увы, несчастная, я, ободряя брата,
Не знала, что его стремлю я на тебя.
Но сей и сам мой брат сюда опять приходит.
А ежели над ним его супруги власть
Толико, как моя, слаба над Куриациом,
О, как несчастна я!

Л. 56 об.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ¹⁹

Горацкий, Куриаций, Сабина, Камилла.

Куриаций

Увы, Сабина с ним!
Чтоб твердости моей разрушить остатки
Ты представляешь мне, о рок, еще сестру.

Сабина

Ах, нет, любезный брат, твоя сестра приходит,
Чтобы в последний раз тебе сказать прости.
О крови твоея не мысли столько низко,
Не возмущу сердец я ваших твердости.
И если б бедствие ваш дух поколебало,
Я отреклася бы немедленно от вас.
Но вы позвольте мне предстать вам с прошеньем,
Которо обних достойно будет вас.
Хочу избавить я и брата, и супруга
От злодеяния, мрачашего их честь,
Чтоб вы прославились, не сделав преступленья,
И чтобы ваша брань была законная.
Связующего вас священного союза
Я узел емь одна, соединяющ вас.
Союз тот рушится, когда меня не будет,
Прервите мною цепь вы вашего родства.
И если ваша честь вас к злости привлекает,
То смертию моей купите право днесь,
Чтобы друг друга вам смертельно ненавидеть.
То Альба вам велит, и то велит вам Рим.
Вы повеленьям их должны повиноваться.
Пускай один сразит, другой меня отмстит.
Тогда ваш странный бой законным боем будет
И кто-нибудь из вас другому отомстит
Иль за сестру свою, иль за свою супругу.
Но что, увы, свою вы помрачите честь,
Когда сразитесь за что-нибудь иное.
Усердьем к обществу единый ваш предмет.
Не столь к отечеству вы ревности явите,
Сколь не потщитесь природы одолеть.
Вам должно ближнего, его не ненавидя,
На жертву своему отечеству принести.
Не отлагайте же того, что должно делать.
Начни, супруг, его ты жертвовать сестрой,
А ты, мой брат, а ты начни его супругой.
Пронзайте грудь мою и днесь Сабиную
Начните не щадить моей преславной крови.
Друг другу вы враги во брани лютой сей,

Л. 57

¹⁹ В рукописи ошибочно: четвертое.

Ты Риму, Альбе ты, а я обеим вам.
 Или хотите вы, чтоб, зря победу вашу,
 На брате зрела бы иль на супруге лавр,
 Дражайшей кровию толь злобно орошенный?
 Могу ли я тогда исполнить должности
 Супруги и сестры? Поправшего лобзая,
 Могу ль оплакивать я побежденного?
 Сего удара я дожити не желаю
 И смертию моей напасть предупрежу.
 Сражайте грудь мою, сердца бесчеловчны.
 Чтобы принудить вас Сабину погубить,
 Я много средств найду. Во время вашей брани
 Меж ваших кинуся отчаянно мечей
 И грудию своей остановлю удары.
 Вы будете должны, чтоб погубить себя,
 Сражаясь меж собой, сгубить Сабину прежде.

Г о р а ц и й

Супруга!

К у р и а ц и й

О, сестра!

К а м и л л а

Они смягчаются.

С а б и н а

Вы воздыхаете, бледнеют ваши лица.
 Чего страшитесь? Где ваше мужество?
 Героев ли я зрю, избранных Римом, Альбой
 Для защищения блаженства сограждан?

Г о р а ц и й

Что сделал я тебе и в чем я преступился,
 Что ты к отмщению такому прибегаешь?
 Почто, вооружась против моей ты чести,
 Со всею силою весь дух колеблешь мой.
 Довольствуйся, меня сейчас приведши в слабость,
 И дай мне совершить, что должность мне велит.
 Люби меня, люби, над мной не торжествуй.
 Оставь меня, оставь, поди отселе прочь.
 Я жалостью своей довольно посрамился.
 Поди отсель и дай мне с честью умереть.

С а б и н а

Ты не страшись меня, идут к тебе на помощь.

Старый Гораций, юный Гораций, Куриаций,
Сабина, Камилла

Старый Гораций

Что вижу я? Вы здесь, внимаючи любви,
Теряете часы со слабыми женами?
Готовясь лить кровь, взираете на слезы?
Оставьте их свои оплакивать напасти,
Страшитесь ослабеть, их внемля жалобам,
От нападенья их скорей спасайтесь бегством.

Сабина

Ты не страшись того, они тебя достойны
И все исполнят то, чего от них желаешь.
Коль наша горесть их могла поколебать,
Чтоб ободрить их, останься здесь ты с ними.
Пойдем, Камилла, мы, не тратя наших слез,
Против их мужество то слабое оружье.
А нам отчаянье осталось одно.
Идите драться вы, а мы пойдем умереть.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Старый Гораций, юный Гораций и Куриаций

Юный Гораций

Мой отче, удержи стремление сих жен,
Не выпускай отсель во время нашей брани.
И без сомнения, они наш бой прервут, —
За нашу хитрость все сие считати будут.

Старый Гораций

Потшусь их удержать, уж братии вас ждут,
Ступайте к ним в сей час свою исполнить должность.

Л. 58 об.

Куриаций

Могу ли я сказать в сей час тебе прости?

Старый Гораций

Не приводи моих ты чувствий ныне в жалость.
Чтоб ободрить вас мне слов не достает,
И сам, о небо, я, прощаясь с вами, плачу.
Ступайте к должности, и боги все решат.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С а б и н а одна

С а б и н а

К которых страны, несчастной мне, склониться?
И кто, о боги, я в сей, полный бедством, день,
Курьяцова ль сестра? Горацьева ль супруга?
Природы и любви глас слышу вопиющий,
И, ах, с обсеми меня связует долг.
Великодушие я им приму подобно
И буду купно я супругой и сестрой.
Я с радостью на их взирати буду славу,
Их твердость восприму, престану трепетать.
Грозаящая им смерть подаст им честь бессмертну,
Без страха буду ждать известия о том.
Я буду лишь взирать на их причину боя,
Из мыслей истребя, кто днесь сражается.
Зря победителя, себе представлю славу,
Которою он свой навек наполнит дом.
В едином я жена, и дочь в другом я доме.
Толь тесным с ними я узлом сопряжена,
Что должен ближний мой увенчан быти лавром.
К чему бы рок в сей день меня не осудил,
Возрадоватися во всем я вижу средства.
Теперь без ужаса могу воззреть на брань,
Без огорчения могу увидеть мертва
И победителя без омерзения.
О мысли тщетные, о слабый свет надежды,
Который только лишь мне очи омрачил!
Подобно молниям, в огне быстроблестящим,
Которые, сверкнув, сугубят темноту,
И ты на час блеснул моим очам слезящим,
Чтоб пуще в темноту несчастну погрузить.
Отраду тщетную давал моим ты мукам,
И чтобы отомстить за кратки радости,
Которые себе я тщетно днесь мечтала,
Сугубят скорь мою свирепы небеса.
Удары смертны мне вдруг сердце прободают,
Которые грозят и брату, и супругу.
Когда кончину их я в мыслях представляю
И на причину я взираю брани их,
И помню только то, кто днесь сражается,
И побежденных стон лишь трогает мне душу,
А победителей мне слава уж не льстит.
В едином я жена, и дочь в другом я доме.
Толь тесным с ними я узлом сопряжена,

Л. 59

Что должен ближний мой погибнуть непременно.
Вот жданно мной моей спокойствие души.²⁰

Л. 59 об.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С а б и н а и Ю л и я

С а б и н а

Ужель свершилось все? Каким приносишь вести?
И кто в сей час погиб, мой брат или супруг?
Успехи лютые их храбрости жестокой
Сражающихся кровь до капли ль пролили?
Кто ненавистный мне остался ль победитель,
Иль должно мне уже оплакивать всех?

Ю л и я

Или не ведаешь, что там происходит?

С а б и н а

Или не знаешь ты, что мне с Камиллою
Нельзя идти отсель, что долг сей нам темницей?
Страшася наших слез, не выпускают нас.
А если бы могли мы выйти вон отселе,
Мы б бросились среди свирепых их мечей
И к сожалению подвигли б оба войска.

Ю л и я

Нет нужды к жалости их ныне приводить.
Един их вид уже сражение прервал.
Лишь только сродники сии на брань предстали,
В обеих вдруг станях роптание простерлось.
Зря ближнюю родню, за отчество готову
На жертву принестись и кровь своих пролить,
Иной от жалости лиет потоки слезны,
Иной, смущаяся, от ужаса дрожит,
Иной свирепыя их ревности дивится
И добродетель их возносит похвалою,
Иной жестокостью и зверством называет.
Но все за выбор сей начальников винят,
И все, ужасным чтя толь варварско сражение,
Отвсюду стекшися, расторгли бранноносцев.

Л. 60

С а б и н а

О, сколько должно мне благодарить богов!

²⁰ То есть: вот жданное мной спокойствие моей души.

Ю л и я

Не все еще, не все, Сабина, ты познала.
Надежда есть тебе, сменилось бедствие.
Но есть еще, чего тебе страшиться должно.
Напрасно пошадить стремятся сродников.
Жестокис на то не могут согласиться,
Им слава столь лестна, сколь горды их сердца,
Что в те часы, как их жалеют оба войска,
Они себя одни всех счастливей зовут
И сожаленье их обидой почитают.
Им мнится, что их честь та жалость помрачит,
И в ярости хотят противу войск стремиться
И лучше умереть противу войск, которые
Для избавленья их законы применяют,
Как бой оставити, к чему суть избраны.

С а б и н а

Так в лютости своей сердца их непременны.

Ю л и я

Смятенны воинства в убийстве им претят
И требуют или иных бойцов избранья,
Иль целым воинством все дело то решить.
Присутствие вождей не утишает бунта,
Сомнительна их власть, не внемлется их глас.
Смятеньем устрашась, сам царь сие рек слово:
«Когда раздора огонь терзает наш покой,
Прибегнем мы к богам и их о том спросим,
Премена будет ли бойцов угодна им.
Тогда, когда явят свою бессмертны волю,
Осмелится ли кто противу их восстать».
Замолк, и речь сия, равно как нека прелесть,
И шестерых самих смягчаючи бойцов,
Оружие из рук незанно исторгает.
И к славе та алчба, что очи им мрачит,
Как ни слеза, однак бессмертных почитает,
И мысли Туллия их уступает жар.
Подобно как они, так купно оба войска,
Как будто одному властителю служа,
Покорны Туллию — его преемлют волю,
И приношенье жертв уж все теперь решит.
Свириной брани сей бессмертны не допустят,
И я надеюся на милосердье их.

Л. 60 об.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сабина, Камилла, Юлия

С а б и н а

Сколь радостную весть ты от меня услышишь.

К а м и л л а

Я ведаю о всем и слышала ты весть,
Когда родителю об оном доносили,
Но скорби моя она не облегчит.
И отдаление толь страшных нам напастей,
Не уменьшив беды, ее ожесточит.
То продолжение лишь нашего мученья.
И только то одно в утеху будет нам,
Что мы позднее лишь несчастных сих оплачем.

С а б и н а

Но боги не вотще внушили войскам бунт.

К а м и л л а

Скажи, что тщетно их днесь будут вопрошати.
Сами бессмертные внушили Туллию
Избрание сие, и глас всего народа
Не навсегда глагол бессмертных есть богов.
Не в низкие сердца они с небес нисходят,
Но во сердца царей, которые на земле
Подобие их суть, которых сильна власть
Есть сокровенный луч их сильна божества.

Л. 61

Ю л и я

Сама себе в сей час ты горесть составляешь.
Не хочешь верити предвестиям богов,
Забыла, что вчера предсказано тебе.

К а м и л л а

Но в предсказаниях всегда есть тмен смысл.

С а б и н а

Однако можешь ты вкушать надежды сладость,
Коль руку милости отверзло небо нам.
Не част оной кто, тог оной недостоин.
Нередко благодать, лиющаяся с небес,
Сим огорченная, отъемлетя от нас.

К а м и л л а

В подобных случаях без нас все строит рок,
И не по наша все воли устрояет.

Ю л и я

Чтоб благодать показать, был рок к тебе жесток.
Прости, иду о всем теперь узнать подробно.
Умерь ты ужас свой. Надеюсь, возвратясь,
С тобою говорить лишь о твоей любви
И весь остаток дня сего употребить
Ко угованью тебе приятна брака.

С а б и н а

И я надсюся.

К а м и л л а

Но я сего не чаю.

Ю л и я

Увидишь ты, что мы тебя правдивей мыслим.

Л. 61 об.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

С а б и н а, К а м и л л а

С а б и н а

Позволь сказать мне, что я твою тоску
И все теперь смятение порочу.
Что б делала тогда, когда б ты так, как я,
Должна была страдать, подобно мне, теряя?

К а м и л л а

Правдивее равняй с своим ты зло мое,
Всегда беды других нам кажутся сноснее.
Но если разберешь несчастье мое,
Пред ним твое не что иное, как мечтанье.
Лишь смерть Горация одна тебя страшит,
И братья ничего не значат пред супругом.
И брак, связуя нас с породой иной,
От собственных нас породы отвлекает.
С супругом съединясь, не помним сродников.
Но нам родителем назначенный любовник
Супруга меньше хоть, но брата он не меньше.
Смушается наш дух меж ними в равновесьи
И их, равно любя, равно к ним клонится.
Ты знаешь днесь к кому стремить свои желанья,
И ведаешь, о ком днесь больше сожалеть,
А я всего страшусь, чего желать не зная.

С а б и н а

Не право судишь ты, нельзя забыть родню,
И гласа крови брак вовек не помрачает.
Любя супруга, мы любить и братьев можем,
И завсегда хранит свое природа право.
Как наш супруг, равно они нам милы суть.
Но тот, которым ты, Камилла, днесь сгораешь,
По воле твоя тебе быть может мил.
Все может погасить твоей любви пламень,
От малой ревности проходит жар се.
Ты не ровняй родства с волнением гнусным страсти.

Л. 62

Порочно сравнивать союзы самовольны
С союзами, что в нас природа и рожденье
Необходимыми и нужными творят.

К а м и л л а

Я вижу, никогда ты прямо не любила,
Не знаешь ты любви и власти оных.
Вначале можно ей еще воспротивляться,
Но ежели она уже усилилась,
Из сердца истребить ее тогда не можно.
А паче, коль отец, на то соизволяя,
Тирана онаго царем законным сделал,
Страсть входит с нежностью, но с силой властвует.

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Старый Гораций, Сабина и Камилла

Старый Гораций

Я вести вам несу безмерно неприятны,
Однако мне того от вас не можно скрыть.
Днесь ваши братия вступили уж в сраженья,
Сам их бессмертных глас ко брани их привлек.

С а б и н а

Я признаюся в том, что я сему дивлюся.
Я больше чаяла щедроты от богов
И правосудия от них надеялась.
Не льстися ты ничем, и в бедствах таковых
Рассудок тяготит и тщетно сожаленья.
Конец несносных бед всегда у нас в руках:
Кто хочет умереть, тот бедства презирает.
Могли бы мы теперь в присутствии твоём
В отчаяньи своем казати лживу твердость.
Но как днесь можно нам славети без стыда,
Но низко, мужеством терзаясь, ополчаться.
Искусство оно оставим мы мужам.
Чего не чувствуем, не станем тем казаться.
И не хотим, чтобы твой столько твердый дух
Творил бы жалобы на рок, взяв с нас примеры.
На нас ты, плачущих, взирая, слез не лей,
И мы единой сей лишь милости днесь просим,
Чтоб твердость ты храня, сносил бы наши слезы.

Старый Гораций

Я, не пороча слез, которы льете вы,
Мню быть довольно тверд, не проливая оных.
И, может быть, мой дух упал бы в сих бедях,
Когда бы принимал вам равное участие.

Не мысли, чтобы днесь своим избраньем Альба
 Мня против твоих ожесточила братьев.
 Они все трое мне поднесь любезны суть,
 Однако дружество превозмогла природа,
 И я к ним жалости не чувствую такой,
 Что чувствует сестра, что чувствует невеста.
 Я их врагами чту, сынам желая благ.
 Благодаря богов, они достойны Рима,
 И ни малейший страх их славы не затмил.
 Уже их чести лавр довольно тем вознесся,
 Что наших войск они отвергли сожаленьс.
 Когда б на то они склонились сами робко,
 Коль малодушием потрясся б оных дух,
 Я сам бы наказал их слабость сей рукою.
 Но как противу их иных избрать хотели,
 Я признаюся в том, что был согласен с вами.
 И если б внять мой глас склонились небеса,
 Когда б иных бойцов избрала ныне Альба,
 Я б радостней сынов победоносных зрел,
 Не обагривших рук днесь кровью Куриацев.
 Но рок уже теперь иное пределил,
 И воле я богов спокойно покоряюсь.
 Прибегнув к мужеству, блаженством общества
 В напасти крайней сей я сердце утешаю.
 И вы последуйте примеру моему
 И вспомните в сей час, что обе вы римлянки.
 Ты стала оною, ты ею родилась,
 Сие названье есть сокровище драгое.
 То будет некогда, что Рим по всей земле
 За храбрость будет всем, подобно грому, страшен,
 Что вострепешет вся вселенна перед ним,
 И что властители, забыв престолов пышность,
 Названием граждан гордиться будут римских.
 Еню нашему то боги обещали.²¹

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Старый Гораций, Сабина, Камилла, Юлия

Старый Гораций

Победы ль весть с собою, Юлия, несешь?

Юлия

Несу я ведомость конца плачевна боя.
 Подвластен Альбе Рим, твои сыны побиты,
 Из оных трех один ес супруг остался.

²¹ По преданию, герой Троянской войны Эней стал родоначальником римских царей. Этот миф использован Вергилием в «Энеиде».

Старый Гораций

О, брань плачевная! Утрата смертная!
 Подвластен Альбе Рим, а чтоб свой град избавить
 Он крови всей своей пролити не хотел!
 Ты обманулася, и я сему не верю,
 Иль неподвластен Рим, или мой сын не жив.
 Породы моя я знаю добродетель.

Юлия

Как я, все с наших стен то купно видели:
 Доколс братии его еще не пали,
 Мужественно стоя, он был исколебим.
 Но после он, трема страшася быть охвачен,
 Оставил место им и спасся бегством он.

Старый Гораций

А наши воины его не поразили
 И робкого сего в свои ряды прияли?

Юлия

По сем я ничего уж больше не видала.

Камилла

О, братии мои.

Старый Гораций

Не всех оплакивай.
 Из них два славою бессмертною покрыты,
 Их честна смерть мне их утрату награждает.
 До гроба их сие блаженство проводило,
 Что видели они еще в свободе Рим;
 Живого ты оплачь, оплачь сие бесчестье,
 Которым он мои наполнил седины,
 Оплачь бессмертный стыд Горациева рода.

Юлия

Чтоб делати ему против троих?

Старый Гораций

Умреть!

Хотя б он продолжил сраженье на минуту,
 То тем позднее б Рим подвластен Альбе стал,
 И, нисходя во гроб, меня б оставил с честью.
 Довольно б сей ему за жизнь награды было.
 Всей кровью он своей отечеству лишь должен,
 И капля каждая, котору он щадил,

Бесчестие ему навеки приносили,
И каждый час его оставша живота
С бесславием его мой стыд днесь кажет свету.
Поносну жизнь его подшуся я прервать,
И, пользуясь днесь отеческим я правом,
Бесчестна наказав, вселенная явлю,
Поступком гнусным сим колико я гнушаюсь.

С а б и н а

Не внемли голосу ты гнева своего
И не ввергай ты нас в конечное несчастье.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Сабина, может днесь утешиться твой дух,
И слабо трогают тебя несчастья наши.
Супруг твой здравствует и живы братии,
И мы отчеству подвластны твоему,
И братии твои над нами торжествуют.
Ты, видя славу их, нимало не взирасшь
На стыд, который нам изменой причинен.
Но верь, что скоро ты, подобно нам, восплачешь,
Ты мужа от меня слезами не спасешь.
Клянусь бессмертными, доколь не зойдет солнце,
Своею я рукой, меч в грудь его вонзив,
В сыновния крови позор омыти римлян.

(отходит)

С а б и н а

Пойдем за ним и гнев его мы укротим.
Доколь, о боги, нам толики бедства видеть?
Доколе будем мы в несчастии своем
Всех сродников своих страшиться повсчасно?

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

Л. 64 об.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старый Гораций, Камилла

С т а р ы й Г о р а ц и й

О гнусном брате ты престани мне вещать.
Пушкой подобно он своей супруги братьям
Навски от меня бсжит.

К а м и л л а

Склоняся к жалости,
Умерь, родитель мой, восторги гнева.
Увидишь ты то сам, что Рим простит ему,
Представя то к ему во извиненье,
Что храбрость множеством сго побеждена.

С т а р ы й Г о р а ц и й

На рассуждение я Рима не взираю,
Что хочет, мыслит он. Камилла, я отец,
Я особливое свое имею право.
Прямое мужество на множество не зрит,
Непобежденное пред оным упадает.
Хоть силою всегда свергается оно,
Но силе никогда оно не уступает.
С каким известисм сюда Валер идет?

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

С т а р ы й Г о р а ц и й, В а л е р, К а м и л л а

В а л е р

Я послан от царя родителя утешить
И показать ему...

С т а р ы й Г о р а ц и й

Не трать своих трудов.
Во утешении я нужды не имею.
Мне лучше видети поверженных во гроб
Рукою вражеской сынов за Рим погибших,
Как помрачивших честь постыдным действием
Два сына пали здесь за Рим, покрыты славой.

В а л е р

Но третий сын своих блаженство сограждан
И он один урон твой может наградити.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Почто и имя в нем мое не истребилось.

л. 65

В а л е р

Единый только ты о нем так худо мыслишь.

С т а р ы й Г о р а ц и й

И я один его преступок накажу.

Валер

Но коим ты его преступком обвиняешь?

Старый Гораций

Ты бегство можешь ли хвалой превозносить?

Валер

Но бегство в случае таком весьма похвально.

Старый Гораций

Смушень ты мое сугубишь и мой стыд.
Се добродетели пример похвальный редкой,
Чтоб бегством, робостью путь к славе находить.

Валер

Но что ты говоришь о сраме и смущеньи,
Когда твой храбрый сын избавил всех от бед.
Им торжествует Рим, и им он стал властитель,
Кто сыном более тебя прославлен был?

Старый Гораций

Какое торжество? И слава мне какая,
Коль Альбе ныне мы навек покорены.

Валер

О Альбе ты твердишь и о ее победе,
Еще не зная, чем сраженье кончилось.

Старый Гораций

Я знаю, изменил отечеству он бегством.

Валер

Бежал твой сын, но чтоб граждан своих спасти,
И бегством даровал отечеству победу.

Старый Гораций

Так торжествует Рим!

Валер

Внимай, как было то,
И сына своего не обвиняй напрасно.
Оставшись один противу трех бойцов,
Он был единый цел, изъявлены те трое.
Быв слаб против троих, хотел их разлучить.
Чтобы, сражаясь со каждым особливо,
Удобней победить, он обратился в бег,

Л. 65 об.

Удачлива была ему такая хитрость.
Три братия спешат, друг от друга отстав.
Гораций, видя их в тот час несовокупных,
Стремится к первому, и то был сам твой зять.
Он, дерзновением Горацьа раздраженный,
Вотще великий дух в сражении явить,
Лишенный крови, он лишается и силы.
Уж Альба, устрасая противная судьбы,
Другому вопиет спешить на помощь брату.
Бежит, но тщетно все, приближась, видит он,
Что брата нет его уже на свете боле.

К а м и л л а

Увы!

В а л е р

Однако он на место стал его,
Чтоб сына твоего победу усугубить.
Без силы мужество есть помощь слабая.
Хотящ за брата мстить, близ брата упадает.
Весь воздух восшумел от вопиющих гласов.
Глас Рима радостен, глас Альбы был печален.
Герой, увидя, наш, конец своим трудам,
Победою гордясь, к нам тако возглашает:
«Я теням братниным на жертву двух принес,
Последнего сего отдам на жертву Риму».
Лишь только он то рек, стремится на него.
Меж ними не была сомнительна победа.
Изъявлен, враг едва держался на ногах,
Он на сражение шел, как к жертвеннику жертва.
Горациев удар он принял без защиты,
И утвердилась тем держава Римская.

л. 42

С т а р ы й Г о р а ц и й

О сын, честь римлян! Мое ты утешенье,
Падуша общества нечаянна подпора.
Достойна кровь моя, душа достойна Рима,
Претвердый своего отечества ты щит.
В объятиях твоих когда могу загладить
Я заблуждение поносное тебе?
Когда могу твою чело победоносно
Слезами радости с любовью оросить?

В а л е р

Уж скоро своего ты сына здесь увидишь,
И скоро царь сего спасителя пришет.
До завтра отложил он торжества победы,
А днесь лишь пением богов благодарят.
Со сыном царь твоим остался пред богами,

Меня послав к тебе и радость объявить
И объявить печаль. Царь сам сюда придет,
Чтобы явя в сей день тебе свое почтенье,
Явить, сколь общество тобой одолжено.

Старый Горацій

Велнка для меня такая благодарность,
Посланием твоим уже я заплачен
За смерть двух чад моих и третьего за службу.

Валер

Услуги награждать он слабо не умеет.
Из рук врагов его исторгнута держава,
Велит ему сие почтенье вам явить,
Которо меньше чтит он ваша заслуги.
Пойду ему скажу, сколь чувства благородны
Во все твои дела вливает добродетель
И сколько ревности являешь ты ему.

Старый Горацій

Я много буду днесь за то тебе обязан.

Л. 42 об.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старый Горацій, Камилла

Старый Горацій

Престань рыдать, о дочь, не время слезы лить,
Коль слава нам венцы толики соплетаст.
Не должно плакати, домашни зря утраты,
В часы, как общество победу торжествует.
Рим Альбой властвует, довольно нам сего,
Теперь все бедствни должны казаться сладки.
Ты в смерти жениха лишь тратишь человека,
На место коего найти удобно в Риме
После победы сей, который гражданин
Твоим супругом быть за честь себе не ставит.
Сабине должно мне о сем известье дать,
Ей ведомость сия удар несносный будет.
Зря братьев, сверженных супруговой рукой,
Ей более тебя стонать причины будет,
Но я надеюся ее тоску прогнать.
Рассудок укрепит ее великодушье,
И победителя не станет ненавидеть
Она, свою призвав на помощь добродетель.
Меж тем потшись свою ты слабость одолеть
И с меньшей скорбию прими ты ныне брата.
Яви в себе сестру, достойную его,
Яви ему, что с ним единыя ты крови.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Камилла одна

Камилла

л. 43

Явлю ему, явлю, что пламенна любовь
Лютейшу смерти жизнь удобна презирати,
Что злыс варвары, которых мне судьба
Родными сделала, владети мной бессильны.
Порочишь скорбь мою и слабостью зовешь.
Чем более тебя я ею прогневила,
Тем более она приятней для меня.
Нежалостный отец, отец ожесточенный!
Я с строгостью судьбы сравнию скорбь мою.
Во кратком времени сколь рок мой прменялся.
Колико милостив, колико был жесток,
И что терпела я пред сим ударом смертным.
Возможно ль в день один толико ощущать
Печалей, радостей, отчаянья, надежды
И быти столько крат игралищем судьбы?
Предвестие богов мне сердце ободряет,
Мой сон меня страшит, назначен лютый бой,
Но мир спокойствие мне паки возвращает.
Мой брак готовится, и в тот же самый час
Любовник избран мой с моим сразиться братом.
Приводит выбор сей в отчаянье меня,
И всем, ах, всем сие избрание противно.
Разрушен страшный бой, но боги то велят.
Казался свержен Рим, единый из албанцев
Любовник мой в крови лишь братьев не багрился.
Иль мало, боги, я еще тогда страдала,
Паденье Рима зря и смерть двух братьев?
Иль много льстилась я, надеждою ласкаясь,
Любити без греха драгого моего?
Наказана за то, увы, его я смертью.
О, средство лютое, которым ведомость
О сем принесена несчастная Камилле.
Совместник мне его принес смертельную весть,
И, о конце его в глазах моих вещая,
Открыту изъяслял он радость на лице,
Не благо общества которую рождало,
Рожидала радости погибель в нем моя.²²
Он счастьем лстя себя в несчастии другого,
Подобно, как и брат, торжествовал над ним.
Но мало то, еще хотят, чтоб я в сей день
В ужасный оный день являла радости,

²² То есть: он изъяслял радость на лице, которую рождало не благо общества; в нем рождала радости моя погибель.

Чтоб победителя я подвиги хвалила
 И умервщляюще меня лобзала руку.
 В сей смертной горести, в законной грусти сей
 У них стенанье, стыд и вздохи преступленья,
 И должно почитать напасти счастьем.
 Быть должно варваркой, чтоб быть великодушной.
 Не уподоблюся такому я отцу.
 Я брату быть хочу сестрою недостойной,
 И слабости тогда нам славу делают.
 Коль должно зверем быть, чтоб быть великодушным.
 Откройтесь горести, нет нужды принуждаться.
 Когда погибло все, тогда чего страшиться?
 Я победителю предстану лишь на то,
 Чтоб огорчить его, чтоб быть ему противной.
 Вот он сюда идет, я уготовлюся
 Явить, чем я должна любезну Куриацу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гораций, Камилла, Прокул

(Прокул несет три шпаги Куриацев)

Гораций

Сестра, вот та рука, которая в сей день
 За братьев обеих побитых отомстила
 И Альбу привела отчеству в подданство,
 Рука, которая судьбу двух царств решила.
 Увидь свидетелей победы моя,
 Те славы моя торжественные знаки,
 Воздай то, чем должна победе ты моей.

Камилла

Прими потоки слез, вот чем должна победе.

Гораций

В толиких радостях отмещет слезы Рим.
 Смерть наших братиев, во брани убиенных
 Уже заплачена не током слез, но кровью.

Камилла

Когда они уже пролитой кровью сыты,
 Не стану больше днесь я их оплакивать,
 Забуду гибель их, тобою отомщенну.
 Но кто ж за смерть отмстит любезна моего,
 Чтобы забыть его утрату мнe в минуту?

Гораций

Ах, что вещашь ты?

К а м и л л а

Любезный Куриец.

Г о р а ц и й

О дерзость страшная сестры пренедостойной.
Мной побежденного отечества врага
Дерзаешь вспоминать и, ах, любить дерзасшь!
Порочна страсть твоя отмщением кипит.
Оставь свою любовь и не ввергай в стыд брата,
Который слышати твой стон бесчестьем чтит.
Престань к врагу пылать и погаси свой пламень.
И помни о моей победе только днесь,
Да будет то твоим всегдашним разговором.

К а м и л л а

Дай, варвар, сердце мне, подобно твоему.
Отдай любовника иль не препятствуй страсти.
Лишь в нем одно мое и счастье и напасть,
Любила в жизни я, о нем по смерти плачу.
Не чти меня, не чти своею ты сестрой,
Но зри любовницу отчаянну, смятенну,
Котора, фурией последуя тебе,
Всчасно укорять твою жестокость будет.
О, алчный крови тигр, ты плакать мне претишь
И хочешь, чтобы я погибелью любезна
Днесь утешалася, и подвиги твои
С восторгом до небес превозноса хвалю,
Вторично бы сго губила я в сей час.
Да будут дни твои тьмой бедства окруженны,
Чтоб ты, во горестях несноснейших крушась,
Почел бы и меня себя в сто крат счастливей,
И чтобы, наконец, бесчестьем посрамясь,
Навек бы помрачил свою жестоку славу.

Л. 68 об.

Г о р а ц и й

О небо! Видел ли кто сей подобну злость!
Иль мыслишь ты, что я не чувствую обиды,
И что с терпением могу в сестре своей
Бесчестье зреть всему Горациеву роду.
Любя, оплакивай нам общего врага,
Но хоть возрадуйся о счастии днесь Рима
И вспомни то, чем ты отечеству должна.

К а м и л л а

О Рим! Всех бед моих и злости всей причина,
Которому твоя презлобная рука
На жертву принесла любезна Курица.
О Рим, который зрел рождение твое,
Которого твой дух толико обожает,

Которого за то, что столь тебя он чтит,
 Я болсе всего на свете ненавижу.
 Да устремятся все соседние народы
 Разрушити твое нетвердо основанье;
 А если и того к паденью твоему
 И к разрушению конечну мало будет,
 Да съединятся весь и Запад и Восток,
 Чтобы народов тьма от всех концов вселенной
 Прешла бы и леса, и горы, и моря,
 И истребила б Рим, чтоб сам свои он стсны
 Во недрах бы своих разрушил, опрокинул
 И внутренни свои терзал своєю рукою.
 Чтоб гнев небес, моим отмщеньем воспален,
 Потопом пламенным пожрал его все зданьи,
 Чтоб я узреть могла его разящим громом
 И все теперь твои в прах лавры превращенны,
 И, видя все сие, от радости умереть.

Г о р а ц и й

(Вынув меч, стрелится вслед за бегущею от него сестрою)

Днесь гневу моему рассудок уступает.
 Поди, и в тартаре с любезным сопрягись.

К а м и л л а

(Пораженная, за театром)

Увы!

Г о р а ц и й

(Выходя на театр)

Сим образом всем должно тем погибнуть,
 Кто будет римского оплакивать врага.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г о р а ц и й, П р о к у л

П р о к у л

Что сделал ты теперь?

Г о р а ц и й

Что истина велела.
 Преступок сей прияти должен казнь.

П р о к у л

С своєю ты поступил сестрой безмерно строго.

Гораций

Она мне не сестра и крови не моей.
Отец мой признавать за дочь ее не должен.
Клянущ отечество, не сродник больше нам,
Он сродственников всех врагами почитает,
Не должно ощущать нам к оному любви.
Чем мщение скорей, то тем оно законней.
Хотя бессильно есть желание ее,
Однако истребить то должно при начале.

Л.69 об.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гораций, Сабина, Прокул

Сабина

Почто остановил свое ты мужество?
Поди, увидь сестру, родителя на лоне
Кончающую живот, и оным зрелищем,
Жестокой, упитай ты очи кровожадные.
И если сим еще не можешь быть доволен,
То ты отечеству Горациев великих
На жертву принеси остаток Куриацов.
Супругу соедини с сестрою ты своей.
Как наши бедствия, равны преступки наши;
Я также мучуся о братнях твоих,
Но я еще сто крат виновней пред тобою.
Оплакивала лишь единого она,
Я плачу о троих, карай меня, жестокий.

Гораций

Престань лить токи слез иль скрой их от меня,
Достойна будь моей ты имени супруги²³
И жалостью меня своей не посрамляй.
Коль брак соделал в нас едину мысль и душу,
Возвыси чувства и буди мне равна,
Но к чувствам твоим я вечно не унижусь.
Люблю тебя и грусть твою я ведаю,
Но твердость восприми и одолей ты слабость,
Будь славы моя участницею днесь,
Не помрачая сей возлюбленной мне славы.
Старайся в оныя иметь мне равну часть,
Но оныя меня совсем ты не лишай.
Иль чести моя ты столько ненавидишь,
Что лестно зреть тебе в бесчестии меня.
Будь меньше ты сестра, но больше будь супруга.
Возьми пример с меня, последуй мне во всем.

²³ То есть: будь достойна имени моей супруги.

Чтоб следовать тебе, ищи ты душ твердейших.
 В несчастьи твоём тебя я не виню.
 Я думаю о сем, как мыслити мне должно,
 Не должность я твою виню, виню судьбу.
 От добродетели я римской отрицаюсь,
 Коль должно львицей быть, чтоб ону исполнять.
 Я победителя супругу зря в себе,
 Я купно и сестру в себе зрю побежденных.
 Перед народом я в весельи общества
 Участье буду брать, но во своих чертогах
 Домашних горести могу оплакивать.
 Почто, жестокий, ты иначе поступишь?
 Входя сюда, оставь у врат свои ты лавры,
 И слезы съедини с моими ты слезами...
 Но что, иль твердость днесь твоя толь низка мысль
 Противу дней моих тебя не вооружает?
 Или поступок мой тебя не огорчил?
 Сколь счастлива тобой сраженная Камилла,
 Чего желала, все то от тебя нашла.
 Возлюбленный супруг, творец моих напастей,
 Коль гнев уж твой прошел, хотя из жалости
 Скончай мою напасть, карай во мне ты слабость.
 Я смерти лишь хочу, иль в милость, или в казнь.
 Хоть правосудие иль хоть любовь супруга
 Меня повергнут в гроб, все для меня равно,
 Все будет от тебя мне лестно и приятно.

Г о р а ц и й

О как, бессмертные, несправеден ваш суд,
 Что покоряете женам сердца твердейши,
 И женской слабости во власть даете нас.
 К чему приведена моя днесь добродетель?
 Лишь бегством я одним се могу спасти.
 Не следуй ты за мной или престани плакать.²⁴

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ

²⁴ Отсутствует явление восьмое — монолог Сабинны.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Гораций и Гораций

Старый Гораций

От зрелища сего мы взор свой отвратим,
 Чтоб удивиться судьбам богов бессмертных.
 Когда мы славою надуты, гордостью,
 То небо нас всегда умест унижати.
 Все наши радости со горестями смешанны,
 И в самом мужестве видна есть наша слабость.
 Не извиняю я Камиллы злобных слов,
 Я только днесь и о тебе жалею,
 Что я родил на свет дочь, Рима недостойну,
 И что смертью ты ес днесь руку обесчестил.
 Поступка твоего не обвиняю я;
 Но ты б, мой сын, возмог сего стыда избегнуть,
 И преступление ес, достойно смерти,
 Не должно быть твоей наказано рукою.

Гораций

Родитель мой, вся жизнь моя в твоих руках,
 Властителем ее тебя творят законы;
 Коль чувства твоим имея равные,
 Коль следуя тебе, в сей день я стал виновен
 И должен вечные за то укору несть,
 Когда моя рука сим действием посрамленна,
 Ты можешь словом лишь живот мой прекратить.
 Пролей же кровь свою из ребр виновна сына,
 Который оной честь преступком помрачил.
 Я низости не мог стерпеть в твоей породе,
 И ты, подобно мне, порока не терпи.
 Сим действием отец, зря помраченну славу,
 Не должен оставлять без наказания.
 Любовь должна молчать, где извинить не можно,
 Иль принял сам он часть в грехе, когда простит.

Л. 67

Старый Гораций

Не завсегда отец сынов карает строго,
 И часто их щадит, и сам он для себя
 При старости иметь надеясь в них подпору,
 И не карает их, страшась себя карать.
 Но царь сюда идет, и стражи уж вступают.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Туллий, Валер, Старый Гораций, Гораций и стражи

Старый Гораций

Сия честь, государь, безмерна для меня,
Не здесь я своего владыку видеть должен.
Позволь мне пасть к ногам.

Туллий

Восстани, мой отец.
Все добрые цари, что я, должны то делать.
Заслуги важны толь достойны чести сей.

(показывает на Валера)

Я с ним уж обещал явить тебе ту почесть,
И не хотел сего я дале отлагать.
Я знаю уж, и я о сем не сомневался,
Сколь терпеливо ты сынов утрату сносишь,
Что утешение мое тебе не нужно.
Но я хочу узнать, каким несчастьем
К убийству приведен твой сын победоносный,
И что любовь его к сего отчеству
Единородну дочь отъяла у отца.
Твердейшия души удар несносен сей.
Как сносишь ты сие, того не понимаю.

Старый Гораций

Хоть с огорчением, но с терпеливостью.

Л. 67 об.

Туллий

То твердости твоей испытанной есть действо.
Кто долго жил, тот всяк то точно ведает,
Что счастью всегда последует несчастье.
Но редкий кто тебе в бедах быть может равен.
Коль утешение себе найти ты можешь
Во жалости моей, то будь уверен в том,
Что скорби твоя она во мне равна.
Безмерно дружество к Горацию мое.

Валер

Коль небеса царям свое вручают право,
Коль должно злых карать и добрых награждать,
Позволь напомнить мне, что ты о том жалсешь,
Что должен ты карать. Позволь сказати мне...

Старый Гораций

Чтоб победителя предать позорной казни?

Ту л л и й

Пускай окончит он, я после все решу.
Мне долг велит суда являти правоту.
Лишь правдою богам подобен только царь.
И вот о чем в сей час я горько сожалею,
Что победителя мне должно днесь судить.

В а л е р

Позволь же, государь, чтоб все любящи правду
Глаголом бы моим к тебе в сей час вещали.
Не зависть днесь к тому язык мой принуждает;
За подвиги свои достоин чести он,
Прибавь ты милости ему за то в награду,
Граждане будут все с тобою в том согласны.
Но, учинив сие ужасно злодеянье,
По торжестве своем он должен мертв упасть.
Сдержи, о государь, его ты злобну дерзость,
Остаток римляней от рук его спаси!
Зависит от того спасенье всех иль гибель.
Война и бедственна была и смертоносна.
Узлами брачными во время дней счастливых
Народы близкие толь тесно связаны,
Что нет римлянина, кой в стороне противной
Не зрел бы сродника, погибшего в войне.
И все во торжестве теперь общенародном
Льют слезы, сродников оплакивая смерть.
Коль оным Рима честь удобна помрачиться,
Коль слезы оные достойны казни суть,
Чью будет кровь шадить сей лютый победитель,
Который и своей не пощадил сестры,
Который не шадил любовницу стеньящу,
Лишенную навек любезна своего?
Иль им избавлен Рим, чтоб быть ему подвластным?
Кто право дал ему над нашей жизнью,
И может ли карать он преступленье наше,
Или его прощать по воле своя?
К блаженству римляней могу еще прибавить,
Сколь действие его бесчеловечно есть.
Я мог бы требовать, представлено чтоб было
Перед тобой его злодейство в сей час.
Увидев пред собой красы цветущу младость,
Ты сам бы, государь, подвигся к жалости.
Но ненавижу средств, похожих на коварство.
До завтра отложил ты приношение жертв;
Иль мнишь, что небеса, защитники невинных,
Из рук убийцевых воспримут фимнам?
Нет, беззаконие его богам противно.
Удобно на тебя привлечь их страшный гнев,
Дары Горация не будут им приятны.
Верь мне, и если Рим над Альбой властвует,

Л. 70

Л. 70 об.

Не храбрость в том сго, виной судьбина Рима,
Когда бессмертные, дав силу победить,
В тот самый час его к злодейству допустили.
Когда преславное он дело совершив,
Преступком злым стал достоин смертной казни.
Ты должен, государь, явити правый суд.
Рим в первый видит раз толь страшное убийство.
Бояся следствия, злодейство накажи,
Спаси нас от него, страшись бессмертных гнева.

Туллий

Гораций, начинай себя ты защищать
И оправдайся ты.

Гораций

На что мне защищаться?

Ты знаешь дело все и слышал все теперь.
Что ты ни повелишь, то будет все законом.
Против властителя все защищенье слабо.
Невинный иногда виновным остается,
Коль воля царская восхошет обвинить,
И извинение против царя преступок.
Над жизнью нашею владычествует он,
Нам должно к скипетру покорствовати слепо
И верити тому, что царь ни повелит.
Веление сго, конечно, справедливо.
Повелсвай, и я исполнить все готов.
Все любят жизнь, мне жизнь лишь должно ненавидеть.
Валера укорять я в оном не хочу,
Что он, сестру любя, усердно брата гонит.
Желание мое с его согласно днесь,
Он хочет, чтоб я пал, и я хочу умерети.
В желаньях наших то различье только есть,
Что хочет он мою затмити славу смертью,
А я хочу свою честь смертью спасти.
Не часто способы великий дух имеет
Во всем сиянии явити мужество.
Лишь случаи одни великость духа мерят,
И храбрость действует по случаям одним.
Лишь на поверхность дел взирающий народ
Со легкомыслием вникает в подвиги
И хочет, чтоб кто раз соделал неко чудо,
То беспрестанно бы то строил чудеса.
После преславного сияющего действия
Кто меньше сделает, тот будет им презрен.
Он хочет, чтоб всегда себс был смертный равен,
И мог ли бы тогда он лучше сотворить,
Того в невежестве народ не разбирает.
Он рушит наконец мужей великих честь,
И перва слава их второй мрачится частью.

Л. 71

Л. 71 об.

И если человек прославлен чрезвычайно,
Не должен ничего уже он больше делать,
Когда не хочет он унижен в славе быть.
Хвалити, государь, я дел моих не стану.
Ты видел сам в сей день мои все подвиги.
Нельзя, чтоб с оными предбудущи сравнялись,
И чтоб когда-нибудь я, меньше сотворив,
Я не унижил бы своей гремющей славы.
Итак, чтоб соблюсти мне славу всю свою,
Едина только смерть удобна то свершити.
Когда я победил, тогда б еще, тогда б
Мне должно умереть, я б не был днесь порочен.
Таков, как я, уже тогда теряет честь,
Когда он зрит себе едину тень бесчестья.
И я бы уж давно окончил жизнь свою,
Но я без царского на то соизволься
Пороком почитал свою пролити кровь.
Тебе принадлежат мои все капли крови.
Довольно в Риме есть прехрабрых воинов,
Которы без меня твои поддержат лавры.
Коль подвиги мои достойны суть наград,
Позволь же, государь, чтоб я твоей рукою
Днесь славе, не сестре, себя принес на жертву.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Туллий, Валер, Старый Гораций, Гораций, Сабина

Сабина

Увидь, о государь, несчастную Сабину,
Котора, плачуща о братнях своих,
У ног твоих в сей час страшится о супруге.
Я оным не хочу виновного закрыть.
Какие б ни явил он днесь тебе услуги,
Караю преступника, толь славного, во мне,
И кровию мои загладь его преступок.
То будет все равно и жертва одинака.
Коль будет жив супруг, падет его супруга.
Наш брак и сильная его ко мне любовь
То делает, что он единой мною дышит.
Не столько он в себе, сколь он во мне живет.
И если, государь, ты мне велишь умерти,
Он больше как в себе, в жене своей умрет.
И смерть, которая толь алчно я желаю,
Умножит скорбь его, мою окончив грусть.
Увидь, о государь, несносно состоянье,
В которос теперь Сабина ввержена.
О смертная напасть! Лобзать супруга должно,
Который умертвил всех братисв моих.
О беззаконие! Супруга ненавидеть,

Л. 73

Который своему отечеству служил!
Любить того, кой кровь несчастных пролил,
И не любить того, который Рим воздвиг!
Избавь меня, избавь ты смертью от преступления —
Любить и не любить супруга моего.
Погибель я свою почту твоей щедротой.
Я то своей рукой исполнить бы могла,
Но смерть моя тогда приятнее мне будет,
Когда заглажу стыд супруга моего.
Коль кровию моей гнев укрошу бессмертных,
Которых раздражил величеством он духа
И добродетелью престрогою своею,
Я раздраженной тем спокойю тень сестры
И Риму сохраню защитника его.

Старый Гораций

Я вижу, должно мне ответить Валеру.
Коль чада днесь мои, согласны с оным став,
Против несчастного родителя стремятся
И вооружаются без всякия причины
Противу малого моей остатка крови.

(К Сабине)

О ты, которая порочной скорбию
Обремененная, забыв к супругу должность,
Для братиев своих его оставить хочешь.
Услышь из надземных их славных теней голос.
За отчество свое со славою упав,
Покрыты честью, они блаженны ныне.
Коль Альбе рок судил подвластной Риму быть,
Падение ее их трогает не столько,
Когда Горацием повержена она.
Они твою тоску во гробе днесь порочат,
Вздыхания твои и токи слез твоих,
К супругу ненависть твоя их огорчает.
Пребуди их сестрой и следуй должности.

Л. 73 об.

(К царю)

Валер Горация неправо обвиняет.
Движенья первое его не есть порок.
Не казни, государь, но похвалы достойно,
Коль добродетель то движение родит.
Злодеев общества любите несказанно
И страшно проклинать отчество свое,
Желати всяких бед и зол своим гражданам —
Се, что злодейство есть и что он наказал.
Любовь к отечеству его подвигла к гневу,
Коль Рим бы не любил, невинен бы он был.
Но что? Невинен он, а если б был виновен,

От отческой руки давно б он принял казнь.
Я честь свою люблю, и во своем я роде
Бесчестья не могу, ниже порока, снести.
Свидетельствую в том я днесь самим Валером,
Колико на него в сей день я злобен был,
Когда не ведая я окончанья брани,
Изменником его отечества считал.
Но кто ему велит за кровь мою вступаться,
И кто велит ему за дочь мою отмщать?
Почто участие в ее он смерти смлет,
Которого и сам не хочет взять отец?
Страшится, чтоб мой сын, когда сразил Камиллу,
С другими бы равно в сей день не поступил.
В бесчестие других нет нужды нам вступаться.
И сколько б низости иной не изъавлял,
Он подлостью своей срамити нас не может.

Л. 74

(К Валеру)

Как хочешь, плачь, Валер, Горация в глазах,
Лишь рода своего ему несносна низость.
Не нашей крови кто, тот не мрачит лучей
Бессмертной славы той, в которой он сияет.
Его не свянет лавр, о лавр, священна ветвь,
Котору истребить всей силою стремятся,
Котора от него отводит тучи бед.
Иль ты его предашь орудию бесчестну,
Чем правосудие преступников казнит.
Римляне, можете ль паденье зреть героя,
Без кого б днесь Рим престал бы Римом быть?
Возможете ль стерпеть, чтобы в сей день римлянин
Старался истребить всю славу воина,
Которому должны названьем вы римлян?
Скажи, Валер, скажи, где хочешь ты избрать
Для казни моего прехрабра сына место?
В стенах ли Рима, то, где глас отечества
Его дела хвалою до неба превозносит,
Или вне римских стен, на славных тех полях,
Которы кровию дымятся куриацев,
Близ их гробов, в местах, где торжествует Рим,
В местах — свидетелях отечества блаженства.
В стенах ли иль вне стен — везде услышишь ты
Гремящий о его победе звучный голос.
И все противится желанью твоему,
К которому тебя любовь днесь принуждаст.
То зрелище самой несносно Альбе будет,
И Рим того своим стенаньем не допустит.
Ты то предупредишь, о царь, своим судом
И примешь сторону защитника прехрабра,
Который может раз еще избавить Рим.
В сей день я, государь, четырех чад лишился,

Л. 74 об.

Остался только он, спаси не для меня
Ты сына моего, спаси ты ради Рима,
Подпоры сильной сей ты не лиши его.
Позволь мне, наконец, к нему речь обратити.
Не мни, Гораций, чтоб неведущий народ
Возмог претвердую твою низвергнуть славу.
Хоть бурный глас его нередко шум творит,
Минута то родит, минута истребляет.
И слава, что народ героям подает,
Как легкий пар или дым в минуту исчезает.
Лишь только от царей, от благородных душ,
От храбрых лишь сердец зависит наша слава.
Они едины лишь героев истинных
Во храме вечности названию вписуют.
Живи, Гораций, так всегда, как начал жить,
Пребудешь ты велик и вечно препрославлен,
Хоть к славе твоея подобных случаев
Во весь твой век тебе судьба уж не представит.
Люби ты жизнь свою, хотя уж для меня
И чтобы своему отчеству служитьи.
Оставь, о государь, что смело я вещал,
Весь Рим теперь вещал моими то устами.

Л. 75

Валер

Позволь мне, государь...

Туллий

Довольно уж, Валер.
Во мыслях у меня твоя речь не затленна,
Что ты ни говорил, Валер, я помню все.
Ужасно действие, почти в присутствии нашем,
Противно естеству, противно и богам,
Движеньем гнева то не может оправдаться.
Законы все велют Горацию умереть.
Но на преступника сего когда посмотрим,
То сколь ни страшен есть и не велик сей грех,
Однако тою же рукою он содеян,
Которая меня на троне утвердила.
Рим, торжествующий и властвующий Альбой,
К державе моея другая приобщенна
В спасение его вступается в сей час.
Где властвую теперь, я тамо был подвластен,
Когда б Горация на свете не было.
Все подданы единым лишь желаньем
Властителям твоим явят свои услуги,
Все любят их, все чтут, но все ль, скажи, возмогут,
Равно Горацию, их троны утверждать.
Такое мужество дается небом редким,
Такие подданны подпора суть царей,
Которые от уз законов отрешенны.

Да умолчат они, и да простит в том Рим,
Что при рождении он своим простил Ромулу.²⁵
Что в основателе своем он мог терпеть,
То в избавителе своем он снести не может.
Живи, Гораций, ты великодушный воин,
Преступок твой твоя превсходит добродетель,
И жар ее сие соделал преступленье.
Причине таковой оставить должно грех.
Живи ты, Рима щит, но и люби Валера,
Да ваша ненависть навски истребится.
Любови ль, должности ль он следовал своей,
Ты все сие оставь и другом будь ему.
Забудь, Сабина, ты свою тоску и горесть,
Великия души есть слабость неприлична.
Коль слезы осушишь, в себе покажешь ты
Достойну тех сестру, о коих ты рыдаешь.
Завтра должно нам бессмертным жертвовать.
Не будут небеса к молитвам нашим склонны,
Коль римские жрецы перед закланьем жертв
Не найдут способов Горация очистить.
Старанию отца вручаю я сие.
Он удовольствовать возможет тень Камиллы,
И чтоб ее во всем покоить скорбный дух.
В один день век ее прошел с любезным веком,
То гроб един ее пускай с ним заключит.

КОНЕЦ ТРАГЕДИИ

²⁵ При постройке стен Рима Ромул, в результате ссоры, убил своего брата Рема.

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

**ИСТОРИЯ И АЛЛЮЗИИ:
НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ТРАГЕДИЯ Н. П. НИКОЛЕВА
«СВЕТОСЛАВ»**

Н. П. Николев написал шесть трагедий: «Пальмира», «Сорена и Замир», «Светослав», «Матильда», «Орфия» и «София». Последние три до нас не дошли, «Пальмира» была опубликована один раз в «Русском феатре», «Сорена» пользовалась успехом из-за ее тираноборческих восклицаний и скандального запрещения. Она дважды переиздавалась уже в послереволюционное время.¹ Трагедия «Светослав» сохранилась в рукописи, так как автор поднес ее Александру I. Писарский экземпляр находится в Российской национальной библиотеке (СПб.) в составе Эрмитажной коллекции.² Рукопись давно известна исследователям, ей даже посвящены две статьи и несколько страниц в книге по истории русской драматургии XVIII в., что случается достаточно редко с неопубликованным произведением.³

Прежде чем приступить к анализу этого любопытного и до сих пор малоизученного текста, следует сказать несколько слов о содержании трагедии. Действие происходит в древнем Киеве приблизительно в 965—968 гг. Захваченный в плен хазарский князь Гиркан

¹ См.: Стихотворная трагедия конца XVIII—начала XIX века / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. А. Бочкарева (Б-ка поэта, Большая серия). М.; Л., 1964; Русская литература. Век XVIII. Трагедии. М., 1991.

² Российская национальная библиотека (РНБ). Рукописный отд. Эрмитажное собр. № 214.

³ *Бочкарев В. А.* 1) Русская историческая драматургия XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 194—202; 2) Трагедия Н. П. Николева «Святослав» и ее место в русской драматургии. Взаимодействие жанров, художественных направлений и традиций в русской драматургии XVIII—XIX вв.: Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1988. С. 48—58; *Витковская Л. В.* Неизданная трагедия Н. П. Николева. (К истории русской классицистической трагедии) // Русская литература. 1984. № 4. С. 104—109.

готовит восстание против своего победителя князя Светослава, который находится далеко от Киева, подчиняя своей власти болгарские земли. (Победа над хазарами имела место в 965 г., победа над болгарами на Дунае произошла в 967 г.) Дочь Гиркана Азира влюблена в Светослава, но суровый отец требует у нее клятвенного заверения, что она никогда не откроет своей любви злейшему его врагу — Светославу. Светослав возвращается в Киев. На город нападают печенеги (нападение печенегов произошло в 968 г.⁴). Нападение организовали пленные хазары во главе с Гирканом. Светослав между тем открывает свою любовь Азире, которая вопреки клятве признается в ответной страсти. Происходит сражение. Светослав ранен, однако прощает Гиркану измену и возвращает ему царство. Гиркан раскаивается и вручает победителю дочь.

Те обстоятельства, что в трагедии имеется историческая личность (одна!) — князь Святослав (У Николева — Светослав), что место действия локализовано в пространстве — в г. Киеве и в реальном времени — в 965—968 гг., дали основание исследователям называть ее «исторической».⁵ Это явное преувеличение. Все исторические упоминания в трагедии взяты из общеизвестной и общедоступной «Повести временных лет». Таких упоминаний в трагедии три:

1. В 6473 (965) г. Святослав действительно победил Хазарский каганат. «Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изыдоша противу с князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежу взя» (С. 47).

2. В 6475 (967) г. «иде Святослав на Дунай на Болгары <...> одоле Святослав Болгарам, и взя город 80 по Дунаеви...» (С. 47).

3. В 6476 (968) г. «Святослав <...> собра вои, и прогна печенеги в поли, и бысть мир» (С. 50).

Таковы исторические события, так или иначе отраженные в трагедии. Никаких исторических имен, кроме Святослава, там нет.

Существует предположение, что это имя «представляет собой перевод династических имен с варяжского на славянский»: Олег (Хельг) — посвященный, Рюрик (Хрёркер) — могучий славой, славный (т. е. посвященный славе). «Таким образом, молодой князь соединил в своем имени имена своих предков, но уже в славянском облиции».⁶ Этим антропонимическими тонкостями Николев, конечно, не знал. Для него имя Святослав этимологически означало *славный святостью*. Написание Светослав означало *славный в свете* (в мире),

⁴ Все даты взяты из: Повесть временных лет. Ч. 1—2. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 46—47, 244—246. В дальнейшем все ссылки на Начальную летопись даются по этому изданию.

⁵ «Трагедию „Святослав“ с полным правом можно считать исторической пьесой» (Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия XVII—XVIII вв. С. 201).

⁶ Членов А. М. К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970. С. 326—327.

что, в общем, более соответствовало тому персонажу, которого Николев изобразил в своей трагедии.

О таком понимании имени русского князя, кажется, свидетельствует и реплика Гиркана:

Владыкою себе не чту и Светослава.
Будь света он монарх, вселенною владей...
(Л. 7 об.; курсив мой. — М. А.)

Можно поэтому осторожно предположить, что автор намеренно называет протагониста Светославом: может быть, Николев хотел показать, что его герой далеко не тот летописный Святослав (как мы увидим, так оно и есть), и велел переписчику писать имя через «е» («ять»), а не через «я» (в летописи — «юс» малый). Только в одном месте рукописи имя написано традиционно — писец, возможно, машинально употребил общепринятую форму.⁷

Николевский Светослав, как и его летописный прототип, — знаменитый и прославленный воин. На этом сходство между персонажами кончается. Автор летописи пенял Святославу, что тот ищет «чужой земли и о ней заботится, а свою покинул». Татищев, с трудами которого Николев, наверное, был знаком, назвав Святослава «муж свирепый» и следуя за летописцем, отмечал, что тот «мало о правлении государства, но более о войнах прилежал».⁸ Летописный Святослав женат, имеет трех детей (в том числе, кажется, незаконного Владимира), старую мать — Ольгу, которая воспитывает внуков и упрекает сына, что он хочет покинуть ее и жить в завоеванной далекой Болгарии и пр. Никаких этих летописных деталей мы у Николева не найдем. Здесь молодой, разумеется, холостой воин, одолеваемый любовью к прелестной девушке, и выступает пламенным патриотом.

Еще одно имя в пьесе имеет, возможно, какую-то историческую подоплеку. В летописи имя хазарского хана (кагана) не названо. Как отметила Витковская, в «Истории» Татищева Каспийское море названо Гирканским.⁹ Заметим, что у Геродота дважды упоминается племя гиркан, живущих у Каспийского моря.¹⁰ Гиркания, страна у Каспийского моря, несколько раз встречается и в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. Возможно, что географическое упоминание, связанное с местом обитания хазар, дало имя главному

⁷ На написание в рукописи имени героя через «ять» никто не обратил внимания. Все упоминавшие трагедию Николева пишут имя протагониста традиционно: Святослав.

⁸ Татищев В. Н. Собр. соч. М., 1995. Т. II. С. 50.

⁹ Витковская Л. В. Незданная трагедия Н. П. Николева. С. 106, прим. 20: Татищев В. Н. Собр. соч. Т. II. С. 293.

¹⁰ Геродот. История. Кн. III. § 117; Кн. VII. § 62. См.: Геродот. История в десяти книгах. (Литературные памятники). Л., 1972. С. 173, 332, 562 («Гирканы, жители области на юго-восточном побережье Каспийского моря»).

противнику Светослава: хазарский хан в пьесе зовется Гирканом. Никаких других исторических имен в трагедии нет. Имя Азиры, возможно, произведено от имени героини в трагедии Вольтера «Альзира», тем более что, кажется, у этой трагедии есть точки соприкосновения с Николевской «Сореной и Замиром».¹¹ Наперсник же Светослава Завлох, наверное, получил свое имя из трагедии Сумарокова «Хорев». Остальные имена (Возвед, Злодар, Отар, Ора), по-видимому, вымышлены. Географические названия — Киев, Херсон, Волга, Дунай, Европа, Азия (кроме упоминаемых в «Повести временных лет» Переяславца и Белой Вежи) — общеизвестны и отнюдь не свидетельствуют о каком бы то ни было специальном «соотнесении с реальными историческими событиями».¹²

Хазарская принцесса, нарушив данную отцу клятву, боится мести богов. Она почему-то молится языческому Перуну и умоляет этого славянского бога простить ей нарушение клятвы.

Клятвопреступница!.. зри ад у ног своих!
Что слышу!.. месть богов!.. перун!.. перун уж блещет!
Трясется Храмина!.. где я!.. мой дух трепещет!..

(Л. 28 об. Действ. 4, явл. 2)

Какова же ее вера? Почему она такая же, как у взявшего ее в плен язычника Светослава? О том, что хазары придерживаются иудаизма, автор трагедии был несомненно осведомлен. В той самой Несторовой летописи, которая послужила главным и во всяком случае основным источником «Светослава», под 6494 (986) г. (знаменитое прение о вере) говорится: «...жидове козарьстии придоша, рекуще <...> „веруем единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю“» (С. 60). О иудействе хазар Николев мог прочесть и у Татищева: «Казари <...> частью сами, от печенег терпя, или для сохранения жидовства в Русь переселились <...> однако же, от их жидовства в Киеве по смерти Святополка II-го учинилось великое смятение, многих побили, для которого Владимир II закон на сейме 1126-го зделал: всех жидов выгнать и впредь в Русь не впускать, которое доднесь хранится».¹³

В трагедии Николева Светослав (по летописи — дикий, свирепый воин, язычник и многоженец) вымаливает любовь у неприступной красавицы и во время бессвязного любовного монолога бросается к ногам жестокой, отвергающей его (как он думает) возлюбленной:

В последний раз прости... бесчувственна Азира!
Когда моя рука, Россия... зависть мира!

¹¹ Кадлубовский А. «Сорена и Замир» Николева и трагедии Вольтера // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. 12. Кн. 1. С. 185—204.

¹² Бочкарев В. А. Трагедия Н. П. Николева «Светослав»... С. 50.

¹³ Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 328—329.

Трон севера и с ним монарх венчанных глав
Бросаясь на колени
У ног твоих теперь стоящий Светослав
Все забывающий... и то, чем угрожает,
И сердца твоего... лишь сердца ожидает!..
(Л. 31 об.)

И уже нет ничего удивительного в том, что Светослав прощается с возлюбленной, «целуя руку Азиры» <sic> (Л. 32 об.) — жест совершенно нелепый для этикета славянского десятого века, который показывает, что никакие исторические реалии Николева не интересовали.¹⁴

На самом деле в пьесе речь идет не об историческом Святославе, а о событиях европейской жизни начала XIX в., и прежде всего о царе Александре I. Уже посвящение, открывающее трагедию, свидетельствует о несомненном соотнесении ее с царствующим самодержцем. Оно обращено к Александру, которого автор величает «праправнуком мудрого» (т. е. Петра I), «богоподобным внуком» (Екатерины II), обладателем «кроткой воли», «готовящим законы Россу тверды». Основная идея посвящения — благодарность царю за либеральное смягчение цензурных запретов: «Снял путо студное и с мысли, и пера <...> Цензуры обуздав суды дарам несносны» (Л. 1). Эти строки позволяют установить нижнюю границу времени создания трагедии (рукопись не датирована).

Новый цензурный устав был принят 9 июля 1804 г. Можно предполагать, что посвящение было написано тогда, когда пьеса была уже закончена, а благодарность писателей за цензурные послабления была еще достаточно свежей. Тогда окончание трагедии может приблизительно датироваться второй половиной 1804—началом 1805 г.¹⁵ Некоторые возможные дополнения к обоснованию этой датировки будут сделаны позднее.

Итак, содержание трагедии в той или иной степени явно связано с деятельностью здравствующего императора, что не ускользнуло от внимания исследователей: «Не исключено, что, работая над пьесой, поэт мысленно соотносил своего героя с Александром I...». Однако ограничившись констатацией этого бесспорного факта, В. А. Бочкарев в дальнейшем занялся только рассмотрением «исторически верного образа храброго, отважного, мужественного князя-патриота,

¹⁴ Впрочем, Л. Н. Витковская видит в этой сцене решение каких-то художественных задач: «Чтобы показать глубину чувств влюбленного монарха, Николев идет на сознательное нарушение национально-исторического колорита повествования: заставляет русского князя X века стоять на коленях и целовать руку возлюбленной» (*Витковская Л. В. Неизданная трагедия Н. П. Николева*. С. 100).

¹⁵ Наша датировка полностью совпадает с заключением Л. Н. Витковской: середина первого десятилетия XIX века (Там же. С. 105).

отличающегося широтой взгляда, действующего не только в интересах своей родины, но и других народов».¹⁶

В действительности «исторический» Святослав сильно отличается от этой благостной характеристики. Историки дружно отмечают, что Святослав осознает и чувствует себя чужим в собственной стране и не хочет в ней жить. Веский повод для таких заключений дает общий для всех источник — «Повесть временных лет».

Так, по всей очевидности, известный Николеву В. Н. Татищев, точно придерживаясь текста летописи, рассказал об упреках киевлян Светославу: «Ты, княже, чюжие земли ищешь и дальние пределы хранишь, а древнее твое владение Киев и мать твою з детьми твоими оставил без обороны...» Жалобы не убедили Святослава, и далее у Татищева следует пересказ его ответа киевлянам: «Святослав, недолго быв в Киеве, скучил, понеже обыкл пребывать в поле и воевать, говорил матери своей и бояром: „Неприятно мне быть в Киеве, но хочу жить в Переяславце на Дунаи, той бо есть сердце земли моя“...»¹⁷

Характерно, что историки XIX в., уже не известные Николеву, тоже дружно говорят о полном равнодушии Святослава к собственному отечеству. Н. М. Карамзин, основываясь на рассказе летописца, пишет, что Святослав не очень интересовался делами собственной страны: «...не думая, что в самое сие время отечественная столица его была в опасности <...> он для завоевания чужих земель жертвует собственною <...> мирное пребывание в Киеве скоро наскучило князю...»¹⁸

О том же пишет Н. Полевой: «...Киев не люб был Святославу: житье в роскошной цветущей Булгарии, надежда владеть Дунайской землею, мысль — быть победителем Царьграда <...> обольщали его. <...> он хотел поселиться в дунайском Пряяславце».¹⁹

Очень точно мысль об отчуждении Святослава от родной земли сформулировал С. М. Соловьев: «...мы должны обратить внимание на характер и положение Святослава, как они выставлены в предании. Святослав завоевал Болгарию и остался там жить; вызванный оттуда вестью об опасности, грозившей его семейству, нехотя поехал в Русь; здесь едва дождался смерти матери, отдал волости сыновьям и отправился навсегда в Болгарию, свою страну» (курсив мой. — М. А.).²⁰

Историки чувствовали явное недовольство летописца отношением Святослава к родной стране. Не возникло ли того же ощущения у чуткого к изображению человеческих характеров поэта? И это

¹⁶ Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия... С. 201.

¹⁷ Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 328—329.

¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 128 – 129.

¹⁹ Полевой Н. История русского народа. М., 1997. Т. 1. С. 139.

²⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Сочинения в семнадцати книгах. М., 1988. Кн. 1. С. 160.

могло вызвать у Николева, погруженного в аллюзионную поэтику классицизма, современные ему политические ассоциации. Александр, в общем, всегда воспринимался, особенно оппозицией, человеком чуждым России, ее традициям и привычкам. Еще в юности он мечтал оставить Россию и поселиться как частное лицо за границей. Этими мечтами Александр делился со своими корреспондентами в письмах, давно вошедших в научный оборот: «Вам уже давно известны мои мысли, клонившиеся к тому, чтобы покинуть свою родину» (Письмо к Лагарпу от 27 сентября 1796 г.).²¹ Еще более выразительно письмо к В. П. Кочубею от 10 мая 1796 г.: «Я сознаю, что во все не гожусь для того звания, которое занимаю теперь, и еще менее для предназначенного для меня в будущем, от которого я дал клятву отказаться тем или другим способом <...>. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного звания (я не могу положительно назначить время такого отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком».²²

Эти письма и другие документы и свидетельства, по всей вероятности, не были известны Николеву. Но он жил в Петербурге, общался с Павлом, благосклонность которого пользовался; наверное, был в курсе событий и слухов придворной жизни. Очень осторожно можно предположить, что какие-то настроения наследника, а потом императора могли быть ему известны. Может быть, трагическое одиночество цесаревича, а потом императора в собственной стране и породило ассоциацию русского монарха с летописным добровольным изгнанником Святославом и послужило некоторым толчком к созданию трагедии. Не с этим ли связано отмеченное выше различие с традиционным написанием имени протагониста: может быть, Николеву хотелось подчеркнуть принципиальное психологическое отличие его героя (при некотором ситуативном сходстве) от исторического Святослава.

В трагедии явно прослеживаются две концепции монархической власти. Одну мы условно можем назвать «александровской» (она воплощена в образе Светослава), другую «наполеоновской». Носителем последней является Гиркан. Обращаясь к Светославу, он рисует образ настоящего, с его точки зрения, властелина:

Ты князь во счастья, я так же князь в несчастье,
Так в гордости, как ты, имею я участие?
Алкаешь ты побед: и я побед алкал?
Ты славы ищешь: я славы тож искал?..

(Л. 29 об.)

²¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 161—163.

²² Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 118—119.

Здесь проступают черты воителя Наполеона: гордец, презирающий окружающих его слабых царей, гениальный полководец, выигравший многие сражения, прославленный по всему миру владыка.

Несколько обобщенная, эта характеристика, кажется, становится более конкретной в пространном монологе Азиры, противопоставляющей идеального властелина (Светослава) злодеям на престоле (первое явление второго действия). Здесь мы найдем общую характеристику Французской революции:

Злых душ единый бунт, рассудка неустройства,
Друг друга в слепоте лишить чрез то устройства,
Вот путь, которым мир едва ль не весь идет.

Над этим хаосом возвышается честолюбец, лишь случайно ставший владыкой, безжалостно истребляющий людей (в отличие от человеколюбивого Светослава):

Любимец случая, народов истребитель,
Пренебрегающий страдания людей,
Чтоб только быть ему царем вселенной всей...

Для большей части русского общества начала XIX в. Наполеон был достойным наследником Французской революции (Шишков, к примеру, называл его разбойничьим атаманом). В монологе Азиры он стоит во главе чудовищного бунта, разрушившего устойчивую систему государственного устройства, уничтожившего сложившуюся цивилизацию:

...варвар таковой, вселенную расстроя,
Порядок истребя, наполня стоном свет,
Пресобратя в ничто труды нещетных лет,
Плоды пресмудрости, которая природа
Чрез веки дарствует для счастья народа,
Лиша людсей всего, обезобразя мир...

И далее, кажется, уже совсем недвусмысленно речь идет именно о Наполеоне, разрушителе европейских монархий, по своему произволу игравшему коронами и скипетрами, который

Не что иное есть, и с множеством порфир,
Престолов, скипетров, отъятых счастьем злобы,
Как изверг вышедший из тартарской утробы.
Бич смертных, фурия во образе людей:
По имени монарх, по действию злодей.

Возможно, в этих словах содержится прямой намек на бедного корсиканского офицера, выскочку, который игрой слепого случая

сделался императором: он только «по имени монарх». Наполеон был провозглашен императором 18 мая 1804 г.

В речах Азиры звучит обвинение в нарушении клятвы, закона во имя честолюбия, славы, гордости, о которых говорил Гиркан, считая их основными атрибутами монарха:

Я ведаю, что власть свои имеет правы,
Что клятва там молчит, где гордость алчет славы,
Что властолюбис, поставя в сердце трон,
Вселенной обладать считает за закон.

Нет ли здесь намек на убийство герцога Энгиенского, которое было вероломным, бандитским нарушением всех общепринятых принципов международных отношений («клятва там молчит»)? Герцог был расстрелян 21 марта 1804 г. Таким образом, эти даты тоже ведут нас к середине 1804 г. — наиболее вероятному времени создания трагедии.

Кажется, в трагедии имеется еще один намек на современную писателю политическую ситуацию 1800-х гг. Общей ненавистью пользовался тогда Адам Чарторижский (Чарторийский), министр иностранных дел и ближайший друг Александра I. Так, с глубоким отвращением пишет о нем, например, Ф. Ф. Вигель: Чарторижский «был тайный непримиримый враг России, слишком известный потом изменник <...>. Император в это время дорожил еще мнением России, которая громко зывала к нему об удалении предателя, и Чарторижский к концу лета должен был оставить министерство...»²³ Чарторижского, возможно, не без основания обвиняли и в любовной связи с императрицей Елизаветой, «первой и единственной большой любовью в его жизни».²⁴ Недоброжелатели «сплетничали о связи Чарторийского с императрицей, о его притязаниях на польский престол или о его якобинских настроениях и англофильстве».²⁵

Несколько лет назад А. Л. Зорин очень убедительно показал, что как раз в середине 1800-х гг. Чарторижский изображался в литературных текстах с особой неприязнью и ненавистью.²⁶ Можно полагать, что в трагедии Николева имеется персонаж, в котором достаточно явственно отразилось отношение русского общества к Чарторижскому. Это древлянин Злодар, «градохранитель в Киеве»,

²³ Вигель Ф. Ф. Записки / Ред. и вступ. статья С. Я. Штрайха. М., 1928. Т. 1. С. 150, 260 (Репринт: 1974).

²⁴ «The first and the only great love of his life» (*Grimsted P. K. The Foreign Ministers of Alexander I. Berkeley and Los Angeles, 1969. P. 108–109.*)

²⁵ «...gossiped about Czartoryski's relations with the empress, about his suspected aspirations to the Polish throne, or about his supposed Jacobin tendencies and Anglophile sentiments...» (*Ibid. P. 111–112.*)

²⁶ Зорин А. «Бескровная победа» князя Пожарского. (События Смутного времени в русской литературе 1806—1807 гг.). <http://infourt.udm.ru/magazine/info/38/zorin.htm>

т. е. ближайший помощник и доверенное лицо Светослава. Об изменнике рассказывает Гиркан:

Россов подданный, но родом он древлянин;
Единый из сынов, в плен Ольгою взятых:
Раб гордый... зол, лукав, измена — жребий злых,
Корыстолюбие и зависть — оных свойство,
Жадав <sic!> даров, быв нищ душой, он враг геройства;
Измена — путь его; его коварство — дар...

(Действ. 1, явл. 2)

Злодар изменил своему покровителю и благодетелю, вступил в заговор с Гирканом, поднял восстание против Светослава и, когда восставшие были разгромлены, — закололся: «Злодар, лишась отрады, // Пронзил себя, и дух во ад понес с досады» (Л. 36. Действ. 5, явл. 5).

Злодар — древлянин, т. е. славянин, как и поляки. Древлан разгромила Ольга, мать Светослава, поляков — Екатерина II (разделила Польшу, оккупировав ее большую часть), бабушка Александра. Злодар — изменник; он зол, лукав, завистлив — все эти характеристики, кроме корыстолюбия, вряд ли свойственного богачу Чарторижскому,²⁷ вполне подходят для описания вероломного поляка, которого всеобщая молва назвала изменником. Кажется, отразилась в трагедии и его любовная связь с императрицей: Злодар в награду за измену требует руки Азиры, возлюбленной Светослава.

Чарторижский был назначен товарищем министра иностранных дел 8 сентября 1802 г., министром — 16 января 1804 г., подал в отставку и был уволен от должности только 17 июня 1806 г., после Аустерлица, Фридланда и пр. Таким образом, Николев, видимо, в своей трагедии выдавал желаемое (полное поражение и гибель презренного предателя) за действительное.

Наконец, в трагедии есть еще один маленький нюанс, который, может быть, было бы слишком смело интерпретировать, как аллюзию на конкретное историческое событие. Но все же... В самом конце трагедии мы узнаем, что в отчаянной схватке со Светославом Гиркан, «мстя за честь, пронзил <...> злодея своего!» Однако Светослав оказался лишь тяжело раненым, и в последнем явлении он появляется «вооруженный, имея перевязанную рану, бледное лицо, одной рукой опирается на копье и другой опирается на воина». Этот эпизод, естественно, никак и нигде не зарегистрированный

²⁷ Впрочем, секвестированные имения были «подарены» (возвращены) братьям Адаму и Константину Чарторижским Екатериной II в 1795 г. (43 566 душ!). Так что и упрек в жадности и стремлении получить богатство от царя в случае успеха заговора тоже мог подразумеваться в отвратительной характеристике Злодара. См.: Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Чаадаев--Швитков. С. 43 (Репринт: 1962).

в исторических источниках, вовсе не нужен для развития действия: потерпевший поражение Гиркан мог быть прощен великодушным противником, которому совсем не обязательно оказаться при этом раненым (правда, полученная рана подчеркивает великодушие победителя). Во всяком случае можно задать вопрос: не является ли эта рана намеком на поражение Светослава/Александра при Аустерлице. При этом полная моральная победа остается за Светославом, т. е. в аллюзионной системе Николева — за Александром I. Это обычная aberrация авторов хвалебных текстов: они превращают поражения своих любимых героев в виртуальные победы. Так, например, Державин в оде «На мир 1807 года, Государыням Императрицам» изображал вопреки всякой исторической истине триумфатора, победителя Наполеона коварным другом Александра I, который, «зря пред собой скалу железну», «снесший рану», вынужден был просить мира.²⁸

Аустерлицкое сражение произошло 2 декабря 1805 г. Если в трагедии содержится намек на него, то возможную дату создания «Светослава» можно будет немного отодвинуть: 1804—1805 гг., но все-таки, по-видимому, до заключения Тильзитского мира (июнь—июль 1807 г.). Так что предложенная Л. Н. Витковской датировка — самая середина 1800-х — кажется, представляется наиболее приемлемой.

Светослав своими настроениями, идеями, чувствами отличается от честолюбца, человеконенавистника, наполеоноподобного Гиркана. Он — пылкий любовник, готовый ради возлюбленной принести в жертву славу, честь, трон — все, что так важно для властителя наполеоновского типа:

Что слава? Звук похвал? Что пышность диадимы,
Коль любим и, любя, взаимно мы любимы?
Коль очи видим мы, подобныя твоим,
Скажи сама, тогда что в блеске диадим?
Рассынь передо мной драгих металлов царство,
Из злата горы слей, дай свет мне в государство,
Собрав в единый трон все троны на земли;
А ты любви моей лишь сердце посули,
Лишь слово вымолви в награду Светославу.
Оно твое: тогда и тронов трон, и славу,
И все сокровищи приму я за мечту,
И сердце им твое в минуты предпочту!
Я в мире зрю хаос... Азира совершенство
Она бесценнее!.. она мое блаженство!..
Блаженство!.. так назвать любовь тебя велит!
Душа моя тебя с собою не делит!..
Ты все!.. мне все... и мне к желанью лишь осталось!

(Л. 24 об. Действ. 3, явл. 5)

²⁸ См.: *Альциуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 69.

Так, конечно, не мог говорить суровый древнерусский воин, но так, независимо от национальной принадлежности, времени действия, страны, говорят влюбленные герои классической трагедии: суровый грек Пирр, страстный испанец Сид, русский князь Мстислав (в трагедии Николева «Сорена и Замир») и пр. Однако в отличие от главной коллизии классицизма в любовных излияниях Светослава не возникает никакого конфликта между чувством и долгом.

Герой не обинуясь противопоставляет частную жизнь общественной и явно предпочитает первую. Порфиры и диадимы для него ничего не значат. Нет ли и здесь намек, отзвука тех настроений, которые имел и достаточно, наверное, ясно продемонстрировал молодой цесаревич перед вступлением на престол и сразу после этого?

В пространном монологе, составляющем все первое явление пятого действия, Альзира умоляет некоего бога любви (по имени не назван: не Амур, не Венера, не псевдославянский Лель) спасти и сохранить и отца, и возлюбленного и установить мир между ними. При этом Альзира быстро отвлекается от своих конкретных проблем, и в ее монологе любовь выступает некоей философской субстанцией, пронизывающей мир. Эта субстанция спасает вселенную, космос, от зла и уничтожения (Л. 33—33 об. Действ. 5, явл. 1).

О ты, чье бытие в премудрых действиях зрим,
Но о котором мы толь гордо говорим!
Чьи судим промыслы толико дерзновенно
И чьей щедротою сто крат все то забвенно!
Кем все, что видим мы, и взором, и умом,
Все дышит, все живет, и все в тебе одном!
Но назову тебя: бог сердца! Благ содетель!
Без коего была б мученьем добродетель,
Жестокость правила, всегда лилась бы кровь!..
О милой, милой бог! Иль ты сама любовь
Владычица сердец...

Подобное представление об Эросе возникло еще в древнегреческой философии (см. «Пир» Платона). Эти идеи были близки масонам, для которых бинарно устроенный мир представлял собой борьбу первоначального зла, воплощенного в змии, сатане и грехопадении первого человека, с пронизывающей космос мировой любовью. Масоны противопоставляли мировому злу братскую любовь и активную филантропию, которые могут и должны пересоздать мир, превратив его в благостную утопию.

Одним из лучших описаний масонского представления об Эросе является превосходное стихотворение С. С. Боброва «Царство всеобщей любви». Здесь, вполне по Гезиоду и Платону, говорится о вечности, изначальном бытии Эроса во вселенной:

Еще вокруг солнцев не вращались
В превыспренных странах мира,
Еще в хаосе сокрывались
Сии висящие шары,
Как ты *любовь* закон прияла
И их *начатки* оживляла.

Любовь обеспечивает гармонию вселенной, самое ее существование:

Миры горящи соблюдают
Закон твой в горней высоте;
Вертясь вокруг солнцев, побуждают
Чудиться стройной красоте.

Любовь (Эрос) побеждает мировое зло, непрерывно стремящееся распространиться в мире и овладеть им. Оно воплощено в змии, некогда соблазнившем Адама и Еву и внесшем в мир греховное начало:

Но *древний змий*, покрытый мраком,
Когда из бездны той ползет,
Где он, лежа с угрюмым зраком,
В груди клуб зол ужасных вьст...
<...>
Кто ж? — кто опять тогда устроит
Мятушесь в бурях естество?
<...>
Конечно — мирно божество.
Любовь! — везде ты управляешь...
<...>²⁹

Монарх, обладающий абсолютной властью, посредством любви может по масонской модели преобразовать мир.

²⁹ Поэты 1790–1810-х годов. Библиотека поэта. Л., 1971. С. 71, 72, 74. Отметим, кстати, что в другом стихотворении — «Глас возрожденной Ольги к сыну Святославу» — Бобров описывает смерть Екатерины, убийство Павла и воцарение Александра, пользуясь именами Ольги и Святослава. В то же время у Боброва любовь как некоторое абстрактное понятие ассоциируется с Александром I:

Трофеи рано ль, поздно ль тленны;
Коль слава в слухе ни звучит,
Преобратятся в гробы темны;
Одна любовь -- трофеей и щит.

(Торжественное утро марта 12 1801 года // Бобров С. Браноносные и миролюбивые гении россии, или герои севера в лаврах и пальмах. Часть Первая: «Рассвета полночи». СПб., 1804. С. 68). Ср. новейшее издание: *Бобров С. Рассвет полночи. Херсонида* / Издание подгот. В. Л. Коровин. М., 2008. Т. 1. С. 86, 296—298.

Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом! —

пели масоны, обращаясь к Павлу, еще наследнику престола. Они готовы были почитать его земным воплощением разлитого во вселенной мирового Эроса:

Залог любви небесной
В тебе мы, Павел, зрим...³⁰

Абстрактная любовная субстанция, некое отвлеченное начало, именуемое любовью, возникает в одах Карамзина, посвященных Александру I:

И власть монаршия казалась
Нам властью любви одной.

Для подданных «венценосец» «свят», он — «любимый и любви достойный». В другом стихотворении любовь подданных венчает монарха на царство:

Восстань, ликуй народ великий!
Блистай веселие сердец!
Любовью отдан сей венец.

Любовью, по Карамзину, определяются отношения свободных подданных и монарха:

Тебе одна любовь прелестна,
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарным быть?
Любовь со страхом не совместна.³¹

Заметим, что Карамзин, активный масон в юности, естественно, не был чужд масонской символике.

Представление о любви как абстрактной категории, воплощающей идеальные отношения между властью и народом, могло быть не чуждым и Николеву (по крайней мере, хорошо ему известным). Он был близок к братьям Паниным, а они занимали в масонской иерархии самые высокие степени. Петр Иванович был «великим

³⁰ Шумигорский Е. С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. II. С. 144 (Репринт: М., 1991).

³¹ Его Императорскому Величеству Александру I, Самодержцу Всероссийскому, на восшествие его на престол; На торжественное коронование его Императорского Величества Александра I, Самодержца Всероссийского // Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. Библиотека поэта. Л., 1966. С. 261, 262, 265, 266.

поместным мастером масонского ордена в России»,³² дружил с отцом Николева и покровительствовал сыну.³³ Нам ничего не известно о формальной принадлежности Николева к братству Свободных каменщиков, однако мы знаем, что сын его Николай Николаевич был масоном. Он основал ложу в Могилеве, а «в 1820 году в связи с его масонской деятельностью велось следствие».³⁴

Сам Н. П. Николев по-разному относился к масонам. В комедии «Самолюбивый стихотворец» он, по-видимому, над ними смеется. Но то было во времена Екатерины II... На начало царствования Александра I приходится «расцвет и небывалое распространение» русского масонства,³⁵ а Николев, как мы знаем, несмотря на слепоту, хорошо чувствовал настроения монархов и власть предрержащих и умел им соответствовать. Очень похоже, что масонские представления о монархе как воплощении мировой гармонии-любви отразились в образе Светослава. Любовью у Николева «все дышит, все живет», ее бытие «в премудрых действиях (Творца. — М. А.) зрим». Только Любовь может спасти возлюбленного героини, т. е. Светослава, т. е. монарха, т. е. аллюзионно самого Александра I:

Спаси любезного! Спаси отца драгого!
Кроме любви мне нет защитника другого!!
Сбреги мне две души, без коих на земли
Не будет счастья мне, не будет николи.

Карамзин в оде 1801 г. прославлял миролюбие молодого царя:

Монарх! Довольно лавров славы,
Довольно ужасов войны!³⁶

Таков же и николевский Светослав. Он испытывает отвращение к воинским подвигам и пролитию крови.

Победы скучны мне; сражения, осады,
Лиющая кровь, низверженные грады,
Престолы, стон князей, повсюдный звук оков...

(Л. 22. Действ. 3, явл. 3)

³² Масонство в его прошлом и настоящем. Т. II. С. 138.

³³ В письме к князю А. Б. Куракину от 14 марта 1781 г. П. Панин, рекомендуя Н. Н. Николева, называет его деда Петра Михайловича Николева «давним приятелем» своим (*Дружинин П. А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину. М., 2002. С. 286.*)

³⁴ См.: *Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 591; Bakunine T. Repertoire biographique des francs maçons Russes. Paris, 1967. P. 368; Кочеткова Н. Д. Николай Николаевич Николаевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 349—350.*

³⁵ *Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 77.*

³⁶ *Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 263.*

Не проявляется ли в этих стихах чувство одиночества, склонность к меланхолии, столь характерные для Александра, о которых говорилось несколько ранее.

В 1801 г. Николев написал стихотворение «Жертвоприношение. Поэма на случай издания милостивых манифестов Государем Императором Александром Павловичем в первое высочайшее присутствие его в Сенате в 15-ый день по восшествии на престол от верноподданного Николева слепого. Апреля дня 1801-го».³⁷ Александр выступает здесь в трех ипостасях — как Бог, царь и человек:

Как царь — долги простил народу,
Как человек — нам дал свободу,
Как Бог — низринул тайны<й> ад.
Уже цепей позорны звуки,
Ни пытки, ни тирански муки
Невинности не сокрушат.

(Л. 4 об.)

В этих стихах Николев, несомненно, опирался на знаменитую хрестоматийную оду Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779), где будущий император был назван отцом («будет подданным отец»), где гении даровали ему добродетель и человечность:

Но последний (гений. — М. А.), добродетель
Зарождаячи в нем, рек:
«Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!»

Следуя за Державиным, Карамзин вспоминал о добродетели («...добродетель обожая, // Для всех послужит образцом») и, вслушиваясь в голос самой Истории, писал:

Ответу Клии я внимаю:
«У вас на троне человек!»³⁸

Добродетель и человечность определяют и характер героя трагедии Николева. Светослав очень долго не появляется на сцене. Его торжественный выход с почетными грамотами и в окружении пышной свиты выглядит несколько странным и плохо вписывается не только в представление о летописном Святославе, но и о скромном, избегавшем пышных церемоний Александре. Это импозантное явление нужно для обоснования последующей, достаточно нелепой, сцены: Светослав раздает несомые на «бархатных подушечках»

³⁷ РНБ. Сб. QXVII.183 (III).

³⁸ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 263, 268. Ср.: Там же. С. 399 (комментарий Ю. М. Лотмана).

грамоты на благородство. При этом он утверждает, что эти грамоты подчеркивают лишь личные достоинства награждаемых, а в принципе все люди равны и «знатная порода» сама по себе не дает человеку никаких преимуществ. Такая проповедь внесловной ценности человека, естественно, уместна в устах ученика Лагарпа, но звучит несколько странно в устах киевского язычника:

...ради ваших чад, к услугам в поощренье,
Услуги ваша примите одобренья
Свидетельством тех дел, вы коими себя
Ко славе вознесли, Отечество любя;
Се ваши грамоты и титулы ваша рода;
Дают заслуги их, не знатная порода.

Светослав выступает устройтелем государства, которое может существовать только при строгом соблюдении гражданских законов, честности судей и пр. Снова возникает давняя просветительская утопия, о которой Николев говорил еще 20 лет назад в трагедии «Сорена и Замир»:

И вы, явивые усердие свое,
Храня Отечество в отсутствие мое!
Порядок внутренний Гражданских прав, законов,
Сих первых благ и сил, и государств, и тронов.
(Л. 20 об.)

В продолжающемся далее пространном монологе формулируется не просто давно известная идея внесловной ценности человека, но гораздо более радикальная (ученик Лагарпа!) мысль о равенстве всех людей, независимо от их социального положения. И здесь возникает слово, определяющее истинного, достойного правителя. Слово, столь счастливо употребленное Державиным и очень часто встречающееся в трагедии для характеристики Светослава, — **человек**:

Так, так, без добрых дел, без пользы, без заслуг
Порода знатная о знатности лишь слух,
Которая дворян не славит, но поносит
И память предков их и честь от них уносит.
Все люди на земле рождением равны;
Всем людям имена по роду их даны:
Герой, Монарх, пастух среди земного круга
Есть званьем человек: что ж их делит? Заслуга;
Употребление на пользу тех доброт,
Которы им даны от Божеских щедрот...
(Выделено мной. — М. А.)

Эта тирада совсем не подходит воинственному рыцарю, какого рисует нам русская летопись, но вполне уместна в устах кроткого,

гуманного царя, воспитанного в лучших традициях европейского просвещения.

И далее Светослав возглашает:

...в виде человека
Бог чтить всем днесь велит монарха своего...

Сам Светослав говорит о себе:

От бога зря себя в пределе я далеком,
Щастлив, когда умру на троне человеком!
(Л. 22. Действ. 3, явл. 2)

Так в трагедии возникает очередная утопия. Если в «Сорене» идеальным царем выступал Замир, в котором автор хотел, вероятно, видеть будущего самодержца Павла,³⁹ то теперь на троне восседает счастливый сентиментальный царь (Светослав/Александр):

Да попечение о благе государства:
Награда честности, казнь злобы и коварства,
Единая будет цель, и счастье и венец,
На троне Россиян монарших двух сердец!
Да будет блага их вселенная свидетель!
Да с нами царствует любовь и добродетель.
(Л. 23 об. Действ. 3, явл. 3)

Окружающие восхищаются не столько воинским искусством Светослава, сколько его милосердием и щедротами:

Ничто не делает препоны Светославу.
Повсюду и во всем приобретает славу;
В искусстве... в храбрости, в щедроте... все герой!..
К чему ни обратиться, во всем порядок, строй,
То удивление, то благодарность клонит;
Но словом: он пожрет; иль всех сердца он тронет.
(Л. 35)

³⁹ Так, в большом монологе Замира изображается некоторая государственная утопия, в которой пребывали «половцы» под его властью:

...половцы, когда меня имели,
Подобному себе зла делать не умели.
В довольстве, вольности, гордясь хранить закон,
Познав, что общества единая крепость он,
Щадили правого, искореняли злого...

См.: *Альтицеллер М.* 12 февраля 1785: премьера трагедии «Сорена и Замир» // *Proceedings of a Workshop, dedicated to the memory of Professor Lindsey Hughes, held at the Biblioteca di Storia Contemporanea 'A. Oriani'. Ravenna, Italy, 12—13 September 2007 / Ed. by Anthony Cross. Part 2. P. 213.*

В конце трагедии автор теряет всякую меру в восхвалении своего Светослава, т. е. Александра I. Светослав возвращает Гиркану его трон, и последний, падая к ногам великодушного повелителя, восклицает:

Не божество ли зрю я в виде Светослава!
<...>
О боги! Сей лишь час зрю вышних плод доброт!
Достойнейший монарх, монархом быть вселенной,
<...>
Но дай мне знать, Герой! Кто научил тебя?
Платить врагу... тому, кто зол твоих содетель
Великодушнем?

Светослав

Любовь и добродетель.
(Л. 37 об.—38)

Когда Гиркан в начале трагедии утверждал, что истинный повелитель всегда горд, алкает побед, ищет славы, Светослав отвечал своему идеологическому противнику по пунктам. Да, слава действительно атрибут, присущий властелину. Но какая слава?

Монарху долг велит своей искать славы:
Ищу ее... но в чем?... в спокойствии державы,
В благополучии... в защите от врагов
(Л. 29 об.)

Честь (честолюбие), гордость не могут заставить Светослава (т. е. истинно просвещенного монарха) стать врагом своих подданных:

...постыдны мне бесчеловечны нравы!
В народном трепете не нахожу я славы,
И вечно Светослав, достигнув высоты,
Из честолюбия, из гордой сей мечты,
Чтоб Богом в свете слыть жестокостью, обманом,
Не снидет к подлости слыть богом и тираном!
Мне счастье подданных... мнѣ капля крови их
Дороже власти всей, и всех побед моих!..

И наконец, может быть, самое главное: Светослав (свирепый воин русской летописи) провозглашает важнейший постулат просветительской доктрины: изначальное равенство всех людей на Земле:

...О том прошу лишь я богов,
Чтоб я в величии, среди блестяща века,
Не забывал в себе в монархе человека,
А в подданных моих подобных мне людей!
(Л. 29 об.—30)

Таковы для Николева основные формулировки положительной («александровской») концепции власти: миролюбие, человечность, забота о подданных, скромность.

Таким образом, трагедия «Светослав» ни в коей степени не является «исторической». Это идеологическая пьеса, не лишенная известных художественных достоинств, написанная в лучших традициях русского классицизма, но с некоторым учетом современных, уже романтических, веяний, прежде всего несколько наивного интереса к подлинным историческим событиям. Следует заметить, что интерес этот проявляется у Николева в гораздо меньшей степени, чем у Державина и даже у Озерова. «Светослав» вполне вписывается в аллюзионную, политически ориентированную поэтику русской псевдоисторической драматургии первого десятилетия XIX в. и, безусловно, заслуживает внимания историков русского театра и русской литературы.

* * *

Текст трагедии Н. П. Николева «Светослав» печатается по рукописи РО РНБ, Эрмитажное собрание, № 214. Текст рукописи находится в переплетенной тетради из 38 л. в пол-листа на желтой бумаге с филигранями: «Рожок с короной», «FabriqueRobscha», «J L Larking 1796». Фолиация внесена в публикацию по счету листов за отсутствием архивной.

В ходе подготовки текстов к публикации их орфография последовательно приведена в соответствие с современными нормами. Буквы: *ь* (*ять*), *і*, *ѳ*, заменяются на *е*, *и*, *ф*. Конечный *ѣ* опускается. Имена собственные и географические названия и названия народов приводятся в орфографии автора, если она является устойчивой (Светослав). В случаях колебаний приводится вариант, наиболее близкий к современному (*казаре*, *касоги*). Все имена нарицательные, за исключением слова «Бог» в значении «Бог христиан», печатаются со строчной буквы.

Вместо буквы *щ* печатается *сч* в словах типа *счастье*, *несчастный*. В следующих формах исправлено написание корней, суффиксов и окончаний:

Существительные:

Владыко — владыка;
Ефир — эфир;
Имяни — имени;
Искуство — искусство;
Кроса — краса;
Присудствие — присутствие;

Притчина — причина;
Хаосс — хаос.

Глаголы:

Дышет — дышит;
Итъти — идти;
Спокоемся — спокоимся.

Прилагательные и причастия:

Вражей — вражий;
Вышший — высший;
Вящый — вящий;
Лутчей — лучший;
Наидражайшей — наидражайший;
Пушей — пуший;
Сладчайшей — сладчайший;
Тревожущих — тревожащих.

Наречия:

Быстрей — быстрее;
Скарей — скорей.

В том случае, если исправляемая форма встречается в конце стихотворной строки и образует зрительную рифму, печатается исправленный вариант, а исходный приводится в подстрочном примечании.

Проводится правило озвончения/оглушения *с/з* в приставках в зависимости от первого звука корня.

В ударных окончаниях именительного падежа единственного числа существительных среднего рода с основой на шипящие и *ц* печатается *-о*. Устаревший местный падеж слова «земля» («на земли») сохранен. В окончаниях именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных и причастий в безударной позиции печатается *-ый*, в ударной позиции различаются окончания *-ой/-ый*. В именительном падеже множественного числа прилагательных и причастий вместо окончаний *-ия/-ья* печатается *-ие/-ые*. Окончания прилагательных и причастий единственного числа мужского рода *-аго/-яго* заменены окончаниями *-ого/-его*. Окончания местоимений и прилагательных *-ова (такова)/-аво(каво)*, *-ево (ево, твоево, своево)* заменены окончаниями *-ого/-его*. Окончания прилагательных и причастий единственного числа женского рода *-ия/-ья* сохранены. Сохраняется форма родительного падежа единственного числа местоимения «она» — *ея*. Слитное, дефисное и раздельное написание слов выдержано в рамках современных правил. Слитные и раздельные написания частицы *не* с различными частями речи

даются по современным нормам. Написание *полуроссия* передается как полу-Россия.

Начало стихотворной строки и начало реплики всегда печатается с заглавной буквы. Особенностью пунктуации публикуемого текста является обилие многоточий, выражающее повышенную эмоциональность речи героев. Кроме того, в тексте чрезвычайно часто встречаются восклицательные и вопросительные знаки, часто в сочетании с многоточием. Если значение восклицательных знаков можно с уверенностью интерпретировать как выражение волнения, то вопросительные знаки отнюдь не всегда выражают вопрос. Часты случаи, когда вопросительный знак ставится внутри сложного предложения и, по-видимому, должен выражать повышение интонации в конце его первой части. Эти особенности расстановки знаков препинания сохранены в публикации. В остальном пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. В ряде случаев в конце предложения знак отсутствует. Тогда знак ставится по усмотрению публикатора. Очевидные ошибки переписчика исправляются без дополнительных оговорок, сомнительные случаи оговариваются в подстрочных примечаниях. Все остальные конъектуры публикатора даются в ломаных скобках.

Л. 1

СВЕТОСЛАВ*

Л. 1 об. без текста

Трагедия в пяти действиях

Л. 2

*Всемиловейшему Государю
Императору всероссийскому*

Л. 2 об. без текста

Александр Первому

Л. 3

Праправнук Мудрого, богоподобный внук,
Царь добрый, милый царь, под чьєю кроткой волей
Без зла анархии и без тиранских мук
Вознаграждается благополучной долей,
Зрит путь прибежища, покров и свой покой
Всяк верноподданный, и зрячий и слепой?
Тебя, готовящу законы россу тверды,
Сколь явны, праведны, толико милосерды;
Тебе, что в дар уже бессмертного добра
Снял путо¹ студное и с мысли, и пера,
Отверз в грудях сынов все токи живоносны
Цензуры обуздав суды дарам несносны;
Тебе мой слабый труд дерзаю посвятить.
Прими и удостой плод рвенья оценить!
Он мал, но в мире он почтется за услугу,
Коль им царю царей и человека другу
Я счастье получу, как жертвой угодить.

Верноподданный
Николев Слепой

Л. 3 об. без текста

Л. 4

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Светослав, великий князь Российский.

Гиркан, князь Казарский.

Азира, дочь его.

Завлох, верховный боярин и наперсник Светосла-
вов.

Возвед, военачальник Светославов.

Злодар, градохранитель в Киеве.

Отар, наперсник Гирканов.

Ора, наперсница Азиры.

* Текст сверен по рукописи А. О. Дёминим.

¹ Путо --- ед. ч. от *путь* (ср.: Даль).

Вельможи, дворяне, военачальники.
Стража Светослава.
Казарс и народ.

л. 5

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет ночь

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

(Гиркан, один, сидя в креслах)

О ночь!.. Сладчайшая награда душ бесстрастных.
Спокойство счастливых, страдание несчастных;
Покров... наперсница коварства, мщенья, зол,
Ведущих к торжеству тиранов на престол!
И ты не подаешь ни малой мне отрады,
И только служишь мне к растрове лишь досады!
Ты, смертных усыня и тьмой покрыв сей град,
Мне вольность лишь даешь вкушати злобы яд;
В присутствии твоём я время зрю свободно
Бесплодно рвать себя и лстить себе бесплодно.

(встав с <с>коростию)

Беги!.. и, мрачну тень простря в иной стране,
Приблж с лучом небес надежды луч ко мне...
Надежды мщенья, души моей отраву...
Да преданный Гиркан в подданство Светославу
Определением разгневанных богов
Лишенный области, короны, и сынов...
Последних чад своих, подпор своей державы
Участников его геройских дел и славы,
Омывает свой позор в крови того врага,
Кем трон его снесен на Днепрски берега!
Кем рабствует теперь и в сей постыдной доле
В прибавок зол своих зрит дщерь свою в неволе...
Но се уже заря тень мрачну гонит прочь!
Явился блеск ея, и исчезает ночь!..
Все пременяется, кроме моей напасти!
О боги! чем я стал достоин лютой части!
Всегда ль!..

л. 5 об.

(услыша входящего Отара)

Что зрю!..

(приблжжаясь)

Отар!.. так, гнев богов смягчен?
Наперсник... верный друг Гиркану возвращен!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гиркан, Отар

Гиркан

(обнимая его)

О счастье!.. тебя ль... тебя ли зрю с собою?

Отар

Се твой усердный раб: Отар перед тобою.

Гиркан

(с поспешным любопытством)

Какой щедротою был твой живот спасен?
В какую ты страну был роком занесен?
Кто известил тебя о княжеской судьбине?
Вещай! Из уст твоих все знать желаю ныне.

Отар

Л. 6

В день брани... ужаса, от яростных богов
Пущенного на нас со Днепрских берегов,
В то время, государь! как силой Светослава
Разметан был твой стан, растерзана держава,
А воинство твое, граждане и народ,
Искав убежища, бросались в бездну вод
И с кровию своей потоки их мшшали,
Друг друга в ужасе спасения лишали,
Как воздух полон был их вопля, стона их;
А ты среди толпы противников твоих
Единым мужеством страшил российски войски
И колебал успех чрез подвиги геройски;
Как с горстию одной прехрабрых ты козар
В противничьи полки нес ужас и удар,
И помня лишь одних неустрашимых права,
Презрев опасность, смерть, достигнув Светослава,
Сразился; и потряс всем мужеством его:
Я, сверженный с коня близ князя моего,
Израженный в крови, у вражеского стана²
Не мог уже тогда знать участи Гиркана.
Вы скрылись от меня. А я, лишенный сил
И чувства моего, почтен за мертва был.
Но рок хотел спасти меня от смертна зева!
Едва пресекся бой, и огонь воинска гнева
От крови, вздохов, слез в россиянах потух,
Как некто из врагов, людей несчастных друг,
По имени Возвед, россиянин породой,
Быв к сожалению подвигнутый природой,

² В тексте описка: «у вражеского *стата*».

Ко человечеству по долгу и любви,
 Узря меня меж тел, поверженна в крови,
 Извлек из челюстей пожрать готовой смерти;
 Но, щедрость он свою хотел ко мне простерти
 И показать, что росс, сколь страшен на войне,
 Столь щедр по торжестве к противничей стране,
 О жизни он моей старался все минуты;

(при сих словах Гиркан смущается)

Я силы получил; но печенег люты,
 Служащи против нас у русского царя,
 Все грабить, похищать желанием горя,
 Против союзников внезапно взбунтовались,
 Алкая добычи, той кровью упивались,
 За кою кровь свою дней несколько назад
 В наемном войске их пролить был каждый рад;
 Нечаянный мятеж россиян потревожил:
 Вопль стражи, нощи мрак смятение умножил,
 Смешались воины, разграблен русский стан...

Г и р к а н

Ах! если бы тогда присутствовал Гиркан!
 Победа б росс мдей победой окончалась;
 Не терном, — лаврами глава б моя венчалась...
 Но тщетно лыщу себя! То время протекло,
 И лестна мысль сия днесь служит мне ж во зло!
 Я в рабстве!.. но вешай судьбы своей премену.

О т а р

Насытясь печенег корыстью чрез измену,
 Взяв несколько во плен косогов и козар,
 В числе которых был и верный твой Отар
 И коего спасли к твоим услугам боги,
 Чрез степи потекли на Днепрские пороги:
 В толпе сих воинов я пребыл до сего:
 Они хранили жизнь Отара твоего.
 Я, в их пришед страну, их пленник был донине:
 Они мне о твоей поведали судьбине;
 От оных я узнал, что храбрый Светослав,
 Всю Волгу покоря и Белу Вежу взяв,
 Оружие свое понес на брег Дуная,
 В подданство привести Болгарию желая,
 И что уже вступил в Переяславец он,
 Поработил граждан, поверг царя их трон
 И к удивлению Европы и Ассиии
 Он осмьдесят градусов присообщил к России.
 А ты, о государь! со дщерию своей
 Оставлен в Киеве.

Г и р к а н

Для горести моей,
Для бесполезной мне и беспредельной злобы,
Где каждый взгляд мне смерть и все места мне гробы.
И я... я жив еще!..

О т а р

Что слышу, государь!
Так, ложна та молва, что здесь козарский царь
Живет в почтении, довольстве и покое?

Г и р к а н

(с суровым удивлением)

В покое!.. в рабстве быв... о, оглашение злое!
Позор души моей! верх бедствий!.. вечный стыд,
Который уж ничем не может быть покрыт!
Исшедшая молва из адския утробы!
Причина вящая к усугубленью злобы!
И ты... наперсник мой, тому поверить мог?..

Л. 7 об.

О т а р

Не верил; но, познав, что жребий твой нестрог,
Что Светославовым³ внимаем ты доволен,
Что доступ до тебя казарам был дозволен
И что я, государь! собою испытал,
Когда без всех препятств перед тебя предстал,
Но словом: что ты здесь, любим, почтен, свободен...
Я мог...

Г и р к а н

(с гордым презрением)

К свободе сей лишь раб единый сроден;
Но гордая душа... носящий князь венец,
Лишась его, бедам лишь в смерти зрит конец.
Я в бедстве моего не забываю права,
Владыкою себе не чту и Светослава.
Будь света он монарх, вселенною владей,
Отъяв мой трон, он был и будет мой злодей.

О т а р

Владыку познаю в сей горести душевной!
Не бодрствуй, успокой свой дух на время гневный,
Познай, познай к тебе усердие мое:
Не праздно в плене жил; несчастье твое
Была моя напасть; оно меня тягчило;

³ В рукописи: «Светославым» — ошибка переписчика..

А чтоб тебе помочь, мое старанье было.
И в плене я к тебе мой долг не забывал!
Народ, в котором я доньине пребывал,
Неустрашимые во брани печенеги,
Прошли уж со мной на Киевскис бреги,
Пришли с оружием к свободе твоя...

Л. 8

Г и р к а н

(с радостным удивлением)

Что слышу!.. правда ль то! мой друг! что слышу я?
Я мстить могу?.. но нет: прельщаюсь тем напрасно!
Ты льстишь мне?.. помощь гдс?.. <где>⁴ войско мне подвластно,
Друзья?.. спасители... вешай, где их сышу?
Веди Гиркана к ним!..

О т а р

Что князю я не лшу,
В том скоро я его могу удостоверить,
Они близ Киева; но жар потщись умерить,
Коль хочешь ты в своем желании успеть:
Не время нам теперь отмщением кипеть;
Поспешность в деле сем не может быть полезна.

Г и р к а н

Так, правда то! врагам тобой изрыта бездна,
А мне отверзся путь к престолу моему!
О друг, дающий жизнь монарху своему!
Какая может быть за то тебе награда?

О т а р

Спокойствие твое мне мзда и мне отрада.

Г и р к а н

Спокоен я, коль мне усердствует Отар!..
Поди... но прежде знай, что некто здесь Злодар,
Хранитель Киева, мне предан.

О т а р

(с удивлением)

Россиянин!

Г и р к а н

Нет, россов подданный; но родом он древлянин;
Единый из сынов, в плен Ольгою взятых;
Раб гордый... зол, лукав; измена жребий злых,

⁴ Коньсктура издателя для сохранения размера: видимо, пропуск переписчика.

Корыстолюбие и зависть оных свойства,
 Жадав даров, быв нищ душой, он враг геройства;
 Измена путь его; его коварство дар;
 Вот кто сообщник мой; вот то, что есть Злодар.
 В алчбе своей богатств он мне уже открылся.
 Сулю: и дух мечты во злате уж зарылся;
 Мне предан... ждет наград... узнай раба сего,
 Полезна мне к тебе доверенность его.

Отар

Не зная имени... но мню, что зрел Злодара.
 Градохранитель он?.. Ночной приход Отара...
 Начальник некакий меня уж призывал,
 Узнав, кто я, вести сюда повелевал.
 «Гиркана⁵ подданный, — он рек мне пред отходом, —
 Иди: всем вход к нему, лишь будь казарец родом.
 Его друзья мои: наперсник ты его...
 Спеши обрадовать монарха своего.
 Желаю, чтоб его всем боги наградили».
 Сказал, и в сей чертог меня препроводили.

Гиркан

Се он; сомненья нет; начальник сей Злодар:
 Иди ж теперь узреть живущих здесь казар
 В неволе у вельмож надменна Светослава.
 Обрадуй их! скажи, что их упадша слава,
 Как прежде, возгремит, когда в них сердце есть,
 Когда в них бедствием не умерщвлена честь!
 Тронь мужество их душ, врагами посрамленно,
 И мщенье пробуди, в них бедством усыпленно!
 Спеши собрать плоды с отсутствия врага!
 Нам дорог час теперь, минута дорога...
 Иди! судьбу мою Отару я вверяю.

Отар

Доколе, Государь! всех сил не потеряю,
 Доверенности сей достоин быть потщусь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Гиркан

(один)

Тиран! итак, тебе отмстить неложно льщусь?
 Отсутствуй, проходи чрез дальные пределы,
 И в областях чужих пускай несчетны стрелы,
 Губи народы все; престолы разрушай

⁵ В рукописи: «Гиркан».

И варварством своим вселенну устрашай;
Пусть кровь болгарская в брегах Дунайских плещет;
Пусть Греция тебя и целый свет трепещет;
Ты Грецию, ты свет желаешь покорить;
А я клянусь! твою столицу разорить;
На камне камени в сем граде не оставить
И из российских тел трофей себе поставить...

(услыша вшедшую Азиру)

Что зрю! се дочь моя!.. так рано!.. иль беды?..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гиркан и Азира

А з и р а

Ах! к новым... к вящим нам открылися следы!
Лицо мое тебе мой страх изображает!

Г и р к а н

Каким еще судьба ударом угрожает?..

А з и р а

Напастью общею... в смятении народ,
Герой в отсутствии... кто наш спасет живот?
Сейчас наперсница открыла мне, несчастной,
Что печенегии нам грозят бедой ужасной,
Что в Киев весть уже пришла из ближних сел,
Что варвары сии...

л. 9 об.

Г и р к а н

Престань! мой страх прошел;
Спокой и ты себя: я ждал иного бедства.

А з и р а

Так, ложно то? Иль град спасти находишь средства?

Г и р к а н

Спаси!.. мне град спасти злодея моего?..
Нет: средства нахожу, но к гибели его...

А з и р а

Что слышу!

Г и р к а н

Дочь моя! вид отческой любви!
Остаток бедственный моей погибшей крови!
Азира! Наконец, ожесточенный рок,

Зря наши горести, зря наших слез поток,
Смягчается и мне мою упадшу славу
Сулит восстановить с отмщеньем Светославу.

А з и р а

О небо! хочешь мстить владыке россиян?
Герою? кем в плену почтен твой род, твой сан?
Кто жизнь твою шадил, когда с тобой сражался?

Г и р к а н

Щадил, и гнев во мне тем паче раздражался.
Пощадой враг того не может усладить,
Кто шествует на брань умереть иль победить;
Пощада такова презрение являет
И побежденного героя посрамляет;
Обиды заменить я жизнью не могу;
Мне жизнь моя гнусна, коль должен ей врагу.

Л. 10

А з и р а

Великодушие героев перво свойство:
Побзда без него есть зверство, не геройство.
И если б Светослав толико был жесток,
Колико счастливым его соделал рок,
Колико мужествен, давно бы потопленна
Жестокостью его в крови была вселенна.

Г и р к а н

В крови бы потоплен был с нею и Гиркан,
И рабством не был бы его поруган сан;
Бесчестья своего не знал бы по кончине;
Оков бы не носил!

А з и р а

Не носишь их и ныне?..

Г и р к а н

Ношу: не на руках, ношу на сердце их!..
Но если видеть ты не хочешь зол моих,
Коль ты бесчувственна и столь подла душою,⁶
Что не гнушаешься злой частию своєю,
Что рабство ты свое приемлешь за ничто
И, им довольствуясь, позабываешь то,
Что Светослав пограл подвластны мне народы,
Низверг мой град, мой трон, лишил меня свободы,
Лишил меня сынов... всю пролил кровь мою!..

⁶ В рукописи: «душею», что создает точную зрительную рифму.

Коль душу все сие не трогает твою,
Так рабствуй в узницах и ползай пред тираном!..
С тобой позор; а месть останется с Гирканом:

(уходит)

Л. 10 об.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

А з и р а

(одна)

Все кончилось! и все, что льстило в сей стране,
Преобразилося в едину горесть мне!
Погас надежды луч! остались напасти...
Азира бедная! о, жертва лютой страсти!
Жестокий Светослав!.. Ах! нет: не ты жесток;
Не ты преобратил любовь мою в порок,
Не ты соделал мне из страсти преступленьс...
Родитель все мое соделал погубленье!
Он зрит в тебе врага... а я тебя люблю,
И страсти сей к тебе по смерть не истреблю!..
Несчастливая!.. кого виновным ты считаешь?..
Винишь отца и страсть к врагу его питаешь..
Скрепись и должности все чувства повинуй!
Скрой яд в своей душе!.. Умри... иль торжествуй.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Л. 11

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А з и р а, О р а

А з и р а

(с томным отчаянием)

Пойдем... но тщетно льшусь я здесь сыскать отрад!
Отчаянна душа везде находит ад!..
Все тягостно!.. и все мои смущает взоры!
Уже не пользует совет дражайшей Оры!
Старанье без плода: усердие вотще;
Внимать ему... увы!.. несноснес еще.
Ах! дай свободу мне в моей жестокой части
Лить слезы и одни воображать напасти!

О р а

Воображением⁷ ты их не умньшишь,
Умножишь и себя лишь оным сокрушишь.

А з и р а

Ни ты усердием не успокоишь чувства.
Бессильны для того все разума искусства!
Когда отравлены⁸ в нас сердце и душа,
Невольно мы тогда живем, себя круша,
Невольно все свои напасти воображаем
И в горести себя тем к смерти приближаем.

О р а

Хоть княжескую дочь не утешает плен,
Но род ее в плену ничем не посрамлен:
Родитель твой и ты живете здесь в свободе;
Почтенны от вельмож, почтенны вы в народе;
Чертоги княжески для вас отворены,
И если вам забыть, что вы покорены?..

Л. 11 об.

А з и р а

Забыто мною все: плен, княжество и слава;
Дух гордый побежден щедротой Светослава:
Хотя опустошил он наши берега,
Азира видит в нем героя, не врага...
Нет: боги, знать, за то его покрыли славой,
Что был источником не он войны кровавой;
Не он подвинулся противу нас на брань;
Не им положена на нашу область дань;
Олегу, Игорю казаре дань платили.
Мы, клятвы преступя, брань миру предпочли;
Мы бедства навлекли. Почто родитель мой
Против союзника подвинулся войной?
Я ведаю, что власть свои имеет правы;
Что клятва там молчит, где гордость алчет славы;
Что властолюбие, поставя в сердце трон,
Вселенной овладеть считает за закон,
А в бедствиях людей зрит лестные успехи;
Что для него они торжественны утехи;
Но, зная то, могу ль те права похвалять,
Которые велят род смертный истреблять?
Довольно, ах! без сей жестоких душ забавы,
Одно невежество ожесточает нравы,
Расстраивает⁹ мир и производит бед!
Помысли и узришь его кровавый след!

⁷ В рукописи: «воображеньем».

⁸ В рукописи: «отправлены».

⁹ В рукописи: «растроявает».

Л. 12

Что в мире было, есть и что сулит он вечно?
Страстей людских раздор; сражение сердечно;
Желанье все иметь и, все имев, скучать;
Всему завидовать; друг друга огорчать,
И к огорченному не чувствовать жаленья,
Алкать сокровищей, величеств, поклоненья;
Стремиться вознести себя на высоту,
И, счастьем, наконец, назвав одну мечту,
Злых дум единый бунт, рассудка неустройства,
Друг друга в слепоте лишая чрез то спокойства,
Вот путь, которым мир едва ль не весь идет.
Бог сердца позабыт... и все друг друга жрет!

О р а

Так, Светослава ты почто же оправдаешь,
Когда в героях ты геройство осуждаешь?

А з и р а

(с важностью)

Л. 12 об.

В героях!.. знаешь ли, что есть прямой герой?
Узнай и к оному почтение удвой!..
Ты мыслишь, может быть, что света победитель,
Любимец случая, народов истребитель,
Пренебрегающий страдание людей,
Чтоб только быть ему царем вселенной всей,
Достоин имени великого героя?..
Нет: варвар таковой, вселенную расстроая,
Порядок истребя, наполня стоном свет,
Преобратя в ничто труды несчетных лет,
Плоды премудрости, которые природа
Чрез веки дарствует для счастья народа,
Лиша людей всего, обезобразя мир,
Не что иное есть, и с множеством порфир,
Престолов, скипетров, отъятых счастьем злобы,
Как изверг, вышедший из тартарской утробы.
Бич смертных, фурия во образе людей:
По имени монарх, по действию злодей.
Нет, нет, великий муж не лютоистию славен;
Он чужд от гордости, во всех случаях равен,
Не слаб, не мстителен; великодушен, тверд;
Но, сколь неустрашим, толико милосерд;
Он страшен, если враг не хочет быть подвластен;
Он снисходителен, когда уж враг несчастен;
Он побежденному не неприятель, друг;
Спокойство пленника его покоит дух;
Геройская душа бессильного не гонит,
Страданье ближнего геройску душу тронет.¹⁰

¹⁰ В рукописи: «тронит» с точной зрительной рифмой.

Не славы звук пустой его влечет на брань,
 Для славы он в крови не омокает длань,
 Тиранством никогда не обесчестит века,
 Он шествует на брань в защиту человека,
 В защиту истины, коль человек злодей,
 Как зверь, ожесточась, алкает на людей,
 Коль хочет их лишить то жизни, то покоя;
 Спасти невинного едина цель героя;
 Привести в порядок мир согласием сердец
 Всех подвигов его начало и конец,
 Все честолюбие, возмездие и слава...
 Вот истинный герой... и образ Светослава...
 Суди теперь: могу ль хотя подумать смель,
 Чтоб к Светославу мне почтенья не иметь?
 Где столько наберу причин несправедливых,
 Досады, лютой и чувствий горделивых,
 Чтоб мне осмелиться... глас... истинный презря!
 Назвать мучителем российского царя?
 Мучителем!.. кого?.. Ах! нет; сего не можно,
 Не можно изрещи... ни в истину, ни ложно.
 Азирины уста сомкнутся для того!..
 Не в силах оскорбить и словом я его!
 В Азириной душе к притворству нет искусства,
 Она вещает то, что в ней вещают чувства:
 Все Светослав во мне щедротой превозмог!
 Азирин он герой, к нему почтенье, вздох...

О р а

Что слышу я!..

А з и р а

(упав в отчаянии)

Увы!.. так, тайна?.. Скройся, Ора!

О р а

Мне, мне от твоего велишь скрываться взора?
 Ах! нет, умножится усердие мое,
 Когда уж таинство открылось мне твое.
 Не лъшу тебе, княжна!.. любовь твоя несчастна,
 Не для того, что ты родителю подвластна,
 А он есть враг того, к кому питашь страсть;
 Сие препятствие не есть твоя напасть,
 Но страсть, не сходная с геройским чувствованьем,
 Не согласит тебя с сердечным упованьем!..
 Колико ты себя любовью ни круши,
 Ты Светославовой не тронешь ввек души.

А з и р а

Жестокая!.. почто мне сердце рвешь на части!

Ора

Любя тебя, я льстить твоей страшуся страсти.
Мне трудно согласить геройство и любовь.

А з и р а

(восстав)

Л. 13 об.

Иль зверская течет во Светославе кровь?
Иль думаешь, что в нем, как камень, сердце твердо?
Нет, чувство не в нем, в тебе немилосердо!
Ты, делая его бесчувственным к любви,
Являешь, что в тебе жестокость лишь в крови!
Ты, мысля излечить мои сердечны раны,
Не лечишь... действуешь, как действуют тираны!
От страждущей души надежду прочь гоня,
Ты лишь терзасшь тем, как варварка, меня!
Исполнилось¹¹ то, чего страшась неложно,
Таилась... но теперь таиться уж не можно.
Невольню страсть мою открыла я тебе...
Сбирай все суровости к лютейшей мне судьбе!
Сбирай, в препоны мне рассудок, добродетель;
Вещай, что Светослав есть многих стран владетель,
Что над престолами взнесен престол его,
Что князи и цари в подданстве у него,
Что полусвета он герой и победитель;
А нам... коль хочешь ты?.. и враг, и истребитель,
Чей лютостью был низвергнут наш престол;
Убийца братьев, вина всех наших зол...
Но к показанию мне вящия препоны
Скажи, что хищник сей казарския короны
Владыка¹² Севера; а я... его раба!..
Все будет речь <твоя> к препятствию слаба:
Удвоих <sic!> мук моих, умножишь мне напасти,
Родишь отчаянье... не умньшишь мне страсти.
Нет, Ора!.. нет... познай всю силу той любви,
Которая в моеи вместилася крови!
Которая мой дух наполнила собою!
Ах! если б знала ты?.. Откроюсь пред тобою.
Открою то, что скрыть хотела навсегда...
Узнай... суди потом!.. множь строгости тогда!
Множь преступлени!.. открою час... минуто,
Любезну... горестну... и лестну мне, и люто!
Вспомни время то в отеческой стране,
Как сей... позволь его назвать героем мне!..
Не из пристрастия; за мужество, за славу
Не мной сие дано названье Светославу,
Его достоинством... тем свет его почтил...

Л. 14

¹¹ В рукописи: «И исполнилося».

¹² В рукописи: «владыко».

Ора

Ах!.. зрю, сколь сей герой Азирин дух прельстил.
Последних слов твоих довольно к объяснению.
Ты все сказала мне, и места нет сумненью!
Я помню время то, плачевный помню час,
Как Светославу ты предстала в первый раз,
Я шла Азире вслед; о ней лишь я дрожала!
Ея, а не свои напасти воображала!
Раскинутый шатер среди несчетных войск,
Был тот чертог, где ты узрела лик геройск.
Где Светославова...

Азира

(подхватывая с чувствительною скоростию)

...победа совершилась,
Где сердца, где души, узря его, лишилась;
Где все исчезнуло: досада, гордость, месть...
Все, все, что ненависть могла к нему навесь;
Где вдруг погибли все чувства суровы,
Жестокость скрылася... явились чувства новы.
Возрела на него, и вспламенилась кровь!
Возрела... и к нему осталась лишь любовь!
И рок отечества уж больше не ужасен!
И жребий пленницы и дорог, и прекрасен!
Грядущая предстать своих тирану стран...
Предстала!.. зрит его!.. и богом стал тиран!..

Л. 14 об.

Ора

Прерви любовный жар... родитель твой!

Азира

О боги!

Стыжусь!.. уйдем!.. постой!.. мои трепещут ноги!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Азира, Ора и Гиркан

Гиркан

(с суровостию)

Беги от глаз моих!..

Азира

Родитель мой!.. ах, чем

Сей гнев произвела во сердце я твоём?

За что лишена я отческой любви?

Гиркан

Защитница врагов не есть моей уж крови,
Когда дерзнула ты тех правы защищать,
Которым нам велят и долг, и честь отмщать.
Когда среди оков и рабства ты спокойна,
Так дочерью слыть моей ты больше недостойна.

Азира

Л. 15

Достойна буду ввек, родителя любя!
Но истина ужель не трогает тебя?
Иль честолюбие глас правды заглушает?
Нет, отче мой! твой гнев меня не устрашает;
Ты слово истины мне в дерзость не вменишь,
Хоть Светославу ты для мшенья изменишь!..

Гиркан

Изменной чести долг назвать имеешь дерзость!
Величие души пробращаешь в мерзость!
Где слово истины, которое сулишь,
Коль с подлостью ты геройство не делишь?
Рожденный твой отец владеть Казарским тронем
Как может под чужим спокоен быть законом?
Невольничества рок когда владык пленял?
Кто честолюбие в героях обвинял?

Азира

Коль в честолюбии пределов знать не будем,
Коль человечество для славы позабудем,
Тогда, хоть целый мир мы в свой получим ков,¹³
Иль в лютой слепоте прольем всех смертных кровь,
Заграбим земли все и грады все престольны,
Не будем и тогда тщетою мы довольны.
В желаниях своих мы должны знать предел.
Умеренность во всем есть разума удел,
И добродетели, подобно как пороки,
Коль меру превзошли, для смертного жестоки.

Гиркан

Л. 15 об.

Жестоки... и когда я буду столько добр,
Что с именем раба паду на смертный одр;
Коль малодушие явлю в себе такое,
Что буду, так как ты, жить в рабстве и в покос,
В недействе праздности... в единой неге жен...
Как жены, в роскоши лишь буду погружен,
Забуду мой престол, забуду право чести,
И, удовлетворясь тем, умру без трона, мести,

¹³ В рукописи над словами цифры: «мы в свой получим ков...».

Не наказав врага... злодея моего,
Не истребя во мзду тиранский род его,
Тогда, столь подлого я быв добра содетель,
Конечно, учиню пороком добродетель;
Конечно, возмечтав жестокость должных действий,
Сие добро включу в число моих злодейств...
Нет! ведай, что Гиркан... но что тому виною?
Что так прельщенна ты Российскойю странною?
Что Светославовых причиной есть похвал?
Врагов героями никто не называл?

А з и р а

Увы!

Г и р к а н

Толь жаркое... отколе заступлень?
Предубеждение, привязанность, жаленье?...
Какой магнит тебя к сему врагу влечет?
Но что!... от слов моих уж слезный ток течет!
Азира!..

А з и р а

Отче мой!.. едина справедливость...
Страх новых бед твоих!..

Г и р к а н

А духа горделивость,
Сей знак рожденных чад от княжеских кровей?
А страх умереть в плену... и что в душе твоей...
Но тщетно исчислять... ты быть рабой ршилась:
Мой враг тобой... рыдай! отца уж ты лишилась.

Л. 16

А з и р а

(став на колени)

Ах! дай мне лучше смерть!.. когда виновна я!
Бери возвратно жизнь!.. бери, она твоя!..
Коль ты велишь умереть... я умереть готова!..

Г и р к а н

(с величайшим гневом)

Встань!.. оставь меня... и более ни слова!..

(Азира уходит)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Гиркан

(один)

Вот защищения и всех похвал вина!..
Она прельщенна... кем?... отравя кем дана?..
Что нужды?... из врагов?... хоть раб, хоть сам владыка,¹⁴
Но преступление опасно и велико.
Когда б предвидеть мог... ужель мне изменит?
Ужель на долг любви долг крови пременит?..
Спокоимся!.. почто страшить себя мечтами?..
И ночь сия решит... под здешними стенами...
Под гордым Киевом... где пышные князья...
Враги всегдашние...

(узря Отара и казар)

Отар... и все друзья!..

Всех вижу преданных!.. так, мой успех несложен.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гиркан, Отар и Казаре

Гиркан

(обходя их)

О други верные! какой вам рок положен!..
Урмен! Керсон! Орсим! Главы казарских войск!
Где наше мужество? Где скрылся дух геройск!
В порабощении? Трудами изнуренны
И с именем раба и от рабов презренны!..
Взгляд россиянина вас может в страх привести.
Бессильны?... узники?... и скрыта в сердце честь,
И мшение в груди под игом сильных дремлет!
Вздых, слезы, ропот, стон; но гордость им не внемлет;
Но гордость к ним глуха... и воздух все унес!
Вот жребий тех, над кем себя уж враг вознес!
Вот жребий наш, друзья!.. вы стонете, но тщетно!
Вы с просьбой... и досад вам делают несчетно!
Вы без отечества; и стали вы рабы!..
Но ссей не избежал и ваш монарх судьбы.
Он пленник?... в нем никто монарха не находит,
Оставлен?... речь сия в вас трепсет производит!
Сей пламень в очесах являет мне любовь,
Желание пролить злодеев наших кровь!..
Которы воинов соделали слугами,
Голов казарских войск и топчут под ногами!
Се злодеяние! Се меры превзошло!..

Л. 16 об.

¹⁴ В рукописи: «владыко».

Но ободрим себя!.. отчаянье прешло,
Отар привлек друзей, и будем мы в надежде!
Воспримем дух в себя, какой имели прежде!
Прогоним из сердец унылость и боязнь,
И здесь врагам своим приуготовим казнь!
Устроим, как начать приступ к такому действию.
Вещайте мне, друзья! готовы ль мстить злодейству?

О т а р

Сердцами всех тебе сих преданных рабов
Ответствую: они готовы на врагов.

В с е к а з а р е

Готовы, государь!

Л. 17

Г и р к а н

И боги нам помогут!

Враги в отсутствии. А жены их что могут?..
Преобратим сей град, подъятый до небес,
В ничтожность, в прах земли!.. пожрем сей вид чудес,
Который наших стран жилища унижает
И тщетностью своей лишь зависть раздражает!
Пожрем тщеславие россиян и врагов,
Дерзнувших вознестись искусством до богов!
Пусть будет им во гроб искусства их громада!
Стоящее горе да снидет долу Ада!..

(Отару)

Но что Злодар? Что рек в доверенность тебе,
Успел ли ты сыскать в столь нужном мне рабе?
Проник ли ты его, и лъзя ль ему поверить?

О т а р

Злодару пред тобой не можно лицемерить,
Уведав истину, что я наперсник твой,
Открыл мне замысел и страстный пламень свой.

Г и р к а н

К кому?

О т а р

Дерзну ль?..

Г и р к а н

Вещай...

О т а р

К Азире?..

Гиркан

Как к Азире!

Отар

Л. 17 об.

Усердствуя тебе, стремится он мысль к порфире,
Во мзду своих услуг желает, чтоб княжна
Была ему тобой в супругу отдана;
Чтоб Киевский престол с Азириной рукою,
Вруча Херсон и все, что пред Днестром рекою,
С полу-Россиею в власть права твоего,
Наградой был ему за рвение его.

Гиркан

(помолчав несколько, с притворным любопытством)

Отар! как мыслишь ты! Злодарова услуга
Достойна ль, чтоб княжна была его супруга?

Отар

Я, зря, колико с ним в неравенстве княжна,
Скажу лишь, что его услуга нам нужна.

Гиркан

Я разум слов твоих почувствовал довольно.
Не оскорбит меня желанье своеволью.
Но лишь желание?.. пускай он льстится тем.
Иди своим, а мы пойдем своим путем...
Но печенеги?

Отар

Все усердствуют, как прежде.

Гиркан

Итак, друзья мои! мы можем быть в надежде,
Что б ни было!.. умрем... коль рок судит умереть;
Но случая спастись не должно нам презреть.
Кончина дней ничто: то действие неизбежно;
Но в рабстве жить и зреть на рабство пренебрежно
Есть дело подлое; знак низости души,
А правда ль то... из вас всяк честью то реши.

Л. 18

(Отару)

С Злодаром положить решительно нам должно,
Чтоб ночь сию нам в град весть войско неотложно,
Узрю ль его?

Отар

Сюда препровождая нас,
Уверил, что тебе предстанет он сейчас,

Но прежде должен знать, зачем от Светослава
Прибег гонец...

Гиркан

Гонец!

Отар

Россиян любит слава?..
Им служит счастье?.. так, может быть, гонец...

Гиркан

С победой новою?.. положим ей конец:
Довольно славою Россия насыщена.
И то вселенна ей почти порабощенна,
Но жажды не уймст... прервем сей жажды ток,
Доколь...

Отар

Злодар?..

Гиркан

Мой друг!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Злодар

Злодар

Противится нам рок!

Гиркан

Что случилось?..

Злодар

Светослав сейчас во Киев вступит!

Гиркан

Злодей! так рок тебя мне вечно не уступит!..
Иль в жертву отдана вселенная тебе?..
Злодар!.. друзья!.. что мы предпримем в сей судьбе?

Злодар

Есть средства: небо мне те средства посылает;
Но прежде, государь! Злодар узнать желает,
Известно ли тебе, что мзда его заслуг?

Гиркан

Известно... знаю все... Азире... ты супруг...

З л о д а р
(в восхищении)

Коль так... владевший князь в окрестностях Асси...
Умру!.. иль будет он монарх полу-России.
Мне город поручен... под градом печенег?..
Ты слово дал? и зрю желанный нами брег!
Хоть вход их сделал страх окольного народа;
Но я, познав вину сих войск сюда прихода,
Все слухи пересек; покоил, обольстил
И часть большую сил вовнутрь лесов впустил,
Оставшим повелев прогнать с берегов для виду;
Но, словом, вверься мне?... препоны все превзыду...
Здесь долго нам о сем не место рассуждать...

(Казарам)

Идите по домам!

Г и р к а н
(Казарам)

Готовьтесь побеждать!

(Казаре уходят)

Л. 19

З л о д а р

По долгу, государь! Иду отсель и я.
Устроить вход царю есть должность днесь моя.
Пождем!.. но придет ночь, и вступим в наше дело.

(уходит)

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

Г и р к а н
(один)

Привыкши соплетать коварны думы смело,
Изменник льстит себе, что дщерь вручу ему...
Нет, нет... мне нужен ты лишь к мщенью моему...
Чтоб кровь мою смесил с твоей я кровью гнусной!..
Мне нужен мой престол...а ты злодей искусный!..
Пригодный к случаю изменою своей
И дерзостью взносясь до отрасли моей!..
Вот все: и дар такой души твоей не дивен.
Измена мне нужна; изменник мне противен.

К О Н Е Ц В Т О Р О Г О Д Е Й С Т В И Я

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

(Завлох, восначальники, градоначальники, бояре и воины)

Завлох

(Установя их в разные стороны, военачальников с боярами)

(Воинам)

Драгие спутники монарха своего!

(градоначальникам и боярам)

И вы, что, охранив престольный град сго,
Явили опытом душ верных постоянство,
Бояре мудрыс, почтенное дворянство!
Готовьте к радости усердные сердца!
Сейчас узрите вы отечества отца,
Владыку, коему мы должны прославленьем;
Вы собраны сюда монаршим повеленьем.
Готова милость в дар усердию сердец.
Се он... Се наш грядет владыко и отец!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Прежние, Светослав со множеством воинов.

(Прежде нежели Святослав¹⁵ вступает, отворяется дверь, и освещенная внутренность театра показывает его, окруженного множеством придворных и воинов. Потом предшествуют ему некоторые, неся в руках бархатные подушки, на которых лежат грамоты, бояре и военачальники должны стоять в разных сторонах)

л. 20

Светослав

(к военачальникам)

Подпоры твердые российския державы!
Сподвижники моих геройских дел и славы!
Вы, кои, ратствуя под знаменем моим,
Явили храбрость мне с усердием своим
И, все преодолев: и глад, и непогоды,
Поработили мне бесчисленны народы,
Соседов дерзостных, бунтующих казар,
Страну Херсонскую, касогов, ясс, болгар,
Вселенной потрясли; и тем российско племя
Прославили в веках пребудущего время!

(к вельможам и дворянству)

И вы, явивые усердие свое,
Храня отечество в отсутствие мое!

¹⁵ Святослав — так в рукописи. Это написание можно объяснить невниманием переписчика, который, отвлекшись на минуту, машинально вернулся к привычной форме имени Святослава.

Порядок внутренний гражданских прав, законов,
Сих первых благ и сил и государств и тронов;
Вы, кои вверенна вам права от меня
Не обратили в зло, долг истины храня;
Чье правосудие на лица не взирало;
Щадило сироту, вдов слезы отирало,
Мерзя корыстию, сей срамотой людей,
Бесчещущих суды и звание судей;
Вельможи ревностны! почтенные граждане!
Все... все любезные и верные дворяне,
Которых правило: отечество любя,
Для пользы оного позабывать себя!
Чью ревность много раз Россия испытала!
Чьи души честью природа напитаала,
Из рода в род лия в вас благородну кровь,
О вы! кем явлены усердны знаки вновь.
Извне победами, внутри благоустройством,
Но словом: увенчав отечество спокойством,
Хоть ведаю, что честь душ ваших есть удел;
А слава мзда одна полезных ваших дел;
Но ради ваших чад, к услугам в поощренье,
Услуги ваша примите одобренья;
Свидетельство тех дел, вы коими себя
Ко славе вознесли, отечество любя;
Се ваши грамоты и титулы ваша рода;
Дают заслуги их, не знатная порода.

Л. 20 об.

В о з в е д

Приемля, государь, награду от щедрот,
Мы пламень рвення прольем из рода в род,
Усердьем, верностью в потомстве возродимся,
Не титулом мы в сынах, заслугой возгордимся.

С в е т о с л а в

*(раздает грамоты, продолжая речь.
Каждый, принимая, повергается на колени)*

Так, так, без добрых дел, без пользы, без заслуг
Порода знатная о знатности лишь слух
Которая дворян не славит, но поносит
И память предков их и честь от них уносит.
Все люди на земле рождением равны;
Всем людям имена по роду их даны:
Герой, монарх, пастух среди земного круга
Есть званьем человек; что ж их делит? Заслуга;
Употребление на пользу тех доброт,
Которы им даны от божеских щедрот;
Соревнование взаимно быть полезным
Царям и подданным; но, словом, быть любезным,
Каким не может быть ни раб, ни царь — тиран:
Вот преимущества людей различных стран,

Л. 21

Различных званием в течение их века;
Вот ваше и мое, в ком в виде человека
Бог чтить вам днесь велит монарха своего;
Но преимущество велико уж того,
Чей предок заслужил, как вы, любезны други!
Прославлены следы начало есть услуги;
И тот почтен, кто мнит по сим следам идти!

(указав на грамоты)

Брегите долг.

(Злодару)

А ты иди и возвести
Всем подданным моим, что, в брани утомленный,
Владыка их сулит отныне мир вселенной.
Да росс положит меч, и тою же рукой,
Которой поражал, даст пленнику покой;
Да каждый помнит то, что нами побеждены
Суть люди, как и мы, к превратностям рождены;
Да лютость не затмит геройских наших действ.

(ко всем)

Идите по трудах¹⁶ в объятия семейств;
Несите радость к ним... монархи справедливы
Лишь счастьем подданных велики и счастливы:

З л о д а р

Монархи, государь! подобные тебе
Суть боги!.. ты наш бог...

С в е т о с л а в

(с удивлением)

Мне бога зреть в себе!..
Злодар! коль менее ты был бы мне известен,
Я усомниться б мог, что ты, Злодар, бесчестен?..
Умерь свой жар!.. хоть он любовью вспламенен;
Но, в нем встречая лесть, не буду им пленен.
От бога зря себя в пределе я далекою,
Счастливы... когда умру на троне человеком!
Исполни мой приказ.

(всем)

Идите.

(Завлоху)

Будь со мной.

(все уходят)

Л. 21 об.

¹⁶ В рукописи: «трудех».

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Светослав и Завлох

Светослав

Не нужен здесь теперь свидетель мне иной.
Не о победах я вещать теперь желаю,
Не бранным пламенем против врагов пылаю,
Враги наказаны, и их у россов нет;
Спокойно мужество, и успокоен свет,
Победы скучны мне; сражения, осады,
Лиющаяся кровь, низверженные грады,
Престолы, стон князей, повсюдный звук оков,
Хоть все свершилось то во мзду моих врагов,
Врагов, тревожащих страны моей спокойство,
Мир подданных моих и царства благостройство;
Но страждет человек, и горек плод побед!
Преступник ближний мой: стоит среди он бед,
Наказан... в трепете?... забыто преступленье;
И я к преступнику имею сожаленье;
И враг не есть уж враг: раскаянье его
Достойно милости, не гнева моего.
Нет, славу хоть люблю, хотя ишу я славы,
Но человечества не позабуду правы;
Не будет человек страдать для славы мной,
Хотел бы побеждать, но щедростью одной;
И буде злость людей всегда мне в том мешала,
Коль счастья меня несчастьем их лишала,
То я, по крайности по побежденьи их,
Хощу пролити к ним струю щедрот моих.
Нет... мысль моя теперь не бранью отравленна.
Мне брань теперь любовь; Азира мне вселенна.

Л. 22

Завлох

Что слышу!.. от любви вздыхает Светослав?

Светослав

Вздыхает; и таков судьбы моей устав,
Природы всей!.. и где... где те из смертных в мире,
Пред войском, в хижине ль, во царской ли порфире,
Которы не были подвластны красоте?
Под образом людей где скрыты тигры те?
Пройдем народов всех, и всех всков деянья:
Кровавые войны, тиранства злодеянья,
Чудовищ государств, венчаных фурий сих.
Не найдем ли среди несытой злобы их
Героев, варваров, бросавших смерть в народы,
От взгляда красоты лишившихся свободы!
Ах! если б злых сердец не правила любовь,
Давно бы токи вод преобратились в кровь!

Л. 22 об.

Давно бы смертные, друг другом изъязвлены,
Во собственной крови все были потоплены!..
Любовь, мой друг! одна спасает естество;
И сердце днесь мое в ней видит божество!
Азирина краса его воспламенила;
Мой меч ее пленил... она меня пленила!..
Не мни, чтоб страсть моя была минутный жар;
Нет, сердце сей княжны я чту за лучший дар;
Доброт ея души я был уже свидетель;
Азирины красы венчает добродетель.
И если б на болгар не позвал долг меня,
Давно б с Азирюю себя соединя,
Я был счастлив... но то узнаем прежде?
Любовь взаимностью должна лишь быть в надежде.

Завлох

Коль так? иди вослед сей склонности души
И нежную любовь союзом соверши!
Будь новой радости для подданных содетель!
Любовь в таких, как ты, и страсть, и добродетель!
Не будешь зреть препон желанью твоему.

Светослав

Азира лишь одна решенье даст сему.
Коль бед своей страны не чтит меня виною;
Коль помнит, что все то, что случилось с их страню:
Ея падение, отъятый трон, их плен,
Есть следствие одно отца ея измен;
Коль сердце уж ея другим не упрежденно,
То страстию моей быть может убежденно;
Не устрасит его моей любви жар,
Любовью тронется; отдастся сей мне дар...
Но время то узнать?... почто терять минуты?
Потери таковы потери сердцу люты!..
Иди, Завлох! иди к прекрасной сей княжне!
Скажи, что зреть ее необходимо мне;
Что здесь я жду ее: да придет к Светославу!

Завлох

Исполню твой приказ.

(уходит)

Светослав

(один)

Л. 23

Вручим ей сердце, славу;
Россию... да узрят в ней подданные мать!
Да будут от нее щедроты принимать!
Да попечение о благе государства:
Награда честности, казнь злобы и коварства

Едина будет цель, и счастье, и венец,
На троне россиян монарших двух сердец!
Да будет блага их вселенная свидетель!
Да с нами царствует любовь и добродетель.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Светослав и Завлох

Светослав

Узрю ль Азиру я?.. что сказано в ответ?..
Не утрашилась ли, что враг ее зовет?

Завлох

В неожиданнии?.. Монарше повеленье...

Светослав

Азире повелеть!.. то было б преступленье?..
Не повелел; просил?.. Вот разум слов моих?..

Завлох

Идет...

Светослав

Оставь меня, но будь в чертогах сих...

(Завлох уходит)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Светослав и Азира

Светослав

(в сторону)

Бесчувствен перед ней единый токмо камень.

Азира

(в сторону)

О боги! дайте сил скрыть в сердце тщетный пламень.

Светослав

Смушение твое не дивно мне, княжна!
В свидании со мной зреть важность ты должна;
И может быть, во мне под образом героя
Ты чтишь страны твоей рушителя покоя?
Ты мыслишь, может быть, что свойством Светослав
Быть должен горд, свиреп, иметь жестокий нрав?

Что кроме лютости ничто ему не лестно;
Ни то, что есть любовь; ни то, что есть прелестно?
Что он не чувствует ни нежностей зараз,
Ни тех очей красы, которы и в сей раз,
В сие мгновение... победу совершили!..

(Азира смущается)

Что зрю!.. мои слова Азире устрашили?
Я прогневил ее? ... еще ли толь строга,
Что Светослава чтит за своего врага!
К чему сей трепет твой?.. лица сия премена?
Хоть вспомни, что не мной соделана измена,
Не я рушитель клятв, не я желал вам бед...

А з и р а

Все помню, государь!.. ты... создан для побед!

С вет о с л а в

Доколе не возьму я сердце в плен Азиры,
Дотоль, хоть все узрю у ног моих порфиры,
В подданстве всех владык, их царства истребя,
За победителя я не почту себя,
И словом сим тебе... я сердце открываю!..

А з и р а

(в сторону)

О счастье!.. ах! почто то счастьем называю!

С вет о с л а в

Азира! вот что есть свидания виной:
Дается сердце нам не для войны одной.
Кровопротием довольны лишь злодси;
Победы, слава, честь, воздвигнуты трофеи.¹⁷
Гром наших подвигов, бессмертных дел геройств,
Всесообщая хвала душевных наших свойств,
Но словом: все, что есть великих душ наградой,
Суть тени счастья пред той души усладой,
Мне кою может дать един Азирын взгляд,
Проливший в кровь мою любви сладчайший яд!..
Что слава? звук похвал? что пышность диадимы,
Коль любим и любя взаимно мы любимы?
Коль очи видим мы подобныя твоим,
Скажи сама, тогда что в блеске диадим?
Рассыпь передо мной драгих металлов царство,
Из злата горы слей, дай свет мне в государство,

л. 24

¹⁷ В рукописи текст испорчен:

Кровопротием довольны лишь злодей,
Победы, слава, честь, воздвигнуты трофей.

Собрав в единый трон все троны на земли;
А ты любви моей лишь сердце посули,
Лишь слово вымолви в награду Светославу;
Оно твое; тогда и тронов трон и славу,
И все сокровищи приму я за мечту
И сердце им твое в минуту предпочту!
Я в мире зрю хаос... Азира совершенство;
Она бесценнее!.. она мое блаженство!..
Блаженство!.. так назвать любовь тебя велит!
Душа моя себя с тобою не делит!..
Ты все!.. мне все... и мне к желанью лишь осталось!
Чтоб вечно...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Возвед

Возвед

Государь!.. внемли...

Светослав

Возвед!.. что случилось?

Возвед

Л. 24 об.

Из ближних града сел сей час гонец прибег,
Что на берега Днепра шшел паки печенег;
Что прогнанны враги перед твоим приходом
Возвратно притекли с умноженным народом;
И если пленного поверить словесам,
Что сею нощию рассыпясь по лесам,
До коего дошли, по долу гор прелазя,
Ждут новых сил к себе и некоего князя.

А з и р а

(в сторону)

Увы! се мой отец приводит в гнев богов.

Возвед

Что повелишь?.. иль сам пойдешь против врагов?

Светослав

(презрительно)

Чтоб стадо, собранно коварных печенегов
Для расхищения, грабительств и набегов
Во все концы земли, я страшным мог почесть
И сам на гнусный род хотел свой меч вознесть?
Иди! сberi полки и сонмище презренно
Оружием твоим да будет покоренно!

Злу челядь прогони из области моей!
Не нужна помочь там героев и царей,
Где гнусная корысть свой яд на смертных мечет;
Предстало воинство! и рать ея трепещет!..
Исполнь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Светослав и Азира

Светослав

Л. 25 Хоть речь моя была пресечена,
Но не была душа с тобой разлучна!
Я помню... что я зрю!.. ты слезы проливаешь?
Кто оскорбил?... кому отмщать повелеваешь?
Азира слезы льет!.. кто слез ее виной?..
В чье сердце меч вонзить?... чья кровь прольется мной?
Все будет жертвою!.. прогневана Азира!..
Вселенная!.. нет! нет... мала ей жертва мира!
Скажи... повелевай, дражайшая княжна!..
Или моя рука Азире не нужна?..
Или руки моей отмщенье недостойно?..
Ужель... но здесь... здесь все окрест тебя спокойно?
Не зрю преступника? чью проливать мне кровь?

А з и р а

(в сторону)

Увы!.. преступник сей... моя к тебе любовь!..

(Светославу)

Прости, о государь! что в сердце то сокрою,
Что с радостью сказать хотела бы герою!..
Когда бы лютый рок... злосчастнейшей из всех?..
Ах и вечно не иметь Азире уж утех!..
Тоска, страдание... вот... вот предел Азиры!..
В ней сердце есть; но то... не мни, чтоб блеск порфиры,
Чтоб пышность, слава... нет... достоинства одни...
Они мне вся напасть, и благо все они!..
От них душа моя... что сердце изрекает!..
Нешастная!.. прости!.. речь должность пресекает...

(идучи)

Бегу... позволь сокрыт... печаль... и сердца вздох!..

(уходит)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Светослав

(один)

Азира!.. скрылась!.. где... где я?..

(ходя)

л. 25 об.

Завлох, Завлох,
Все бросили меня!.. забыта вся услуга!
Все скрылось!.. оскорблен, и нет к спокойствию друга!
Азира!.. но к чему?.. сей вздох? сей слез ручей?
Сия печаль?.. прерыв, смятение речей?..
Что мыслить? что понять?.. как разумом объемлю?
Любовь?.. почто скрывать, коль в дар ее приемлю,
Коль знает, что она дороже света мне?
Что все... нет все сулит печали мне одне.
То может быть любовь... любовь без объясненья!
Но только не ко мне... я презрен... нет сомненья!..
Я презрен!.. вот вина!.. печали, вздохов, слез,
Боясь открыться мне...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Светослав и Завлох

Светослав

(увидя Завлоха)

Почто отсель исчез!
Почто монарха ты в печали покидаешь!
Он бедствует; а ты ничем не упреждаешь?

Завлох

Приказы в воинство... но твой лишь страж прибег,
Но что, о государь!.. иль дерзкий печенег?

Светослав

Забудь нестрашные врагов гнуснейших скопы!
Владыка Севера, монарх полу-Европы,
Кто греческой престол заставил трепетать,
Как может быть смущен, что с скопом гнусна <рать>¹⁸
Князек-разбойников против его дерзает?..
Мне подло помнить то! не то меня терзает,
Не то душе моей отраву принесло,
Есть горечь, есть напасть, есть видимое зло;
Но от других причин!.. кто б мог сие предвидеть!
У ног вселенная... А смеют ненавидеть!

л. 26

¹⁸ В рукописи: «тать». Возможно, ошибка переписчика.

Завлох

Зрю горесть я твою, но что вина тому?
Дай ведать, государь! то сердцу моему!

Светослав

(подшед к нему)

Мой друг!.. погибло все!.. что пользует нам слава?
Ты видишь... нет, нет, ты не видишь Светослава!
Не узнаешь ты в нем монарха твоего!..
Обезображен стал геройский дух его!..
Любовь! презрение!.. любви его презренье!..

Завлох

Что слышу!.. кто?..

Светослав

Богов прекраснейше творенье,
Искусства лучшего всех зримых их искусств;
Владычица моих прельщенных ею чувств;
Пред кем повергнул бы сейчас корону мира,
Весь свет... но словом, та... кто бог мой... иль Азира!

Завлох

Азира презрела любовь твою!..

Светослав

Она.

Сейчас... на месте сем!.. вот мук моих вина!
Вот преимущества, которыми гордимся;
Вот так великими в очах других родимся;
Вот наше мужество, геройских дел плоды,
Вот для чего творим в подсолнечной беде;
Вот бог земной людей и удивленье века...
Вошла!.. узрел!.. стал раб!.. и видят человека!..

Завлох

Но, объясня любовь, сказать успел ли ей,
Что добродетель есть конец любви твоей?
Что брак?..

Светослав

(с восхищением)

Что... что изрек!.. сказал ли... друг любезный,
Ты словом усладить умел мой жребий слезный!..
Так... так... возможно то... Я, может быть, неправ.
Для добродетели... подвластный чести нрав;
Монарх и пленница... любовь?.. про брак ни слова?
Все... все противности!.. нет виду никакого!..

Ведет в сомненье все!.. я... я виновен сам!..
Я мало приносил Азириным красам!..
Я оскорбил ее... предложим с сердцем руку!
Узнаем жребий свой! блаженство или муку!..
Пойдем... но прежде то Гиркану объясним:
Азире он отец?.. быть может и моим...
Да будет чувств моих к Азире он свидетель!
Умрем!.. иль согласим с любовью добродетель.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

л. 27

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гиркан и Азира

Гиркан

(в великом замешательстве Азире)

Последуй мне!..

Азира

(в сторону)

Увы! объемлет душу страх!..

Гиркан

Сейчас, где должен знать: ты дочь мне или враг?
Тиран открылся мне, что он тобою страстен.
Он здесь монарх... Гиркан ему подвластен...
Ты пленница... и ты... не должно уж молчать,
И ты хотела бы... тирана увенчать?

Азира

Что мыслишь ты?

Гиркан

Престань! притворство тут бесплодно.
И ослепить меня оно уж не удобно.
Все зрю... но слабости не делаю укор;
Прощаю... ты млада... твой мог прельститься взор
Великолепием и пышными тшетами...
Хоть часто твой язык звал все сие мечтами...
Но я, не мысля так, не буду столько слаб,
Чтоб ради милостей остался здесь, как раб;
Не будет ввек Гиркан ни низок, ни бесчестен:

Л. 27 об.

Сей вызов, сей союз, ни мало мне не лестен...
Гнушаюсь!.. кая часть?.. вельможа? знатный чин?
Толпа в преддверии¹⁹ без нужды, без причин?
Льстецы? хвала?.. но раб! но мысли все пристрастно?
Но все создание униженно, несчастно!
Созданье, ждущее от гордой власти бед,
За коим зависть, злость повсюду ходят вслед!
То прихоть царская, то сеть льстецов и бездна!..
Живешь?.. но что за жизнь, коль жизнь не есть полезна?
А жить под гордостью? А ползать пред царем?
Носившему уже монаршеский ярем?
Где жизнь полезная?.. без подданных? без трона?

А з и р а

Но ежели тебе отдастся и корона?..

Г и р к а н

Не лъсти мне сей мечтой... сули... но то обман.
Мне трона моего не возвратит тиран.
Примеры есть... владык довольно здесь в подданстве;
Но троны?.. словом, я... пребуду в постоянстве,
В желаньи мстить врагу... потрясть его страной;
Хочу то ж сделать с ним, что сделал он со мной,
На благи будущи я иначе взираю.
Обеты и врага, и страхи презираю...
Я случая отмстить... пожрать его престол
Не упущу, страшась тобой сулимых зол.
Хочу... коль дщерь? будь враг с моими ты врагами!
Хочу... и ты сейчас... клянися мне богами,
Что мой тиран твоей не будет знать любви!..
Клянися!.. или с моим проклятием живи?..

А з и р а

О, ужас!.. кая мысль?.. какое повеленье!
Родитель!.. Светослав!.. глас сердца!.. преступленье.
Чего ты требуешь?..

Г и р к а н

Слабейшая раба!

Срами себя!.. вздыхай!.. рабыни то судьба;
Но мной проклятие...

А з и р а

Постой!.. исполню волю!..

Клянусь... богами... что...

(упав на колени)

¹⁹ В рукописи: «преддверии». Вероятно, ошибка переписчика.

Смягчи хоть мало долю!
Отсрочь хоть день!.. хоть час!.. не принуждай теперь!
Не привлекай, увя! ко преступленью дщерь!..
Те клятвы... ах! страшусь!.. Се смерть, не повеленье!
Нет: больше смерти то...

Г и р к а н

Умри же в преступленье!
Когда ты о враге решилась век стенать,
Отец тебя навек...

А з и р а

(востав)

Клянусь!.. не будет знать!..

(упав без чувств)

Что изрекла!..

Г и р к а н

Теперь доволен!.. успокоен!..
Иду... прости... крепись!.. путь к мщенью мне устроен.

(уходит)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А з и р а

(одна, приходя в чувство)

Родитель!.. мой тиран!.. Злодейка!.. пропасть зрю!
Отверста!.. и ее уж ввек не затворю!
Долг крови!.. долг любви!.. там клятва... там другая.
К чему ни устранюсь... но их пренебрегая,
Во всем найду напасть... во всем найду мой Ад!..
И сердцу две любви преобратились в яд!..
И сердце должно быть век гробом нежной страсти.
Все отнято!.. лишь вздох в моей остался власти,
Лишь стон! рыдание!.. злосчастливая любовь!
Почто взжигала²⁰ ты Азире бедной кровь,
Коль зреть в тебе должна едино тщетно тленье!..
Коль счастье твое Азире преступленье!..
Так, вечно я тебя пред тем не обнажу,
Кем боле света я и жизни дорожу!..
Так, вечно Светослав... не внидет в страстную душу?
Мне быть бесчувственной!.. нет... нет... все клятвы рушу!..

²⁰ В рукописи: «вжигала».

Приди, возлюбленный!.. узнай из уст монах...
Клятвопреступница!.. зри ад у ног своих!..
Что слышу!.. месть богов!.. перун!.. перун уж блещет!
Трясется храмина!.. где я!.. мой дух трепещет!..
Ужасная мечта!.. предвестница тех бед,
К которым мне любовь уже открыла след!
Страшись, несчастная!.. беги путей любви!..
Беги!.. где скроюсь!.. мой враг в груди и крови!
Внутри души моей!.. везде любовь со мной!
Где скроюсь от себя, дыша моей виной!..
О боги!.. от меня вы взоры отвратили!..
Мучительству меня вы в жертву уступили!..
Одна!.. без помощи!..

(узя Ору)

...спаси меня хоть ты!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

А з и р а и О р а

О р а

Ах, бедства мы теперь достигли высоты!

А з и р а

Что!.. что еще для зол к возможности явилось?..

О р а

Гирканов заговор...

А з и р а

Открылся?..

О р а

Все открылось!..

А з и р а

О небо!.. мой отец!.. что станет с тобой?..
Вот легкость гордостью бороться нам с судьбой!..
Но как?.. кто изменил?.. кто чести рушил права?

О р а

В плен взятый печенег... но вижу Светослава...

А з и р а

Где скроюсь от стыда!..

Те же, Светослав и воины

Светослав

(Азире)

Открылось наконец,
Что мне везде... во всем враг первый твой отец,
И что Азира с ним к бедам моим согласна!..

А з и р а

Достойна сих укор, хоть делу не причастна.
Отмщай мне, государь!.. карай!.. виновна я;
Но чем?.. то ведаст одна душа моя!
Одно лишь сердце то... сей вин моих свидетель!..
Карай!.. но хоть почти в Азире добродетель!

Светослав

Преступок твой, княжна! мной прежде объяснен;
Мне враг Гиркан... ты дочь?.. преступок извинен;
И не к Азире гнев... могу ль! нет, то не можно.
Не ты...

(увидя введенного Гиркана)

но вот мой враг и был, и есть не ложно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те ж, Гиркан *(в оковах)*, Злодар и за ним стража

Светослав

Гонитель стран моих! неблагоприятный князь!
За снисхождение, за дружелюбну связь
Такой ли от тебя надеялся заплаты?
Престол твой?.. но не ты ль вина его утраты,
Не ты ль изменою, к которой ты прибег,
Соделал... но вещай!.. в плен взятый печенег
Признался, что твой раб привлек их рать в Россию,
Что ты участник их... что грел в груди я змию!..
Вещай! не страшный мне, но горделивый враг!
Винись...

Л. 29 об.

Г и р к а н

Виниться мне?.. злодей!.. мной презрен страх!
Но коль во всем успех должны иметь тираны,
Так знай!.. открылось все... и подлы уж обманы...
Хотел тирану мстить... хотел... хошу?.. но месть
Коль рок препятствует мне в действо произвести,
Коль первою из всех моей страны злодею

За бедства отплатить я силы не имею,
Коль ты счастливее... так жребий мне мой гроб!..
Тиранствуй!.. совершай предел лютейших злоб!
Ужасней смерти мне душевно униженье!
А рабство, страшно мне едино воображенье!²¹
Без трона... и врага не могли низложить,
Без трона... и Гиркан не должен в свете жить.

Светослав

Когда бы не был ты неблагодарен, злобен,
Скорей бы возвратить свой трон ты был удобен!

Гиркан

Посулы вражески отрад не могут дать,
И горести моей бесчестно ожидать!
Ты князь во счастья, я так же князь в несчастье,
Так в гордости, как ты, имею я участие?
Алкаешь ты побед, и я побед алкал?
Ты славы ищешь, я славы же искал?..

Светослав

Монарху долг велит своей искати славы:
Ищу ее... но в чем?.. в спокойствии державы,
В благополучии... в защите от врагов

(указав на подданных)

Детей моих?.. О том прошу лишь я богов,
Чтоб я в величии, среди блестяща вска,
Не забывал в себе, в монархе, человека,
А в подданных моих подобных мне людей!
Чтоб свет не рек о мне: он царь, но он злодей.
Нет, нет, постыдны мне бесчеловечны правы!
В народном трепете не нахожу я славы,
И вечно Светослав, достигнув высоты,
Из честолюбия, из гордой сей мечты,
Чтоб богом в свете слыть жестокостью, обманом,
Не снидет к подлости слыть богом и тираном!
Мне счастье подданных... мне капля крови их
Дороже власти всей и всех побед моих!..
Суди! могу ли быть мучителем Гиркана?

Гиркан

Будь богом для рабов... Я зрю в тебе тирана,
И коему по смерти и был, и есть, злодей!..

Л. 30

²¹ В рукописи: «А рабство, страшно мне едино во ображенье!» Видимо, ошибка переписчика — лишний слог.

Светослав

Мне гнусно фурию зреть в образе людей!..²²

(Злодару)

Злодар!.. да твой чертог его темницей будет.

Гиркан

(в сторону)

Спокоен... и Гиркан отмщенья не забудет!

Светослав

Веди!..

Гиркан

Иду, презря и милости, и страх.

Светослав

Не оскорбит меня в бессилии мой враг!

Иди...

Азира

Родитель мой...

(Гиркана уводят)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Светослав и Азира

Азира

Коль страсть, тобой сулима,
Не истребилася! коль я тобой любима!..
Я, ставшая виной души твоей тревог,
Коль нежности твой гнев еще не превозмог?
Забыв мои вины, презря свои досады,
Не дай лишиться мне последняя отрады!
Не дай умереть мне от горести и слез!
Не дай, чтоб вечно луч надежды той исчез,
Который льстит еще несчастнейшей Азире!
Прости родителя!.. прибавь щедроту в мире!
Прибавь еще одну, и будет от тебя
Исполнен ими свет!.. яви еще себя!
Яви, что Светослав есть всех сердец владетель,
Что в образе его мы видим добродетель!

Л. 30 об.

²² В рукописи: «Мне гнусно фурию зреть во образе людей». Видимо, ошибка переписчика: стих испорчен лишним слогом.

(бросаясь на колени)

У ног твоих стою!..

Светослав

(подымая)

Что зрю!.. Азира!.. ты?..

Ах, что ты делаешь?.. толико красоты,
Толико прелестей?.. одной, одной довольно,
И все повергнется перед тобой неволью!
Азира... но о чем крушишься? что страшит?
Злодаров дом отца спокойства не лишит;
Он будет все иметь; он только там под стражей;
Брегу его покой, хоть сей покой и вражий!²³
Азире дорог он?.. Азира мне драга,
И я, как дружеску, храню судьбу врага...
Спокой драгой мне дух! хоть он ко мне упорен,
Но я пекусь об нем, ему мой дух покорен!
В его лишь нежности зрит счастье Светослав,
Но презрен я тобой, и лютый зрю устав!

Л. 31

А з и р а

(во все сие явление ежесекундно умножает свою тоску и отчаяние)

Любови, государь! ты смертных всех достоин...²⁴

А мне тебя любить...

(бросаясь в креслы)

мне к смерти путь устроен!..

Светослав

Что вижу в пуший гнев Азиру привожу!
Ей все противно то, что в страсти ни скажу!
Все множит грусть ее; все, все во мне сурово!
Почтение, любовь, мой образ... вздох и слово!
Что должен заключить?.. княжна!.. княжна!..

А з и р а

(с сильным движением, и паки преклоняет голову на креслы)

О рок!

Светослав

Твоей несклонностью он только стал жесток,
Промолвь!.. и будешь зреть, что боги милосерды...
Промолвь!..

²³ В рукописи: «вражей» для создания точной зрительной рифмы.

²⁴ В рукописи: «достоен» для создания точной зрительной рифмы.

А з и р а
(с тужи́м отчая́нием)
К чему?

С вет о с л а в
Ужель твои столь чувства тверды?
Иль сердце уж твоё... сей лучший дар небес
Кому-нибудь?

А з и р а
(с величайшею горестью)

Увы!.. умру ль от токов слез!..

С вет о с л а в
Сие отчаянье?.. Азира!.. Ах, Азира!..
Ты сделала, что мне послыла уж порфира;
Что к подданным моим я хладен становлюсь!..
Не узнаю себя!.. страшуся и дивлюсь!
Страшуся, чтоб не быть без пользы для России!..
Азира!.. упреди... толики бедства злые!..
Отдай отчеству!..

Л. 31 об.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е ж е и З а в л о х
(с скоростью)

З а в л о х

Измена, государь!
Ждет воинство! иди; и на врагов ударь.
Злодар изменник твой; прельщен ты был обманом;
Казаре пленные и он ушел с Гирканом.

С вет о с л а в
Злодар!.. кто б думать мог? Но он мне часто льстил!
Древлянин он; не росс, монарха не любил?..
Он в милости моей обманом был участен,
Я царь, но человек?.. так быть могу пристрастен...
Злодар успел... лукав в успехах гнусный льстец!
Проникнуть трудно нам коварный нутрь сердец!
Наружность ослепит?.. усердность, уверенье?..
Но льстец, и изменив, все беден!.. он в презренье...
Забудем тварь сию!..

(Завлоху)

Приготовь мой путь!
Коль войску нужен я... несущу в защиту грудь.

(Завлох уходит)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Светослав и Азира

Светослав

Прости, жестокая! когда ты столько злобна,
Когда тебя тронуть вся нежность не удобна,
Когда презрение... прости!.. предел нарек;
Узришь?..

(возвратясь)

Но помни то... что ты... прости навек!..
В последний раз прости... бесчувственна Азира!
Когда моя рука, Россия... зависть мира!
Трон Севера и с ним монарх венчаных глав

(бросаясь на колени)

У ног твоих теперь стоящий Светослав,
Все забывающий... и то... чем угрожает,
И сердца твоего... лишь сердца ожидает!..

Л. 32

Азира

(подымая его с толным отчаянием)

О государь, встань, пронзи мне лучше грудь
И жертву бедную навеки позабудь.

Светослав

(встав)

Мне позабыть тебя... мне грудь пронзить Азире,
Мне уничтожить все, все совершенствы в мире.
Ах, нет, скорей... но что! отнесть сие к чему <?>
Зрю горесть, токи слез?.. но что виной сему?
Молчанья своего нарушить ты не хочешь!
Ни на минуту мне ты муки не отсрочишь!
За всю любовь мою своим страданьем мстишь...
Мне смерти не дашь, а смерть одну сулишь!
Решись хоть мне сказать: «Тебя я ненавижу».
Скажи сие лишь ты!.. и жребий свой увижу...
Азирины уста мне смерть определяют;
Но то уж сказано!.. коль не уста велят,
Так взор, безмолвие!.. довольно вижу ясно.
Решение мое с твоей душой согласно!
Все кончено теперь... я зрю мою чреду...
Желаешь?.. и умру!.. велела?.. и иду

(хочет идти)

Азира

Постой!.. люблю тебя... люблю... и умираю!..

(упадает без чувств)

Светослав

Что слышу!.. я любим?.. Все бедства презираю!
Их нет!.. что от богов в их славу создано:
Блаженство, рай... все, все Азирой мне дано!..
Азира! ты без чувств! Завлох!.. весь мир!.. бегите!
О боги!.. лучшее ль создание погубите?..
Дражайшая княжна!.. иль с счастьем моим
Я должен умереть несчастьем твоим!..
Спокой!..

Л. 32 об.

Азира

Где я?.. мой князь!.. где клятвы?.. все пропало!
О боги! мстите мне... уж мщенье их ниспало!..
Отец в сражении!.. Россия враг его!..
Вот месть богов!.. вот мзда преступления твоего!

Светослав

Престань крушить себя мечтательной тревогой!
Иду; я пременю Гиркана жребий строгий:²⁵
Азирой я любим? Гиркан уж мне не враг.
Преодолей себя!.. гони мечтанье, страх,
Бреги драгую жизнь для жизни Светослава!
И помни, что его жизнь, радость, счастье, слава!²⁶
В благополучии твоим заключены!
Что мною все твои минуты сочтены,
И в каждой льщусь тебе я дать блаженство ново!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те ж и Завлох (*с оружием Светослава*)

Завлох

Устроен путь царю, полки и все готово!

Азира

Коль истина, что жизнь моя тебе драга,
Спаси родителя!.. забудь ты в нем врага!

Светослав

Азире я сказал; а что сказал Азире,
То клятва есть богам, то вписано в эфире.
Спасу, княжна! спасу!.. мне в том помощник Бог.
Азира!.. твой приказ!.. твой взор!.. один твой вздох.
А за услугу мне любовь твоя награда!..

²⁵ В рукописи: «строгой» для создания точной зрительной рифмы.

²⁶ В рукописи: «счастье», что создает нарушение размера.

Завлох!.. дражайших дней будь твердая ограда!
Вверяю жизнь мою...

(целуя руку Азиры)

Прости... прости!..

(уходит)

А з и р а

Увы!..

О боги!.. будьте в щит сему герою вы!..

(Азира, поддерживаемая Орою, уходит)

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ

л. 33

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А з и р а

(одна)

Чертог ужаснейший... чертог наидражайший!
В тебе ударил час и горький и сладчайший!
Здесь клятву изрекли продерзкие уста,
И здесь любовью то скрылось, как мечта!..
Но я ли страшные те клятвы совершила?
Исторгли!.. и себя невольно благ лишила!
О мой родитель!.. ты... ты был тому виной,
Что к вероломству путь отверзся предо мной!
А ты, возлюбленный! ты был тому содетель,
Что оскорбила я преступком добродетель!..
Но то исполнилось!.. свершен судьбы конец!
Вот преступление чувствительных сердец,
В которых вдохнута едина нежность твердо!..
Ужель то чтит виной и небо милосердо?..
О ты! чье бытие в премудрых действиях зрим,
Но о котором мы толь гордо говорим!
Чьи судим промыслы толико дерзновенно
И чьей щедротою стократ все то забвенно!
Кем все, что видим мы и взором, и умом,
Все дышит, все живет, и все в тебе одном!
Но назову тебя: бог сердца! благ содетель!
Без когос б была мученьем добродетель,
Жестокость правила, всегда лилась бы кровь!..

Л. 33 об.

О милый, милый бог! иль ты, сама любовь,
Владычица сердец, чувствительных отрада,
Будь сердцу моему в сии часы ограда!
Будь оправданьем мне, невинный пламень мой
Не дай преобразить в виновный пред тобой!
Ты в сердце зрел тогда, когда клялось тобою!
Клялося ли оно? владело ли собою?..
Нет, нет! невинного не осуждаешь ты,
И в бездне вздох его услышишь с высоты!..
Спаси любезного! спаси отца драгого!
Кроме любви, мне нет защитника другого!
Сбреги мне две души, без коих на земли
Не будет счастья мне, не будет николи.
Смягчи единую,²⁷ воззрев к ней милосердо!
Другую укрепи в ся щедротах твердо!..
Внемли рыданию!.. прими сердечный вздох!
Смири их!.. мир твой плод... согласия ты бог!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Азира и Ора

Азира

Се Ора!.. ах! с какой... с какой приходишь вестью?..

Ора

Все дышит, ах! еще и злобою, и мезтью!
В угодность я тебе молве старалась внять,
Внимала... зрела все, что мог мой взор обнять.
Ужасно зрелище! тьма сил!.. тьма туч за градом!
Враги в сражении: всех кровь смешилась с ядом.
Не жизнь спасти, всяк смерть другому хочет дать:
Страх смерти собственной не может обуздать
Ни рук убийственных, ни смертоносна жара;
Все тигры, все в крови... удар сильней удара!
Строй коний, строй голов!.. стрел туча, грады жертв!..
Несется... поразил!.. и сам повергся мертв;
И сам в крови своей меж жертв, как жертва, тонет;
Но утопая в ней... о мщении лишь стонет!
Крик, вопль, стонание... вот что внимает слух!
А здесь, княжна!.. о, сколь велик у россов дух!
А здесь?.. оставшая за слабостию старость,
Покрыты сединой, зря с стен воинску ярость,
Зря смерть граждан своих, дают обет богам,
Клянутся, что отмстят, коль в град войдут, врагам;
Погасший жар в груди всей силой раздувают;
Рекут: «Дворяне мы... а россов убивают.
Хоть старость держит нас, как жен, в градских стенах,

Л. 34

²⁷ В рукописи: «единою». Вероятно, ошибка переписчика.

Но можем... или мы младенцы в пеленах;
Пойдем, друзья! да нам одры не будут гробы,
Умрем дворянами... явимся в поле злобы;
Хоть вкупе все одну мы жертву принесем
Отечеству, царю, удара рвением всем;
Хоть каплю крови мы прольем в защиту чести
Или... хотя падем с одним желаньем мести».
Вещают?... и сердца к мечам уже идут;
Но сделав шаг... без сил... от горести падут.
Вот все, что видела...

А з и р а

Так нет еще отрады?
Надежда тщетно льстит... и вздохи без награды!
Бесплодно от себя гоню мою напасть!
Ах, Ора!.. часть моя... ужаснейшая часть!
Две жизни дороги; две жизни мне любезны;
И пред обеими стоят отверсты бездны!
Обсих люта смерть готова поглотить!
Обсих может в прах... в ничто преобразить.
Утратится ль одна, утратится ль другая,
Все бедство!.. все судьбой мне казнь дается злая.
Нет: кровь любовью не боги мне зажгли,
Злы фурии!.. и гнев...

(увидя входящих)

Завлох, Отар, уж ли?..

Л. 34 об.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Те ж, Завлох, Отар

Завлох

Сей пленник есть твой раб: угодно Светославу,
Чтоб он подвержен был Азирину уставу.
Что повелишь?..

А з и р а

Пусть он останется при мне.

(Отару)

Вещай!.. Родитель мой?..

О т а р

Отправленный к княжне,
Став паки пленником противной нам судьбою,
Оставил князя я среди кровава бою;
Когда б не сей герой, давно б пустился в бег
От страшных россиян строптивый печенег.

Но князь... ужасны всем дела его геройски,
Ужасны! но пред ним непобедимы войски;
Бессмертны ратники; а с ними Светослав,
Чьей поражать руке не доставало б глав,
Когда бы он хотел производить убийства;
Но истину реку; он чужд от кровопийства:
Приметно, что брежет и россос, и врагов.

А з и р а

Дражайший князь!.. будь тверд!..

О т а р

С ним сила вся богов.

Л. 35 Нам льстил уже успех, но все мгновенно пало;
Предстал российский князь, и все вострепетало,
Смешалось воинство, исчезнул зверский жар...
Ах! с печенегом ли встречать его удар!
Разит! и в тот же миг полки объемлет взором;
Быстрее молнии везде герой с отпором;
Где нужда? там приказ; где крайность? там рука.
Стремнины, доли, рвы, и блато, и река,
Ничто не делает препоны Светославу;
Повсюду и во всем приобретает славу;
В искусстве... в храбрости, в щедроте... все герой!..
К чему ни обратись, во всем порядок, строй,
То удивление, то благодарность клонит;²⁸
Но словом: он пожрет; иль всех сердца он тронет.

А з и р а

Не сомневаюсь, чтоб он не победил:
Но мой отец?.. его к союзу б убедил!
Его подвигнул бы щедротою к приязни
И тем Азирин дух избавил от боязни!
Их миром лишь душа в Азире оживет;
Но злоба медлит в том... и смерть меня зовет!

З а в л о х

Не будь в отчаяньи! умножь лучи надежды!
На все деяния богов открыты вехды;
Благотворение всегда готово их;
Они с тобой, и жди лишь благ себе одних!
Что князь сказал тебе, исполнено то будет;
Он слова своего нигде не позабудет;
В сраженьи против стрел, хоть смерть грозит в мечях;
Но счастье княжны одно в его очах.

²⁸ В рукописи: «клонет» для создания точной зрительной рифмы.

А з и р а

Я верю: князь таков... но все ли Светославы?
Все ль ищут воины великодушьем славы?
Все ль помнят обо мне?... увы!.. один удар...
И преступленьем стал Азирин страстный жар!
Обет геройский тверд; но кто предвидеть может,
Что небо смертному в черту его положит?
Мы зрим брега, но ввск не дойдем до брегов,
Коль сей уж нам предел положен от богов.
Л. 35 об. Минута, миг един, богов едина воля,
И доля сладостна горчайша стала доля!
Таков есть жребий всех... а мой из всех лютей,
Я к тени счастья не нахожу путей!
Отец с любовником враги среди напасти?
Меж копий!..²⁹ меж смертей!.. что злее есть сей части?
Чей трепет может быть подобен моему?
Нет: рок мой в зле теперь не равен ничему!

(услыша голос Гиркана)

Но что я слышу?... се!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Прежние и Гиркан *(растрепан, обезоружен и окровавлен,
с числом российских воинов)*

Г и р к а н

Где дочь?

А з и р а

Родитель!.. боги!

Г и р к а н

Азира! к счастью мне пресекались все дороги!
Последняя дана врагом утеха мне,
Чтоб жизнь пред дочерью окончить в сей стране...
Достиг свободно я тиранского чертога...
Вступил!.. зрит дочь отец!.. и в ад отца дорога...
За местью месть грядет!.. жизнь скоро пресекут!..
На казнь бесчестную Гиркана повлекут!..
Меч отнят!.. и лишен отряд самоубийства!
И должен жизнь иметь в усладу кровопийства!
Азира!.. весть тебе я страшную принес!..
Я знаю страсть твою... весь знаю гнев небес!..
Но ежели отца бесчестье, посрамленье
Способно произвесть в крови твоей волненье!..

²⁹ В рукописи: «меж копей». Изменено во избежание двусмысленности.

Когда природы глас в тебе не заглушен?..
 Когда я дочери в Азире не лишен?..
 То наказание, соделанное мною,
 Не будет почтено Гиркановой виною!..
 Азира не сочтет убийцею того,
 Кто, мстя за честь, пронзил... злодея своего!..

А з и р а

Что слышу!.. кто?.. страшусь!.. кто жертвой стал отмщенья?..

Г и р к а н

Кто нас всего лишил, всего без возвращенья!..
 Тиран... иль твой герой?..

А з и р а

(упав без чувств в руки Оры)

О небо!

З а в л о х

(с трепетом)

Наш отец!..

Злодей!.. мучительный уж близок твой конец!
 Азира!.. вонны!

Г и р к а н

Я муки не страшуся.

Гнусна мне жизнь моя... с ней гнусности лишуся.

(входят воины, но Возвед их удерживает)

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Т е ж и В о з в е д

В о з в е д

Спокойтесь!..

З а в л о х

Как!.. лилась монарха своего?..

В о з в е д

Он жив, увенчан...

А з и р а

Жив!..

Гиркан

Верх бедства моего!

Возвед

Покорен печенег; Злодар, лишась отрады,
Пронзил себя и дух во Ад понес с досады.

Завлох

Суд праведен богов! сердец услышан стон.

Возвед

Зри победителя, царя, отца... се он!

Л. 36 об.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Гиркан, Азира, Завлох, Возвед, Отар, Ора, Козаре
и Светослав со множеством воинов, и вдали народ

*В сем явлении весь театр должен быть освещен, дабы вся площадь зрителям
была видна, на которой помещены войско и народ и где в конце представляется
крепость*

Гиркан

Се мой злодей!.. он жив... и я умру без мщенья!

Азира

О счастье! о напасть!.. вид слез и восхищенья!

*(Светослав входит вооруженный, имея перевязанную рану, бледное
лице, одной рукой опирается на копие и другой опирается на воина)*

Светослав

Азиру вижу я!.. и всем бедам конец!..

Азира

О боги!.. Светослав!.. несчастнейший отец!

Гиркан

Несчастен, коль судьба тирана увенчала!

Светослав

Желанью твоему судьба не отвечала...
Ты, давши рану мне, в злодействе несчастлив!
Ты видишь кровь мою, но я останусь жив.

Гиркан

Коль так?.. терзай меня!.. рви члены, мной владея!

Светослав

Я жив, но не на то, чтоб брать пример с злодея.
Владыка россов я, могу ли злобу знать?
Могу ль в бедах врага определить стенать?
И с множества побед, с моей гремящей славы
По торжестве моем снимать плоды кровавы?...
Гордиться местию! тиранствовать уметь!..
Нет, нет: вселенная не будет вечно зреть
На троне Рюрика царей, любящих мшенье;
Владык российских мсть: победа и прощенье.
Гиркан! свободен ты.

Л. 37

Гиркан

Злодей! иль мнил, что я,
Страшась умерети, ждал пощады твоея?
Вторичное сие моей прощенье злобе
Вторичная мне смерть!.. ты жив?.. мой жребий в гробе.
Лишенный трона, я к стыду тобой прощен...
Дай смерть!..

Светослав

Смирись!.. и трон Гиркану возвращен.

Гиркан

Что слышу я?..

Светослав

Владей Казарскою страну:
Будь другом мне!.. и в том пример дается мною;
Ты меч свой изострил на русского царя...
Дать смерть ему хотел?.. он, мщение презря,
Злодею своему корону возвращает,
Не казнию ему, щедротой отомщает

Азира

Великодушный князь!

Гиркан

(по некотором молчании)

Щедрота высших сил!..

Но человек ли то, что слышу я!.. гласил!..
Не божество ли зрю я в виде Светослава!..
Как?.. мне возвращена тобой моя держава!..
Убийце твоему!.. Убийце тьмы щедрот!
О боги! сей лишь час зрю вышних плод доброт!
Достойнейший монарх монархом быть вселенной!
Зри!.. твой злодей, тобой, как богом, удивленный,
Стыдьясь своих злодейств, падет к ногам твоим...

Л. 37 об.

Светослав
(подымает его)

Что делаешь!..

Гиркан

Иду вслед чувствам моим,
Вслед удивления, владеюша Гирканом!
Не милости прошу? я пал не пред тираном...
Пред образом доброт!.. се зришь ты их плоды.
Дивиться! чтить тебя!.. вот все за щедрость мзды!

Светослав

Мзда дружба мне твоя и дщерь твоя прекрасна.

Гиркан

Азира и душа моя тебе подвластна.
Ты, с дщерью³⁰ моей себя соедини,
Сим счастлием себе сам платишь за меня?

Светослав

Нет, нет; свидетельство, что сердце мне Азиры
Дороже всех побед и княжеской порфиры,
С престолом я твоим даю тебе другой:
Владей касогами!..

Гиркан

Смятенный разум мой
Для благодарности не обретает слова...
И тем лишь часть моя среди отрад сурова!
От щедрости твоей не нахожу себя!..
Но дай мне знать, герой! кто научил тебя?
Платить врагу... тому, кто зол твоих содетель
Великодушием?

Светослав

Любовь и добродетель.

КОНЕЦ ТРАГЕДИИ

³⁰ В рукописи нарушен размер. Видимо, ошибка писца: «с дщерью».

А. А. КОСТИН

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А. П. ХВОСТОВОЙ

Написание биографии русской писательницы XVIII в. представляет значительно большую сложность, чем в случае с писателем-мужчиной. Чаще всего женщины в это время не служили, не обучались в государственных учебных заведениях, да и вообще значительно реже, чем мужчины, входили в соприкосновение с властным аппаратом; и, как следствие, от них не осталось ни послужных списков и сказок, ни аттестатов, ни рекомендательных писем и деловой переписки — всего того обширнейшего комплекса источников, на которых строит канву биографии исследователь жизни и творчества писателя-мужчины. Просмотр статей о писательницах XVIII в. в биографических словарях, с точки зрения привлеченных источников, показывает, что за редким исключением для подавляющего их числа мы имеем либо лишь скудные сведения библиографического характера, либо биография строится на мемуарных источниках — как на составленных самими писательницами воспоминаниях, дневниках и произведениях с автобиографической основой (А. Е. Лабзина, В. Бакунина, А. С. Жукова), так и (преимущественно) на воспоминаниях современников-мужчин. Вместе с тем, как показывает опыт изучения биографии А. П. Хвостовой, исследователю не стоит ограничиваться только этими введенными по большей части в научный оборот еще в XIX в. источниками, поскольку планомерное обследование архивных материалов вполне способно значительно расширить наши сведения о жизни писательницы — в первую очередь за счет привлечения такого источника, как частная переписка, ведение которой никак не зависело от пола корреспондента.

Самая полная на данный момент биография Александры Петровны Хвостовой написана В. В. Сиповским для «Русского биографического словаря».¹ Им были использованы в первую очередь много-

¹ *Сиповский В. В.* Хвостова Александра Петровна // *Русский биографический словарь.* СПб., 1901. Т. Фабер—Цявловский. С. 293 - 294.

численные свидетельства о Хвостовой в «Записках» Ф. Ф. Вигеля;² материалы таких исследователей женской литературы, как М. Н. Макаров и Н. Н. Голицын, а также отдельные упоминания в воспоминаниях Д. П. Рунича, А. П. Вяземского и М. А. Максимовича. Только несколько лет спустя П. И. Бартеневым в «Русском архиве» были опубликованы мемуарные записки Хвостовой «Мои бредни», написанные в 1834—1840 гг.³ Б. Л. Модзалевский при описании альбома Ю. Н. Бартенева опубликовал полностью записанный в нем фрагмент Хвостовой «Ты требуешь, друг мой, психологии души моей...»⁴ Помимо этих основных печатных источников множество упоминаний о Хвостовой содержится в воспоминаниях, публиковавшихся в различных русских журналах второй половины XIX—начала XX в., прекрасный свод указаний на которые содержит картотека Б. Л. Модзалевского, хранящаяся в Пушкинском Доме.

Однако не менее ценным источником биографических сведений служат рукописные материалы Хвостовой, сохранившиеся в различных российских архивах. Е. П. Гречаной были описаны и частично опубликованы такие важные источники, как написанная Хвостовой в 1809 г. французская повесть «Петронилла» (Petronille) из рукописного альбома А. С. Строганова;⁵ ее альбом «Мои последние чувствования» («Mes derniers sensées»), который она вела, по-видимому, в Киеве в 1809 г., а также ее письма к баронессе Ю. Крюденер и сочинение «Особое воспитание» («Education particulière»), адресованное дочери последней, где Хвостова описывает свои религиозно-мистические искания 1800—1810-х гг.⁶ Между тем частная и деловая переписка Хвостовой до сих пор по преимуществу остается не введенной в научный оборот. Незаменимым источником по биографии Хвостовой являются ее письма 1819—1847 гг. к Ю. Н. Бартеневу, хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.⁷ Роль Хвостовой в жизни мистических кружков Петербурга конца 1810-х гг. раскрывается в ее письмах 1819—1825 гг. к А. Ф. Лабзину.⁸ Отдельные

² Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892.

³ Хвостова А. П. Мои бредни // Русский архив. 1907. Т. 1. Кн. 1. С. 5—48.

⁴ Модзалевский Б. Л. Альбом Юрия Никитича Бартенева // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1910. Т. 15. Кн. 4. С. 203—205.

⁵ Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: Русская литература на французском языке (XVIII—первая половина XIX века). М., 2010. С. 233—234, 358—361.

⁶ Гречаная Е. П. Литературное взаимодействие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797—1825). М., 2002.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 6. 7. В дальнейшем отсылки к этим документам приводятся с указанием номера дела и листа. Приношу сердечную благодарность А. С. Бодровой и Н. В. Назаровой за помощь в работе с материалами этих писем.

⁸ ИРЛИ. 32543/ССXLVIб 28. Эти письма сохранились в бумагах А. Ф. Лабзина из архива Висльгорских. По-видимому, они готовились к печати Б. Л. Мол-

частные письма Хвостовой хранятся в Российской государственной и Российской национальной библиотеках.⁹ Помимо этого от Хвостовой, по-видимому уже к концу XVIII в. отделившейся от мужа, сохранился и ряд официальных прошений.¹⁰

Несмотря на то что от Хвостовой осталось значительное количество текстов, посвященных описанию собственной жизни, биографических данных в обычном понимании этого выражения найти в них почти невозможно. Уже первые сочинения, прославившие Хвостову, «Отрывки», «Камин» и «Ручеек» (1795—1796), носят в высшей степени субъективный характер и посвящены описанию переживаний писательницы по поводу событий ее жизни; между тем о самих этих событиях читатель почти ничего не узнает. Особенно показательна эта особенность в «Камине», где при том, что событиям, вызывающим медитацию, становится отъезд «в страны дальние», ни о причинах отъезда, ни о месте назначения ничего не сообщается, однако подробно описывается воображаемое путешествие в отдаленные области (древнюю Шотландию, Киев и Финляндию), скорее всего ничего общего с реальным путешествием не имеющие. Также неопределенна Хвостова и в «Ручейке»: близкий к автору читатель должен был, по-видимому из указания на то, что отрывок написан в мае 1796 г. в селе Вейно, предположить, что он посвящен смерти свекра Хвостовой, однако ничего о самом умершем и о его отношениях со снохой, заставивших Хвостову называть его «отцом», здесь не сообщается.¹¹ Всю жизнь, по суги, Хвостова писала «психологию

залевающим. Их текст был им переписан набело и приложен к текстам оригинала.

⁹ 1) РГБ. Ф. Вязёмы. Карт. 103. № 37 — письма 1797 г. к Н. П. Голицыной; в письмах Хвостова описывает свою светскую жизнь в Петербурге и помимо прочего сообщает, что недавно вернулась из Смоленска, где проживала, по-видимому, достаточно долгое время; 2) РНБ. Ф. 569. Оп. 1. № 889 — письмо 1835 г. к Ф. Л. Перверзеву с просьбой вступить в совет Киевского общества помощи бедным; 3) РНБ. Ф. 203. О. 1. № 6 — письмо 1836 г. к А. Н. Голицыну.

¹⁰ Из фондов РГИА мне известны прошения 1802—1807 гг. о приобретении крестьян Хвостовой в казну (Ф. 515. Оп. 7. № 11), а также в Комиссию о рассмотрении прошений разоренных в войне 1812 г. (см. приложение № 2). Важный биографический материал должны содержать пока не обнаруженные мною дела о долгах Хвостовой и ее мужа, рассматривавшиеся в 1810—1820-х гг. в Сенате; следует также более внимательно изучить материалы о деятельности киевского Левашовского женского училища, которое Хвостова возглавляла в 1833—1840 гг.

¹¹ В селе Вейно Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии в 1743 г. Хвостовыми была построена церковь Обновления храма Воскресения Господня (Историко-статистические сведения о С.-Пб. епархии. СПб., 1885. Вып. 10. С. 147). Петр Матвеевич Херасков скончался в период между 21 января 1796 г. и маем 1802 г.; о владении Херасковыми землей в Вейно ничего не известно: отцом в 1796 г. Хвостовой были подарены земли в деревнях Псковской губернии: Псковского уезда Горушка, Борок, Виски, Коломна, Загорье, Баранова; Островского уезда: Телятникова, Орел (Орлецы), Заходы, Пижева и Са-

жизни своей» (как она назвала в 1834 г. свое небольшое медитативное сочинение, написанное в альбом Ю. Н. Бартенева); в воспоминаниях о прошлом нравственные переломы, связанные зачастую с малозначительными событиями, интересовали ее значительно больше, чем обстоятельства внешней биографии. Очень характерно, что, неоднократно обращаясь к воспоминаниям о разрыве с мужем — событию, несомненно в ее жизни ключевому, — Хвостова нигде не только не упоминает времени, когда он произошел, но и сами обстоятельства его скрывает под описанием своих тогдашних и нынешних переживаний. Вот самое подробное из них:

«Муж мой был человек добрый, любил меня любовью мужа и человека; но мы друг друга не понимали, говорили не одним языком; он ходил по земле, а я носилась в вихре талантов и воображения. Ему лишь было дотягиваться до меня, и я не догадывалась спуститься. Впрочем, он уважал меня, гордился моими талантами, выказывал меня, как заморскую птичку; но хвостовство это было похоже на то, с каким показывают купленную случайно вазу, которую, переказав всем гостям, ставят на место и не вспоминают уже о ее существовании. Счастье покупки, если догадаются покрыть ее колпаком хрустальным, но у меня и того не было; и пыль мира была вправе загрязнять, как хотела, беззащитность мою. Лишась детей (трех сыновей в течение шести месяцев), сердце мое осиротело еще более. Дотоль какая-то тень единства существовала между нами, мы были еще — *мы*, мое и его были еще *наше*; но с развязкою узла, который нас несколько связывал, мерзлая черта полярная пересекла супружество наше... *Я* — он заменили *мы* семейственное. Злые люди, расчет чужого корыстолюбия и, не скрою от тебя, мое собственное легкомыслие, тягость мучительная носить одной бремя бытия своего, довершили последнее».¹²

Там, где Ф. Ф. Вигель, пересказывая ту же историю, слышанную от Хвостовой, сводит все к обыденным житейским понятиям,¹³ сама она указывает лишь один биографический факт, значительно более впечатляющий, чем измены или финансовые неурядицы, — смерть

муйлова с приписанными к ним 200 крестьянами (РГИА. Ф. 515. Оп. 7. № 11. Л. 8 и др.).

¹² *Хвостова А. П.* Мои бредни... С. 8.

¹³ «В первой молодости выдалн ее за Дмитрия Семеновича Хвостова, человека глупого, грубого и порочного <...> которого не делать рогносцем, право, было бы грешно. Однако же <...> год-другой после замужества страстно была она привязано к сго молодости и своему долгу. Он же первый начал показывать ей презрение, явно и подло стал изменять ей, искал в низших классах наемной любви <...>. Муж Хвостовой прожил сначала ее приданое, потом проматывал второе и третье наследство <...> готов был отказать ей в малейшей помощи. <...> Свекор, умирая, завещал ей порядочное содержание и обязал сына выплачивать ей онос. Сис делал он не слишком исправно» (*Вигель Ф. Ф.* Записки... С. 226).

детей, в прочем же широкими мазками использует сравнения, настолько безличные, что в конце речь вообще сводится к местоименному письму («мы», «наше», «я», «он»).

Начиная в 1835 г. «Мои бредни», Хвостова писала Ю. Н. Бартеву: «Рассказать проходимого не можно, не потому что не хочется, но истинно потому, что нет на это коротких таких слов, каковы мгновенные (лучше сказать внезапные) ощущения и впечатления».¹⁴ Собственно, именно в описание этих ощущений и впечатлений, а не в рассказ о «проходимом» и превращаются все автобиографические сочинения Хвостовой. Даже в собственно мемуарных «Моих бреднях» мы почти не встретим упоминаний о прошлом их автора: это в первую очередь воспоминания о родных, знакомых и ушедшем времени, а не о себе самой. И только сопоставление нескольких источников позволяет с некоторой степенью достоверности восстановить отдельные события ее жизни.

Не имея возможности осветить в настоящей статье подробно все новые аспекты биографии А. П. Хвостовой, открываемые во вновь обнаруженных источниках, я вижу более целесообразным подробно осветить ниже только два из них, а также привести в приложениях ряд документов, представляющих, на мой взгляд, наибольший интерес.¹⁵

* * *

Одной из первых проблем в биографии Хвостовой, с которыми сталкивается биограф, становится дата ее рождения. Единственным источником, точно указывающим год рождения писательницы, является ее гравированный портрет, выполненный в конце 1790-х или в начале 1800-х гг. на средства А. М. Белосельского-Белозерского. На портрете Хвостова изображена с небольшим бумажным предметом в руках; судя по всему, это — сочинение, принесшее ей славу, «Отрывки», опубликованные в 1796 г. в подлинно миниатюрном формате — в 24-ю долю листа, что вполне соответствует традиции изображать писателя на портрете с основным трудом его жизни.¹⁶

¹⁴ № 6. Л. 56. Письмо сохранилось не полностью, не датировано, имеет плохо читаемый почтовый штемпель, по-видимому 1835 г.

¹⁵ Более подробно канва жизни А. П. Хвостовой изложена мною в статье: *Костин А. А. Хвостова Александра Петровна // Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., 2010. Вып. 3. Р—Я. С. 35—339. После подготовки «Словаря...» к печати важные сведения об истории восприятия сочинений Хвостовой появились в трудах: *Кочеткова Н. Д. События частной жизни в русской литературной культуре XVIII века // Окациональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*. СПб., 2010. С. 259; *Науменко В. Г. «Здесь, на конце России исполненной...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII—начала XIX века*. Ярославль, 2010. С. 333, 343; *Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски... С. 173.*

¹⁶ См. в настоящем сборнике статью С. И. Николаева.

Писательнице, изображенной на портрете, должно было быть во время его создания около тридцати лет: об этом явно свидетельствует разъяснение к портрету: «Александра Петровна Хвостова, родилась в 1767 году».

Между тем уже имеющиеся в распоряжении исследователей сведения не позволяют однозначно признать эту дату верной. Так, например, в декабре 1834 г., вскоре после своего дня рождения, начиная мемуарные записки, Хвостова писала: «Время, таща меня по терниям 71-й год уже, тяжелою ступнею затоптало способности мои прежния». Из этого следует заключить, что 4 декабря 1834 г. ей исполнилось 70 лет, т. е. родилась она в 1764-м. В альбоме М. А. Максимова в 1842 г. Хвостова оставила запись, заканчивающуюся следующими словами: «Мне 80 лет. Время затоптало все различные способности мои, и жизнь, как перегорелый уголек, едва тлеется в разрушающемся бытии моем», что указывает на другую возможную дату рождения — 1762 г. Наконец напечатанный с годичным запозданием, в 1853-м г., некролог Хвостовой указывает, что она умерла в возрасте 90 лет, из чего также следует заключить, что родилась она в 1762 г.

Склониться к такому заключению заставляет следующее обстоятельство. Среди трудов А. П. Хвостовой как самый ранний известен перевод сочинения Гуго де Бальма «О тройственном пути души». На перевод этот в 1850-х гг. Н. Н. Голицину указал Ю. Н. Бартнев, назвав и возраст, в котором он был ею выполнен, — 20 лет. Исходя из известной по справочникам даты рождения Хвостовой (основанной на дате, указанной на портрете), позднейшие исследователи решили, что перевод этот должен был быть выполнен соответственно в 1787 г. Но поскольку такого печатного труда не известно, а имеются лишь смутные указания на него в коллекции копий титульных листов Бантыша-Каменского и в списке изъятой в 1788 г. из московских книжных лавок литературы, было решено считать перевод Хвостовой разыскиваемым изданием.¹⁷ Однако, как кажется, издание это можно отнести к числу *desiderata indesideranda* — разыскиваемых изданий, которых не стоит разыскивать. Дело в том что русский перевод сочинения «О тройственном пути души» хорошо известен как во многих списках,¹⁸ так и в нескольких печатных вариантах, поскольку был опубликован впервые в 1782 г. в «Избранной библиотеке для христианского чтения», претерпевшей несколько переизданий, последнее из которых относится к 1787 г., откуда, по-видимому, Бантышом и составителями описей книг, изъятых из московских книжных лавок, и были взяты сведения о мнимом титульном листе.

¹⁷ Список разыскиваемых изданий, не вошедших в Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. С. 161.

¹⁸ *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 3-е, испр. и расш. / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 2001. С. 455.

Именно Хвостова и была, судя по всему, автором этого перевода. И это еще более заставляет признать датой рождения Хвостовой 1762, а не 1767 г., предположив в указании времени рождения на портрете вполне объяснимое желание вошедшей в моду писательницы омолодить себя.

Между тем обращение к переписке Хвостовой не позволяет считать этот вывод однозначным. Если сопоставить указания Хвостовой на свой возраст в письмах к Ю. Н. Бартеневу, то окажется, что в них она старела значительно быстрее, чем текло время. В 1823 г., сообщая о том, что ее высылают из Петербурга, Хвостова указывала, что ей сейчас 57-й год, т. е. в полном соответствии с данными портрета оказывалось, что она родилась в 1767 г. В марте 1833-го она пишет: «Доживя до 69 лет, состарившаяся скорбью еще более, нежели летами, я часто не нахожу сил говорить о себе» — это значит, что в 1833 г. ей должно было исполниться 70, а значит родилась она в 1763-м. В феврале 1840 г., пытаясь организовать подписку на издание собрания своих сочинений, она писала: «Тормоши доброго любимца Божия (А. Н. Голицына. — А. К.) как-нибудь выработать, чтоб Государь и Священное семейство Его подписались, а тогда весь двор и царедворцы помогут напечатанию. Не вправе ли я ожидать справедливой етой милости? <...> Ужели 78-ми летняя преданность не заслужила черты пера, которым бы успокоились последние дни мои?» Если в это время Хвостовой было 78 лет (которые исполнились 4 декабря 1839 г.), то датой рождения следует признать уже 1761 год.¹⁹

Отчасти пролить свет на эту загадку, как кажется, может другой портрет Хвостовой — написанный, но не сохранившийся. Он был создан в 1835 г., когда Хвостова начала «Мои бредни» и решила вновь напомнить о своем существовании литературному миру созданием собственного альбома наподобие увиденного ею в 1834 г. альбома Ю. Н. Бартенева. Вот что она пишет о нем в письме: «Благодарю и за обещанный альбом, но договор, прошу не писать никаких личностей, комплименты и размазня похвальная приторны и надоели. Пусть всякий напишет в стихах или прозе то, что ему лучше понравилось. Я считаю, что это лучший портрет души и сердца человеческого. А *propos de portraits*. Белкин твой²⁰ пропал и глаз не кажет. Между тем племянник мой вздумал также помучить меня из хари моей, и я три сеанса уже выдержала. Кисть хороша, но мне кажется, что вышла из меня какая-то старушонка лукавая, немного

¹⁹ Если толковать буквально указание в более позднем письме того же года: «Под 80ть лет нет уже [нрзб.]» (Л. 62), то отнести время рождения можно и вовсе в 1760 г. В сентябре 1847 г. Хвостова писала Бартеневу: «Ты забыл, друг мой Юринька, что я девятый уже десяток доживаю» (Л. 32), что предполагает временем рождения конец 1750-х гг.

²⁰ Художник, который, по-видимому, должен был писать портрет Хвостовой по договоренности с Бартеньевым.

на ведьму похожая».²¹ Кажется, что сетования Хвостовой носят здесь формальный характер; портретом она осталась несомненно довольна,²² и то, что на портрете была изображена именно не молодящаяся старушка, было для нее чрезвычайно важно. Если в 1823 г., все еще по мироощущению оставаясь столичной светской дамой, Хвостова указывала свой возраст, исходя из даты рождения 1767 г., то впоследствии, став настоятельницей училища благородных девиц, играя на своем старческом образе, она стала указывать его, исходя из 1762-го, ничуть не стесняясь своего возраста, а стараясь, прибавив себе лет, добавить и веса своей старческой умудренности.

Как бы то ни было, либо в одном, либо в другом случае Хвостова намеренно искажала свой возраст. Какая из дат более верна? Вряд ли на этот вопрос, основываясь на имеющихся данных, можно дать однозначный ответ. В пользу более поздней даты говорит следующее обстоятельство. В июне 1786 г., находясь несколько месяцев во Владимире, П. А. Неелов записал в своей рукописной книге дни рождений и именин близких ему людей. Среди них под 4 декабря отмечено: «рождение Александры Петровны Херасковой».²³ Соотнося указание здесь девичьей фамилии Хвостовой со свидетельством Вигеля о том, что замуж ее отдали «в первой молодости» (а в «Записках» этим неоднократно употребленным выражением обозначается возраст около 20 лет, но никак не 24—25), следует заключить, что в брак Хвостова вступила около 1787 г., а родилась не раньше 1766-го.

* * *

Наибольший интерес в литературном наследии А. П. Хвостовой помимо принесших ей известность «Отрывков» представляют ее мемуарные записки «Мои бредни». В отличие от ряда опубликованных в 1816—1818 гг. сочинений, появившихся под влиянием А. Ф. Лабзина и заслуживающих внимания только в связи с мистической литературой его круга, «Мои бредни» представляют несомненный интерес как образец русской беллетризованной мемуаристики 1830-х гг. Как было сказано выше, Хвостова в них мало заботилась о том, чтобы рассказать о своей биографии, но пыталась найти в жизни людей, с которыми она была знакома, истории, которые при определенной литературной обработке могли бы представить интерес как литера-

²¹ № 7. Л. 1 об.

²² Ср. в более позднем письме того же года: «Копию с портрета ведьмы, обещался мазилка сделать за 50 р. Постараюсь вымучить у Белкина эти деньги, чтоб тебя не изьянить харей моей, которую однако все узнают тотчас на портрете» (Л. 52 об.).

²³ Писаренко К. А. Из архивных россыпей потемкинского времени // Русский архив. М., 2007. Т. 15. С. 205.

турное сочинение. В большинстве своем рассказы «Моих бредней» в высшей степени нравоучительны: здесь есть история преданной любви девушки из низших сословий, волею судьбы ставшей супругой дворянина-повесы, — любви, приведшей в итоге к исправлению этого повесы («Быль»); есть история о раскаянии в давнем убийстве некоего мещанина, благодаря этому убийству получившего уважение окружающих («Ковыла»); есть история о нравственном падении путешествующего за границей молодого дворянина, сошедшегося с ложным другом — безбожником и игроком («Письма молодого русского XVIII века»); но есть здесь и трогательные воспоминания о родных — отце («Деревенская пирушка») и родне мужа («Роковое слово», «Досуг»). Как опыт литературного труда, осуществленного писателем конца XVIII в. в 1830-е гг. — в совершенно иную литературную эпоху — «Мои бредни» заслуживают несомненного интереса. Они ждут еще своего внимательного исследователя и комментатора, здесь же мне хотелось бы коснуться вопроса об истории создания этого сочинения, с почти исчерпывающей полнотой восстанавливаемой на основании писем А. П. Хвостовой к Ю. Н. Бартеневу.

О времени начала работы над «Моими бреднями» можно судить исходя из письма от 8 января 1835 г.: «С 4 декабря, день рождения моего, начала писать в книгу все бредни мои; тебе посвятила их заглавием; и назначила, чтоб после меня они к тебе были пересланы. Но нетерпение женское и какая-то охота потешить тебя заставила меня вздумать переписать пьески две-три и переслать их по okazji, чтоб не платить весовых. Ты в них увидишь les hauts ex bas d'uns coeurs tantot calme tantot malade. В *Бреднях моих*, это титул книжки, страниц уже двадцать намарано. Но беда хотела, чтоб бумага попалась такая шароховатая, как валдайские горы. Я цепляюсь за нее при каждой строчке, и досада гасит часто мысли мои. Впрочем, как спелось, так и вкушай, не прогневайся...»²⁴

По-видимому, непосредственным толчком к началу работы над «Бреднями» стало знакомство Хвостовой со знаменитым альбомом Бартенева, включающим автографы А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, М. Н. Загоскина, В. Ф. Одоевского и многих других крупных писателей первой половины XIX в.²⁵ С альбомом Хвостова познакомилась в июле 1834 г., когда Бартенева посещал Киев, и оставила здесь обширную запись, «Ты требуешь, друг мой, психологии жизни моей...», вызвавшую позже в дневнике ряд откликов, вплоть до 1850-х гг., в том числе — прочувственный ответ Н. А. Полевого («Сегодня минуло ровно тридцать девять лет...»),²⁶ которым Хвостова очень дорожила. Знакомство с этим альбомом заставило Хвостову вспомнить, что и она — писательница (до того

²⁴ № 7. Л. 1. Курсив А. П. Хвостовой.

²⁵ *Модзалевский Б. Л.* Альбом Юрия Никитича Бартенева... С. 200—221.

²⁶ Там же. С. 202.

последний ее литературный опыт — известная только по письмам Ю. Н. Бартеневу обработка в 1826—1827 гг. «Ставрофилы» Иоанна Максимовича²⁷), вследствие чего она сперва решила и сама обзавестись собственным альбомом,²⁸ а позже, после отъезда Бартенева из Киева, начала писать и собственные сочинения — сперва повторяющие по жанру медитативный отрывок из бартеневского альбома («Байрон», «Незнакомый. 1834-го года»), а позже — беллетризованные воспоминания о своих родных и знакомых.

Начальный корпус «Бредней» был сформирован Хвостовой к июню 1835 г.²⁹ Уже в это время у нее появляется идея о том, что

²⁷ См. письмо от 6 апреля 1827 г.: «Я мало писала к тебе, писала, может быть, холодно, но причина тому была <...> более всего занятие, полезное для христиан, предпринятое мною для пользы их, то есть формирование пути крестнаго, по образцу понравившейся мне книги Иоан. Максимовича под названием «Ставрофила или царский путь + (креста. — А. К.) Господня». Прекрасная книга сия, по древности уже редкая, писана варварским языком славенопольским и едва разумительна в оригинале. О[тец] Мак[?] натолкнул меня переложить ее на гражданский диалект; но, по свесовольству моему, начала переводом, а наконец и совсем от подлинника ушла, ибо, сохраняя свято основу учения, почла нужным прикрасить и заменить эпизодами нынешняго века древние и одним только монастырским приличные эпизоды оригинала. Вот год как тружусь я над этим сочинением прекрасным и теперь набело уже списываю» (№ 6. Л. 72 об.).

²⁸ См. письмо от 2 сентября 1834 г.: «Я поручила Литову вручить тебе ту бумагу с виньеткими, которую ты подарил мне. Чтоб ничто от тебя не пропало, прошу тебя, друг мой, приказать сделать мне из него альбум незадорный, с футляром, оставляя листки так, как они сложены по порядку. Напиши в нем что-нибудь; попроси и милую Кат[ерину] Сте[пановну Бартеневу] и умницу племянницу, также и Писемских написать что-нибудь и перешли ко мне на почте» (№ 7. Л. 25—25 об.). Хвостова несколько раз напоминает после о своем желании заполнить альбом («Благодарю и за обещанный альбом; но договор — прошу не писать никаких личностей; комплименты и размазня похвальная — приторны и надоели. Пусть всякий напишет в стихах или прозе то, что ему лучше понравилось. Я считаю, что это лучший портрет души и сердца человеческого». — Письмо от 8 января 1834 г.; № 7. Л. 1 об. — 2). Она указывала также и писателей, автографы которых ей хотелось бы иметь (прежде всего, относящихся к ее же литературному поколению): «Я сама твоего мнения, нахожу, что обыкновенные лясы в альбомах приторны, а потому и у себя позволяю только писать каждому то, что более заговорило сердцу его, хотя бы то было и чужое. Спасибо за стишки, они мне по сердцу. Не можешь ли попросить и [Н. А.] Полевого и Ив. Дмитрисва и Князя нашего [П. И.] Шаликова написать что-нибудь в Альбome, которой ты мне готовишь. Мне лестно иметь памятки этих отличных людей» (от 22 мая; № 7. Л. 52; имена Шаликова и Дмитрисва повторяются в письме от 20 июля 1835 г. — Л. 56). Собственный альбом несомненно соотносился ею с бартеневским: «Навербуй писателей в обещанный альбом <...>. Твой альбом будет почетный, а мой, тебе в наследство назначенный, — собрание мыслей и стихов, говорящих сердцу моему» (Л. 56).

²⁹ См. сообщения Хвостовой об отправке Бартеневу отдельных статей: «Ты все молчишь, ленивец, а я все пишу и пишу для тебя. — Вот тебе целая тетрадь бредней; они для тебя из пера выплыли, и с 4^о декабря писались в том наме-

воспоминания ее — исторический материал, из которого умелый литератор может создать более совершенное произведение: «В голове вертится многое, но писать, переписывать набело затруднительно. [Тем] не менее буду присылать к тебе материалы кое-какие, а ты сам или кто другой прикрасьте плотничного моего болвана. — Что ж ты ничего не пишешь мне ничего (sic! — А. К.) об Бреднях; говори правду, я никак не постою признаться, что они точно бредни. Ты согласишься, что писать не только мысли или воспоминания, но даже простое письмо требует простора не только сердцу, уму, дыханию, но даже локтям, рукам и ногам. Что-нибудь из них стесненное непременно переливается и на пишемое; а я вся стеснена обстоятельствами; как же думать, как чувствовать свободно».³⁰ К этому времени, по-видимому, относится черновой вариант повести «Роковое слово».³¹

Отдельные фрагменты «Моих бредней» писались, однако, до 1839 г. В 1838 г. Бартенев предложил, по-видимому, Хвостовой опубликовать «Бредни», на что она отвечала ему: «Зачем печатать марашки мои, друг мой? Я пишу про себя, про друзей моих. Не чувствуя себя в силах устоять против разборчивости века нашего, робею перед ней в невежестве моем и лучше хочу остаться в любезной неизвестности, нежели, подставляя медный лоб заслуженной критике, на старости лет сделаться посмешищем публики. Если тебя подстрекает непременно желание подвергнуть меня пересуду рецензий, брось что-нибудь в журнал для пробы, но, пока я жива, не производи меня в писательницы. Напечатать целую книжку марашек — претензия известности, а с меня достаточно быть известной одним друзьям моим. — Вот еще тетрадка. Так это историческая быль, попроси любезнаго Полевого обстругать мой чурбан, если он чего-нибудь заслуживает. Да что же ты мне никогда ни черно ни бело не говоришь об марашках моих? Хоть посмеялся бы надо мною Брамбесовым смехом, и то было бы ответ».³² Идее этой, однако, осуществиться было не суждено.

рени, чтобы после меня к тебе быть пересланы <...> но нетерпение женское вымучило из меня поспешить пересылкою. Мне казалось, что я тебя утешу; а как не хотеть утешить того, кого любишь! Однако, книга, названная Бредни, вся твоя, ибо здесь из нее только несколько выписок, а там и еще кое-что иное и недоделанное еще» (от 15 февраля; № 7. Л. 39); «За скорым отъездом Литова писать много некогда. Вот тебе портфель моей работы в доказательство, что я о тебе думаю» (от 8 июня; № 7. Л. 55).

³⁰ Письмо от 22 мая 1835 г.; № 7. Л. 51—51 об.

³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 1. Л. 47—50. Данная редакция отличается от печатной в первую очередь отсутствием вступления (от «Вот опять сказочка...» до «Семейная быль») и заключения (от слов «Вот тебе чурбан необтесанный...»). В печатном тексте появляется датировка повести: «1837. Апрель, на 75-м году жизни» (*Хвостова А. П. Мои бредни...* С. 18). Как явствует из повторения формулы о «чурбане» из цитируемого ниже письма от 14 июля 1837 г., датировка эта, по-видимому, более позднего происхождения.

³² Письмо от 14 июля 1838 г.; № 7. Л. 11.

Вновь к идее публикации «Бредней» Хвостова вернулась уже сама год спустя, и в связи с причинами вовсе не литературного характера. Следует отметить, что, потеряв собственных детей, Хвостова впоследствии неизменно имела при себе воспитанниц. Из них нам известны Елизавета Карпова (ум. 1815),³³ Вера Александровна Леонрод, в 1819 г. вышедшая замуж за Ф. И. Прянишникову; некто Кокорева,³⁴ Наденька,³⁵ Оля³⁶ и Саша. Последняя упоминается в письмах Хвостовой с 1834 г., и именно с ней связаны попытки Хвостовой опубликовать свои сочинения в 1839—1840 гг. Дело в том что в 1839 г. эта Саша вышла замуж за Николая Ивановича Гельмана — молодого человека, известного до того своим пристрастием к азартным играм, но при знакомстве с Хвостовой показавшим себя нравственно преобразившимся. Брак был заключен Гельманом, по-видимому, без благословения отца, и тот отказал ему в содержании. Летом 1839 г. молодые оказались в Петербурге, Гельман проиграл полученные им от Хвостовой деньги, и Саша оказалась в крайне бедственном положении, в связи с чем Хвостова написала Бартеневу: «Одно только остается средство, и на то помощь твоя нужна мне, друг мой. Соберем все мои марашки, переправя ошибки грамматические, и отдадим их напечатать, а потом вырученные деньги положим в капитал Саше, чтоб муж ее не знал, а проценты будем посылать ей по третям. Пусть трудовая копилка моя кормит и после смерти моей дитя!»³⁷

Следует сказать, что мера эта была действительно отчаянная: по недавнему собственному опыту Хвостова знала, как ненадежен доход от издания собственных трудов. Предприняв в 1833 г. из материальных соображений переиздание своих «Отрывков», Хвостова, несмотря на относительную незначительность потраченных средств³⁸ и положительную рецензию Н. И. Греча в «Северной пчеле»,³⁹ так и не смогла не только получить прибыль от этого предприятия, но и возместить убытки. Получив из полного завода (1200 экземпляров)

³³ См.: *Хвостова А. П.* 1) Письма Христианки... СПб., 1815. С. 127, 134—135; 2) Слава Богу! Слава Богу! // Сионский вестник. 1817. Ч. 5. Кн. 4. С. 106—112.

³⁴ См. письмо Ю. Н. Бартеневу от 20 янв. 1824 г.: «Я буду писать тебе перед отъездом о порученной тебе питомице моей Кокоревой» (№ 6. Л. 38).

³⁵ См. упоминание в завещании; письмо от 27 сентября 1830 г.: № 7. Л. 100 об.

³⁶ См. в письме М. А. Максимовича к Ю. Н. Бартеневу: ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 3. Л. 136.

³⁷ Письмо от 24 сентября 1839 г.; № 7. Л. 68 об. Полностью текст письма см. в приложении.

³⁸ См. письмо от 4 марта 1833 г.: «Придумывая, как бы пропитать старость мою при возрастающей повсюду дороговизне, я решилась подняться на спекуляции и послала в Петерб. к Смирдину *Камин* мой для напечатания нового издания. За 200 р. мне отпечатают онаго 1.200 экземпляров» (№ 6. Л. 114).

³⁹ Северная пчела. 1833. № 222 (2 окт.). С. 885.

на руки 500 экземпляров, она передала остальные 700 для продажи книгопродавцу А. А. Плюшару, который, судя по ее письмам, вряд ли сумел продать большое количество экземпляров. Во всяком случае еще в 1838 г. Хвостова писала Бартеневу: «В порыве любви некогда обещал ты мне похлопотать о бедном *Камине* моем. Его должно быть до 700 экземпляров у Плюшара. Постарайся хоть по 50 коп. сбыть их; хоть за отпечатанные выбрать 250 р., за них заплоченные, а ко мне пришли для раздачи экз. 50».⁴⁰ Поэтому желание вновь «подняться» на подобные «спекуляции» могло быть продиктовано только старческой привязанностью к воспитаннице и испытываемым перед ней чувством вины.

Наученная горьким опытом своего предыдущего предприятия, Хвостова решила изменить свой подход к получению дохода. Если прежде она предприняла издание на собственные средства и лишь затем задумалась о распространении («нельзя ли и в Костроме встретить книгопродавцу экземпляров сотню-другую, хотя с уступкою»;⁴¹ «Разведай, Бога ради, у Смирдина и Плюшара, куда девался мой Камин <...>. Поговори от меня Князю нашему [А. Н. Голицыну], не возьмет ли их за его слово [С. С.] Уваров для учебных заведений? Если и тут не удастся, то собери их, друг мой, и от меня поднеси даром Институтам Женским, состоящим под покровительством Госуд. Императрицы»;⁴² «Если бы можно гуртом продать их для рассылки по городам, я отдала бы по 1 р. каждый. Не поленись, дружок; авось хоть на похороны мои собралось бы хоть что-нибудь»⁴³), то теперь она решила действовать через подписку, избрав беспроигрышный в случае удачи вариант: «Добрый князь наш [А. Н. Голицы] по христианскому сердцу своему не отречется, я думаю, начать подписку с высочайшей фамилии, и тогда и царедворцы двинутся. Вдобавок и [Н. И.] Греч и [С. Ф.] Глинка мои доброжелатели. Не худо и в Москву послать такой же лист доброму [Н. А.] Полевому нашему».⁴⁴

Несмотря на то что предприятие это Хвостовой не удалось (с одной стороны, планы Хвостовой носили слишком уж прожектерский характер и Бартенев не проявил к ним интереса;⁴⁵ с другой — вскоре

⁴⁰ Письмо от 21 сентября (1838) г.; № 7. Л. 66.

⁴¹ См. письмо от 4 марта 1833 г.; № 6. Л. 114.

⁴² Письмо от 21 марта (1834) г.; № 7. Л. 49.

⁴³ Письмо от 22 мая 1835 г.; № 7. Л. 52 об.

⁴⁴ Письмо от 12 октября (1839) г.; № 7. Л. 70.

⁴⁵ Последнее решительное указание на желание Хвостовой издать свои сочинения относится к 3 февраля 1840 г: «Мне кажется, что тебе некогда заниматься марашками моими, а между тем время летит <...>. И для того чтоб облегчить тебя, друг мой, не согласишься ли, чтоб, оставя на мне ничтожное для меня бремя безграмотства, отвезти *Мои бредни* к Гречу, который когда-то в «Северной пчеле» отзывался обо мне превосходно. Он поймет, что женщина не профессор риторики и что сердце болящее или преисполненное не имеет время расставлять по местам *Ъ* и *е* или предлоги забытой грамматики. Ну пусть добрый Греч увидит, что я невежа; но сердце его узнает точки моего; и для меня, и для

Хвостова нашла более действенный способ раздобыть деньги: отравила Бартеневу на продажу фермуар стоимостью в 5000 рублей), идея издания сочинений вновь пробудила в Хвостовой память о ее писательстве, и она произвела, с одной стороны, переоценку всего своего творчества, а с другой — дополнила и переработала текст «Мои бредней».

Общий план издания описан Хвостовой в письме от 12 октября 1839 г.: «В разборе статей. Кажется, надо разделить на две части: пусть одна будет светская, а другая духовная; только отнюдь не перепечатывать *Писем Христианки*, которые так много соблазна наделали; пусть они забудутся».⁴⁶ Это разделение на светские и духовные сочинения особенно важно для оценки следующего замечания о плане издания, сделанного 8 ноября: «Я послала к тебе кучку марашек. Получил ли ты их? ... Будь же имя марашек моих *Мои бредни*. Но не ставь Бога для имя моего. Из Сион[ского] Вестн[ика] выбери статьи, напр[имер] *Слава Богу* в первую часть, а духовные — во вторую. Я хотела бы, чтоб и любезного Полевого письмо⁴⁷ поместить в первую часть».⁴⁸ Судя по этому указанию, к «светским» своим сочинениям Хвостова относилась собственные интроспективные произведения. Статья «Слава Богу! Слава Богу!» была опубликована в 5-й части «Сионского вестника»; она посвящена описанию истории духовного перерождения сочинительницы, обрамлена благочестивыми рассуждениями А. Ф. Лабзина, где указано, что автор статьи — «Писательница N. N.». С этой статьей непосредственно соотносится оформленная подобным же образом статья «Госпожи N. N.» в 4-й части журнала «О милосердии». По-видимому, в первую часть собрания сочинений должны были также войти «Отрывки», статья «Ты требуешь, друг мой, психологии жизни моей...» из альбома Ю. Н. Бартенева и собственно «Мои бредни», а во вторую — «Советы душе моей»⁴⁹ и «Письма Христианки» из «Сионского вестника».⁵⁰

Готовя для публикации свои мемуарные записки, Хвостова досылала Бартеневу оставшиеся в столе повести, а также новые варианты ранее отосланных. Уже 12 октября 1839 г. она писала: «Ты не успел

продажи *Бредней* этого довольно, и я умру спокойно <...>. Тебе Юринька, друг мой, поручаю важное психологическое дело это. Ты понимаешь, что в нем целая вечность моя заключается» (№ 7. Л. 13 об—14 об.). На него, судя по всему, Бартенев никак не откликнулся: «Что и о *Бреднях* слышно? Идет ли дело на лад? Пора, пора, друг мой» (письмо от 6 сентября 1840 г.; № 7. Л. 62).

⁴⁶ № 7. Л. 70.

⁴⁷ См. прим. 26.

⁴⁸ № 7. Л. 89 об.

⁴⁹ *Хвостова А. П. Советы душе моей, творение христианки, тоскующей по горнем своем отечестве.* СПб., 1816.

⁵⁰ Христианка [Хвостова А. П.]. 1) О трех молчаниях // Сионский вестник. 1817. Ч. 5. Кн. 5; 2) Второе письмо Христианки к приятельнице // Там же. Ч. 5. Кн. 6; 3) Письмо христианской писательницы к другу // Там же. 1818. Ч. 6. Кн. 9.

уже ответить на письмо мое, а я уж перешарила бумаги мои и посылаю к тебе найденушей. *Раздумье* и *Байрона* переправила; прежние (то есть *Навсегда* и *Байрона*) почитай не существующими». ⁵¹ 10 ноября было отправлено еще одно дополнение: «Я все еще люблю тебя по-стародедовски и в доказательство посылаю тебе целую книгу марашек, для тебя наваренных. Прежнее *Навсегда*, навеки ⁵² истреби; новое на досуге кое-как исправлено. *Письма русского* еще болван необтесанный, но закваска — точная быль и, может быть, искусной рукой исправленная, могла бы быть чем-нибудь путным. Третья тетрадка, *Пирушка деревенская*, тоже быль, которой я была свидетелем». ⁵³ Наконец, 22 декабря был послан последний материал: «Посылаю к тебе, Юрьинка, друг мой, еще отысканную в сору, *Челуху*. ⁵⁴ Не ручаюсь, достойна ли она хоть копейки, но она когда-то родилась, как Минерва, из мозга моего; тем более что свидетельницу бывала московскому быту, описанному мною. Кажется, что я уж весь скарб свой вытрясла тебе. В веселое время бывали и думы веселые, но теперь положение бедного Николая [Гельмана] мучит меня несказанно». ⁵⁵

Из этих указаний можно сделать предположение о составе ранней редакции «Моих бредней» — пьесах, отправленных в 1835 г. Бартеневу. С уверенностью можно говорить о том, что в нее входили несохранившийся отрывок «Навсегда, навеки» («Раздумье»), ранняя редакция «Байрона», «Незнакомый. 1834-го года» и «Роковое слово». Следует отметить, что в публикации П. И. Бартенева все эти главы находятся в первой части текста, все же новые сочинения — «Пирушка деревенская», «Письма молодого русского» и «Глупости» — во второй. Исходя из этого, с большой долей вероятности можно предположить, что в первую редакцию входила и «Быль» о сыне контр-адмирала Борисова и его невесте; время создания «Ковылы» остается спорным. Рассматривая, таким образом, «Мои бредни» с точки зрения хронологии, следует заключить, что вначале Хвостова отправляла Бартеневу интроспективные фрагменты, повторяющие по стилю «Психологию жизни» из его дневника («Байрон»,

⁵¹ № 7. Л. 70.

⁵² В опубликованном П. И. Бартеньевым тексте «Моих бредней» отсутствуют озаглавленные или начинающиеся со слов «Навсегда, навеки» или «Раздумье».

⁵³ № 7. Л. 75.

⁵⁴ По-видимому, два анекдота, помещенные в опубликованном П. И. Бартеньевым тексте под названием «Глупости».

⁵⁵ № 7. Л. 83. 16 ноября была отправлена еще одна часть «Бредней»: «Не в силах переписать, и потому вчерне посылаю тебе, друг мой милый, новое изделие мое. Чего не прочтешь, так догадаешься. Писать уже тяжело, дни коротки, а вечера глаза портят» (№ 7. Л. 76). Судя по указанию на «тайность» посланного, указание это может относиться к отрывку «Досуг», посвященному истории о духовидении, рассказанной Хвостовой ее свекром.

«Незнакомый»; «Навсегда, навеки» (Раздумье), судя по заглавию, также должно относиться к этой группе), и лишь какое-то время спустя перешла к написанию беллетризованных воспоминаний: сперва исключительно нравоучительных («Быль», «Роковое слово»), а позже и откровенно развлекательных («Деревенская пирушка», «Глупости»).

Несмотря на то что «Мои бредни» не появились в печати, Ю. Н. Бартенев, по-видимому, способствовал их рукописному распространению. Так, Е. А. Штакеншнейдер оставила свидетельство, что в 1858 г. на вечере в доме Ф. Н. Глинки была прочитана повесть «Роковое слово». ⁵⁶ Именно от Ю. Н. Бартечева получил рукопись опубликовавший впоследствии «Мои Бредни» П. И. Бартенев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Выписка из журнала [Г.-Я. Шредера]

Человек был прежде назначен к падению, чтоб сделаться выше всех ангелов.

Без натуры нельзя обрести мудрость, но без химии можно.

Велинг фальшив, Иоган Дипадуа чисто учит.

Ни призывание духов, ни златоделание не есть предмет мас[онства].

Пифагор принял буквы фило в греческую азбуку. Сии четыре иероглифа стояли над всеми египетскими храмами.

Иероглифы церкви и мас[онства] одинаковы.

Чувствительные люди должны иметь чувствительные изображения к возбуждению искать мудрость.

Поелику мудрость так близка, то люди не находят ее, и, полагая ее в отдалении, перескакивают через нее.

Бог в центре, а человек в периферии.

В мас[онстве] не должно искать мудрости; оно есть только столповая верста.

Человек у человека не может научиться мудрости, един учитель Бог.

Мас[онство] не есть ни религия, ни христианство.

Истина не может приведена быть в систему; однако ж спекуляция (умозрение) для обретения ее нужна.

Покуда не получишь в с[у]ть таких чувств, каких нельзя изъяснить, то еще не близки[и] к истине.

⁵⁶ Из записок Е. А. Штакеншнейдер // Русский вестник. 1904. № 5. С. 125.

Н. желает не рыцарского ордена, но таинств природы, которые, однако ж, на Христе основаны должны быть.

Наставник в Берлине Вельнер; Теден и Сольмс — великие братья.

Верно, Бог намеревает совершить нечто великое с Россиею, но мы не должны сего попирать ногами чрез нерадение. — Может, Россия будет главною директориею. — Первое правление для братьев перевести из великаго мира в Россию.

О женщинах

Женщины должны быть⁵⁷ вне всякого соединения с орденом. — Вообще счастливее бы было никакой связи с ними не иметь. Должно оную ограничивать, а не распространять.

Состав жен не есть для магических работ. Чистота отпадает, однако ж посылается история княгини к наставникам.

О церкви

Орден есть первая апостольская церковь и был оною почти до третьего Па[пы]. — Леон папа отнял магические [зна?]ния от церкви и отдал их вел[ик]ому Ордену обратно, — чрез то она стала Вавилоном. — Греческая по разделении оставалась лучшею, она более с орденом имеет корреспонденции, однако ж, нет более таинств ни в какой церкви, но отняты вышнюю магическою властью и силою.

Вероятно, орден имеет еще в католичестве свое главное пребывание.

Великий орден до отделения обеих церквей всегда пребывал между первыми настоятелями оных, но потом отвлекся от оных; однако ж Греческая церковь не так совсем отставлена была от него, как католическая.

Орден не есть секта религии, но священство Иисуса Христа.

Маг магов всегда видит Иисуса Христа так, как один ч[ел]овек другого.

Общество Етингера, имеющее Урам и Тумим, пребывает в [Гол]ландии.

Хотя путь орденский есть с[ам]ый кратчайший, но мы до него [е]ще не дошли.

Симсон думает, что [е]ще раз истинное мас[онство] придет из Тибета; Рич, напротив того, думает, что оно опять придет из восточной России.

1635. в Аравии нашли самаританскими буквами и разными знаками на сирском языке

Q U 10

B W 20

⁵⁷ После *быть* зачеркнуто: *исключены*.

Лествич говорит, что из России верно будет нечто, если только они будут скромны.

Я сказывал, что русские не любят химии, охотники до мистических книг. Вельнер говорил, что не должно все мистически изъяснять, но химия лежит во основании.

Магия учит в 8м градусе священный огонь ру[к]ами осязать. Я сказывал, мы э[то] все мистически изъясняем; он говорил, что есть и то и другое, что в одном есть возрождение души, то в другом тинктура.

Мн[огие] думают, что русские суть иудеи. П[о] преданиям, 10ть потерянных колен пошли за Черное море.

90 псалом, *Живый в помощи* и пр. есть орденский. Когда поутру⁵⁸ с благоговением на коленях молят по оному, то он защищает от в[с]ех опасностей магически. Это тайна, сообщенная от отца к сыну в семилетнюю прусскую войну.

Наступили времена, в которые *какомагия*, т. е. злая, берет верх, потому начальники наши научили⁵⁹ знать опасное оная и предостерегли.

Шрепфер *какомаг* погиб бедственно.

Говорят, что неизвестный почти Тибет населен древними христианами.

Кого схватит внутренний огонь, а наружный к тому не придет, то сделается *какомаг*, а когда наружный огонь⁶⁰ при внутреннем, то это сходно с христианством.

Только розенкрейцер может понять истинное покаяние водою и духом по аналогии, когда он знает соединение высшего с нижним, наружного с внутренним.

Человек мож[е]т обладать своим телом, дух к душе обратить.

Эли издатель Лодоика.⁶¹

ИРЛИ. 32543/ССХLVI6 28. Л. 15—17 об.

Находящаяся в бумагах А. Ф. Лабзина «Выписка из журнала» записана А. П. Хвостовой на бумаге 1802 г. и представляет собой перевод с немецкого отдельных фрагментов из дневника 1784 г. Г.-Я. Шредера (см.: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 216—223, 226—231). Перевод выполнен, по-видимому, Хвостовой самостоятельно, о чем свидетельствует правка, заменяющая неудачный вариант перевода удачным. Первая часть «Выписки» — преимущественно последовательный конспект первых записей дневника (до 221 страницы по публикации Я. Л. Барскова); начиная со слов «Орден не есть секта религии...» — разбросанные конспективные выписки из различных мест дневника.

⁵⁸ Перед *поутру* зачеркнуто: *что-нибудь его по утру.*

⁵⁹ Перед *научили* зачеркнуто: *показали нам.*

⁶⁰ После *огнь* зачеркнуто: *при том (?)*.

⁶¹ В подлиннике: *Ely ist ein Verfasser des Zadeyk.*

2. Прошение в Комиссию для рассматривания прошений московских обывателей. 10 августа 1813 г.

В Комиссию, по высочайшему повелению учрежденную, для рассматривания прошений обывателей московских столицы и губернии, претерпевших от неприятеля разорение действительного статского советника и кавалера Дмитрия Семенова сына Хвостова жены Александры Петровой дочери

Прошение

Муж мой имел в Москве Арбатской части 4-го квартала деревянный огромный дом с разными большими службами, холодным строением, фруктовым садом и двумя оранжереями, доставшемся (sic! — *А. К.*) ему от родной тетки его девицы Анны Николаевны Матюшкиной в 1804-м году. Сей дом (по домашним сделкам мне в вознаграждение за принесенное мужу моему в жертву пособие долгам его приданому моему) был у меня под запрещением, и, принося нам 4500 р. ежегодного дохода вместе с пропадающею ныне в партикулярных руках в 12 000 р. подмосковной моей, составляли единственное имение мое и надежду.

Дом неприятелем сожжен со всем имуществом: мебелью, хозяйством, библиотекою моею и даже гардеробом и бельем, незадолго до вторжения врага мною там оставленными. — Считая дом по самой умеренной цене в сумму 35 000 р., кроме означенного движимого имения и устройства оранжереи, убыток мой превышает сумму 65 000 р., и для меня тем чувствительнее, что нигде уже ничего не имею.

Муж мой, продолжая беспорочно более 30 лет службу как в военном, так и в штатском звании (о чем формулярный список имеется в Герольдии), получая только 750 р. жалованья, как по обязанности службы своей, так и по стечению разных несчастных случаев не имея времени заниматься хозяйством, задолжал более 400 000 р., проживая здесь на малом и едва на наем квартиры, соответственной званию его, жалованья. За неплатеж долгов его ныне имение его назначено с официального торга к продаже, и последний срок оною текущего года сентября 17-го дня. Обращаясь с покорною моею просьбою в учрежденную Комиссию, прошу благоволить рассмотрением несчастной и безвинной моей гибели, и, вникнув на горестные обстоятельства мои, под старость лет моих ниже убежища мне не оставляющих, назначить мне вспоможение для выкупу вышеозначенной подмосковной моей.

В ожидании сего пособия полагаю твердую надежду, что я не всего лишилась, если всепокорное мое прошение доведено будет до милосердного воззрения всеавгустейшей государыни императрицы Марии Федоровны как милосердой покровительницы разоренных и несчастных.

Действительного статского советника и кавалера Дмитрия Семенова сына Хвостова жена Александра Хвостова

Сего августа 10-го дня

1813-го

С. Петербург

РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 41. Л. 71—71 об.

Прошение написано в созданную в 1813 г. в Москве Комиссию для рассмотрения прошений лиц, потерпевших разорение во время войны 1812 г.; между тем оно сохранилось в делах не Комиссии, а благотворительного общества, созданного в то же время рядом частных лиц (в т. ч. А. Н. Голицыным) под высочайшим покровительством — Сословия попечителей призрения разоренных (о деятельности этих учреждений см.: Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии для рассмотрения прошений обывателей Московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского // Москва в 1812 году. Мат-лы науч. конф., посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1997. С. 45—51; Соколов А. Р. Российская благотворительность. Исторические исследования. СПб., 2005). Судя по пометам на прошении, именно благодаря посредству А. Н. Голицына 31 октября 1814 г. по этому прошению Хвостовой было выдано 3000 р. (средняя сумма для пособий, выдававшихся Сословием).

Из всех известных сочинений, прошений и писем Хвостовой имущественные отношения ее с мужем описаны здесь наиболее подробно (см. также коммент. к № 5); в качестве сравнения можно привести ее прошение на имя Д. П. Троицкого о покупке казной ее крестьян, написанное в марте 1804 г.: «Получа <нрзб.> бумагу касательно дела моего, по приказанию Вашему, с поспешностью имею честь препроводить к вам оную. Взываю ко всем добродетелям души вашей о скорой помощи. — Если бы я могла обнаружить пред вами все то, что тягчает и гнетет сердце мое, сострадательное сердце ваше само бы к облечению судьбы моей подвинулось; не страдать <нрзб.> горести свои есть долг многих; и так примите благосклонно молчание мое, слезы и неотступную мою к вам просьбу» (РГИА. Ф. 515. Оп. 7. № 11. Л. 31). В 1796 г. крестьяне (кроме одного дворового) были Хвостовой заложены Н. М. Походяшину, к которому в 1797 г. из-за невыплаты долга по заложу перешли права на них; между тем в 1802 г. Походяшин отказался от своих прав и разрешил Хвостовой продать крестьян в казну. Дело затягивалось; из документов о нем видно, что в его разрешении значительную роль сыграл А. Н. Оленин, в июне 1805 г. рекомендовавший казне приобрести крестьян не по 130 рублей за душу, как ходатайствовала просительница, а по 140; в итоге в 1807 г. они были приобретены по 180 р. за душу (Там же. Л. 98—99, 204—205).

3. [Исповедальный дневник А. П. Хвостовой за август 1817 г.]

Искупите время (sic! — А. К.), яко дние лукавы суть. Я сердечно хочу исправиться, чувствуя, что я век в суете, знаю, что я болтлива, легкомысленна, то есть движемыслима, так сказать, ибо с трудом могу остановиться на одной мысли, даже и на самой лучшей для сердца моего. Сверх того, я подвластна похоти очень, ибо всего хочу, что глаза видят, и слабость сия простирается даже на духовное и нравственное. От невоздержания языка часто говорю не точную правду, убавляя или увеличивая. Итак, я и лжива. Хочу исправиться, молю единого, всесвятого Господа моего Иисуса, в нем же не бысть <нрзб.> подать мне, убогой, свет разума своего и силу! Ей, Господи! услыши мя, помоги маловерию моему и сделай меня яко хочешь и можешь! — Аминь.

Погрешности мои⁶²

Августа с 1 числа 1817.

Сегодня не болтала, следственно и не лгала, может быть, потому что была весь день одна,⁶³ но мысли носились, как безумные, из худого в хорошее, ничего не предопределяя ни в том, ни в другом; следственно, от бытия сегодняшнего мне осталось только то, что я заметила в себе, что ловлю бабочек и сердечно о том вздыхала к Господу.

Похоть очес бросилась на кусок кисеи, на желание письменного столика.⁶⁴

2-е число провела почти одна; занималась, читала, но мысли были подвижны и, хотя пленялись Эккартсгаузенем, но едва могли на чем останавливаться. В вечеру собрались друзья, я слушала, но какая-то жидкость в мозгу моем делает меня беспокойною помнить подробно; одно сердце только принимает слышанное и удерживает лучше, нежели разум, но сердце мое так лукаво, могу ли когда в чем поверить ему?⁶⁵

3-е число. Оскорбила двух бедных, жестко отказала им писать за них к знакомым; чувствовала боль и раздирание совести за злобу мою, и оттого тот же день дважды солгала себе приметно и несколько раз увеличивала и прибавляла — что тоже ложь. Боже, не остави меня и не презри самой себе ненавистную, подай мне свет свой

⁶² Примечание на полях: *и раскаяние и, по силе немощи, исправление.*

⁶³ Примечание на полях: *Можно иногда и одной себе лгать.*

⁶⁴ Примечание на полях: *откажу себе в обоих; слава Богу на том; он, милосердый, помог мне и заметит даже мою похотливость.*

⁶⁵ Здесь в тексте добавлено: *NB; на полях примечание: А я бы Вам советовал слушаться одного только сердца, глядеть всегда в него, а с разумом хоть и совсем разума лишиться покуда; глядеть в сердце больше простым вниманием, нежели рассуждением.*

святой и клятвенную тьму мою прогони лучем благодати Твоя, о Иисусе! яко Ты есть упование мое!

До 9-го числа ни к чему не была способна, не было сил даже приняться за Св. Пис. по обыкновению; кости распадались, и все бытие, как воск, таяло. В нужде и бедности моей открылась ввечеру наставнику и брату; друг дал записочку, и я исполнила верно и усердно приказанное, ложась спать.

10-е число прошло все в суетах: с утра и целый день были гости,⁶⁶ и я едва могла найти часа два время привести на память записочку. Друг приказал покинуть все книги и начать Арндта. Исполню и всячески стараться буду о исправлении себя, сердечно призывая в помощь Господа Иисуса.

11-е число. Текст. К Кор. 2 посл. Гл. 6; ст. 16. Кая часть вернаго с неверным, то кое сложение церкви со идолы; вы бо есте церковь Бога живаго, яко же рече Бог (у Моис. 26 гл. ст. 12) Яко вселяя в них и похожду, и буду им Бог;⁶⁷ и тии будут мне людие; тем же изыдите от среды их и отучайтесь, глаголет Господь, и нечистот не прикасайтесь, и Аз приму Вы.

Предмет.

И се завтра церковная раздрая и пр. и пр.

И сегодня пустые люди и пустые мысли тревожили меня и развлекали, но кажется, однако, что я поспокойнее духом, то есть способнее была, хоть и дурно и редко, но возвращаться в себя понемножку. Впрочем, все во мне, даже и я сама себе ложь и воображение.⁶⁸ Текст не выучила наизусть и о предмете дурно рассуждала, извиняя себя помехами, но и это ложь.⁶⁹

12-ое

Текст. Тако глаголет Господь: Се Аз полагаю во основание Сиону камень многоценен, избран краеуголен, честен, во основание ему, и веруай в он, не постыдится.⁷⁰

Предмет

Рождество Предтечи

Я была у обедни, молила усердно Господа моего подать мне помощь от святыни своей;⁷¹ ложась спать вчера и третьего дня, совести-

⁶⁶ Примечание на полях: *Какие гости могут помешать, когда мы сами в порядке и ограждены скромностью? Впрочем, это есть дело весьма уже успевающих.*

⁶⁷ Примечание на полях: *Исаия и Иеремия и Апокал.*

⁶⁸ Здесь в тексте добавлено: *NB; на полях примечание: В этом все, как будто, согласны с Вами.*

⁶⁹ Примечание на полях: *Желательно, чтобы такие признания были всегда от сердца, а никогда от воображения и разума.*

⁷⁰ Примечание на полях: *Исаия Гл. 28 — ст. 16.*

⁷¹ Примечание на полях: *Надо прежде самой совершенно изнечь в борьбе, а потом просить о помощи. Как же Бога просить о помощи, сам с места не двигаясь.*

лась и упрекала лукавое сердце мое, что я отвернулась от обычая говеть в пост сей. Расспрашивала у Господа моего⁷² и у себя самой, не новый ли это знак новой негодности во мне, ужасалась, что, может быть, исхолождение сие есть падение во мне духа и одоление надо мною врага Божия, но, тосковав немного, подумала: ведь Иисус, мой Господь, видит и немощь мою, и желание: не Ему ли отдала я все себя навеки;⁷³ ну как он, милосердный, изволит, а мне, собственно, для себя какая надобность быть чем-нибудь; пусть я окаянница, лишь бы была Иисусова, а Он ведает, что я Его, всею волею Ему одному принадлежу;⁷⁴ Он за меня безгрешен, свят и непобедим, следственно, и я в Нем безопасна.⁷⁵ Помолясь, легла спать, и поутру пошла к обедне. Реша с собою и Господом моим разговор о говении, я и не думала более ни об чем, как любить Его, глядеть на него прилежно, сколько могу, по немощи моей и наблюдать наставление, данное мне земным другом моим.⁷⁶ За обедней сердце стало разогреваться: я почувствовала знакомое, но давно что-то неоощущенное мною прикосновение Иисуса, божественного моего друга.⁷⁷ Запели Иже херувинскую, и я радостно бросила себя на алтарь всесожжения. Ну, друг мой и Господь, говорила я себе и Ему, сожги меня поскорее и прими в жертву благоволения — радостного удар умерщвления сладостного отвечал речи моей;⁷⁸ я умирала и воскресала под ножом небесным и восхитительным, меня заколающим. О, любве жестокая, венец всесвятой, непорочный, кроткий! Откуда в тебе коварное любление Твое? Для чего же Ты, о Иисусе, тут не совсем изжег меня на радостном алтаре заклания толь любезнаго? О, радость, жизнь, дыхание, любовь и печаль благороднейшей части бытия моего, хотя и нижняя, падшая, столь подла еще, столь тяжела, столь неподвижна. Ты знаешь то, о Иисусе Боже, желания моего, Ты знаешь, что я духом моим в Тебе живу,⁷⁹

⁷² Примечание на полях: *На это есть совесть. Мы должны со величайшим благоговением прибегать к Господу, да и то в самых крайностях, а не как бы в шутку и в забаву себе приступать к Нему.*

⁷³ Текст от *не ему ли до навеки* подчеркнут, в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Как бы желательно, чтобы вы изволили вникать в смысл употребляемых вами слов.*

⁷⁴ Текст от *Его всею до принадлежу* подчеркнут, в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Кажется, к словам всею волею гораздо справедливее присовокупить: по воображению и пр.*

⁷⁵ Примечание на полях: *Прекрасное заключение! О чем же большие и хлопотать!*

⁷⁶ Е. Г. Хиляевым.

⁷⁷ Здесь в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Поздравляю! Едва ли кто другой и верным слугою Его считает себя, а вы уже и в друзья попали. Так-то все делается, когда воображение дает патент.*

⁷⁸ Т. е. в прямом порядке слов: удар радостного сладостного умерщвления отвечал моей речи.

⁷⁹ Слова *Ты знаешь, что я духом моим в Тебе живу* подчеркнуты, на полях примечание: *Едва ли и знает в утвердительном смысле.*

Ты знаешь, что пришельствую здесь и борюсь с непокорным Тебе еще и бунтующим против Тебя и меня телом моим. Я не о себе, но о Тебе едином в себе стражду⁸⁰ и изнемогаю; право, мне не в силах уже бороться с собою. Вступись же Ты, о Боже мой, за Себя самого во мне. Ты победил смерть, о, Иисусе, ужели подлое и гнущее тело мое ожесточеннее и самого ада? Вступись за славу Твою, вступись за Твою и мою любовь, непрестанно поругаемую во мне. Иисусе, я вся Твоя, прогони же и во мне все то, что не Ты. Мне показалось точно, что Спаситель мой меня услышал, я чувствовала, что и я недостойною общницей была трапезы агнчей, и, возвратясь от обедни, вошла к себе в комнату, как колодник, которого водили по городу собирать милостыню, с деньгами, но в тюрьме, ибо ту минуту осыпали меня домашние стены тюремные. Собаку мою загрызли,⁸¹ пришли горькие и бедные со слезами, а потом скучные с пустяками, и так от мира моего, от брака, от трапезы осталась только любовь и надежда — буди благословенно, сладчайшее исполнение желаний вечного духа моего; о Иисусе, Ты блеснул, прикоснулся и исчез для тела моего чувственного, но там, там, где Ты живешь, бессмертная память моя, и там мы найдем некогда с Тобою то чувство, которым жили вместе и одним мгновенным дыханием за обедней сей святые сердца наши;⁸² ибо я в Тебе чувствовала себя Тобою. Алилуя Тебе, Богу желаний и любвей, Алилуя Тебе, о Иисусе Сыне Божий.

Пятница, утро

Сегодня узнала я, что я верно колодец бездонный, в котором, верно, кроются гадины нечистые, хотя я их и не вижу еще; во мне нет никаких добродетелей постоянных, потому что оне все нарисованы только во мне, но ни одной нет в сущности, потому что ни одной истинно никогда не растила. Зла в себе не вижу потому только, что оно лукавее меня самой и завивается в мою оплошность.⁸³ Вчера старалась ловить себя и узнала по крайней мере, что хотя весьма тяжело бегать за собою и догонять себя, но по крайней мере сие не невозможно. Стараться буду и сегодня, и всегда, ибо твердо предположила держать о Господе; но сил и света еще в себе не вижу и раз

⁸⁰ Слова от *Я не о себе до стражду* подчеркнуты, на полях примечание: *Полно, так ли?*

⁸¹ Слова *Собаку мою загрызли* подчеркнуты, добавлено: *NB*; на полях примечание: *И это расстроило ту, которая во Христе только живет, о нем только борется и страдает? Ах, если б мы хоть понятие имели о жизни во Христе и страдании о Нем! Понятие существенное, сердечное, а не ветром в воображение наше влетаемое.*

⁸² Слова *святые сердца наши* подчеркнуты, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Вы, право, трепет на меня наводите. Помилуйте! Вникайте в слова ваши.*

⁸³ Здесь в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Нет, не потому, а потому что Вы верно изволите смотреть все из себя, а не в себя.*

два поймала себя, что засыпая физически, в себя оборачиваясь — писав сие, увидела в себе змейку, пришло на ум лукавства моего, что Егор Гаврилович⁸⁴ похвалит мою записку и даже и другим скажет, что я хорошо иду. Боже мой! Куда от себя деться, помоги, о, Иисусе!

Полдень. Оконча страницу, я опять в себя заглянула. Боже! какая там скорбь, тоска, бессилие, неспособность даже двинуться; между тем мысли вырывались поневоле; но я прилежно их отгоняла и внутрь себя оборачивалась. Наконец началась внутри меня молитва, дух плакал ко Господу и просил помощи у Иисуса. Тут пришло мне, не знаю точно — в ум или в сердце — как я много обязана тебе, друг мой, что ты раскрываешь во мне способность, которая была во мне мертвая. В то же время пришла на мысль досада некая на Алек..... Фед.....,⁸⁵ для чего он прежде во мне не раскрыл этих способностей, но тут вдруг отвечало мне что-то, что благодетель мой не ты и что ты орудие только благодеяния; что ж до Ал..... Фед..... касается, это осуждение во мне есть гордость моя только. Сердце обрадовалось этой мысли, и я узнала в ней тот милый голос, который я отогнала от себя моею рассеянностью и самоспасением; мне так сделалось легко и так сильно в себе вдруг почувствовала, что немедленно зареки всю себя торжественно навеки сладчайшему крестноносцу Иисусу и пути его крестному, как бы вскочила с места души моей, чтобы за Ним следовать, но, о горсть! — движение сие было мгновенно, ибо лишь только я хотела схватиться за крест, я оборвалась и упала. Вот, где я теперь.

Вечер — еще хуже был дня; я не имела почти время заглянуть в себя. Нашли со всех сторон бедные. Во-первых, я от этого пришла в досаду,⁸⁶ во-вторых, вынужденная будучи помочь им, почувствовала, что считаюсь с собою деньгами, и так и гнев, и скупость во мне появились, а я считала, что во мне нет уже почти гнусных пороков. Что делать, Боже мой! Что делать посреди такой мерзости и самоневедения. О, Иисусе, един безгрешный в теле греховном моем обитающий, пробейся Твоею силою сквозь меня, прокаженную. Ты теперь сошел в ад души моей, изведи душу мою воскресением Твоим из темницы моей исповедаться имени Твоему.

Я ничего сегодня не читала и ни к чему охоты не имела; что это значит?⁸⁷ Сегодня Бемов день, но и глядеть на него не хочется. Трепетание сердца и сегодня показывалось при возвращении в себя.

⁸⁴ Здесь в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Чувствительно благодарю за откровенность, подлинно честную.*

⁸⁵ А. Ф. Лабзина.

⁸⁶ Слова *пришла в досаду* подчеркнуты, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Вот уж из И. Х. и в досаду пожаловали.*

⁸⁷ Примечание на полях: *Причина всему этому в Вас, следствию Вам же и поглядеть в себя.*

Суббота утро. Внутренний разговор начался концем разговора вчерашнего. Я спросила, отчего во мне такие противоречия и как, получа такие великие милости Господни, каково то милосердое прощение грехов, которое во мне только память болезненная нанесенных мною Богу моему оскорблений, я так не исправлена, так разделенна, и корень всего седмиглавного змия ношу в себе: вот что я в себе открыла. Я вся прелюбодеица, прелюбодеяна была телом, прелюбодеяна душою, прелюбодеяна духом. Прелюбодейство сие — главный порок мой, и в нем и из него все прочие змеи питаются, когда Спаситель простил, так милостиво карая грешницу, на путь истинный любовно ее греховностью нападающую, Спаситель простил ей прелюбодеяние телесное, и Евангелие, останавливаясь торжественно на отпущение греха ея, то есть любви ложной, в истинную любовь вместившуюся, скользит на остальное ее исправление и не упоминает, каким образом изгнаны из нея семь бесов; и во мне Господь отпустил⁸⁸ милосердием своим отступление от любви телесной, и потому я жалею и радуюсь, что была такая грешница. Но правда Его требует, чтоб я разрешилась и от прелюбодеяния и других двух товарищей моих, а потому мне показывают теперь ежечасные прелюбодеяния души моей, дабы я способно сделалась вглядываться в прелюбодеяния духа моего и наконец вынести полноту света истинного. — Теперешний переход мой всех переходов труднейший, ибо душа в существе своем и окромя моей подлости прелюбодеица древняя. Спаситель мой Милосердый сорвал⁸⁹ с меня из милосердия вечнаго телесную скверну греховную, но одежда души моей от моего только содействия и внимания мне выработаться может. Помогайте мне, друзья мои, а мне кажется, что я в другом смысле сказать могу от всей души моей: *готово сердце мое Божие, готово сердце мне.* — Здесь представился мне живо процесс перехода моего из тела в душу; мне кажется, что мне легче, чем тогда было, хотя теперь мне так же совестно разделенное мое, как тогда греховное мое телесное состояние. Но тут еще странность выходит: тогда все за меня милосердие делало, а здесь я сама должна выработывать, чтоб из души моей прелюбодеянной выступить; и так мне, с другой стороны, тяжелее. Разрешитель, всесвятый Господи Иисусе, помоги мне, бедной твари твоей, посреди обилия щедрот твоих, в нищете моей изнемогающей,⁹⁰ дай мне новые очи духа глядеть прилежнее в душу мою. Я всего в себе боюсь, ибо вижу, что я сама для себя воображение.

⁸⁸ Слово *отпустил* подчеркнуто, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Сделайте милость, будьте поосторожнее в словах и мыслях. И других случаев весьма много, чтобы прославлять милосердие Божие, а подобные пусть послужат к прославлению долготерпения Его.*

⁸⁹ Слово *сорвал* подчеркнуто, добавлено: *NB*; на полях примечание: *То же.*

⁹⁰ Примечание на полях: *Вот это дело. Дай Бог, чтоб это выходило из сердца и вкоренилось в нем.*

Хотя Спаситель мой изрек телу моему: отпустятся тебе грехи твои,⁹¹ но мне кажется, что мне прощены только те грехи, о которых я прибегала к его милосердию, ибо греховное мое тогдашнее состояние, муча совесть мою, не позволяло мне рассмотреть, что во мне множество и других мерзостей скрылось. Теперь я вижу, что злое дерево милосердием уничтожено, что спасительное сие посечение как бы самое меня от земли проклятия приподняло, но отпрыски злого дерева, о которых я не умолила в неведении, достигают до меня, где я есть, и, как гады, входят в душу мою, они не в духе души моей, но как бы в теле ее, ибо умные очи духа⁹² мне их показывают, благодаря Спасителю, ибо один Он может и мог позволить мне видеть сие. Помогай почаще мне, о Иисусе, сила моя и Бог мой.

Полдень. Еще новая нить к самопознанию; мне увиделось вот что: я была в младенчестве моем чрезвычайно зла и упряма, кусалась няню мою и потом бросалась на пол, уверяя, что она меня прибила, следственно все свойства ада были во мне с младенчества. Милующая меня десница не хотела меня оставить в пропасти, но от злобы перевести не могла в любовь, иначе как прожив, так сказать, через любовь скотскую, к аду более, нежели к раю прикосновенную, — скотская любовь перетопила во мне злобу адскую, и так самый грех мой было орудие милосердия милующего, а потому отпущение⁹³ во мне спасительного орудия моего очищения есть правда Божия,⁹⁴ и оттого, без всякой над собой работы, иной как любви, получила я разрешение от Того, кому единому и честь, и слава победы, и вечное поклонение подобает в века.

Та же пятница⁹⁵

Отправляя к тебе, друг мой, журнал мой, я ходила по комнате, как сумасшедшая, бросалась в ноги Спасителю моему милосердому и понимала, как ангелы поют: свят, свят, свят. Агнец Божий, от века и на моем кресте пригвожденный, слава Тебе! Я бросилась пред распятием молиться, и мне велено было дважды пасть ниц, восклицая трижды: Аллилуя. Я, исполняя от души моей приказание, спросила, для чего дважды, а не более поклониться мне велено, мне сказали: раз за ангелов (или ангела) и раз за человеков (или человека) — не вслушалась от радости. Я спросила: какое ж во мне сердце Иисусо-

⁹¹ Примечание на полях: *Сделайте милость, объясните, из чего вы это взяли.*

⁹² Слова *умные очи духа* подчеркнуты, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Вот, уже в вас и очи духа открылись!*

⁹³ Слово *отпущение* подчеркнуто, добавлено: *NB*; на полях примечание: *Опять!*

⁹⁴ Примечание на полях: *Признаюсь, что чем внимательнее читаю записки сии, чем более я об них думаю, тем недовольнее состоянием вашим, ибо все доказывает, что они почти совсем суть плоды одного только воображения и рассеянности, весьма опасных.*

⁹⁵ Так в подлиннике. Следует читать: «суббота».

во? (ибо я не умела иначе выразить мысль мою). Мне отвечали: то, которое он имел по воскресении тогда, как вывел души праотцев из темницы. Теперь я поняла тотчас, что и передний ум наш — ум Христов, но тут остановили меня и не позволили идти далее. Я спросила: этим ли сердцем я люблю друзей моих? Мне отвечали, что всякое другое сердце есть ненависть. Я так устала от чувства моего, что сон клонит меня, но вспомнила сон адамов и испугалась засыпания моего. Сяду читать, ибо падаю от сна.

Лишь только было я расположилась блаженствовать, как вдруг скорбный какой-то голос внутри возопил псалом: *Боже. Боже мой, вскую мя оставил еси, далее от спасения моего словеса грехопадения моего.* Я изумилась, и хотя внутри глубины мирно, но поверхность души встревожена. Боже мой, что это значит? Не все ли это мечта? Я изумляюсь, и сон более еще клонит, но сон адамов все представляется; не хочу думать о себе, а примусь за Евангелие.

Евангелие открылось на Марка последние две главы — слова Спасителя на кресте: *Боже, Боже мой вскую оставил мя* — сии отдалась в сердце моем. Я как бы почувствовала, что вся эта глава ко мне относится и для того мне раскрылась. *Сниди со креста* — также ко мне приложилось; потом непременно велено было читать и следующую главу. Я почувствовала, что камень, о котором думали мирноносицы, была та тяжесть, которую перед этим чувствовали, и что Ангел Господень показывает мне, что он отвален от гроба. Тут как-то я сама перенеслась будто в воскресшего Господа и как бы с ним воскресла, потом при слове Спасителя: *идите проповедуйте* — опять из него перешла в апостолов духом и слушала, как бы мне самой говорил Он свои приказания. Боже мой! Я всегда слышала в себе голос сей: *«идите, проповедуйте»*, но боялась обмана в себе — и своего, и лукавого; теперь снова то же чувство нахожу в себе — *идите, проповедуйте*. Что заключить из сего и чему верить?

Воскресение. Вчерашний день прошел незначителен по духовному, то есть ощутительного мне во мне ничего не было чрезвычайного, утро у меня по хозяйству прошло в хлопотах, ибо у меня чистили, мыли и красили, отчего мне ни подумать, ни приютиться было негде. После обеда во мне было так тихо и мирно, как Нева в погоду прекрасную; на дне тишины этой была сладкая аллилуя, которая одна сквозь воду просветливалась. Ни видения, ни знания, ни желания даже никакого не было; однако я точно жила — вверху. Пришли братья: Чиляев и Прянишников, и разговоры наши были единомышленников.

Сегодня проснулась я с тою мыслью, что ты вчера, друг мой, требовал ответа на вопрос: что есть крест Господень? Но как удивилась я, как спросясь с собою я увидела, что я придумать не могла ничего, ибо совсем креста не понимала. Вот я стала складывать его в себе, Крест Господень, говорила я себе, есть отец и сын, и это так сказали мне во мне, но это не то еще. Я думала, думала, строила,

спрашивала, но все мои затеи, как карточный домик, свесали мгновенно, и я решила просто признаться в моем невежестве, что мне было досадно. В таком расположении я стала одеваться к обеду, вдруг, как это было, не могу осязать, ниже памятью, у меня вдруг спросили: что такое кровь Господня? и в ту минуту кровь всесвятая искупителя моего как бы облила меня чувствительно от головы до сердца. Я вдруг поняла все то, что об ней, не понимая, говорила и думала. Чувство это так живо предстало мне во внутренности глубин моей, что я издыхала, увидя ясно, что и прощение, и искупление, и любовь моя не что иное, как ощущаемая мною и как бы новым чувством точно осязаемая, обоняемая, видимая и вкушаемая мною кровь Господня. Тут я узнала, что крест тот, о котором я говорила в журнале моем, составлен из моего праха и Его крови, ибо я ясно чувствовала в себе, что кровь Спасителя точно любовь и что любовь моя точно Его кровь. Тут все способы размышления исчезли во мне в каком-то благобытии, из которого я не могла и не хотела выступить. Здесь хотела я сказать, что я понимаю, отчего апостолы уснули в Преображение Господне, но мне сказали: погоди, ты это еще не знаешь.

ИРЛИ. 32543/CCXLVIБ 28. Л. 1—9.

Дневник составлялся А. П. Хвостовой, по ее собственному указанию, под руководством Е. Г. Хиляева и предназначался для прочтения им и, возможно, А. Ф. Лабзиным. На полях Е. Г. Хиляевым оставлены примечания к прочитанному тексту. Находится в составе бумаг А. Ф. Лабзина. По-видимому, непосредственно связан с «Замечаниями моими обо мне самой» (№ 3), однако сложно сказать, какой из текстов написан ранее.

4. Замечания мои обо мне самой

Я люблю Господа Иисуса и, всеми чувствами моими предаваясь Его святой воле⁹⁶ безусловно, безнаградно и единственно, чтоб Ему быть угодной, желаю идти по пути крестному за ним не столько, чтоб получить награду царствия Его или узреть лице Его или узнать тайны царствия Божия, но чтоб тем исполнить волю Его и мое назначение; следственно, как, когда и чем я спастись могу, суть только орудия желания моего, которые я оставляю в руках Господа моего, зная, что Он более еще меня спастись мне желает.

⁹⁶ На полях примечание: *Т. е. вы желали бы всеми чувствами вашими предаваться Его святой воле. Вы бы, конечно, правильно сказали: Я бы желала предаваться и проч., но даже и тут спросили бы Вас, каково сие желание, истинное ли оно или ложное, в одном только воображении состоящее.* Ср. далее ироническое обыгрывание Хиляевым этого выражения Хвостовой (прим. 97, 101, 105, 106, 110).

Бывало, я могла любить почти всякого: сердце мое летело ко всякому лицу человеческому, особенно, если казался он мне добр и любезен; теперь я не имею способности и пристращаться, и так радостно любить всех как будто нечем;⁹⁷ напротив, хотя я всем добра желаю и всякому рада быть полезна, но люди, то есть и самых домашних моих, и даже питомицу мою не исключая, мне в тягость, и без лучших друзей моих, кажется, я могла бы обойтись свободно, если б они не о Господе моем говорили со мною, и потому и я спокойнее с ними по мере как и они спокойны и теплы.

Когда я спокойна, то есть одна, я ничего иногда, даже и по большей части, не делаю. Не подумайте, чтоб я думала или размышляла, нет, это редко со мной бывает; я могу только ощутить от состояния этого то одно, что мне хорошо. До встречи моей с Егором Гаврил..... я была часто тревожима разной фантазмагорией, которая, как движущиеся картины дурацкие, проходили чрез мое воображение, меня это еще хуже гостей тревожило. Благодаря друга моего за наставление, я набрела опять на способ мира с собой,⁹⁸ которого лишилась, следуя рецептам писателей разных, которых я, видно, криво перетолковала.

Когда я возвращаюсь в себя, я всегда почти чувствую трепетание какое-то в сердце, как бы встретил меня кто или бы сама кого увидела, но ничего не вижу в себе, кроме спокойствия. Боже мой! сжался над моим ожесточением! Когда я вижу пороки мои, которые милосердователь мой урок за уроком видимо мне показывает, я сперва оскорбляюсь много, иногда всплакну даже, но движение сие маловременно. Вместо того чтоб мне разболеться от обличения, я скоро опять впадаю⁹⁹ в какое-то покойное положение, перестану сокрушаться и, как бы бросаю на Господина моего о мне попечение, снова люблю и покоюсь.

Во мне какое-то дурашечное свойство,¹⁰⁰ на юродство похожее; я по мысли и сердцу такой глупый ребенок, как была 45 лет тому назад. Я иногда упрямлюсь, иногда бы, право, и в куклы поиграла;¹⁰¹ все может меня радовать,¹⁰² хотя и тотчас наскучит; сие дураче-

⁹⁷ На полях примечание: *А говорите, что всеми чувствами преданы Иисусу!*

⁹⁸ Слова *мира с собой* подчеркнуты; в тексте отметка: *NB*; на полях примечание: *Убегайте мира с собою; хорошего мира лучше худая брань с собою. Мириться — значит потакать себе, уже сами того не замечая.*

⁹⁹ На полях примечание: *Бросаю на Иисуса попечение, снова возвращаюсь назад и делаю опять то же да то же.*

¹⁰⁰ На полях примечание: *Страшно и помыслить, что поэтому надобно еще взрости, потом переродиться. Но скоро ли еще возрастет?*

¹⁰¹ Слова *куклы поиграла* подчеркнуты; в тексте поставлено: *NB*; на полях примечание: *Вот что значит предаваться Иисусу всеми чувствами!*

¹⁰² Слова *все ... радовать* подчеркнуты; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Так страждут о Христе, как то Вы изволите говорить выше!*

ство находит на меня, если я беспрепятственно могла быть до сыта спокойна;¹⁰³ тогда я сделаюсь весела, что иначе редко со мной бывает, хотя я, впрочем, редко и недолго бываю печальна, и то, когда снаружи что набредет на меня. Я почти не в силах обладать собою, кой час какой-нибудь посторонний случай меня из меня вытолкнет,¹⁰⁴ а случай сей — всякое новое лицо, всякое новое место или положение; тогда я, как те куклы на пружинах, которые стоит только толкнуть, чтоб они по комнате поехали, мчусь против воли,¹⁰⁵ стражду насильственным влечением, но остановиться почти не в силах, а собрать себя в это время и войти в обычный покой без труда, сна и уединения никак не могу.

Я ко всему довольно равнодушна; пища и питье для меня — все одно на другое похоже; кажется также, и люди, и вещи как бы все равны, но я падка на похоть очес, мне все скоро полюбится и всегда все надобно;¹⁰⁶ кой же час получила — наскучит,¹⁰⁷ и останется во мне только раскаяние о моей суетности.

Раскаяние во мне какое-то сонное и, бывало, я могла плакать и горько плакать о грехах моих или плакать также от нетерпимости прикосновений любви всеятой; теперь и покаяние мое есть сожаление какое-то, как будто сладостное; на это чувство я слов не имею, ибо оно ни на что мне известное и одним словом выраженное — не похоже. В раскаянии сем как будто два человека вдруг: один жалуется, другой утешает;¹⁰⁸ и скорбно тут, и успокоительно; сердце заболит, но как будто то же сердце за другое зацепляется и от него успокоивается, и потому я вижу скверну мою, но не могу себя ненавидеть по другой, какой-то одобрительной причине,¹⁰⁹ как бы не мое это было и как бы и сама себе я чужая, а потому, кажется, не более люблю и думаю о себе, как о другом, то есть и я себе, как другие мне, не надобна и скучна.

¹⁰³ На полях примечание: *Старайтесь никогда не выходить из сего спокойствия или по крайней мере, вышед из него, тотчас возвращаться в него.*

¹⁰⁴ На полях примечание: *Надо беспрестанно бдеть за собою, чтоб из себя не вытолкаться.*

¹⁰⁵ На полях примечание: *Но Вы ли виноваты, когда совсем святой воле Иисуса преданы?*

¹⁰⁶ На полях примечание: *Не кажется ли Вам, что это потому, что Вы святой воле И. Х. преданы, чего доброго?*

¹⁰⁷ Слова *получила* — *наскучит* подчеркнуты; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Вот прекрасный урок для тех, кои не дают воли воображению!*

¹⁰⁸ Слово *утешает* подчеркнуто; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Как то он утешает? Истинный Утешитель, кажется, утешает только уничижением духа и сокрушением сердца.*

¹⁰⁹ Слово *причинам* подчеркнуто; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *Смело могу сказать, что Вы не только не знаете себя, т. е. что именно значит себя, но и посредственного даже понятия о том не имеете.*

Я чрезвычайно ленива — люблю спать, а не менее, если не удержу себя иногда, то деятельна до изнеможения — как согласить это?¹¹⁰ — Если я выплусь, тогда внутренние мои силы лучше и бодрее, но, может быть,¹¹¹ и сие во мне также ложь и воображение.

Я совсем беспамятна, и из целой книги или из разговора длинного запомню только то, что упадет в сердце мое; тогда это слово или мысль разродит во мне другое.¹¹² Я от себя не могу писать, ибо совсем не способна рассматривать вещи, и даже на каком-нибудь мысленном предмете не могу останавливаться; но вдруг, иногда ночью даже, придет на меня какая-то чреватость сердца, которую мне непременно тотчас надо бросить на бумагу, хотя иногда в двух разных мыслях никакой, по-видимому, связи нет. Это так повелительно, что я не могу уснуть, пока не исполню. Вот как родились «Советы душе моей», «О трех молчаниях» и прочее.

Когда мне придет тоска на писанье, тогда придет мне жажда и читать, как бы для поверки, что то, что мне дается, и другими писателями сказано.¹¹³

ИРЛИ. 32543/CCXLVI6 28. Л. 11—14.

«Замечания» написаны на той же бумаге и снабжены примечаниями Е. Г. Хиляева того же свойства, что и дневник за август 1817 г. (№ 3). Указание на сочинение Хвостовой «Советы души моей» (СПб., 1816) указывает, что «Замечания» были созданы не ранее 1816 г.

5. Письмо А. Ф. Лабзину от 13 июля 1819 г.

Я получила радостно, неоцененный друг, неоцененное письмо твое и благословение на начатое дело. Всегда, когда ты хотя мало доволен мною, в душе моей раздается мирная гармония ангельская. Боже, благослови тебя за благословение, а мне даруй не препятствовать самоволием истечениям благословений сих. Сердце мое отвечало Аминь на все, тобою в письме изложенное. Устрой нас,

¹¹⁰ На полях примечание: *Предать ея святой воле И. Христа.*

¹¹¹ Слова *может быть* подчеркнуты; в тексте добавлено: *NB*; на полях примечание: *В таком случае может быть значит: пищу, как попало. Нет, надо быть повнимательнее.*

¹¹² На полях примечание: *Кажется, Вы хотели сказать, что Вы не помните, из каких книг именно бывают мысли Ваши заимствованы.*

¹¹³ В конце текста добавлено: *NB*; на полях примечание: *Не только другим, но и самому себе может человек казаться добрым и просвещенным; но казаться не есть еще быть, а часто не быть. Наше дело: быть, действительно быть, а потому и необходимо должно всегда поверять мнения чужие и наши о нас самих с настоящим бытием нашим, помня всегда и ставя себе за неперемнное правило быть, а не казаться, хотя бы и себе самому.*

Господи, частно в работници Твои, а потом соедини частных в общее дело начинающейся брани великой, дабы в радостной победе света и мы — убогие — встретили Тебя грядущего за подвигнувшимися уже твоими небесными силами.

Из полученной уже, я думаю, тетради моей с Вахр[ушевым] ты предусмотритишь, друг мой, что я, не получа еще приказания твоего, отправила оную. Я осмелилась переменить немного ход дела, поставя *преждевременно* нечто о молитве единственно для тех, которые в отдаленности лишены руководительной помощи. Я и на себе прежде знакомства моего с тобою испытала, что покаянная молитва совестящагося грешника, хотя и не познанная еще сила, но способствует много к отверзению душе сил благодати, в нее прорывающейся; впрочем, вторая статья дополнит наставления о молитве, которые в первой предварительно только наброшены; и я (как, кажется, и должно) начинаю оной 2-ю тетрадь мою; потом иду по ходу Еван[гелия] от Мат[фея] блаженствами, делами милосердия и пр. Окончить хочется мне извлечением прекраснаго Мm Guion объяснения о разных состояниях смерти и разрушения, дабы третью начать воскресением. Я признаюсь, что я недовольна и первой статьею, чувствую, что недостает чего-то, и знаю, что это нечто — твой дух, которого и мой ожидает, как мертвые кости Езекиловы. — Из б[ратьев] по сю пору только еще любезнаго Егора Гав[риловича Хилева] видела, но не сомневаясь в любви и прочих столбов, не по[нрзб.] меня по братскому ко мне милосердию. Ах, как восхитило меня письмо благословенной сестры Власовой! Вот каковы сердца женские! Много ли мужчин влететь так свободно могут, и откуда и долго ли летела? Но все это принадлежит к феноменам любви, а любовь что? Жена силы. Но вот феномена сего плоды. О, Господи! Будь благословен в действиях и воздействиях Твоей всесвятой силы!

Я получила письмо твое с приглашением Марьи Сергеевнино в то самое время, как через добрых людей получила известие, что на меня подана новая просьба от кредиторов мужа моего. Государь приказал разобрать дело совестнаго суда общему Сенату, и дело взяло такой тяжелый оборот, что я не только полученной мною собственности моей, но даже и дома лишиться должна буду, ибо должно будет взнести все 52 000 р. Признаюсь, что несправедливость такая в некоторое ослабление привела было душу мою; письмо Мар. Серг., как электрическая сила, прикоснулось к жизни моей, и я воспрянула сама, как от сна, вспомя благословенную мою бедность предо мною; вспомнила, как жила я птичкою Божией, накормленною и согреваемою ежедневно отеческим милосердием. Неблагодарное сердце мое, отолстевшее от мирского счастья, почувствовало, что точно я заслуживаю лишиться того, что не всегда во славу Божию употребляла; я увидела, что я забывала Бога и по отеческому Его милосердию крестною радостью почувствовала, что если я, недостойная, переставала быть гадом всесвятого Господа моего, Бог мой

и Спас не перестал быть отцем моим. Буди благословен в судьбах правды Твоей, благословенный и истинно всесвятый Господь мой и Бог, Слава Тебе! Человеку, входя в мерзкую совесть свою, не остается, подлинно, ничего иного, как всеми разумными силами, а паче всего сердцем своим, кричать в восторге: свят, свят, свят Господь Бог наш, и все путие Его — милость и суд; вот, по крайней мере, то, что весь состав мой исповедует теперь под грозящим мне благословением исправления. — Все теперь хлопочут обо мне, и мне совестно двигаться из-под наказующей меня руки благословенной; больно даже и то, что по неволе думаю иногда о всем, со мною случиться могушем, и борюсь более с моим маловерием, нежели с сенатскими притеснениями. Помолись о мне, неоцененный друг мой, и подкрепи мое маловерие; мне скорбно и совестно, когда при напоминании о деле сем я ощущаю смущение тварное; куда деться с этой скотиной, ревушей при мысли о корме? О, Боже, милостив будь к душе, Твоей кровью искупленной, и не допусти меня, как Навуходоносора, ходить на четвереньках и есть корм скотский.

Чтоб вытесниться из духа мира, буду прилежнее работать тетради мои и молить Спасителя моего сладчайшаго дать мне силу *творить* то, чему учу и учусь. — Пифагорейцев мы читали общим вниманием; прекрасной план, но в нынешнее ли чугунное время затевать такие аркадские замыслы. Я понимаю, что отчасти только и ты, неоцененной, желаешь, чтоб мы приноровились к плану сему, но, обозря и что мы, и кто мы, и где мы, я разве в двух или трех от нас найду дух тот единства любви и истиннаго желанія усовершенствования, каков одушевлял Пиф[агорейское] общество. Души наши слишком мелки еще для вмещения такого небеснаго чертежа, и я (так! — А. К.) каждого из нас так живо и действующе еще в нас, что самому Господу нашему невозможно поверить нам дела своего. Помолимся все и друг о друге, благодетель мой, да изготовит Господь нам сердца новые, к дарованиям его способные, — искание духа нашего доказательство нам, что мы одни виноваты, если сей задаток дара в нас пройдет мимо, в род ин и на людей, Его же имя не слышали доселе. Силы небесные подвигаются, и влияние духа, и до нас достигающее, доказывает нам, что силы сии и дух, движущийся уже, ищет места, идеже почить. О, горе нам, если минет нас благословение сие! Друг мой и брат и по-родитель, к тебе жалующаяся на себя душа моя вместе всех нас совокупно вопиет [нрзб.]. Братие единокровные, не преогорчим долее милостиваго благодетеля всесвятаго, принудя его избирать новый язык и новое племя. Начнем сперва, подлинно, как ты говоришь, любить друг друга наитеснейшею, из Бога почерпаемую любовью, ибо мы доселе не так, как самих себя, любим друг друга, но чужды сердцами любви истинной и, любя во всем только самих себя, ниже понятия о святой любви не имеем. Будем просить любви сей у Господа нашего и, начав *снова*, с *задов*, перетверживать будем оные, ибо, право, что мы знаем, то не

так еще познаем, если потрудимся начать с корня и азбуки. — Мне нужна была Mme Guion, и я писала к Катер[ине] Филип[овне Татариновой], чтобы получить оную, но она очень больна и совсем никого не принимает. Книги мне прислала, обещав отвечать на письмо мое, но и ответа еще никакого не было. Александра Нико[лаевна Ланская] сегодня в Ригу отправилась, обоим вам кланяется и обоих объемлет.

Не разсудишь ли за благо, любезный неоцененник, чтоб я в тетрадах к одним только женщинам адресовалась. Глядя на себя, мне и кого-нибудь учить совестно, а мужчин и того боле(?). Как о сем прикажешь? — Алфав[ит] духовный достала и очень довольна находкой сей. Странно, что так мало известна прекрасная сия книжка, ибо подлинно и она — это один от нас.

В рассуждении кельи моей, она так удобна и так уединенна, что я совсем не только от мира, но даже от собственного семейства моего отрезана. Ход совсем особенный — с двора, и, затворя только двери, можно думать, что ни у меня никого нет, ни самой нет дома; но комнаты маленькие, и в гостиной моей не более десяти человек свободно усядется. Впрочем, даруй, Господи, и десяти добрым друзьям собраться во имя Господне.

Меня начали уже мучить бумагами по делу. Боже мой, сохрани меня только в путях твоих, а прочее все радостно предаю в руке твои. Теперь завязка дела в том состоит, подлинно ли за Дм[итрием] Сем[еновичем Хвостовым — мужем Х.] заложена была деревня моя. Свидетель тому Ник. Макс. Походяшин, который один только остался живым с 1797-го, как деревня моя заложена ему. Если за благо разсудишь, напиши к нему, друг мой, чтоб он прислал мне какое-нибудь письменное в том уверение и вывел бы исторически все сие так известное ему дело. Впрочем, прошу от дружбы твоей наблюдать: здесь только воля Божия, ибо мне не гнев отчий, наказующий меня праведно, болезнен в деле сем, но та мерзость моя, которая гнев сей праведный на меня подвинула. Я скажу тебе, что я имею в руках верное доказательство, что моя точно за Дм. Сем. заложена и просрочена; доказательство сие — письмо свекра моего, истину сего подтверждающее. Но в письме сем свекор так порицает мужа моего и такие тайные болезни на него объявляет, что письмо сие посрамит Дм. Сем. перед Сенатом, Государем и публикою. В то ли время, как я сама под отяготевшею надо мною праведною рукою Божиею признаю и радостно благословляю правду Его, в то ли время мне губить орудие его исправления? Вот мое положение, неоцененный друг мой; я не успехом или потерей дела моего тревожима. Буди благословен Господь Бог мой, прежние радости и мир бедности моей мне напоминающий; меня тормозат бумагами, разговорами тяжёбными и отрывают от работы драгоценнее имения (т. е. отрывают от работы, которая для души моей драгоценнее моего имения. — А. К.) душе моей — вот что меня смущает и надоедает мне. Впрочем, и в этом случае буди, как во всем, благословенная

и тетрадей моих драгоценнейшая воля Христа Спасителя моего, которому все себя повергаю как создание, как искупленница его, а паче как неблагодарное творение грешное, славящее и восхищающееся красотой неоглядимой правды толико святой, на мне совершающейся. Ах, друг мой, как восхитительны *оправдания Господни!* подлинно *радости крестные*, такая тайна восхитительная, которую нельзя чувствовать, не поднявшись от земли всем бытием своим. Ей! Истинны слова Господа нашего крестоносца Иисуса. Когда Он возносится, истинно весь остаток бытия так влечет за собою, что упасть снова на землю и найти потерянное на время бытие свое гораздо болезненнее приговждения ко кресту бедствием!! Буди благословен!!! буди, буди!!

ИРЛИ 32607/CCXLVIII 6 7. Л. 23—25.

Вторая часть письма, обращенная к А. Е. Лабзиной, не публикуется. Письмо сохранилось в бумагах А. Ф. Лабзина. В начале письма упоминается сочинение Хвостовой, план которого она более подробно описывает в письме от 15 июня: «Ты помнишь, что я начала составление (?) Ключа тоски по отечеству». Теперь раскрылось мне обширное дело, все бытие мое оживляющее. Мне повелелось в душе моей начать свод всего хода спасения, из разных авторов и из того, что и мне туне пожаловано. Ходом дела сего неотменно образцем послужит мне единственный ход дела Божия. Вот как я думаю повести сие дело, ожидая твоего, друг мой, на оное благословения и совета. — Мне хочется разделить свод сей на три статьи. В первой будут правила для покаяния и очищения сердца и разума. Вторая статья заключать в себе будет способы и наставления к замещению добродетели, сердце и разум, от пороков очищенные. Третья статья принадлежать будет к откровению Сына Божьяго и света его в душах наших. Так как я пишу через департамент, ты отгадаешь мною недоговоренного. Правила сии будут, так как они из разных авторов извлечены, в коротеньких строчках для лучшего впечатления в памяти оных. Для первой статьи я выберу отсюда; — для второй ограничу себя только теми любезными нам авторами, которые знали дело Божие и истинной ход онаго. В третью помещу из тех же авторов, прибавя к оным еще некоторых важнейших, силу и славу, и близость света Христова к нам исповедующих. — Я почти сделала уже вступление, которое и доставлю тебе на рассмотрение, друг мой, — а общий ход дела сего почерпну из Тоски по отечеству и Ночей Эк<картсгаузена>, ибо не знаю ничего лучшего. — Помоги мне, друг мой, в деле сем твоим наставлением и советом. Я изнемогаю, чувственным разумом обнимая святость и обширность намерения сего <...>. Начерти мне ход повернее, ибо ошибаться и для меня одной непрощительно, а я вся с ног до головы ошибка сама себе» (Л. 16 об.—17). Сочинение это, как видно, осталось незавершенным.

В этом же письме, впервые в своих письмах к Лабзину, Хвостова упоминает о переданном в Сенат деле об имуществе своего мужа. Не вполне внятные указания из последующих писем являются между тем наиболее фактически наполненными ее упоминаниями о разрыве с ним: «Я не подивлюсь суду мира, я всей строгости оного достойна по безумию моему. Но точно так, как (хотя и говорят добрые люди что) Мимиша не мое дитя, как бы люди ни уверялись в том, так точно я не участвовала в долгах мужа моего. У Мимиши своя мать была, а у концертов, которыми упрекают меня, свой отец и хозяин, Собакин, который, дабы не одному петь с оркестром, привозил и себя, и учителя своего, и оркестр ко мне для репетиции и привычки петь с оным. Может быть, и прочие доводы так же: Мимиша и концерты; впрочем, благо мне, что смирил меня, но, не пеняя и не оскорбляясь злоречием, одно только скажу, что в бесчисленном множестве безумий моих мирских я всего стою, кроме ненависти и подозрения, ибо неприятели мои не уличат меня ни в каком подлом деле. Что касается до употребления имени моего, я не знаю, кто мне свои. Если Дм. Сем., то я не в праве ни против воли его помогать ему, ни отнимать у кого-либо что на его шалости. Что касается до моих собственных родных, то есть братьев и сестер моих, каждый из них имеет почти столько же дохода, сколько я капитала. Итак, и тут никто не сможет у[п]рекнуть меня в пристрастии, ибо я никого не обидела и ни у кого ничего не отняла» (Л. 33—34 об.). Из всех известных сведений о скандале вокруг Хвостовой и ее мужа известно, что он разразился именно при разделе имущества. К сожалению, ни время, ни обстоятельства его неизвестны: во всех прочих случаях Хвостова значительно менее конкретна (ср. в письме к Ю. Н. Бартеневу: «Я <...> принуждена была против воли моей спасти <...> погибающего мужа моего <...>. Решилась подвергнуться несправедливостям мира, с общаго согласия благомыслящих родных его, решилась одеться в тряпичу судейския. Остановила гибель; сохранила имение мужу, ценою — доброго моего имени. Подвергнулась пересудам, кривотолкам мира, но все переносила под одобрением совести моей. — Муж мой бедный, подстрекаем самолюбием и друзьями ложными, выгнал меня из дома, заставил терпеть все нужды, все бедствия души и тела» — ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 6. Л. 124 об.—125).

6. Письмо Ю. Н. Бартеневу от 24 сентября 1839 г.

Что ты наделал, мой милый проказник! Показал письмо об деньгах Гельм[ану], а тот не только отобрал у нее [А. Гельман, воспитанницы Хвостовой] деньги и промотал, но в добавку запретил ей и писать ко мне; суди об ее и моем горе! Я об ней с тех пор ничего не знаю, а она боится его, как лешего. Теперь уже не до церемоний. Бед-

ный мой ангелочек погиб, и на душе моей бременем лежит, что я, желая спасти ее, может быть, погубила. Бывают в человеке черты непохвальные, но тогда есть еще надежда, что время и беседа почтенных людей изгладят неправильность. Но бывают в людях резкие оттенки зла, которые, как нечистые чады, по временам только высовывают из норы жало, ожидая только случая показать, кто они; и таковы суть ярость, деспотизм и бесчеловечный эгоизм, жертвующий всем священным для удовлетворения страстей, и вот характер Гельм[ана]. Когда он сватался, он скрывался под личиною. Меня предупредили, что он игрок; но страшные пред Богом им произнесенные клятвы и мысль, что новая жизнь семейная образумить должна человека, не лишнего смысла здравого, решили судьбу бедной Саше моей. Я вручила ему присланный тобою билет 3 т. и отдала последнюю мою лепту на покупку ей домика, как он уверял меня. Но не прошло трех месяцев, как я увидела, что дом не делается, а деньги уходят. Одним словом, не только деньги исчезли и проиграны, но даже все, что я дала Саше, обобрав себя кругом, все промотано или заложено, а бедный мой ребенок, беременная, осталась без всего. Суди, каково совести моей, когда слышу родителей ее, проклинающих меня за пагубу дочери их!

Оставить ее идти по миру или лишаться естественных нужд я не в силах. Дать ей что-нибудь не имею ничего, уже и сама живу милостынею Теодора [Ф. И. Прянишникова, мужа В. А. Прянишниковой, воспитанницы Хвостовой]. Одно только остается средство, и на то помощь твоя нужна мне, друг мой. Соберем все мои марашки, переправя ошибки грамматические, и отдадим их напечатать, а потом вырученные деньги положим в капитал Саше, чтоб муж ее не знал, а проценты будем посылать ей по третям. Пусть трудовая копилка моя кормит и после смерти моей дитя и загладит перед Господом ошибку моей человечности!

Если ты вникнешь христианским сердцем, друг мой, в тоску мою сердечную, если захочешь разобратъ, каково мне опасаться в недоумении, не прогневала ли я Господа самодельщиною в устройении Сашинном, ты вникнешь душою в последний мой способ спасти ее. Гельм[ан] ничего не имеет. Отец от него отрекся. Мать любит Сашу, но устала исправлять неисправляющегося. Служба недостаточна на содержание, тем менее на мотовство и шалости, следственно, бедная Саша подлинно погибнет, если не поспешим ей на помощь.

Подумай, отвечай; а тогда я дошлю тебе еще кое-что, и с Богом. Прощай, друг и сын мой. И тебя, и Кат[ерину] Ст[ефановну] Бартенева; жену Ю. Н. Бартенева] обнимаю. Любите мою Сашу и любящую Вас

А. Х.

ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 7. Л. 68—69.

Год написания письма устанавливается косвенным путем по связи с письмами о судьбе А. Гельман, датированными началом 1840 г. Следует отметить, что, несмотря на скорый приезд молодых в Киев, раскаяние Н. И. Гельмана и новые хлопоты Хвостовой о его устройстве, браку этому была суждена печальная судьба. С 1843 г. А. Гельман неотлучно живет при Хвостовой со своими четырьмя детьми, с 1846 г. окончательно теряет следы мужа (см. ее письмо Ю. Н. Бартеневу 1848 г.: «Я в большом затруднении насчет моего мужа. Года два тому назад он покинул службу в Витебске и переехал в Петербург, там не знаю, что он делал, по крайней мере мне ничего не писал об службе своей, в апрель нынешнего году, после годового молчания, он написал письмо, но с таким адресом, какого никто, я думаю, не слышал. Вот для курioзы: Я живу в Большой Садовой у старушки генеральши. Прошу теперь искать, всех старушек не перебрать же в Петербурге? С тех пор ни гугу, я начинаю думать, не умер ли он во время тамошней холеры» (ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 7. Л. 36 об.—37).

7. Описание смерти А. П. Хвостовой

Моя незабвенная благодетельница с каждым годом становилась слабее и слабее. Прошлаго году она была больна ужасно, но час еще не настал и три воспаления не могли свести в могилу мою голубушку. Нынешний год с Января она почувствовала себя очень слабою, кашляла, но однако не поддавалась болезни и не ложилась в постель; но, как и прежде, каждый вечер играла в карты. Так прожили мы до начала поста. Как-то на второй неделе она меня позвала к себе и сказала: изволь-ка взять свои предосторожности, я скоро умру. Я хотела это обратить в шутку, говоря ей, что если она видела какой-нибудь сон, то не надо обращать вниманье, тем более что это раз уже было с нею, в самый новый год лет пять тому назад. Она отвечала мне, что то был сон, а теперь не сон, но откровение, что тогда она видела мужа своего, а теперь Ангела Хранителя, что, бывало, она говорила, что, может быть, умрет, а теперь она утверждает, что умрет и даже очень скоро. — Какого рода было откровение, я никак не могла у нее выпытать, она на все мои вопросы одно отвечала: ты не довольно чиста душой, чтобы меня понять. Так прошел Великий Пост. Перемены в ней не было никакой, или лучше сказать одна: она очень оглохла, но глухота не есть опасный недуг. Ни она, ни доктор на это не обращали вниманья. Пришла страстная неделя. Она отговела, по обыкновению, на дому. Духовник ее имел привычку по причастии ей желать причаститься в следующем посту, но в этот раз он ей ничего не сказал. Мне это было очень неприятно, я, как большая часть русских, суеверна. Но боясь расстроить маминьку, я промолчала. После причастия она легла в постель и целый день не вставала. Вечером

пришел опять священник читать страсти. Но зная, что маминька оглохла, он поставил нагой подле самой кровати и читал Евангелие над ее ухом. По окончании службы маменька подозвала священника и сказала ему: Ах, как мой хранитель благодарил Вашего! Хорошо в последний раз слышать Святые страсти Искупителя!

В пятницу она встала и всю светлую неделю была в довольно порядочном состоянии, слаба и глуха, правда, но довольно весела. Скверная погода неприятно действовала на нее. Но, впрочем, особенного ничего не было заметно. — Я сделаю маленькое отступление. — Нужно Вам сказать, что с тех пор, как я ее помню, она постоянно твердила о скорой своей кончине и всегда просила в случае болезни напоминать ей как можно чаще о последнем христианском долге. Однажды, еще в 1833 г., она сильно заболела. Я, желая ей показать, что помню всегдашнее ее приказание, без всяких церемоний ей предложила священника. Она засмеялась. Я, говорит, умру после святой, а теперь осень. Это возбудило мое детское любопытство. Я начала ее расспрашивать. Она мне рассказала следующее: «Лет двадцать тому назад я была очень больна, еще в Петербурге. Меня соборовали, после чего я уснула, и вижу себя в большой, чистой но без всяких мебели комнате. Посередине стены дверь, на пороге которой я стою, по обеим бокам два прекрасно нарисованных образа Воскресения и Вознесения Христова. Я спросила у невидимого провожатого, отчего эти образа возле дверей, а не в переднем углу комнаты? Мне отвечали: Эта дверь — смерть твоя, а иконы потому тут стоят, что ты умрешь между этих двух праздников».

Это странное видение, которое Маминька мне рассказала, очень подействовало на мое воображение. Я была уверена, что оно должно сбыться, и не ошиблась! — Но обратимся к маминьке. В пятницу 4 апреля она играла в карты часов до 11 вечера, поужинала. В субботу утром доктор прописал ей микстуру. Она с нами пообедала, чаю напилась; в часу седьмом мне сказала, что по случаю очень дурной погоды, вероятно, никто не будет, что она очень плохо спала после обеда, а потому хочет лечь уснуть, но если кто придет, так чтобы я устроила партию. Меня как в сердце кольнуло, ее давнишний сон сей час пришел на ум. Естественно партия не состоялась. Мамаша уснула, ночь порядочно провели. Рано утром я послала за доктором. К вечеру ей стало хуже. Я опять за ним послала. Пиявки, которые ей в течение дня поставили, не сделали никакой пользы, она, впрочем, не страдала, слабость ее усиливалась видимо. На вопрос мой: чем она больна, доктор отвечал: девяносто лет и начало воспаления. После пиявок легкая боль в боку перестала. Часов до двух она была покойна, разговаривала со мною, велела Вам писать и просить Вашей молитвы о душе ее. Велела послать к Вере Александровне Прянишниковой и благодарить за апельсины, которые та прислала с почтмейстером. Но с двух часов ночи она начала метаться, вставать с постели, причитая «вон(ь?)» и веря, что она в чужом доме, не

у себя, протягивая руки к кому-то невидимому с улыбкой радости на устах. В те минуты, когда приходила в себя, она сейчас начинала требовать священника. Так мы дождались дня. В 5 часов утра я велела открыть ставни и послала за духовником. Увидя дневной свет, она успокоилась. Хотя ничем не жаловалась, но видно было страдание на лице ея. Видна была борьба жизни с смертью. Цвет лица был местами желт, местами черный, в простонародьи говорят: землей присыпало. В 8 часов она исповедалась, приобщилась с таким чувством, как дай Бог всякому так приобщаться! Сей час по принятии Св. Тайн она так переменялась видом в лице, как будто маску сняла, и, не преувеличивая, скажу — двадцатью годами помолодела; куда делось страдальческое выражение лица, желтизна, темные пятна, синева под глазами? Все мгновенно исчезло, заменилось выражением радости, покоя, глухота пропала. До 9 часов сидел духовник у нас, она все время с ним шутила. Священник ушел почти уверенный в ее выздоровлении. Пришел наш хозяин с женой, она с ними говорила минут пять, приняла лекарство, спросила супу, скушала две чайные ложечки и начала кончаться. Тихо, без страданий, она не умерла, но, прожив срок, положенный Творцом, она преселилась в Вечность без усилий, это был сон под крылом Ангела Хранителя. После кончины лицо ее не изменилось. Трое суток тело стояло в теплой комнате, она казалась спящей. Многие с трудом верили доктору в ее кончину. Так не стало старицы, Богом хранимой, перенесшей столько горя и болезней в девяностолетней жизни своей! Дай Бог всем и каждому из нас такой благословенный конец, а более всего ее терпение!

ОПИ ГИМ. Ф. 283. Оп. 1. № 3. Л. 7—9.

Извлечено из письма А. Гельман к Ю. Н. Бартеневу от 28 июня 1852 г. Для оценки этого описания следует учесть, что 7 апреля, указанный А. Гельман как день смерти А. П. Хвостовой, — следующий день после Пасхи 1852 г., что вполне соответствует агиографическому характеру этого описания, но может поставить вопрос о достоверности свидетельства.

БИБЛИОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ СОЧИНЕНИЙ А. Д. КАНТЕМИРА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ (1966—2010) (К 300-летию со дня рождения)

Литература последних трех десятилетий о А. Д. Кантемире разнообразна, его жизнь и творчество изучались в эти годы у нас в стране и за рубежом интенсивно и многосторонне: опубликована его неизданная переписка и составленный им русско-французский словарь, появились новые монографии и сборники статей, посвященные его творчеству.

В настоящей библиографии учтена отечественная и зарубежная литература о Кантемире за 1966—2010 гг.¹ Библиография состоит из трех разделов: «Сочинения», «Литература» и «Справочный отдел». В каждом разделе библиографические записи расположены в хронологическом порядке, в пределах одного года — в алфавитном порядке авторов или заглавий (сначала русского, а затем латинского алфавитов). Переиздания и переводы указываются при первой публикации. При описании работ, которые частично посвящены Кантемиру, указываются лишь те страницы, на которых речь идет о нем. Если работы содержат публикации материалов или новые установленные факты биографии или творчества, то это отмечено в аннотации. В аннотации также поясняется содержание работы, если оно не вполне ясно по названию. При описании сборников имена авторов работ для удобства разыскания расположены по алфавиту, а не в той последовательности, в какой они напечатаны в издании. Все работы просмотрены *de visu*. Работы, с которыми ознакомиться не удалось, отмечены астерiskом (*).

С. И. Николаев

¹ Отечественная литература до 1966 г. учтена в кн.: История русской литературы XVIII века: Библиографический указатель / Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенник; под ред. П. Н. Беркова. М.; Л., 1968. С. 272—279.

Cantemir A. Stichuri / În românește de V. Teodorescu; Studiu introductiv de P. Cornea. București: Editura pentru literatură universală, 1966. 295 p.

Segel H. B., ed. The Literature of Eighteenth-Century Russia. N. Y., 1967. Vol. 1. P. 151—163.

Перевод на английский язык первой сатиры.

Kantemir's Letter on Russian Versification // Silbajoris R. Russian Versification: The Theories of Trediakovskij, Lomonosov and Kantemir. N. Y.; London, 1968. P. 79—99. Notes: P. 172—184.

Р с ц.: *Suino M. E.* // Slavic and East European Journal. 1969. Vol. 13, N 2. P. 242—243; *Drage C. L.* // Slavonic and East European Review. 1971. Vol. 49. N 117. P. 612—613.

Сатиры. Письма. Эпиграммы. Из Анакреона // Русская поэзия XVIII века / Вступ. статья и сост. Г. П. Макогоненко. М., 1972. С. 65—105. (Б-ка всемирной лит-ры).

Русская литература XVIII века. 1700—1775. Хрестоматия / Сост. В. А. Западов. М., 1979. С. 59—82, 424—425.

Сатиры (1, 2, 7), прозаические отрывки.

Kantemir A. Im Chaos aber blüht der Geist... Satiren. Nachdichtung von Uwe Grüning. Mit einem Nachwort von Helmut Grasshoff. Leipzig, 1983. 135 S.

Перевод 9 сатир по изд. 1867 г. (без перевода авторских примечаний).

Сатиры и другие стихотворные сочинения / Изд. на рус. и молд. яз.; пер. А. Доница, К. Негруци. Кишинэу, 1988. 220 с.

Стихотворения // Русская литература — век XVIII. Лирика. М.: Художеств. лит-ра, 1990. С. 42—45.

Kantemir A. D. Satyra na oszczerców nauk do rozumu własnego / Tł. B. Zadura // Literatura na Świecie. 1991. N 5. S. 3—8. — Стихотворный перевод 1-й сатиры (без авторских примечаний).

Кантемир А. Д. [Описание Кронштадта и Петербурга] // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 457—462. (РАН, Ин-т рос. истории).

Отрывок из «Так называемых „Московитских писем“» в переводе с немецкого языка на русский.

Майелларо Д. Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке // Archivio russo-italiano II. Salerno, 2002. P. 25—78.

С текстом 13-ти писем Марии Кантемир (1734—1739) и 2-х писем А. Кантемира (1738, 1739) на итальянском языке и в русском переводе.

[*Кантемир А. Д., Гросс Х. Ф.*]. Так называемые «Московитские письма» / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Д. Блудилиной;

пер. с нем. С. В. Тураева, Е. Г. Владимировой // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726—1762). М., 2003. Вып. 2. С. 153—291.

Антиох Кантемир и западноевропейская культура / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н. Д. Блудилиной; пер. с франц. Л. В. Калужной // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726—1762). М., 2003. Вып. 2. С. 58—152.

Публикация 25 писем Кантемира к разным лицам из Лондона и Парижа (по материалам Архива внешней политики России).

Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / Вступ. статья и публ. Е. Бабаевой. М., 2004. Т. I—LII. 818 с.; Т. 2. 504 с. (РАН, Ин-т рус. языка).

Р е ц.: *Keipert H.* // Die Welt der Slaven. 2005. Jg. 50. H. 1. S. 193—200; *Breillard J.* // Revue des études slaves. 2005. T. 76, fasc. 4. P. 588—593; *Lemny S.* // Cahiers du Monde russe. 2004. T. 45, f. 3—4. P. 639—642.

Майелларо Д. Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией. 1740—1744 гг. // Archivio russo-italiano IV. Salerno, 2005. P. 147—201.

С текстом 5 писем Марии Кантемир (1743—1744) и 14 писем А. Кантемира (1740—1744) на итальянском языке и в русском переводе.

Рифма, обращенная к Богу: Антология русской молитвенной поэзии. Поэтические молитвы XI—XVIII вв. / Сост., вступ. статья В. Ш. Гороховского. СПб., 2005. С. 180—185.

Русская литература XVIII века: Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей. М., 2007. С. 36—59.

Фрагменты произведений А. Д. Кантемира и отзывы о нем писателей XVIII в.

Литература

Веселитский В. В. Из истории русской литературно-книжной лексики 20—40-х годов XVIII в. // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1966. Вып. 5. С. 20—29. (Моск. гос. ун-т).

С привлечением произведений Кантемира.

Веселитский В. В. Из наблюдений над языком произведений А. Д. Кантемира. (Общественно-гражданская лексика) // Процессы формирования лексики русского литературного языка. (От Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966. С. 35—51. (АН СССР, Ин-т рус. языка).

Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966. 340 S.

Р е ц.: *Berkov P. N.* // Zeitschrift für Slavistik. 1967. Bd. 12. H. 2. S. 274—277.

Моисеева Г. Н. Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 года // Рус. лит-ра. 1967. № 2. С. 102—115. То же под загл.: К истории первого русского издания «Сатир и других стихотворческих сочинений князя Антиоха Кантемира» // Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999. С. 288—307. (РАН, Ин-т мировой лит-ры).

С привлечением «академического списка» сочинений Кантемира из собрания Ин-та рус. лит-ры АН СССР.

Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968. С. 14—24. (Лен. гос. пед. ин-т).

Кантемир о литературе.

Михеева Т. С. О языке сатир Кантемира. (К вопросу использования просторечий) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1968. Т. 212 (рус. лит-ра). Вып. 12. С. 143—149.

Серман И. З. Русская поэзия начала XVIII века. Кантемир // История русской поэзии. Л., 1968. Т. 1. С. 55—61. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Berkov P. N. Frühe russische Horaz-Übersetzer. Zur 2000. Wiederkehr des Geburtstages von Horaz // Berkov P. N. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Russland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968. S. 90—93, 236—237.

Lauer R. Die Anfänge des Alexandriners in Russland. (Erwägungen zum Hauptvers des russischen Klassizismus) // Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968. München, 1968. S. 483—485.

Веселитский В. В. «Письма о природе и человеке» А. Д. Кантемира // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 192—201. (АН СССР, Ин-т рус. языка).

Морозов А. А. К вопросу о литературной позиции Антиоха Кантемира // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 291—296. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Pelc J. Kochanowski i Kantemir: Z dziejów i wędrówek Satyra-Moralisty w literaturach europejskich // Europejskie związki literatury polskiej. Warszawa, 1969. S. 99—120.

Сопоставительный анализ образа сатира в творчестве Я. Кохановского и Кантемира.

Леонов С. А. Пословицы и поговорки в творчестве А. Д. Кантемира // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 312—326. (Учен. зап. Моск. пед. ин-та. Т. 326).

Леонов С. А. Традиции интермедий в творчестве А. Д. Кантемира // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. 1970. Т. 405. С. 39—56.

На материале сатир.

Моисеева Г. Н. Творчество ранних просветителей (Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов) // Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л., 1970. С. 108—113. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Кантемир и фольклор.

Прийма Ф. Я. Антиох Кантемир и его французские литературные связи // Прийма Ф. Я. Русская литература на Западе. Л., 1970. С. 3—57. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Письмо Кантемира неизвестному лицу, 8 марта 1743.

Письма к Кантемиру: Галлишера, 20 дек. 1740; П. Морана, 13 янв. 1739; М. де Полиньяка, 14 февр. 1738; А. Э. де Флери, 15 ноября 1740. Отрывки из посланий к Кантемиру: Ф. Альгаротти, 19 дек. 1739; В. Пуччи, 19 февр. 1739. Отношение Кантемира к Л. Риккони и Вольтеру; Вольтер об исторических трудах Д. К. Кантемира.

Е. К. (*Tschizewskij D.?*) Kantemir und Trediakovskij nicht mehr als «Klassizisten» betrachtet // Slavische Barockliteratur I. München, 1970. S. 95—96. (Forum Slavicum. Bd. 23).

О характеристике стиля Кантемира в кн.: Орлов О., Сидорова Ю., Терехов С., Федоров В. История русской литературы XVII—XVIII веков. М., 1969.

Jakubowski W. Antioch Kantemir // Literatura rosyjska. Podręcznik. Warszawa, 1970. T. 1. S. 191—196.

Tschizewskij D. Das Barock in der russischen Literatur // Slavische Barockliteratur I. München, 1970. S. 17—22. (Forum Slavicum. Bd. 23).

Кантемир и барокко.

Леонов С. А. Отношение передовых русских классицистов XVIII века к народу и его устной поэзии // Вопросы русской литературы. М., 1971. С. 125—130. (Учен. зап. Моск. пед. ин-та. Т. 455).

Русские пословицы и народные песни в творчестве Кантемира.

Веселитский В. В. Ученая лексика в произведениях А. Д. Кантемира // Лексикология и лексикография. М., 1972. С. 113—126. (АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка; Науч. совет по лексикологии и лексикографии).

Власова Л. В. К вопросу об обстоятельствах и мотивах написания работы Дмитрия Кантемира «Жизнь Константина Кантемира» // Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев, 1972. С. 327—351. (АН МССР, Ин-т истории).

З.-Г. Байер — редактор книги, в которой Д. Кантемир обосновывал наследное право Кантемиров на Молдавию.

Леонов С. А. Элементы устной народной поэзии в творчестве А. Д. Кантемира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 27 с. (Моск. гос. пед. ин-т).

Boss V. Newton and Russia: The Early Influence, 1698—1796. Cambridge; Mass., 1972. P. 116—127.

О несохранившемся переводе Кантемира книги
Ф. Альгаротти «*Neutonianismo per le Dame*» (1737).

Рец.: *Копелевич Ю. Х., Невская Н. И.* // История СССР.
1974. № 3. С. 212—214.

Schenk D. Studien zur anakreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt am Main, 1972. S. 7—14.

Šilbajoris R. Rhythm and Meaning in Kantemir's «Letter to Prince Nikita Jur'evič Trubeckoj» // Slavic and East European Journal. Vol. 16 (Summer 1972). N 2. P. 163—172.

Алексеева А. А. Д. Кантемир (1708—1744) // Русские писатели в Москве: Сборник / Сост. Л. П. Быковцева. М., 1973. С. 30—36; То же (переиздание): М., 1977. С. 30—36; То же: 3-е изд., доп. и перераб. М., 1987. С. 20—25.

Горохова Р. М. Торкватто Тассо в России XVIII века. (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 120—122.

Т. Тассо в творчестве Кантемира.

Ермуратский В. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973. 154 с.

Рец.: *Русеев Е.* // Коммунист Молдавии. 1974. № 2.
С. 93—96.

Петров Л. А. Развитие прогрессивной общественно-политической, философской и социологической мысли России первой половины XVIII века. (Ф. Прокопович, В. Татищев, А. Кантемир, И. Посошков). Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иркутск, 1973. 30 с. (Иркутский ун-т).

Серман И. З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 173—188. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Кантемир и сатирическая традиция XVII века.

**Duzinchevici D.* Doua scrisori inedite de la Antioh Cantemir // Studii si cercetari de bibliologie, 13, 1973. P. 253—258.

Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Die Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publizisten. Berlin, 1973. S. 167—180.

Об издании сатир Кантемира в 1749 г. на французском языке и откликах на него.

Белоусова Е. Ф. Роль Дмитрия Кантемира в формировании личности и творческих интересов Антиоха Кантемира // Мат-лы науч. конф. Кишиневского гос. ун-та, посвященной 300-летию со дня рождения Дмитрия Кантемира (1673—1973 гг.). Кишинев, 1974. С. 146—151.

Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974. 70 с. («Из истории мировой культуры»).

Кривошеева В. А. Кантемир о врожденных идеях // Современные вопросы гносеологии. Иркутск, 1974. С. 180—185. (Иркутский ун-т).

На материале «Писем о природе и человеке» Кантемира.

Пигарев К. В. Историко-литературные опыты в России XVIII в. // Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. С. 93—103. (АН СССР, Ин-т мировой лит-ры).

На материале примечаний Кантемира к своим сочинениям и переводам.

Lauer T. Gedichtform zwischen Schema und Verfall. Sonnett, Rondeau, Madrigal, Ballade, Stanze und Triolett in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. München, 1975. S. 45—49.

Мадригал Кантемира на французском языке.

Lehmann V. Sind die Satiren Kantemirs barock? Eine Untersuchung ihrer Metaphern als Stilkennzeichen // Festschrift für Alfred Rammelmeyer. München, 1975. S. 143—175.

Белюсова Е. Ф. Влияние Дмитрия Кантемира на Антиоха Кантемира // Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Кишинев, 1976. С. 182—202.

Вомперский В. П. Стилистическая теория А. Д. Кантемира // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1976. № 1. С. 55—66.

Гребенюк В. П. Д. Кантемир и Ф. Прокопович. Литературная полемика // Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Кишинев, 1976. С. 174—181.

Критика книги Феофана Прокоповича «Первое учение отроком» в неизданном сочинении Д. Кантемира «Темные места в Катехизисе, который безименно на словенском языке издан».

Западов А. В. Из редакторского опыта русских писателей. (Антиох Кантемир как редактор) // Книга. Иссл. и мат-лы. М., 1976. Сб. 33. С. 61—79. То же под загл.: Антиох Кантемир как редактор // Западов А., Соколова Е. Недочитанные строки: Книговедческие статьи и очерки. М., 1979. С. 243—287.

О примечаниях Кантемира к своим произведениям.

Мусеева Г. Н. Судьба рукописного наследия Дмитрия Кантемира // Наследие Дмитрия Кантемира и современность. Кишинев, 1976. С. 127—143.

А. Кантемир и рукописное наследие его отца.

Lechur C. Polonizmy w języku A. D. Kantemira // Zeszyty naukowe WSP im. Powstańców śląskich w Opolu. Ser. A. Filologia rosyjska XIII. Opole, 1976. S. 81—93.

Redston D. Kantemir's Translation of Horace // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1976. N 4. P. 7—10.

Бобынз Г. Е. Наука нового времени в воззрениях Антиоха Кантемира // Изв. АН МССР, Сер. общ. наук. 1977. № 2. С. 56—64.

Redston D. The Translations of Kantemir // Journal of Russian Studies. 1977. Vol. 33. P. 33—39.

Smith D. S. An Unknown Translated Panegyric Poem of 1737: Michael Mattaire and Prince A. Kantemir // *The Slavonic and East European Review*. 1977. Vol. 55. N 2. С. 161—171. То же (на рус. языке): *Смит Д.* Неизвестный перевод Кантемира: панегирическая ода Михаила Меттера 1737 г. // *Смит Д.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 29—39.

С текстами русского перевода (по рукописи РГАДА) и латинского оригинала панегирика, перевод которого атрибутирован Кантемиру. (В действительности перевод был сделан В. К. Третьяковым).

Белоусова Е. Ф. Антиох Кантемир в оценке В. Александри и В. Г. Белинского // *Очерки молдавской лингвистики и литературоведения*. Кишинев, 1978. С. 75—95.

Бобынэ Г. Е. Философско-исторические воззрения Антиоха Кантемира // *Социальные и гносеологические идеи в русской философской мысли XVIII—начала XX века*. Сб. аспирантских статей. М., 1978. С. 71—108. (АН СССР, Ин-т философии).

Бобынэ Г. Е. Философские воззрения Антиоха Кантемира. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1978. 21 с. (АН СССР, Ин-т философии).

Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX в. Л., 1978. С. 7—9. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Кантемир — переводчик стихотворения Вольтера.

Копаниця Л. М. Про деякі питання поезитики (наслідування, вимисел, теорія трьох стилів) у теоретико-літературній спадщині Феофана Прокоповича і Антиоха Кантеміра // *Вісник Київського університету: Українська філологія*. Київ, 1979. Вип. 21. С. 62—68.

Копаниця Л. Н. К вопросу о реформе силлабического стихосложения в украинской и русской литературах XVIII столетия (на материале литературно-теоретического наследия Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира) // *Вісн. Київск. ун-ту. Укр. філологія*. 1980. Вип. 22. С. 54—60.

Моисеева Г. Н. Литературно-общественное движение 1730-х—начала 1760-х годов. Становление классицизма. 2. Кантемир // *История русской литературы: В 4 т. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века*. Л., 1980. С. 500—506. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Хасанбаев П. Х. А. Д. Галахов о жанровом своеобразии сатир А. Д. Кантемира // *Жанровое своеобразие произведений русских писателей XVIII—XIX веков*. М., 1980. С. 111—117. (Моск. гос. пед. ин-т).

По статьям Галахова «Сочинения Кантемира» («Отечественные записки». 1848. № 11) и «Материалы для изучения Кантемира» (в кн.: *Кантемир А. Д.* Избр. сатиры. СПб., 1872).

Brown W. E. A History of 18th Century Russian Literature. Ann Arbor, 1980. P. 31—53.

Бобынэ Г. Е. Философские воззрения Антиоха Кантемира. Кишинев, 1981. 136 с. (АН МССР, Отд. философии и права).

Рец.: *Приленский В. И.* // Науч. докл. высш. школы.

Филос. науки. 1983. № 4. С. 185—187.

Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII в. М., 1981. С. 87—109. (АН СССР, Ин-т мировой лит-ры).

Литературные воззрения Кантемира по его примечаниям к своим произведениям.

Сорокин Ю. С. У истоков литературного языка нового типа (перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля) // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 52—85. (АН СССР, Ин-т рус. языка).

Разработка Кантемиром русского научного стиля.

Алексеев М. П. Монтепьяне и Кантемир // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 119—146. (АН СССР, Отд. лит-ры и языка).

Анализ статьи К. Н. Батюшкова «Вечер у Кантемира» (1816).

Градова Б. А. Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983. С. 17—33. (Гос. публ. б-ка).

Описание пяти авторизованных рукописей со стихотворениями и переводами Кантемира в собрании Рос. нац. б-ки.

Ермуратский В. Н. Дмитрий Кантемир / Пер. с молд. Кишинев, 1983. 114 с.

Илюшин А. А. «Рогатый пророк». О силлабических стихах Кантемира // Рус. речь. 1983. № 5. С. 3—8.

Курилов А. С. Понятие о сатире в России XVIII—первой трети XIX в. (Кантемир. Жуковский. Пушкин) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1983. № 4. С. 310—319.

Песков А. [275 лет со дня рождения А. Д. Кантемира] // Памятные книжные даты. 1983. М., 1983. С. 79—80.

Седых Г. По должности гражданина. К 275-летию со дня рождения А. Д. Кантемира // В мире книг. 1983. № 9. С. 52—53.

Фомин С. Кантемиры в Москве // Кодры. 1983. № 3. С. 142—147.

С привлечением материалов из архивов г. Москвы.

De Mikelis C. S. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A. Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-sociale, IV—V (1982—1983). P. 91—114.

Бабий А. И. Дмитрий Кантемир. М., 1984. 173 с. (Мыслители прошлого).

Западов А. В. Поэты XVIII века: А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков: Литературные очерки. М., 1984. С. 32—61. (Моск. гос. ун-т).

Очерк жизни и творчества.

Стенник Ю. В. К вопросу о поэтическом состязании 1743 года // Русская литература. 1984. № 4. С. 100—104.

Поэтическое состязание В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова было задумано и инспирировано Тредиаковским как полемическое выступление против «Письма Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» Кантемира.

Cîrstea С. Antioh Cantemir. Craiova: Scrisul Românesc, 1984. 157 p.

Большухина Н. П. Лирика А. Д. Кантемира // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1985. № 5. С. 22—26.

На материале стихотворных посланий, од, эпитаграмм.

Градова Б. А. Первые переводы А. Д. Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 46—57. (Гос. публ. б-ка).

Обзор одиннадцати рукописей со списками переводов Кантемира 1725—1731 гг. из собраний Рос. нац. б-ки, Рос. гос. б-ки и Б-ки Рос. академии наук.

Градова Б. А. Рукописное тиражирование сочинений А. Д. Кантемира в XVIII в. // 3-я Всесоюз. науч. конф. «Книга в России до середины XIX в.». Тез. докл. Л., 1985. С. 56—57.

Дерюгин А. А. Греческие сложные эпитеты в переводах А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского // Иноземна філологія. Львів, 1985. Вип. 80. С. 16—23.

Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский — переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 27—33. (Саратовский гос. ун-т).

Теоретические взгляды Кантемира на перевод и его творческая практика.

Копаница Л. Н. Поэтика сатирических произведений Ф. Прокоповича и А. Кантемира и интермедии первой половины XVIII в. // Вопросы русской литературы. Львов, 1985. Вып. 1 (45). С. 30—36.

Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII в. Л., 1985. С. 54—89. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Brezianu A. Swift and the Cantemirs: an 18th Century Case in Literary Contingency // Revue des études sud-est européennes. Bucarest, 1985. Vol. 23. N 3. P. 223—231.

Сочинения Д. Свифта в библиотеке А. Кантемира.

Gieseemann G. Die Strukturierung der russischen literarischen Romanze im 18. Jahrhundert. Köln; Wien, 1985. S. 64—67.

Любовная лирика Кантемира.

Cândeа V. La vie du prince Dimitrie Cantemir écrite par son fils Antioh. Texte intégral d'après le manuscrit original de la Houghton Library // Revue des études sud-est européennes. Bucarest, 1985. Vol. 23. N 3. P. 203—221.

С текстом биографии Д. Кантемира (с. 207—221) на французском языке.

Cândeа V. Life story of a manuscript: Dimitrie Cantemir's History of the Othman empire // *Revue des études sud-est européennes*. Bucarest, 1985. Vol. 23. N 4. P. 297—312.

Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // *Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой*. Л., 1986. С. 154—160. (XVIII век. Сб. 15; АН СССР, Ин-т рус. лит.-ры).

Атрибуция Феофану Прокоповичу переложений псалмов, приписывавшихся Кантемиру (по рукописным сборникам из собраний Рос. гос. б-ки и Б-ки Рос. академии наук).

Банчева А. Проблемы воспитания в творчестве русских классицистов (А. Д. Кантемир и А. П. Сумароков) // *Болгарская русистика*. София, 1986. Т. 13. № 5. С. 23—30.

На примере сатир А. Кантемира.

Калачева С. В. Эволюция русского стиха. М., 1986. С. 119—124. (Моск. гос. ун-т).

Кантемир и реформа русского стиха.

Копанев Н. А. О первых изданиях сатир А. Кантемира // *Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой*. Л., 1986. С. 140—154. (XVIII век. Сб. 15; АН СССР, Ин-т рус. лит.-ры).

Издания «Сатир» на французском (Амстердам, 1749, издатель П. Госс-младший; Париж, 1750) и немецком (Берлин, 1752, издатели А. Гауде и И. К. Шпенер) языках (амстердамское и берлинское издания выполнены по заказу из России).

Градова Б. А. А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // *Россия—Франция. Век Просвещения*. Кр. тез. докл. науч. конф. Л., 1987. С. 16—18.

Рукопись словаря из собрания Рос. гос. б-ки.

Копаница Л. Н. Свообразие конфликта в сатирических произведениях. Конфликт в сатирах Антиоха Кантемира // *Вісн. Київського ун-ту. Літературознавство. Мовознавство*. 1987. Вип. 29. С. 35—42.

Кумок М. В. Российский посланник в Англии А. Д. Кантемир // *Вопр. истории*. 1987. № 2. С. 178—184.

По материалам Архива внешней политики России.

Стенник Ю. В. Статья Жуковского «О сатире и сатирах Кантемира» и ее место в литературной полемике 1800—1810 годов // *Жуковский и русская культура*. Л., 1987. С. 125—137. (АН СССР, Ин-т рус. лит.-ры).

Хютль-Фольтер Г. Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1987. Bd. 33. S. 7—21.

На материале перевода книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров».

Ponomareff C. V. Kantemir and Lomonosov: Russian or European? // Ponomareff C. V. On the Dark Side of Russian Literature, 1709—1910. N. Y.; Bern; Frankfurt am Main; Paris, 1987. P. 11—27.

Вомперский В. П. Риторика в России XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 102—115. (АН СССР, Ин-т рус. языка).

Стилистическая теория Кантемира.

Рец.: *Владимирова Л. А. // Рус. речь. 1989. № 5. С. 151—154.*

Пигарев К. В., Фридендер Г. М. Кантемир // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1988. Т. 5. С. 365—366.

Фомин С. В. Кантемиры в изобразительных материалах. Кишинев, 1988. 92 с.

Каталог портретов Кантемиров (63 номера).

Цуркану В. «Стихи пишу, что кровь пуцаю...». К 280-летию со дня рождения Антиоха Кантемира // Кодры. 1988. № 9. С. 137—142.

Baracchi M. Osservazioni sulla traduzione degli «Entretiens sur la pluralité des mondes» di Fontenelle fatta da A. D. Kantemir // Europa Orientalis. Roma, 1988. Vol. 7. P. 259—283.

Кантемир — переводчик книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров».

Серман И. Кантемир и Буало. (Проблема литературной ориентации) // Russia and the World of the Eighteenth Century. Columbus (Ohio), 1988. P. 634—650.

Интерес Кантемира к французской литературе в 1720-е гг.; заимствование им из сатир Н. Буало формы непринужденной стихотворной речи.

Hüttl-Folter G. (Alt-)russische und kirchenslawische Konstruktionen in A. Kantemirs Fontenelle-Übersetzung von 1730 // Zeitschrift für Slawistik. 1988. Bd. 33. H. 6. S. 835—842.

Употребление Кантемиром церковнославянских и русских синтаксических конструкций в книге «Разговоры о множестве миров», являющейся переводом сочинения Б. де Фонтенеля «Entretiens sur la pluralité des mondes».

Meintema A. Antioch's accusatives: The object case in negated sentences in A. D. Kantemir's dispatches and political letters (1732—1744) // Dutch contributions to the Tenth international congress of slavists, Sofia, September 14—22, 1988. Amsterdam, 1988. P. 397—419.

Лингвистический анализ дипломатической корреспонденции Кантемира.

Serman I. Z. The Literary Context in Russian Eighteenth-Century Esthetics // Russian Literature Triquarterly. 1988. N 21. P. 15—17.

О примечаниях Кантемира к сатирам; для образца были избраны примечания Броссета к сатирам Н. Буало.

Николаев С. И. Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 г.? (Об авторстве «Эпода утешительного») // Рус. лит.-ра. 1989. № 2. С. 191—193.

Атрибуция Феофилу Кролику стихотворения, приписывавшегося Кантемиру.

Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX в. М., 1989. С. 17—20. (Моск. гос. ун-т).

Кантемир — переводчик Буало; влияние Буало на Кантемира.

Baracchi Bavagnoli M. Un precursore del mito puškiniano di Pietroburgo: Antioch Dmitrevič Kantemir // Alessandro Puškin del 150° anniversario della morte. Milano, 1989. P. 15—33.

«Петрида» Кантемира и «Медный всадник»

А. С. Пушкина.

*Paltanea P. Stiri despre familia domnitorului Antioch Cantemir // Anuarul Institutului de istorie. Iasi, 26, 1989, 1. P. 705—717; 27, 1990. P. 239—257.

Власенко Т. Л. Судьбы лирических субъектов «я» и «мы» в истории русской лирики: (от Кантемира к Некрасову) // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1990. С. 34—45.

Одесский М. П. Кантемир и Поуп // Прометей. М., 1990. Т. 16. С. 251—261.

Сопоставительный анализ творчества.

Панченко А. М. Князь Кантемир и князь Курбский. (Профессиональный «диалект» и проблемы стиля) // Res philologica. Филологические исследования. Памяти акад. Г. В. Степанова (1919—1986). М.; Л., 1990. С. 413—421. (АН СССР, Отд-ние лит. и яз.). То же в кн.: Из истории русской культуры. Т. 4. (XVIII—начало XIX в.). М., 1996. С. 575—587.

Федоров В. И. Русская литература XVIII века: Учебник для студентов пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990. С. 59—71.

Чернышева А. В. Становление философии русского Просвещения. (В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир, И. Т. Посошков). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1990. 24 с. (Моск. гос. ун-т).

Демская А. А. История одного забытого завещания // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1990. М., 1992. С. 34—48.

О родственных связях между Голицыными и Кантемирами в XVIII в.; уточнения к биографии А. Кантемира.

Хютль-Фольтер Г. Перевод «Разговоров о множестве миров» А. Кантемира (1730 г.) // Сборник Матице Српске за Славистику. 38 (1990). С. 97—110.

Baracchi Bavagnoli M. Le origini del poema epico russo. La Petrida di Antioch Kantemir. Milano, 1990. 138 p.

Р е с.: Гардзонио С. // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1991. N 19. P. 62—64; Đurišin D. // Ricerche Slavistiche. Vol. 38. 1991. P. 366—368.

Kluz B. przyczynek do twórczości poetyckiej Antiocha Kantemira (temat Piotra I) // *Z badań nad dawną i nową literaturą rosyjską.* Rzeszów, 1991. S. 5—16.

Рогович М. Д. Світські мотиви в творчості Ф. Прокоповича і А. Кантеміра // *Секуляризація духовного життя на Україні в епоху гуманізму і Реформації.* Київ, 1991. С. 158—182.

Venturi F. Incontri cosmopoliti: Lomellini e Kantemir // *Rivista Storica Italiana.* Torino, 1991. Vol. T. 103, fasc. II. P. 544—556.

Елеонская А. С. Панегирик 1719 г. Из литературного наследия семьи Кантемиров // *Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1990. М., 1992.* С. 28—33.

О «Слове панегирическом в похвалу... Димитрия Фессалоникийского», произнесенном А. Кантемиром в Славяно-греко-латинской академии в 1719 г.; предполагается авторство Д. Кантемира.

Панов С. И. К истории кодификации русской силлабики // *Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Мат-лы. Тверь, 1992.* С. 152—153. (Тверской ун-т).

Об источниках и традициях трактата Кантемира о поэзии.

Хютль-Фольтер Г. Русский литературный язык нового типа. Инновации в синтаксисе 30-х годов XVIII в. // *Wiener Slavistisches Jahrbuch.* 1992. Bd. 38. S. 21—36.

На материале перевода книг Б. Фонтенеля «Разговоро о множестве миров» и «Военного состояния Оттоманской империи» (1737).

Hüttl-Folter G. Синтаксис ранних переводов с французского языка на русский литературный язык нового типа // *Доломоносковский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language.* (Мат-лы конф. на Фагерудде, 20—25 мая 1989 г.). Stockholm, 1992. P. 305—323. (Slavica Suecana, Series B — Studies, vol. 1).

«Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля в переводе Кантемира (1730).

Serman I. Antioch Kantémir (1709—1743) // *Histoire de la littérature russe: Des origines aux Lumières / Ed. par E. Etkind et al.* Paris, 1992. P. 366—373, 785—786.

Николаев С. И. А. Кантемир в польском журнале XVIII в. // *Рус. лит.-ра.* 1993. № 3. С. 64—65. То же в кн.: *Николаев С. И.* От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII—первой трети XIX в. СПб., 2004. С. 184—187. То же (на польском языке): *Nikolajew S.* Poeta rosyjski w «Zabawach przyjemnych i pożytecznych» // *Ruch Literacki.* 1994. N 3—4. S. 345—347; То же (на польском языке): *Nikolajew S.* Antioch Kantemir w osiemnastowiecznym polskim czasopiśmie // *Nikolajew S.* Od Kochanowskiego do Mickiewicza. Szkice z historii polsko-rosyjskich

зwiązków literackich XVII—XIX wieku / Przełożył J. Głazewski. Warszawa, 2007. S. 213—216.

Публикация в польском журнале «Zabawy przyjemne i pożyteczne» (1772) шестой сатиры Кантемира в переводе с франц. языка.

Серман И. Возможна ли реконструкция замысла «Петриды» Кантемира? // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1993. N 21. P. 17—21.

Фоллин С. В. Некрополь Кантемира в России // Кодры. Молдова литературная. 1993. № 5. С. 230—231.

Хютль-Фольтер Г. О предложениях с неориентированной анафорической связью в русском литературном языке нового типа // Philologia slavica. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993. С. 410—415. (РАН. Отд-ние лит-ры и языка; Отд-ние истории; Ин-т славяноведения и балканистики).

На материале перевода Кантемира книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров».

Бондарев А. В. «Пролог русской литературы». (К вопросу о новаторстве языка сатир Антиоха Кантемира) // Бондарев А. Блуждающие сердца. (Литературно-критические статьи, рецензии, размышления, заметки). Воронеж, 1994. С. 3—19.

Овсянников Ю. «Московские письма» графа Локателли. Итальянец в Петербурге // Вопр. лит-ры. 1994. Вып. 4. С. 219—239.

Донесения Кантемира из Лондона 1735—1736 гг. по поводу издания в Англии памфлета Ф. Локателли «Московские письма».

Хютль-Фольтер Г. О союзном подчинении в переводе А. Кантемира книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII—начала XIX в. СПб., 1994. С. 229—335. (РАН, Ин-т лингвистических исследований).

Бабаева Е. Э. «Стали мы вдруг народ уже новый...». (О славяно-французском лексиконе А. Кантемира) // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Мат-лы Междунар. науч. конф. М., 1995. С. 61—64. (РАН, Ин-т славяноведения и балканистики).

Буранок О. М. Русская литература XVIII века / Уч. пособие. М.; Самара, 1995. С. 42—65. (Самарский гос. пед. ун-т).

Николаев С. И. Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 3—14. (РАН, Ин-т рус. лит-ры). То же в кн.: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 119—132. (РАН, Ин-т рус. лит-ры).

С привлечением так называемого «академического» списка сочинений Кантемира из собрания Ин-та рус. лит-ры РАН.

Старк В. П. Антиох Кантемир, евгеника и «Табель о рангах» // Известия русского генеалогического общества. 1995. № 3. С. 44—56.

Hüttl-Folter G. Gerundial Constructions in A. Kantemir's «Razgovory o mnozestve mirov» // The Language and Verse of Russia: In Honor of Dean S. Worth on his Sixty-Fifth Birthday. M., 1995. P. 140—146. (UCLA Slavic Studies, New Series. Vol. 2).

Бабаева Е. Э. Славяно-французский лексикон А. Кантемира. (Филологическая характеристика: концепция, структура) // Вопр. языкознания. 1996. № 1. С. 136—153.

О рукописи словаря из собрания Рос. гос. б-ки.

Градова Б. А. А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // A Window on Russia / Ed. by M. Di Salvo and L. Hughes. Roma, 1996. P. 155—159.

Градова Б. А. Неизвестный портрет А. Д. Кантемира // Тьеполо и итальянская живопись XVIII в. в контексте европейской культуры. Тез. докл. СПб., 1996. С. 18—19. (Гос. Эрмитаж).

Миниатюра XVIII в. из собрания Рос. нац. б-ки атрибутируется как автопортрет Кантемира.

Николаев С. И. О переводе похвальной оды М. Меттера 1737 г. // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 249—251.

Атрибуция В. К. Тредиаковскому приписывавшегося А. Д. Кантемиру перевода латинской оды французского писателя М. Меттера «Торжественный стих августейшей российской императрице посвященный».

Ранчин А. М. Подражания А. Д. Кантемиру и Г. Р. Державину в поэзии Иосифа Бродского // Изгнанничество. Драма и мотивация. София, 1996. С. 73—90. То же в кн.: *Ранчин А. М.* Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII—XX веков. М., 2001. С. 97—102.

Подражания Кантемиру в поэзии И. Бродского.

Федоровская Л. А. Неизвестное письмо Антиоха Кантемира к Байеру // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб., 1996. С. 52—66.

С текстом письма Кантемира (22 сент. 1730 г.) из собрания Санкт-Петербургской консерватории (на латинском языке и в русском переводе).

Serman I. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // A Window on Russia / Ed. by M. Di Salvo and L. Hughes. Roma, 1996. P. 147—154.

Андросов С. О. Антиох Кантемир и Якопо Амигони // Русское просветительство конца XVII—XVIII веков в контексте европейской культуры. СПб., 1997. С. 35—38.

Дружеские и творческие связи Кантемира и итальянского художника.

Давыдов Г. А. Языковые воззрения А. Д. Кантемира // Рус. речь. 1997. № 1. С. 63—66.

На материале авторских предисловий и примечаний к переводам.

Живов В. М. Заметки об историческом синтаксисе русского языка. (По поводу книги: *Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen.* Böhlau Verlag. Wien; Köln; Weimar, 1996. 319 S.) // *Вопр. языкознания.* 1997. № 4. С. 58—69.

В монографии привлекается, в частности, книга «Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла» в переводе Кантемира (изд. 1740).

Николози Р. Ритмическая проза и изоколическая традиция в русской литературе начала XVIII века // *Russica Romana.* 1997. Vol. 4. P. 27—54.

Ритмическо-синтаксические структуры в прозе Кантемира.

Сементковский Р. И. Антиох Кантемир. Его жизнь и деятельность // Кантемир. Белинский. Добролюбов. Писарев. Гончаров: Биограф. повествования / Сост., общ. ред. и послесл. Н. Ф. Болдырева. Челябинск: Урал, 1997. С. 5—104. (Жизнь замеч. людей: Биограф. б-ка Ф. Павленкова; Т. 20).

Переиздание биографического очерка 1893 г.

Майелларо Д. Кантемир и Италия // *Мировое Древо.* 1998. № 6. С. 199—211.

Майелларо Л. Концепция «поэтического языка» А. Кантемира и ее итальянские источники. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 25 с. (Рос. гос. гуманитарный ун-т).

*Майелларо Г. Поэтический язык А. Кантемира и его связь с итальянской литературой // *Atti della I Conferenza Nazionale dei Giovani Filologi Italiani.* Firenze, 1998. P. 1—3.

Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999. 320 с. (Ин-т мировой литературы РАН).

Алехина Л. И. Традиции басенного жанра в творчестве Антиоха Кантемира; Афанасьев Э. Л. А. Д. Кантемир и М. В. Ломоносов: Два начала новой русской литературы; Афанасьева К. А. На подступах к русской оде: Тематика и проблематика песен А. Кантемира; Большухина Н. П. Лирика Кантемира; Буранок О. М. «Разговоры о множестве миров» Фонтенелла в переводе Антиоха Кантемира и жанр «Разговора» в русской литературе первой трети XVIII века; Глухов В. И. Кантемир и жанр стихотворной сатиры. (К вопросу о творческой эволюции сатирика); Елеонская А. С. Древнерусские мотивы в произведениях А. Д. Кантемира; Елизаветина Г. Г. Творчество А. Д. Кантемира в историко-литературной концепции В. Я. Стоюнина; Калачева С. В. «Красота преизличная...»: Гипотеза о любовной песне Кантемира; Калачева С. В. Комическое у Кантемира; Кондаков И. В. Единство литературной и со-

циальной критики в представлении А. Д. Кантемира; *Люстров М. Ю.* А. Д. Кантемир и рождение эпистолярной традиции в русской поэзии XVIII в.; *Макаров А. А.* Взгляд А. С. Пушкина на А. Д. Кантемира; *Моисеева Г. Н.* К истории первого русского издания «Сатир и других стихотворческих сочинений князя Антиоха Кантемира»; *Николаев Д. П.* Антиох Кантемир и сатирические опыты русских поэтов-сентименталистов в конце XVIII—начале XIX в.; *Николаев Д. П.* Осмысление творчества Кантемира и пути развития жанра стихотворной сатиры в 1800-е годы; *Одесский М. П.* Условное собеседование в сатирах А. Д. Кантемира; *Панов С. И.* А. Д. Кантемир и «Анакреона Тиейца песни»; у истоков русской анакреонтики; *Панфилова Е. М. А.* Д. Кантемир и А. П. Сумароков: творческие переклички; *Черная Л. А.* Гуманистические идеи в творчестве Антиоха Кантемира.

Рец.: *Семенова Е. В.* // Филологические науки. 2001. № 1. С. 114—118.

Бабаева Е. Антиох Кантемир как автор дипломатических и церемониальных текстов // Язык. Культура. Гуманитарное знание. М., 1999. С. 54—72.

С текстом трех присланных Кантемиром из Парижа текстов о придворном церемониале в Англии и Франции (по мат-лам РГАДА).

Володина И. П. Фр. Альгаротти и А. Кантемир. (К истории одного стихотворного послания) // Литература в зеркале эпохи: Сб. статей к юбилею профессора И. П. Купреяновой. СПб., 1999. С. 41—47.

О стихотворном послании Альгаротти имп. Анне Иоанновне, отосланном в Россию вместе с русским переводом его книги «Ньютонизма для дам», выполненным Кантемиром.

XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 53—61, 110—112. (Ин-т рус. лит-ры РАН).

Серман И. З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти; *Шмидт Х.* Русская тема в научной публицистике г. Галле и Галльского университета в середине XVIII века. [Барон Г. Э. фон Шпилькер — переводчик «Сатир» А. Д. Кантемира].

Одесский М. П. Очерки исторической поэтики русской драмы: Эпоха Петра I. М., 1999. С. 178—193.

О стиле сатир Кантемира.

[*Пумпянский Л. В.*]. Кантемир // Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. Учебник / Вступ. статья А. Зорина. М., 1999. С. 49—61. То же: М., 2003.

Переиздание учебника 1939 г. (Авторство Л. В. Пумпянского главы о А. Д. Кантемире и В. К. Тредиаковском не указано).

Чернышева Л. В. Кантемир и Ломоносов — первые поэты-переводчики Анакреона на русский язык // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Оренбург, 1999. № 5. С. 55—69.

**Harea V. Dimitrie Cantemir si fiul sau Antioh.* Iasi, 1999.

Lentin A. Did Montesquieu know «Pravda voli monarshei»? // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1999. N 27. P. 18—25.

Вероятно, именно Кантемир познакомил Монтестье с указом Петра I о новом порядке престолонаследия.

Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М., 2000. С. 59—72. То же: М., 2003. С. 59—72.

Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории: XVII—первая половина XVIII века. М., 2000. С. 162—170, 186—196. (Рос. гос. гуманитарный ун-т).

Приписываемое Кантемиру двестишие на латинском языке и его переложение латинской оды имп. Анне Иоанновне (1731); обращенные к Кантемиру эпиграммы Феофила Кролика.

Р е ц.: *Кочеткова Н. Д.* // Кн. обозрение. 2000. 30 окт. № 44. С. 14; *Sedina G.* // Studi Slavistici. 2004. Vol. 1. P. 282—285.

Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 39—44.

Семенова Л. Е. Научная деятельность Дмитрия Кантемира в России // Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 296—310.

Ciobanu Ş. Dimitrie Cantemir în Rusia. Bucureşti, 2000. 208 p.

Переиздание книги 1925 г. (с перепиской Д. Кантемира).

Maiellaro G. Псалтырь в песнях-одах А. Кантемира // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2000. N 28. P. 19—24.

Один из источников песни «На злобного человека» — 139 псалом.

**Атаджанян И. А.* [О статье Брюсова «Кантемир»] // Брюсовские чтения 1996 года. Ереван, 2001. С. 235—244.

Луцевич Л. Ф. Псалтырь в литературе. Ч. 2. Стихотворные переложения псалмов в русской поэзии XVIII века / Учебное пособие по спецкурсу. Кишинев, 2001. С. 45—86. (Молдавский гос. ун-т).

Духовные стихотворения Кантемира и Феофана Прокоповича.

Салова С. А. Функция пословицы в «стихотворном наречии» А. Д. Кантемира (на материале перевода греческой анакреонтеи) // Фольклор народов России: Фольклор. Миф. Литература: Меж-

вуз. науч. сб.: (К 90-летию Л. Г. Барага). Уфа, 2001. Вып. 24. С. 243—253.

Лексическая русификация кантемировских переводов из греческой анакреонтики.

Maiellaro G. Теория и практика поэтического языка А. Кантемира: некоторые синтаксические особенности // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Köln; Weimar; Wien, 2001. P. 263—280.

Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 121—179.

Духовные стихотворения Кантемира и Феофана Пророповича.

Р е ц.: *Кошелев В. А.* // Новое литературное обозрение. 2003. № 62. С. 508—510; *Давыдов Д.* // Кн. обозрение.

2003. № 15. 14 апр. С. 6; *Orłowski J.* // *Slavia Orientalis*.

2004. N 4. S. 579—582.

Патканов К. О сатирах и сатире Кантемира // Глагол будущего: Пед. дискурс Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставроп. губерн. гимназии середины XIX в.: Науч.-метод. семинар «TEXTUS». Ставрополь, 2002. Вып. 8. Ч. 1. С. 267—277.

Впервые: Ставропольские губернские ведомости (1854, № 2. 9 января). — Гимназическое сочинение К. Патканова 1853 г.

Mihaila G. Antioche Cantemir biographe de son père Démètre Cantemir // *Omagiu lui Virgil Căndea la 75 de ani*. Bucarest, 2002. Vol. 2. P. 431—447.

Volodina I. Fr. Algarotti e A. Cantemir (intorno alla storia di un'epistola in versi) // *Settecento Russo e Italiano*. Genova, 2002. P. 79—85.

Андросов С. О. Антиох Кантемир и Якопо Амигони // Андросов С. О. Русские заказчики и итальянские художники в XVIII в. СПб., 2003. С. 110—154. То же (в сокр.; на итальянском яз.): *Androssov S.* Jacopo Amigoni e Antioch Kantemir: Nuovi materiali per il soggiorno inglese del pittore // *Paragone/Arte*, 51. 2000. N 32 (605). P. 40—55.

Дружеские и творческие связи Кантемира и итальянского художника (по письмам Амигони 1738—1739 гг., хранящимся в АВПР).

Манькова Л. В. Дипломат, поэт, ученый // *Наука в России*. М., 2003. № 4. С. 87—91.

К биографии А. Д. Кантемира.

**Салова С. А.* Анакреонтическое стихотворение А. Д. Кантемира «О спящей своей полюбовнице» // *Вестник Оренбург. гос. ун-та*. Оренбург, 2003. № 6. С. 20—24.

**Склейтис Г. А.* Сатира А. Д. Кантемира «На хулящих учения» в контексте миропонимания эпохи русского Просвещения // *Вестн. Север. междунар. ун-та*. Магадан, 2003. Вып. 1. С. 93—97.

Бабаева Е. Э. О грамоте и грамотеях (Ф. Поликарпов и А. Кантемир: опыт сопоставительного анализа некоторых ключевых понятий

филологии) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 729—743.

Блудилина Н. Так называемые «Московитские письма», или Достойный ответ «клеветникам России» восемнадцатого столетия // Наш современник. 2004. № 4. С. 249—256.

Опубликовано в переводе на русский язык предисловие «Ко всем честным и разумным читателям» (С. 252—256). Автор считает, что предисловие написал Кантемир.

**Луцевич Л.* Русская псалтырная поэзия XVIII века: Стихотворные переложения псалмов. Кишинев; Варшава, 2004.

*Рец.: *Егоров Б.* // *Studia Rossica.* Warszawa, 2005. Т. 16. S. 404—405.

Рудкина Е. Г. Новые герои в литературе послепетровского времени: (на примере второй сатиры А. Кантемира) // VI Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых. Сб. науч. тр. Архангельск, 2004. С. 163—165. (Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион, 2004. 718 с. (Филологическая библиотека).

Рец.: *Одесский М.* // Новое лит. обозрение. 2005. № 74. С. 585—587.

Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин о творчестве А. Д. Кантемира и М. В. Ломоносова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 325—335. (Рос. пед. гос. ун-т; Самарский гос. пед. ун-т).

Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 70—78. (РАН, Ин-т рус. лит-ры).

Атаджанян И. А. Статья Брюсова «Кантемир» и материалы, собранные Брюсовым по литературе XVIII века // Неизвестный Брюсов (публикации и републикации). Ереван: Лингва, 2005. С. 6—28. (Ереванский гос. лингвистический ун-т им. В. Я. Брюсова).

Публикация статьи 1891 г.

Блудилина Н. Антиох Кантемир и «Московитские письма» // Тобольск и вся Сибирь. Тобольск, 2005. № 4. С. 125—131.

Крашенинникова О. А. «Пишу по должности гражданина...» (Проблема национального самопознания в творчестве А. Д. Кантемира) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 227—255. (ИМЛИ РАН).

Салова С. А. А. Д. Кантемир — оппонент В. К. Тредиаковского // В. К. Тредиаковский и русская литература. М., 2005. С. 94—109. (ИМЛИ РАН).

Салова С. А. Утро русской анакреонтики: А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков. М.: МАКС пресс, 2005. С. 27—77. (Башк. гос. ун-т; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Рец.: *Илюшин А. А.* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 5. С. 150—151.

Otten F. Das Weismann'sche Wörterbuch als Quelle für Antioch Kantemir // Sprache. Literatur. Kultur: Studien zur slavischen Philologie und Geistesgeschichte. Festschrift für Gerhard Ressel zum 60. Geburtstag. Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 2005. S. 435—442.

Блудилина Н. Д. Антиох Кантемир и свобода слова в английской печати XVIII века // Грани культуры: Актуальные проблемы истории и современности. Мат-лы науч.-теор. конф. Москва, 17 ноября 2005 г. М., 2006. С. 170—192. (Ин-т бизнеса и политики).

О попытках А. Д. Кантемира воспрепятствовать появлению в английской прессе перевода антирусского памфлета «Московитские письма» («Letters Moscovites», 1735 г.).

Калугин В. Ять <ѣ> в поэтическом языке Антиоха Кантемира // Художественный текст как динамическая система. М., 2006. С. 506—508.

Соблюдение орфоэпической нормы восточнославянской барочной поэзии в творчестве А. Д. Кантемира.

Леонов И. С. Эпиграмматическое наследие А. Д. Кантемира // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2006. Вып. 12. С. 73—79. (Рос. пед. гос. ун-т; Самарский гос. пед. ун-т).

Склеинис Г. А. Сатира А. Кантемира «На хулящих учения» // Лит. в шк. 2006. № 5. С. 47—48.

Фетюкова Е. В. Перевод А. Д. Кантемиром анакреонтических песен // Россия и Греция: Диалоги культур. Мат-лы I Междунар. конф. Петрозаводск, 2006. Ч. 1. С. 69—82.

Otten F. Zum russisch-französischen Wörterbuch von Antioch Kantemir // Studia Philologia slavica. Festschrift für Gerhard Birkfellner zum 65. Geburtstag, gewidmet von Freunden, Kollegen und Schülern. Berlin, 2006. Teilband 2. S. 541—554. (Münstersche Texte zur Slavistik. Bd. 4).

Гларянтова Е. В. Античные и христианские источники в творчестве Антиоха Кантемира // Знание. Понимание. Умение. М., 2007. № 4. С. 167—171.

Растягаев А. В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин, Радищев). Самара: Изд-во СГПУ, 2007. С. 74—113.

«Житие Квинта Горация Флакка» Кантемира.

Фетюкова Е. В. Скрытые цитаты в Песни I («Противу безбожных») и Песни II («О надежде на бога») А. Д. Кантемира // Художественный текст: Скрытое и явное. Сб. науч. мат-лов. Петрозаводск, 2007. С. 132—137.

В «Песни I» обнаружена цитата из 34-й оды Горация; в «Песни II» — из 9-й оды Горация, а также перифраз Евангелий от Матфея (6: 28) и Луки (12: 27).

Белоусова А. Антиох Кантемир и итальянская академия Аркадия // Русская филология. 19. Сб. науч. работ молодых филологов. Tartu, 2008. С. 24—28. (Тартуский ун-т).

Николаев С. «Сродный порядок слов» в поэтическом синтаксисе А. Кантемира // *Natales grate numeras?* Сб. статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 409—413.

Отец и сын Кантемира // СПб. вед. 2008. 8 окт. № 189 (4127).

Выставка в Рос. нац. б-ке (Санкт-Петербург).

Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 2008. С. 52—61, 210—211. (Петрозаводский гос. ун-т).

Глариянтова Е. В. Басенный сюжет «городская и полевая мышь» в интерпретации А. Д. Кантемира; Глариянтова Е. В. Кантемир и итальянская культура.

Klein J. Russische Literatur im 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2008. S. 43—49. То же в кн.: Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 61—68.

Бабаева Е. Э. Кантемир-энциклопедист: К постановке вопроса // *Acta linguistica Petropolitana = Труды Института лингвистических исследований.* СПб., 2009. Т. 5. Ч. 3. С. 7—38. (ИЛИ РАН).

Глариянтова Е. В. Следы античной традиции в поэме «Петрида» А. Д. Кантемира // *Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII—XIX вв.* Петрозаводск, 2009. С. 31—45. (Петрозаводский гос. ун-т). — То же (в сокращении): Глариянтова Е. В. Влияние «Энеиды» Вергилия на поэму «Петрида» А. Д. Кантемира // *Experimenta Lucifera: Сб. мат-лов VI Поволжского науч.-метод. семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла.* Нижний Новгород, 2009. Вып. 5. С. 273—279. (Нижегородский гос. ун-т).

Парамонова М. К. А. Д. Кантемир и А. П. Сумароков о благородстве (на материале «Сатиры II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений» А. Д. Кантемира и сатиры «О благородстве» А. П. Сумарокова) // *Творчество А. П. Сумарокова в контексте мировой литературы: Сб. науч. работ, подготовленный по мат-лам конф., посвященной творчеству А. П. Сумарокова (17 декабря 2008 г.)* / Отв. ред. С. Н. Травников. М., 2009. С. 166—122. (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина).

Растягаев А. В. «Житие Квинта Горация Флакка» А. Д. Кантемира: Рецепция агиографической традиции // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века.* Вып. 14. СПб.; Самара, 2009. С. 54—64. (Рос. пед. гос. ун-т; Поволжская гос. социально-гуманитарная академия).

Растягаев А. В. Житийная топика в прозе писателей XVIII столетия (Кантемир, Третьяковский, Фонвизин). Самара, 2009. С. 51—86. «Житие Квинта Горация Флакка».

Letny S. Les Cantemir. L'aventure européenne d'une famille princière au XVIIIe siècle. Paris, 2009. P. 177—358.

Otten F. Zu russischen Quellen des «Russko-francuzskij slovar» von Antioch Kantemir // *Zeitschrift für Slavische Philologie.* 2009. Bd. 66. H. 1. P. 75—91.

Васильева Е. Н. Монтеские и Россия. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. С. 11—13. (СПб. гос. ун-т).

Монтеские и А. Д. Кантемир.

Феррацци М. А. Д. Кантемир и его итальянское окружение в Лондоне: К вопросу о влиянии итальянской поэзии на теорию стихосложения А. Д. Кантемира // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 178—197. (ИРЛИ РАН).

Справочный отдел

Серман И. З. Кантемир А. Д. // Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. Стб. 372—373.

История русской литературы XVIII века: Библиографический указатель / Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенник; под ред. П. Н. Беркова. М.; Л., 1968. С. 272—279. (АН СССР, Ин-т рус. лит-ры).

Мадан И. К. Дмитрий Кантемир. (1673—1723). Указ. лит-ры. Кишинев, 1973. 102 с. (Науч. б-ка Кишиневского ун-та; Гос. республиканская б-ка МССР).

Перечень изданий и публикаций произведений А. Д. и Д. К. Кантемиров и литературы о них (1698—1973) — 613 номеров.

Серман И. З., Юровская Е. Е. Кантемир А. Д. // Большая Советская Энциклопедия. М., 1973. Т. 11. С. 338.

Деятели русской культуры XVIII века: Страницы биографий. Рекомендательный библиографический указатель. М., 1980. С. 33—34. (Гос. публичная историческая б-ка РСФСР).

Moiseeva G. N. A. D. Kantemir // Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by M. C. Levitt. Detroit; Washington; London, 1995. P. 120—128. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 150).

Байбурова Р. М. Кантемиры // Исторический лексикон. XVIII век. Энциклопедический справочник. М.: Знание, 1996. С. 334—340.

Антохов А. В. Кантемир А. Д. // Русская литература XVIII века: Словарь-справочник / Под ред. В. И. Федорова. М., 1997. С. 147—148. (Моск. пед. гос. ун-т).

Илизаров С. С. Московская интеллигенция XVIII в. М., 1999. С. 138—139. (Деятели науки и просвещения Москвы XVIII—XX вв. в портретах и характеристиках). (Ин-т истории естествознания и техники РАН).

Николаев С. И. Кантемир А. Д. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2 (К—П). С. 15—21. (РАН, Ин-т рус. лит-ры).

Люстров М. Ю. А. Д. Кантемир // Русские поэты XVII—XIX вв.: Собрание биографий. Челябинск, 2001. С. 104—105.

Николаев С. И. Кантемир А. Д. // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001, кн. 1: А—М. С. 426—429. (СПб. гос. ун-т). То же: Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. 2-е изд., испр. СПб.; М., 2003. Кн. 1: А—М. С. 426—429. (СПб. гос. ун-т).

Панибратцев А. В. Кантемир А. Д. // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2: Е—М. С. 211.

Джанумов С. А. Кантемир А. Д. // Русские писатели. XVIII век: Биобиблиографический словарь / Сост. С. А. Джанумов. М.: Просвещение, 2002. С. 62—66.

Доценко В. Д., Миронов В. Ф. Знаменитые люди Санкт-Петербурга: Биографический словарь. СПб., 2002. С. 160—161.

Кантемир А. Д. // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. М.; СПб., 2002. Т. 2. С. 143. (Филол. ф-т СПбГУ).

Кузнецов В. А., Чердаков Д. Н. Кантемир А. Д. // Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.; М.: Рос. политич. энциклопедия, 2004. С. 347.

Dimitrie și Antioch Dimitrievici Cantemir: tipărturi aflate în colecțiile Bibliotecii Naționale a României: bibliografie. București, 2008. P. 68—70.

Dimitrie și Antioch Dimitrievici Cantemir: tipărturi aflate în colecțiile Bibliotecii Naționale a României: catalog. București, 2008. P. 27—33.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНЫ КУКУШКИНОЙ

1972

Поездка за рукописями на Пинегу и Верхнюю Тойму летом 1970 года // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 437—440. (Совм. с И. Д. Азволинской и Т. А. Махновец).

Археографическая работа студентов ЛГУ // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. С. 22—23.

1974

Александр Александрович Кроленко // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1974. Сб. 28. С. 178—190. (Совм. с И. Ф. Мартыновым).

1975

Невідома рукописна збірка XVIII ст. // Радянське літературознавство. 1975. № 2. С. 73—82.

1976

Забывшие тексты русской силлабической поэзии XVIII века // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1975. М.: Наука, 1976. С. 44—47. (Совм. с И. Ф. Мартыновым).

1977

Сатира на откупщика Логинова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1976. М.: Наука, 1977. С. 4—44.

1978

Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР на Украину и юг России 1973—1975 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л.: Наука, 1978. С. 298—316. (Совм. с И. Ф. Мартыновым, Л. А. Петровой).

1979

[Р е ц.:] *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века // Изв. АН СССР. 1979. Сер. лит. и яз. Т. 38. № 3. С. 273—274. (Совм. с Г. Н. Моисеевой).

1980

Русская комическая опера XVIII века и демократизация литературы // Русская литература. 1980. № 2. С. 134—143.

Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины»: (К вопросу о методе Львова-драматурга) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. трудов. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. Вып. 4. С. 48—53.

1981

От древности к дню сегодняшнему... [Р е ц.: *Лихачев Д. С.* Литература—реальность—литература. Л.: Сов. писатель, 1981] // В мире книг. 1981. № 8. С. 71.

Драматургия русской комической оперы XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 24 с.

1982

Комическая опера XVIII века // История русской драматургии. XVII—первая половина XIX века / Л. М. Лотман (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1982. С. 163—180.

1983

Переводная новелла в рукописных сборниках XVIII в. // XVIII в. Л.: Наука, 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 180—192.

[Р е ц.:] *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII в. М.: Наука, 1981 // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1. С. 81—83.

1985

Научная конференция «Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века» [Ленинград, февраль 1985] // Русская литература. 1985. № 3. С. 228—233.

1986

Текст и изображение в конклюзии петровского времени: (на примере портрета царевны Наталии Алексеевны) // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 21—36.

1988

Аблесимов А. О., Бабичев Д. Г., Батулин П. С. (совм. с А. Б. Шишкиным), Бибииков В. И., Волков С. И., Генш Ф. В., Дамский К. Ф., Дашков Я., Дебольцев И. Н., Дмитревский И. А. (совм. с Л. М. Стариковой), Ельчанинов Б. Е., Зубрилов Н., Иванов Л. // Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Т. 1 (А—И). С. 18—19, 44, 68—70, 91—92, 170, 195—196, 237, 243, 248, 266—268, 310, 343, 349—350.

1990

Публ.: Майков В. И., Богданович И. Ф., Княжнин Я. Б. // Русская литература — век XVIII. Лирика. М.: Худож. лит. 1990. С. 229—274, 674—678.

1991

О драматургическом компоненте в прозе XVIII века // XVIII век. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17. С. 48—60.

Комедиография второй половины XVIII века и вопросы сюжетосложения // Русская драматургия и литературный процесс. СПб.; Самара, 1991. С. 35—52.

Публ.: Четыре записки Г. Р. Державина к В. Н. Олину // XVIII век. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17. С. 207—214.

Публ.: Павильчиков П. А. Ермак, покоритель Сибири // Русская литература — век XVIII. Трагедия. М.: Худож. лит., 1991. С. 643—688, 715—716.

1993

«Записки» Прасковии Николаевны Львовой (с публикацией текста) // XVIII век. СПб.: Наука. 1993. Сб. 18. С. 262—298.

Державин в семейных преданиях // Г. Р. Державин: Личность, творчество, современное восприятие: Тез. Междунар. конф., посвященной 250-летию со дня рождения поэта. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. С. 29—30.

Державин в семейных преданиях // Г. Державин: История и современность. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. С. 74—80.

1995

Комедиография В. А. Левшина // XVIII век. СПб.: Наука, 1995. Сб. 19. С. 86—101.

Ablesimov A. O. // *Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries* / Ed. by M. Levitt. University of South California. Detroit; Washington; D. C., London: A Bruccioli ClarkLayman Book Gale Research Inc, [1995]. P. 3—7. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 150).

Kniazhnin Ja. B. // *Ibid.* P. 173—181.

1996

Сюжет «Суд Соломона» в драматургии // Театральная жизнь Петербурга в контексте европейской культуры XVIII—начала XX в.: Тез. докл. Междунар. конф. 23—24 ноября 1995 г. СПб.: СПбГАТИ, 1996. С. 29—30.

Сюжет «Суд Соломона» в драматургии // XVIII век. СПб.: Наука, 1996. Сб. 20. С. 121—134.

Сост.: Хронологический список трудов Юрия Владимировича Стенника // Там же. С. 323—331.

Русская поэзия XVIII века / *Сост.*, вступ. ст., коммент. СПб.: Лениздат, 1996. 191 с. (Школьная библиотека).

1999

Духовные стихи В. И. Майкова // Карамзинский сборник: Национальные традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. пед. ун-та, 1999. С. 81—86.

Тема бессмертия души у В. И. Майкова // XVIII век. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896—1969). С. 177—184.

Сост.: Труды Г. Н. Моисеевой по русской литературе XVIII века // Антиох Кантемир и русская литература. М.: Наследие, 1999. С. 311—318.

Кантаровский Я. И. (совм. с Л. И. Сазоновой), Козлова А. И., Комиссаров С. И., Константинов Т. В., Краевский Г., Левшин П. Г. (совм. с Г. А. Лихоткиным), Матинский М. А., Мосалов (Мосолов) П., На-

зарьев А. П. (совм. с Т. Е. Автухович), Петров П. И., Петухов И., Плавильщиков П. А., Поморцев П., Попов И. В., Протопопов А., Пустовойтов В. // *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб.: Наука, 1999. Т. 2 (К—П). С. 15, 98, 113—114, 121, 138—139, 201—204, 276—278, 301, 318—319, 429—430, 435, 438—441, 464, 467—469, 499—500, 506.

2000

Библейские мотивы у А. Н. Радищева // *Русская литература*. 2000. № 1. С. 119—123.

Конференции, посвященные 250-летию со дня рождения А. Н. Радищева // *Там же*. С. 124—125 (совм. с Н. Ю. Алексеевой).

2001

Международная научная конференция «Русская литературная культура эпохи Просвещения» [ИРЛИ, ноябрь—декабрь, 2000 г.] // *Русская литература*. 2001. № 2. С. 233—235.

Княжнин Я. Б., Мартын Задека // *Три века Санкт-Петербурга*. Энциклопедия: В 3 т. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 1. А—М. С. 469—470, 580—581.

Плавильщиков П. А., Радищев А. Н., Рижский И. С., «Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений» // *Три века Санкт-Петербурга*. Энциклопедия: В 3 т. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 2. Н—Я. С. 137—138, 207—210, 231, 251—252.

Г. Р. Державин и Н. Ф. Врасский // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. тр., посвященный памяти В. А. Западова*. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 137—144.

2002

Писарь П. К. Соловьев о «Словаре Академии Российской» // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства: Мат-лы Междунар. симпозиума, 21 июня 2001 г. / Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук. СПб., 2002. С. 104—114.

Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. СПб.: Наука, 2002. Сб. 22. С. 96—110.

2004

Стихотворные послания Державину: (По рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. СПб.: Наука, 2004. Сб. 23. С. 149—182.

2005

Отв. ред. Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове, 1896—1969: из истории рос. науки / *Отв. ред.* Н. Д. Кочеткова, Е. Д. Кукушкина; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Наука, 2005. 179 с.

Державин и Евграф Озеров: (К истории переводов Берни в России) // О древней и новой русской литературе: Сб. статей в честь профессора Н. С. Демковой. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. С. 250—257.

2006

Державин и К. В. Злобин: (К вопросу о дилетантской поэзии) // XVIII век. СПб.: Наука, 2006. Сб. 24. С. 174—192.

Публ.: И. И. Голиков, Платон Левшин, Е. Р. Дашкова, В. Г. Рубан // Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии) / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. С. И. Николаев. СПб.: Наука, 2006. С. 213—242, 251—259, 386—397, 402—407.

2007

Сборник статей по книговедению [Р е ц.: Книга в России / *Отв. ред.* В. П. Леонов. М.: Наука, 2006. Сб. 1. 335 с.] // Русская литература. 2007. № 3. С. 239—242.

2008

«Басни в стихах и прозе» в изданиях А. Г. Решетникова // Von Wenigen = От немногих. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2008. С. 128—148. [Под псевд.: Деревенский мечтатель].

Корреспондент Г. Р. Державина М. Протопопов и его трактат о поэзии // Державин и культура Казанского края: Мат-лы Всерос. науч. конф. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2008. С. 130—134.

Густав III в русской литературе XVIII века // XVIII век. СПб.: Наука, 2008. Сб. 25. С. 64—94.

Конференция «Ревнителю российского Просвещения» // Русская литература. 2008. № 2. С. 228—240.

Из истории российской педагогики: Просветительская деятельность А. Г. Решетникова // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 9. С. 279—284.

Новый сборник статей о Г. Р. Державине [Р е ц.: Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2007. Вып. 3. 170 с.] // Русская литература. 2008. № 4. С. 225—229.

В. В. Капнист — предводитель дворянства: Детали биографии в стихах, письмах и документах // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб.: Вирд, 2009. Вып. 5. С. 4—13.

2010

Решетников А. Г., Рижский И. С., Рыкачев Д. М., Рычков П. И., Салтыков С. В. (совм. с В. Н. Муллиным), Сандунов Н. Н., Свищев А., Сергеев А., Синьковский Д. Н., Смирнов М. М., Соколов П. А. (совм. с Р. М. Лазарчук), Соловьев П. К., Струговщиков А. С., Тимофеев П., Титов Н. С. (совм. с Л. И. Сазоновой), Филиппов А., Фриз Г. Х. (совм. Т. И. Рожковой), Ханенко А. И., Цицианов Д., Черневский Р., Чернявский О., Чернявский Р., Шаховской А. Н., Эмин Н. Ф. (совм. с Е. И. Степанюк), Янкович де Мириево И. Ф., Янкович де Мириево Ф. И., Ястребов М. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. (Р—Я) С. 38—41, 48—50, 78—83, 86—87, 88—92, 103—104, 116, 124—125, 138—139, 151—152, 157, 176, 241, 243, 303, 323—324, 326—327, 386—387, 403—404, 415, 442—444, 463—467, 469.

Рязанский корреспондент Г. Р. Державина М. Протопопов и его трактат о поэзии // Пятые Яхонтовские чтения. Мат-лы Межрегиональной науч.-практ. конф. Рязань, 14—17 октября 2008 года: Сб. статей / Отв. ред. И. Г. Кусова. Рязань, 2010. С. 415—420.

Судьба русского офицера в XVIII веке // Г. Р. Державин и диалектика культур. Мат-лы Междунар. науч. конф. Лаишево, 13—15 июля 2010. Казань, 2010. С. 88—92.

Похождение прапорщика Климова. Мемуары XVIII века / Подгот. текста, коммент., статьи Е. Д. Кукушкиной (в печати).

Лит.: Кукушкина Е. Д. // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 465.

Составил А. О. Дёмин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР* — Архив внешней политики Российской империи
БАН — Библиотека Российской академии наук
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва)
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
РО — Рукописный отдел
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
СПбГАТИ — Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СК — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1963—1967. Т. 1—5
СККИЯ — Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1984—1986. Т. 1—3
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аблесимов А. О. 344, 567, 568
Аввакум Петров 229
Август Гай Юлий Цезарь Октавиан, римский император 206
Август II Фридрих, курфюрст Саксонский, король польский 36
Аверкий (Таушев) 53
Аволио Дж. 37, 43, 45, 46, 47
Аволио К. М. (урожд. Кроуманн (Грауманн)) 37
Аврамов, вятский городничий 320
Автухович Т. Е. 550, 568
Агамалян Л. Г. 73, 325, 332
Азволинская И. Д. 565
Акимов И. И. 135, 136
Аксаков С. Т. 238, 244, 247
Алакшин А. Э. 28, 30
Аламбер Ж. Ле Ронд' 171, 175, 186
Алдонина Н. Б. 560
Александр, купец из Франции 261
Александр I, российский император 186, 200, 243, 315, 325, 327, 328, 329, 349, 424, 428, 430, 432, 434, 436, 437, 438, 439, 441, 442, 446
Александр Македонский 178
Александр В. 547
Алексеев М. П. 242, 548
Алексеева А. А. 545
Алексеева Н. Ю. 8, 80, 94, 95, 106, 132, 152, 222, 226, 560, 569
Алексей Михайлович, русский царь 357
Алексей Петрович, царевич, наследник российского престола 86, 89, 94
Алехина Л. И. 556
Алквиад, греческий полководец 256
Алперс Б. В. 126
Альгаротти Ф. 544, 545, 555, 557
Альтшуллер М. Г. 113, 239, 253, 424, 434, 441
Амвросий Каминский 65
Амвросий Юшкевич 54, 55, 56, 70
Амигоны Я. 555, 559
Анакреон 204, 205, 541, 557, 558
Анастасевич В. Г. 239, 241, 243
Анастасий Братановский-Романенко 72
Андреев А. Н. 20, 26, 31
Андреев А. Ю. 359
Андреева Ю. С. 20
Андросов С. О. 51, 555, 559
Анна Иоанновна, российская императрица 15, 36, 37, 39, 40, 44, 45, 46, 47, 49, 53, 71, 72, 264, 265, 280, 357, 541, 557, 558
Анна Леопольдовна, российская правительница 54, 87, 94
Анна Петровна, цесаревна российская 93
Антипа Мартинианов 55, 68
Антон Ульрих, герцог Брауншвейг-Люнебургский 54, 88, 92, 179
Антоний (Нарожницкий) 55
Антоновский М. И. 148, 184
Антонский М. 184
Антюхов А. В. 563
Аретино П. 370
Аржанс Ж. Б. д' 140, 185
Аристид, греческий полководец 183, 256
Аристотель 80
Аркин Д. 189
Ардт И. 186
Арно А. В. 76

- Арсенний Мацеевич 56, 60, 66, 68,
 69, 70
 Арсенний Могилянский 56, 58, 59,
 63, 65
 Арутюнова Н. Д. 560
 Астраханский В. С. 91, 93
 Атаджанян И. А. 558, 560
 Атоний Новоспасский (Илляше-
 вич) 54, 55
 Афанасий Антонович (Таполь-
 ский) 54, 68
 Афанасьев Э. Л. 556
 Афанасьева К. А. 556
 Афанасьева Т. А. 52
 Аш К. 316, 317, 323
- Бабаева Е. Э. 542, 554, 555, 557, 559,
 562
 Бабий А. И. 548
 Бабичев Д. Г. 567
 Бабкин Д. С. 154, 184, 210, 211
 Байбаков А. Д. (Аполлос) 160
 Байбурова Р. М. 563
 Байер З. Г. 544, 555
 Байрон Дж. Г. Н. 508, 513
 Бакулар д'Арно Ф. Т. М. де 182
 Бакунин А. М. 210
 Бакунина В. 499
 Бакунина Т. А. 438
 Баль П. 264
 Банах И. В. 333
 Бантыш-Каменский Д. Н. 504
 Банчева А. 550
 Бараг Л. Г. 559
 Барбарано да Порта М. 277
 Барбейрак Ж. 178
 Барков И. С. 236, 354, 543
 Барсков Я. Л. 147, 516
 Барсов Н. И. 186
 Барсуков Н. 233
 Бартенев П. И. 500, 513, 514
 Бартенев Ю. Н. 500, 502, 503—505,
 507—514, 535—537, 539
 Бартенсва Е. С. 508, 536
 Бартоли Ф. С. 39, 47, 48
 Баттэ Ш. 209, 210, 212
 Батурын П. С. 567
 Батюшков К. Н. 105, 106, 114, 115,
 239, 325, 326, 548
 Баум У. 344, 347
 Баух А. 343
 Бахтин И. И. 241
- Бахтин М. М. 200
 Башилов С. С. 140, 141, 149
 Безбородко А. А. 152
 Бейер И. М. 161
 Бекетов П. П. 106, 162, 325
 Беклешев А. А. 319
 Белинский В. Г. 105, 112, 119, 122,
 124—126, 130, 547, 556
 Белкин 505
 Белковец Л. П. 174
 Беллуа П. Л. Б. де 238
 Белобоцкий Ян 8, 9, 11
 Белоброва О. А. 76, 77, 142
 Белокуров С. А. 87
 Белосельский-Белозерский А. М.
 359, 503
 Белоусова А. 561
 Белоусова Е. Ф. 545—547
 Белых Н. Н. 153
 Бем А. Л. 52
 Беньяш Р. М. 243
 Беранже Л. 361
 Берг Э. П. 130
 Бердников Л. И. 139
 Берков П. Н. 90, 94, 126, 235, 236,
 288, 289, 355—357, 543, 563,
 566, 568, 570
 Берни Ф. Ж. П. 570
 Бернини Дж. Л. 77
 Бертинацци К. 36
 Бершу Ж. 330, 332
 Беспятых Ю. Н. 541
 Бессер И. фон 88, 92
 Бестужев-Рюмин А. П. 362
 Бёрни Ф. 152
 Бёртон Р. 311
 Бибииков В. И. 567
 Благодаров Я. И. 158
 Бланк Б. К. 167
 Блок А. А. 116
 Блудилина Н. Д. 541, 542, 560, 561
 Блум, трактирщик в Берлине 257,
 260, 261
 Блюм П. И. 158
 Бобров С. С. 180, 435, 436
 Боброва Е. И. 85
 Боброва Л. Е. 144
 Бобынэ Г. Е. 546—548
 Богданов В. 161
 Богданович И. Ф. 75, 96, 97, 117, 137,
 204, 567
 Бодрова А. С. 500
 Бодэн Р. 288, 290, 295, 302

- Бозе А. (Таландер) 86, 88, 92
 Бозивио П. 39
 Боковинов, вельский городничий 321
 Бокум Е. Ф. 369
 Болдина Е. Г. 518
 Болотов А. Т. 75, 170, 176, 177, 180
 Болтин А. И. 156, 157
 Болтина Е. Ф. (урожд. Голицына) 157
 Большухина Н. П. 549, 556
 Бон Дж. 45
 Бондарев А. В. 554
 Бонеки Дж. 361, 362
 Бонот Э. 163
 Борн И. М. 101
 Бородкин Л. И. 23
 Борхова, жена учителя московской школы в Потсдаме 265
 Бочкарев В. А. 424, 425, 427, 429
 Брайко Г. Л. 209
 Брежнев Л. И. 345
 Брѣзихке фон, статский советник из Кетцюра 259
 Брейер Й. 294
 Брейяр Ж. 290, 297, 542
 Брикнер А. Г. 20
 Бродский И. А. 221, 555
 Брок, домовладелец в Потсдаме 265
 Брокес Б. Г. 88, 92
 Броссет К. 551
 Брюннинг У. 343
 Брюс Я. В. 77, 173
 Брюсов В. Я. 558, 560
 Брянский Я. Г. 373
 Буало-Депрео Н. 102, 107, 551, 552
 Будный Б. 93
 Буланин Д. М. 76
 Булич Н. Н. 119, 120, 127—130
 Буранок О. М. 554, 556
 Бурламаки Ж. Ж. 171, 172, 178
 Буслаев Петр 3—19,
 Буффелли (Буффелли) С. 45, 46
 Бухаркин П. Е. 4
 Бушардон Э. 193
 Быкова Т. А. 52
 Быковцева Л. П. 545
 Бьянколелли Д. (Доминик) 40, 41
 Бюффон Ж. Л. Леклер де 200, 201, 202
 Бюшинг А. Ф. 173, 174
 Варбург А. 77
 Варлаам Ясинский 8
 Васильева Е. Н. 563
 Вахгольц фон, капитан прусской армии 277
 Вахтангов Е. В. 49
 Вахтель М. 263, 269, 273
 Вацуро В. Э. 111, 112
 Везер, театральный деятель в Потсдаме 267
 Вейгель К. 91
 Вейднер И. Л. 93
 Вейзе Х. 86, 89, 92
 Вейман 177
 Веймер М. (девица Жорж) 242, 243
 Вейссмантель (Шнейдер) И. Н. 174
 Венгеров С. А. 119, 211
 Венгерова Э. В. 342
 Вендт К. 276, 277
 Вениамин Пуцек-Григорович 59
 Венцель, отчим А. В. Олсуфьева 357
 Вергилий Марон Публий 7, 91, 562
 Вердергольц, домовладелица в Потсдаме 275, 276
 Вери П. 177
 Вермеер Я. 77
 Вернадский Г. В. 504
 Веселитский В. В. 542—545
 Веселова А. Ю. 118, 162
 Веселовский А. А. 235
 Встелев А. 53
 Вигель Ф. Ф. 432, 499, 502, 506
 Видашик (Видершик) М. Д. 279, 280
 Видебург И. Т. 343, 344
 Визентини Т. (Томассен) 40, 41
 Вильгельмина принцесса прусская, наследная штатгальтерша Нидерландов 261
 Виниус А. А. 77, 80
 Винкельман И. И. 206, 235
 Виноградов Д. И. 89—91
 Виноградов С. П. 106
 Витковская Л. В. 424, 426, 428, 434
 Владимир Всеволодович Мономах, великий князь Киевский 117
 Владимир Святославич, великий князь Киевский 426
 Владимирова Е. Г. 542
 Владимирова Л. А. 551
 Власенко Т. Л. 552
 Власова Л. В. 544

- Воейкова Е. И. (урожд. Толстая) 153
 Войт Л. В. 91
 Волков С. И. 567
 Волконский Н. А. 158
 Воллан Л. Г. (Софи) 192
 Волластон В. 171, 172
 Володарский В. М. 93
 Володина И. П. 557, 559
 Волинский А. П. 89, 93
 Вольперт Л. И. 333
 Вольтер 104, 124, 145, 157, 188, 200, 243, 256, 339, 346, 347, 360, 427, 544, 547
 Вомперский В. П. 546, 551
 Вороблевский В. Г. 155
 Воробьев Ю. К. 189
 Воронцов А. Р. 150
 Воронцов М. И. 65
 Вортман Х. 73, 76, 80, 83
 Востоков А. Х. 101
 Врасский Н. Ф. 569
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 37, 49, 242
 Всеволожский Н. А. 156
 Вяземский А. А. 232
 Вяземский А. П. 500
 Вяземский П. А. 103—105, 109—117, 124, 125, 127, 130, 241, 255, 507

 Гавриил Бужинский 53, 54
 Гавриил Петров, митрополит С.-Петербургский 63
 Гавриил Кременецкий 58
 Гагарин П. Г. 3, 325—340
 Гагдорн Х. В. 87
 Галаган Г. Я. 288, 289, 302, 305
 Галахов А. Д. 137, 547
 Галенкин В. 182
 Галиани Б. 192, 193
 Галиани Ф. 191—193, 195
 Галинковский Я. А. 101
 Галлишер 544
 Галченков Ф. 154
 Гардзонио С. 354, 361, 362, 552
 Гаршин В. М. 312
 Гаспаров М. Л. 19, 370
 Гассе А. 44
 Гауде А. 550
 Гегель Г. Ф. В. 345
 Гедeon Криновский 53, 57

 Гейне Х. Л. 167
 Гельвский К. А. 290, 300
 Гельман А. 537, 539
 Гельман Н. И. 510, 513, 535—537
 Геннади Г. Н. 137
 Генш Ф. В. 567
 Герасимова Е. Ю. 73
 Гербиг Г. 254, 258, 261
 Герман Андрониковский (Барутович) 55, 56
 Герман З. 86
 Геров Н. 554
 Геродот 426
 Гертнер Э. 260
 Герхардт Д. 289
 Герцен А. И. 229, 566
 Гесиод 435
 Гёте И. В. 39, 154, 254, 255, 341, 342, 345
 Гийяр Н. Ф. 370
 Гиллельсон М. И. 103
 Гинзбург Л. Я. 76, 104, 114, 116
 Глариантова Е. В. 561, 562
 Глебов С. И. 133—135
 Глейм В. Л. 132
 Глейхен Э. фон, граф 255
 Глинка М. Е. 73, 83
 Глинка С. Н. 119, 121, 122, 130, 325, 328, 330, 331
 Глинка С. Ф. 511
 Глинка Ф. Н. 514
 Глумов А. Н. 209
 Глухов В. И. 556
 Гнедич Н. И. 239, 243
 Гобин, купец из Магдебурга 259
 Гоголь Н. В. 312
 Голеневский И. К. 96
 Голиков И. И. 140, 570
 Голицын А. М. 193, 357
 Голицын А. Н. 186, 501, 505, 511, 518
 Голицын Н. Н. 500, 504
 Голицына Н. П. 501
 Голицыны; дворянский род 552
 Голубинова Е. 288
 Гольдони К. 37—39, 46, 50, 51, 361
 Гомер 7
 Гонтард К. Ф. Х. фон 270, 276
 Гончаров И. А. 556
 Гончарова О. М. 305
 Гораций Квинт Флакк 79, 81, 98, 205, 210, 221—237, 543, 546, 561, 562

- Горжи Ж. К. 165
 Горлицкий И. С. 362
 Горохова Р. М. 545
 Гороховский В. Ш. 542
 Горфункель А. Х. 9, 11
 Горчаков Д. П. 153, 154
 Горяинов А. А. 319
 Госс П. младший 550
 Готшед И. К. 92, 368
 Гофмансвальдау Х. Г. фон 87, 88, 92
 Гоцци Г. 39
 Гоцци К. 39, 50
 Грабов фон из Бескова 259
 Градова Б. А. 548, 549, 550, 555
 Гребенюк В. П. 546
 Грей Т. 294
 Греч Н. И. 6, 122, 510, 511
 Гречаная Е. П. 500, 503
 Григорова Н. В. 222, 223
 Григорьева Н. И. 79
 Гримм В. 276
 Гримм Ф. М. 190—192, 201
 Гримм Я. 276
 Гриммельсгаузен Г. Я. К. фон 92
 Грифиус А. 89, 92
 Гросс Х. Ф. 541
 Гроссман Г. Ф. 362
 Грот Я. К. 98, 107, 203, 204, 206,
 209—211, 221, 223, 226, 230,
 231, 233, 238, 326
 Грузинцов А. Н. 99—101, 105, 120
 Гукровский Г. А. 114, 150, 227, 240,
 247, 288, 289, 305, 347, 557
 Гуревич М. М. 52
 Гурьянов В. П. 288, 289, 302
 Гусев А. А. 52
 Густав III, шведский король 323,
 570
 Густав IV, шведский король 327
 Гутнов Д. А. 23
 Гюбнер И. 90
 Гюльман Г. В. 260
 Гюнтер И. Х. 89, 92
- Давыдов Г. А. 555
 Давыдов Д. 559
 Давыдова М. В. 45
 Давыдовский Л. Я. 181
 Даль Ольо Д. 363, 366, 367
 Даль В. И. 247, 446
 Дамаскин Аскаронский, архиман-
 дрит Хутынский 55, 59
- Дамский К. Ф. 567
 Даниловский (Данилевский) Н. И.
 137, 138, 140
 Данько Е. Я. 90
 Дасье А. 226
 Дашков Я. 567
 Дашкова Е. Р. (урожд. Воронцова)
 74, 134, 135, 204, 209, 570
 Двигубский И. А. 167
 Де Фелличе Ф. Б. 170—172, 175, 176,
 178, 187
 Дебольцев И. Н. 567
 Дегрефф, купец из Крефельда 261
 Дейч А. 241
 Декер Г. Я. младший 258
 Декер Г. Я. старший 258
 Демкова Н. С. 570
 Демская А. А. 552
 Денз М. 151
 Державин Г. Р. 3, 75, 82, 96—98,
 115, 159, 203—214, 217, 221—
 253, 328, 369, 434, 439, 440, 555,
 567—571
 Державина Д. А. (урожд. Дьякова)
 159
 Державина Е. Я. (урожд. Бастидон)
 208, 213
 Дерюгин А. А. 549
 Дерюгина Л. В. 109
 Дёмин А. О. 37, 165, 238, 239, 244,
 265, 446, 571
 Джанумов С. А. 564
 Джелли Дж. Б. 140
 Джибелли К. 45, 46
 Дзанарди Д. 47
 Дзанони А. 50
 Дзюбанов С. Д. 159
 Дидро Д. 133, 134, 171, 175, 186,
 188—195
 Дмитрий Иоаннович Донской, ве-
 ликий князь Московский 349,
 350
 Дмитрий Ростовский 8, 117
 Дмитрий Сеченов 54, 56, 60, 61, 67
 Дмитрий Фессалоникийский 553
 Диоген Синопский 178
 Дмитревский И. А. 120, 121, 130,
 137, 567
 Дмитренко А. А. 45
 Дмитриев И. И. 107, 109, 110, 114,
 210, 222, 340, 508
 Дмитрисв М. А. 79
 Добролюбов Н. А. 556

Долгова С. Р. 152, 163, 211
Долгоруков Ю. В. 230
Донич А. 541
Дора К.-Ж. 143, 144
Достоевский Ф. М. 312
Доценко В. Д. 564
Дранше Ж. 155
Драншев П. П. 155
Дрейер Джованни 46
Дрейер Домсико (Драире, Драй-
ер, Дрезр) 46
Дружериуков А. 96
Дружинин П. А. 438
Дубинин С. И. 93
Дьяков А. А. 159
Дюваль-Пиро 183
Дюлак Ж. 187, 192
Дюмон Ф. 76
Дятлов С. А. 21

Евгений Болховитинов, митрополит Киевский 60, 98, 100
Евреев Данила, комиссар Московской типографской конторы 70
Евреинов Н. Н. 49
Евстафий Могилянский 55, 56, 60, 70
Егоров Б. Ф. 560
Екатерина I, российская императрица 68, 71, 264
Екатерина II, российская императрица 63, 71, 72, 134, 156, 170, 188—192, 194, 195, 198, 199, 201, 202, 204, 206, 209, 213, 214, 232, 233, 268, 313, 319, 321, 343, 349, 354—359, 362, 363, 368, 428, 433, 436, 438
Елагин И. П. 75, 96
Елеонская А. С. 553, 556
Елизавета Петровна, российская императрица 52—55, 57, 60, 61, 70, 72, 98, 124, 204, 266, 363
Елизаветина Г. Г. 556
Ельчанинов Б. Е. 567
Епифаний Кипрский 12
Ермин И. П. 13
Ермак Тимофеевич 303
Ермакова-Битнер Г. В. 210, 211
Ермуратский В. Н. 545, 548
Ефимова И. С. 332

Жандр А. А. 373
Живов В. М. 63, 82, 221, 556
Жирмунский В. М. 39
Жмакин В. И. 186
Жукова А. С. 499
Жуковский В. А. 80, 107—109, 111—115, 119, 122, 125, 242, 243, 248, 325, 548, 550

Заборов П. Р. 133, 145, 547
Заведсев П. 53
Загоровский Н. И. 170, 183
Загоскин М. Н. 507
Зайцева А. А. 313, 315
Зайцева Д. А. 88
Зайцов П. А. 154
Западов А. В. 221, 546, 548
Западов В. А. 541, 569
Зернова А. С. 52
Зиновьев С. С. 133, 137
Зинольд фон Шютц Ф. Б. 91
Злобин К. В. 570
Зорин А. Л. 303, 354, 432, 557
Зотов Г. К. 154
Зотов Р. М. 125
Зубов Алексей, гравер 75
Зубов А. Н. 230, 234
Зубов В. П. 53
Зубов П. А. 230
Зубрилов Н. 567
Зуев В. Ф. 201
Зульцер И. Г. 176

Иванов Андрей, расходчик московской синодальной лавки 67, 69
Иванов Иван, диакон 55, 56
Иванов Иван, лавочник 70
Иванов Л. 567
Игнатович В. С. 374
Иероним Волчанский 55, 56
Иерузалим И. В. Ф. 179, 180, 185
Измайлов А. Е. 148
Иларион Савинский (Григорович) 54
Илизаров С. С. 563
Ильинский Н. С. 166
Ильин-Томич А. А. 100
Илюшин А. А. 548, 560
Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский 186

- Иноходцев П. Б. 201
 Иоаникий Скабовский 68
 Иоанн Кослович 55
 Иоанн IV Васильевич Грозный,
 русский царь 351, 356
 Иоанн VI Антонович (Иоанн III),
 наследник российского пре-
 стола 49, 205
 Иоанн Змилевский 55, 56
 Иоанн Комаровский 56, 66
 Иоанн Максимович 508
 Иоасаф Хотунцевский 68, 69
 Иоахим И. Ф. 199
 Ионин Г. Н. 162
 Иосаф Горленко 70
 Ирошников М. П. 21
- Каганович А. 190
 Каллубовский А. 427
 Казанова Джакомо 36, 46, 356, 360,
 361
 Казанова Джованна (Дзанетта) 36
 Калачева С. В. 550, 556
 Калверт 142
 Калининков П. 356
 Калленбах Ф. 86, 92
 Калуга И. М. 167
 Калугин В. 561
 Кальвин Ж. 30, 32, 33
 Калюжная Л. В. 542
 Каменева Т. Н. 52
 Кампистрон Л. 169
 Канаев И. И. 200
 Каниц Ф. Р. Л. фон 88, 92
 Канн Э. 255
 Кантаровский Я. И. 568
 Кантемир А. Д. 3, 74, 75, 117, 235—
 237, 540—564, 568
 Кантемир Д. К. 544—546, 548—
 550, 558, 559, 564
 Кантемир К. Ф. 544
 Кантемир М. Д. 541
 Капнист А. А. (урожд. Дьякова)
 159
 Капнист В. В. 159, 205—214, 219,
 225—227, 229, 236, 344, 571
 Каптерев П. Ф. 21
 Карамзин Н. М. 3, 5, 6, 12, 80, 100,
 101, 103, 106—108, 114, 115,
 123, 137, 151, 161, 167, 179, 180,
 222, 254, 281, 310, 328, 331,
 339, 340, 344, 429, 437—439
- Каратыгин А. В. 242
 Карин Ф. Г. 96
 Карион Истомирин 8
 Карл Великий, император Запада
 83
 Карп С. Я. 188, 193
 Карпова Е. 510
 Картавов П. А. 369
 Карху Э. 326
 Кастигон Ж. 182
 Катенин П. А. 240, 244, 373
 Кафенгауз Б. Б. 20, 29
 Квливидзе Н. В. 83
 Кёпке Б. 158
 Кирилл Флоринский 54, 56, 57, 68
 Кирилл Туровский 13
 Кирилов И. К. 93
 Кислова Е. И. 52, 64, 65
 Кислова М. М. 221
 Кларк С. 171, 172
 Клейн И. 221, 235, 255, 562
 Клепиков С. А. 369
 Климент, митрополит Калужский
 и Боровский 186
 Клипеков А. Ф. 75
 Клоостергюйс Ю. 254, 264, 265
 Клуг, капитан прусской гвардии
 277
 Кнабе Г. С. 236, 370
 Княжнин Я. Б. 3, 74, 123, 124, 127,
 197, 339, 342—344, 346—349,
 368—374, 567—569
 Коваленко Конон, унтер-офицер
 прусской гвардии 272
 Коваленский (Ковалинский) М. И.
 141, 142, 149
 Ковальченко И. Д. 23
 Козлов М. 53
 Козлова А. И. 568
 Козодавлев О. П. 145, 206
 Коломбо Ф. 46
 Колпашников А. Я. 75
 Кольчев В. П. 150, 151
 Кольцеллини М. 361
 Коляда А. Я. 265
 Комиссаров С. И. 568
 Кондаков И. В. 556
 Кондакова Т. И. 52
 Кондильяк Э. Б. де 290
 Кондратович К. А. 139
 Кононко Е. Н. 210, 211, 230
 Константин Павлович, российский
 великий князь 200

- Константинов Т. В. 568
 Копанев Н. А. 550
 Копаница (Копаниця) Л. Н. 547, 549, 550
 Копелевич Ю. Х. 545
 Коперник Н. 24, 32
 Коппе Ф. 193
 Корберон, шевалье 195
 Корнеева И. 356
 Корнель П. 3, 91, 94, 124, 368—375
 Корнель Т. 373
 Коровин В. Л. 436
 Коровин Г. М. 90
 Королев С. В. 188, 192
 Корф И. А. 355, 362, 363, 365
 Костин А. А. 73, 155, 302, 499, 503
 Котельников С. К. 201
 Котельницкий А. М. 221, 222
 Котов А. 319
 Кох К. 85
 Кохановский Я. 543, 553
 Коцебу А. Ф. фон 351
 Кочеткова Н. Д. 132, 137, 142, 145, 153, 157, 166, 173, 253, 289, 325, 329, 438, 503, 558, 570
 Кочнева Е. В. 73
 Кочубей В. П. 430
 Кошелев В. А. 105, 559
 Кошелева О. Е. 22, 30
 Краевский Г. 568
 Крамер И. Г. 270
 Крамер И. Е. (урожд. фон Притцен) 270
 Крамер К., купец в Потсдаме 270, 271
 Крафт Г. В. 92
 Крафт Л. Ю. 316, 317
 Крашенинникова О. А. 560
 Кривошеева В. А. 545
 Кроленко А. А. 565
 Кролик Феофил 552, 558
 Крузиус Х. А. 176, 177
 Крылов И. А. 74, 75, 107, 108, 178, 348, 337, 338, 344
 Крылов Т. С. 179, 180
 Крюгер А. Л. 265
 Крюденер Ю. 500
 Кузнецов В. А. 564
 Кузьмин А. И. 155
 Кукушкина Е. Д. 3, 156, 160, 323, 368, 565, 571
 Кукушкина М. В. 369
 Кулакова Л. И. 288, 302, 543
 Кумок М. В. 550
 Купреянова И. П. 557
 Куракин А. Б. 438
 Курбский А. М. 552
 Курганов Н. Г. 158, 159
 Курелла В. 342
 Курилов А. С. 548
 Курукин И. В. 362
 Кусов И. Г. 571
 Кутузов А. М. 145, 146, 147, 148, 149, 359
 Ла Попиньер А. Ж. Ле Риш 137, 138
 Лаба Н. О. 186
 Лабзин А. Ф. 186, 303, 500, 512, 516, 523, 527, 530, 534, 535
 Лабзина А. Е. 499, 534
 Лавров С. 3. 151
 Лагарп Ф. Ц. 430, 440
 Лаговской Г. 126, 129
 Ладыженский М. А. 166
 Ладыженский Н. А. 166
 Лазарчук Р. М. 149, 302, 571
 Лакомб Ж. 196, 199, 202
 Ламберт де, маркиза (А. Т. де Маргена де Курсель) 178, 179
 Лампе А. 254
 Ланская А. Н. 533
 Ланской Д. С. 319
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 144, 152, 164, 203, 213
 Латышина Д. И. 21
 Лафатер И. К. 289
 Лафермьер Ф. Г. 194
 Лафонтен Ж. де 98, 102, 103, 106, 107, 120
 Лебедева О. Б. 558
 Леванидов Яков, обер-секретарь Синода 66
 Левин Ю. Д. 159, 242, 248, 369, 563
 Левинтон Г. А. 562
 Левитт М. 93, 353, 568
 Левицкий А. А. 221
 Левицкий Д. Г. 152, 153, 204
 Лево М. 370
 Левшин В. А. 167, 568
 Левшин П. Г. 568
 Лежандр Ж. Г. 192
 Леконт Л. (П. Граф) 175
 Лексель А. И. 317, 318
 Леманн-Карли Г. 173, 186
 Лемуан Ж. Б. 192

- Ленин (Ульянов) В. И. 177
 Ленц Х., мясник в Берлине 262
 Леонов В. П. 570
 Леонов И. С. 561
 Леонов С. А. 543, 544
 Леопольд, принц Ангальт-Дессауский 265
 Леспехин И. И. (Иван Иванов) 97, 196—202
 Леспехин М. П. 141, 142, 196
 Лессинг Г. Э. 39, 161, 343
 Лествиц Г. С. фон 278, 279
 Лжедмитрий I, московский царь (Григорий Отрепьев) 351
 Либрехт А. 341
 Либрович С. Ф. 189
 Либуркин Д. Л. 558
 Линнсей К. 200
 Литтлтон Дж. 326
 Лихачев Д. С. 213, 566
 Лобанов М. Е. 239, 240, 241, 243, 244
 Логинов, откупщик 565
 Лоден д'Эгалье П. 370
 Локателли Дж. Б. 361
 Локателли Ф. 554
 Локк Дж. 179, 184, 306
 Ломбарди Р. 50
 Ломоносов М. В. 15, 65, 73—84, 89, 90, 96—105, 108—110, 112, 114, 116, 117, 126, 145, 189, 200, 204, 205, 209, 212—214, 226, 227, 236, 344, 354, 541, 544, 549, 551, 556, 558, 560
 Лонгинов М. Н. 354
 Лопе де Вега Карпио 370
 Лопухин И. В. 146, 147, 183
 Лосенко А. П. 194
 Лотман Л. М. 566
 Лотман Ю. М. 101, 107, 146, 148, 222, 256, 439
 Лознштейн Д. К. фон 88, 92
 Лубьянович К. А. 148
 Лузанов П. 237
 Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский 432
 Луиза Доротея, герцогиня Саксен-Готская 193
 Лунин С. М. 204
 Лунин Ф. Н. 204
 Луппов С. П. 52, 67, 86—88, 91, 93
 Луцевич Л. Ф. 558, 559, 560
 Львов Н. А. 74, 84, 96, 144, 152, 159, 164, 204, 208—214, 217—219, 566
 Львова Е. Н. 238, 244, 246
 Львова М. А. (урожд. Дьякова) 159
 Львова П. Н. 567
 Людовик XIV, французский король 107, 127, 206, 346
 Людовик XV, французский король 192, 193
 Люллий (Луллий) Р. 8
 Люстров М. Ю. 557, 563
 Лютер Вильгельм 280
 Лютер М. 22, 24, 25, 26, 30—35
 Люттих И. Ф. Л. 271, 274, 282, 286
 Мадан И. К. 563
 Мадариага И. де 359
 Мадонис А. 46
 Мадонис Л. 46, 366, 367
 Мажуга В. И. 83
 Маиелларо Л., см. Майелларо Д.
 Майелларо Д. 541, 556, 558, 559
 Майков В. И. 96, 548, 567, 568
 Майков Л. Н. 126
 Макаров А. А. 557
 Макаров М. Н. 500
 Макаров П. И. 156
 Макогоненко Г. П. 100, 288, 289, 305, 315, 541
 Максим Грек 76
 Максимович Л. М. 319, 320
 Максимович М. А. 500, 504, 510
 Малыгин, вологодский уездный судья 322
 Мальчукова Т. Г. 221
 Мангер Г. Л. 266, 267, 270
 Мандельштам О. Э. 116, 118
 Мануцио П. 160
 Манькова Л. В. 559
 Марасинова Е. Н. 144
 Маре Г. 188
 Мариво П. К. де 89, 94
 Марин С. Н. 339
 Мария Федоровна, российская императрица 517
 Маркелл Родышевский 54, 56, 61, 68, 69, 71
 Маркелл Хрисанфов 56
 Мармонтель Ж. Ф. 141, 339, 563
 Мартын Задска 569
 Мартынов И. Ф. 135, 183, 186, 200, 209, 565, 566

- Марченко Н. А. 107, 222, 256
 Матинский М. А. 568
 Матюшкина А. Н. 517
 Махновец Т. А. 565
 Мегерле И. У. (Абрагам а Санта Клара) 90—92
 Медведева И. Н. 243, 349
 Мейер, купец из Франкфурта-на-Майне 261
 Мейерхольд В. Э. 39, 49
 Мейснер А. Г. 157
 Мейсон Дж. 146
 Мелиссино И. И. 179
 Мельгунов А. П. 94
 Мемё Ж. 156
 Менаж Ж. 182
 Меншиков А. Д. 88, 356
 Менье де Керлон Ф. Г. 136
 Мерзляков А. Ф. 95, 101, 117, 122—124, 130
 Метастазо П. 238, 361, 362
 Меттер М. 547, 555
 Мефодий Смирнов 72
 Мещерский А. И. 212
 Миклашевский К. М. 49
 Миллер Г. Ф. 173, 174
 Милли де 165
 Мило (К. Ф. К.), аббат 184
 Мильтон Дж. 7, 77
 Милюков П. Н. 23
 Милютин В. Г. 122, 123
 Мингард де Буало Г. Ж. А. 177
 Миних Б. Х. 358
 Миних И. Э. фон 87
 Мира П. (Педрилло) 46
 Миронов В. Ф. 564
 Миропольский Л. С. 80, 83
 Митрофан, епископ Тверской 56
 Митрофанов С. М. 164
 Михаил Красильников 55, 56, 66, 68
 Михаил, лейб-гвардии конной иерей 56
 Михайлов А. В. 10, 11
 Михеева Т. С. 543
 Михельсон Ш. И. 153
 Мицкевич А. 553
 Модзалевский Б. Л. 500, 507
 Моисеева Г. Н. 140, 344, 543, 544, 546, 547, 557, 563, 568
 Молва Н. М. 325
 Молчанов, вельский соляной пристав 322
 Мольер Ж. Б. 91, 94, 182
 Монтень М. 38
 Монтестье Ш. Л. 548, 558
 Монье А. 290
 Моозер Р. А. 37, 40, 44—47
 Мопертюи П. Л. Моро 171
 Мориц Ученый, ландграф Гессен-Кассельский 90
 Морозов А. А. 10, 77, 89, 92, 543
 Морозова Г. В. 221, 222, 224, 235, 236
 Морозова Н. П. 211
 Мосалов (Мосолов) П. 568
 Мошерош И. М. 86, 92
 Мстиславская Е. П. 95, 123
 Муллин В. Н. 156, 571
 Мульатули В. М. 241
 Муравьев И. М. 210
 Муравьев М. Н. 74, 96, 115, 204, 237
 Муравьев Н. А. 72
 Муравьева С. П. 72
 Мусин-Пушкин А. А. 210
 Мухин Е. О. 167
 Мюнстер фон из Эрлангена 260
 Надеждин А. Е. 123, 124
 Назарова Н. В. 500
 Назарьев А. П. 568
 Наполсон I Бонапарт, французский император 111, 243, 349, 431, 432, 434
 Нарышкин А. В. 134
 Наталья Алексеевна, русская царица 567
 Науменко В. Г. 325, 503
 Неверов Я. М. 559
 Невская Н. И. 545
 Негруци К. 541
 Неслов П. А. 506
 Незеленов А. И. 122, 130, 173, 174, 185
 Нейбер К. 368
 Нейкирх Б. 89, 92
 Нейнингер Ф. 270, 271
 Нскрасов Н. А. 116, 117, 552
 Нсмирович-Данченко В. И. 374
 Нечасва В. С. 112
 Никитина А. Б. 152
 Николаев Д. П. 557
 Николаев С. И. 73, 139, 142, 235, 503, 540, 552—555, 562—564, 570

- Николай Л. Г. (Андрей Львович) 194
 Николай Ф. 256, 259, 260, 265—271, 274, 276, 278
 Николай I, российский император 430
 Николай Ефремов, диакон 55, 56
 Николай Спафарий 77
 Николев Н. Н. 438
 Николев Н. П. 3, 96, 153, 209, 424—443, 446
 Николев П. М. 438
 Николози Р. 556
 Новиков В. В. 155, 156, 368
 Новиков Н. А. 158
 Новиков Н. И. 5, 136, 137, 142, 146, 169, 172, 173, 175, 177, 178, 180, 182, 183, 185—187, 201, 325, 362
 Новицкая Т. Е. 359
 Норманн Ф. К. 321
 Ньютон И. 544
- Оболенский А. 182
 Овидий Назон Публий 7, 87, 88, 91
 Овсянников Ю. 554
 Оглезнева Г. В. 180
 Одесский М. П. 552, 557, 560
 Одоевский В. Ф. 507
 Озерецковский Н. Я. 201
 Озеров В. А. 102—104, 108, 121, 123, 125, 127, 335, 342, 343, 346, 349, 352
 Озеров Е. 570
 Огороков В. 337
 Окулов Г. А. 241, 244
 Олесарий Адам 93
 Оленин А. А. 373
 Оленин А. Н. 210, 339, 518
 Оленин П. А. 325—340
 Оленина В. А. 331, 339, 373
 Оленина Е. М. 213
 Олешев А. В. 159, 160
 Олин В. Н. 240, 567
 Олсуфьев Адам Васильевич 3, 94, 353—367
 Олсуфьев Алексей Васильевич 354
 Олсуфьев А. Д. 356
 Олсуфьев В. Д. 354, 356
 Олсуфьев Д. А. 354, 356, 358, 363
 Олсуфьев М. Д. 356
 Олсуфьев С. А. 359
- Олсуфьева А. А. 354
 Олсуфьева А. И. (урожд. Сенявина) 356
 Олсуфьева Е. (урожд. Холлендер) 356
 Олсуфьева С. (урожд. Туксен) 363
 Ольга, княгиня Киевская 426, 433, 436
 Опиц М. 88, 92
 Орлов О. 544
 Осипов Н. П. 152, 153, 160, 161
 Осокин И. П. 139
 Остерман И. А. 318
 Остман Р. 264, 265, 266, 275, 284
 Остолопов Н. Ф. 108
 Островский А. Н. 130
 Острогорский П. П. 163
- Павел I, российский император 50, 194, 321, 322, 430, 437, 441
 Павленко Н. И. 20
 Павленков Ф. 556
 Павлов Василий, расходчик синодальной типографской лавки 67, 70
 Павлов-Сильванский Н. П. 20
 Палладжо А. 277
 Паллас П. С. 200
 Панаев И. И. 143
 Панибратцев А. В. 564
 Панин П. И. 357, 437, 438
 Панов С. И. 553, 557
 Панофски Г. 254, 255, 268
 Панофский Э. 77
 Панфилова Е. М. 557
 Панченко А. М. 4, 6, 7, 11, 552
 Папанелопуло Д. 360
 Паперно И. 221
 Парамонова М. К. 562
 Пассалакка Ла (Д'Аффлизио Морепри Э.) 50
 Пастернак Б. Л. 116
 Патен А. Ж. Г. 239
 Патканов К. 559
 Патрици Ф. 80
 Патт П. 193
 Пейдж Т. 289, 290, 299, 300, 305
 Пекарский П. П. 48, 81, 107
 Перети В. Н. 40, 43, 49
 Перруччи А. 42
 Пертичи П. 46
 Песков А. М. 548, 552

- Петр I, российский император 8, 20, 53, 61, 71, 72, 77, 83, 85, 88, 91, 93, 107, 188, 190, 191, 194, 195, 264, 266, 275, 321, 334, 354, 356, 357, 428, 558, 570
- Петр II, российский император 264
- Петр III, российский император 63, 88, 94
- Петр Алексиев 72
- Петр Гребневский 71
- Петров А. А. 167
- Петров В. П. 96, 115
- Петров Л. А. 545
- Петров П. И. 569
- Петрунина Н. Н. 112
- Петухов Е. В. 129
- Петухов И. 569
- Пигаль Ж. Б. 192
- Пигарев К. В. 546, 551
- Пиков В. И. 171
- Пиксанов Н. К. 543
- Пиндар 98, 209, 213, 214
- Пинель Ф. 307, 308
- Пинчук А. Л. 221, 226, 227
- Пиратинская Д. Л. 321
- Писарев А. И. 241, 244
- Писарев Д. И. 556
- Писаренко К. А. 506
- Пихлер И. Ф. 167
- Плавильщиков В. А. 200
- Плавильщиков П. А. 344, 567, 569
- Плавинская Н. Ю. 170
- Плаксин В. Т. 104, 116, 123, 124
- Платнер Э. 179
- Платон Левшин, митрополит Московский 53, 63, 570
- Платон 78, 79, 435
- Платон Малиновский 55, 68
- Платон Петрункевич 68
- Платон Сарский 55
- Платонов Д. Н. 20
- Плетнев П. А. 6, 326
- Плещесв С. И. 142
- Плещесвы 167
- Плиний Гай Секунд Старший 192, 201
- Плутарх 134, 135, 426
- Плуцер-Сарно А. 354
- Плюханова М. Б. 140
- Плюшар А. А. 511
- Погодин М. П. 28, 259, 260
- Погосян Е. А. 80
- Пожарский Д. И. 432
- Покровский В. И. 128
- Полевой Н. А. 124, 126, 429, 507, 508, 511
- Полежаев Т. 154
- Поленов В. 323
- Поленов В. А. 199
- Поливанов Л. И. 239, 370, 374
- Поликарпов Ф. 559
- Полиньяк М. де 544
- Полонская И. М. 196, 200
- Поммеренинг М. 352
- Поморцев П. 569
- Попов А. 21, 23
- Попов И. В. 569
- Попов М. И. 136, 137, 138, 344
- Попов Х. Н. 162
- Поповский Н. Н. 90, 236
- Порта Б. 370
- Порфирий Крайский 54
- Порфирьев И. Я. 129, 130
- Посошков И. Т. 20—35, 545, 552
- Потемкин Г. А. 109, 197, 230, 231
- Поуп А. 88, 552
- Походяшин Н. М. 518, 533
- Прийма Ф. Я. 544
- Приклонской П. 178
- Приленский В. И. 548
- Прославиц, прусский гренадер 272
- Прозоров Ю. М. 109
- Прокопович-Антонский А. А. 227
- Протасов А. П. 201
- Протасов П. И. 186
- Протопопов А. 569, 570
- Протопопов М. 571
- Прянишников Ф. И. 510, 536
- Прянишникова В. А. (урожд. Леонрод) 510, 536
- Пуассон Ж. А., маркиза Помпадур 145
- Пумпянский Л. В. 15, 94, 557, 558
- Пуссен Н. 77
- Пустовойтов В. 569
- Путкаммер фон 259
- Пуфендорф С. 178
- Пухов В. В. 143, 152
- Пуччи В. 544
- Пушкин А. М. 241, 243
- Пушкин А. С. 104, 105, 107, 109, 110—112, 114, 115, 119, 120, 122, 124—126, 130, 238, 244, 507, 548, 552, 557, 562
- Пушкин М. А. 143
- Пьюцци Г. Л. 310, 311

- Рагозин Никифор, комиссар Московской типографской конторы 70
- Радищев А. Н. 3, 74, 145—150, 154, 288—312, 343, 359, 561, 569
- Рази Л. 50, 51
- Разумовский А. Г.
- Разумовский К. Г. 237
- Рак В. Д. 155, 158, 163, 169, 170, 177, 183
- Рамзей (Рамзэй, Рамзэ) Э. М. 91
- Рамлер К. В. 222, 223
- Ранчин А. М. 555
- Расин Ж. 98, 102, 104, 118, 124, 125, 128, 238—253, 368
- Растягаев А. В. 561, 562
- Рафаэль Санти 204—208, 210, 212—214
- Ревелли Дж. 235
- Рейзин М. В. 504
- Рейналь Г. Т. Ф. 182, 184
- Рейхель И. Г. 142
- Реомюр Р. А. 193
- Решетников А. Г. 72, 160, 570, 571
- Рижский И. С. 98, 108, 160, 569, 571
- Риккони Л. 544
- Рипа Ч. 77—80, 83
- Ристори Т. 36
- Рихтер И. 257
- Рихтер Х. Ф. 170, 172—174, 176
- Роболи Т. 329
- Ровинский Д. А. 76
- Рогачевская М. А. 21
- Рогович М. Д. 553
- Рождественская М. В. 12
- Рождественский С. В. 236, 237
- Рожкова Т. И. 571
- Рожнов А. 165
- Розен Г. 357
- Рознотовский А. В. 161, 163, 164
- Ролло Дж. VIII лорд Данкраб 259
- Романовский Я. И. 166
- Рор К. Ф. фон из Ганцера 258, 259
- Росси Л. 76, 77
- Ротман И. Ф. 91
- Рубан В. Г. 75, 76, 142, 570
- Рубановский А. К. 359
- Рубо П. Ж. А. 311
- Рудкина Е. Г. 560
- Румовский С. Я. 201
- Румянцев П. А. 357
- Румянцев С. П. 96
- Рунич Д. П. 500
- Руссеев Е. 545
- Руссо Ж. Ж. 184, 305
- Рут фон, поручик из Стокгольма 259
- Рыкачев Д. М. 571
- Рычков А. В. 109, 571
- Рюкерт, домовладелец в Берлине 259
- Рюрик, князь Новгородский 347, 348, 350, 425
- Саади 91
- Савелов Н. П. 152
- Савельева Е. А. 80, 173
- Савельева Л. И. 221
- Саверкина И. В. 88
- Сазонова Л. И. 568, 571
- Сакко (Сакки), актерское семейство 36—51
- Сакко Адриана 37, 39, 43, 44, 46, 50
- Сакко Антонио Джованни 37—44, 46, 47, 50, 51
- Сакко Гаэтано 39, 47, 48, 50
- Сакко Дженнаро 50
- Сакко Либера 39
- Сакко Нина (урожд. Франки) 37, 39, 47
- Салова С. А. 558—560
- Салтыков Н. И. 231
- Салтыков С. В. 156, 157, 571
- Сальери А. 370
- Самарин А. Ю. 316
- Самойлов А. Н. 197
- Сандунов Н. Н. 571
- Санин Федор, лавочник 70
- Сантель Ж. де' (Сантиол) 182
- Сапов Н. 354
- Сапфо 209
- Саси К. Л. Н. де 163
- Сафаралиева Д. 194
- Сварт, коллекционер в Петербурге 318
- Светлов Л. Б. 145
- Свифт Дж. 89, 94, 549
- Свищев А. 571
- Свиясов Е. В. 235
- Святополк II Изяславич, князь Киевский 427
- Святослав Игоревич, великий князь Киевский 425, 426, 429, 433, 436, 439

- Седых Г. 548
 Семеников В. П. 368
 Семенова Е. В. 557
 Семенова Е. С. 241, 243, 244
 Семенова Л. Е. 558
 Сементковский Р. И. 556
 Семивский Н. В. 166
 Сенека Луций Анней 38
 Сен-Констан Ж. Ферри де 201
 Сен-Ламбер Ж. Ф. де 162, 163
 Сент-Марк, книгопродавец в Мо-
 скве 314
 Сенявин И. А. 356
 Сервантес М. Сааведра 88, 94
 Сергеев А. 571
 Сергов А. И. 438, 504
 Серман И. З. 12, 543, 545, 551, 553—
 555, 557, 563
 Сигал Н. А. 242, 370, 374
 Сидней Ф. 87, 91, 94
 Сильвестр Кулябка 54, 55, 68
 Сильвестр Медведев 8
 Симанков В. И. 169, 175, 183
 Симеон Полоцкий 8
 Симон Тодорский 63, 64
 Синьковский Д. Н. 571
 Сиповский В. В. 40, 130, 499
 Склейнис Г. А. 559, 561
 Сковорода Г. С. 75, 141
 Скуратов П. П. 240
 Смилянская Е. Б. 28
 Смирдин А. Ф. 510, 511
 Смирнов М. М. 571
 Смирнов С. 236
 Смит Д. 547
 Смолич И. К. 53
 Собакин М. Г. 357
 Соваж Ф. де 308, 309
 Соймонов Ф. И. 91
 Соколов 238
 Соколов А. В. (Саша) 312
 Соколов Н. П. 201
 Соколов П. А. 571
 Соколова Е. 546
 Солери Ф. 39
 Солнцев В. 129
 Соловьев В. Н. 49
 Соловьев П. К. 569, 571
 Соловьев С. М. 429
 Солодовников Е. А. 150
 Сом П. П. 313—324
 Сомов В. А. 88
 Сомов О. М. 241, 243
 Сопиков В. С. 163
 Сорен Б. Ж. 288, 293, 304
 Сорен Ж. 183, 185
 Сорокин Ю. С. 548
 Софронович В. И. 148
 Софронов П. 183
 Софронова Л. А. 10, 566
 Сошкин Е. 4, 6, 11, 15
 Срезневский В. И. 52
 Стабили А. 46
 Сталин (Джугашвили) И. В. 345
 Станиславский Кирилл Сергеевич
 150
 Старикова Л. М. 37, 45, 567
 Старк В. П. 555
 Стенник Ю. В. 95, 107, 150, 155, 205,
 212, 549, 550, 568
 Степан, прусский гренадер 271,
 274, 282, 284—286
 Степанов В. П. 95, 134, 136, 153,
 160, 164, 222, 354, 356, 357, 362,
 363
 Степанов Г. В. 552
 Степанова Л. Г. 79
 Степанюк Е. И. 571
 Стерн Л. 330, 333
 Стефан Боявинский 57
 Стефан Калиновский 54, 61, 64, 66,
 71
 Стефан Левицкий 55, 56, 66, 68,
 70
 Стефан Савицкий 54, 56, 59, 60, 63,
 68, 69
 Стефан Яворский 8, 28, 31—34, 75
 Столпянский П. 315
 Стоюнин В. Я. 128, 130, 556
 Страхов Н. И. 155
 Стрекалов Н. 122
 Стрелер Дж. 38
 Строганов А. Г. 7
 Строганов А. С. 500
 Строганова (Строгонова) М. Я. 6,
 7, 9
 Стросв П. М. 59
 Струговщиков А. С. 571
 Струйский Н. Е. 96, 120
 Ступин П. 316
 Стурдза А. С. 186
 Стэкхаус Т. 175
 Суворин А. С. 374
 Сульпассо Б. 353, 354
 Сумароков А. П. 3, 48, 74, 90, 93,
 95—131, 205, 228, 342—346,

- 350, 351, 354, 355, 357—359,
427, 548—550, 557, 562
Сухомлинов М. И. 97, 201, 357, 358,
360
- Таиров А. Я. 49
Тассо Т. 545
Татаринов А. В. 214
Татарина Е. Ф. 533
Татаринцев А. Г. 143
Татищев В. Н. 14, 91, 93, 426, 427,
429, 545, 552
Татищев П. А. 356
Таубман Ф. 90
Тейль Н. 286
Теплов Г. Н. 356
Терехов С. 544
Тернер А. А. 319
Терновский Ф. 53
Тетени М. 235
Тидке, комиссар в Потсдаме 282,
284—286
Тик Л. 39
Тимофеев Л. В. 331
Тимофеев П. 571
Тимофей Щербачкий 65
Тит Ливий 369, 370
Титов Н. С. 571
Тихонравов Н. С. 28, 122, 130
Толстой А. Г. 138
Толстой Д. А. 237
Толстой Д. Б. 319
Толстой Л. Н. 76
Толстой Н. И. 554
Томашевский Б. В. 107
Тонелье Л. де Бретеиль 361
Топорков А. 353
Топоров В. Н. 4, 6, 7, 11, 12, 16, 17
Тохтамыш, татарский хан 350
Травников С. Н. 562
Тревиман Мюллер, прусский при-
дворный ювелир 282
Треднаковский В. К. 3, 5, 8, 14, 18,
40, 75, 79—82, 89, 90, 96, 105,
106, 112, 113, 190, 212, 236, 357,
362, 541, 544, 547, 549, 555, 558,
560—562
Трофимова Н. С. 89
Трубецкой Н. Ю. 545
Тукалевский В. Н. 175
Тулл Гостилий, римский царь 369
Туманский Ф. В. 318
- Тураев С. В. 542
Тургенев А. И. 101, 239, 325
Тургенев И. П. 145—147, 158
Тургенев Н. И. 239
Тучков С. А. 240, 241
Тьеполо Дж. Б. 555
Тютчев Ф. И. 244
- Уваров С. С. 511
Умикян А. Д. 241
Успенский Б. А. 107, 222, 256
Утпатель С. 277
Ушаков Ф. В. 145, 149, 303
- Фавье Ж. Л. 361, 363
Файбисович В. М. 331
Фальконе Э. М. 188—190, 192—195
Федоров В. И. 544, 552, 563
Федоров Федор, расходчик сино-
дальной типографской лавки
67, 69, 70
Федоровская Л. А. 555
Федр 98, 108
Фенслон Ф. 91, 94, 136
Феодор Дмитриев 157
Феодор Дубянский 59
Феоктист, архимандрит Троицкого
Калязинского монастыря 183
Феофан Прокопович 8, 53, 54, 68,
74, 80, 81, 117, 368, 545—547,
550, 552, 553, 558
Феррари И. 47
Феррацци М. 36, 562
Фессар Э. 73, 76, 83
Фетюкова Е. В. 561
Фик А. 270, 276
Филарет Гумилевский 60
Филатов С. Б. 30
Филдинг Г. 91, 94
Филиппов А. 571
Финкельштейн И. Л. 241
Фичино М. 79
Флеминг П. 93
Флери А. Э. де 544
Флориан Ж. П. 326
Фоменко И. Ю. 229, 232, 313, 323
Фомин С. В. 548, 551, 554
Фонвизин Д. И. 49, 74, 110, 137, 237,
315, 343, 344, 561, 562
Фонтенель Б. ле Бувье 548, 551, 553,
554, 556

Франке А. Г. 172
Франциски Э. 89
Фрэйтаг, бургомистр Потсдама
283, 284
Фрелих И. 278
Фридендер Г. М. 551
Фридрих II, прусский король 184,
260, 266—268, 271, 283, 284
Фридрих Вильгельм I, прусский
король 261, 264, 265, 267—271,
274, 281, 283, 284
Фридрих Вильгельм III, прусский
король 275
Фриз Г. X. 571
Фризман А. Г. 117
Фризов, купец из Глогау 261
Фролов Э. Д. 190, 191, 236
Фуко М. 307
Фундаминский М. И. 199
Фурсенко В. В. 146
Фьоретти А. 46

Хакс П. 341—352
Ханенко А. И. 571
Харлампович К. В. 54, 55
Хасанбаев П. X. 547
Хатчинсон У. 185
Хвостов Д. И. 74, 98, 239, 240
Хвостов Д. С. 502, 517, 533, 535
Хвостова А. П. (урожд. Храскова)
3, 303, 499—514, 516, 518, 519,
527, 535, 539
Хексельшнайдер Э. 341, 343
Хемницер И. И. 96, 143, 188, 209, 210
Херасков М. М. 74, 96, 97, 98, 112,
115, 117, 137, 548, 569
Херасков П. М. 501
Хиляев Е. Г. 521, 527, 530, 531
Хлебников П. К. 142
Хованский Г. А. 161, 162
Хольцендорф фон, братья из Укер-
марка 259
Хомяков Е. П. 162
Хомяков П. З. 160
Хотеев П. И. 85, 89, 90
Храповицкий А. В. 229, 233
Худякова И. В. 21
Хютль-Фольтер Г. 550—556

Царевский А. А. 20, 22, 25, 27, 29,
31, 32

Цельтер К. Ф. 254
Циглер Г. А. фон 87, 88, 92
Циммерман, военный советник из
Штеттина 261
Циммерманн И. Г. 309, 314, 315, 322
Цинкгреф Ю. 93
Цицерон Марк Туллий 38, 139, 237,
360
Цицианов Д. 571
Цуркану В. 551
Цявловский М. А. 112, 113

Чайковский М. И. 374
Чарторыйский (Чарториж-
ский) А. Ю. 432, 433
Чарторыйский К. А. А. К. 433
Чекурина Н. Е. 302
Чепегов А. И. 373
Чепуров А. А. 118
Чердаков Д. Н. 564
Черкасов А. И. 358
Черкасов И. А. 358
Черкасов И. И. 358
Черная Л. А. 557
Черневский Р. 571
Чернуску А. 176
Чернышев З. Г. 147
Чернышева А. В. 552
Чернышева А. Р. (урожд. фон Ве-
дель) 147
Чернышева Л. В. 558
Чернышевский Н. Г. 127
Чернявский О. 571
Чеславский И. Б. 244
Чехов А. П. 312
Чижевский Д. И. 11, 544
Чистяков О. И. 359
Членов А. М. 425
Чулков М. Д. 336
Чупрянов Андрей, секретарь си-
нодальной типографии 66

Шаванн С. А. 177
Шаликов П. И. 167, 508
Шанновиц К. М. (урожд. Видашик,
Видершик) 279, 280
Шапель К. Э. (Люилье) 182
Шарпантье Л. 153
Шафиров П. П. 88, 89
Шаховской А. А. 373
Шаховской А. Н. 571

- Шаховской Я. П. 359
 Шварц И. Г. 175, 179, 184
 Шварц, бургомистр из Магдебурга 259
 Шереметев Н. П. 150, 151
 Шереметев П. Б. 155
 Шестаков Андрей, расходчик синодальной типографской лавки 67, 69
 Шиллер И. Ф. 240, 303, 344, 351
 Шиловский П. 327
 Шильдер Н. К. 430
 Шимановский, Шивановиц, Шавановиц, Шиванович, Шанневиц, Хиванович Казимир, прусский гренадер 272, 274, 275, 277—281, 283, 284
 Шиппан М. 264
 Ширинский-Шихматов С. А. (иеромонах Аникита) 186
 Шишкин А. Б. 567
 Шишков А. С. 97, 101—103, 106, 108, 112, 113, 120, 431
 Шмидт Х. 557
 Шнабель И. Г. 87
 Шпенер И. К. 550
 Шпилькер Г. Э. фон 557
 Шредер Г. Я. 514
 Шруба М. 151
 Штакенштейндер Е. А. 514
 Штарк, виноторговец в Берлине 260
 Штелин Я. фон 94, 353—367
 Штендер Г. Ф. 147
 Штернеманн, домовладелец в Потсдаме 277
 Штёрт Д. 132
 Штрайх С. Я. 432
 Штранге М. М. 140
 Штукин Д. П. 239
 Шувалов И. И. 105
 Шумахер И. Д. 81, 237
 Шумигорский Е. С. 437
 Шустов М. 319
 Шух, театральный деятель в Потсдаме 267, 271
- Щеглов Ю. К. 560
 Щекатов А. М. 319, 320
 Щербатов М. М. 97
 Щербацкая Е. 265
- Щербацкий Василий, православный священник в Потсдаме 265, 266, 268, 274
 Щербацкий Ф. В. 265, 266
- Эзоп 86, 91
 Эйб А. фон 90
 Эйлер И. А. 186
 Эйлер Л. 186
 Эккарстгаузен К. фон 534
 Эмин Н. Ф. 571
 Эмин Ф. А. 198, 290
 Эпине Л. Ф. П. Тардые Декламель Ла Лив д' 191
 Эрмано Ф. 47
- Юм. Д. 309
 Юнг Э. 147
 Юнкер Г. Ф. В. 94
 Юровская Е. Е. 563
 Юсупов Н. Б. 105
 Юэ П. Д. 87
- Ягов фон из Альтмарка 259
 Языков Н. М. 507
 Янкович де Мириево И. Ф. 571
 Янкович де Мириево Ф. И. 571
 Янов С. Н. 149
 Ястребов М. 571
 Ястребов Е. 138
 Яценко Г. М. 157
 Яцын С. 165
- Altmann E. 172
 Arlt K. 272
 Assézat J. 190
- Ballhorn Fr. 263
 Baracchi Bavagnoli M. 551, 552
 Barta P. I. 221
 Bartlett R. 173, 186
 Basaglia E. 359
 Benda O. 257, 258
 Bestermann Th. 188
 Birkfellner G. 561
 Blasberg A. 225, 227
 Boss V. 544
 Brezianu A. 549

Brown W. E. 547
Busch W. 221, 223, 235, 237
Byrd Ch. 221

Cândea V. 549, 550, 559
Cholevius L. 92
Ciobanu Ș. 558
Cîrstea C. 549
Cornea P. 541
Cross A. 260, 441
Crugot 186

Davis A. A. 308
De Michelis C. G. 353,
De Mikelis C. S. 548
Degen J. F. 235
Degener 281
Desaint, libraire 193
Di Salvo M. 555
Dixon S. 235
Donato C. 171
Drage C. L. 541
Drews P. 169
Đurišin D. 552
Duzinchevici D. 545

Etkind E. 553

Farrell D. E. 353
Fontane Th. 258, 278
Fortuny C. 187
Fraanje M. 235
Frank Ch. 193
Freud S. 294
Friend A. M. 83

Geoffroy J. L. 244
Giersberg H. J. 272
Giesemann G. 549
Göres B. 264
Grasshoff A. 343
Grasshoff H. 343, 541, 542, 545
Grimsted P. Kennedy 432
Grotefend H. 265, 274
Günther K. 343

Hagedorn F. von 235, 236
Hahn P. M. 264
Hanser C. 259

Harea V. 558
Hédouin J. B. A. 184
Heier E. 194, 289
Heines J. J. 257
Hildebrandt E. 193
Hofmann E. 177
Houdon J. A. 193
Hübener K. 264
Hughes L. 441, 555
Hüttl-Folter G., см. Хютль-Фоль-
тер Г.

Jakubowski W. 544
Jaymebon N. A. 181
Jean-Richard P. 76
Jordan A. 280
Jung K. C. 265, 276

Käuffler J. F. 181
Kažoniks M. 236, 237
Keipert H. 542
Kluz B. 553
Kochanowski J., см. Кохановский Я.
Krasser H. 235

Labille-Guiard A. 193
Lang D. M. 288, 294
Larmour D. H. J. 221
Lauer R. 543
Lauer T. 546
Le Mercier, libraire 193
Lechur C. 546
Lehmann V. 546
Lemny S. 542, 562
Lempereur J. G. 193
Lentin A. 558
Leonhardt J. 222
Lomellini A. 553
Luther H. 280
Lütteken L. 222
Lyncker A. 281

Maccabze E. 170
Marette P. J. 193
Mathies U. 193
McConnell A. 288, 294, 299
Meintema A. 551
Menant C. 236
Mihaila G. 559

Miller P. A. 221
Mosebach M. 346
Müller A. sen. 345

Olms G. 268, 269
Oppermann H. 227
Orłowski J. 559
Otten F. 561, 562

Paltanea P. 552
Pelc J. 543
Perret J. 227
Pietsch W. J. 235, 236
Podossinov A. 235
Ponomareff C. V. 551
Pott U. 222
Poulet A. 193

Rammelmeyer A. 546
Redston D. 546
Reichelt S. 186
Reihe A. 76
Reissner E. 343
Ressel G. 561
Ricotier P. 171
Rosendahl G. 222, 223
Roth G. 190

Saillant, libraire 193
Schenk D. 545
Schmid U. 229
Schmidt E. A. 235, 237
Schneider 264
Schoeps J. H. 264

Sedina G. 558
Segel H. B. 541
Silbajoris (Šilbajoris) R. 541, 545
Smith D. S., см. СМИТ Д.
Spalding 186
Stemplinger E. 223, 235
Stender 186
Strycek A. 237
Suino M. E. 541
Syndikus H. P. 228

Tatarkiewicz W. 77
Teodorescu V. 541
Throl 157
Tourneux M. 190
Trilse Ch. 342, 345

Urbahn de Jauregui H. 342, 345, 346

Venturi F. 553
Vesper W. 254

Warda A. 134
Weber R. 342
Widascheck L. 280
Wilson A. 193
Winkler 257
Wytrzens G. 343

Zadura B. 541
Zelle K. 222
Zernits M. 359
Zinn E. 227

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
СТАТЬИ	
<i>П. Е. Бухаркин</i> (Петербург). Поэма П. Бусласва «Умозрительство душевное» в литературном движении Петровской эпохи	4
<i>А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева</i> (Челябинск). Западнохристианское «зловерие» во взглядах И. Т. Посошкова	20
<i>М. Феррацци</i> (Падуя). Петербургское турне семейства Сакко (1733—1734)	36
<i>Е. И. Кислова</i> (Москва). Издание придворных проповедей в 1740-е годы	52
<i>С. И. Николаев</i> (Петербург). Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии	73
<i>П. И. Хотеев</i> (Петербург). О знакомстве русских читателей первой половины XVIII века с немецкой художественной литературой	85
<i>Н. Ю. Алексеева</i> (Петербург). Репутация Сумарокова-поэта в начале XIX века	95
<i>А. Ю. Веселова</i> (Петербург). Трагедии Сумарокова в русской критике XIX века	118
<i>Н. Д. Кочеткова</i> (Петербург). Дружеские посвящения в русских изданиях XVIII века	132
<i>В. И. Симанков</i> (Харьков). Из разысканий о журнале «Вечерняя заря» (1782)	169
<i>С. В. Королев</i> (Петербург). Надпись на «Медном всаднике»: вариант Дидро	188
<i>М. П. Лепехин</i> (Петербург). Об Иване Ивановс	196
<i>К. Ю. Лапто-Данилевский</i> (Петербург). К истории дружеской полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» (1789)	203
<i>И. Клейн</i> (Беркли). Мудрость Горация и автобиографический принцип в лирике Державина. (Стихотворение «На умеренность»)	221
<i>А. О. Дёмин</i> (Петербург). Державин — переводчик «Федры» Ж. Расина	238

<i>Г. Панофски</i> (Принстон). Приезд Карамзина в Берлин и его встреча с русским ветераном в Потсдаме. Факты вместо вымыслов. Перевод <i>А. О. Дёмина и Е. Ю. Козиной</i>	254
<i>Р. Бодэн</i> (Страсбург). «Дневник одной недели» А. Н. Радищева: реальное время русского сентиментализма	288
<i>А. А. Костин</i> (Петербург). «Воззри на лишенного рассудка...» («Дневник одной недели» как гносеологический опыт А. Н. Радищева)	302
<i>И. Ю. Фоменко</i> (Москва). Фактор типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса П. П. Сом: из истории русской книжной торговли конца XVIII века	313
<i>Л. Г. Агамаян</i> (Петербург). Книга П. Г. Гагарина «Тринадцать дней, или Финляндия» и пародия на нее П. А. Оленина «Тринадцать часов, или Приютино»	325
<i>Э. Хексельмайндер</i> (Лейпциг). «Русские пьесы» немецкого писателя Петера Хакса и его источники (Сумароков, Княжнин, Озеров)	341

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Б. Сульпассо</i> (Пиза). Письма А. В. Олсуфьева к Я. Я. Штелину из Копенгагена	353
<i>Е. Д. Кукушкина</i> (Петербург). Трагедия П. Корнеля «Гораций» в переводе Я. Б. Княжнина	368
<i>М. Г. Альтшуллер</i> (Питтсбург). История и аллюзии: неопубликованная трагедия Н. П. Николаева «Светослав»	424
<i>А. А. Костин</i> (Петербург). Материалы к биографии А. П. Хвостовой	499

БИБЛИОГРАФИЯ

Материалы для библиографии сочинений А. Д. Кантемира и литературы о нем (1966—2010). (К 300-летию со дня рождения). Составил <i>С. И. Николаев</i>	540
Хронологический список трудов Елены Дмитриевны Кукушкиной. Составил <i>А. О. Дёмин</i>	565
Список сокращений	572
Указатель имен	573

Научное издание

XVIII ВЕК

СБОРНИК 26

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук*

Редактор издательства Н. М. Пак
Технический редактор Е. Г. Коленова
Корректоры О. В. Гусихина, Н. И. Журавлева,
Ф. Я. Петрова и М. Н. Сенина
Компьютерная верстка Е. С. Егоровой

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 01.06.11. Подписано к печати 20.10.11.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37.5. Уч.-изд. л. 37.6.
Тираж 800 экз. Тип. зак. № 4006. С 204

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038259-6

9 785020 382596

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТА»

ФРАНЦУЗСКАЯ БАСНЯ И ЭПИГРАММА

Начиная с античности басня и эпиграмма, бок о бок, совершили удивительный многовековой марафон. Достигнув Франции, они заняли на ее Олимпе одно из самых почетных мест. Еще в XV веке составил себе известную эпиграмматическую эпитафию Франсуа Вийон. По-настоящему же эпиграмму и басню открыл для французов Клеман Маро, продолжавший в поэзии старые традиции и сочетавший их с новыми веяниями. В следующем XVII столетии лучшим баснописцем всех времен и народов стал Лафонтен, а в эпиграмме всех превзошли великие драматурги Расин и Корнель и сатирик Буало. В XVIII, «золотом веке» французской эпиграммы, неподражаемыми были Вольтер, Ж.-Б. Руссо, Пирон, а честь басни защищал Флориан, в XIX веке острословам не уступал Лебрен-Пиндар, в басне новые ходы нашел Антуан Арно, в XX веке несколько веских острот преподнес крупнейший поэт Аполлинер, а корифей драматургии Жан Ануй выпустил целую книгу своих новаторских басен. Оба жанра, басня и эпиграмма, признанные жемчужинами французской литературы.

Ознакомиться с информацией об Издательстве, планах выпуска и наличии книг для реализации можно на сайте Издательства www.naukaspb.com.

